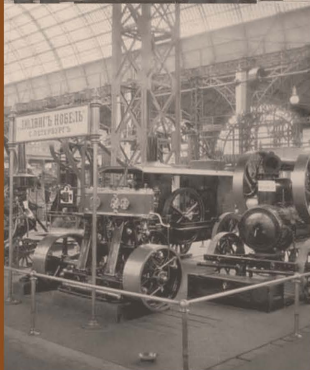

2020

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЯКШЕ ИСТОРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ежегодник

2020

Институт российской истории РАН

Центр экономической истории ИРИ РАН

Научный совет РАН по экономической истории

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Центр экономической истории при Историческом факультете

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ежегодник

2020

Москва
2021

ББК 63.3(2)5-6+65.9(2РОС)
УДК 94(47)
Э 40

Редакционная коллегия:

*Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы), Н.М. Арсентьев,
С.А. Афонцев, А.А. Бессолицын (ответственный секретарь), С.В. Журавлев,
В.Н. Захаров, В.В. Кондрашин, Г.Е. Корнилов, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов,
А.М. Маркевич, М.Ю. Мухин, С.А. Саломатина, А.К. Сорокин*

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2020. — М.: Институт российской истории РАН, 2021. — 532 с.

ISBN 978-5-8055-0394-9

В очередном выпуске Ежегодника имперский период истории России представлен статьями, посвященными проблемам становления таможенных органов Крымского полуострова после его присоединения к империи, речной транспортной инфраструктуры поздней имперской России, формирования управленческих кадров электротехнических компаний в условиях модернизации страны, экономической повседневности казаков во второй половине XIX — начале XX вв. В рамках того же периода исследуется динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России, а также индустриализация золотоплатиновой промышленности Урала. Отдельное исследование посвящено развитию семейных фирм Зиминых за 1810–1918 гг. История финансов и банков представлена статьей, в которой прослежена эволюция региональных кредитных учреждений Новгородской губернии XIX — начала XX в. Вопросы советской и постсоветской экономики рассматриваются в ряде исследований. Специальная статья посвящена дискуссии о хозрасчете на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (1931). Внешнеэкономические связи рассмотрены на примере советско-синьцзянского проекта по разведке, добыче и переработке нефти в 1935–1955 гг. Помимо этого исследуются мобилизационная подготовка железных дорог СССР в 1927–1935 гг., развитие тяжелой промышленности по генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг., приватизация в России в 1990-е годы. Раздел по аграрной истории включает исследования сельского хозяйства России и аграрной политики самодержавия в конце XIX — начале XX вв., а также аграрной политики 1990-х гг. Историографический раздел составляют публикации, рассматривающие основные тенденции в исследовании «фронтира» в западной историографии и итоги изучения аграрной экономики России второй половины XIX — начала XX вв.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кого интересует экономическая история России.

ISBN 978-5-8055-0394-9

© Коллектив авторов, 2021

© Институт российской истории РАН, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск Ежегодника «Экономическая история» традиционно посвящен широкой проблематике экономической истории России дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Всего в сборник включено 17 статей, авторами которых выступают ученые из Москвы, Екатеринбурга, Крыма, Оренбурга, Самары, Великого Новгорода; зарубежную историографию представляет статья китайского специалиста по экономической истории России.

Сборник открывает **раздел «Экономическая история Российской империи»**.

Статья **Н.Д. Борщик** посвящена становлению таможенных органов Крымского полуострова после присоединения его к Российской империи. Автор провел анализ кадрового состава, материально-технического и финансового обеспечения, основных направлений деятельности и их вклада в социально-экономическое развитие региона в конце XVIII – начале XIX вв. Сделан вывод о том, что меры, предпринятые российскими властями по модернизации таможен Таврической области, а позднее – Таврической губернии, вполне отвечали вызовам времени и особенностями внутренней и внешней политики России. В работе **Чжан Гуансяня** рассматривается речная транспортная инфраструктура позднеимперской России и ее роль в экономическом развитии страны. Автор приходит к заключению, что функцию главного средства передвижения и обеспечения грузооборота водный транспорт утратил лишь к 1913 г., когда основным способом транспортировки товаров стала железная дорога.

Статья **А.А. Бессолицына** посвящена менеджменту акционерных компаний в России на рубеже XIX–XX вв. Автор сосредоточился на деятельности управленческого звена акционерных обществ, поскольку именно эта форма объединения частного капитала в условиях перехода к экономической модернизации в России описываемого времени становится основной. Главное внимание уделено электротехнике – инновационной для России того времени отрасли производства.

Е.Е. Годовова на основе этнографических описаний, материалов периодической печати, источников личного происхождения и других изучает российское казачество. Независимо от географического расположения казачьих войск и особенностей их формирования автор отмечает схожесть повседневной жизни казаков во второй половине XIX – начале XX века. Исследование **Д.В. Диденко** сфокусировано на процессах накопления человеческого капитала в европейской части Российской империи в период «запуска» экономического роста страны. Источниковой базой его исследования стали губернаторские отчеты второй половины XIX – начала XX вв. В исследовании **Е.Ю. Рукосуева** и **Г.Н. Шумкина** рассматривается техническое и технологическое развитие золотоплавиной промышленности Урала на рубеже XIX–XX веков. Показаны изменения в способах и извлечения золота из золотосодержащих пород, делается вывод, что в добыче благородных металлов на Урале шел процесс индустриали-

зации. В статье **Г.Н. Ульяновой** с применением микроисторического подхода и на основе обширного комплекса источников рассмотрено функционирование семейных фирм в России XIX века на примере четырех поколений династии текстильных фабрикантов Зиминых.

Раздел «История финансов и банковского дела» представлен статьей **Я.А. Васильева**, в которой исследуются кредитные учреждения Новгородской губернии в начале XIX — начале XX веков. Изучаются цели и задачи их деятельности, место в системе кредитных учреждений страны, условия работы, непосредственные результаты и влияние на хозяйственную жизнь губернии, отношения с властями. Отдельное внимание уделяется составу клиентов и персоналу, прежде всего, руководству.

Важное место в Ежегоднике традиционно занимает **раздел «История советской и постсоветской экономики»**.

Раздел открывает статья **М.А. Фельдмана**, в которой рассмотрена дискуссия на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 1931 г. как частный случай столкновения двух основных векторов развития советской экономики — индустриального и форсированного «социалистического строительства». **Ю.В. Евдошенко** разрабатывает историю советско-китайского проекта 1935—1955 гг. по разведке, добыче и переработке нефти на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР в контексте советских геополитических и экономических интересов. В статье **М.Ю. Мухина** на документах ГА РФ представлен анализ мобилизационной подготовки советских железных дорог в 1927—1935 гг. **М.А. Симонов** в своем исследовании, выполненном с использованием материалов РГАЭ и РГАСПИ, рассмотрел проекты развития тяжелой промышленности в Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951—1970 гг., нацеленном на построение коммунизма в СССР в течение 20 лет. Завершает раздел статья **Р.Г. Кирсанова**, посвященная анализу приватизационных процессов в Российской Федерации в 1990-е гг. Автор подчеркивает, что приватизация как трансформация института собственности в России в рассматриваемый период, как и в других постсоциалистических странах, представляла собой не просто создание частного сектора в экономике, но являлась одной из наиболее значимых сфер институциональных изменений в российском переходном обществе.

Проблемы российской **аграрной истории** рассмотрены в статьях **В.В. Кондрашина** и **О.М. Вербицкой**. **В.В. Кондрашин** изучает особенности развития сельского хозяйства и аграрной политики самодержавия в конце XIX — начале XX вв., а также дискуссию на эту тему в российской и зарубежной историографии. Автор указывает, что основным содержанием развития сельского хозяйства страны явилась его рыночная модернизация (капитализация), причем на то же была направлена и аграрная политика самодержавия. В статье **О.М. Вербицкой** исследуется рыночная аграрная реформа как основное направление государственной политики на селе 1990-х гг. Автор отмечает, что если первая программа предусматривала постепенную реализацию преобразований, то под нажимом западных экспертов их пришлось проводить форсировано и в крайне сжатые сроки. Среди методов рыночных преобразований преобладала либерализация цен, разгосударствление и приватизация земли, раздача земельных

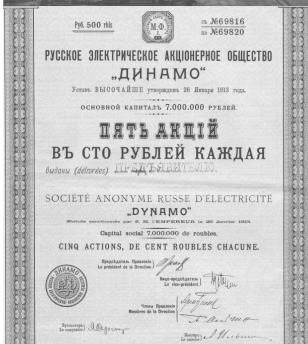
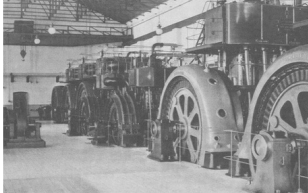
паев, перевод предприятий на рыночные формы работы и пр. Автор приходит к выводу, что эти преобразования нередко проводились чисто формально и своей цели не достигали.

Историографический раздел открывает статья **В.Н. Косторниченко**, которая посвящена анализу западных исследований по проблемам «фронта», содержания этого термина и его эволюции, экономическому «фронтиру» как отдельному направлению историко-экономической науки. Автор отмечает тесную связь исследований «фронта» с государственной политикой и современным политическим дискурсом США («Проект 1619»). **Н.Ф. Тагирова** подводит итог дискуссиям 1960-х – 1990-х гг. по проблемам аграрной истории, рассматривает вклад советских специалистов-аграрников в изучение истории поздней Российской империи, анализирует источниковую базу их работ.

Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.А. Бессолицын

КОНТОРА
ЗУЕВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ
Торгового Дома
ЗИМИНЫХЪ.
1901

Экономическая история Российской империи

Таможенные органы Крымского полуострова в конце XVIII — первой половине XIX века: деятельность, кадры, товарооборот¹

Аннотация: Изучение различных аспектов деятельности российских таможен принадлежит к числу важных задач, стоящих перед современным обществом и государством: поиск новых экономических рычагов логично приводит к восстановлению функций таможенных органов как регулятора внешнеэкономических связей, стабилизации финансовой системы и пр. События «Русской весны» 2014 г. вернули Крымский полуостров в состав Российской Федерации. Сложные интеграционные процессы, проблемы адаптации к современным российским реалиям не только властных структур всех уровней, но и крымского социума в целом заставляют обращаться к историческому опыту государственного строительства, взаимодействию политических и социальных институтов общества, поэтому уместно провести историческую параллель между событиями двухсотлетней давности и настоящим временем. Крыму, который несколько столетий играл ключевую роль во внутренней и внешней торговле страны в Азовско-Черноморском регионе, необходимо возрождение своих позиций и в современной российской реальности.

Основная цель настоящей статьи состоит в изучении таможенных органов, существовавших в Крыму в конце XVIII — середине XIX в., в том числе анализе кадрового состава, материально-технического и финансового обеспечения, основных направлений деятельности и их вклада в социально-экономическое развитие региона.

Источниками стали документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Республики Крым (ГАРК). Привлечены также документы краеведческих отделов и отделов редкой книги крупнейших крымских библиотек — научной библиотеки им. А.Х. Стевена «Таврика», научной библиотеки им. И. Франко, научной библиотеки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь).

Ключевые слова: Российская империя, XVIII—XIX вв., Крымский полуостров, таможенные органы, таможенная политика.

В настоящее время возрастает научный и практический интерес к изучению роли и функций таможенных органов, их места в государственном устройстве и управлении, что объективно требует всестороннего исследования истории, опыта, традиций российской таможенной службы. Решение современных государственных задач, а именно: создание единого экономического пространства, формирование общего финансового и сырьевого рынков, интеграция в мировую экономику, международную торговую систему напрямую связано с национальной безопасностью страны и невозможно без

* Борщик Наталья Дмитриевна — доктор исторических наук, исторический факультет Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, arktur4@rambler.ru.

¹ Статья написана по итогам реализации гранта РФФИ «Таможенные органы Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи конца XVIII — середины XIX века», проект № 18-09-00480.

адекватной государственной таможенной политики, проводниками которой выступают российские таможенные органы. Значительный интерес в этом плане представляют вопросы обновления отечественной таможенной системы, перехода на международные правила таможенного контроля на основе взаимного сотрудничества с таможенными службами стран Запада и Востока.

Таможенные органы Республики Крым ведут свою историю с конца XVIII столетия. В 1783 г. Крым официально стал частью Российской империи, правящие круги которой использовали сложившуюся ситуацию для разработки новых методов управления и регулирования всех сфер жизнедеятельности на вновь приобретенных территориях. После присоединения Крымского ханства на полуострове развернулось активное государственное строительство по российскому образцу. Деятельность в Крыму российских таможенных органов получила эпизодическое освещение в контексте изучения развития внешней торговли в Азово-Черноморском регионе², проектов реформирования таможен³, опыта регионального государственного строительства⁴. Необходимо отметить, что в отечественной историографии присутствует определенный дисбаланс в изучении таможенных учреждений. Несмотря на множество научных трудов, посвященных отдельным аспектам деятельности российских таможен, имеется ряд важных, но малоизученных тем. Вызвано это отчасти тем, что представители разных историографических направлений используют различную методику, закономерно приходя к разным результатам; кроме того, целые группы источников до сих пор остаются не введенными в научный оборот.

Попытки изучить деятельность российских таможенных органов предпринимались неоднократно. Еще в конце XIX в. было опубликовано исследование К.Н. Лодыженского⁵, ставшее первым в изучении истории таможенной политики России⁶. В последующее столетие появилось множество работ, носящих, в основном, описательный и беллетристический характер, с приведением фактов из истории отечественной таможенной службы в общероссийском⁷ и региональном⁸ масштабах. Современные исследования о функционировании таможенных учреждений Азовско-Черноморского региона немногочисленны и в основном посвящены историко-правовым⁹ и экономическим¹⁰ аспектам. Вклад в изучение этой проблематики внесла и автор этих строк¹¹.

² См.: *Радайде Д.С.* Развитие таможенных учреждений Таврической губернии с 1819 по 1914 г. // *Закон и жизнь.* 2012. № 2. [Электронный ресурс] URL: <http://www.legeasivata.in.ua/archive/2013/10-2/54.pdf> (дата обращения 19.11.2020 г.)

³ См.: *Головки Ю.И.* Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII — начало XIX в.) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета.* 2014. № 17. С. 83–107.

⁴ См.: *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011.

⁵ *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886.

⁶ *Кулишер И.М.* Очерки по истории таможенной политики. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.

⁷ См., напр.: *Кисловский Ю.Г.* История таможи государства Российского. М.: Автор, 1995.

⁸ См., напр.: *Солонченко Е.А.* Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007.

⁹ *Радайде Д.С.* Указ. соч.

¹⁰ *Третьякова Г.А.* Таможенные органы в государственном механизме Российской империи XVIII в. // *Вопросы экономики и права.* 2011. № 33. С. 22–27.

¹¹ См.: *Борщук Н.Д.* Кадровый состав Евпаторийской портовой таможи Таврической губернии в 1860-е гг. // *Научный вестник Крыма.* 2017. № 5 (10). URL: <http://nvk-journal.ru> (дата обращения: 19.11.2020 г.)

Период правления Екатерины II по праву считается важнейшим этапом в истории территориальных приобретений России. Включение в 1783 г. в ее состав Крымского полуострова современник комментировал так: «Щедроты, обещания, распоряжения, все было потреблено, чтоб без кровопролития очистить путь в Крым... Сим мирным договором императрица Всероссийская сделалась обладательницей такой страны, которая со временем весьма процветет»¹². В силу своего географического расположения и исключительно благоприятных природно-климатических условий полуостров занимал и занимает важное место в торговой и таможенной политике страны. Изначально были намечены перспективы развития этих территорий: «С того времени, как Крым составляет часть Российской империи, всевозможные употреблены средства, чтоб возродить ему прежнюю славу и восстановить великий торг генуэзцов»¹³. 1784 г. стал годом открытия первых российских таможенных учреждений на Крымском полуострове — Феодосийской и Гёзлёвской (Козловской) портовых таможен (позже Евпаторийской). Керченская таможня была учреждена позже, в 1821 г.¹⁴

По указу «Об устройстве новых укреплений на границах Екатеринославской губернии» от 10 февраля 1784 г. был основан город Севастополь, «где ныне Ахтияр и где должно быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение»¹⁵. Первоначально Севастополь рассматривался исключительно как военно-морской форпост Российской империи на южных рубежах страны. Затем правительство, «видя недействительность употребленных к утверждению основания сего торгу и стараясь привести оный на некоторую степень силы и прочности, без коей ему невозможно устоять, решилось перенести в Ахтияр Правление херсонского судходства и предоставить для торговли обширные здания по берегу реки»¹⁶.

В основу деятельности крымских таможенных учреждений легло «Положение о тарифе Крымского полуострова, изданного Шагин-Гиреем и ордера Крымского полуострова на перегон скота по тарифу». Этот документ, датированный 15 сентября 1783 г., давал представление о сумме таможенных пошлин, размер которых колебался от двух до десяти процентов.

Таблица 1.

Положение о тарифе Крымского полуострова 1783 г.

	процента
Материи ис шелку без серебра и золота ткани	2 ½ от ста
Пушной тариф всякого рода	10 тож
3 бумаги хлопчатой	8 тож
С разного латочного мелочного товару	5 тож

Источник: Феодосийская портовая таможня, рассчитано по: ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1285. Оп. 2. Д. 62. Л. 3, 5 об.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 221; Ф. 369.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1838. (ПСЗ РИ). Т. XXII (1784–1788). № 15929. С. 21–22.

¹⁶ РГИА. Ф. 1285. Оп. 2. Д. 62. Л. 5 об. – 6.

Отметим, что упомянутое Положение было основано на принятом ранее тарифе для таможенных учреждений на побережье Черного и Азовского морей. 4 августа 1775 г. императрица утвердила доклад графа Б.К. Миниха «О правилах привоза и отвоза товаров при портах Черного моря» с приложением «Тарифа для оных портов». В нем, в частности, отмечалось: «на все привозимые к портам Черного моря турецкие, левантские и греческие, а отсюда туда вывозимые российского продукта товары, для поощрения к торгу уменьшить пошлины против ныне действующего Санкт-Петербургского 1766 г. тарифа четверною долею, оставляя все европейские товары с прежнею по тому тарифу пошлиной, равно, как и те отпускаемые товары, кои весьма малой оной платили». В «высочайшей» резолюции говорилось: «Быть посему; а где учредить порты и таможенные заставы, о том снести с генерал-губернатором графом Потемкиным и его в этом определению следовать»¹⁷.

5 сентября 1782 г. был утвержден порядок сбора пошлин с провозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров, «поставленный между Российской Империей и Портой Оттоманской»¹⁸. Этот норматив часто именуют «черноморским», так как он касался преимущественно интересов Крыма и именно здесь получил наибольшее применение¹⁹. В целях поощрения торговли на побережье Черного и Азовского морей в новом тарифе предусматривалось снижение ставок пошлин на одну четверть по сравнению с другими регионами России: «Для выгодности и пользе обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контактируемым державам во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порты позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ея гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное... Позволяет также Блистательная Порты в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием». Таможенным тарифом 1782 г. понижалось в среднем до 2 % обложение импортируемого сырья, а также устанавливалась пошлина в 20 % на предметы роскоши, и в 30–40 % — на товары, производившиеся в России в достаточном количестве. На большинство импортных товаров устанавливалась пошлина в 10 %²⁰.

Помимо названных таможенных учреждений на территории Крымского полуострова действовали Кагальницкая, Балаклавская, Еникальская (вблизи Керчи) и Кинбуринская таможни. Известно, что изначально граница России с Крымским ханством проходила по Азовскому морю, где существовали две таможни — Перекопская и Арабатская; после вхождения Крыма в состав Российской империи эти таможенные учреждения утратили свой международный статус и стали внутренними, оставшись практически без работы. Именно

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. XX. № 14355. С. 193–196.

¹⁸ Там же. Т. XXI. № 15506. С. 665.

¹⁹ Борщик Н.Д. Таможенный (Черноморский) тариф 1782 г. и проекты его изменения // Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал. 2018. № 2 (13). URL: <http://nvk-journal.ru> (дата обращения: 30.11.2020 г.)

²⁰ ПСЗ РИ. Т. XLV. Книга тарифов: Общее дополнение к тарифам (1753–1825). С. 37.

это обстоятельство стало поводом для «всеподданнейшего» доклада президента Коммерц-коллегии князя Г.П. Гагарина и последовавшего указа от 22 декабря 1799 г. «О восстановлении таможен и застав на Таврическом полуострове». К документу прилагалось штатное расписание таможен, застав и таможенного «присмотру»: Козловской (Евпаторийской), Ахтиярской (Севастопольской) и Кефийской (Феодосийской) таможен — по 46 чел., Керченской и Еникалейской застав — по 8 чел. Оговаривались и другие штатные должности: «таможенный присмотр надзирателей» — 3 чел., объездчиков — 65 чел., таможенный инспектор — 1 чел. и при нем один писец.

Планировались суммы, которые предполагалось потратить на восстановление таможенных учреждений Таврической губернии. По Козловской, Ахтиярской и Кефийской таможням: «На расход для письмоводства и прочие надобности по 250 руб.; на содержание и починку шлюбок по 920 руб.; на починку таможенных строений по 400 руб.; всего с суммами на жалованье каждой таможне по 5 702 руб.» По Керченской таможней и Еникальской заставе: «На расход для письмоводства и прочие надобности по 100 руб.; на содержание и починку шлюбок по 340 руб.; на починку таможенных строений по 100 руб.; всего с суммами на жалованье каждой таможне по 1416 руб. Всего по Таврическому полуострову 26 593 руб.»²¹

На таможенные учреждения Крымского полуострова возлагались и другие важнейшие государственные задачи — кроме сбора таможенных платежей, контроля над ввозом-вывозом товаров и ведения статистики осуществлять контроль за движением населения через границу, а также защищать внешние рубежи страны.

Из нормативных документов видно, что их должностные лица были разделены на две группы: таможенных управителей и таможенных служителей. К первым относились стемпельмейстер, вагмейстер (или вагенстемпельмейстер), пакгаузный (амбарный) инспектор и экер. В штате также состоял цолнер, надзиравший за сбором таможенных пошлин. Их должностные полномочия были закреплены в инструкциях, которые выдавались Коммерц-коллегией. Стемпельмейстер отвечал за приложение таможенной печати, участвовал в производстве досмотра товаров; вагмейстеры занимались взвешиванием «весовых товаров».

В обязанности пакгаузного инспектора входил прием товаров и их хранение, гавенмейстера (смотрителя гавани) — назначение мест стоянок вновь приходящим судам и наблюдение за порядком в гавани, поддержание чистоты в порту. Контролер должен был наблюдать за состоянием законности в таможни, выявлять и пресекать злоупотребления, осуществлять все фискальные процедуры в соответствии с уставными нормами. Кассиры вели приходные и расходные ведомости. В штате таможен состояли канцеляристы, готовившие проекты документов, а также подканцеляристы и копиисты, отвечавшие за изготовление копий документов. К «нижним чинам» таможен относились пешие и конные объездчики, досмотрщики, переводчики и квартирмейстеры²².

²¹ Там же. Т. XLIV. Книга штатов. С. 572.

²² Борщик Н.Д., Прохоров Д.А. Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII — середина XIX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 8–16. URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 01.12.2020 г.)

Для анализа кадрового состава крымских таможен нами были использованы материалы формулярных списков их служащих. Практически все они являлись переселенцами из внутренних губерний Российской империи и вместе с членами своих семей принимали активное участие в хозяйственном освоении вновь приобретенного региона. В нижеприведенной таблице показан именной состав Феодосийской портовой таможни на конец 1790-х г. с указанием суммы жалования.

Таблица 2.

**Чиновники и служащие Феодосийской портовой таможни
в конце XVIII в.**

Должность, чин, имя	Жалование (руб. в год)
Директор секунд-майор Христофор Туманов	500
Полнер капитан Иван Карачук	300
Контролер Иван Христофоров	200
Пакгаузный инспектор Федор Чернявский	150
Кассир Николай Залесский	150
Обер-объездчик Яков Петров	150
Экер Иван Патаниотов	150
Вагенстемпельмейстер Савва Нечаев	120
Гаваньмейстер Николай Михамет	100
Канцелярист Петр Харченков	130
Подканцелярист Иван Федоров	100
Копиисты: Петр Дубосаров, Осип Нагорный	по 60
Шесть досмотрщиков	по 50
Объездчики: 6 конных и 4 пеших	по 70 и по 50
Квартермистр	40

Источник: Таврическая областная казенная палата, рассчитано по: ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–17.

Аналогичные сведения имеются по Евпаторийской таможне на конец 1850-х г.

Таблица 3.

**Чиновники и служащие Евпаторийской портовой таможни
в середине XIX в.**

ФИО, должность	Жалование (руб. в год)
Шарков Виктор Васильевич, управляющий	464 руб. 9 коп.
Прендель Александр Викторович, член таможни	388 руб. 40 коп.
Паншин Афанасий Семенович, секретарь	238 руб. 83 коп.
Эйтминович Аполинарий Францевич, бухгалтер и выкладчик пошлин	238 руб. 83 коп.

ФИО, должность	Жалование (руб. в год)
Павловский Александр Константинович, переводчик	238 руб. 83 коп.
Калинин Сергей Павлович, вагстемпельмейстер	238 руб. 83 коп.
Дембровский Митрофан Константинович, корабельный смотритель и кораблемер	194 руб. 28 коп.
Буркацкий Иван Иванович, Чернов Александр Сильвестрович, канцелярские чиновники	137 руб. 5 коп.
Болсуновский Иван Павлович Маяцкий Евлампий Павлович Маленко Василий Степанович, писцы	137 руб. 5 коп.

Источник: Начальник Крымского таможенного округа, рассчитано по: ГАРК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 12, 34.

Из Таблиц 2 и 3 видно, что за пятьдесят лет штатный состав крымских таможен не претерпел особых изменений, но произошло усреднение должностных окладов. Если в конце XVIII в. разница в оплате труда первых лиц и рядового персонала составляла десять и более раз (соответственно, 500 и 40 руб.), то в середине XIX в. — лишь 3,5 раза (соответственно, 464 руб. и 137 руб. с копейками).

Согласно данным формулярных списков, по своему составу таможни Таврической области были многонациональными. Среди их служащих имелись греки, русские, малороссияне, поляки, некоторое количество армян. По словному признаку таможенные чиновники делились на дворян, обер-офицерских, старшинских и «докторских» детей, выходцев из купеческого сословия, а также представителей островных общин Греческого архипелага. Значительный процент служащих таможен составляли отставные военные, поступавшие на службу по вольному найму. Относительно вероисповедания чиновников заметим, что в архивных документах упоминаются как православные, так и католики, греко-католики и армяно-григориане. Выявленные возрастные показатели служащих колеблются в диапазоне от 20 до 55 лет.

Важно отметить, что практически все высшие чиновники крымских таможен (управляющие таможенными округами и таможнями, их заместители) были уроженцами других регионов страны, имевшими опыт государственной службы. Среди них «нации греческой» «цолнер Феодосийской портовой таможни прапорщик Иван Васильев сын Христофоров», директор Евпаторийской портовой таможни «коллежский ассессор Димитрий Иванов сын Врето», советник по Таможенной экспедиции «коллежский ассессор Михайло Мануилов сын Караценов»; «нации польской» — цолнер Севастопольской портовой таможни «капитан Семен Романов сын Тихонович», унтер-цолнер Керченской таможни Иван Николаев сын Залесский²³.

Средний возраст вышеперечисленных должностных лиц находился в пределах 40 лет, средний стаж службы в государственных органах — 15 лет. На низшие должности нередко набирали молодых людей, для которых служба в таможне

²³ Прохоров Д.А. Штаты и деятельность таможенных учреждений Таврической области в конце XVIII века // История и археология Крыма. 2017. № 5. С. 341–370.

ных органах становилась первым рабочим местом. В отдельных случаях имели место и протекция, и родственные связи. Например, управляющий Евпаторийской портовой таможней с 1861 г., коллежский асессор Василий Емельянович Бобырев был женат на дочери управляющего Феодосийской таможней.

В правление Павла I (1796—1801) на месте упраздненной Таврической области в 1802 г. была образована Таврическая губерния. Серьезным изменениям подверглось отечественное таможенное дело, причем новшества в таможенной сфере в первую очередь коснулись Крымского полуострова. Рост объемов внешней торговли и многочисленные факты злоупотреблений в таможенных учреждениях, коррупция и взяточничество заставили нового императора в 1796 году ликвидировать таможенные экспедиции при губернских казенных палатах и возобновить деятельность Коммерц-коллегии с переподчинением ей всех таможенных учреждений. Таможенная экспедиция в Крыму была закрыта по указу от 9 ноября 1796 г., вместе с ней были расформированы и штаты местных таможен. Таким образом, таможенные учреждения постепенно выводились из-под контроля органов регионального и местного управления.

В 1796—1798 гг. Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства обследовала «натуральное положение» Тавриды. В ее «всеподаннейшем» докладе отмечалось, что отделение «полуострова Таврического от Новороссийска может произвести великую медленность в сообщениях и неминуемую остановку по делам гражданским и купеческим <...> чего ради в предупреждение неудобств, полагающих препону точному и скорому исполнению всемилоостивейшего намерения Вашего величества всеподаннейше представляет: отделить полуостров Таврический от зависимости Новороссийского губернского начальства и быть ему в полном управлении учрежденного под ведением Экспедиции государственного хозяйства особого присутственного места», а «всю свободу торговли как внутренней, так и иностранной» возложить на товарища попечителя²⁴.

В 1798 г. был принят закон об установлении на полуострове порто-франко (беспошлинной торговли) сроком на 30 лет и «о даровании разных выгод жителям». Введение режима порто-франко привело к сокращению в Крыму таможенных учреждений, «вследствие чего и повелеваем нашей Коммерц-коллегии по сему нашему предположению, к ободрению и распространению торгов и промыслов, все ныне существующие пограничные от морей и чужих земель портовые заставы и таможни уничтожить, равно и бывшую до сего Балаклавскую, Судакскую и прочие малые пристани вовсе закрыть». Теперь все внешнеторговые операции предполагалось вести через таможни Евпатории и Феодосии, внутренний торговля осуществлялась через северные крымские таможни в Перекопе и у Генической переправы. В двенадцати статьях этого указа были перечислены привилегии для жителей и переселенцев — «даруемом нами Таврическому полуострову праве, вольности и свободе торговли»²⁵.

Как правило, установление порто-франко стимулировало быстрый рост торговых операций, что, в свою очередь, способствовало динамичному экономическому развитию соответствующих территорий. Однако опыт введения такого режима

²⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

²⁵ ПСЗ РИ. Т. 25. № 18373. С. 64—68.

в Крыму в силу разных экономических, политических и демографических причин оказался неудачным. По свидетельству П.И. Сумарокова, «Кафа (Феодосия. — Н.Б.) пользуется преимуществом порто-франко, каковое право имели в нем в отдаленные века также афиняне», однако «по причине пустоты сего края, скудости жителей, за неимением в Кафе контор, магазейнов, притом малого привоза из России сюда товаров... торговля в Кафе, равно и по всему Крыму, не в цветущем пребывает состоянии»²⁶. Неудивительно, что объявленный на 30 лет режим порто-франко в Крыму просуществовал недолго. Впоследствии к идее учреждения порто-франко в Феодосии возвращались еще не раз, но дальше предложений дело не шло.

Таможенные сборы по крымским таможенным органам были довольно высокими и в 1787 г., например, составили 23 318 руб. 52 коп. Однако революционные события во Франции 1789 г. серьезно повлияли на товарооборот и поступления в российскую казну. 8 апреля 1793 г. Екатерина II подписала именным указом «О пресечении ввоза в Россию из чужих краев товаров», в котором обосновывалось разрыв торгового и всякого иного сообщения с Францией, «доколе в государстве сем порядок и власть законная в особе короля восстановится». Запрещался ввоз морем и сушей любых французских товаров; выписываемые из Франции вещи объявлялись контрабандой. Но уже в 1796 г. таможенные сборы вышли почти на прежний уровень и достигли 17 505 руб. 78 коп. В 1793 г. Евпатория занимала второе место после Таганрога по стоимости вывозимых товаров во всем Северном Причерноморье (334 398 и 428 087 руб., соответственно). Через Феодосию было вывезено товаров на сумму 54 281 руб., через Керчь — на 9 960 руб., Еникале — на 4 322 руб. и через Севастопольскую таможню — на 858 руб.²⁷

В 1804 г. была опубликована записка императору Александру министра коммерции графа Н.П. Румянцева «О разуме тарифа»²⁸. Записка стала программной, на десятилетия определив российскую таможенную политику. Ее важнейшими положениями стали: установление экспортных пошлин не выше 10 %, сокращение вывоза сырья и облегчение вывоза готовой продукции, беспошлинный импорт машин, инструментов, медикаментов, книг и т.д. Румянцев отмечал, что «черноморская торговля изображает благотворное действие монаршого попечения. На Черном море привозы и отпуски в 1803 году удвоились почти во всех отношениях против 1802 года; отпуски привлекли туда драгоценных металлов почти на полмиллиона рублей более»²⁹.

В первой половине XIX в. неоднократно проводились реорганизации таможенных органов. 24 июня 1811 г. был издан манифест, вводивший «Учреждение таможенного управления по европейской торговле», которым был упорядочен состав таможенных органов Российской империи, обозначены права и обязанности начальников таможенных округов и других таможенных чиновников. Во вновь образованный Феодосийский таможенный округ вошли практически все существовавшие на тот момент таможенные учреждения Крымского полуострова:

²⁶ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 161.

²⁷ Natalia D. Borshchik, Elena V. Latysheva, Dmitriy A. Prohorov. Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 528–537.

²⁸ Российский правовой портал. URL: <https://constitutions.ru/?p=20131> (дата обращения 19.11.2020 г.)

²⁹ Предисловие графа Н.П. Румянцева к обзору «Государственная торговля 1803 года в разных ее видах». СПб., 1804. С. 1–2.

Евпаторийская и Феодосийская таможни, «Керченская, Еникольская, Балаклавская и Бугаская заставы»³⁰.

Данные о товарообороте крымских таможен изучаемого периода опубликованы в различных дореволюционных статистических сборниках. В 1850 г. Г.П. Небольсин издал «Статистическое обозрение внешней торговли России» на основе ежегодных отчетов о внешней торговле, выходявших в Российской империи с 1802 г. (с небольшими перерывами). Небольсин высоко оценивал эти источники: «Эти отчеты, ежегодно обогащающие статистику достовернейшими сведениями о нашей внешней торговле, содержат в себе обильный запас материалов, которые до сих пор не были подробно разработаны». Важнейшую роль в российской внешней торговле, и, соответственно, в таможенной политике сам автор отводил хлебной торговле, особенно для южных губерний: «В южной России пшеница принадлежит к числу продуктов, производимых для заграничного отпуска, потому что этот хлеб постоянно вывозится из тамошних портов в разные места, прилежащие к Средиземному морю. Изобилие и дешевизна пшеницы в Черноморских портах всегда поддерживали ее заграничный сбыт»³¹. К середине XIX столетия таможенные сборы на вывоз хлеба из портов Азово-Черноморского бассейна доминировали над всеми остальными; половина отпуска всех хлебных продуктов производилась из Одессы и других черноморских портов.

Таблица 4.

**Вывоз зерна из портов Азово-Черноморского бассейна
в 1825–1847 гг., четв.**

Год	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	ИТОГО
1825	665,991	—	72	30	767,991
1830	2 057,264	11,165	141,662	37,851	2 247,942
1835	680,984	19,369	8,823	3,088	712,264
1840	1 706,653	2,809	12,328	39,871	1 761,661
1845	2 716,148	77,724	23,943	133	2 950,365
1847	5 056,183	510,919	77,584	34,356	5 679,042
ИТОГО	12 883,223	6 219,986	336,340	278,166	14 119,265

Источник: *Статистическое обозрение внешней торговли России*, рассчитано по: Ч. 1. С. 52.

В приведенной таблице показана динамика вывоза зерна по отдельным годам с пятилетним промежутком (1825, 1830, 1835, 1840, 1845) и за 1847 г. Известно, что за трехлетие с 1845 по 1847 г. было вывезено пшеницы из Таврической и Екатеринославской губерний через порты Керчи, Феодосии и Евпатории 894,157 четв., из Таврической губернии через Дунайские порты — еще 200,364 четв.³²

³⁰ ПСЗ РИ. Т. XXXI (1810–1811). № 24684. С. 680–685.

³¹ Статистическое обозрение внешней торговли России Григория Небольсина. Ч. 1. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1850.

³² Там же. С. 54.

Важной статьей товарооборота крымских таможен была рыба: «Рыбные промыслы у берегов южной России, по изобилию и разнообразию рыб, водящихся в Черном и Азовском морях, весьма важны даже в нынешнем несовершенном их состоянии <...> В разных местах Черноморского края, преимущественно около берегов Крыма и в Дунайских гирлах, с давнего времени производится значительная ловля сельдей <...> Кроме этой рыбы, во многих прибрежных местах Черного моря изобильно ловятся: скумбрия, макрель, кефаль, камбала и др.»³³. Можно отметить, что для внутреннего потребления вполне хватало черноморской рыбы, которую вывозили в Малороссию, Новороссийский край и другие юго-западные регионы страны. Вылов рыбы достиг промышленных объемов в Керченском проливе и Азовском море. Здесь добывали осетра, белугу, севрюгу, стерлядь, сома, судака, карпа, чехонь, тарань и т.д. Часть этой рыбы после переработки, а также икра и другие рыбопродукты вывозились из Крыма в основном через таможи в Керчи и Феодосии за границу — в Грецию, австрийскую Галицию, Молдавию, Царство Польское. Импорт рыбы через черноморские таможи оставался незначительным.

Несмотря на некоторые успехи, первая половина XIX в. характеризуется весьма неравномерным развитием российской внешней торговли, и, соответственно, неровными поступлениями таможенных пошлин и платежей. Это справедливо и в отношении таможенных органов Крымского полуострова. Ведущими центрами внешней торговли оставались Керчь, Феодосия и Евпатория, имевшие крупные международные портовые таможи. Через таможи Крымского полуострова в больших объемах ввозились продукты питания, пользовавшиеся устойчивым спросом на российском рынке, велась активная торговля с Османской империей. Основными экспортными товарами в Турцию были хлеб, сукна, металлы, а также канаты и веревки. Ввозились напитки, фрукты, бумажные изделия, соль и шелк.

Нередки в Азово-Черноморском бассейне были периоды почти полного прекращения торговых операций с зарубежными странами, причем по разным причинам — чаще всего по случаю военных конфликтов и эпидемий. Так было, к примеру, в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и во время эпидемии холеры 1829–1831 гг. Неурожаи также напрямую отражались на российском внешнеторговом обороте — экспорт резко падал, уменьшался и спрос на импортные товары.

К середине XIX века внешнеторговые связи крымских портов окрепли, расширился их экспортно-импортный ассортимент; соответственно, увеличились суммы таможенных поступлений. Евпаторийской портовой таможней, через которую шли грузы из Малой Азии, Греции и Константинополя, в 1845 г. было собрано пошлин на без малого 70 000 руб. Главными статьями экспорта по Керченской таможне были пшеница, кожи, овечья шерсть, воск, железо, рыба; импорта — греческие вина, фрукты, кофе, табак, турецкие мануфактурные товары. В 1835 г. через Керчь было ввезено товаров на сумму около 100 тыс. руб., а вывезено примерно на 300 тыс. руб. В 1835 г. по Феодосийской портовой таможне было ввезено товаров на 1,5 млн руб., а вывезено — на 2 млн руб., в основном это были турецкие бумажные, шелковые и шерстяные изделия; ее доход составил около 250 тыс. руб.³⁴

³³ Там же. С. 240.

³⁴ Статистические записки о внешней торговле России, составленные Григорием Неболсиным. Ч. 1. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1835.

Таким образом, включение Крымского полуострова в состав Российской империи в 1783 г. кардинально изменило геополитическую обстановку в регионе и потребовало пересмотра международных договоренностей. Экспортно-импортные проблемы решались методами таможенного регулирования. Деятельность таможенных учреждений Крымского полуострова стали определять царские указы и внутриведомственные распоряжения, их штаты комплектовались специалистами, имевшими опыт таможенной службы в других регионах империи. Динамика ввоза-вывоза товаров показывает, что к середине XIX в. Феодосия, Керчь и Евпатория, имевшие таможенные учреждения, стали крупными внешнеторговыми центрами Крымского полуострова. Меры российских властей по модернизации таможен Тавриды вполне отвечали вызовам времени и особенностями внутренней и внешней политики.

Библиография

- Borshchik Natalia D., Latysheva Elena V., Prohorov Dmitriy A.* Formation and Operation of Customs Agencies in Crimea at the Initial Stage (1783–1822) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48. Is. 2. P. 528–537.
- Борщик Н.Д.* Кадровый состав Евпаторийской портовой таможни Таврической губернии в 1860-е гг. // *Научный вестник Крыма*. 2017. № 5 (10). URL: <http://nvk-journal.ru> (дата обращения: 19.11.2020 г.)
- Борщик Н.Д.* Таможенный (Черноморский) тариф 1782 г. и проекты его изменения // *Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал*. 2018. № 2 (13). URL: <http://nvk-journal.ru> (дата обращения: 30.11.2020 г.)
- Борщик Н.Д., Прохоров Д.А.* Пограничная и карантинная стражи Таврической губернии (конец XVIII — середина XIX в.) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 3 (51). С. 8–16. URL: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения: 01.12.2020 г.)
- Головкин Ю.И.* Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII — начало XIX в.) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 17. С. 83–107.
- Кисловский Ю.Г.* История таможни государства Российского. М.: ИПО «Автор», 1995. 286, [1] с. : ил.
- Кулишер И.М.* Очерки по истории таможенной политики. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. [2], 51 с.
- Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. XVI, 312, 82 с.
- Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. 334, [1] с.
- Предисловие графа Н.П. Румянцева к обозрению «Государственная торговля 1803 года в разных ее видах». СПб., 1804. С. 1–2.
- Прохоров Д.А.* Штаты и деятельность таможенных учреждений Таврической области в конце XVIII века // *История и археология Крыма*. 2017. № 5. С. 341–370.
- Радайде Д.С.* Развитие таможенных учреждений Таврической губернии с 1819 по 1914 г. // *Закон и жизнь*. 2012. № 2. URL: <http://www.legeasiviata.in.ua/archive/2013/10-2/54.pdf> (дата обращения 19.11.2020 г.)
- Солонченко Е.А.* Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 311 с.
- Статистические записки о внешней торговле России, составленные Григорием Небольсиным. Ч. 1. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1835. 275 с.
- Статистическое обозрение внешней торговли России Григория Небольсина. Ч. 1. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1850. — 409, [1] с.
- Третьякова, Г.А.* Таможенные органы в государственном механизме Российской империи XVIII в. // *Вопросы экономики и права*. 2011. № 33. С. 22–27.

Перевозка основных товаров по Волге и экономическое развитие России в период новой истории (1850–1913 гг.)

Аннотация. Экономическое развитие страны в целом и, в частности, рост грузоперевозок тесно связаны с совершенствованием транспортной инфраструктуры. В поздней имперской России львиная доля внутренних грузоперевозок осуществлялась по Волге. До начала бума железнодорожного строительства в царской России водный транспорт имел свои преимущества и наряду с гужевым удовлетворял потребности страны в грузоперевозках. С развитием железнодорожной сети водный транспорт постепенно сдавал свои лидирующие позиции, однако это был длительный процесс. Тем более что природные и географические особенности Волжского торгового пути создавали выгодные условия для транспортировки зерна, древесины, соли, железа и изделий из него, сельскохозяйственной продукции и нефти. Перевозка древесины водным путем неуклонно росла, значительно превосходя железнодорожную. Зерно транспортировалось приблизительно в равной мере водным и железнодорожным транспортом. Развитие водного транспорта в бассейне Волги, очевидно, вело к росту товарного рынка европейской части России, эволюции судостроительной промышленности и динамичному развитию рыночно ориентированных отраслей сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Население городов Поволжья росло, городское благоустройство, промышленность и торговля также переживали подъем.

Ключевые слова: Россия, Волга, водный транспорт, основные товары, транспортировка.

Развитие транспортной инфраструктуры России определялось обширностью территории страны и низкой плотностью населения. До создания разветвленной сети железных дорог к концу XIX в. основными видами транспорта в России являлись гужевой и водный. Ремонт дорог, мостов и паромных переправ долгое время находился в ведении местных органов власти. Грунтовые дороги зачастую не ремонтировались. Колесный и санный транспорт отличался медлительностью, малой грузоподъемностью и короткой дистанцией грузоперевозок. Водный транспорт, напротив, не требовал крупных вложений в инфраструктуру, обеспечивал большую грузоподъемность и дальность перевозок. Наличие в европейской части России достаточного количества судоходных рек способствовало ее выдвиганию на ведущие позиции по грузоперевозкам различных товаров в масштабах страны, объем которых в первой половине XIX в. в целом обеспечивал потребности экономики и удовлетворял нужды населения¹.

* Чжан Гуансян — профессор Института Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (КНР), zhangguangxiang388@sina.com.

¹ Васильев М.И. К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X — начала XX в. // Экономический обзор. 2001. № 5. С. 65.

Железнодорожное строительство в России постепенно оказывало все большее давление на водный транспорт, однако в течение длительного времени пропорция грузоперевозок по воде и железным дорогам существенно не менялась, а превосходные условия навигации по Волжскому торговому пути предопределяли его использование для транспортировки продуктов питания, древесины, соли, железа и изделий из него. Перевозка сельскохозяйственной продукции и нефти всегда сулила весомую выгоду. В 1890 г. грузоперевозки равномерно распределялись между водным и железнодорожным транспортом, и лишь в 1913 г. грузооборот товаров на железной дороге значительно превысил объем водных перевозок. В настоящей статье основное внимание уделяется характеристике водного транспорта, его прямому и косвенному воздействию на направление и объем грузопотоков (в том числе сыпучих товаров) по Волге.

Среди исследований российских ученых по истории водного транспорта России особо следует выделить работы Э.Г. Истоминой, В.Ф. Марухина, А.А. Халина, А.М. Соловьевой, О.В. Гудковой, А.А. Горбунова². Ряд дореволюционных трудов до сих пор не утратил актуальности³. В китайской историографии данная тема разработана слабо.

Водный транспорт России: общие параметры

В России водный транспорт в течение столетий являлся основным средством перевозки таких товаров, как зерно, рыба, древесина, соль, сельскохозяйственные продукты и др. Гужевой транспорт не удовлетворял потребности в грузоперевозках вследствие неразвитости дорожной сети из-за низкой плотности населения и плачевного состояния редко ремонтировавшихся грунтовых дорог. Даже в эпоху железнодорожного строительства преимущества водного транспорта (обеспечение большого грузопотока при низкой стоимости) компенсировали недостатки речного сообщения (низкая скорость транспортировки, невозможность грузоперевозок в засушливый и зимний периоды).

Для понимания роли речного транспорта необходимо кратко охарактеризовать недостатки гужевого. Лошади издавна использовались в России для перемещения грузов и пахоты. До XVII в. русский крестьянин запрягал в телегу и плуг пару лошадей, позднее в телегу ставили их и больше. Повышение качества упря-

² Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982; *Ее же*. Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991; Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. М., 1996; Халин А.А. Система путей сообщения нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона (30–90-е гг. XIX в.). Нижний Новгород, 2011; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975; *Ее же*. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990; Гудкова О.В. Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии Северного региона (1858–1917). Вологда, 2002; Горбунов А.А. Политика развития железнодорожного транспорта в XIX — начале XX вв: компаративно-ретроспективный анализ отечественного опыта. М., 2012.

³ См.: Виды внутреннего судоходства в России в 1837 году. СПб., 1838; Сучков Н.Н. Внутренние пути сообщения России // Россия в ее прошлом и настоящем (1613–1913). М., 1914; Борковский И. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. СПб., 1874; Прокофьев М. Наше судоходство. Вып. 1–6. СПб., 1870–1884.

жи позволило увеличить вес повозки в 5–9 раз. Однако чаще всего и зимой, и летом телегу тянула одна-единственная лошадь. Во время ярмарок популярностью пользовались двуколки, а также тройки с одной коренной и двумя пристяжными.

С XVIII до начала XX в. по поголовью лошадей Россия занимала первое место в мире, а по количеству лошадей на тысячу человек — шестое. Однако тяговая сила российских лошадей была в 1,5–2,4 раза ниже европейских и американских — главным образом за счет скудного питания и плохого ухода⁴. Даже завезенные из-за границы элитные лошади вырождались через два-три поколения. Основными транспортными средствами в царской России являлись сани и колесные повозки. Сани были основным средством передвижения зимой, но в Древней Руси они также использовались летом. Позднее сани также нашли применение на севере европейской части России — в местах с плохим дорожным сообщением. В русских письменных источниках XI в. для обозначения «саней» и «повозки» использовалось одно и то же слово, применявшееся для обозначения плоских саней (дровней). Конструкция саней до начала XX в. практически не претерпела изменений. Они отличались размером и формой полозьев в зависимости от назначения. В России также изготавливались обшитые кожей или тканью закрытые санные экипажи, запряженные одной или несколькими лошадьми, в которых пассажиры могли ехать лежа.

В бесснежное время года в России использовался преимущественно колесный транспорт. Наибольшее распространение получила телега, пригодная для перевозки сена, муки и зерна в мешках, удобрений и дров. Однако, до начала XVIII в. колесный транспорт не был столь популярен, как санный. Из-за недостатка дорог в более ранний период и их плохого состояния колесные телеги стали использоваться для дальних перевозок лишь в конце XVIII — начале XIX в. Со второй половины XIX в. они превратились в основной городской транспорт. Четырехколесные экипажи принадлежали состоятельным купцам, чиновникам и зажиточным крестьянам. Весьма популярны были и двуколки.

Бесколесные волокуши, удобные для доставки громоздких грузов, использовались для подвоза бревен из леса, сена и соломы с полей. Такой транспорт широко применялся в лесистых районах Европейской России на севере и северо-западе. Популярность волокуш в России была связана не столько с отсталостью сельскохозяйственного сектора, сколько с природными условиями (например, в районах обширных труднопроходимых болот), а также с удобством в использовании и дешевизной.

В весеннюю и осеннюю распутицу грунтовые дороги в России становились труднопроходимыми. В 1720 г. по приказу Петра I было начато строительство тракта между С.-Петербургом и Москвой, которое было завершено в 1746 г. К началу XIX в. этот тракт оказался сильно разбит, причем состояние других грунтовых дорог было еще хуже. В 1817–1834 гг. С.-Петербург с Москвой соединила новая дорога, мощенная булыжником (на заболоченных участках укладывался жердевой настил, поверх него — щебень) с отсыпкой щебнем по обочинам. Из-за особенностей почвы дорога проседала и требовала частого ремонта.

---

⁴ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М., 2009. С. 618.

С 1820 г. отмечается интерес государства к строительству шоссейных дорог, имевших стратегическое значение. Была начата прокладка дорог Москва-Киев и Псков-Рига. В центральных и западных регионах России до половины шоссейных дорог строились из стратегических соображений⁵. Однако к середине XIX в. было проложено всего несколько тысяч верст шоссейных дорог. В это время их плотность в России в расчете на квадратный километр была в 90, 100 и 150 раз ниже, чем соответственно в Германии, Франции и Великобритании⁶.

Власть отвечала преимущественно за стратегические дороги общегосударственного значения. Почтовые дороги и линии, связывавшие губернии друг с другом, находились в ведении местного управления. Дороги локального значения не относились к компетенции государственной власти и обслуживались на средства помещиков, через имения которых они пролегали. Следует отметить, что железнодорожное строительство, которое с середины XIX в. поощрялось правительством, проводилось за счет финансирования развития сети традиционных дорог вследствие недостатка ресурсов.

Плохое качество дорог сказывалось на скорости передвижения. Поездка из Москвы в Киев занимала две недели, из Архангельска в Вологду — почти пять дней, из Москвы в Архангельск — около 10 дней, из Москвы в Смоленск — три дня, из Москвы в Гамбург — 20 дней⁷. Качество почтовых трактов в России было несколько лучше. В XVIII в. они связывали большинство губернских и уездных городов, в 1750 г. общая их протяженность составляла 13 тыс. верст. В 1780–1820 гг. к работам на почтовых дорогах в летний период привлекалось 4,2 % взрослых крестьян мужского пола, в зимний — 15,6 %. Скорость почтовой езды была установлена зимой 12 верст в час, летом — 10, осенью — 8⁸.

С развитием железнодорожной сети шоссейные пути, дублировавшие железнодорожное сообщение, утрачивали свое значение, тогда как роль местных дорог, напротив, возрастала. До наступления автомобильной эры почти все местные грузоперевозки зависели от тяглового скота. В отдельных частях Европейской России и Сибири сухопутные и речные перевозки дополняли друг друга: грузы свозились по грунтовым дорогам к речным портам для дальнейшей транспортировки.

Водный транспорт по сравнению с сухопутным имел свои преимущества. Он идеально подходил для дальних грузоперевозок, поскольку отличался большей грузоподъемностью, невысоки были также стоимость перевозок, энергопотребления и капиталовложения. Чем длиннее и прямее было русло реки, тем ниже оказывалась себестоимость транспортировки.

Грузоподъемность небольшой деревянной барки-плоскодонки и среднего парусника, широко применявшихся на Волге и Каме, во много раз

⁵ Там же. С. 619.

⁶ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России. С. 29; История грузовых железнодорожных перевозок в России. XIX–XX века. М., 2008. С. 17.

⁷ Марасинова Л.М. Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. I. М., 1985. С. 273.

⁸ До постройки сети железных дорог скорость движения конных повозок в Великобритании, Франции и Германии была одинаковой (Экономическая история России. Т. I. С. 620); Киселев И.П. Развитие скоростного железнодорожного транспорта в России и СССР (середина XIX — конец XX века) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 18.

превышала любой гужевой транспорт (телегу, волокушу, сани и т.д.)⁹. Даже железнодорожные вагоны не могли сравниться с ними по этому показателю¹⁰. По мере развития технологий возрастала скорость движения судов. Продолжительность поездки из Астрахани в Нижний Новгород, в середине XIX в. занимавшей три месяца, в 1890-х гг. сократилась до одной недели¹¹.

Главным преимуществом водного транспорта являлась низкая стоимость грузоперевозок — почти вдвое от железнодорожной. Перевозка по речным путям со временем еще больше дешевела. В 1908—1912 гг. стоимость фрахта на транспортировку зерна, нефти и соли по Волге снизилась на 25 %, 20 % и 10 % соответственно.

Помимо низких тарифов, невысоки были также издержки на содержание водных путей: в 1860-х гг. эксплуатационные расходы на километр таких путей составляли 1—12 тыс. руб., тогда как строительство километра шоссейной дороги обходилось в 70—80 тыс. руб., а железнодорожных линий — в 17—18 тыс. Эксплуатационные расходы в расчете на километр водного пути составляли 11—14 % от соответствующего показателя железнодорожного пути и 20—33 % в сравнении с шоссейными дорогами.

Кроме того, на перевозку тонны груза по воде затрачивалось в 6 и 25 раз меньше энергии, чем соответственно по железной дороге и шоссе¹². В итоге стоимость грузоперевозки водным транспортом оказывалась существенно ниже по сравнению с гужевым¹³. С распространением пароходства скорость

⁹ *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения. С. 265; *Истомина Э.Г.* Водные пути России. С. 26; *Ее же.* Водный транспорт как фактор развития внутренней и внешней торговли сельскохозяйственной продукцией в конце XVIII — первой половине XIX в. // Научный совет по проблемам аграрной истории РАН. Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 52; *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России. С. 25; История грузовых железнодорожных перевозок. С. 23.

¹⁰ *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 381.

¹¹ *Халин А.А.* Система путей сообщения нижегородского Поволжья. С. 169.

¹² Инвестиции российского правительства в строительство и обслуживание каналов и дноуглубительные работы были значительно ниже, чем на железных дорогах. В 1866, 1874, 1875 и 1879 г. эти расходы составили 147, 128, 171 и 3,68 млн руб., что составило только 6,19, 5,53, 9,9 и 21,4 % от общего объема расходов Министерства путей сообщения на строительство железных дорог и их техническое обслуживание. В начале XX в. расходы на улучшение водных путей возросли до 14—30 млн руб., но оставались существенно ниже, чем на железные дороги. К 1911 году общие инвестиции российского правительства в строительство и обслуживание железных дорог достигли 6,68 млрд руб. См: *Андреев В.В.* Московско-Казанская железная дорога на рубеже XIX—XX веков. СПб., 2010. С. 90—91; *Целиков С.А.* Строительство и эксплуатация Самаро-Златоустовской железной дороги и ее влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Самара, 2006. С. 112; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 381; *Горбунов А.А.* Политика развития железнодорожного транспорта. С. 85; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 107; *Сучков Н.Н.* Внутренние пути сообщения России. С. 23, 27; *Кончаков Р.Б.* Социально-экономические аспекты транспортных проблем на железных дорогах центрального Черноземья в середине XIX — начале XX вв. по материалам Тамбовской губернии // Железные дороги и процесс социальной модернизации России в XIX — первой половине XX вв. Тамбов, 2012. С. 294; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 57; 张广翔: 19世纪至20世纪初俄国的交通运输与经济发展, 《社会科学战线》, 2014年第12期, 第228页.

¹³ *Истомина Э.Г.* Водные пути России. С. 26; История грузовых железнодорожных перевозок в России. С. 17.

движения речного транспорта сильно выросла, увеличилась также грузоподъемность судов.

Судоходность водных путей определяется такими факторами, как географическое расположение рек, геология, рельеф местности, гидро- и метеорология. В верхнем течении Волги было много порогов, наблюдались также сильные перепады уровня воды. Глубина в районе Рыбинского порта в течение года колебалась от 2 до 8 саженей в летний период и во время паводка¹⁴. Днепр, Кама, Чусовая, а также многие сибирские реки были неблагоприятны для судоходства из-за обилия порогов и опасных отмелей. На Дону к тому же отмели часто меняли свое местоположение. На Мсте в районе Вышнего Волочка имелось множество каменистых осыпей. Вероятность того, что судно сядет на мель, в среднем равнялась 3 %¹⁵. Малые реки становились судоходными только в период весеннего половодья. Лишь такие северные реки, как Нева, Волхов, Северная Двина не имели мелководий.

Вследствие обмеления рек и увеличения тоннажа судов число судоходных артерий в Европейской России с XV в. до середины XIX в. сократилось с более чем 100 до 60. До середины XIX в. небольшие суда перевозили 5–9 человек и груз весом 1–1,7 тонны при осадке 30–40 см, тогда как во второй половине XIX в. даже некрупные суда перевозили груз весом 10–30 тонн при осадке 45–60 см¹⁶. Условия навигации на порожистых реках из-за низкого технического оснащения оставались трудными.

Большое значение для грузоперевозок имеет полноводность реки, ширина и глубина русла, скорость и направление течения¹⁷. Только в начале XIX в. за счет технических усовершенствований удалось увеличить грузоподъемность судов, не меняя их габаритов. Навигация на реках подвержена сезонным колебаниям: во время весеннего паводка ее интенсивность достигала максимальных значений, летом уровень воды понижался, зимой река замерзала и грузоперевозки прекращались. Лед на Волге сходил в конце марта — начале апреля, а замерзала река в конце октября — начале ноября. Порой навигация открывалась в середине апреля, а на период ледостава приходилось 160 дней, т.е. почти полгода. Помимо того, что реки Европейской России были покрыты льдом 6–8 месяцев в году, судоходству также мешало маловодье. Например, на важнейшем участке Вышний Волочек — устье реки Мста навигация длилась не более 50 дней в году. Апрель, май и июнь являются самыми благоприятными для судоходства месяцами в бассейнах рек Западная Двина, Днепр, Дон и их притоков. В засушливый период обмеление могло приводить к остановке навигации на отдельных участках, особенно в Северо-западном регионе.

Конструктивно речные суда постепенно улучшались. В связи с увеличением грузопотока потребовалось обновление традиционных транспортных средств.

¹⁴ *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения. С. 260; *Истомина Э.Г.* Водные пути России. С. 99; Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. Рыбинск, 1993. С. 89; *Васильев М.И.* К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций. С. 66.

¹⁵ *Быков Л.С.* По Петровскому указу — канал на древнем волоке. М., 1994. С. 149.

¹⁶ *Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX века. М., 1983. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 122.

В России было издавна налажено производство деревянных судов¹⁸. До середины XIX в. деревянная барка оставалась несравненным по своим характеристикам грузовым судном с вертикальным бортом, длиной до 25 сажений и грузоподъемностью от 5 тыс. до 15 тыс. пудов¹⁹. Чтобы преодолеть путь от Симбирска до Рыбинска, такому судну при хороших погодных условиях требовалось около двух месяцев, а на обратный путь вниз по течению — 5–6 недель²⁰.

Суда с середины XIX в. приводились в движение как паровым двигателем, так и, в большей мере, мускульной силой человека (бурлаки) и тяглого скота²¹. В первой половине XIX в. большее распространение получили суда на гужевой тяге. Позже появились буксиры, оснащенные двигателями мощностью 30–40 л.с. и лебедкой, способные одновременно буксировать 5–6 судов. Буксир с караваном из нескольких барок за сутки мог преодолеть 20–50 верст²².

К середине XIX в. на позицию основного речного транспорта выдвинулись пароходы: они перевозили тяжелые грузы и были способны преодолевать за сутки свыше 100 верст против течения и более 200 верст по течению²³. Первые пароходы появились на Волге в 1840-х гг. В 1853 г. на реках России курсировали 83 парохода с совокупной мощностью двигателей 7,2 тыс. л.с., а в 1861 г. — уже 405 пароходов с 27 тыс. л.с. Доля судов с металлическим корпусом составила 81 %, остальные 19 % являлись деревянными²⁴. Рост перевозок нефти в 1890-х гг. способствовал развитию судоходства: на Волге появились крупные металлические цистерны-нефтехранилища, нефтеналивные танкеры, суда с двигателями, работавшими на нефти и керосине.

Несмотря на то, что до начала железнодорожного бума гужевой транспорт сильно уступал водному по объему грузоперевозок, он сохранял свое значение в силу его особенной в зимнее время. Гужом в основном осуществлялись перевозки на короткие расстояния, этот вид транспорта лишь дополнял речной и железнодорожный.

До широкомасштабного железнодорожного строительства в России водный транспорт играл решающую роль в товарообороте между регионами. Хотя железные дороги постепенно оттягивали на себя грузовой поток, Волжский торговый путь к концу XIX в. не утратил своего значения, обслуживая потребности трети населения страны²⁵. В 1909 г. объем речных перевозок в России достиг

¹⁸ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 35; Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. С. 97; Смирнов И.А. История Северо-Двинской водной системы (Канал герцога Вюртембергского) // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 103.

¹⁹ Коллективные голубые дороги Поморья. 150-летняя история Северного речного пароходства. Архангельск, 2008. С. 37.

²⁰ Истомина Э.Г. Водный транспорт России. С. 28.

²¹ Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. С. 98.

²² Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 47, 49; Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Томск, 1996. С. 152.

²³ В середине XIX в. скорость парохода составляла 4–5 верст в час без нагрузки вверх по течению и 10 верст в час без нагрузки вниз по течению (Истомина Э.Г. Водный транспорт России. С. 40, 59; Никольский И.В. География транспорта СССР. М., 1960. С. 192).

²⁴ Истомина Э.Г. Водный транспорт России. С. 58; Халин А.А. Система путей сообщения нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона. С. 179.

²⁵ Халин А.А. Система путей сообщения нижегородского Поволжья. С. 166.

2,55 млрд тонн, что составило треть общего грузооборота. По весу перевозимых грузов водный транспорт все еще опережал железные дороги²⁶. В целом роль и значение водного транспорта становятся понятны только в сравнении с гужевым и железнодорожным транспортом.

Регион Волжского речного пути

Волга связывает воедино различные регионы страны — Балтийское море на севере, Каспийское и Азовское моря на юге, Центральный промышленный район на западе и сибирский регион на востоке, обеспечивая межрегиональный товарооборот. Именно в географии кроется ключ к пониманию значения водного транспорта в царской России на основном течении Волги и ее притоках и его взаимосвязи с гужевым и железнодорожным транспортом.

Внутренняя водная система России охватывает десять регионов, пять из которых лежат в основном течении Волги и ее многочисленных притоков (в том числе искусственных каналов на северо-западе). Большинство других водных бассейнов также связаны с Волгой — главной российской водной магистралью и самой длинной рекой в Европе. Волжский бассейн занимал площадь 1,38 млн кв. км²⁷, протяженность навигационного канала составляла 13,2 тыс. верст²⁸. С появлением в начале XIX в. Мариинского и Тихвинского каналов водное сообщение между Волжским речным бассейном и Балтикой стало более интенсивным, особое значение приобрела транспортировка продовольствия. В результате соединения Волги с балтийскими портами выросла роль С.-Петербурга в качестве крупного порта и промышленно-торгового центра. Земли вдоль основного течения Волги и ее притоков были богаты ресурсами, и в период навигации корабли шли нескончаемым потоком. С юга на север они везли главным образом зерно, соль и различные сельскохозяйственные продукты, с севера на юг продукты животноводства и рыбу, с запада на восток промышленные и зарубежные товары, с востока на запад — металлы, сырье, руды и чай²⁹.

С точки зрения транспортного значения и навигационных условий, водный маршрут Волги состоит из двух частей³⁰. Первая — это сама Волга и ее крупные притоки, Ока, Сура, Шексна, верховья Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской водных систем, а также участок Камы до Астрахани. Вторая — система Камы, которая включает реки Вятка, Белая, Чусовая и ее притоки, которые важны для экономического развития Уральского региона³¹.

²⁶ Россия. 1913 год. С. 134.

²⁷ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России. С. 136; *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 94.

²⁸ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России. С. 136.

²⁹ Там же; *Экономическая история*. Т. 2. С. 520.

³⁰ *也有学者以雷宾斯克为界将伏尔加河流域划分为两部分。详见：Истомина Э.Г. Водный транспорт России; Марухин В.Ф. История речного судоходства в России; Бессолицын А.А. Поволжский регион на рубеже XIX–XX вв. (Основные тенденции и особенности экономического развития) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 5. Волгоград, 2003. С. 190; 张广翔: 19世纪至20世纪初俄国的交通运输与经济发展, 第224–241页。*

³¹ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России. С. 137–138.

Волга имеет много притоков, 40 из которых пригодны для судоходства³². Наиболее значимы реки Кама, Ока и Сура, а также северо-западная система каналов, соединяющих Волгу с Балтикой. Кама в свою очередь соединяет Волгу с Уралом и Сибирью и обеспечивает социальные, экономические и культурные обмены между Востоком и Западом России. Бассейн Камы богат природными ресурсами, пригодными для развития горнодобывающей промышленности, что делает его наиболее развитым регионом водных перевозок в России. Номенклатура товаров, направления их потоков и масштабы перевозок в бассейне Камы будут рассмотрены ниже.

Ока является вторым по величине притоком Волги, ее водосборная площадь составляет около 20 % бассейна Волги. Бассейн Оки густонаселен, а промышленность и сельское хозяйство отличались быстрыми темпами развития. По Оке сооружено много доков, из которых Москва, Орел, Калуга и Рязань являются самыми известными. Москва представляет собой не только крупный речной транспортный узел, но и важный промышленный, торговый и культурный центр России. Притоком Оки является Москва-река, соединяющая Волгу с губерниями Центрального промышленного района и обеспечивающая сообщение между портами. Направление, структура и объем грузоперевозок по Оке также рассмотрим ниже.

Река Сура, третий после Оки крупнейший приток Волги, судоходна только весной, поскольку ее извилистое русло изобилует многочисленными мелководьями. Сура обеспечивает сообщение между Пензой, Симбирском, Центральным промышленным районом и крупными сельскохозяйственными провинциями, а также с Балтийским морем через Волгу. В первой половине XIX в. бассейн Суры стал крупным зерновым рынком, в 1829 г. стоимость перевалки товаров по Суре достигла 4,9 млн руб.³³ Зерно в основном шло вниз по Волге через Васильсурск, а меньшая его часть отправлялась в Московскую, Рязанскую и Калужскую губернии. Во второй половине XIX в. основным пунктом назначения зерна, перевозимого по Суре, стал Рыбинск. На Суре было немало перевалочных пунктов, крупнейшие из которых располагались в Пензе и Промзино (нынешнее Сурское), однако вследствие ограниченного периода навигации на Суре, приходившегося на весну, номенклатура и объем грузоперевозок по этой реке были несопоставимы с грузопотоком на Каме и Оке.

Интенсивным судоходством отличались Вышневолоцкая, Мариинская и Тихвинская водные системы, являвшиеся важными транспортными артериями доставки продовольствия и других товаров в С.-Петербург и к портам Балтийского моря. Вышневолоцкая водная система общей протяженностью 1700 верст работала с середины XVIII в.³⁴, а с 1809 г. было открыто судоходство по Мариинской (протяженность 1071 верст) и Тихвинской (протяженность 600 верст) водным

³² *Истомина Э.Г.* Пути сообщения России в XVII — начале XIX вв. // Российская Империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / под ред. А.И. Аксенова, Я.Е. Водарского, Н.И. Никитина, Н.М. Рогожина. М., 2011. С. 536.

³³ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России. С. 154.

³⁴ *Истомина Э.Г.* Водные пути России. С. 133; *Истомина Э.Г.* Пути сообщения России. С. 540.

системам³⁵. Волго-Балтийский водный путь соединил балтийское побережье с волжским бассейном, закрепив за С.-Петербургом статус крупного порта и важного торгово-промышленного центра. До середины XIX в. сообщение между С.-Петербургом и внутренними районами страны зависело от указанных водных путей. Вследствие масштабного железнодорожного строительства водные пути постепенно утрачивали свое значение, хотя грузопоток по ним увеличивался год от года.

В первой половине XIX в. на долю Поволжья приходилась основная масса внутренних грузоперевозок, несмотря на сезонность и трудности транспортировки грузов в восточном и западном направлениях, поскольку Волга несет свои воды с севера на юг³⁶. По мере углубления индустриализации проступали недостатки водного и гужевого транспорта³⁷, который не мог обеспечить оперативную доставку и, соответственно, сбыт промышленной продукции. В конце XIX — начале XX в. объединение в единую систему железнодорожных линий на территории волжского бассейна оказало определенное влияние на водный транспорт, но не привело к его вытеснению: железнодорожный и водный транспорт долгое время дополняли друг друга в деле обеспечения товарооборота. Позднее великая русская река стала постепенно уступать лидерство «чугунке».

Взаимодополняемость железнодорожного и водного транспорта выразилась в ежегодном приросте объема товаров, доставляемых к Волжскому водному пути по железной дороге. Так, в 1912 г. этот показатель составил 240 млн пудов, в том числе 114 млн пудов нефти, 45 млн пудов строительного леса и 16,7 млн пудов зерна. Стремительное расширение железнодорожной сети в конце XIX в. происходило при сохранении протяженности Волжского водного пути, при этом увеличение грузопотока происходило как на железной дороге, так и по воде. В 1912 г. в европейской части России действовало 149 портов с оборотом более 1 млн руб. в год (из них 92 в бассейне Волги), 33 порта с оборотом более 10 млн (из них 21 на Волге)³⁸. В 1913 г. на долю волжских портов приходилось 68 % всего товарооборота европейской части России в стоимостных показателях и 50 % — в весовых. Суммарная стоимость товаров, отгруженных в 1912 г. в семь крупнейших портах, включая Самару, Казань и Москву, составила 487 млн руб.³⁹

³⁵ *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России. С.185; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 345; *Горбунов А.А.* Политика развития железнодорожного транспорта. С.54; *Никольский И.В.* География транспорта СССР. С. 190; *Истомина Э.Г.* Пути сообщения России. С. 540; *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения. С. 260–261; *Прокофьев М.* Наше судоходство. Вып. 4. С. 44; *Селиванов А.М.* История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX в. Ярославль, 2000. С. 145; *Ковнир В.Н.* История экономики России. М., 2005. С. 179.

³⁶ История грузовых железнодорожных перевозок в России. С. 18.

³⁷ *以粮食运输为例, 各种运输方式都会造成粮食的损耗, 不但水路运输中粮食因受潮湿而受损, 陆路和铁路运输也会造成大量的粮食损耗, 据统计, 19世纪末畜力运输的年粮食损耗量达5000万卢布, 采用铁路运输后年损耗量降低1/2—1/3.* *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России. С. 54; *Мухина Н.Е.* История создания Юго-Восточной железной дороги и ее роль в экономическом развитии Центрального Черноземья: 1865–1913. Воронеж, 2007. С. 109.

³⁸ Экономическая история России. Том 1. С. 522.

³⁹ *Истомина Э.Г.* Роль Волжского воднотранспортного бассейна в формировании регионального социоэкономического пространства европейской России во второй половине XIX — начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 225; Экономическая история России. Т. 1. С. 522.

Несмотря на невозможность эксплуатации Волжского водного пути в засушливые годы и в зимний период, его потенциал для перевозки таких товаров, как зерно, рыба, лес, соль, сельскохозяйственная продукция, был велик и в целом отвечал потребностям экономического развития России. Работа этой транспортной артерии синхронизировалась с сельскохозяйственным циклом и сезонными скачками потребительского спроса. Водные пути обеспечивали товарообмен между экономически развитыми и отсталыми регионами, промышленными и сельскохозяйственными центрами. В целом внутренний речной транспорт способствовал увеличению грузооборота, ускорению экономического роста и повышению емкости внутреннего рынка.

Волжский водный путь: структура и объем грузопотока

Номенклатура перевозившихся по Волге товаров была широка. Хотя структура грузопотока со временем менялась, список основных товаров оставался прежним, включая зерно, соль, чугун, железо и изделия из него, лен, парусину, изделия из кожи, сельскохозяйственные продукты, промышленное сырье и строительные материалы. Во второй половине XIX в. к этому списку добавились промышленные товары (в первую очередь продукция химической и машиностроительной отраслей), уголь и нефть. Эволюция водного транспорта в России была тесно связана с процессом индустриализации.

Грузопоток по основному течению Волги и его структура. На структуру и объем грузопотока Волжского водного пути влияли такие факторы, как расположение промышленных и сырьевых центров, география местности и пропускная способность волжских портов. Вдоль основного течения Волги крупнейшими являлись порты Астрахани, Нижнего Новгорода и Рыбинска.

Астрахань — крупный портовый город в низовьях Волги, расположенный вблизи ее впадения в Каспийское море. Через Астрахань различные товары, среди которых важнейшими были рыба, соль и масло, отправлялись вверх по Волге. Некоторое количество рыбы вывозилось за рубеж, но основная ее масса шла в Нижний Новгород и Рыбинск. Помимо свежей и сушеной рыбы, Астрахань также была богата икрой: низкосортную икру потребляли на месте, а первосортная через верховья Волги направлялась на экспорт⁴⁰. В 1871 г. по Волжскому и Мариинскому каналам в северо-западный район страны было перевезено 8,5 млн пудов рыбы на сумму 10,6 млн руб.⁴¹ В конце XIX в. рыболовство в Астрахани было хорошо развито: средний объем перевозимой по водному пути рыбы составлял 15 млн пудов. В 1913 г. астраханский рыбный промысел достиг 28 млн пудов (44 % от общероссийского улова)⁴².

В последней трети XIX в. важное место среди товаров, перевозившихся по Волге, заняли сырая нефть и нефтепродукты. Более 80 % нефти, добытой на

---

⁴⁰ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 238.

⁴¹ Борковский И. Торговое движение. С. 1.

⁴² Бессолицын А.А. Поволжский регион. С. 198; Халин А.А. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии и региона: 1830-е — 1900 г. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 187.

Бакинских нефтяных месторождениях, доставлялось водным путем в промышленные районы европейской части России — прежде всего в С.-Петербург и Москву. С 1880-х гг. до начала XX в. объем перевозок бакинской нефти и нефтепродуктов увеличился с 65 до 400 млн пудов. Нефтеналивные суда шли из Баку через Астрахань вверх по Волге⁴³, доля нефти, перевезенной по железной дороге, была незначительна.

Нижний Новгород, расположенный у слияния Оки и Волги, являлся крупнейшим портом и перевалочным пунктом в среднем течении Волги. Перевозка товаров осуществлялась в следующих направлениях: по Оке в губернии, по территории которых она протекала, и в Москву; через Рыбинск и Волго-Балтийский водный путь в С.-Петербург; затем, в речные порты в нижнем течении Волги. Регулярная ярмарка в Нижнем Новгороде обеспечивала широкий сбыт товаров⁴⁴.

В первой половине XIX в. товарооборот с азиатскими странами превышал соответствующий показатель по европейской границе России. Лидирующие позиции на азиатском торговом направлении удерживал Китай (80 % стоимости российского экспорта и 65 % импорта), на долю которого также приходилось до 90 % российской чаоторговли. Чай в первой половине XIX в. играл роль своеобразного «двигателя» Нижегородской ярмарки: в свою очередь, кяхтинские купцы в большом количестве закупали здесь российский текстиль и вывозили его в Китай. В 1860—1880 гг. на долю Китая приходилась половина всей азиатской торговли России. Китайский чай по-прежнему хорошо продавался в России. В начале XX в. товарооборот между Китаем и Россией сократился⁴⁵.

В 1850-х гг. в России насчитывалось 4 670 мелких и средних ярмарок, где в среднем продавалось товаров на 160 млн руб. При этом товарооборот Нижегородской ярмарки в тот период составлял около 800 млн руб.⁴⁶, достигнув в 1890-е гг. 1,9 млрд руб.⁴⁷ В весовых показателях грузооборот нижегородского порта вырос с 940 млн пудов в 1905 г. до 1,4 млрд пудов в 1913 г.⁴⁸ В связи с постепенным снижением роли торговых ярмарок и ростом нефтяной промышленности, нижегородский порт в начале XX в. стал несколько уступать астраханскому.

Рыбинск, раскинувшийся в междуречье Шексны и Волги, имел репутацию крупного центра хлеботорговли. В 1855, 1857 и 1860 гг. из других волжских портов в Рыбинск свозилось соответственно 69,8 %, 77,8 % и 61,3 % общего объема зерна⁴⁹. Лишь малая его часть отправлялась в Москву, основная масса продавалась в С.-Петербурге или шла на экспорт. Во второй половине XIX в. номенклатура товаров в порту Рыбинска постепенно расширялась при сохранении значительного грузооборота нефти, хлопка и промышленных товаров. Для нефти конечным пунктом назначения являлся С.-Петербург, куда она доставлялась по Мариинскому каналу.

⁴³ Самедов В.А. Нефть и экономика России (80–90-е гг. XIX в.). Баку, 1988. С. 52.

⁴⁴ Халин А.А. Система путей сообщения Нижегородского Поволжья. С. 90; Выборнов А.Ю. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX — начале XX веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 11.

⁴⁵ Выборнов А.Ю. Нижегородская ярмарка. С. 12.

⁴⁶ Халин А.А. Система путей сообщения Нижегородского Поволжья. С. 91–93.

⁴⁷ Экономическая история России. Т. 1. С. 74.

⁴⁸ Россия. 1913 год. С. 132.

⁴⁹ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 314; Прокофьев М. Наше судоходство. Вып. 6. СПб., 1872. С. 5.

Астрахань являлась отправной точкой Волжского водного пути: именно здесь генерировался крупный грузопоток, еще более увеличивавшийся по мере прохождения торговых судов через волжские порты. Портами назначения являлись Нижний Новгород, Рыбинск и Петербург. Таково было основное направление грузопотока на Волжском водном пути.

Грузоперевозки по притокам Волги. Направление основного течения Волги с севера на юг, а главных ее притоков, Оки и Камы, — с запада на восток — позволяло осуществлять межрегиональный товарооборот. Кама являлась каналом сбыта сырья, которое затем доставлялись до пункта назначения по Оке и северо-западной системе каналов. Анализ объема и структуры грузопотока на притоках Волги может существенно дополнить картину грузоперевозок на всем Волжском водном пути.

Кама являлась основным маршрутом для перевозки металлов, дерева, чая и сибирских товаров в Уральском регионе. Грузы, как правило, доставлялась по Каме в Нижний Новгород, откуда они через Рыбинск, Мариинский, Тихвинский каналы и Ладожское озеро прибывали в Петербург. Из Нижнего Новгорода товары также доставлялись в порты Оки, откуда затем по большей части следовали в Москву, а также в Симбирск, Самару и Саратов, расположенные в нижнем течении Волги. Изделия из железа попадали в Сибирь, а оттуда в Центральную Азию. Особо примечательными товарами камских портов являлась продукция металлургической промышленности и древесина.

До 1890-х гг. Урал являлся центром российской металлургии. Основная масса уральской продукции находила сбыт в Центральном промышленном районе и С.-Петербурге. Около половины уральских металлургических заводов перевозили свою продукцию по р. Чусовой. В 1871 г. 28 % этой продукции было реализовано в бассейне Камы, 65,9 % — в верхневолжских портах (Рязань, Нижний Новгород, Москва, Ярославль, Кострома, Рыбинск, С.-Петербург), 6,1 % — вдоль нижнего течения Волги (Симбирск, Самара, Сызрань, Саратов и Астрахань). В 1876 г. показатели составили 24,1 %, 70 % и 5,9 % соответственно⁵⁰. Как следует из приведенных данных, абсолютное большинство железа и изделий из него направлялось в Верхневолжье, при этом доля Нижнего Новгорода и С.-Петербурга за пятилетие несколько увеличилась.

До начала 1890-х гг. Центральный Урал не имел железнодорожного сообщения с европейской Россией и потому доставка продукции металлургических заводов велась исключительно водным путем. В 1899 г. на Урале было произведено 44,3 млн пудов железа, чугуна и стали. Часть этой продукции была перевезена по недавно сооруженной железной дороге, однако преобладающая часть направлена водным путем в верховья и низовья Волги, а также распределена среди уральских металлообрабатывающих заводов⁵¹. Наиболее высокий спрос на железо и изделия из него наблюдался в Нижнем Новгороде, Москве, Рыбинске и С.-Петербурге. Железнодорожное строительство началось на Урале в

⁵⁰ Тихонов Б.В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в. М., 1988. С. 102; Истомина Э.Г. Роль Волжского воднотранспортного бассейна. С. 224.

⁵¹ Тихонов Б.В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России. С. 113.

последней четверти XIX в. Однако с 1878 по 1913 гг. доля чугуна, железа и стали, перевезенных по железной дороге, выросла всего с 1,5 % до 3,6 %⁵².

Большая часть товаров из Поочья свозилась в Москву. Ока с ее притоками соединяет европейскую часть России с Волжским водным путем. Зерно из Курской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний по Оке перевозилось в Москву и С.-Петербург, из Орловской и Тульской губерний — главным образом в Калугу и ее окрестности.

В бассейне Оки в число главнейших статей грузоперевозок входили также соль, животное масло, пенька, деготь, древесная смола, металл, хлопок. В первой половине XIX в. перевозка товаров в Москву главным образом осуществлялась водным транспортом и в меньшей мере гужевым. Отправной точкой для большинства товаров, следовавших сюда водным путем, являлась Нижегородская ярмарка. Текстиль, кожа, пряжа, продукты питания и импортные товары везлись из Москвы в обратном направлении: по Оке в низовья Волги, а по железной дороге — до Нижнего Новгорода.

В 1859—1862 гг. по Волжскому водному пути ежегодно в среднем перевозилось 170 млн пудов товаров на сумму 120 млн руб., в том числе по Оке 20 % физического объема и 14,4 % стоимостного итога, по Каме, соответственно, 17,6 % и 18,8 %.⁵³ В течение второй половины XIX в. показатели грузоперевозок по притокам Волги постепенно снижались.

Через Вышневолоцкую, Тихвинскую и Мариинскую водные системы С.-Петербург бесперебойно снабжался сельскохозяйственной продукцией. По Вышневолоцкому каналу помимо зерна и продовольствия в первой половине XIX в. транспортировали металл, древесину, строительные материалы и промышленное топливо. После открытия движения по Мариинскому каналу объемы поставок промышленных товаров, овощей, фруктов, металла, железа и леса в С.-Петербург стали нарастать, причем опережающими темпами развивался привоз продовольствия и продуктов питания. Во второй половине XIX в. основными товарами на данном направлении стали нефть и лесоматериалы⁵⁴. Тихвинский канал использовался для доставки промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции, продовольствия, строительных материалов и т.п. Таким образом, по Волжскому водному пути С.-Петербург снабжался всем необходимым, включая зерно, лес, нефть, соль, различные виды продовольствия, причем такие скоропортящиеся товары, как мясо, овощи и фрукты, доставлялись из верховьев Волги и бассейна Оки.

Рассмотрев общую структуру грузопотока по Волжскому водному пути, обратимся к детальному обзору грузоперевозок основных товаров, в первую очередь зерна и леса. Последний в течение всего рассматриваемого периода транспортировался преимущественно водным путем, тогда как зерно к концу XIX в. перевозилось приблизительно в равной пропорции водным и железнодорожным транспортом.

⁵² *Истомина Э.Г.* Роль Волжского воднотранспортного бассейна. С. 224.

⁵³ *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 296.

⁵⁴ История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX в.) / отв. ред. А.И. Афанасьева и др. Петрозаводск, 2000. С. 175; *Никольский И.В.* География транспорта СССР. С. 86; *Селиванов А.М.* История Ярославского края. С. 174.

Перевозка сельскохозяйственных товаров по Волге. Хлебопашество издавна являлось основой экономики России. Основные районы производства и потребления зерна располагались на значительном удалении друг от друга. Львиная доля внутренней торговли приходилась на хлеб и иные сельскохозяйственные продукты, причем основная масса зерна перевозилась по Волге. Российский торговый баланс поддерживался за счет экспорта сельскохозяйственной продукции, вывоз зерна по Балтийскому и Черному морям требовал поэтому создания мощной транспортной инфраструктуры.

Хлеб в зерне. Волга являлась основным маршрутом транспортировки зерна, что объяснялось географическим расположением районов его производства и потребления. В настоящем исследовании прослежена роль водного транспорта в снабжении регионов Российской империи различными видами зерновых культур. Характер и особенности хлеботорговли служат важным индикатором товарности сельского хозяйства и торгово-промышленного развития страны в целом.

Основными зернопроизводящими центрами в бассейне Волги являлись Самара, Саратов, Симбирск, Пенза, Рязань, Тула, Тамбов, Воронеж, Вятка, Казань, Уфа, Астрахань, Пермь, Кострома, Тверь, Орёл. Ряд районов имел свою зерновую специализацию: в Вятке, Тамбове, Рязани, Казани и Туле высокие урожаи давала рожь, но не родилась пшеница; в Самаре, Саратове и Уфе в изобилии произрастали рожь и пшеница, но не хватало ячменя; и только в Воронежской области имелись благоприятные условия для выращивания всех зерновых культур. С.-Петербург, Астрахань, Нижний Новгород и Москва в основном получали зерно извне.

По Волге зерно вывозилось главным образом из центральных черноземных районов Среднего и Нижнего Поволжья. Со временем центры производства смещались на юг. Порты на Волге и ее основных притоках принимали зерно как из близлежащих, так и более отдаленных районов. Зерно, что свозили в Астрахань, Самару, Саратов, Пензу и Казань, не хранилось в портах, а преимущественно отправлялось далее. В товарно-денежные отношения втягивались все новые и новые районы. В конце XIX в. пунктами назначения зерна, следовавшего из Саратова, Самары, Симбирска и Казани, являлись 35, 32, 12 и 3 губернии соответственно. К началу XX в. эти показатели увеличились до 36, 38, 23 и 7 губерний⁵⁵, что свидетельствовало об углублении специализации и повышении товарности хлебного рынка.

Что касается маршрутов перевозки по Волге, то пшеница и рожь следовали через Рыбинск в Петербург, зерно из Орла (р. Ока), Мценска (р. Зуша) и Поречского (р. Сура) свозилось в Москву, рожь и овес в зерне и муке доставлялись в район Уральского казачьего войска, а также в Астрахань и северные области Туркестанского края, некоторое количество хлеба отправлялось в Сибирь по Каме. Сводные данные об объеме и стоимости товаров, перевезенных по Волге до середины XIX в., отсутствуют, тогда как за вторую половину XIX в. такие сведения имеются. В середине XIX в. по Волге было перевезено 105 млн пудов товаров, из которых 55,2 млн пудов (52 %) составляли сельскохозяйственные

---

⁵⁵ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX в. — начало XX в.). М., 1999. С. 98, 194.

товары. В 1884–1891, 1892–1899 и в 1901–1907 гг. среднегодовой объем перевезенного зерна равнялся 98,1 млн, 140 млн и 210 млн пудов соответственно. В 1909 г. этот показатель возрос до 300 млн пудов⁵⁶.

Основные губернии-экспортеры зерна (Симбирская, Самарская, Саратовская, Казанская и Пензенская) отличались между собой видами, пунктом назначения и объемом вывозимого зерна. Так, из Симбирской губернии зерно главным образом доставлялось в порты Рыбинска и Казани. Во второй половине XIX в. объемы хлеботорговли из Симбирска быстро росли, в 1857–1861 гг. по водному пути вывозилось в среднем 8,2 млн пудов⁵⁷.

В Саратовской и Самарской губерниях хлеб в зерне занимал первое место в списке вывозимых товаров и преимущественно вывозился в Астраханскую, Казанскую, Ярославской губернии, а также в районы бассейна Дона. Речные порты Саратовской губернии процветали благодаря хлеботорговле. В 1811 г. через порты Саратова в общей сложности прошло 138 тыс. четвертей зерна⁵⁸, в 1846 г. — 550 тыс.⁵⁹

В начале XX в. зерно из упомянутых губерний продолжали интенсивно вывозить: в 1905–1909 гг. водным путем отсюда в среднем поступало 22,9 млн пудов зерна и муки в год. В 1909–1913 гг., вследствие резкого сокращения водных перевозок, этот показатель снизился до 11,2 млн пудов в год⁶⁰.

Из Самарской губернии в значительном масштабе вывозилась пшеница твердых сортов. В то же время сюда доставляли пшеницу из других регионов. Маршруты вывозы зерна из Самарской губернии в основном совпадали с саратовскими, однако большая его часть отправлялась в С.-Петербург. В 1857–1897 гг. вывоз пшеницы из Самарской губернии вырос с 10 до более чем 40 млн пудов, большая часть зерна направлялась в верховья Волги⁶¹. Построенная в конце XIX в. Самарская железная дорога оттянула на себя часть перевозок, но основные объемы продолжали транспортироваться по воде⁶².

В начале XX в. главными губерниями, обеспечивавшими экспорт зерна Российской империи, являлись Донская, Самарская, Кубанская, Саратовская и пр. На внутрироссийском зерновом рынке лидерство принадлежало Самарской и Саратовской губерниям, на которые в 1901–1903 и 1908–1911 гг. приходи-

⁵⁶ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 190; Россия. 1913 год. С. 129, 293; Китанина Т.М. Хлебная торговля России. С. 57, 129; Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 19.

⁵⁷ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 72; Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 348.

⁵⁸ Истомина Э.Г. Водные пути России. С. 106.

⁵⁹ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 223.

⁶⁰ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 190; Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 331.

⁶¹ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 254; Целиков С.А. Строительство и эксплуатация Самаро-Златоустовской железной дороги и ее влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Самара, 2006. С. 112; Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 299.

⁶² Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 50.

лось 41,1 % и 38,6 % товарооборота зерновых⁶³. Из Казанской губернии зерно перевозилось главным образом по Волге и Каме в города Верхнего и Нижнего Поволжья и на Урал. Вплоть до 1914 г. грузооборот водных путей в губернии составлял в среднем 160 млн пудов в год, из которых более половины приходилось на зерно⁶⁴.

Пензенская губерния также являлась крупным зернопроизводящим районом, откуда зерно вывозилось в центральную Россию, С.-Петербург, Саратов, Астрахань, а также в земли Области Войска Донского. В 1840–1860 гг. из порта Лысково Нижегородской губ. ежегодно отправлялось порядка 100 судов, груженых рожью, пшеницей и другим зерном на общую сумму около 1 млн руб.⁶⁵

В конце XIX в. быстрый рост экспорта зерна из портов Саратова и Царицына происходил на фоне ежегодного сокращения вывоза из Казани, Симбирска и Камышина. Продовольственные грузы для внешнего вывоза в портах Самары, Саратова, Казани и Симбирска в этот период составляли соответственно 44,9 %, 22,8 %, 20,6 % и 11,7 % от общего грузооборота⁶⁶. Постепенное формирование единой сети сообщений, объединившей водный и железнодорожный транспорт, способствовало подъему поволжских портов до уровня общероссийских центров торговли.

С конца XIX в. объем внешних перевозок зерна портами Поволжья резко возрос: среднегодовые показатели в Самарской и Саратовской губерниях составили 38,4 млн и 11,2 млн пудов соответственно.⁶⁷ Из Самары в основном вывозилась пшеница, из Саратова — мука. Из пунктов Казанской, Симбирской и Казанской губерний доставлялись рожь и ржаная муки, а также овес.

В условиях железнодорожного бума, несмотря на рост абсолютных показателей, доля речных перевозок зерна в совокупном грузообороте волжского бассейна сокращалась. К началу XX в. железные дороги по объему перевозимого зерна обогнали речной транспорт. Абсолютные показатели водных перевозок зерна также обнаружили тенденцию к сокращению: в 1913 г. было перевезено лишь 87,5 % от уровня 1901 г.⁶⁸ В 1905 г. зерна и муки было перевезено по железной дороге 830 млн пудов, а речным транспортом — 370 млн пудов. В 1895–1900, 1901–1905, 1906–1911, 1911–1913 гг. на зерно, перевозимое железной дорогой, соответственно приходилось 76,4 %, 76,5 %, 80,5 % и 80,9 % от общего объема перевозок⁶⁹. В совокупном объеме грузов, перевезенных железнодорожным транспортом, доля зерновых грузов в 1890 г. составила 26,1 %, 1900 г. — 12,8 %, 1913 г. — 20,1 %. Аналогичные показатели для речного транспорта дают 12,5 %, 14,4 % и 12,7 %, соответственно⁷⁰. Таким образом, доля зерна в структуре железнодорожных перевозок в конце

⁶³ Давыдов М.А. Всероссийский рынок. С. 193.

⁶⁴ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 73.

⁶⁵ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 282.

⁶⁶ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 190.

⁶⁷ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 420; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 191.

⁶⁸ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 191.

⁶⁹ Россия. 1913 год. С. 130; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.

⁷⁰ Никольский И.В. География транспорта СССР. С. 193.

XIX — начале XX в. обнаруживает существенные колебания, тогда как данная пропорция в грузообороте водного транспорта оставалась относительно постоянной.

В условиях роста зерновой торговли важное значение имела специализация портов и создание соответствующей инфраструктуры, что стало фактором развития рынка в волжском бассейне. Между речными портами и железнодорожными линиями налаживалось транспортное сообщение. Напротив, в портах, удаленных от железных дорог, происходило сокращение грузооборота. Железнодорожный транспорт менял региональную систему путей сообщения в тесной взаимосвязи с водным, что способствовало развитию региональных рынков, налаживанию бесперебойных поставок зерна и стабилизации цен на хлебном рынке.

Снабжение зерном С.-Петербурга и Москвы. Разнородность географических условий России обусловила возникновение спроса и предложения на зерно на межрегиональном уровне. Хлеб доставлялся по Волге в нечерноземные и северо-западные регионы, в верховья Волги, Дона и казачьи станицы. Большая часть отправлялась в Москву и С.-Петербург, ведущие торгово-промышленные центры страны, нуждавшиеся в привозном продовольствии. С.-Петербург, ставший столицей империи в 1713 г., с самого начала находился в зависимости от привоза зерна, поскольку данный регион был малопригоден для земледелия⁷¹.

Состояние источниковой базы не позволяет определить точный объем зерна, поставляемого в Москву и С.-Петербург, однако дает возможность установить, откуда оно поступало и в каком приблизительно количестве. В основном Москва получала зерно из низовьев Волги, Нижнего Новгорода, а также из Моршанска, расположенного на р. Цна и тесно связанного с зернопроизводящими губерниями низовьев Волги. Некоторое количество зерна доставлялось в Москву водным транспортом с прилегающих территорий, а также из Рыбинска, доставлявшего большую часть зерна в северо-западный район. В допетровский период хлеб привозили в Москву главным образом из окрестных деревень, однако по мере роста города этого источника становилось недостаточно. С XVIII и до начала XX в. зерно в Москву доставлялось водным путем из низовьев Волги.

С 1836 по 1860 г. количество хлебов, поставляемых в Москву из губерний нижнего Поволжья, увеличилось с 7,1 млн до 10 млн пудов⁷². По мере расширения железнодорожной сети привоз зерна в Москву по воде из низовьев Волги замедлялся. Тем не менее, из Нижнего Новгорода во второй половине XIX в. его завозили достаточно много. В свою очередь, в Нижний Новгород хлеб поступал в основном из Самарской, Саратовской, Астраханской, Тамбовской и Пермской

⁷¹ *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 232; *Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики. Исторический очерк о водных путях и судоходстве. СПб., 2009. С. 38.

⁷² *Истомина Э.Г.* Водный транспорт как фактор развития внутренней и внешней торговли; Динамика и темпы аграрного развития России: Инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л.В. Милов. Орел, 2006. С. 56; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 288.

губерний, в итоге транзит зерна через Нижний Новгород в 1860–1880 гг. увеличился с 6 млн до 8,9 млн пудов. В 1900 г. доля транзитных грузов на Волжском водном пути составила 10,9 % от общего объема перевезенного зерна⁷³. Мука в Нижний Новгород поступала из Самарской, Саратовской и Астраханской губерний, на долю которых в 1892–1909 гг. приходилось соответственно 8 %, 20 % и 8 % от общероссийского объема⁷⁴.

До середины XIX в. транзит зерна из Рыбинска в Москву был невелик. Во второй половине XIX в., с прокладкой железных дорог в бассейне Волги, объемы транзита зерна по железной дороге через Рыбинск в Москву значительно увеличились. В конце XIX в. из Рыбинска в Москву ежегодно поступало порядка 20–30 млн пудов зерна⁷⁵.

В С.-Петербург водным путем зерна доставлялось больше, чем в Москву. Помимо природно-климатических условий, не позволявших городу обеспечивать себя зерном в нужном объеме, повышенный спрос на него в столице объяснялся экспортом зерна через петербургский порт⁷⁶ и необходимостью продовольственного обеспечения расквартированного в городе военного гарнизона. Удаленность С.-Петербурга от зернопроизводящих районов и спекулятивные действия торговцев зерном служили причиной значительных колебаний цен на хлеб. Стремясь стабилизировать цены и покончить со спекуляцией в С.-Петербурге, правительство внедрило особую систему ценообразования на зерно, оборудовало склады с запасами хлебов и начало борьбу с черным рынком (в итоге цены на продовольствие в С.-Петербурге с 1817 г. стабилизировались, но все еще сильно зависели от урожая)⁷⁷. В случае если товара, привозимого в столицу по Волжскому водному пути, оказывалось недостаточно, практиковался беспошлинный ввоз из-за границы. Предназначенное для отправки в С.-Петербург зерно в основном свозилось в Рыбинск, а маршруты его доставки до столицы менялись с течением времени: до 1810 г. его везли через Вышний Волочек и Ладожское озеро, а позже главным образом через Вышневолоцкую, Мариинскую и Тихвинскую водную системы.

К началу XX в. ежегодный объем зерна, привозимого по водному пути в Рыбинск, достиг 100 млн пудов⁷⁸. В середине XIX в. 85 %–90 % зерна, привозимого в С.-Петербург водным путем, приходилось на долю Вышневолоцкого и Мариинского каналов, остальные 10 %–15 % доставлялись по Тихвинскому каналу⁷⁹. С середины XIX в. объем ежегодного водного транзита зерна через Вышний Волочек постепенно сокращался в связи с ростом железнодорожных перевозок: с 16,5 млн пудов в 1855–1866 гг. до 14 млн в 1867–1875, 11 млн в

⁷³ Халин А.А. Развитие системы путей сообщения. С. 84, 175, 190.

⁷⁴ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 422.

⁷⁵ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 73.

⁷⁶ Китанина Т.М. Хлебная торговля России. С. 55.

⁷⁷ Пушкирев И.И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. С. 624, 626; Семенова Л.Н. снабжение хлебом Петербурга в XIX в. (Правительственная политика); Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / отв. ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. С. 9.

⁷⁸ Истомина Э.Г. Водный транспорт как фактор развития внутренней и внешней торговли. С. 5; Экономическая история России. Т. 1. С. 410.

⁷⁹ Веселовский Н.А. От Волги до Балтики. Исторический очерк о водных путях и судоходстве. С. 57.

1877 и 8 млн в 1879–1880 гг. В дальнейшем эта тенденция сохранилась⁸⁰. В начале XX в. перевозка зерна к С.-Петербургу по воде значительно уступала по объему транспортировке древесины.

Стоит особо подчеркнуть, что с 1890-х гг. по железной дороге в С.-Петербург ежегодно ввозилось 25–30 млн пудов при годовой потребности города в 64 млн пудов. К концу XIX в. водным транспортом в С.-Петербург ввозилось существенно меньше зерна по сравнению с серединой столетия. Однако в новом веке водный транспорт снова вышел в лидеры: так, в 1908 г. водным путем в С.-Петербург было доставлено 49,9 млн пудов зерна, тогда как железнодорожным транспортом — всего 11,9 млн пудов⁸¹. В 1913 г. объем зерна, доставленного в город по воде, составлял 40,4 млн пудов⁸².

Зерно являлось одним из основных товаров как внутренней, так и внешней торговли Российской империи. В свою очередь Волжский торговый путь играл центральную роль в хлебной торговле страны. Зерно из черноземных регионов (преимущественно в среднем течении Волги) перевозилось водным путем в Центрально-промышленный и Северо-Западный районы, что способствовало углублению их экономической специализации. Процессы индустриализации и урбанизации требовали доставки в городские центры существенно иных объемов продовольствия. Более половины губерний европейской части России нуждались в привозном зерне, закупаемом на специализированных рынках. Согласно имеющимся данным, в 1916 г. жизнь почти 19 млн горожан зависела от этих поставок (при этом общая численность жителей Москвы и С.-Петербурга составляла 4,4 млн человек)⁸³.

В итоге росла товарность сельскохозяйственного производства. Функционирование Волжского водного пути подчеркивает решающую роль товарных отношений в продовольственном обеспечении страны, способствовало развитию зернового рынка и экономической специализации регионов. Российские сельскохозяйственные производители стремились увеличивать запасы зерна, предназначенного для продажи, что стимулировало развитие внутренней и внешней торговли.

Перевозки строительного леса. Изучение перевозок древесины, также как и сельскохозяйственной продукции, дает ценные сведения о состоянии транспортной системы, формировании рынка торговли лесом и в целом о торгово-промышленном развитии страны. Вместе с тем, имеющиеся в распоряжении исследователей источники накладывают определенные ограничения на возможность установления ряда параметров грузооборота.

⁸⁰ Прокофьев М. Наше судоходство. Вып. 6. С. 9; Быков Л.С. По Петровскому указу — канал на древнем волоке. С. 206; Веселовский Н.А. От Волги до Балтики. С. 57; Никольский И.В. География транспорта СССР. С. 191.

⁸¹ Ляцко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 520; Давыдов М.А. Всероссийский рынок. С. 53.

⁸² Россия. 1913 год. С. 132.

⁸³ Миронов Б.Н. История в цифрах. Л., 1991. С. 132; Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города. С. 234; Веселовский Н.А. От Волги до Балтики. С. 38.

Таблица 1.

Лесистость губерний Российской империи, 1914 г.

Северо-Западный регион		Южный регион	
Название губернии	% территории, покрытой лесами	Название губернии	% территории, покрытой лесами
Вологодская	78	Ставропольская	0,6
Олонецкая	64	Астраханская	0,9
Новгородская	62	Херсонская	1,7
Архангельская	61	Полтавская	5
Пермская	59	Таврическая	5,3
Вятская	40	Курская	6
		Воронежская	7
		Тульская	8
		Самарская	10
		Саратовская	10
		Симбирская	10

Источник: *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. С. 333; *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957, С. 104, 105, 132.

Как следует из Таблицы 1, перевозка леса зависела прежде всего от природно-климатического фактора распределения ресурсов. Лесоторговлю можно разделить на реализацию товара внутри собственной или соседних губерний и продажу древесины более отдаленным регионам, испытывавшим ее нехватку. Во втором случае лес из губерний, богатых древесиной, доставлялся обычно водным путем. Распределение лесных ресурсов и расположение рек в Европейской России создавало благоприятные условия для доставки древесины в губернии, которые нуждались в поставках этого товара. Удобен был и маршрут транспортировки из богатых лесом верховий Волги вниз по течению в направлении регионов, нуждавшихся в нем. Отсюда лес сначала приходил в Рыбинск, после чего направлялся в Нижний Новгород в среднем течении Волги, а уже оттуда переправлялся в низовья Волги (Самару, Царицын и Астрахань). Еще одним крупным транзитным пунктом служило устье Камы, откуда большая часть леса также направлялась в нижнее течение Волги.

Важную роль в торговле древесиной играли такие притоки Волги, как Молога и Шексна вместе с их собственными речной системой в Новгородской и Ярославской губерниях (Согожа и Ухра — притоки Шексны в ее нижнем течении). Лес, сплаваемый небольшими партиями по Согоже и Ухре, собирался на этих реках в плоты, которые затем отправлялись в Рыбинск. Согласно данным А. Балова, в 1890-е гг. из Ярославской губернии ежегодно сплавлялось порядка

400 тыс. бревен⁸⁴. Лес из Устюжского, Череповецкого и Кирилловского уездов по Мологе и притокам Шексны сплавлился из Ярославля в Рыбинск по Волге. Часть древесины из Новгородской губернии перевозилась в С.-Петербург по Тихвинскому и Мариинскому каналам. Во второй половине XIX в. лес, срубленный зимой в Тверской и Ярославской губерниях, сгружался на берегах Мологи и ее притоков Кобожи и Чагодоши. По сведениям Г. Воронова, в 1890-х гг. здесь каждую весну можно было наблюдать непрерывные вереницы плотов длиной до 35 верст. Однорядные сверхдлинные плоты для сплава леса вмещали до 500 тыс. бревен длиной 6–9 сажень, а четырехрядные сверхдлинные плоты — до 2 млн таких бревен. С помощью таких плотов за один раз в среднем сплавлилось 50–200 млн бревен⁸⁵. Бревна свозились в Рыбинск и распродавались там до конца июня. Купленный здесь торговцами лес в основном сплавлился по Волге в виде плотов, поэтому при транспортировке на дальние расстояния перевалка товара не требовалась.

Еще один маршрут лесосплава пролегал через Шексню к Волге. Бревна сперва порознь сплавлились по притоку Шексны р. Суда и ее притоку р. Колпь, затем соединялись в группы плотов и сплавлились по Шексне в Волгу до Рыбинска. Каждый год таким образом сплавлилось около 500 тыс. бревен, а иногда и больше⁸⁶. В 1890-х гг. на базе сортировочного пункта строительного леса у слияния Суды и Шексны была построена паровая лесопилка, где ежегодно обрабатывали 150 тыс. бревен, остальные плоты сплавлились по направлению к Волге⁸⁷. Лес и дрова для С.-Петербурга в основном доставляли на судах, которые лошади тянули с помощью канатов. Причалы Мологи, лесопилка на Шексне и порт Рыбинска на Волге служили главными рынками лесоторговли Верхневолжья. Лесной товар отсюда в основном поставлялся в обе столицы империи, реализовывался на месте и отправлялся на экспорт.

Торговцы покупали древесину из Рыбинска обычно на Макарьевской ярмарке и в Нижнем Новгороде, а также скупали лес, сплавливаемый по р. Унжа. Купленный товар отправляли на рынки Самары, Саратова и Астрахани в низовьях Волги. В первой половине XIX в. Макарьевская ярмарка работала ежегодно с 15 по 30 июня. Лес из Костромской губернии переплавлялся сюда по Унже и ее притокам. Так, в 1893 г. было сплавлено 100 тыс. бревен кругляка — преимущественно соснового и в меньшей степени елового⁸⁸.

Бревна примерно одинакового объема продавались лесосплавными плотами, цена устанавливалась, исходя из среднего размера бревен. Основными покупателями выступали собственники лесных складов Нижнего Новгорода и Самары. Не нашедший сбыта на Макарьевской ярмарке строевой лес вместе

⁸⁴ *Балов А.* Эксплуатация лесов в Пошехонье // Сельское хозяйство и лесоводство. 1894. Апрель. С. 10.

⁸⁵ *Воронов Г.* Очерк лесного хозяйства и торговли лесом в Новгородской губернии // Лесной журнал. 1896. Вып. III. С. 595–596.

⁸⁶ *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков в Европейской России во второй половине XIX — начале XX в. // Историческая география / отв. ред. В.К. Яцунский. М., 1960. С. 97.

⁸⁷ *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков. С. 97.

⁸⁸ *Пономарев Д.С.* О лесной торговле Волжско-Камского бассейна // Лесной журнал. 1896. Вып. I. С. 53–60.

с бревнами, срубленными в нижнем течении р. Нея (около 50 тыс. ежегодно), сплавлился до пос. Пучеж Костромской губ. Ежегодно по левому притоку Волги Унже сплавливалось 200 тыс. бревен, из которых 150 тыс. отправлялись в низовья Волги, а остальные 50 тыс. — к пристаням южнее Нижнего Новгорода⁸⁹. Дрова по Унже (средняя длина каждого полена — один аршин) перевозились на барках и паромах: ежегодно этим занимались около 150 барк, каждая из которых перевозила 500–700 сажень дров⁹⁰. На рынке лесоматериалов в Нижнем Новгороде ежегодно продавалось свыше 1 млн пудов липового лубяного волокна с берегов Камы, 1,5 млн мешков для соли из того же волокна, лыко для плетения корзин, 500 тыс. бочарных досок, а также такие изделия из дерева, как полозья и обода⁹¹.

Самым лесистым регионом России считался бассейн р. Ветлуга, впадающей в Волгу близ города Козьмодемьянск. Рынок в Козьмодемьянске, куда сплавлился лес из Вологды и Костромы по притокам Ветлуги, действовал ежегодно с 25 мая по 20 июня. С 1892 г. на рынок Козьмодемьянска также стал попадать лес из бассейна р. Суры. Ранее эта древесина скупалась местными жителями, населявшими бассейн Суры, однако вследствие неурожая 1891–1892 гг. локальный спрос на древесину упал и ее стали сбывать в Козьмодемьянске, где цены были выше. С тех пор лес из бассейна Суры ежегодно продавали в Козьмодемьянске и Казани.

На Суре располагалось семь крупных пристаней, принимавших сплавной лес. Промзино, Алатырь и Курмыш занимались только местной лесоторговлей, а через остальные четыре ежегодно 100 тыс. бревен сплавливалось в низовья Волги. Лесопильный завод вблизи Козьмодемьянска производил из бревен доски, шпалы, брус и пр. Распиленные лесоматериалы перевозили в порты, расположенные в низовьях Волги. В г. Курмыш на Суре производили бочарные доски (ежегодно около 3 млн штук⁹²), которые перевозили по Волге в С.-Петербург через Нижний Новгород и Рыбинск. По р. Ветлуга бревна сплавливали плотами, а дрова и малогабаритные лесоматериалы доставляли барками. Так, в 1894 г. по Ветлуге в Козьмодемьянск было сплавлено 500 тыс. бревен и прибыло 70 плоскодонных судов, груженных дровами и кругляком малого диаметра⁹³. По берегам Ветлуги работали шесть лесопильных заводов, для доставки продукции которых использовались те же барки.

В Козьмодемьянск съезжались лесоторговцы из низовьев Волги, сюда же прибывали коммерсанты из Москвы, интересовавшиеся квадратным брусом. Здесь был большой выбор леса и изделий из различных пород дерева самого разного размера и назначения. Торговля велась как за наличный расчет, так и в кредит. Большая часть закупленных лесоторговцами бревен, среднего и крупного бруса, подтоварников, брусьев, балок, шпал и др. перевозилась по Волге в Астрахань, меньше везли в Москву. Ежегодно в Казани сбывали 120–150 тыс. бревен и около 60–80 тыс. сажень дров, и, несмотря на близость Козьмоде-

⁸⁹ Цветков М.А. География внутренних лесных рынков. С. 98.

⁹⁰ Пономарев Д.С. О лесной торговле Волжско-Камского бассейна. С. 53–60.

⁹¹ Цветков М.А. География внутренних лесных рынков. С. 98.

⁹² Там же. С. 99.

⁹³ Там же. С. 100.

мянска, эту потребность удовлетворяли местные рынки. Тем не менее, козьмодемьянский рынок благодаря своему масштабу играл важную роль во внуртенной торговле лесом и изделиями из дерева.

Товар из бассейна Камы перевозили в низовья Волги, а затем из Астрахани в Каспийское море. В 1890-х гг. ежегодно по Каме в Волгу сплавляли около 850 тыс. бревен и 80–90 барок, груженых различными изделиями из дерева. Доски, брус и продукция сухой перегонки дерева (деготь) доставляли судами вниз по Волге, а большая часть липового лубяного волокна и изделий из него, бочарные доски, полозья, обода перевозились вверх по реке (т.е. против течения) на рынки Нижнего Новгорода. Бревна, связанные в плоты для сплава, и древесный уголь в мешках на плотках перевозили в Самару, Царицын и Астрахань. В 1895 г. по Каме в Волгу было отправлено большое количество переработанных лесоматериалов, в том числе 1,5 млн пудов сосновой смолы, 100 тыс. корзин, 3 млн досок, 600 тыс. мешков древесного угля, 300 тыс. пудов соснового дегтя, а также несколько миллионов саней, бочек, полозьев, колесных ободов⁹⁴.

На Каме и ее притоках не было рынков леса, однако мелкие лесоторговцы, проживавшие по берегам рек, имели деловые связи с крупными камскими коммерсантами. Самара, Саратов, Царицын, Астрахань в основном принимали сплавные плоты из бассейна Камы. В 1909 г. Самара, Саратов и Царицын вместе получили 10,5 млн пудов бревен в плотках, а в 1911 г. — уже 46 млн пудов. Из Царицына часть леса доставлялась в низовья Волги, Область Войска Донского, Воронежскую губ. и Закавказье. Ежегодно по Волге в плотках и барками в Астрахань переплавлялось около 25 млн пудов бревен. Их обрабатывали на местных лесопильных заводах, продукцию затем отправляли в Баку и на побережье Каспийского моря⁹⁵.

На основе имеющихся данных о перевозке леса по Волге и Каме невозможно воссоздать картину в масштабе всей страны. Тем не менее, о размахе лесоторговли позволяют судить такие косвенные сведения, как изменение показателя лесистости отдельных регионов. В 1861–1914 гг. лесистость европейской части России снизилась с 42,7 % до 35,1 %, причем снижение наблюдалось в губерниях как с богатыми, так и скудными лесными ресурсами. В конце XIX — начале XX в. в бассейнах Волги и Камы для плетения мешков из лубяных волокон ежегодно вырубалось более 5 млн липовых деревьев, возраст которых составлял 40–60 лет. Проблема сокращения площади лесов вызывала обеспокоенность правительства и прессы⁹⁶.

В последней четверти XIX в. торговля лесом в России продолжала набирать обороты. В 1880–1897 гг. в европейской части страны ежегодный объем лесоматериалов и дров, перевозимых по железной дороге, увеличилось со 150 млн до 200 млн пудов. Те же товары, доставляемые водным транспортом, в 1891–1896 гг. превысили 200 млн пудов в год⁹⁷. В 1907–1911 гг. среднегодовой объем перевозимых судами и плотками лесоматериалов превысил 1 млрд пудов. В 1913 г. по Волге, Неве и Северной Двине было перевезено 867 млн пудов строительного леса и

⁹⁴ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские промыслы Европейской России. С. 123.

⁹⁵ Цветков М.А. География внутренних лесных рынков. С. 108.

⁹⁶ Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России. С. 50, 51, 104, 123, 132; Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские промыслы Европейской России. С. 126.

⁹⁷ Экономическая история России. Т. 1. С. 410.

298 млн пудов дров. В 1905–1911 гг. количество перевезенных лесоматериалов и изделий из дерева выросло с 337 млн до 644 млн пудов, а дров — с 253 млн до 396 млн пудов⁹⁸. Таким образом, водный транспорт играл исключительно важную роль в перевозке строительного леса и изделий из дерева.

Влияние Волжского водного пути на транспортную инфраструктуру

Итак, водный транспорт являлся ключевым элементом товарооборота и торговли Российской империи. Движение товаров по Волжскому водному пути, соединявшему Балтийское и Каспийское моря, стимулировало торгово-промышленное развитие страны. В дальнейшем динамика перевозки основных групп товаров (зерно, древесина, изделия из металла) водным транспортом будет сопоставлена с данными их транспортировки по железной дороге. Наличие Волжского водного пути при растущем товарном производстве способствовало формированию централизованных рынков зерна и леса и товарной специализации отдельных регионов. Рост товарооборота на Волжском водном пути стимулировал развитие российского судостроения, парусного и парового флота. Именно судостроение как отрасль, непосредственно связанная с водной инфраструктурой и перевозкой сырья по воде, может служить индикатором развития Волжского водного пути.

Рынок продолжает расширяться: объем и размах. Рассмотрим влияние водного транспорта на динамику развития товарного рынка в 1900–1914 гг. Для понимания этого влияния необходимо изучить такие аспекты, как стоимость грузовых перевозок, их валовый объем в расчете на одну версту, среднюю дистанцию, перевалку товаров между водным и сухопутным транспортом, товарооборот речного и сухопутного транспорта и др. Указанные параметры анализируются на хронологическом отрезке, охватывающем период после 1900 г., поскольку к тому времени железнодорожный транспорт в России за полвека успел достаточно развиваться и догнать по объему грузоперевозок водный.

Стоимость фрахта, т.е. платы за перевозку товаров, определялась в соответствии с количественным индексом, присваиваемым каждому товару. Министерство путей сообщения, которое в то время отвечало за сбор и публикацию соответствующих статистических данных, отмечало, что индекс не был особенно точным. Тем не менее эти данные позволяют составить представление о динамике грузоперевозок. В 1907–1911 гг. по Волге в среднем за год перевозилось товаров на сумму 701,4 млн руб. В 1912 г. было перевезено товаров на 804,2 млн руб., в том числе паровыми судами на 306,3 млн руб. и судами, не оснащенными двигателем, — на 467,6 млн руб. Стоимость товаров, перевезенных сплавными плотами, т.е. лесоматериалов, составляла 30,3 млн руб.⁹⁹ В 1912 г. стоимость товаров, перевезенных по Волге, равнялась 72 % от общего итога 14 основных рек европейской части России (Днепр — 11 %, Нева, Северная и Западная Двины вместе взятые — 3 %).

---

⁹⁸ Россия. 1913 год. С. 116, 129–130, 132.

⁹⁹ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 133. Перевозка по внутренним водным путям в 1912 г. Ч. 2. СПб., 1915. С. 19.

Грузооборот основных товаров был сосредоточен в нескольких портах. В 1912 г. на Волге действовало семь портов и 33 пристани, суммарный грузооборот которых превышал сотни миллионов рублей. Крупнейшим портом являлась Астрахань. Стоимость отправленных отсюда в 1912 г. товаров достигала громадной суммы 220,5 млн руб.¹⁰⁰ Причина крылась в том, что из Астрахани по воде вывозилось почти столько же бакинской нефти и керосина, сколько потом перевозилось всем водным транспортом России.

В 1912 г. в России имелось 12 речных портов (большая их часть располагалась на Волге), грузооборот которых превышал 20 млн руб. в год. Первое место занимал Нижний Новгород, куда было привезено товаров на 121 млн руб. — в основном тканей и промышленных товаров, предназначенных для продажи на Нижегородской ярмарке. Стоимость товаров, доставленных в эти 12 портов, достигала 486,7 млн руб., или 44 % от общего итога водного транспорта европейской части России¹⁰¹.

Таблица 2.

**Перевозка товаров
разными видами речного транспорта европейской России,
1902–1912 гг.**

Вид транспорта	1902–1911 (в среднем в год, млн пуд.)	% от итога	1912 (млн пуд.)	% от итога	Динамика (%)
Пароходы	126,7	1,3	136,8	1,07	+8
Непаровые суда	1 332,1	13,4	1 438,7	11,2	+8
Лодки	8 503,0	85,3	11 267,0	87,7	+32,5
Лесосплавные плоты	1,64	0,02	0,78	0,01	-52,5
Итого	9 963,4	100	12 843,3	100	+28,9

Источник: Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. С. 728–729.

Как следует из Таблицы 2, основная масса товаров, транспортируемых по воде, перевозилась весельными и непаровыми судами. Пароходы же отнюдь не являлись локомотивами речного транспорта в России. Перевозка товаров ими наладилась сравнительно поздно, ее стоимость была высока, эти суда имели большую осадку и, соответственно, ограниченную проходимость. На лодках в основном перевозились дрова и строительная древесина, на лесосплавных плотках — кустарные изделия и сырье.

¹⁰⁰ Там же. С. 19, 21; Экономическая история России. Т. 2. С. 524.

¹⁰¹ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 133. С. 24.

Таблица 3.

**Перевозка основных товаров водным транспортом,
1907–1911 гг. (млн пудов)**

Годы \ Товары	Зерно	Нефть	Древесина	Всего товаров
1907	205	215	1142	2198
1908	213	207	1122	2205
1909	307	249	1265	2552
1910	354	252	1462	2802
1911	328	278	1464	2997

Источник: Статистический ежегодник на 1914 год. СПб. Совет Съездов представителей промышленности и торговли, 1914, С. 728–729; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 129–130.

Динамика перевозки основных товаров в 1907–1911 гг. представлена в Таблице 3. Из 24 видов товаров крупнейшими по объему перевозок являлись зерно, нефть и продукты ее переработки, строительный лес и дрова. Среди зерновых первое место занимали пшеница, ячмень и пшеничная мука. Наиболее динамичный рост грузооборота демонстрировали сахар, соль, уголь, чугун, керосин, лесоматериалы, тогда как перевозка льна и дров, напротив, обнаруживала тенденцию к снижению. На Волгу приходилось более половины всех перевозок водного транспорта Европейской России.

При анализе данных грузоперевозок следует учитывать, что в ходе доставки один и тот же товар мог перевозиться различными видами речного транспорта и к тому же транспортироваться по железной дороге. В России насчитывалось 109 портов, в которых осуществлялись как железнодорожные, так и водные перевозки, однако лишь по 26 из них имеются сведения на 1911 г., подтверждающие факт перегрузки с одного вида транспорта на другой. Тогда в 26 портах с железнодорожного на водный транспорт было перегружено товаров весом 121,2 млн пудов, а с водного на железнодорожный — 271,2 млн пудов. Например, в 1911 г. в крупнейшем пункте перевалки грузов — Царицыне — товаров, перегруженных с водного на железнодорожный транспорт, значилось на 49,6 млн пудов, а перегруженных с железнодорожного на водный — только 26,3 млн пудов¹⁰². Таким образом, объем товаров, перегружаемых с водного на железнодорожный транспорт, в два с лишним раза превышал обратный показатель.

Причина крылась в постоянном расширении железнодорожной сети, охватывавшей все новые территории, тогда как водный транспорт в силу географических ограничений не всегда мог доставить товар непосредственно заказчику. Таким образом, железнодорожный транспорт использовался для доставки то-

¹⁰² Истомина Э.Г. Роль Волжского воднотранспортного бассейна в формировании регионального социоэкономического пространства С. 225; Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 12. Железные дороги в 1911 г. Ч. 2. СПб., 1914. С. 19.

вара до пункта назначения. Вместе с тем водный транспорт также не утрачивал значения благодаря большой грузоподъемности и возможности транспортировки за один рейс различных товаров.

В статистике грузоперевозок существовал также такой показатель, как объем перевозок в расчете на версту, отражавший эффективность транспорта. В 1882–1886 гг. и 1911 г. совместный такой показатель на версту железнодорожного и водного транспорта в европейской части России увеличился на 377 %, при этом на железнодорожном транспорте он вырос на 417 %, а на водном — на 334 %¹⁰³. За 1882–1911 гг., т.е. почти за 30 лет, протяженность железных дорог увеличилась без малого вдвое, тогда как водные пути остались практически неизменными.

За водным транспортом сохранялось преимущество по объему перевозок, поскольку по воде грузы доставлялись на гораздо более дальние расстояния. В 1882–1886 гг. средний маршрут перевозки пуда товаров на водном и железнодорожном транспорте составлял соответственно 663 и 313 верст, в 1911 г. — 827 и 454 верст. В 1882–1886 гг. и в 1911 г. среднее расстояние перевозки водным транспортом зерна, соли, нефти, продуктов переработки нефти, угля, древесины и колотых дров составляло 702–834 верст, 1187–1129 верст, 1299–1678 верст, 848–148 верст и 503–653 верст соответственно, а железнодорожным транспортом — 495–522 верст, 496–408 верст, 617–507 верст, 308–368 верст и 153–363 верст¹⁰⁴.

Очевидно, что среднее расстояние перевозки на водном и железнодорожном транспорте возрастало, однако у водного этот показатель более выражен. По воде в основном перевозились лесоматериалы и дрова, причем средняя дистанция здесь была намного выше, чем на железнодорожном транспорте (это было связано с тем, что места вырубki лесов отодвигались все дальше, а центры потребления древесины оставались прежними). Средняя дистанция перевозки нефти и нефтепродуктов по воде также была намного выше, чем по железной дороге. В каменноугольной отрасли отгрузка угля для перевозки по воде была довольно сложной из-за нехватки удобных водных путей, и потому здесь железнодорожный транспорт играл более важную роль.

Плотность движения представляет собой отношение объема грузооборота к протяженности водных путей и железных дорог и выражается в среднем объеме перевозок на версту. В целом плотность движения железнодорожного транспорта была несколько выше, чем водного. В 1907–1911 гг. она выросла с 41,4 до 50,2 млн пудов, а на водном транспорте увеличилась с 32,8 до 40,3 млн пудов¹⁰⁵. Средняя плотность движения на Волге определялась суммой показателей по Волге и Каме, а также Неве, поскольку та являлась важной частью Мариинского канала и несла большой объем грузов от Волги, и превышала соответствующий показатель на железной дороге.

Не забудем, что протяженность водного пути в силу географических ограничений практически не изменялась, тогда как сеть железных дорог непрерывно росла. Период навигации водного транспорта составлял примерно 8 месяцев в

¹⁰³ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 128. Ч. 2. С. 22.

¹⁰⁴ Там же. С. 26.

¹⁰⁵ Там же. С. 27.

году, а железная дорога работала круглогодично. Одновременно проявлялись и конкуренция, и взаимодействие водных путей и железных дорог, что необходимо учитывать для понимания роли и масштабов водного транспорта в пореформенной России.

Развитие сельского хозяйства. 1880-е гг. стали временем активного включения в сельскохозяйственный оборот плодородных земель юга России, использовавшихся в первую очередь для выращивания зерновых. Расширение запашки в Центрально-Черноземном районе происходило преимущественно за счет лугов и пастбищ. На севере и северо-западе страны площадь угодий, отведенных под зерновые, постепенно сокращалась за счет технических культур. Стремительное освоение пахотных земель в начале XX в. было связано с активностью крестьянских хозяйств Сибири и Центральной Азии. К 1914 г. общая площадь посевных земель в России достигла 100 млн десятин¹⁰⁶.

Увеличение валового сбора зерна во второй половине XIX — начале XX в. происходило не только за счет расширения запашки, но и интенсификации сельскохозяйственного производства¹⁰⁷. В 50 губерниях европейской части России среднегодовой валовой сбор зерновых к началу XX в. вырос с 1,6 млрд пудов (26,4 млн т) до 3,69 млрд пудов (59 млн т)¹⁰⁸. В 1909–1913 гг. этот показатель достиг 4,9 млрд пудов (78,4 млн т)¹⁰⁹. В своем исследовании П. Грегори показал, что в 1880–1905 гг. сельскохозяйственное производство в России росло быстрее, чем сельское население¹¹⁰. Урожайность сельскохозяйственных культур на единицу площади в европейской части России быстро увеличивался. Что касается зерновых, то в 1861–1870 гг. с одной десятины собирали в среднем 29 пудов зерна, в 1871–1880 гг. — 31 пуд, в 1881–1890 гг. — 34 пуда, в 1891–1900 гг. — 39 пудов¹¹¹. Таким образом, за полвека урожайность зерновых в России увеличилась в полтора раза.

Одним из главных признаков интенсификации сельскохозяйственного производства является увеличение его товарности, т.е. производства продукции сверх потребностей производителя с целью продажи на рынке и получения дохода. В целом в 1860–1910 гг. в сельском хозяйстве России наблюдалось увеличение товарности, хотя в погубернском исчислении этот показатель заметно колебался. Если в 1850–1860 гг. на продажу шло в среднем 15% собранного зерна, в конце XIX в. — 18–20 %, а к 1913 г. на рынок поступало порядка 26–33 % зерна¹¹². До начала Первой мировой войны сбыт зерна внутри страны

¹⁰⁶ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. С. 61.

¹⁰⁷ 张广翔、齐山德：《18世纪末—20世纪初俄国农业现代化的阶段及其特征》，《吉林大学社会科学学报》2009年第6期，第105—112页。

¹⁰⁸ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках (1800–1907 гг.). М., 1950. С. 19.

¹⁰⁹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. С. 61.

¹¹⁰ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 34.

¹¹¹ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918. С. 48; Сельскохозяйственный промысел в России / отв. ред. В.В. Морачевский. СПб., 1914.

¹¹² Корелин А.П. Аграрный сектор в народнохозяйственной системе России (1861–1914) // Российская история. 2001. № 1. С. 42–56; *Его же*. Власть и общество в России. Век XIX: Время ожиданий и перемен. М., 2013. С. 224.

и на внешних рынках был приблизительно одинаков и составлял 49 % и 51 %, соответственно¹¹³.

Наряду с устойчивым ростом валового сбора резко увеличилось производство и товарного зерна: по сравнению с 1886–1890 гг. этот показатель к 1901–1905 гг. вырос на 43 %. В среднем годовой объем товарного зерна в 1901–1910 гг. составлял 1,29 млрд пудов, увеличившись за 25 лет в 1,3 раза¹¹⁴. Крупные поставки зерна осуществлялись в осенне-зимний период в Центрально-промышленный, Северо-западный регионы, а также балтийские, азовские и черноморские порты. Из 64 губерний европейской части России (включая Польшу и Северный Кавказ) 20 (среднее и нижнее течение Волги, Южный Урал, Западная Сибирь, Северный Кавказ, Украина) являлись экспортерами зерна, 34 губернии (центральные губернии, северный регион, верховья Волги) ввиду нехватки собственного зерна ввозили его из других регионов, а остальные 10 губерний производили зерно в количествах, достаточных для самообеспечения.

Особенно динамично развивались перевозки зерновых в Центрально-промышленный регион с его быстро растущим населением. Крупными центрами торговли зерном и мукой в европейской части России являлись С.-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Рыбинск, здесь действовали товарные хлебные биржи. Активная торговля зерном велась также в районе железнодорожных станций и речных портов. Под нужды хлеботорговли создавалась соответствующая инфраструктура: торговые представительства компаний, отделения коммерческих банков, телеграфные конторы и крупные зернохранилища. Складывание единого рынка и углубление региональной специализации способствовали формированию делового сообщества.

Судостроение. Потребности водного транспорта способствовали развитию отечественного судостроения, которое было в основном сосредоточено в Новгородской, Нижегородской, Костромской, Тверской, Ярославской, Казанской, Пермской и Архангельской губерниях. Прогресс судостроения в верхнем и среднем течении Волги объясняется давней историей промысла в этом регионе и соответственно опытом судостроителей, а также обилием лесов и доступностью лесоматериалов. Речные суда в России были преимущественно деревянными. В начале XVIII в. волжские судостроители, изготавливавшие плоскодонные суда, заимствовали голландский опыт. С 1718 г. было начато производство расшив (парусных речных плоскодонных судов), изготовление которых требовало немного времени и трудовых затрат. Грузоподъемность волжских расшив составляла около 20 тыс. пудов¹¹⁵. С развитием технологии и увеличением объема речных перевозок стали появляться суда нового типа. Согласно статистическим данным, в 1831 г. в России было построено 7 025 речных судов, тогда как в 1840–1850 гг. ежегодно их строилось по 10–30 тыс.¹¹⁶ До середины XIX в. в России не хватало судостроительных заводов, выпускавших гражданские грузовые

¹¹³ Тагирова Н.Ф. Организация зерновой торговли в Российской империи (начало XX в). Опыт сетевого анализа // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 77.

¹¹⁴ Китанина Т.М. Хлебная торговля России. С. 29–30.

¹¹⁵ Истомина Э.Г. Водные пути России. С. 54; Сметанин С.И., Коноплов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000. С. 406, 409.

¹¹⁶ Там же. С. 401.

суда. Конкуренция со стороны железнодорожного транспорта способствовала прогрессу этой отрасли. За последнюю четверть XIX в. в Волжском бассейне появились акционерные компании, строившие высококачественные суда гражданского назначения. С середины XIX в. российское судостроение справедливо рассматривается как часть машиностроительной промышленности.

В истории российского судостроения выделяются три этапа. В период 1815–1840 гг. заимствовали зарубежные технологии, готовили кадры специалистов и начали производство пароходов. В 1840–1870 гг. был улучшен способ буксировки судов и осуществлен переход на минеральное топливо, что позволило увеличить скорость и грузоподъемность судов. Период 1870–1890 гг. ознаменовался стремительным прогрессом технологии судостроения. Российские пароходы различных типов постепенно стали основным паровым речным транспортом на Волге и Неве. Как правило, суда оснащались паровыми двигателями, работавшими на угле, нефти и керосине. В 1891–1897 гг. объем грузоперевозок российского парового речного транспорта вырос с 19 до 60 млн пудов¹¹⁷. Тем не менее, несмотря на высокие темпы роста, паровой речной транспорт многократно уступал по объему грузоперевозок деревянным судам.

Если пароходостроение дало импульс производству паровых двигателей и различного рода судовых конструкций, то неслабеющий спрос на деревянные суда стимулировал развитие деревообрабатывающей промышленности (в первую очередь лесозаготовительной и лесопильной отраслей), а также производству парусины и швартовых канатов. С конца XVIII до начала XX в. число крупных лесопильных заведений в Волжском бассейне непрерывно росло, лидирующие позиции по объему производства занимали лесопильни Нижегородской и Тверской губерний. Кроме того, повсеместно были распространены мелкие лесопилки¹¹⁸. Продукция лесопилен поставлялась не только на судоверфи, но также для нужд промышленных предприятий Москвы и С.-Петербурга, а также шла на экспорт¹¹⁹.

Спрос на парусину и канаты для деревянных судов, особенно возросший в XVIII в., стимулировал развитие соответствующих отраслей. В 1780–1860 гг. фабрики и мануфактуры, изготавливавшие парусину и канаты, сосредотачивались в Нижегородской и Тверской губерниях. Судостроительным центром Нижегородской губ. являлся г. Балахна, где было налажено масштабное производство швартовых канатов и анкерных устройств. На долю швартовых канатов приходилось 14 % стоимости промышленной продукции Нижегородской губернии. Четверо из пяти жителей г. Горбатова и его окрестностей были заняты ремесленным производством швартовых канатов¹²⁰.

Крупные судостроительные заводы налаживали собственное производство двигателей и различных комплектующих. В 1860 г. Выксунский судостроительный завод в Костромской губ. имел несколько филиалов, на которых было занято 5 784 рабочих. Изготавливая самостоятельно все необходимые детали, за-

¹¹⁷ Халин А.А. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья. С. 172, 173, 175.

¹¹⁸ Сметанин С.И., Конотопов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. С. 401.

¹¹⁹ Истомина Э.Г. Водные пути России. С. 65; Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. С. 442, 464.

¹²⁰ Халин А.А. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья. С. 107; Фурер Л.Н. Влияние судоходства на развитие капитализма в Поволжье (середина XIX в.). Казань, 1959. С. 8.

вод в том же году произвел 43 двигателя, 21 железный и 15 деревянных судовых корпусов¹²¹. К тому времени технология производства судовых двигателей была поставлена в России на прочные рельсы¹²².

Развитие судостроения было тесно связано с транспортировкой бакинской нефти. В 1890 г. почти все из 24 судостроительных заводов России располагались на берегах Волги, Камы, Невы и Дона¹²³. Лидером являлся Нижний Новгород. Крупные судостроительные заводы в Волжском бассейне производили железные нефтеналивные суда¹²⁴, которые имели большой тоннаж, но обходились дорого и потому пользовались ограниченным спросом. Потребность в деревянных нефтеналивных судах, напротив, была высока. В 1890-е гг. в Нижегородской губернии было произведено 210 крупных (длиной 25–55 сажений) и около сотни мелких (менее 25 сажений) деревянных нефтеналивных судов¹²⁵. В 1900 г. на реках России насчитывалось 15 заводов по производству паровых судов, 9 из которых находились в бассейне Волги¹²⁶.

Водный транспорт и судостроение, работавшее на нужды последнего, являлись важнейшими элементами российской экономики. Производство судов требовало использования различных видов сырья, применения специальных технологий, строительства ремонтных доков и формирования рынка сбыта. К началу XX в. стало очевидным воздействие, которое судостроение оказывало на складывание связанных с ним рынков труда и капитала, развитие смежных отраслей, приток экономически активного населения на судостроительные заводы и создание портовой инфраструктуры.

Водный транспорт и урбанизация. Крупнейшие города Волжского бассейна возникли на берегах рек. Удобное водное сообщение создавало благоприятные условия для их роста. Захолустные Астрахань и Рыбинск со временем превратились в важнейшие транспортные узлы и центры торговли. Ниже мы рассмотрим влияние водного транспорта на развитие городов, включая такие аспекты, как рост городского населения, расширение градостроительства, развитие промышленности и торговли.

Водный транспорт оказывал непосредственное воздействие на численность и структуру населения поволжских городов. В 1860–1897 гг. в 16 городах бассейна Волги наблюдался рост населения в 2–5 раз (Астрахань, Вятка, Казань, Кострома, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Рыбинск, Самара, Саратов, Царицын, Сызрань, Тверь, Симбирск, Уфа и Ярославль)¹²⁷ В конце XIX в. тем-

¹²¹ Марухин В.Ф. История речного судоходства в России. С. 226.

¹²² Там же. С. 225–226.

¹²³ Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. СПб., 1900. С. 135.

¹²⁴ Самедов В.А. Нефть и экономика России. С. 65–66.

¹²⁵ Там же. С. 67.

¹²⁶ Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. С. 135.

¹²⁷ Смирнов Г.К. Города Тверской области. Историко-архитектурные очерки (IX — начало XX в.). Вып. 1. СПб., 2000. С. 58; Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в). Новосибирск, 2004. С. 28; Его же. Историческое краеведение города. Быт горожан Сибири во второй половине XIX — начало XX в. Ч. 1. Томск, 2009. С. 15; Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2004. С. 40–41; Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX — начало XX в. // Города Сибири XIX — начала XX в. / отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 70.

пы прироста населения портовых городов ускорились, численность жителей Астрахани, Саратова, Самары и Нижнего Новгорода в совокупности превысила 750 тыс. человек¹²⁸. Население ряда городов сильно зависело от сезонной миграции. Так, в летний период, когда в Рыбинск съезжались работники речного транспорта, крестьяне и купцы, в городе проживало свыше 200 тыс. человек, тогда как зимой оставалось не более 10 тыс.¹²⁹ Число обитателей Москвы и С.-Петербурга также зависело от приезжих, по большей части крестьян: так, в 1871, 1882 и 1902 гг. на каждую тысячу жителей Москвы приходилось 445, 509 и 679 крестьян соответственно¹³⁰.

Водный транспорт способствовал развитию городской промышленности и торговли. Наиболее характерными в этом отношении были Нижний Новгород и Царицын. Источником благополучия первого служили регулярные все-российские ярмарки. Нижегородская ярмарка изначально занимала площадь 50 кв. верст и постоянно разрасталась. К концу XIX в. на карте города значилось 30 улиц и 10 площадей, число торговых лавок увеличилось с 2,5 до 6 тыс., в городе насчитывалось 18 тыс. магазинов. В Нижнем имелись заведения на любой вкус, включая банки, почтовые отделения, телеграф, трактиры, закусовые, гостиницы, бани, аптеки, театры, церкви¹³¹. Царицын также являлся крупным портом Поволжья общероссийского значения, ведущим перевалочным центром нефти, зерна, древесины и рыбы. В 1880-е гг. в порту имелся 21 большой склад, 52 трактира, 520 небольших магазинов и 9 начальных учебных заведений¹³².

Под влиянием водных путей росли масштабы градостроительства. Имеющиеся в распоряжении исследователей фрагментарные сведения о грузообороте строительных материалов по Волге позволяют составить общее представление о динамике городского строительства. С 1810 г. ежегодно десятки барок вывозили из подмосковного с. Мячкова, расположенного на Москва-реке, десятки тысяч пудов камня, доставляя их в города на берегах Москвы-реки и Оки¹³³. В 1836 г. по рекам в Нижнем Новгороде, Рязани, Муроме и Мокше было перевезено 648 тыс. пудов строительного алебаstra на сумму 107 тыс. руб. В 1837 г. в С.-Петербург было доставлено 30 тыс. штук кирпича и 35 тыс. куб. саженей песка¹³⁴. В 1871 г. через Волго-Мариинскую водную систему прошло 30 млн пудов строительных материалов стоимостью 1,2 млн руб., из которых 56 % проследовало в северо-западном и 44 % — в юго-восточном направлении¹³⁵. В конце XIX — начале XX в. резко сократился объем строительных материалов, достав-

¹²⁸ Бессолицын А.А. Поволжский регион на рубеже XIX–XX вв. С. 191.

¹²⁹ Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. С. 143; Селиванов А.М. История Ярославского края. С. 145.

¹³⁰ 张广翔: 《18—19世纪俄国城市化研究》, 长春: 吉林人民出版社, 2006年, 第120页。

¹³¹ Халин А.А. Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья С. 93; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья. С. 146; Экономическая история России. Ч. 2. С. 73, 74.

¹³² Материкин А.В. Царицынская городская дума 1820–1919 гг: Опыт функционирования городского общественного управления. Волгоград, 2008. С. 110, 122.

¹³³ Истомина Э.Г. Водные пути России. С. 111.

¹³⁴ Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. С. 150–151; Виды внутреннего судоходства в России в 1837 году. СПб., 1838, С. 43.

¹³⁵ Борковский И. Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. С. 1, 2, 4.

ляемых в столицу водным путем, при одновременном стремительном увеличении привоза алебастра, извести и цемента железнодорожным транспортом. Так, указанных строительных материалов по железной дороге было доставлено в 1905 г. 80 млн пудов и 160 млн пудов — в 1911 г.¹³⁶

Для застройки городов требовались лесоматериалы. Спрос на них в безлесных Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях был крайне высок. В 1890-х гг. в Екатеринослав ежегодно завозилось водным путем 12 млн пудов пиломатериалов. В 1909–1911 гг. Херсон получал по воде 8,8, 7,6 и 10,2 млн пудов пиломатериалов соответственно, а Одесса в тот же период — 18,6 млн пудов пиломатериалов ежегодно¹³⁷. В 1907–1911 гг. в европейской части России ежегодно водным транспортом перевозилось 910 млн пудов древесины, в том числе строительной, предназначенной преимущественно для городов¹³⁸.

Объем используемых в городском строительстве лесоматериалов не поддается точному учету. Однако, принимая во внимание тот факт, что в начале XX в. пять из 418 российских городов вовсе не имели строений из камня, в шести городах каменных зданий было менее 1 %, в 222 городах — от 1 до 10 %, в 108 городах — от 10 до 25 % и только в 35 городах этот показатель превышал 50%, можно утверждать, что потребность в строительной древесине была велика. Даже в таких экономически развитых городах, как Москва, Тверь, Рязань и Нижний Новгород, доля каменных строений составляла от 22 до 26 %¹³⁹, а в небольших и хозяйственно отсталых городах не превышала 1–2 %¹⁴⁰.

Водный транспорт обеспечивал городам по течению Волги естественное преимущество при получении и отправке грузов, а размер товарооборота, как известно, напрямую влияет на динамику развития города. И в целом водные пути сообщения создавали благоприятные условия для урбанистического развития. Перевозка по воде грузов, необходимых растущим центрам урбанизации, способствовала превращению пристаней и портов в городские поселения, привлекавшие экономически активное население. В будущих исследованиях социальная жизнь речных городов должна быть показана как история взлетов и падений, тесно связанных с динамикой речной торговли. К числу таких пионерских работ относится труд Э.Г. Истоминой по социальной истории Рыбинска, который на рубеже XIX–XX веков превратился из порта в город, а также исследования о Нижнем Новгороде и Саратове¹⁴¹.

¹³⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 116.

¹³⁷ Цветков М.А. География внутренних лесных рынков в Европейской России. С. 107–108.

¹³⁸ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 130.

¹³⁹ Чижигова Л.Н. Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в. М., 1997. С. 91; Смирнов Г.К. Города Тверской области. С. 61.

¹⁴⁰ 张广翔: 《19世纪到20世纪初俄国城市化问题的再认识——以莫斯科和彼得堡的农民打工者个案为例》, 《黑龙江社会科学》2011年第1期, 第155页; Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири. С. 102–103; Гончаров Ю.М. Историческое краеведение города. С. 70–71.

¹⁴¹ См.: Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX — XX вв.; Кудрявцев М.С. Нижний Новгород: город и ярмарка. Социально-культурные аспекты взаимодействия: 1861–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006; Иванова Е.В. Формирование и социальное устройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX — начале XX в.: на материалах Саратова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008; Борисенко М.В. Транспортная коммуникация в истории аграрных миграций России XIX — начала XX в. СПб., 2010.

Заключение

Во второй половине XIX — начале XX в. Волжская водная система, как и ранее, являлась важнейшей транспортной артерией и оказывала существенное влияние на развитие российской промышленности, сельского хозяйства, формирование рынков и процесс урбанизации. Волга с ее притоками объединила обширные пространства России и ее огромные человеческие ресурсы в единый «экономический организм». Волжский речной транспорт, укрепляя связь между региональными рынками, способствовал формированию общероссийского рынка, повышению товарности сельского хозяйства, давал мощный импульс развитию судостроения и росту городов.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. в Волжском бассейне происходило формирование единой водной транспортной системы, положение Волги в качестве важнейшей транспортной артерии европейской части России упрочилось, возросло влияние речного транспорта на социально-экономический облик побережных городов. Водный транспорт подталкивал к внедрению новых технологий производства (в частности, в судостроении) и созданию портовой инфраструктуры, сокращению маршрутов и сроков доставки грузов по воде. Обеспечивая продовольствием Северо-западный и Центрально-промышленный районы, водный транспорт служил одним из факторов их специализации в качестве торгово-промышленных центров, поддерживая связь с другими регионами Российской империи — Уралом, Кавказом и Сибирью, что имело особое значение в период до масштабного железнодорожного строительства.

Однако и с началом железнодорожной эпохи значение водного транспорта сохранялось: он по-прежнему играл важную роль в социально-экономическом развитии городов и обеспечении товарооборота как внутри Российской империи, так и с зарубежными контрагентами. Уступив первенство железной дороге в перевозке ряда товаров, водный транспорт тем не менее по ряду позиций (лесоматериалы, нефть, зерно и т.д.) удерживал лидерство.

Мы попытались проследить влияние на социально-экономическую жизнь России водного транспорта, в течение столетий являвшегося главным средством передвижения и обеспечения грузооборота. Железнодорожное строительство, начатое в России с середины XIX в., поначалу шло медленно, сталкиваясь с неоднозначным отношением правительства, нехваткой средств, знаний и неэффективным управлением. Однако вскоре железнодорожный транспорт составил реальную конкуренцию водному, выдержать которую тому помогло в том числе развитие новых технологий: строительство пароходов, увеличение водоизмещения судов и т.д. До 1890-х гг. в грузообороте основных товаров водный транспорт имел очевидное преимущество перед железнодорожным. Лишь к 1913 г. он утратил доминирующее положение, и железная дорога стала в России основным способом транспортировки товаров.

Библиография

- Андреев В.В.* Московско-Казанская железная дорога на рубеже XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. 170 с., [6] л. цв. ил.
- Бессолицын А.А.* Поволжский регион на рубеже XIX–XX вв. (Основные тенденции и особенности экономического развития) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 5. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2003. С. 190–202.
- Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Томск: Водолей, 1996. 309 с.
- Борковский И.* Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1874. 44 с.
- Быков Л.С.* По Петровскому указу — канал на древнем волокe. М.: Транспорт, 1994. 219 с.
- Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики. Исторический очерк о водных путях и судоходстве. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций, 2009. 118, [2] с.
- Виды внутреннего судоходства в России в 1837 году. СПб.: тип. Э. Праца, 1838–1841. 29. в 1837 году. 1838. [2], 308 с.
- Горбунов А.А.* Политика развития железнодорожного транспорта в XIX — начале XX вв: компаративно-ретроспективный анализ отечественного опыта. М.: МИИТ, 2012. 201 с.
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 255, [1] с.
- Гудкова О.В.* Строительство Северной железной дороги и ее роль в развитии Северного региона (1858–1917). Вологда: Древности Севера, 2002. 187, [2] с.
- Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2010. 828 с.
- Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX века. М.: Наука, 1983. 255 с.
- Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М.: Наука, 1982. 277 с.: ил., карт.
- Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период. М.: Наука, 1991. 263 с.: ил.
- Истомина Э.Г.* Пути сообщения России в XVII — начале XIX вв. // Российская Империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / под ред. А.И. Аксенова, Я.Е. Водарского, Н.И. Никитина, Н.М. Рогожина. М., 2011. С. 530–550.
- Истомина Э.Г.* Роль Волжского воднотранспортного бассейна в формировании регионального социоэкономического пространства европейской России во второй половине XIX — начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 219–227.
- Историческая география / отв. ред. В.К. Яцунский. М.: Географгиз, 1960. 268 с.
- История грузовых железнодорожных перевозок в России. XIX–XX века. М.: Книга-Пента, 2008. 200 с.
- Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. 2-е изд. Доп. М.: Моск. науч. изд-во, 1918. 267, [1] с.
- Киселев И.П.* Развитие скоростного железнодорожного транспорта в России и СССР (середина XIX — конец XX века) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 14–41.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 287 с.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.
- Ковнир В.Н.* История экономики России. М.: Логос, 2005. 472 с.
- Коллективные голубые дороги Поморья. 150-летняя история Северного речного пароходства. Архангельск: ОАО «Сев. речное пароходство», 2008. 271 с.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 486, [1] с.
- Корелин А.П.* Власть и общество в России. Век XIX: Время ожиданий и перемен. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. 236, [2] с.
- Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб.: М-во торг. и пром-сти, 1912. 656 с.
- Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 257–284.
- Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. М.; Орехово-Зуево: ОЗПИ, 1996. 410 с. : ил.
- Материкин А.В.* Царицынская городская дума 1820–1919 гг: Опыт функционирования городского общественного управления. Волгоград: Издатель, 2008. 238, [1] с.

- Миронов Б.Н.* История в цифрах. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 165, [2] с.
- Мухина Н.Е.* История создания Юго-Восточной железной дороги и ее роль в экономическом развитии Центрального Черноземья: 1865–1913. Воронеж, 2007. 24 с.
- Никольский И.В.* География транспорта СССР. М.: Географгиз, 1960. 406 с.
- Прокофьев М.* Наше судоходство. Вып. 1–6. СПб.: Тип. И.И. Глазунова 1870–1884.
- Самедов В.А.* Нефть и экономика России (80–90-е гг. XIX в.). Баку: Элм, 1988. 166 с.
- Семенова Л.Н.* Снабжение хлебом Петербурга в XIX в. (Правительственная политика); Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / отв. ред. Н.В. Юхнева. Л.: Наука, 1989. С. 5–20.
- Смирнов И.А.* История Северо-Двинской водной системы (Канал герцога Вюртембергского) // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. 361, [1] с. : ил. .
- Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975. 315 с.
- Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 269, [3] с.
- Сучков Н.Н.* Внутренние пути сообщения России // Россия в ее прошлом и настоящем (1613–1913). М.: тип. В.М. Саблина, 1914. 1336 с.
- Тагирова Н.Ф.* Организация зерновой торговли в Российской империи (начало XX в). Опыт сетевого анализа // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 74–88.
- Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX в. — начало XX в.). М.: Издательский центр научных и учебных программ. 1999. 308 с.
- Тихонов Б.В.* Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1988. 275, [1] с.
- Халин А.А.* Система путей сообщения нижегородского Поволжья и ее роль в социально-экономическом развитии региона (30–90-е гг. XIX в.). Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2011. 317 с.
- Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 213 с.
- Целиков С.А.* Строительство и эксплуатация Самаро-Златоустовской железной дороги и ее влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний (вторая половина XIX в. — 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. 220 с.
- Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2008. 1469, [1] с., [20] л. ил..
- 张广翔, 范璐祎: 19世纪上半期欧俄河运、商品流通和经济发展, 《俄罗斯中亚东欧研究》2012年第2期。[Чжан Гуансян, Фан Лю. Речной транспорт, товарооборот и экономическое развитие Европейской России в первой половине XIX в. // Russian, Central Asian and East European Studies. 2012. № 2. S. 54–66].

Менеджмент электротехнических компаний России в условиях модернизации на рубеже XIX–XX вв.

Аннотация. Статья посвящена малоисследованной проблеме менеджмента акционерных компаний в России на рубеже XIX–XX вв. Автор сосредоточился на анализе деятельности управленческого звена акционерных обществ, поскольку данная форма объединения частного капитала в условиях перехода к экономической модернизации становится основной. Главное внимание уделено электротехническим предприятиям, поскольку эта инновационная для России отрасль производства в рассматриваемый период развивалась наиболее интенсивно.

Рассмотрена деятельность всего электротехнического сектора, представленного в статистических сборниках («Акционерные предприятия в России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов» и др.), в которых содержится важная информация об акционерных компаниях, работавших в России на рубеже XIX–XX вв. Раскрыт количественный и, в определенной мере, качественный состав менеджмента электротехнических предприятий, его образовательный уровень, показано состояние основного и запасного капитала, прибыли и дивидендов, дан анализ результатов их работы в сравнении с акционерными обществами других отраслей промышленности. Показано, что менеджмент электротехнических предприятий, особенно та его часть, которая имела профильное образование (инженеры-электрики, инженеры-технологи и др.), помимо выполнения своих прямых обязанностей участвовал в деятельности профессиональных общественных организаций, получивших широкое развитие в начале XX века, в том числе — в работе Всероссийских электротехнических съездов. Проанализирована практика совместительства лиц, занимавших видное положение в государственной иерархии, с участием в учреждении и в заведывании делами акционерных обществ, которая получила распространение и в электротехническом секторе.

Ключевые слова: Электротехническая промышленность, С.Ю. Витте, акционерные компании, менеджмент, дивиденд, основной капитал, практика совместительства, всероссийские электротехнические съезды.

Введение

В конце XIX — начале XX вв. важнейшим элементом в системе управления практически любой фирмы или промышленного предприятия независимо от рода деятельности, являлся управляющий.

В последнее время наметился интерес исследователей к деятельности представителей высшего звена фабричной администрации (председателей правлений, управляющих, директоров), которые зачастую играли не менее значимую роль, чем владельцы, в организации стабильной работы производства и в обеспечении социального мира на предприятии. Одной из первых работ в этой серии является издание «Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX–XX веков», в которой представлен ряд очерков об управля-

---

* Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории Института российской истории РАН. A_Bessolitsyn@mail.ru.

ющих крупных российских акционерных предприятий¹. Однако чаще эта проблема исследуется на микроуровне — на примере отдельных заводов и фабрик². При этом в литературе отмечается, что на сегодняшний день отсутствует массовый фактический материал, который позволил бы дать адекватную реальности картину формирования высокопрофессионального управленческого персонала коммерческих фирм Российской империи³.

В предлагаемой статье предпринята попытка выйти за рамки отдельного предприятия и рассмотреть деятельность менеджмента акционерных компаний в России на примере электротехнической отрасли, одной из наиболее инновационных, возникшей на рубеже XIX—XX вв. в условиях экономической модернизации.

Надо отметить, что руководителей предприятий в документах и изданиях конца XIX — начала XX вв. называют по-разному: «директорами», «управляющими», «заведывающими», что не предполагает разницу в статусе, правах и обязанностях, однако создает трудности для построения классификации управленческого механизма акционерных компаний. Поэтому в данной статье, наряду с вышеперечисленной терминологией, используется обобщающий термин «менеджмент», который включает не только организацию управления производством, но и самого управляющего.

Этапы становления электротехнической отрасли в России

Отечественная электротехническая промышленность вплоть до начала XX века не получила большого развития, две трети электротехнической продукции импортировалось из Европы, в основном из Германии, Бельгии и Швеции. Первым крупным предприятием стал филиал «Сименс-Гальске», открытый в России в 1849 г. и получивший выгодный заказ на оборудование телеграфной линии Петербург — Москва. Значительно позднее, в конце 1880-х гг., начинается проникновение в Россию других европейских фирм. В 1884 г. в Москве была создана фирма Б.А. Цейтшеля, являвшегося представителем «Шуккерта», а 1896 г. бельгийское «Международное общество электричества» и банк «Льежский всеобщий кредит» основали «Центральную компанию электричества в Москве»⁴.

¹ См.: Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX—XX веков / сост. Ю. Петров, Е. Савинова. М., 2007.

² См.: *Барышников М.Н.* SIEMENS в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // Российский журнал менеджмента. Том. 7. № 2. 2009. С. 119–138; *Шильникова И.В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 56–70; *Ее же.* Иностранцы специалисты на предприятиях России: условия найма в конце XIX — начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 2; *Ее же.* О роли управляющих в трудовых конфликтах на промышленных предприятиях дореволюционной России: опыт микроанализа // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 70; и др.

³ См.: *Поткина И.В.* Коммерческие фирмы и инженеры: некоторые аспекты формирования управленческого персонала в России на рубеже XIX—XX веков // Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития: монография / кол. авторов. М., 2017. С. 179.

⁴ *Романов А.А.* Электротехническая промышленность Москвы в последней трети XIX — начала XX вв. // Вестник университета. № 20. 2013. С. 281.

В январе 1885 г. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов дал разрешение торговому дому «Сименс и Гальске» производить работы в телеграфно-строительной мастерской в Петербурге. В ней должны были изготавливаться телеграфные принадлежности, электрические железнодорожные звонки и прочие электрические приспособления. Мастерская была оборудована пятью паровыми машинами. Предполагалось, что к работе будет привлечено до 300 человек⁵. С 1890-х гг. на этом предприятии, к которому в 1900 г. присоединились еще три завода (два в Прибалтике и один в Москве), началось производство динамо-машин. Однако все эти заводы, как отмечает Л.Б. Кафенгауз, представляли из себя отделения иностранных фирм, ввозивших в Россию машины и аппараты и производившие внутри страны только наиболее простые части, выгодные с точки зрения использования таможенной пошлины или их части⁶. Примерно такая же ситуация складывалась в производстве электрических ламп накаливания, которое возникло в России еще в 1880-х годах, но под влиянием иностранной конкуренции было ликвидировано и до начала XX века удовлетворялось исключительно импортом⁷.

В условиях острой конкуренции прежде всего с германскими электротехническими фирмами наибольшее развитие в России получило производство кабелей. С 1908 по 1912 гг. кабельное производство в России выросло почти в шесть раз и к началу Первой мировой войны почти полностью покрывало внутреннюю потребность в электрических проводах⁸.

Рост российской электротехнической промышленности особенно усилился после введения в 1906 г. высоких пошлин на продукцию германской электротехнической промышленности, хотя отставание от ведущих европейских стран все еще было существенным. В 1907 г. в России один телефонный аппарат приходился на 1550 жителей, в Германии — на 72 жителя, в Англии — на 80, во Франции — на 220, в Японии — на 850. Хотя к 1909 г. ситуация в России несколько изменилась в лучшую сторону (1 аппарат на 1020 жителей), она по-прежнему отставала от ведущих стран⁹. Данное обстоятельство стимулировало развитие отрасли, и уже к 1913 г. русская электротехническая промышленность сделала значительный шаг вперед, за исключением измерительных приборов, производя почти все виды продукции. Общая сумма учредительской деятельности в России за январь 1914 г. по организации новых акционерных обществ и увеличению основного капитала уже существующих предприятий составила 85,8 млн руб., при этом наибольший объем средств (10 млн руб.) направлялся как раз в электротехническую промышленность¹⁰. Это свидетельствовало о том, что электротехническое производство принадлежало к числу отраслей машиностроения, которые развивались интенсивнее других. В целом с 1913 по 1917 гг. объемы электротехнической продукции гражданского назначения (без учета кабельного производства) выросла почти в пять раз — с 8 744 млн до 43 087 млн руб.¹¹

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 3. Д. 2147. Л. 2–4.

⁶ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. М., 1994. С. 43.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Электричество. 1910. № 5. С. 152.

¹⁰ Русская промышленность. Еженедельное торгово-промышленное издание. 1914. № 4–5. С. 16.

¹¹ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 187.

Рост числа электротехнических фирм обострил проблему управленческих кадров для них. Юридический статус российского дореволюционного менеджмента не был четко определен. В российских законах менеджеры фигурировали как «торговые сотрудники», которые отдают «свой труд ... в распоряжение купца, принимающего их к себе на службу за вознаграждение». При этом применительно к топ-менеджерам в ходу было определение «торговые доверенные», тогда как низший персонал фирм называли «торговыми служащими»¹².

Рост акционерных предприятий в России

Ведущей формой капиталистического объединения в России в пореформенный период становятся акционерные предприятия. Учреждение акционерных обществ было закреплено еще указом Екатерины II от 1782 г. и регулировалось манифестом «О дарованных купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». Были узаконены три основных формы обществ: полное товарищество, товарищество на вере и товарищество по участкам (паевое товарищество). Именно последняя форма становится основной, поскольку паевые товарищества имели право выпускать акции (паи) стоимостью 500 руб. и более, как правило, именные, что затрудняло их переход к другому владельцу. Эта форма объединения была выбрана сознательно, поскольку имела фактически семейный характер, и акции, таким образом, распределялись среди членов семей. Подобную форму выбирало прежде всего купечество Москвы, где превалировали семейные торговые дома, которые постепенно трансформировались в торгово-промышленные предприятия. По сведениям А.С. Нифонтова, «купцы и почетные граждане держали в своих руках $\frac{4}{5}$ всей крупной промышленности Москвы»¹³. Менеджер в такой фирме в сущности являлся членом семьи.

В товариществе на вере (или коммандитном), которое занимало второе место после паевого, помимо совладельцев участвовали вкладчики, которые получали прибыль и отвечали по ее долгам, но лишь в размере своего вклада. Вкладчик не имел права на участие в принятии решений, но мог потребовать от фирмы отчета. В случае же ликвидации компании вкладчик участвовал в конкурсе наравне с другими кредиторами, что выгодно отличало его от «полного товарища». Положение управляющего в таких фирмах было, по сути, то же самое, поскольку товариществу на вере чаще всего доверялись в виде вклада семейные же капиталы. К той и другой форме применялось популярное в тогдашней России наименование «торговый дом».

Отличительной особенностью семейного бизнеса в России было реинвестирование полученных совладельцами доходов в дела фирмы. Самофинансирование позволяло обезопасить компанию от агрессивных внешних кредиторов, поскольку сами пайщики, как правило, и являлись главными кредиторами сво-

---

¹² Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. Введение. Торговые деятели. СПб., 1908. С. 216–220.

¹³ Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. 1955. № 54. С. 245.

его товарищества, предоставляя свои доходы от бизнеса в ссуду своей же фирме под обоюдовыгодные проценты. Речь при этом шла не о консервации архаичных порядков, а о приспособлении новейших форм ведения бизнеса к российским деловым традициям.

Разумеется, семейный характер акционерного по форме дела накладывал отпечаток на его внутреннее устройство. Необходимость контроля за работой менеджера в семейной фирме, как правило, возникала только при отсутствии достойных наследников, в случае их малого возраста или в связи с желанием нового поколения отойти от дел. В топ-менеджеры при этом приглашали кого-то из близких родственников, функции же технических управляющих (директоров фабрик и т.п.) могли выполнять и профессионалы со стороны.

Полномочия директоров семейного предприятия были широки, они распоряжались делами и капиталами товарищества «по особой инструкции», выдаваемой на отчетный период общим собранием. Топ-менеджеры выдавали паи, получали свидетельства и билеты на право торговли от имени товарищества, уплачивали сборы и акцизы, вели делопроизводство, производили покупку и продажу товаров и материалов, нанимали склады, квартиры и другие помещения, ведали перевозками товаров внутри страны и за границу, получали товары из-за границы на имя товарищества с соблюдением всех таможенных правил, принимали все переведенные товариществу денежные суммы, открывали на имя товарищества текущие счета в государственном и коммерческих банках, выдавали векселя за купленные в кредит товары или взятые за него взаимобразно деньги, дисконтировали векселя, заключали от имени товарищества договоры, снабжали доверенностями своих представителей, вели управление заводом или фабрикой товарищества, назначали жалованье всем служащим, нанимали и увольняли сотрудников, созывали общие собрания владельцев и вообще распоряжались всеми без исключения делами товарищества. При этом за случайные потери и малоуспешность товарищества, произошедшие не от умысла директоров и членов совета и без превышения власти, предоставленной им уставом, они ответственности не несли.

Высокая стоимость акций в акционерно-паевых обществах преследовала еще одну цель, на что обратил внимание известный экономист и предприниматель профессор И.Х. Озеров. «Средняя цена акций в России, — указывал он, — составляла 250—500 руб., что делало ее недоступной для рядовых служащих и рабочих акционерно-паевых предприятий»¹⁴. Эти, по сути семейные предприятия крайне неохотно допускали к участию в доходах посторонних, как высших менеджеров, так и рядовой персонал и предпочитали назначать управляющих из собственной семьи. Это понятие включало не только кровных родственников (братьев, сестер, детей, племянников и т.п.), но и тех, кто становился членом большой семьи, вступив в брак с одним из ее представителей.

Характерным примером в этом отношении является товарищество чайной торговли «Петра Боткина сыновья», одна из крупнейших чаеоторговых фирм Российской империи, основанная еще в начале XIX века. В 1893 г. фирма стала товариществом на паях с акционерным капиталом в 1,2 млн руб. (в 1903 г. был увеличен до 1,8 млн). Почти все паи (1200) принадлежали семействам Ботки-

¹⁴ Озеров И.Х. Куда мы идем? Пг., 1917. С. 12.

ных, Гучковых и Остроуховых¹⁵. Но это не значило, что фирма утратила семейный характер. Дело в том, что Н.И. Гучков и И.С. Остроухов были членами расширенной, так называемой «артельной» семьи Боткиных: они оба были друзьями сыновей и оба были женаты на дочерях Боткиных: Гучков — на Вере Петровне, Остроухов — на Наталье Петровне. Более того, для Боткиных оба эти купца были ценны своими связями. Остроухов был живописцем и, как и Василий Боткин, коллекционером, входившим в правление Третьяковской галереи, а Николай Гучков — видным общественно-политическим деятелем, впоследствии избранным московским городским головой. Таким образом, товарищество не только оптимизировало владение предприятием, но и расширяло и без того внушительную сферу влияния Боткиных в общественной, купеческой и культурной жизни государства. Наконец, все паи оставались в семье, что уменьшало риск банкротства.

В условиях перехода страны к экономической модернизации начинается быстрый рост акционерных компаний. Если к 1861 г. в России насчитывалось всего 128 акционерных компаний с суммарным капиталом 256 млн руб., то к началу XX века таких предприятий было уже свыше 1,5 тыс. с основным капиталом в 2,5 млрд руб. К ноябрю 1917 г. насчитывалось почти 3 тыс. акционерных компаний с номинальным капиталом в 6,7 млрд руб.¹⁶ Надо отметить, что акционерное учредительство продолжалось и в годы Первой мировой войны, хотя его темпы и снизились. Если в 1913 г. было зарегистрировано 399 компаний с капиталом чуть более 526 млн руб., то в 1914 г. — 334 компании с основным капиталом 422,5 млн руб., в 1915 г. — 321 компания с 409,7 млн руб. В 1916 г. было зарегистрировано рекордное число — 584 компании с 923,5 млн руб.¹⁷

Надо отметить, что акционерно-паевые предприятия доминировали в традиционных для России отраслях производства. Например, в Москве, признанной «цитадели» легкой промышленности и «национального» капитала, товарищества на паях количественно (64 %) преобладали над обществами на акциях¹⁸. Однако в условиях разворачивавшейся модернизации новые акционерные компании, возникавшие, прежде всего, в железнодорожном строительстве, банковской сфере, металлургии и машиностроении, электротехнической промышленности и нуждавшиеся в обширных затратах в основной капитал, тяготели к форме акционерных обществ, поскольку она позволяла активно привлекать инвестиции со стороны, в том числе иностранные.

Процесс бурного акционерного учредительства в России вполне укладывался в русло мировых тенденций. Например, опыт Германии показал, что акционерные общества являлись наиболее гибкой формой концентрации капитала. Эпоха быстрого роста германской промышленности одновременно явилась и временем наибольшего развития акционерных обществ и товариществ¹⁹.

¹⁵ Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. С. 70.

¹⁶ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М., 2008. С. 61.

¹⁷ Биржа. 1917. № 1. С. 6–7.

¹⁸ Калмыков С.В. Организационные формы предпринимательства // История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1999. С. 92.

¹⁹ См.: Загоруйко М.М. «Виккерс» в России: Материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012. С. 65–66.

Управляющие акционерными предприятиями

Одно из преимуществ акционерных обществ заключалось в том, что они могли собрать колоссальные капиталы и реализовать масштабные инвестиционные проекты. Обезличенный капитал акционерной компании требовал особой системы менеджмента. Ее наемный управляющий получал большую свободу действий, чем в семейной фирме. Тем не менее, в случае нарушений или преступлений директора несли уголовную ответственность в соответствии с законодательством. Но существовали и меры материального воздействия: каждый менеджер был обязан приобрести определенное количество акций (обычно 25–50 штук), чтобы относиться к делам фирмы, как к своим собственным (в период службы акции директоров хранились в офисе фирмы). На практике этот барьер нечестные менеджеры могли легко обойти, поскольку шанс нажать состояние за счет компании был гораздо соблазнительнее, нежели риск потерять свой пакет акций.

В акционерном предприятии высшим административным органом являлось общее собрание акционеров, но они были неспособны эффективно контролировать работу директоров, поскольку рядовые акционеры не обладали достоверной информацией о состоянии дел в их бизнесе. Топ-менеджеры предоставляли пайщикам документы об активах и операциях фирмы за истекший период, собрание одобряло их, а вместе с тем и действия управляющих, обращая внимание лишь на то, насколько работа директоров соответствует сделанным ранее распоряжениям и уставу компании.

Полномочия директоров правлений и управляющих определялись уставами фирм, но если устав молчал по какому-то частному случаю, то работа топ-менеджера, даже нанеся вред интересам компании, считалась законной. Полномочия менеджеров также определялись уставами компаний и они весьма отличались в разных фирмах и регионах. Общим в них было положение о том, что менеджер изначально действует в интересах компании.

По мере того как развивалась структура фирмы, усложнялась и служебная иерархия. Кадровый вопрос становился одним из главных. Топ-менеджеры в крупных компаниях получали от 30 до 50 тыс. руб. в год. Кроме того, в ряде фирм практиковалось отчисление руководящим работникам определенного процента прибыли, а некоторых директоров вводили в правления.

В целом уровень образования управленческих кадров российских предприятий (государственных и акционерных) был невысоким. Об этом свидетельствует исследование Е.П. Ковалевского, известного специалиста по народному образованию. Он проанализировал статистические данные Департамента торговли и мануфактур за период с 1885 по 1887 гг., в которых содержались сведения об уровне образования руководителей русских фабрик и заводов. По его сведениям, лишь 7,2 % руководителей промышленных предприятий имели хотя бы среднее специальное образование, причем каждый третий — 535 из 1 608 — был иностранным подданным²⁰. Что касается российских подданных, то они в основном возглавляли традиционные для России производства, прежде всего, хлопчатобу-

²⁰ Ковалевский Е.П. Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов по официальным данным. СПб., 1893. С. 5–6, 15.

мажные, льняные и т.п. Более того, они работали исключительно на внутренний рынок, и, как отмечал Ковалевский, их производства очень мало менялись в качественном отношении²¹. Традиционные отрасли не могли стать основой промышленной модернизации страны, поскольку не были в состоянии конкурировать с иностранными товарами, на что и указывал министр финансов С.Ю. Витте в своем представлении в Государственный совет 30 октября 1893 г. «В западноевропейских государствах, — отмечал министр, — обрабатывающая промышленность развивалась медленно и постепенно, рука об руку с развитием техники, параллельно с общими изменениями бытовых и культурных условий жизни»²².

Русская промышленность включилась в процесс экономической модернизации гораздо позже, чем в европейских странах, и русский частный предприниматель объективно находился в более трудном положении, поскольку должен был, как отмечал тот же Витте, «с самого начала и одновременно выполнить столько разнообразных и трудных задач для того, чтобы расчистить почву для своего предприятия»²³. Именно поэтому, по его мнению, происходило «переселение в Россию иностранных предпринимателей с иностранными капиталами, иногда рабочими, с иностранным опытом и всей организацией дела»²⁴.

Действительно рост иностранных капиталов в отечественной промышленности к концу XIX века значительно ускорился и, хотя в начале XX века его темпы несколько снизились, они продолжались вплоть до Первой мировой войны (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Иностранные капиталовложения в российскую промышленность

№	Годы	Суммы в тыс. руб.
1	1850	2 700
2	1860	9 700
3	1870	26 500
4	1880	97 700
5	1890–1895	459 700
6	1895–1899	489 900
7	1900–1903	237 400
8	1904–1909	285 700
9	1910–1914	382 700

Рассчитано по: *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народное хозяйство довоенной России. Л., 1925. С. 23–24; *Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 252.

²¹ Там же. С. 7.

²² *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Том 4. Кн. 1. М., 2006. С. 74.

²³ Там же. С. 75.

²⁴ Там же.

После 1895 г. в связи с принятием торгово-промышленной программы («программы Витте»), которая положила начало экономической модернизации, приток иностранных капиталов ускорился и за 7 лет (до 1902 г.) вырос с 245 до 975 млн руб., к началу Первой мировой войны достигнув общей суммы более чем в 2,1 млрд руб.²⁵

Приток капиталов стимулировал быстрый рост новых промышленных предприятий, поэтому серьезной проблемой становилась нехватка отечественных специалистов, обладавших необходимыми техническими знаниями. Особенно остро эта проблема ощущалась при создании новых промышленных объединений в форме акционерных обществ. Недостаток специалистов-распорядителей в акционерном бизнесе остро ощущалась даже в столицах, не говоря уже о провинции. Иностранные топ-менеджеры в российских компаниях представляли собой особый тип управленцев высшего звена. В российском бизнесе они добивались больших успехов. Имея, как правило, специальное образование, обладая знанием европейских технологий, иностранцы заполняли нишу, которую не могли занять российские специалисты. Рост числа иностранных управляющих в российских фирмах или филиалах иностранных фирм, действовавших в России, вызывал негативную реакцию среди, прежде всего, государственных служащих и части высшей аристократии, которые, не имея специального образования и соответствующих навыков, тем не менее, охотно входили в состав правлений акционерных обществ и предприятий, тем более, что эта деятельность хорошо оплачивалась.

В результате в конце XIX века складывается практика, когда при разрешении дел об учреждении промышленных акционерных компаний или об изменении уставов уже существовавших акционерных обществ и товариществ, Комитет министров начинает ограничивать участие иностранцев в составе их правлений, с тем, чтобы уменьшить их влияние на управление делами компании, особенно при выпуске ими новых акций на предъявителя. Постепенная замена именных акций и паев на предъявительские с одновременным понижением купюры самой акции, что делало ее более доступной на рынке, а также расширение практики повторных увеличений капитала и развитие операций на вторичном фондовом рынке, включая банковское кредитование под акции, открыло возможности для развития разнообразного организационного комбинирования, в том числе введение одних и тех же лиц в правления нескольких обществ. На эту ситуацию обратил внимание Витте — в марте 1899 г. в письме государственному контролеру А.Н. Куломзину он отметил, что привлечение иностранцев к управлению российскими фирмами во многом явилось ответом на совместительство государственной службы с участием в учреждении и в заведывании делами разных промышленных компаний. Такая практика, отмечал Витте, вызывалась «не интересами руководства предприятиями, а почетным и влиятельным положением означенных лиц на службе, каковым положением пользовались в промышленном мире для проведения в правительственных сферах дел, касающихся компаний»²⁶.

²⁵ *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народное хозяйство довоенной России. Л., 1925. С. 23–24.

²⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 228. Л. 1–3.

Эти явления входили в противоречие с представлениями о государственной службе и обратили на себя внимание Александра III. По его указанию в 1884–1885 гг. были изданы специальные «Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно и общественных и частных кредитных установлениях», по которым ряду должностных лиц было запрещено участие в учредительстве торгово-промышленных компаний и занятие в них управленческих должностей, другим участие в управлении акционерных предприятий разрешалось не иначе, как с ведома начальства²⁷. Однако требование русского подданства для членов администрации акционерных компаний не могло быть реализовано в полном объеме, поскольку, как писал Витте, «при ежегодно увеличивающемся количестве вновь учреждаемых компаний, а также при постоянном расширении уже существующих предприятий, в нашем деловом мире, как показала практика, не успевает образовываться достаточный контингент лиц, могущих, по своей подготовленности, быть действительными руководителями предприятий». Указанное требование, считал министр, приводит к тому, что «компании, стесненные при выборе состава администрации, вынуждаются брать к себе на должности по управлению лиц, не только совершенно к этому не подготовленных, но иногда и вовсе компаниям не нужных. Часто одни и те же лица участвуют в заведении предприятиями, по существу между собой конкурирующими»²⁸.

Витте отмечал, что такие управляющие и члены правлений, «не связанные своими действительными интересами с судьбой того дела, которое находится в их номинальном заведывании, не обладающие достаточной деловой опытностью и пользующиеся чаще всего чужими акциями для права участия в правлении, такие директора из русских подданных являются ... лишь покорным орудием в руках истинных хозяев дела иностранцев, ускользающих таким образом от непосредственной ответственности перед действием русского закона. Участие в правлениях русских подданных весьма желательно и полезно лишь тогда, когда оно не является номинальным. Поэтому надо с особой осторожностью предъявлять требования об обязательном назначении русских подданных в состав администрации промышленных обществ»²⁹.

Поставленная Витте проблема обсуждалась в феврале-марте 1899 г. на Особом совещании, посвященном торгово-промышленной политике империи. По данным канцелярии министра финансов, в 1898 г. иностранные директора и служащие администраций акционерных предприятий составляли 7,1 % от русских подданных, что опровергало представления об их численном превосходстве в российском промышленном топ-менеджменте³⁰. Более того, число иностранных специалистов, несмотря на рост зарубежных инвестиций, неуклонно снижалось и всего за 10 лет (с 1887 по 1898 гг.) уменьшилась в процентном отношении с 8 % до 7,1 %. По мнению В.И. Бовыкина, это свидетельствовало о том, что освоение зарубежного производственного опыта в России обеспечивал не

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 218. Л. 107.

иностранный, а местный «человеческий капитал»³¹. Той же точки зрения придерживается А.Н. Боханов: «среди крупнейших петербургских банкиров и промышленников встречались выходцы из семей старинного купечества, наряду с которыми фигурировали имена известных чиновников в отставке. В респектабельных офисах фирм можно было встретить и “сиятельных особ”, носителей громких дворянских фамилий, владельцев родовых титулов, занимавших директорские кресла и места членов наблюдательных советов рядом с купцами»³². Всего, по его подсчетам, руководящий состав акционерных предприятий в России к 1914 г. насчитывал 7 278 лиц³³.

Попытка искусственно затормозить процесс русификации менеджмента акционерных предприятий и компаний была обречена на провал, поскольку данная практика была во многом вызвана объективными обстоятельствами. Зачастую иностранные инвесторы испытали реальные трудности в подборе персонала и не могли найти среди своих соотечественников руководящие кадры, способные адаптироваться в противоречивой российской бизнес-среде. Как писал К. Сименс, «все иностранные (в том числе германские) филиалы фирм стремились заполучить к себе на работу русских сотрудников. Это было связано с тем, что к концу XIX века в России уже сложились хорошие технические школы, а молодые способные инженеры проходили стажировку за границей, прежде всего в Германии и Швейцарии»³⁴. Поэтому на рубеже XIX–XX вв. руководящие посты в иностранных компаниях или компаниях с иностранным участием начали все чаще занимать выпускники отечественных технических учебных заведений. Подобная тенденция особенно наглядно проявлялась в деятельности электротехнических компаний, получивших развитие в России в этот период. Среди их директоров-распорядителей и управляющих можно было встретить людей с техническим или инженерным образованием.

В статистическом исследовании о служащих в промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, проведенном в 1903 г. по поручению Отдела промышленности Министерства финансов, была сделана попытка выяснить, в какой мере русские фабрики и заводы пользуются услугами отечественных высших и средних технических учебных заведений. Из 16 713 промышленных заведений, состоявших под наблюдением фабричной инспекции в начале 1903 г., сведения о служащих предоставили 15 302, или 91,6 %. Весь собранный статистический материал был сгруппирован в два отдела: высших служащих, названных «управляющими», и служащих низшего ранга — «мастеров»³⁵.

При распределении служащих по производствам составители использовали утвержденную Отделом промышленности номенклатуру, включавшую 13 основных групп производств, однако для таких специальностей, как электротех-

³¹ Бовыкин В.И. Заключение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997. С. 315.

³² Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. С. 14.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. С. 125–126.

³⁵ Министерство финансов. Отдел промышленности / Состав служащих в промышленных заведениях в отношении подданства, языка и образовательного ценза. СПб., 1904. С. 1.

ник, механик, машинист и т.п., которые не вписывались в данную номенклатуру, была выделена особая XIV-я группа («общей службы»), а сами управленцы этой категории включались в XIII группу — «Прочие производства». В общей массе служащих на российских фабриках и заводах число иностранцев достигало 12,7 %, при этом наивысший процент управленцев иностранного происхождения приходился на С.-Петербургский округ (21,5 %), а наименьший — на Поволжский (4,4 %). В исследовании отмечалось, что, хотя присутствие иностранцев среди служащих фабрик наблюдается почти во всех производствах, их распределение по видам производств очень различно. Их наибольшее число приходилось на обработку шелка, волокнистых веществ, химическое производство, металло- и хлопкообработку, наконец, среди механиков и машинистов³⁶. Из 33 619 служащих (16 434 «управляющих» и 17 185 «мастеров») лиц, имевших свидетельства об окончании высших, средних или низших учебных заведений, насчитывалось 19 тыс. (58,5 %), однако 40,4 % из них обладали лишь общим образованием, преимущественно низшим (30,1 %), в очень незначительной степени — средним (8,6 %) и в совсем ничтожном — высшим (1,7 %). Только 16,1 % служащих получили специальное техническое образование³⁷.

Также неоднородным был образовательный ценз управляющих по группам производств. Из 13-ти таких групп, представленных в исследовании, наиболее высокий процент управляющих с высшим образованием приходился на группы «химические производства» — 38,2 % и «прочие производства» — 40,4 %, причем в последнюю входили электростанции, электрические трамваи и т.п. Правда, управленцы предприятий этой группы были крайне малочисленны и насчитывали всего 89 человек³⁸.

Кадры отечественных инженеров-электротехников готовил единственный в стране специализированный вуз — столичный Электротехнический институт, основанный в 1886 г. как высшее техническое училище Почтово-телеграфного ведомства и преобразованный институт в 1891 г. К 1898 г. срок обучения в нем был продлен до пяти лет, а комплект студентов увеличен до 300 человек. Это сделало возможным довести выпуск специалистов до 30–40 человек в год³⁹. Выпускники этого вуза шли, что называется, нарасхват, поскольку развитие телеграфа, сигнализации, освещения, строительство портовых сооружений и т.п. требовало все большего числа специалистов-электротехников. Журнал «Электротехник» полагал, в связи с сооружением Великого Сибирского пути и «введением, может быть, электровозов потребуются сотни, если не тысячи инженеров-электриков»⁴⁰. Поэтому в профессиональной среде обсуждалось открытие еще одного электротехнического института — в Москве. Впервые этот вопрос был поднят в 1898 г.⁴¹, а в практическом плане стал обсуждаться в начале XX века в связи с учреждением Всероссийских электротехнических съездов, ко-

³⁶ Там же. С. 1–3.

³⁷ Там же. С. 13.

³⁸ Там же. С. 18.

³⁹ Электротехник. 1898. № 6. С. 369–370.

⁴⁰ Там же. С. 371–372.

⁴¹ См.: Проект учреждения Электротехнического института в Москве // Электротехник. 1898. № 6. С. 365–377.

торые за короткое время стали ведущей предпринимательской организацией. В числе обсуждавшихся на них проблем главное место занимал вопрос подготовки кадров — электротехников разного уровня. В положении о первом Всероссийском электротехническом съезде, состоявшемся в 1899 г. в Петербурге, в качестве основной задачи намечалось «выяснение современного состояния электротехники и электротехнического образования и изыскание условий для успешного развития их в России»⁴².

На Пятом электротехническом съезде (1908–1909) было предложено открыть в Москве высшую электротехническую школу по типу парижской. Предполагалось, что в отличие от существующих технических вузов, готовивших кадры инженеров-электротехников, в новое учебное заведение смогут поступать специалисты, уже имеющие общее высшее или среднее специальное техническое образование, чтобы в течение одного–двух лет получить специальность электротехника. Однако в силу ряда причин эта инициатива так и не осуществилась⁴³.

Проблема низшего и среднего специального электротехнического образования решалась более эффективно, прежде всего — за счет открытия специальных школ и курсов при императорском Русском техническом обществе (ИРТО), а также сети учебных заведений, которые финансировались Министерством народного просвещения, земствами, купеческими обществами, отраслевыми предпринимательскими организациями и др. Электротехническую специальность можно было получить и в коммерческих училищах, находившихся в ведении Министерства финансов, а после 1906 г. — Министерства промышленности и торговли.

Электротехнические акционерные компании

Процесс акционирования затронул и электротехническую отрасль. Первые акционерные предприятия в области применения электричества появились в России на рубеже 1880–1890-х гг. Основными центрами электротехнической промышленности становятся Петербург, Москва и Рига. Постепенно и в других крупных городах (Киев, Одесса, Саратов, Екатеринослав, Ярославль, Екатеринбург и др.) учреждаются электротехнические и электроэнергетические компании, как правило, с иностранным участием. Первым акционерным предприятием, открытым в Петербурге, стало «Общество электрического освещения», именовавшееся по году учреждения «Обществом 1886 г.». В 1893 г. было учреждено товарищество на паях «Савицкий и Страус», которое занималось освещением Киева и Полтавы, и «Общество Киевской городской железной дороги»,

⁴² Положение о первом Всероссийском электротехническом съезде // Труды первого Всероссийского электротехнического съезда 1899–1900 гг. в Петербурге. СПб., 1901. С. 62.

⁴³ Подробнее см.: *Бессолицын А.А.* Кадры для модернизации. Дискуссии о подготовке специалистов для электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 3. С. 366–395; *Его же.* Фактор человеческого капитала в условиях российской модернизации на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы новой экономики. 2019. № 1 (49). С. 35–42.

переведшее свои линии на электрическую тягу в 1892 г.⁴⁴ «Электрическое анонимное общество Южной России», «Центральное электрическое общество», Шведско-Датско-Русское телефонное акционерное общество и другие сохраняли свои правления за границей (в Париже, Брюсселе, Стокгольме и др.), но при этом открывали ответственные агентства в российских городах.

Российские электротехнические предприятия впервые были объединены в отдельную группу в сборнике «Статистика акционерного дела в России за 1897 г». В нее вошли 9 предприятий, деятельность которых в основном была связана с электрическим освещением⁴⁵. Всего, по подсчетам В.С. Дякина, в 1899 г. в России существовало 10 электротехнических обществ с капиталом в 20,6 млн руб., из них русские капиталы (5,47 млн руб.) преобладали лишь в трех слабых предприятиях — «Товариществе М.М. Подобедова», «Обществе бывшем Вейтхельт» и «Вольта»⁴⁶.

В указателе действовавших в империи акционерных предприятий и торговых домов, подготовленном Отделом торговли, Особенной канцелярией по кредитной части и Департаментом железнодорожных дел Министерства финансов, который начал издаваться с 1902 г., предприятия были сгруппированы по роду деятельности. Все они были распределены по 38-и разделам. В 32-й раздел вошли 37 отечественных электро- и гидро-технических предприятий, а также 18 иностранных электротехнических фирм, преимущественно германских, шведских, французских и бельгийских. В самостоятельный раздел «Трамваи и общественные экипажи» были включены еще 16 акционерных обществ. Таким образом, общее количество, компаний (российских и иностранных), так или иначе связанных с электричеством, в начале XX века достигло 71⁴⁷.

В изданном 1910 г. «Списке фабрик и заводов России по официальным данным фабричного, податного и горного надзора» было зафиксировано 31 950 промышленных фирм, объединенных в 11 групп. Наиболее многочисленную группу составили предприятия по обработке питательных и вкусовых веществ (17 013 фирм), волокнистых веществ (3 098 фирм), по механической обработке дерева (2 051 фирма) и ряд других. 77 электротехнических предприятий вошли в 11-ю группу «Производство энергии»⁴⁸.

Начиная с 1912 г., сведения о деятельности акционерных предприятий стали публиковаться в ежегодных статистических сборниках «Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов». В последнем (1917 года издания) его выпуске, на основании представленных отчетов за 1916 г., утвержденных общи-

⁴⁴ Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 21.

⁴⁵ Подсчитано по: Статистика акционерного дела в России. Выпуск первый / Издание Н.Е. Пушкина. СПб., 1897. С. XI.

⁴⁶ Дякин В.С. Указ. соч. С. 36.

⁴⁷ Подсчитано по: Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов по данным Отдела торговли, особенной канцелярии по кредитной части и Департамента железнодорожных дел Министерства финансов / под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905.

⁴⁸ Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности / Список фабрик и заводов России 1910 г. по официальным данным фабричного, податного и горного надзора. М.; СПб.; Варшава, 1910. С. XVIII—XXIX.

ми собраниями акционеров и пайщиков, впервые выделен самостоятельный VII отдел: «Электротехнические предприятия», в котором содержатся сведения о 54-х электротехнических обществах, официально зарегистрированных в России. Только два из них — Киевское электрическое общество (открыто в 1902 г.) и «Вестингауз» Русское электрическое общество (открыто в 1906 г.) находились в стадии ликвидации, все остальные продолжали успешно работать. Более того, девять фирм были открыты накануне или в годы Первой мировой войны⁴⁹.

Большинство акционерных компаний имели свои правления в Петербурге. Как правило, это были ведущие в электротехнической и электроэнергетической промышленности компании, в том числе акционерное общество «Вестингауз», правление АО электрических заводов «Вольта», АО «Всеобщая компания электричества», правление Русского электрического акционерного общества «Динамо», АО электрических аккумуляторов «Рекс», АО русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», Русское акционерное общество «Сименс-Шуккерт», АО «Соединенные кабельные заводы», АО русских аккумуляторных заводов «Тюдор», Русское акционерное общество «Л.М. Эриксон и К°» и др., всего — 30 акционерных обществ и отдельных предприятий⁵⁰.

Как уже отмечалось, отечественная электротехническая отрасль была сформирована в основном иностранными акционерными обществами, которые рассматривали Россию в качестве рынка сбыта своей продукции. Однако по мере расширения своей деятельности эти предприятия переносили часть производства в Россию и открывали здесь филиалы или дочерние предприятия. Поэтому капиталовложения в русскую электротехническую и электроэнергетическую промышленность, а также в электрический транспорт занимали видное место в общей сумме иностранных инвестиций. По подсчетам В.С. Дякина, в период с 1895 по 1899 гг. в электроиндустрию было вложено 45,2 млн руб., или 9,2 % от общего объема всех иностранных инвестиций, а за период 1910–1914 гг. эта сумма выросла до 94,2 млн руб., или 10,3 %⁵¹.

Иностранный капитал проникал в российскую промышленность в основном путем реорганизации в акционерные общества ряда уже существовавших представительств и филиалов, а также мелких русских фирм, которые не могли выдержать конкуренцию с мощными европейскими концернами. Основными инвесторами выступали германские фирмы, поскольку в области электротехники Германия значительно опередила в своем развитии остальные страны Европы и к концу XIX века производила больше электротехнического оборудования, чем Англия и Франция, вместе взятые. Поэтому основной приток германских капиталов был направлен в электроэнергетическую и собственно электротехническую промышленность.

На долю германских инвестиций, по подсчетам Дякина, приходилось 42,5 % от всех иностранных капиталов. На втором месте находились бельгийские ка-

⁴⁹ См.: Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов (далее — АППР) / под. ред. В.В. Лаврова. Пг., 1917. С. 323–337.

⁵⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Путеводитель в двух томах. Т. 1. СПб., 2009. С. 380–401.

⁵¹ Дякин В.С. Указ. соч. С. 252.

питалы — более 30 %⁵². Что касается отечественных капиталовложений, то они также росли, хотя и значительно уступали иностранным. Если в 1899 г. отечественными предприятиями было инвестировано в электротехническую отрасль 13,55 млн руб., что составило 22,3 % всех средств, вложенных в этот сектор, то в 1914 г. сумма инвестиций достигла 41,58 млн руб., т.е. выросла более чем втрое, однако, в процентном соотношении доля российских капиталовложений по сравнению с иностранными составила чуть более 14 %⁵³.

Основной капитал действующих в России электротехнических предприятий на 1 января 1916 г. достигал 196 590 835 руб., при этом минимальный уровень заявленного капитала составлял всего 100 тыс. руб. (АО «Электропровод», открытое в 1914 г.). Самый значительный — 50 млн руб. был заявлен в одном из старейших акционерных обществ — «Обществе Электрического освещения 1886 года» (открыто в 1887 г.)⁵⁴. В среднем на одно предприятие, по нашим подсчетам, приходилось чуть более 3,6 млн руб. основного капитала, что сопоставимо с предприятиями других отраслей производства.

Несмотря на войну, шло увеличение основного капитала акционерных компаний самой разной направленности, за исключением предприятий, торговавших алкоголем (в связи с введением в 1914 г. сухого закона). Электротехнические общества не являлись в этом плане исключением. В качестве примера можно привести одно из самых первых отечественных электротехнических предприятий — фирму «Кольчугина Товарищество латунного и меднопрокатного заводов», которая была открыта как российское предприятие в 1871 г. в форме торгового дома, а в 1876 г. преобразована в паевое товарищество. В начале XX века на нем было занято до 1 400 рабочих, основной капитал составлял 2 млн руб. (2 000 именных паев по 1 000 руб.), чистая прибыль за 1902 г. достигла 505,8 тыс. руб., дивиденд — 10 %⁵⁵. В 1915 г., согласно отчету общества, его основной капитал был увеличен до 10 млн (3 000 паев по 1 000 руб. и 30 000 паев по 100 руб.), в том же году было дополнительно выпущено еще 40 000 паев по 100 руб. Росли и дивиденды. Если за 1910–1911 гг. дивиденд составлял не более 10 % ежегодно, то за 1913–1914 гг. он увеличился до 25 %, а за 1914–1915 гг. общество выплатило вкладчикам рекордные 35 % годовых⁵⁶. Правда, надо отметить, что в годы войны выросла и инфляция, поэтому установить реальную стоимость дивидендов не представляется возможным.

Управленческий корпус электротехнических предприятий

По мере роста отечественных электротехнических акционерных обществ обострялась проблема кадрового состава управленцев высшего звена, адекватных тем задачам, которые стояли перед этой инновационной отраслью производства.

⁵² Там же. С. 82

⁵³ Подсчитано по: Дякин В.С. Германские капиталы в России. С. 268–269.

⁵⁴ Подсчитано по: АППР. С. 323–337.

⁵⁵ Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 197–198.

⁵⁶ АППР. С. 326.

Как уже отмечалось, впервые электротехнические предприятия были выделены в разделе «Предприятия по устройству и содержанию публичных сооружений и недвижимых имуществ» в справочнике «Статистика акционерного дела в России» за 1897 г.⁵⁷ В издание включены девять российских электротехнических акционерных обществ и даны сведения о составе их правлений. Всего управленческий корпус этих предприятий насчитывал 32 человека. Сюда входили собственно учредители компаний (10 человек), директора правлений (17 человек) и члены правлений (5 человек). Из всего корпуса управленцев и учредителей только четверо (12,5 %) имели высшее техническое образование: М.М. Подобедов (инженер-технолог), И.М. Подобедов (инженер-технолог), которые являлись директорами «Товарищества для эксплуатации электричества М.М. Подобедов и К°», основанного в 1895 г. в Петербурге и два учредителя «Русского электромеханического общества» (создано в 1896 г.) — И.Е. Адауров и Н.О. Кульжинский (оба инженеры путей сообщения)⁵⁸.

Информация о составе правлений электротехнических акционерных предприятий появляется затем в сборнике «Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов», который начал издаваться с 1912 г. Правда, в первом издании эти предприятия не были выделены в отдельный раздел. Тем не менее, сборник содержит информацию о девяти электротехнических акционерных обществах⁵⁹. Среди управленцев этих предприятий указан 41 человек, восемь из которых являлись либо председателями правлений, либо ответственными агентами⁶⁰. Наиболее известные — Ф.Э. Плеске (председатель правления Общества «Электрического освещения 1886 года») — действительный статский советник, член правлений трех крупных компаний и К.В. Хагелин — председатель правления АО «Эриксон Л.М. и К°», который одновременно состоял в руководстве Петербургского международного банка и еще пяти компаний⁶¹.

Наиболее полная информация об электротехнических компаниях содержится в справочнике «Акционерно-паевые предприятия», изданном в 1917 г. В этом сборнике они выделены в особый отдел, который включает сведения о 54-х акционерных электротехнических предприятиях. Общий состав правлений этих предприятий включал 230 фамилий, однако, четкой номенклатуры управленцев не установлено. Например, помимо председателей правлений упомянуты вице-председатели, директора, директора-распорядителя, а в представительствах иностранных компаний — ответственные агенты или доверенные лица. Функции этих управленцев не прописаны, поэтому точно определить состав высшего управленческого звена затруднительно.

По наши подсчетам, топ-менеджмент электротехнических предприятий (без учета членов правлений) включал всего 61 человека, или 26,5 % от всего состава их правлений. Из них 19 человек (31 %) имели высшее или среднее специаль-

⁵⁷ Статистика акционерного дела в России. Вып. 1. Состав директоров правлений на 1897 г. / Изд. Н.Е. Пушкина. СПб., 1897. С. 55–56.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Подсчитано по: АППР. М., 1912. С. 245–247.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Барышников М.Н. Указ. соч. С. 160, 269.

ное техническое образование (инженер, инженер-технолог, инженер-механик, электротехник и т.п.), часть управленцев имела высшее, но не техническое образование (в основном юридическое)⁶². Этот показатель был несколько выше, чем в целом по акционерным предприятиям империи. По подсчетам Боханова, к 1914 г. не менее 25 % руководителей акционерных фирм в России окончили специальные учебные заведения и имели звания техников, инженер-технологов, инженер-механиков, инженеров путей сообщения, присяжных поверенных, магистров различных наук⁶³.

Подавляющее большинство руководителей имели российское происхождение или получили русское подданство. Иностранцами в основном являлись ответственные агенты, представлявшие в России интересы европейских электротехнических компаний, таких как «Вестингауз» (П.Л. Герхен, французский подданный), «Одесское анонимное общество электричества» (А.А. Фоке, бельгийский подданный), «Бельгийская анонимная компания трамваев и применений электричества» (С. Вайншток, бельгийский подданный), Шведско-Датско-Русское телефонное АО (Н.А. Нильсон, шведский подданный), Электрическое анонимное общество Южной России (Ш. Мишель, бельгийский подданный) и др.

Что касается иностранцев, председателей или директоров российских электрических компаний, то иностранными подданными на этой должности оставались француз К.К. Лоран (председатель правления Общества «Электрическая сила»), а также швейцарский подданный Л.Ф. Дюфлон, который являлся директором-распорядителем акционерного общества «Электромеханических сооружений» (бывшим «Дюфлон, Константинович и К°»). При этом, многие руководители, хотя и имели иностранное происхождение, являлись русскими подданными. Например, И.А. Шарлье (председатель правления акционерного общества «Московский электролитический завод») родился в Льеже (Бельгия), но высшее образование получил в России и с 1880 г. являлся русским подданным. Также русским подданным был председатель правления акционерного общества телефонных сооружений П.К. Жиро, француз по происхождению. Отметим, что вопрос установления подданства является довольно сложным и требующим отдельного исследования, поскольку в бумагах правлений акционерных обществ эти сведения, как правило, отсутствуют.

Большая часть руководителей российских акционерных обществ входила в руководство одной компании и лишь «капитаны бизнеса», по терминологии Боханова, занимали по две или более руководящих должностей⁶⁴. Что касается руководителей электротехнических предприятий, то здесь ситуация выглядит иной. По нашим подсчетам, из 61 председателя правления и директора предприятия в руководство одной фирмы входили 33 человека (54 %) и только семеро (11,4 %) являлись руководителями двух или трех электротехнических компаний. Вместе с тем 28 управленцев высшего звена (46 %) входили в состав правлений других акционерных предприятий, не связанных с электротехнической

---

⁶² Подсчитано по: АППР. Пг., 1917. С. 323–337.

⁶³ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России конец XIX в. 1914 г. М., 1992. С. 189.

⁶⁴ Боханов А.Н. Деловая элита России. С. 67–68.

промышленностью⁶⁵. Так, председателем правления акционерного общества «Вольта» был М.С. Плотников, инженер-технолог, кандидат математических наук, окончивший Петербургский технологический институт. Кроме этого предприятия он возглавлял еще ряд правлений, в том числе АО «Г.А. Лесснер», «Новый Лесснер», «Русский Уайтхед», «Феникс», Русское акционерное общество артиллерийских заводов и др.⁶⁶ Тот же Петербургский технологический институт окончил председатель правления «Русского общества электрических дорог и электрического освещения» С.П. Глезмер, инженер-технолог, член Русского технического общества, инициатор создания Общества технологов, мануфактур-советник, член Государственного совета и председатель Общества для содействия развитию фабрично-заводской промышленности⁶⁷. Председатель Елисаветградского электрического общества В.П. Шуберский получил образование в Петербургском институте инженеров путей сообщения и одновременно являлся членом правлений еще ряда акционерных компаний, включая Русско-французский коммерческий банк⁶⁸.

Инженеры-технологи и инженеры-электрики также стояли во главе таких компаний, как Армавирское электрическое акционерное общество (Г.С. Авакянц — управляющий инженер-электрик), «Гейслер Н.К. и К°». Акционерное общество электромеханического и телефонного заводов (Л.Х. Йозеф — технический директор, изобретатель и инженер), «Динамо» Русское электрическое акционерное общество (П.О. Гукасов — председатель правления, нефтепромышленник, инженер и финансист), Киевское электрическое общество (К.П. Каневец — председатель правления, горный инженер-электротехник), АО «Русская электрическая лампа» (М.С. Малкиель — председатель правления, инженер-технолог, выпускник императорского Московского технического училища), «Электрического освещения 1886 года общество» (Л.В. Свенторжицкий — председатель правления, инженер-электротехник, выпускник Николаевского инженерного училища, профессор Николаевской инженерной академии, автор книг по электротехнике), «Сименс-Шуккерт» Русское общество (Л.Б. Красин — директор-распорядитель, выпускник Харьковского технологического института, входил в состав правления АО «Электрическая сила») и др.

Специалисты-электротехники, руководители ряда электротехнических предприятий активно проявили себя не только в деятельности руководимых ими акционерных обществ, но и общественных организаций, таких как императорское Русское техническое общество (ИРТО), Общество инженеров-электриков, Общество технологов, в работе Всероссийских электротехнических съездов, которые начали свою деятельность на рубеже веков. Уже на первом съезде, который состоялся в декабре 1899 — январе 1900 г., с докладом «Об устройстве и эксплуатации центральной электрической станции в Ростове-на-Дону» выступил председатель правления акционерного общества «Телефон» П.И. Авцын (купец I-й гильдии, электротехник, помимо данного предприятия являлся

⁶⁵ Посчитано по: АППР. Пг., 1917. С. 323–337; *Барышников М.Н.* Деловой мир России. Историко-биографический справочник; *Боханов А.Н.* Деловая элита России.

⁶⁶ *Барышников М.Н.* Деловой мир России. С. 294.

⁶⁷ Там же. С. 123.

⁶⁸ *Барышников М.Н.* Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000. С. 495.

распорядителем торгового дома «П.И. Авцын и К^о» в Ростове-на-Дону, торговавшем машинами заводов «Аугсбург-Нюрносрг», а также членом правления фабрики изделий из американской фибры «Глобтроттер» в Москве)⁶⁹. Авцын являлся постоянным участником электротехнических съездов и почти на каждом выступал с докладами: на втором съезде (1902) — о применении электродвигателей для уплотнения грунта, устройства и ремонта уличных мостовых по своей (Авцына) системе; на третьем съезде (1903) — о применении электродвигателей для передвижения грузов при больших подъемах от портовых складов, набережных и вокзалов, на шестом съезде (1910–1911) — об устройстве и условиях эксплуатации телефонов в России⁷⁰. Авцын проявил себя не только как талантливый изобретатель и рационализатор, но как энтузиаст и популяризатор телефонизации российских городов.

Другим активным участником Всероссийских электротехнических съездов являлся Э.Р. Ульман, инженер-технолог, директор Электрического акционерного общества Донецкого бассейна, старший техник «Общества электрического освещения 1886 года» и директор Шуваловского общества электрического освещения, член правлений ряда электрических обществ, член Общества технологов и преподаватель Петербургского политехнического института. Им были сделаны доклады: на втором съезде (1902) от имени VI отдела РТО «О проекте правил о порядке разрешения электротехнических устройств высокого и повышенного напряжения», на четвертом (1907) от имени Постоянного комитета съездов — «О правилах пользования электрическими устройствами низкого напряжения», на пятом (1908–1909) — «Об изменении правил устройства котельных помещений в связи с увеличением мощности центральных станций» и два доклада на шестом съезде (1910–1911): «Прогресс в устройстве котельных помещений центральных станций» и «Развитие центральных электрических станций в Петербурге за десятилетний период». Кроме того, он выступал на совместном заседании VI отдела РТО и шестого электротехнического съезда на тему: «Развитие Петербургских центральных электрических станций»⁷¹.

С докладами на электротехнических форумах и разного рода совещаниях выступали М.С. Бродский (председатель правления общества Киевского кабельного завода, член правления Елизаветградского электрического общества и ряда других), П.К. Жиро (председатель правления Общества телефонных сооружений), К.П. Каневец (горный инженер-электротехник, председатель правления Киевского электрического общества), Ф.Ф. Фидлер (изобретатель, председатель правления Общества «Преображенский кабельный завод»), Г.М. Кржижановский (инженер, заведующий кабельной сетью «Общества электрического освещения 1886 г.») и др.

Некоторые управляющие были далеки от электротехники и не имели технического или инженерного образования, однако обладали чинами и званиями, что позволяло им стоять во главе компаний. Как правило, они входили в управ-

⁶⁹ Боханов А.Н. Деловая элита России. С. 69.

⁷⁰ См.: Сотин Б.С., Давыдова Л.Г. Русские электротехнические съезды // Труды института истории естествознания и техники. Т. 26. М., 1959. С. 61, 65, 69, 82.

⁷¹ Там же. С. 65, 72, 75, 81, 83.

ление нескольких акционерных обществ различной направленности. Среди них Е.Г. Шайкевич, надворный советник, присяжный поверенный, который помимо правления «Всеобщей компании электричества» (Русское общество) состоял председателем еще двух фирм и вице-председателем правления общества русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске»; потомственный почетный гражданин М.С. Бродский (АО «Киевский кабельный завод») был членом правлений центрального банка Обществ взаимного кредита, членом совета Киевского частного коммерческого банка, Южно-Русского порохового завода, Общества Днепровских заводов по механической обработке дерева, Общества табачной фабрики «Соломон Коген» и др. Рекордсменом в этом смысле являлся Алексей Иванович Путилов (чиновник, предприниматель, политический деятель, юрист по образованию), который возглавлял правление АО электрических аккумуляторов «Рекс», был председателем правления Русского акционерного общества «Сименс и Гальске», председателем правления Общества Путиловских заводов, Русско-Азиатского банка, Англо-Русского нефтяного общества, Акционерного общества механических и трубных заводов «Промет», нефтяного общества «Лианозова Г.В. сыновья», членом правлений еще 19 компаний. Путилов перепробовал себя на различных должностях в государственной службе. Был одним из ближайших помощников министра финансов Витте, чиновником особых поручений Госбанка, директором Общей канцелярии Министерства финансов и т.д.⁷² На примере Путилова можно говорить об активном проникновении в топ-менеджмент крупнейших российских и иностранных компаний, государственных служащих, о чем писал в 1899 г. Витте.

Практика приглашения в качестве управленцев крупных государственных деятелей или представителей аристократических кругов, близких к правительству и, следовательно, обладавших лоббистскими возможностями, наиболее активно использовалась крупными фирмами, как правило, иностранного происхождения, такими как «Сименс и Гальске», «Сименс-Шукерт», «Эриксон Л.М. и К°», некоторыми другими. Так, председателем АО «Сименс и Гальске» являлся уже упоминавшийся Е.Г. Шайкевич. Помимо него в состав правления входили такие приметные личности, как действительные статские советники А.А. Давидов и А.А. Шварц, барон Н.Е. Врангель (и.о. председателя в 1916 г.). Все они, не имея специального образования, состояли членами советов ряда акционерных компаний и финансовых учреждений.

В целом электротехнические предприятия даже в годы войны развивались, за редким исключением, достаточно успешно, о чем свидетельствуют их постоянно увеличивавшиеся дивиденды. К сожалению, не представляется возможным определить уровень дивидендов по всем акционерным обществам, поскольку часть из них заявляли прибыль в рублях на 1 акцию. Некоторые электротехнические предприятия показывали отсутствие прибыли и, следовательно, не начисляли дивидендов, другие показывали убытки. Среди них Русское электрическое общество «Вестингаузен» и Киевское электрическое общество, которые находилось в стадии ликвидации, АО «Преображенский кабельный завод», общество электрических аккумуляторов «Рекс», АО «Телефонных сооружений»,

⁷² Экономическая история России. Энциклопедия. Т. 2. М., 2007. С. 441.

«Шуваловского электрического освещения общество» и некоторые другие⁷³. По 22-м предприятиям (41 % от всех, предоставивших отчеты) средний размер выплаченного дивиденда за 1913 г. составил 9,3 %. По 24-м предприятиям (44 %) средний дивиденд за 1914 г. снизился незначительно и составил 9,1 %, но уже в 1915 г. вырос до 11,3 %, что свидетельствовало об их стабильной работе⁷⁴.

Заключение

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. менеджеры-управленцы превратились в важную часть делового мира России. Они происходили из разных социальных слоев, обладали различным уровнем образования и культуры, но каждый находил себе место в российском бизнесе. За весь период становления российской электротехнической промышленности, начиная с 80-х гг. XIX в. и вплоть до февраля 1917 г., уровень профессионального образования и компетенции директоров, заведующих и председателей правлений основных зарегистрированных акционерных обществ значительно вырос, о чем свидетельствуют результаты работы предприятий этой отрасли: умножение основного и запасного капитала и значительный рост, даже в условиях Первой мировой войны, дивидендов, выплаченных акционерам и пайщикам.

Кроме того, топ-менеджмент, особенно та его часть, которая получила профильное образование (инженеры-электрики, инженеры-технологи и др.) помимо выполнения своих прямых обязанностей участвовали в деятельности профессиональных общественных организаций, получивших широкое развитие на рубеже XIX–XX вв., что свидетельствовало о росте уровня их профессиональных знаний и компетенций. Особенно наглядно их активность проявлялась в работе Всероссийских электротехнических съездов, собиравшихся в России, начиная с 1900 и вплоть до 1917 г., а также в деятельности других профессиональных организаций — Русского технического общества, Общества инженеров-электриков и др.

Одновременно можно констатировать широкое распространение практики активного участия лиц, занимавших видное положение в государственной иерархии, в учреждении и заведывании делами промышленных компаний. Не являлась в этом плане исключением и электротехническая отрасль. Значительная часть управленцев, входивших в состав правлений электротехнических компаний, не имела профильного образования. Данное обстоятельство объясняется прежде всего тем, что акционерные компании (пусть и с государственным участием) представляли собой прежде всего коммерческие структуры и, следовательно, были заинтересованы в получении прибыли и дивидендов. Поэтому, формируя управленческие структуры, они эту проблему решали как за счет профессионализма управляющих, так и в расчете на их лоббистские возможности.

---

⁷³ Подсчитано по: АППР. Пг., 1917. С. 323–337.

⁷⁴ Там же.

Библиография

- Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов. Москва : М. Лавров, 1912. 274 с.
- Акционерно-паевые предприятия России по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / Под. ред. В.В. Лаврова. Пг., 1917. 613 с.
- Барышников М.Н.* SIEMENS в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // Российский журнал менеджмента. 2009. Том. 7. № 2. С. 119–138.
- Барышников М.Н.* Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., 1998. 448 с.
- Барышников М.Н.* Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000. 584 с.
- Бессолицын А.А.* Фактор человеческого капитала в условиях российской модернизации на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы новой экономики. 2019. № 1 (49). С. 35–42.
- Бессолицын А.А.* Кадры для модернизации. Дискуссии о подготовке специалистов для электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. №. 3. С. 366–395.
- Биржа (еженедельное издание). Независимый беспартийный прогрессивный орган. 1916. № 33.
- Биржа. 1916. № 42.
- Биржа. 1917. № 1.
- Биржа. 1917. № 7–8.
- Бовыкин В.И.* Заключение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. 321,[2] с.
- Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М.: Наука, 1992. 260 с.
- Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 272,[2] с.
- Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 48.
- Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Том 4. Промышленность, торговля и сельское хозяйство России. Кн. 1: Организация торгово-промышленного ведомства. Программы экономического развития. Акционерное учредительство. М.: Наука, 2006. 702 с.
- Дьяконова И.А.* Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 120–152.
- Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л.: Наука, 1971. 287 с.
- Загоруйко М.М.* «Виккерс» в России: Материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР: монография / М.М. Загоруйко, В.В. Булатов, В.Н. Косторниченко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 360 с.
- Калмыков С.В.* Организационные формы предпринимательства // История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 1999.
- Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства в России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Ковалевский Е.П.* Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов по официальным данным. СПб.: Ред. журн. “Техн. образование”, 1893. 14 с.
- Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности / Список фабрик и заводов России 1910 г. по официальным данным фабричного, податного и горного надзора. М.: СПб.; Варшава: Изд. ТДЛ и Э. Метцельн Со., 1910. 1270 с.
- Министерство финансов. Отдел промышленности / Состав служащих в промышленных заведениях в отношении подданства, языка и образовательного ценза. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. 278 с.
- Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX–XX веков / сост. Ю. Петров, Е. Савинова. М.: УралСиб | Банк 121, 2007. 160 с.
- Нифонтов А.С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. 1955. № 54. С. 239–250.
- Озеров И.Х.* Куда мы идем? Пг.: Свободный народ, 1917. 16 с.
- Положение о первом Всероссийском электротехническом съезде // Труды первого Всероссийского электротехнического съезда 1899–1900 гг. в Петербурге. СПб.: Ком. I-го Всеросс. Электротехнического съезда, 1901.

- Оль П.В.* Иностранные капиталы в народное хозяйство довоенной России. Л.: [Изд-во Всесоюз. акад. наук], 1925. 35 с.
- Поткина И.В.* Коммерческие фирмы и инженеры: некоторые аспекты формирования управленческого персонала в России на рубеже XIX–XX веков // Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития: монография / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2017. Часть II. П. 11. С. 162–185.
- Проект учреждения Электротехнического института в Москве // Электротехник. 1898. № 6.
- Романов А.А.* Электротехническая промышленность Москвы в последней трети XIX — начале XX вв. // Вестник университета. 2013. № 20. С. 280–284.
- Сотин Б.С., Давыдова Л.Г.* Русские электротехнические съезды // Труды института истории естествознания и техники. Т. 26. М., 1959.
- Статистика акционерного дела в России. Вып. 1. Состав директоров правлений на 1897 г. / Изд. Н.Е. Пушкина. СПб.: тип. М-ва путей сообщения, 1897–1901. 1897. 300 с.
- Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. 1. Введение. Торговые деятели. СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908. 515 с.
- Шильникова И.В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М.: МГУ, 2006. С. 56–70.
- Шильникова И.В.* Иностранные специалисты на предприятиях России: условия найма в конце XIX — начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 2. С. 25–42.
- Шильникова И.В.* О роли управляющих в трудовых конфликтах на промышленных предприятиях дореволюционной России: опыт микроанализа // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 70–79.
- Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М., 2008. 1469, [1] с.; Т. 2. М., 2009. 1288 с.
- Электричество. Орган VI отдела Императорского русского технического общества. 1910. № 5.

Экономическая повседневность казаков (вторая половина XIX — начало XX в.)¹

Аннотация. Данная статья, посвященная экономике повседневной жизни российско-го казачества во второй половине XIX — начале XX в., написана на основе архивных (РГИА, РГВИА, ГАОО, ГАРО) и опубликованных источников: этнографических описаний, материалов периодической печати, источников личного происхождения. Объектом исследования выступает все российское казачество, т.к. независимо от географического расположения казачьих войск и особенностей их формирований («снизу» стихийно или «сверху» правительством), наблюдается схожесть повседневной жизни казаков.

Характеризуя экономическую повседневность казаков, автор статьи приходит к выводу, что закрытость казачьей общины как системы и свойственный казакам традиционализм объективно не соответствовали стремительно развивавшимся капиталистическим отношениям, порождая проблемы экономического характера. Аграрно-экономические новшества внедрялись с большим трудом, главным образом стараниями войскового правительства. Тяжесть воинской повинности и низкий уровень агрономической культуры казаков приводили к экономическому упадку и социальному расслоению казачьих общин. Ресурсы, имевшиеся у казаков, постепенно истощались, затраты, необходимые на военную службу и повседневную жизнь, возрастали. Особенно бедственным было положение дальневосточных казаков.

Ключевые слова: казачество, казаки, повседневная жизнь, экономическая повседневность, казачье хозяйство.

Данная статья посвящена экономике повседневной жизни российского казачества в пореформенный период. Следует отметить, что независимо от географического расположения казачьих войск и особенностей их формирований («снизу» стихийно или «сверху» правительством), наблюдается схожесть повседневной жизни казаков, которых мы объединяем их термином «казачество».

Во второй половине XIX — начале XX вв. идет процесс активной интеграции казачества в социально-экономическое и правовое пространство России². В военном отношении этот период был для казаков относительно спокойным. П.Н. Краснов с сожалением писал: «Отсутствие войн и экспедиций, в которых казаки на практике ознакамливались с военным искусством... привело к тому, что казачья шашка

* Годовова Елена Викторовна — доктор исторических наук, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Исторический факультет Оренбургского государственного педагогического университета, godovova@mail.ru.

¹ В основе настоящей статьи лежит параграф докторской диссертации автора «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX — начале XX вв.», защищенной 1 марта 2019 г.

² Волвенко А.А. Донское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 190.

заржавела и охота служить пропала»³. Поэтому основное внимание казаки стали уделять развитию хозяйственных отраслей, доступным им по естественно-историческим условиям — главным образом земледелию, скотоводству и рыболовству.

В большинстве казачьих станиц основу хозяйства составляло земледелие. Согласно «высочайше» утвержденному 21 апреля 1869 года мнению Государственного совета, казачьи станицы получили окончательное поземельное устройство. На каждую душу мужского пола казачьего сословия, в том числе на генералов и офицеров, выделялся 30-ти десятинный надел удобной земли, который не должен был быть меньше 20-ти десятин, даже если население станицы увеличивалось⁴. Однако вследствие естественного прироста населения наделы уменьшались настолько, что на 1 января 1907 г. в среднем на одного казака приходилось 12,08 десятин земли⁵, на 1 января 1910 г. — примерно 11 десятин⁶, а в некоторых станицах и того меньше. Такое малоземелье ставило казаков в весьма затруднительное положение, т.к. земля служила им единственным средством как для поддержания благосостояния, так и для исправного снаряжения на военную службу.

Казак, достигший 17-летнего возраста, получал пай общественной земли. (Таким образом, можно констатировать привязку получения казаком земельного пая к началу его подготовки к действительной службе⁷). Для раздела в поле выезжало несколько человек, которые отмеряли каждому семейству пай в зависимости от количества в нем мужчин не моложе 17 лет. Раздел нередко сопровождался выпивкой и ссорами. Поначалу на отведенном пае без позволения его хозяина никто не имел права косить траву, собирать ягоды или пасти скот. Однако позже каждый казак был наделен правом косить траву, где угодно⁸, что приводило к неравномерному распределению земли между казачьими семьями, порождая столкновения и драки⁹.

По данным профессора Л.И. Футорянского, на казачьих землях преобладала переложная система¹⁰. Распашку земли начинали ранней весной, в марте–апреле, в зависимости от состояния почвы. Осенняя вспашка проводилась в сентябре — октябре¹¹. Посевная площадь зависела от достатка владельца. Богатый казак ежегодно запахивал до 100 десятин, среднеобеспеченный — до 40 десятин, бедный — до 5 десятин¹². Во многих местах земельные наделы находились за несколько километров от станицы, поэтому вся семья с мая по октябрь жила в поле во временных постройках¹³.

³ Краснов П.Н. О воспитании донского юношества // Военный сборник. 1899. № 8. С. 420.

⁴ История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896 / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов, под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис, 1901. С. 194.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 44. Л. 169.

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 263 об.

⁷ Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. С. 93.

⁸ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1888. С. 591.

⁹ Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Там же. С. 671.

¹⁰ Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1999. С. 62.

¹¹ Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995. С. 177.

¹² Шахов Д. Воронежская станица. С. 671.

¹³ Липинский А.В. Троицкая станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1888. С. 703.

Пахота, боронование и сев считались исключительно мужским делом, но, если в казачьей семье было мало мужчин, им помогали женщины и дети. Сеяли хлеб в количествах, способных удовлетворить годовую потребность семьи. Для уборки урожая вполне хватало рабочих рук семьи, но изредка приходилось нанимать батраков¹⁴. Уральские казаки на уборку хлеба приглашали сезонных рабочих из Самарской, Саратовской, Казанской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, а также более отдаленных Воронежской, Харьковской, Орловской, Тульской и других губерний. Численность таких сезонных работников, по подсчетам Н.А. Бородина, ежегодно составляла 20 тысяч (в урожайные годы — до 40 тыс.) человек. Доля казаков среди них была незначительной. Часть полевых рабочих составляли «иногородцы» из Уралья, с конца XIX века — казахи¹⁵.

Кроме пшеницы, казаки выращивали рожь, овес, ячмень, просо, коноплю и лен¹⁶. Из воспоминаний оренбургской казачки узнаем, что ржаную муку, ячмень, овес в основном пускали на корм лошадей. Сами казаки ржаной хлеб не ели, за исключением, 1911-го, неурожайного для оренбургских казаков года, когда из запасных магазинов выдавали по пуду ржи на человека¹⁷. Уральские казаки сажали рожь в небольшом количестве, а ржаную муку использовали исключительно для пропитания полевых рабочих¹⁸. Засеянные нивы обрабатывали боронами обыкновенного устройства: пять продольных в полтора вершка брусков с деревянными, реже железными зубьями, до 20 на каждом бруске, связанными между собой несколькими поперечными в полвершка брусками; крайние, продольные, имели форму санных полозьев¹⁹.

Этнографические описания казачьих станиц, составленные в 70–80-е гг. XIX века, характеризуют казаков как плохих земледельцев, обрабатывавших землю первобытным способом, уповая на Бога и не заботясь об улучшении агротехники²⁰. Основными земледельческими орудиями были плуг, рало и борона. Плуг использовали старинный, тяжелый, деревянный, на 4–5 пар волов для целины и на 3 пары — для «мякоти»²¹. Обеспеченные казаки пахали в два плуга²². Казаки, не имевшие достаточного для вспашки количества скота, пахали «супрягой», т.е. запрягая вместе весь свой рабочий скот²³.

В конце июня — начале июля начиналась уборка озимого хлеба, во второй половине июля — ярового. Следует отметить, что уральские казаки озимой пше-

¹⁴ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. С. 592.

¹⁵ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже XIX–XX веков. Уральск, 2015. С. 85–86.

¹⁶ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков. Оренбург, 1891. С. 160.

¹⁷ Серов А.Г. Воспоминания старожилов станицы Магнитной: старые и новые записи. Магнитогорск, 2013. С. 27.

¹⁸ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 85.

¹⁹ Литинский А.В. Троицкая станица. С. 715–716.

²⁰ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. С. 592.

²¹ Шахов Д. Воронежская станица. С. 671.

²² Кириллов П. Новоминская станица. Статистическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1888. С. 627–628.

²³ Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. С. 177.

ницы не сеяли даже в период снижения урожая яровых хлебов²⁴. Вероятно, это объясняется тем, что основным источником их жизни являлись рыбные промыслы. Наказной атаман Уральского казачьего войска в своем отчете за 1910 г. сообщал, что многие его подопечные считали земледелие унижительным трудом, поэтому, по примеру своих предков, предпочитали пользоваться наемными рабочими из крестьян соседних губерний и киргизов²⁵. Автор заметки о домашнем быте форштадтских казаков Оренбургского казачьего войска также отмечает отсутствие у них склонности к обработке земли. Этим занималась только треть домохозяев, еще одна треть привлекала наемный труд, оставшиеся не работали в поле ни в каком виде. Таких называли «белоручками», т.к. они жили в основном за счет своих жен и матерей²⁶. Считаем, что в наибольшей степени такое положение было свойственно казакам подгородних станиц и не может быть распространено на территорию всего войска.

В уборке хлеба участвовали взрослые, подростки, старики; работали от зари до зари. В казачьих семьях, которые не имели средств для найма рабочей силы, уборочная страда затягивалась до зимы²⁷. Хлеб убирали косами или, чаще, серпами, т.к. при этом потери зерна были меньше. Одни жали, другие вязали снопы, третьи стаскивали их в кучки, составляя «крестцы». Подсохшие снопы свозили в амбары и складывали в скирды. Как только они высыхали, приступали к молотье²⁸.

Молотье начиналась в конце июля — начале августа, заканчивалась в сентябре, но могла затянуться и до зимы. Молотили хлеб на полях каменными катками, запряженными лошадьми и быками. После обмолота зерно веяли «по ветру», либо высыпая в ведра, либо приподнимая над землей большими деревянными лопатами. Стога и скирды необмолоченного хлеба оставляли на зиму в поле²⁹.

В 80-е гг. XIX века в казачьих станицах стали появляться легкие и удобные молотилки на конной тяге, которые значительно сокращали трудозатраты на уборке. Появились и жатвенные машины. Первоначально усовершенствованные молотилки и веялки принадлежали иногородним³⁰, затем станичные общества стали обсуждать необходимость приобретения двух–трех лошадиных молотилок для пополнения общественных хлебных магазинов³¹. Благодаря иногороднему населению в Кубанской области одновременно с расширением площади запашек начинают распространяться улучшенные земледельческие орудия. Прimitивный плуг заменяют современным иностранного, а потом и отечественного производства. Повсеместно в употребление входят веялки-сортировки, косилки, сеялки, молотилки. По данным Л.М. Мельникова, за 1886–1898 гг. у коренного и иногороднего населения станиц количество улучшенных орудий увеличилось с 39 919 до 194 840³².

²⁴ Сагаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 85.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 185. Л. 182 об.

²⁶ Писнов М.Н. Домашний быт форштадтских казаков // Оренбургская газета. 1899. 4 апр.

²⁷ Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. С. 177.

²⁸ Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. С. 111.

²⁹ Литинский А.В. Троицкая станица. С. 715.

³⁰ Шахов Д. Воронежская станица. С. 674.

³¹ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. С. 593.

³² Мельников Л.М. Иногородние в Кубанской области // Кубанский сборник. Т. VI. Екатеринодар, 1900. С. 87.

По свидетельству обозревателя «Уральских войсковых ведомостей», огромное любопытство вызвало появление в 1874 г. в Уральском казачьем войске первой жатвенной машины, приобретенной Г.Я. Кириловым. Желавших посмотреть ее в деле оказалось немало, и, по отзыву артелей и хозяев, «действовала она более чем удовлетворительно»³³. В 1877 году на хуторе полковницы В.А. Обратновой работало уже 30 жатвенных машин, для управления которыми приглашали уральских казаков и киргизов³⁴.

В 70–80-е гг. XIX века, по свидетельству современников, усовершенствованных земледельческих орудий у казаков было очень мало или не имелось совсем. Так, в Троицкой станице Кубанского казачьего войска в 1880 году работало лишь несколько «немецких» плугов³⁵. Однако к концу XIX — началу XX вв. положение изменилось, казаки все чаще используют сельскохозяйственную технику российского или зарубежного производства. Во многом этому способствовало войсковое начальство. В 1890 гг., с целью повышения культуры сельскохозяйственных работ, войсковое правление Сибирского казачьего войска начало приобретать усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и улучшенные сорта семян хлебных и огородных культур³⁶.

В 1908 году наказной атаман Оренбургского казачьего войска советовал казакам обзаводиться рядовыми сеялками и другим сельхозоборудованием, закупая их через войсковое хозяйственное правление. В своем приказе он указал, что сеявшие хлеб обычным способом, т.е. разбрасывая руками, получали не более 30–40 пудов с десятины, в то время как урожай после использования рядных сеялок доходил до 80–100 пудов³⁷. Атаман Амурского казачьего войска привлек агронома, который сумел убедить казаков использовать американские сельскохозяйственные орудия, которые можно было взять в долг или купить в рассрочку. Казаки убедились в негодности старинных сох и сабанов, в которые впрягали до восемь пар волов, узнали, сколько хлеба и времени тратится зря на рассеивание руками, на молотьбу копытами лошадей, на веяние по ветру и пр.³⁸ П. Семенов фиксировал в 1893 г., что казаки терских станиц бросают свои допотопные плуги и выписывают из Москвы железные, которые позволяют использовать меньшее число погонщиков и рабочего скота и пахать не в складчину, а самостоятельно³⁹. Описывая жизнь сибирских казаков в конце XIX века, очевидец отмечал, что за малым исключением они жили в достатке: железные плужки в каждом дворе, сенокосилки, жатки, веялки, молотилки сами по себе говорили об этом⁴⁰.

³³ Уральские войсковые ведомости. 1874. 28 июля.

³⁴ Уральские войсковые ведомости. 1877. 31 июня.

³⁵ *Литинский А.В.* Троицкая станица. С. 713.

³⁶ *Колупаев Д.В.* Сибирское казачество во второй половине XIX века, 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2011. С. 20.

³⁷ *Бешенцев В.Г.* Моя станица. Оренбург, 2010. С. 116.

³⁸ Амурские казаки (1-й том). Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Благовещенск-на-Амуре, 2008. С. 154–155.

³⁹ *Великая Н.Н.* Терское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград, 2014. С. 235.

⁴⁰ *Баженов А.Д.* На льготе // Сибирский казак. Выпуск первый. Переиздание войскового юбилейного сборника Сибирского казачьего войска, изданного в Харбине в 1934 г. Бийск, 2009. С. 159.

Модернизация сельхозорудий была характерна не для всех казачьих войск. Особенно рутинной эта техника оставалась в Забайкалье, где в конце XIX века еще господствовала соха⁴¹. Причину удручающего экономического состояния войска его наказной атаман генерал-лейтенант А.Н. Селиванов видел в проведенных почти подряд трех мобилизациях — по случаю Японо-китайской (1894–1895), Русско-китайской (1900–1901) и Русско-японской (1904–1905) войн. Всякий раз на хозяйстве оставались старики и женщины, казаки вошли в большие долги, а войсковой капитал истощился. Голодные 1905, 1907, 1908 и 1909 годы привели к росту недоимок и размеров ссуд на продовольствие и закупку семян. На 1 января 1910 г. общая задолженность Забайкальского войска превысила миллион рублей, или свыше 18 руб. на душу⁴². Понятно, что имея столь внушительные долги, забайкальские казаки были лишены возможности закупать сельскохозяйственную технику⁴³.

Действительно, с экономической точки зрения, участие дальневосточных казаков в военных кампаниях XIX — начала XX вв. было губительным. Дальневосточное казачество в основном состояло из переселенцев. В записке «О заселении приграничной полосы Приамурского края» военный министр отмечал, что преимущество при переселении власть отдавала казакам как защитникам границ. Денег на это не жалели, несмотря на то что доставка одной казацкой семьи обходилась казне более чем в тысячу руб. Малая величина пособия на обустройство хозяйства, вынужденное поселение на неудобьях, большое количество натуральных повинностей, лежавших на казачьем населении, наводнения, падежи скота, неурожай и другие бедствия, обрушивавшиеся на поселенцев, приводили к тому, что огромное их количество сразу оказывалось в бедственном материальном положении⁴⁴. Отсутствие у казацкой бедноты сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, значительные расходы на приобретение снаряжения для службы вынуждали казаков сдавать землю в аренду. Право на это им давало Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, утвержденное 3 июня 1891 года, согласно которому жители станиц могли «пользоваться предоставленными им паями не только лично, но и передавать оные другим лицам войскового и невойскового сословия на срок не свыше одного года»⁴⁵.

В случае нехватки собственных рабочих рук приходилось прибегать к наемному труду, для чего требовались значительные средства. В урожайные годы одной паре косарей (косильщик и вязальщица) на Кубани, например, платили 5–7 и более рублей в день, и, таким образом, на одну уборку (скосить, связать и сложить в копны) казак тратил до 30 и более рублей. Волей-неволей приходилось часть надела продавать, закладывать или занимать деньги у состоятельных соседей под залог будущего умогота. Причем состоятельные соседи пользова-

⁴¹ Фурорьянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 63.

⁴² РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 273.

⁴³ Там же. Л. 273 об.

⁴⁴ Голик А.А. Повседневность дальневосточного казачества в условиях военных конфликтов начала XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XXI вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Материалы международной научной конференции, 14–16 марта 2014 г. / под ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2014. С. 422.

⁴⁵ ПСЗРИ-III. Т. 11. № 7782.

лись безвыходным положением малоимущего — брали высокие проценты или покупали/арендовали землю по явно заниженной цене. Вот пример. У одного бедного казака умерла мать, и чтобы ее прилично похоронить, он обратился к богатому соседу. В долг тот ему не дал, а предложил взять у него в аренду пахотную землю по 6 рублей за десятину при рыночной цене в 10–12 руб. Бедняку ничего не оставалось, как сдать на год участок своего парового поля за 30 рублей. Вскоре после похорон казаку удалось продать по сходной цене корову и он решил отменить сделку. Сошлись на 35 рублях⁴⁶.

И такие случаи были не в редкость. По свидетельству корреспондента «Вестника казачьих войск», разбогатевшие казаки «жмут свою братию гораздо хуже завзятых кулаков». Некоторые скупали по низкой цене десятки и сотни десятин, а когда наступало время посева, перепродавали с большой выгодой⁴⁷. С другой стороны, в неурожайные годы богатые казаки нередко приходили на помощь бедным жителям. В 1889 г. казак Кармановской станицы Канзибулат Малышев Мургаев раздал бедным жителям Кармановской и Глиненской станиц сена на 2 280 рублей⁴⁸. В суровую и продолжительную зиму 1908–1909 гг. казак Мелетий Хохлачев пришел на помощь жителям Саройчиковской станицы, безвозмездно раздав им 800 копен сена, что помогло им спасти скот⁴⁹.

Не получали особого дохода от сдачи земли в аренду и казачьи офицеры. По положению от 18 января 1875 года, генералы, штаб- и обер-офицеры и классные чиновники Оренбургского казачьего войска взамен пенсии наделялись земельными участками в потомственную собственность в размере: генералы — 3 000 десятин, штаб-офицеры — 800 десятин и обер-офицеры — 400 десятин. Двадцатилетний опыт действия этого Положения показал, что земельные наделы в лучшем случае давали лишь небольшие средства, несравненно меньшие, чем денежные пенсии, и далеко не обеспечивали самых необходимых жизненных потребностей землевладельцев. Многие офицеры, земли которых находились вдали от городов или промышленных центров, лишь ежегодно уплачивали в войсковую казну разного рода пошлины и сборы, да нанимали сторожей для охраны участков от лесных порубок и самовольных распашек⁵⁰. Сдача этих участков в аренду редко приносила стабильный доход.

Постоянные судебные процессы по искам войсковых землевладельцев к арендаторам о взыскании арендных денег свидетельствуют, что земельные наделы не могли в полной мере обеспечить казачьих офицеров и их семьи. При низких арендных расценках даже исправные арендные платежи давали крайне незначительный доход. Сами же офицеры вести земельное хозяйство в таких масштабах, чтобы оно обеспечивало их существование, не могли опять-таки по причине недостатка средств. Все это, вместе взятое, заставляло их продавать свои наделы. К началу XX века из рук войсковых офицеров посторонним лицам перешло до 200 участков в среднем по 7 рублей за десятину⁵¹.

⁴⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 17. Л. 26 об.

⁴⁷ Дуплов М. Корреспонденции с Кубани // Вестник казачьих войск. 1903. № 7. С. 104.

⁴⁸ Уральские войсковые ведомости. 1889. 14 мая.

⁴⁹ Уральские войсковые ведомости. 1909. 25 окт.

⁵⁰ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 38. Л. 89.

⁵¹ Там же.

Для большинства казачьих станиц земельные наделы оставались единственным источником общественного дохода. Многие станицы сдавали их в аренду и на вырученные средства содержали станичные правления, училища, церкви и церковные причты, снаряжали неимущих казаков на службу, удовлетворяли прочие общественные потребности⁵². Стоимость аренды варьировалась от 36 копеек за десятину в Семиреченском до 3 рублей 93 коп. в Донском казачьих войсках⁵³. Поскольку станичные власти старались сдавать землю крупными участками и на короткие сроки, арендаторами могли выступать только состоятельные люди. Затем нередко они дробили арендованные участки для сдачи в субаренду бедным крестьянам и казакам за более высокую цену. Поэтому общественная сдача в аренду станичной надельной земли не приносила казакам серьезных доходов. Например, в Терском казачьем войске, где средняя арендная плата не превышала 1 руб. 66 коп. за десятину⁵⁴, годовой доход войскового населения по этой статье составлял 6 руб. 6 коп. на душу мужского пола и не покрывал станичных и мирских расходов, доходивших до 9 руб. 48 коп. на душу⁵⁵. В начале XX века войсковые власти особенно охотно сдавали землю в аренду под горные промыслы, прежде всего — добычу нефти⁵⁶.

В повседневной жизни российского казачества значительное место занимали промыслы. Одним из древнейших занятий казаков являлось рыболовство, которое во второй половине XIX — начале XX вв. составляло основу не только благосостояния, но и общественного уклада Уральского и Сибирского казачьих войск, играло большую роль в хозяйстве казаков Астраханского, Кубанского казачьих войск, низовых станиц Донского, Терского, Оренбургского войск. В станицах, стоявших на реках, рыболовство было любимым и прибыльным занятием.

Наиболее регламентирован был рыбный промысел у уральских казаков. С 1 июня войсковое хозяйственное правление запрещало рыболовство на Урале ниже учуга, вплоть до впадения его в море, и в войсковых морских водах⁵⁷. С июня до сентября Урал от учуга до Гурьева замирал: к нему нельзя было подойти с удочкой, пригнать скотину на водопой, здесь не позволялось строить переправы⁵⁸, сплавлять лес, лодки, баржи и другие предметы и суда. Было запрещено под каким бы то ни было предлогом ставить рыболовные снасти ниже учуга, стрелять и вообще шуметь, разводить огонь. Нарушители подвергались уголовному преследованию⁵⁹, редкие случаи браконьерства немедленно пресекались⁶⁰.

Рыболовные промыслы уральских казаков Н.А. Бородин подразделял «по месту их производства» — на морские и речные, а по «степени значения в рыбном

⁵² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 61. Д. 80. Л. 11.

⁵³ Фуроранский Л.И. Казачество России на рубеже веков. С. 73.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 80. Л. 11.

⁵⁵ Терское казачество в прошлом и настоящем / сост. подьесаул Терского казачьего войска М.А. Караулов. Владикавказ, 1912. С. 271–272.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 680. Л. 56–56 об.

⁵⁷ Уральские войсковые ведомости. 1885. 2 июня.

⁵⁸ Социально-экономическая и духовная жизнь уральской казачьей общины в XIX–XX веках (по материалам «Уральских войсковых ведомостей») / сост. Е.И. Коротин. 2-е изд., доп. СПб., 2011. С. 5.

⁵⁹ Уральские войсковые ведомости. 1885. 2 июня.

⁶⁰ Социально-экономическая и духовная жизнь уральской казачьей общины. С. 5.

хозяйстве казаков» — на главные, второстепенные и «свободные»⁶¹. К главным видам рыболовного промысла он отнесил морские: «весенний курхай» («курхай»), «осенний курхай» («жаркое»), «аханное» (зимнее) рыболовство. Речные: «севрюжья», или «весенняя плавня» («севрюги»), «осенняя плавня» («плавня»), «багрень» (зимнее рыболовство), зимнее неводное гурьевское рыболовство («зимние невода»). К второстепенным видам были отнесены: узенский (на реках Большой и Малый Узень осенью и зимой) и черхальский (на озере Черхар зимой) рыбные промыслы⁶². Эти два вида промысла контролировала войсковая канцелярия, которая определяла время, место и число участников лова.

Специальные предписания не регулировали «свободные» рыбные промыслы: лов по старицам Урала во время «весенней плавни», лов в «черных водах» (на всех реках на территории Уральского казачьего войска, кроме Урала) неводами и сетями, зимний лов неводами в «запорных» (перегороженные плотинами, не выпускавшими рыбу обратно в Урал) старицах, вольный лов зимой по «черным водам» (незапертым, т.е. не перегороденным плотиной), лов «сизами», т.е. сетью с мешком, имеющим приспособление для преграждения выхода попавшей рыбы, и «режаками» — ставными сетями с крупными ячейками на Урале зимой, а также «багорчиковое» рыболовство на Урале⁶³.

Казаки владели исключительным правом на рыбные промыслы. Они объединялись в «рыболовное войско» во главе с «атаманом рыболовства», который в XIX в. уже не выбирался, а назначался войсковой канцелярией, так же как и его помощники — «державцы». Они осуществляли надзор за выполнением правил рыбной ловли, обеспечивали безопасность войска, распределяли добытую рыбу. Весь участок реки, отведенный для лова, делился на «рубежи», на которых ловили рыбу в течение одного дня. Осенью и зимой границы «рубежей» ограждались «переставами» — сетями для предотвращения ухода рыбы с участка⁶⁴. Весенняя плавня основывалась на сезонном движении рыбы вверх по реке. В назначенный день в апреле все войско рыболовов отправлялось на Урал, ниже Уральска на 200 верст, и, двигаясь вверх по течению, закидывало невод. Это продолжалось несколько недель, а затем Урал замирал до осенней плавни⁶⁵. Осенью рыбу ловили на «ятовях», т.е. местах скопления рыбы для спячки.

В.И. Даль так описывал «ударное» рыболовство уральских казаков: «вестовая пушка разрешает намерение нескольких тысяч собравшихся и изготовившихся со значительными издержками рыбаков-воинов, они бросаются летом на бударки (легкие лодки. — *Е.Г.*) свои, зимою в сани, на лошадей, или пешком, смотря по начальственному распоряжению, скачут, несутся, обгоняют друг друга, управляют с необыкновенным проворством, силою и неустрашимостью бударами, сетями, снастями, баграми, нередко подвергаясь опасности, ибо вся участь казака и целого семейства его зависит от удачного лова, и одна единая рыба может решить участь сию, а, наконец, кто не поймал в год на 500 рублей, тот уже не в состоянии содержать себя и семейство и должен наниматься на

⁶¹ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 70.

⁶² Там же. С. 70–71.

⁶³ Там же. С. 71–72.

⁶⁴ Там же. С. 76–77.

⁶⁵ Даль В.И. Об Уральском казачьем войске. Изд. 2-е. М., 2010. С. 74.

службу... Чем богаче бывают уловы, тем дороже наемка, тем лучше и исправнее идущий на службу бывает снабжен и тем лучше семейство в его отсутствие обеспечено»⁶⁶.

Зарисовка Даля относится к 30-м годам XIX века, но и во второй половине этого столетия рыболовный «обряд» не изменился, о чем свидетельствует Н.А. Бородин в работе «Уральские казаки и их рыболовства», изданной в 1901 году. Он сообщает: «ранним утром того дня, в который назначено начало лова, стаскиваются на берег, где и располагаются вдоль него на таком протяжении, что глазом не охватишь: собирается в одном и том же месте до 3 000 и более будар»⁶⁷. В.П. Правдухин в романе «Яик уходит в море» пишет: «Все будары теперь уже на воде, мчатся вниз по Уралу. На яру толпятся разряженные казачки, босоногие ребята, еще не доросшие до плавни, и старики, уже навсегда выбывшие из рыболовного строя. С завистью и восторгом глядят они вслед Войску. Сверкающая от солнца, широкая лента реки версты на три покрыта цветными узкими бударами. Они живые, эти легкие челноки, и люди кажутся лишь их придатками, а весла — настоящими крыльями. Как свободно и быстро подаются они вперед, скользя по взбудораженному лону вод!»⁶⁸.

«Как только дан выстрел (“ударит пищаль”, по выражению казаков), вся эта масса людей бросается каждый к своей бударке, и не успеешь, что называется, опомниться, как плавщики уже черною массою покрывают дотоле совершенно чистую поверхность реки и стремятся один перед другим пробиться в первые ряды плавенного войска. Этот момент полнейшей суматохи известен под именем “удара”: вся река покрыта массой будар, в каждой из них сидит по двое, в иных по трое (“двойчатки”), каждая из них старается изо всех сил опередить товарищей. На берегу видны еще некоторые запоздавшие рыболовы, застигнутые в момент сталкивания будар на воду и отчаливания от берега... Доплыв “до ятови”... казаки забрасывают свои “ярыги” и с двух будар тянут ими»⁶⁹. В зависимости от того, какую рыбу предполагалось ловить: красную (белуга, осетр, севрюга) или черную (лещ, сазан, судак, сом и др.), ярыги делались более или менее частыми.

В это время на берегу шла гульба и пиршество. Рыбу потрошили и солили, доставали икру, укладывали и отправляли на бесконечных обозах⁷⁰.

Постепенно плавенное войско перемещалось к устью реки, достигая его обычно к концу октября. За войском двигался торговый люд: одни вместе с обозами извозчиков, чтобы купить рыбу, другие — со своим товаром, которым они торговали в селениях, где войско делало дневку, т.е. отдыхало, чинило сети и т.д.⁷¹

Осеннее плавенное рыболовство не только давало уральцам средства к существованию, но и способствовало развитию у них ловкости, силы, проворства, выносливости — качеств, необходимых хорошему воину. Однако социаль-

⁶⁶ Там же. С. 57–58.

⁶⁷ Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб., 1901. С. 13–14.

⁶⁸ Правдухин В.П. Яик уходит в море. Роман. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yaik.ru>.

⁶⁹ Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. С. 13–14.

⁷⁰ Даль В.И. Об Уральском казачьем войске. С. 79–80.

⁷¹ Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. С. 16.

ное неравенство, постепенно проникавшее в казацкую среду, влекло за собой и несправедливость. Так, богатые казаки нанимали физически сильных рыбаков, сажали их по двое в будару, и они, опережая остальных, забирали основную массу рыбы⁷².

В 1895 года большинством голосов выборных от станичных обществ был определен новый порядок рыболовства. По сути, коренному изменению подвергся лишь лов в последние дни плавни в низовьях Урала: вместо гонки на лодках и установления очереди тем, кто первым явится на место лова, рыбакам предписывалось размещаться «по избранным местам», завозя будары посуху, и определять очередь жребием. Такое изменение устранило превосходство наиболее сильных и богатых и ослабило вредное влияние на лов рыбы передвижения вниз по реке массы плавенного войска⁷³.

Самым популярным и любимым видом рыболовства уральских казаков являлось багренье, аналогов которому не было в России. Багренье — это вид зимней рыбалки в средней части Урала от г. Уральска до поселка Каленовского, когда рыбу из-под льда доставали багром — железным крючком на деревянной палке («навязи») в 1,5 аршина длиной. «Навязь» крепилась к длинному шесту-«багровищу»⁷⁴.

В назначенный день тысячи рыбаков, и стар, и млад, спешили на легких «багренных» санках к определенному пункту, где была замечена залежь («ятовь») рыбы. Здесь «баграчеи» оставляли лошадь с санями на берегу, а сами спускались на лед. Легкая и удобная для работы стеганая куртка, заправленная в широкие белоснежные шаровары из грубого холста, сапоги да теплая шапка составляли одяние баграчея. В одной руке пешня для пробивания проруби, а в другой — длинный багор и короткий «подбагреник». Первым рыбу забагривали на глубине до семи сажен, где она лежала в полусне. Вторым ее «подбагривали» у поверхности⁷⁵.

Казак Масянов, описывая процесс багрения, отмечает, что выезжали как целыми станицами, так и поодиночке, но двигались одним потоком, не нарушая порядка. Приехав на место, ставили лошадей в правильные ряды. Позади веселыми группами толпились казачки. Казаки и казачата были одеты в специальный багренный костюм: папахи с малиновым верхом, черные суконные куртки, заправленные в белые холщовые шаровары. Казачки одевались по-праздничному — в бархатные, на лисьем меху, шубы и дорогие шали. На берегу стояла киргизская кибитка, около которой собирались старшие чины войска и их семьи. Около девяти часов приезжал атаман. Тройка подкатывала к кибитке, и атаман, выйдя из саней, громко здоровался со станичниками. Войско отвечало ему дружно и громко. На середину Урала выходил багренный атаман и давал знак к началу багренья. В первый день, по обычаю, разбагривали лучшую ятовь недалеко от Уральска. В этот день багренье было особое — «царское»: весь улов отправляли в дар царю. Большие обозы, а после появления железной дороги

⁷² Там же. С. 18–19.

⁷³ Там же. С. 20.

⁷⁴ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 79.

⁷⁵ Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. С. 21–22.

несколько вагонов, груженных рыбой, ежегодно отправляли в Петербург. К полудню начинали разъезжаться. Дома казаков ждали пироги, лепешки и кипящий самовар. После мороза было приятно побаловать себя чайком и в теплом уюте вспомнить и рассказать, что было утром. А к вечеру опять начинались сборы, и рано утром, часто и ночью, уезжали казаки снова багрить, на этот раз уже для себя, на другие рубежи⁷⁶.

Азарт и суета во время багренья сопровождалась несчастными случаями. Так, при спуске с крутого яра Самарской стороны на Владимирской ятови опоздавшая артель, не разбирая крутизны, с поспешностью бросилась на лед. В горячке один казак бросил сверху пешню, которая вонзилась в спину товарища; обливаясь кровью, тот упал замертво.

По описанию очевидца, во время багренья казаки не разбирали ни дороги, ни ухабов и скакали на ятовные места, сломя голову. Казак В., стоя в санях, вихрем влетел в лес близ Чаганской станицы. Сани налетели на пенек, и от толчка В. ударился об их передок с такой силой, что разбил лицо. В бессознательном состоянии его доставили в Чаганский форпост. Другой случай произошел с казакон Н. Не зная дороги, он решил проехать на ятовь прямым путем и поскакал через ерик, который только при сильном морозе покрывался тонким слоем льда. В эту ловушку он и попал. Лошадь вместе с санями пошла ко дну, но ему удалось выскочить на берег⁷⁷.

Багреньный лов имел особое значение для уральских казаков. Улов и полученная от него прибыль ежегодно фиксировались на страницах «Уральских войсковых ведомостей» (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

**Сведения о добыче рыбы уральскими казаками
(по материалам «Уральских войсковых ведомостей»)**

Год	Поймано рыбы, пудов		Добыто икры из красной рыбы	Доход, полученный от продажи красной рыбы, рублей	Доход, полученный от продажи черной рыбы, рублей	Доход, полученный от продажи икры, рублей
	Красной	Черной				
1866	370 950	902 070	15 682	Нет сведений		
С 17 декабря 1868 г. по 20 января 1869 г.	20 489	Нет сведений	4 854	Нет сведений		
С 28 декабря 1871 г. по 20 января 1872 г.	10 491	18 205	1 107	78 238	38 450	50 585
1894–1895 гг.	10 950	2 740	1 470	146 050		

Источники: Уральские войсковые ведомости. 1867. 9 июля; 1869. 9 февр.; 1872. 13 февр.; 1895. 22 янв.

⁷⁶ Масянов Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. [Электронный ресурс]. URL: // <http://rus-turk.livejournal.com/170346.html>.

⁷⁷ Рыбное хозяйство // Вестник казачьих войск. 1904. № 3.

Данные таблицы свидетельствуют о сокращении количества добываемой рыбы на протяжении второй половины XIX века. Уральские казаки еще в 30-е гг. XIX века говорили, что им угрожает бедствие: «Каспийское море год от году мелеет, устья Урала пересыхают, и скоро рыба не будет в состоянии входить в реку, и теперь она приплывает при значительном половодии»⁷⁸. Если в 60-е годы XIX века воблы, например, на Урале шло так много, что если лодка попадала на косяк, то не могла двигаться дальше⁷⁹, а красной рыбы было поймано 370 950 пудов, то к концу века улов составлял не более 2 % от прежнего. Не случайно, когда 3 января 1894 года Иловатая ятовь дала небывалое количество рыбы (по свидетельству обозревателя «Уральских войсковых ведомостей», многие казаки из одной проруби вытащили тогда по 10–15 осетров), казаки плакали от счастья⁸⁰. В 1899 году казачка поймала икряную белугу ценою свыше 400 рублей. Это настолько ее потрясло, что, вытащив рыбу на лед, она разрыдалась⁸¹. В 1914 году другая казачка забагрила очень крупную белугу, из которой было получено больше 50 кг икры. По приблизительным подсчетам, стоимость этой белуги составила 800 рублей⁸².

Рыба составляла один из главных источников дохода Уральского казачьего войска. Сокращение уловов, естественно, способствовало повышению ее стоимости. Так, если пуд икры в 1867 году стоил 29 рублей⁸³, то в 1895 году — уже 50 рублей⁸⁴.

Помощник делопроизводителя в войсковом хозяйственном правлении Н.А. Бородин полагал, что рыболовство и рыбоводство на Урале должны основываться как на достижениях современной науки, так и на традиционном опыте рыбаков. На протяжении нескольких десятилетий ученый-чиновник вел борьбу за сохранение учуга на р. Урал. Сам факт существования этой «запруды» воспринимался как доказательство консерватизма местного населения. Астраханские и волжские рыбопромышленники неоднократно предлагали уничтожить учуг, который, по их мнению, мешал естественному ходу и развитию рыбы, преимущественно красной⁸⁵.

В течение нескольких лет Бородин изучал передовой опыт рыборазведения в Европе и Америке и, вернувшись на родину в 1894 году, занял должность войскового техника по рыбоводству. Бородин был убежден, что лишь образование и наука в состоянии изменить действительность к лучшему, но все ценное и положительное из народного опыта должно быть сохранено⁸⁶. 9 октября 1894 года он продемонстрировал только что законченной постройкой первый в Уральске склад-морозник американского типа⁸⁷. Тогда же по его инициативе и под его ру-

⁷⁸ Цит. по: *Даль В.И.* Об Уральском казачьем войске. С. 82.

⁷⁹ Уральские войсковые ведомости. 1868. 1 дек.

⁸⁰ Уральские войсковые ведомости. 1894. 9 янв.

⁸¹ Уральские войсковые ведомости. 1899. 3 янв.

⁸² Уральские войсковые ведомости. 1914. 23 янв.

⁸³ Уральские войсковые ведомости. 1867. 9 июля.

⁸⁴ Уральские войсковые ведомости. 1895. 22 янв.

⁸⁵ *Фокин Н.* Ученый — общественный деятель. Жизнь и труды «рядового интеллигента» Н.А. Бородин // Бородин Н.А. Ученый, просветитель, общественный деятель / под ред. А.В. Голубева. Уральск, 2011. С. 18.

⁸⁶ Там же. С. 21.

⁸⁷ Уральские войсковые ведомости. 1894. 9 окт.

ководством был учрежден Уральский отдел Российского общества рыбоводства и рыболовства⁸⁸. Для отслеживания прироста красной рыбы и ее перемещений в первые годы жизни Отдел объявил, что каждому, поймавшему рыбу с меткой, через станичные власти будет выплачено по 3 рубля серебром за осетрика и по рублю за стерлядь и шипенка⁸⁹.

Бородин как никто видел и отмечал слабости развития уральского рыболовства. Он указывал на неразвитость техники приготовления рыбных продуктов, отсутствие удобных путей сообщения для транспортировки рыбы, примитивные орудия лова⁹⁰, бюрократические препоны, консерватизм казачьего мировоззрения.

Для уральских казаков рыбный промысел являлся составляющей их повседневной жизни. Первый день промысла был праздничным. Начинался он с молебна, в котором кроме промысловиков принимали участие многочисленные зрители. После установки учуга устраивалось «угощение» для войскового начальства. Подготовка к промыслу, проводы, встреча составляли важную часть семейной обрядности⁹¹. Сборы на багренье отличались особой тщательностью и начинались загодя. Прежде всего, казаки «подъяровывали», т.е. откармливали лошадей, запасали муку и овес, готовили орудия и приспособления лова. Не оставалась без внимания и промысловая одежда, хранимая исстари. Приводились в порядок санки, женщины лепили, морозили, складывали в мешки пельмени, пекли пирожки-«кокурки»⁹².

Отношение к реке как к кормилице нашло отражение в фольклоре уральских казаков:

*Як ты наш, Яикушка,
Як, сын Горынович!
Про тебя, про Яикушку,
Идет слава добрая,
Про тебя, про Горыныча,
Идет речь хорошая.
Золоченое у Яикушки
Его было доньшко,
Серебряныя у Яикушки
Его была покрывечка,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки...⁹³*

Веками определенные участки промыслов давали возможность близкого общения казакам, съезжавшимся из разных мест. По мнению В.Г. Короленко, «походы на рыбу всем Войском содействуют в высшей степени сохранению на

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Уральские войсковые ведомости. 1895. 12 нояб.

⁹⁰ Бородин Н.А. Ученый, просветитель, общественный деятель. С. 48.

⁹¹ Ким Г.П. Традиционные рыбные промыслы уральских (яицких) казаков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 24–25.

⁹² Там же. С. 140.

⁹³ Коротин Е.И. Фольклор яицких казаков. Алма-Ата, 1981. С. 52.

Урале казачьего быта и типа. Войско в эти периоды чувствует свое единство. На привалах кипят религиозные споры, распространяются политические новости»⁹⁴. Рыболовство не только обеспечивало потребности казаков в рыбе, но и учило их бороться с опасностью, проявлять смелость, находчивость, тем самым формируя качества, необходимые казаку-воину⁹⁵.

Одним из древнейших промысловых занятий сибирских казаков также была рыбная ловля. Как и у уральских казаков, сезон лова был регламентирован: с 15 апреля по 15 июня и с 15 августа по 1 ноября. Весной в местах разлива рек сооружались плотины и заборы. Для рыбалки казаки использовали лодки, баркасы, другие мелкие речные суда. Ловили садками, удочками, крючками, сетью⁹⁶. Пойманную рыбу на месте сушили, солили, провяливали, зимой замораживали.

Рыбный промысел, как и у уральских казаков, приносил доход в войсковой бюджет. Рыбачили на озере Зайсан, в верхнем течении Иртыша, где водились стерлядь и осетр. С 1862 года Зайсано-Иртышскую «рыбалку» стали сдавать в аренду отдельными участками на трехлетие всем желающим, независимо от социальной принадлежности. Впрочем, доходы войска от таких операций были невелики — в 1872–1874 г., например, они составили всего 2 510 руб.⁹⁷ Временными правилами 1887 г. были установлены летний (с 1 апреля по 1 ноября) и зимний (с 1 ноября по 1 апреля) периоды рыбной ловли, войсковое хозяйственное управление стало продавать рыбопромышленникам специальные 10-рублевые билеты.

3 сентября 1892 г. наказной атаман Сибирского казачьего войска утвердил «Правила о войсковой Зайсано-Иртышской рыбалке», разработанные войсковым хозяйственным правлением. Правила устанавливали три периода рыбной ловли на Бухтарминской «рыбалке»: весенне-летний (с 1 апреля по 1 июля), летне-осенний (с 1 июля по 1 ноября) и зимний (с 1 ноября по 1 апреля). В первый период за право рыболовства с рыбопромышленников взималась плата в размере 5 руб. с одного человека за каждые 10 сетей, во второй и третий периоды — по 10 руб. за такое же количество сетей. С ловивших удочкой взималась рублевая пошлина с каждых 10 крючков⁹⁸.

В Уссурийском и Амурском казачьих войсках главными рыбаками были пожилые казаки. Они вместе с казачатами ставили во впадающие в Амур реки и речки заедки, а в сам Амур крючки, которые смазывали сметаной или салом. Следует отметить, что казаки-старожилы ловили рыбу преимущественно для собственных нужд, развивать рыболовство как промысел стали казаки-новоселы из Уральского войска, приписанные к Уссурийскому казачеству⁹⁹.

⁹⁴ *Короленко В.Г.* У казаков (из летней поездки на Урал). Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yaik.ru>.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 185. Л. 182 об.

⁹⁶ *Колупаев Д.В.* Сибирское казачество. С. 23.

⁹⁷ *Южакова Т.Л.* Правовое регулирование рыболовного промысла в Зайсано-Иртышском регионе во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 196.

⁹⁸ Там же. С. 199.

⁹⁹ *Ермак Г.Г.* Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (2-я половина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 127–128.

Рыболовство составляло главное занятие и казаков 1-го войскового отдела Астраханского казачьего войска. Астраханские казаки ловили рыбу в Волге и ее притоках, где водилась рыба двух сортов — красная (белуга, осетр, севрюга, шип, сом, стерлядь) и частичковая (белорыбица, судак, лещ, сазан, щука, карась, окунь и др.). Рыболовные угодья находились в собственности войска и сдавались в аренду на срок от 6 до 8 лет. Казачье население имело право бесплатной рыбалки только с 15 ноября по 15 марта. В остальное время года казаки ловили рыбу либо как арендаторы, либо с согласия арендующих воду лиц, на рыболовные артели («ватаги») которых и поставляли свой улов за плату с пуда, или тысячу голов пойманной рыбы¹⁰⁰.

Прихода весны казаки низовых станиц ждали с большим нетерпением. Рыба для них была не только любимой пищей, но и предметом сбыта. На вырученные от ее продажи деньги они покупали хлеб, одежду и все необходимое для жизни. Рыба, пойманная зимой, замораживалась и продавалась сырой; весенний улов продавался в соленом, вяленом, сушеном или копченом виде¹⁰¹.

По мнению инспекторов Главного управления казачьих войск, «в смысле поддержания военного духа» казаки 1-го Отдела находились в более благоприятных условиях, чем казаки 2-го Отдела. Причину этого инспекторы усматривали в их занятиях рыболовством, которое «приучает казаков к перенесению опасностей и закаляет их физически». «Как всадники они не отличаются особым молодечеством, — подчеркивалось в докладе об астраханских казаках, — но на воде на них любо было посмотреть»¹⁰².

Рыболовство было одним из древнейших занятий донских казаков, особенно на Нижнем Дону. Право на рыболовство принадлежало каждой станице в пределах ее юртового довольствия, кроме весеннего времени. Во время весеннего разлива казаки могли свободно ловить рыбу не только внутри своего станичного юрта, но и за его пределами¹⁰³. В некоторых станицах по ночам казаки ловили рыбу бреднем-«запудом». Красочное описание такой рыбалки представлено в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»¹⁰⁴.

Рыбная ловля являлась подсобным промыслом большей части казачьего населения Кубани, для которого это занятие составляло привилегию¹⁰⁵. В реках и лиманах Приазовья и Прикубанья в изобилии водилась красная рыба — белуга, севрюга, осетр, стерлядь и белая — судак, лещ, карп, рыбец, тарань. Рыбу засаливали, коптили, вялили, вывозили на продажу¹⁰⁶. Однако к началу XX века запасы рыбы начали истощаться, уловы упали. По сравнению с серединой столетия добыча красной рыбы уменьшилась более чем в пять раз, икры — всемерно, селявы — в 10 раз, тарани — вдвое¹⁰⁷. Участники проведенного в 1898 г. опроса

¹⁰⁰ Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1890 г. Астрахань, 1891. С. 48.

¹⁰¹ Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска / сост. полковник Василий Скворцов. Саратов, 1890. С. 326–328.

¹⁰² Цит. по: *Торопицын И.В.* Астраханское казачье войско (1817–1918) // Очерки истории и культуры казачества Юга России. С. 256.

¹⁰³ *Волаенко А.А.* Донское казачье войско во второй половине XIX — начале XX в. С. 197.

¹⁰⁴ См.: *Шолохов М.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книга первая. М., 1968. С. 42–43.

¹⁰⁵ Обзор Кубанской области / под ред. И.И. Кияшко. Екатеринодар, 1911. С. 106.

¹⁰⁶ *Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве. С. 180–181.

¹⁰⁷ *Бородин Н.А.* Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды. СПб., 1904. С. 12.

отметили стремительное уменьшение количества рыбы в водоемах области¹⁰⁸. Причины заключались как в обмелении рек, так и в хищнических способах рыбной ловли. Введенные с 1 января 1909 г. правила о рыболовстве в Кубанских водах проблему не решили¹⁰⁹.

Снижение уловов в начале XX века наблюдалось и на Тереке. В пореформенный период рыболовство в Терском казачьем войске приносило высокие доходы. За сезон (с сентября по апрель) в одной только станице Бороздинской отлавливали до 2000 пудов рыбы, часть которой отправлялась в свежем и копченом виде в Кизляр и другие города, в том числе в Москву. Казаки выходили в каюках в Каспийское море, рыбачили по всему течению Терека¹¹⁰ неделями напролет¹¹¹. Однако к началу XX века Терек совершенно обезрыбел, терские казаки говорили: «Раньше севрюжью икру ели ложками, а теперь и на кусок нет!»¹¹² По мнению И.Д. Кузнецова, причина заключалась все в том же хищническом лове¹¹³.

В начале XX в. стало развиваться рыболовство терских казаков на Каспии. Здесь рыбу ловили неводами, крючковой снастью, а также ставными сетями. Сети различались толщиной пряжи, размером ячеи и способом установки. Так, воблиные сети ставили вблизи берега, вбивая колья в дно; красноловные располагали длинными линиями от берега в море «порядками» (200–300 концов сетей), удерживая их на месте канатами-«сторожами» с «чипчиками» (прикольщиками); крючковую снасть, которая была двух видов — «донная» и «поплавная», размещали так: «донная» лежала у самого дна, на ниспадающие крючки ловили белуг и других осетровых, ищущих себе пищу на илистом дне, а «поплавные» сети (невод и т.д.) использовали для ловли «черной» рыбы¹¹⁴.

Для оренбургских казаков рыболовство не являлось основным занятием. В реках Тобол, Уй, Миасс, Илек, Урал промысляли леща, судака, жереха, щуку, сома; в озерах ловили золотого карася и сазана¹¹⁵.

Постепенное снижение уловов влекло за собой социальные изменения: казаки, у которых рыболовство было главным занятием, начинали осваивать другие хозяйственные отрасли, однако этот процесс шел крайне медленно.

Одной из отраслей, получивших масштабное развитие в казачьих регионах, было скотоводство. Казаки разводили тысячные отары овец, рогатого скота и лошадей, славившихся на всю Россию¹¹⁶ (см. Таблицу 2).

¹⁰⁸ Ярмош А. Рыболовство во внутренних водах Кубанской области // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1901. № 100–106.

¹⁰⁹ О состоянии области и войска за 1908 г. Извлечение из отчета начальника области и наказного атамана Кубанского казачьего войска / под. ред. Д.М. Мартыненко // Кубанский сборник. Т. XV. 1910. С. 138.

¹¹⁰ Великая Н.Н. Терское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России. С. 236.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

¹¹² Терское казачество в прошлом и настоящем. С. 281.

¹¹³ Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901. С. 28.

¹¹⁴ Терское казачество в прошлом и настоящем. С. 283–284.

¹¹⁵ Бешенцев В.Г. Моя станица. С. 15.

¹¹⁶ Цит. по: Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск, 1999. С. 104.

Таблица 2.

Сведения о скотоводстве в казачьих войсках и областях за 1900 год

В казачьих войсках и областях	Лошадей	Верблюдов	Рогатого скота	Овец и коз	Свиней	Всего
	на 100 душ населения					
Уральском	52,9	8,1	157,4	286,7	1,0	16,9
Терской	25,3	0,3	116,2	237,5	8,4	54,1
Забайкальской	107,7	1,5	106,1	169	13,8	16,4
Кубанской	30,0	—	80,0	161,0	24,0	66,0
Сибирском	70,7	0,6	95,4	87,3	2,2	11,6
Астраханском	27,0	2,0	103,0	122,0	6,0	14,0
Оренбургском	49,6	0,04	78,5	105,9	3,0	22,8
Донской	26,2	0,1	92,1	109,8	19,4	40,0
Семиреченском	79,4	0,02	63,7	48,9	5,0	14,0
Амурском	75,5	—	68,4	3,3	25,1	0,7
Итого	34,7	0,4	93,6	148,2	16,5	29,6
Уссурийском (данные за 1899 г.)	53,8	—	58,5	4,3	40,3	3,5

Источник: Статистический отчет современного положения казачьих войск. СПб.: Издание «Вестника казачьих войск», 1903. С. 40.

Сведения, представленные в Таблице 2, свидетельствуют, что скотоводство было наиболее развито в Кубанском, Терском, Донском, Оренбургском, Уральском и Забайкальском войсках, а менее — в Астраханском, Семиреченском, Сибирском, Уссурийском и Амурском. Содержание скота определялось климатическими условиями, запасами кормов, наличием пастбищ.

Крупный рогатый скот выращивали не только на мясо, но и для использования в качестве тягловой силы — на быках, волах и даже верблюдах обрабатывали землю. В каждой станице были свои пастухи. Платили им как деньгами, так и «харчами». Если у хозяина было «три головы в стаде», то пастух столовался у него три дня или получал соответствующий денежный эквивалент¹¹⁷.

Кроме рабочего скота, большую роль в хозяйстве казаков играл гулевой скот и овцы. Овца давала в год от 8 до 10 фунтов шерсти, которую продавали от 4 до 8 руб. за пуд. Шерсть шла на вязание чулок, варежек и проч. Старые овцы продавались мясникам по 4 руб., а однолетки — по 2 руб. 50 коп.¹¹⁸ Оренбургские и уральские казаки разводили и коз. Часть козьего пуха шла на продажу, а часть — на изготовление шалей, платков и т.д.¹¹⁹

¹¹⁷ Астапенко Г.А. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. Ростов-на-Дону, 2010. С. 11.

¹¹⁸ Липинский А.В. Троицкая станица. С. 721.

¹¹⁹ Сагаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 91.

Правила отбывания казаками воинской повинности диктовали развитие коневодства. Каждый казак был обязан иметь строевую лошадь и одну вьючную — на двоих¹²⁰. К концу XIX века количество строевых лошадей в казачьих хозяйствах сократилось, ухудшилось их качество. Так, разводимые оренбургскими казаками лошади киргизской породы вследствие неурожаев и вырождения измельчали до того, что могли использоваться только в сельском хозяйстве и лишь немногие обладали качествами, необходимыми для строя¹²¹. Не годилась к службе треть всего лошадиного поголовья¹²². К тому же 13,9 % казачьих хозяйств Уральского казачьего войска были безлошадными, 23,5 % — однолошадными¹²³.

Для улучшения конного состава на территории казачьих войск и областей были учреждены пункты для случки местных маток с казенными жеребцами, а также выставки лошадей с премированием их хозяев от Государственного коннозаводства. Такая выставка, например, была проведена в 1896 году в станицах Краснохолмской и Донецкой Оренбургского казачьего войска. Было премировано 28 лошадей¹²⁴.

В Терском войске были учреждены «премировки» жеребят с выдачей серебряных монет и денежных премий за лучшие по экстерьеру и выдержке экземпляры¹²⁵. Премии были установлены следующие: за годовиков, рожденных только от общественных или собственных жеребцов улучшенных кровей (в каждом отделе четыре премии: I место — 60 рублей и большая серебряная медаль, II место — 40 рублей и малая серебряная медаль, III место — 30 рублей и IV место — 20 рублей); за трехлеток (столько же, сколько за годовалых, но без медалей); за строевых коней (четырёх и более лет), рожденных от собственных казачьих маток и общественных жеребцов, выращенных дома и сдающихся в строй¹²⁶. В 1908 году на выставках жеребят-годовиков удостоились премий из сумм Терского казачьего войска 15 жеребят (580 рублей) и на выставках Государственного коннозаводства 16 жеребят (195 рублей)¹²⁷. Эти меры были необходимы, во-первых, для укрепления подворного коневодства, а, во-вторых, для поддержания табунного коневодства, которое погибало от недостатка свободных пастбищ.

Лошадь в хозяйстве казака являлась ценным имуществом, ее наличие служило мерилем его достатка. Ничто так не разоряло казака, как покупка строевого коня¹²⁸, который в конце XIX в. обходился ему в 120–200 руб. Общий расход на снаряжение и содержание казака в строевых частях составлял примерно 5 000 рублей¹²⁹.

Казачье население жило в основном за счет земледелия и скотоводства. Нужно ли снарядить сына на службу, выдать дочь замуж, требуются ли другие более или менее крупные расходы, казак либо опоражнивает закрома с хлебом, либо ведет на ближайшую ярмарку корову, лошадь, овцу и проч. Снаряжение

¹²⁰ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 46.

¹²¹ Там же. Ф. 37. Оп. 3. Д. 275. Л. 29 об.

¹²² Там же. Л. 29.

¹²³ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества. С. 90.

¹²⁴ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 275. Л. 29 об.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 680. Л. 53.

¹²⁶ Терское казачество в прошлом и настоящем. С. 286.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 680. Л. 53, 53 об.

¹²⁸ История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. С. 190–191.

¹²⁹ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. С. 605.

сына на службу или другие крупные разовые расходы сильно подрывали благосостояние семьи, но год-два урожайных, и казак вновь становился на ноги¹³⁰.

С проведением Великого Сибирского пути, когда железная дорога стала выкачивать из Сибири жиры, зерно, скот, мясо, шерсть и пр., в Сибирском казачьем войске начало быстро развиваться коневодство, скотоводство и, в целом, животноводство. Войско стало снабжать население улучшенными породами верховых и упряжных лошадей, молочного и мясного скота, тонкорунных овец. В станицах были заведены конноплодовые табуны, войсковые конюшни для улучшения пород войсковых лошадей¹³¹.

Помимо домашних животных казаки разводили птицу, прежде всего для собственного потребления и отчасти на продажу. Пара живых гусей стоила 1 руб., утки и куры шли по 50 коп. На Кубани, например, сотня куриных яиц летом стоила 1 руб., а зимой 2 руб. Пух и перья редко поступали в продажу — ими набивали подушки, которые обычно изготавливались в большом количестве дочерям в приданое. Из птицы предпочитали разводить гусей, которым требовалось меньше корма и ухода¹³².

Разводили казаки и свиней. Сало и мясо шло на домашнее потребление¹³³, из щетины делали щетки¹³⁴ и дратву для изготовления обуви, которую шили из выделанных шкур¹³⁵. Следует отметить, что промыслами казаки практически не занимались, за исключением тех его видов, которые были связаны с их хозяйственной деятельностью. Например, необходимым атрибутом рыболовства были сети, которые вязали преимущественно женщины и дети в течение всей зимы.

Как правило, уход за домашними животными был плох¹³⁶, в отличие от земских губерний слабо в станицах было развито и ветеринарное дело. Прививки, упоминавшиеся в отчетах ветеринарных частей казачьих областей, по большей части оставались на бумаге¹³⁷. Чтобы судить о реальной работе ветеринарной службы в казачьих войсках, достаточно привести следующую статистику. В 1898 году сибирская язва была зарегистрирована в Донской области в 115 пунктах, в Кубанской — в 36, в Терской — в 9, а привито было только 15 534 головы в Донской области, в других областях прививки не производились. В то же время в соседних земских губерниях количество привитых составляло: в Екатеринославской 150 тыс. голов, Саратовской 103 тыс. голов¹³⁸. Причиной неудовлетворительной работы ветеринарной службы казачьих областей было низкое жалование ветеринаров и их перегруженность работой. К обязанностям ветеринарных врачей в областях и казачьих войсках относилось наблюдение за состоянием местного скота и лошадей, принятие мер к прекращению эпизоотий, оказание врачебной помощи заболевшим животным, распространение среди населения прак-

¹³⁰ *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 723.

¹³¹ *Березовский Е.П.* Сибирское казачье войско // Сибирский казак. Выпуск первый. С. 134.

¹³² *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 723.

¹³³ *Шахов Д.* Воронежская станица. С. 678.

¹³⁴ *Арканников Ф.Ф.* Николаевская станица. С. 600–601.

¹³⁵ *Куракеева М.Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. С. 109.

¹³⁶ *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 722.

¹³⁷ *Полферов Я.* Ветеринарное дело в казачьих областях // Вестник казачьих войск. 1903. №. 7

¹³⁸ Там же.

тических сведений о содержании домашних животных и способах улучшения местных пород скота, наблюдение за ветеринарно-санитарной обстановкой пунктов сгона скота и лошадей, равно как и за местами убоя. Кроме того, на сборных пунктах ветеринары производили санитарные осмотры строевых лошадей сменных команд, отправляемых на укомплектование первоочередных частей войск, а также осматривали лошадей, прибывших на льготу из первоочередных частей¹³⁹. Желających выполнять все эти обязанности было немного.

В свободное от полевых и домашних работ время казаки охотились. С одной стороны, они хорошо владели оружием, с другой же — дикие звери наносили большой вред домашним животным, а птицы опустошали посевы. Охотились на волков, лисиц, куниц, диких свиней, коз, зайцев, оленей, а из птиц — на лебедей, гусей, уток, фазанов, куропаток и пр. Кожи и мех убитых животных продавали, мясо частично употреблялось в пищу, частично продавалось по 1–2 руб. за пуд. Хороший охотник за зиму зарабатывал от 25 до 75 руб., охота на птиц приносила доход в 10–25 руб.¹⁴⁰

Промыслом некоторых казаков было пчеловодство. До конца XIX века оно велось примитивным способом, о котором сами пчеловоды говорили: «Не мы пчел водим, а пчелы водят нас»¹⁴¹. Богатый пчеловод на Кубани имел до 100 ульев, а бедный — только 5¹⁴². Пчел разводили для экономии сахара, некоторые пытались лечить пчелиными укусами радикулит¹⁴³.

В 90-е гг. XIX в. пчеловодство стало развиваться и в Сибирском казачьем войске, причем с использованием разных усовершенствований и передовых технологий — рамчатых ульев, применением искусственной вошины и т.д. На образцовой пасеке А.Н. Федорова в Усть-Каменогорске готовили инструкторов пчеловодства, в станице Чарышской была учреждена образцовая пасека¹⁴⁴.

Огородничество существовало практически во всех казачьих станицах и поселках, но служило преимущественно для удовлетворения домашних потребностей. Для облегчения полива обычно огороды устраивали возле рек, редко — рядом с домом; огораживали плетнем¹⁴⁵. Выращивали капусту, картофель, лук, стручковый перец, морковь, репу, салат, петрушку, редьку, редис, укроп, чеснок, шпинат, пастернак. Большая часть огородных овощей употреблялась самими казаками, остальное шло на продажу¹⁴⁶. Выращивали и бахчевые культуры, например, арбузы, которые употребляли в пищу свежими и солеными, а также как приправу¹⁴⁷. Казаки Дальнего Востока выращивали табак; это было обусловлено тем, что курили не только мужчины, но и женщины¹⁴⁸.

¹³⁹ Военно-ветеринарное дело в русской армии // Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 501.

¹⁴⁰ *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 726–727.

¹⁴¹ *Живило К.Т.* Опыт исследования о состоянии пчеловодства в некоторых станицах Кубанской области в 1894 году // Кубанский сборник. Т. 4. Екатеринодар, 1898. С. 13.

¹⁴² *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 718.

¹⁴³ *Сафонов Д.Ф.* Из далекого прошлого (хроника вперемешку с размышлениями). Самиздат, 2011. (Электронный ресурс). URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166>.

¹⁴⁴ *Березовский Е.П.* Сибирское казачье войско. С. 134.

¹⁴⁵ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. Оренбург, 1891. С. 203.

¹⁴⁶ *Арканников Ф.Ф.* Николаевская станица. С. 595–596.

¹⁴⁷ Там же. С. 595.

¹⁴⁸ *Ермак Г.Г.* Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (2-я половина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 118.

Ухаживали за огородами преимущественно женщины. Исключение составляли казачки Уральского казачьего войска, чьи огороды, по свидетельству корреспондента, находились в таком «запустении и ничтожестве, что даже подсолнечные семечки, — предмет дорогой как лакомство и как развлечение, — есть продукт большей частью привозной»¹⁴⁹.

Садоводство (за исключением виноградарства) в казачьих войсках и областях служило для удовлетворения потребностей местного населения. Более или менее правильные сады были лишь в очень немногих селениях¹⁵⁰. На Кубани садоводство стало активно развиваться в 80-е гг. XIX в. Выращивали яблоки, груши, абрикосы, персики, вишню, сливу, чернослив и др. Большая часть плодов употреблялась самими жителями в натуральном, сушеном и моченом виде¹⁵¹.

Одним из развитых сельскохозяйственных промыслов на Тереке было виноградарство и производство разнорядного казачьего вина — «чихиря». Ежегодно в продажу поступало не более половины произведенного вина, остальное оставалось «про себя». Винный промысел имел неблагоприятные последствия для самого казачества. Во-первых, обильное употребление спиртных напитков губительно отражалось на подрастающем поколении. Во-вторых, продажа вина приносила мало пользы. Полное бездорожье в районах производства вина, низкое качество (лишь в некоторых станицах производилось высококачественное вино) понижали его незначительный сбыт и приводили к тому, что, несмотря на благоприятные для виноделия климатические условия, эта отрасль хозяйства находилась в затяжном кризисе, вызванном не столько опустошительными болезнями (филлоксер, а особенно мильдиум), сколько введением акциза на виноградный спирт местной выделки, ранее не облагавшийся налогами¹⁵².

В 90-е гг. XIX в. в казачьих станицах развилось производство сливочного масла и сыроварение. Первоначально маслодельные заводы в казачьих поселениях были частновладельческими, но затем появились общественные и артельные. Многие работали весьма успешно. Например, выработка масла в станице Конюховской доходила до 50 тыс. пудов в год¹⁵³, и оно экспортировалось в Англию.

Маслоделие в Уральском войске ведет свое начало с 1903 г., когда один из казаков, прослышав о производстве масла в Сибири, купил сепаратор и маслобойню. Полученный продукт стал успешно конкурировать с привозным, цена на масло в магазинах Уралья упала с 60 до 40 коп. за фунт. От 5 до 15 пудов этого масла еженедельно вывозилось на станцию Переметную, где был выкопан погреб со льдом¹⁵⁴. Отметим, что первый сепаратор у уральских казаков появился еще в 1896 г., но распространение это устройство среди населения не получило¹⁵⁵.

Если прежде казаки больше внимания уделяли коне- и овцеводству, то с развитием маслодельного промысла они стали разводить молочные породы скота.

¹⁴⁹ Уральские войсковые ведомости. 1868. 10 марта.

¹⁵⁰ Статистический отчет современного положения казачьих войск. СПб., 1903. С. 37.

¹⁵¹ Арканников Ф.Ф. Николаевская станица. С. 594.

¹⁵² Терское казачество в прошлом и настоящем. С. 289–290.

¹⁵³ Березовский Е.П. Сибирское казачье войско. С. 134.

¹⁵⁴ Казак. Корреспонденции с Урала // Областное обозрение и Вестник казачьих войск. 1904. № 17.

¹⁵⁵ Жуковский М.И. Отчет о развитии маслоделия в Уральском казачьем войске за 1903 и 1904 годы. Уральск, 1905. С. 3.

В составе Сибирского казачьего войска появились станицы, в которых количество рогатого скота доходило до десятка тысяч голов и более¹⁵⁶.

Общероссийские модернизационные процессы постепенно вовлекали казаков в новые экономические отношения. Начавшаяся постройка Амурская железная дорога дала возможность казачьему населению верхних по Амуру станиц зарабатывать на подвозе строительных материалов, доставке разных грузов, сбыте продуктов, сдаче внаймы жилья служащим и рабочим, работая на железнодорожном строительстве¹⁵⁷. Кубанские казаки, прежде не занимавшиеся ремеслом, осознали, что выгоднее продавать не лес, а поделки из него. Причем желающих заняться «чем-нибудь стоящим» в станицах Кубанской области было довольно много, но они не знали, как взяться за дело. Один казак пытался заняться выделкой игрушек, но, не имея хороших образцов, смог привезти на рынок неуклюжих «пильщиков» и т.п.; другой читал, что значительным спросом пользуются ложки, но не знал, как их вырезать; третий слышал, что корзины дают хороший заработок, но тоже не знал, из чего и как их можно делать. Приводя эти примеры, Л.В. Македонов отмечает в умах казаков смутное осознание необходимости развития промышленной техники, но эта инициатива, не встречая поддержки, глохнет, и казак, отвлекаемый от хозяйства заботами военного снаряжения, продолжает жить «по-старому»¹⁵⁸.

В качестве примера приведем бюджет семьи казаков станицы Троицкой Кубанского казачьего войска в последнюю треть XIX века. Большинство казачьих семей, вследствие разделов, не превышало пяти душ: отец, мать, сын 17 лет, дочь от 13 до 17 лет и маленький сын. Для того, чтобы год кормить такое семейство, требовалось более 100 пудов хлеба, а всего продуктов на 200 руб. Одежды требовалось на вдвое меньшую сумму. Казак старался покупать верхнюю одежду раз в пять лет. Обычный набор выглядел так: черкеска за 12 руб., полушубок за 8 руб., бешмет и суконные шаровары по 5 руб., чекмень и бурка по 6 руб., жилет за 2 руб., папаха за 3 руб. и картуз за 1 руб. 50 коп.¹⁵⁹ На зиму свитка (армяк) из толстого сукна ценою в 6 руб., изнашиваются три холщовые рубахи на 2 руб. 40 коп., трое портков на 2 руб. 10 коп., пара зимних суконных и летних холщовых портянок на 1 руб. 20 коп. и три пары сапог по 3 руб. каждая. В общем взрослый казак в год изнашивал одежды на 31 руб., малолетний — на 11 руб., взрослая казачка — на 20 руб., девочка — на 7 руб. Таким образом, на одежду казачья семья из пяти человек ежегодно тратила порядка 80 руб.

Кроме семьи казак содержал домашних животных, нес денежные и натуральные повинности, ремонтировал сельскохозяйственные орудия и жилище¹⁶⁰. Так, на содержание жилища в год тратилось около 25 руб. Хату отапливали дровами, кизяком, камышом, которые заготавливали самостоятельно. Освещали дом саплом и покупными свечами; в год на освещение уходило не менее 5 руб.

¹⁵⁶ *Березовский Е.П.* Сибирское казачье войско. С. 134.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 221.

¹⁵⁸ *Македонов Л.В.* Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. Выпуск первый. Исследование 1902 года. СПб., 1903. С. 36.

¹⁵⁹ *Липинский А.В.* Троицкая станица. С. 724.

¹⁶⁰ Там же. С. 724–725.

На ремонт сельскохозяйственных орудий, жилых зданий и дворовых служб казак среднего достатка тратил в год около 10 руб. На ремонт повозок, покупку дегтя, веревок, ремонт конской сбруи и пр. уходило от 15 до 20 руб. Расход на церковный причт составлял 5 руб., прочие мелкие расходы — 10 руб. Снаряжение сына на службу обходилось в 150–200 руб. и более. Это было тяжелое бремя, и, отправив одного—двух сыновей служить, казачья семья надолго, если не навсегда, переходила в категорию маломощных¹⁶¹.

Если исключить снаряжение сына на службу, в год казачья семья из пяти человек теоретически могла прожить на 350 руб., но в реальной жизни эта сумма удваивалась¹⁶². Приведенные данные можно экстраполировать и на другие казачьи войска.

Итак, модернизационные процессы, происходившие в России в пореформенный период, постепенно проникали и в казачью среду. Донской казак С.П. Полушкин в 1880 г. писал: «подойдите к казаку, он расскажет вам про свое житье-бытье на некогда богатом Дону. Скажет, как и чем собирается на службу, как продает последнюю корову да покупает шашку, которой он свято оберегает священные права и честь дорогого отечества; расскажет вам, как прощается с хатой, как целует жену и на ухо шепчет: “Господь не без милости — приду, заработав, и долги заплачу”. Долго смотрит казачка вслед милому, слеза за слезой, и только ближе прижимает к сердцу осиротевших детей. Бывает и придет он домой, принесет рублей сто, купит быка, пойдет, перекрестясь, в поле и до кровавого пота с утра до ночи будет работать»¹⁶³. Замкнутость, свойственная казакам, не позволяла им быстро адаптироваться к капиталистическим отношениям. Их хозяйственные ресурсы постепенно истощались, а затраты, необходимые на военную службу и повседневную жизнь, возрастали.

Библиография

- Амурские казаки (1-й том). Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Благовещенск-на-Амуре: ОАО «Амурская ярмарка», 2008. 288 с. : ил.
- Астапенко Г.А. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII—XX вв. Ростов-на-Дону: НПК «Гефест», 2010. 281 с.
- Березовский Е.П. Сибирское казачье войско // Сибирский казак. Выпуск первый. Переиздание войскового юбилейного сборника Сибирского казачьего войска, изданного в Харбине в 1934 г. Бийск: «Бия», 2009. 202 с.
- Бешенцев В.Г. Моя станица. Оренбург: «Димур», 2010. 308 с.
- Бородин Н.А. Ученый, просветитель, общественный деятель / под ред. А.В. Голубева. Уральск: [б. и.], 2011. 295 с.
- Бородин Н.А. Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды. СПб.: Санкт-Петербург : Кубанск. обл. правл., 1904. 88 с.
- Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб. : [Типо-лит. М. П. Фроловой], 1901. 31 с. : ил.
- Васильев И.Ю. Государство и общество в системе ценностей кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. 26 с.

¹⁶¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 3. Д. 383. Л. 11–12.

¹⁶² Липинский А.В. Троицкая станица. С. 723–725.

¹⁶³ Дневник донского казака С.П. Полушкина. 1877–1878 гг. СПб., 1880. С. 85–86.

- Великая Н.Н.* Терское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
- Волвенко А.А.* Донское казачье войско во второй половине XIX — начале XX вв. // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014.
- Голык А.А.* Повседневность дальневосточного казачества в условиях военных конфликтов начала XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII—XXI вв. (к столетию начала Первой мировой войны): Материалы международной научной конференции, 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 420–427.
- Даль В.И.* Об Уральском казачьем войске / вступ. ст. В.Я. Дерягина. Изд. 2-е. М.: «ЛИБРОКОМ», 2010. 272 с.
- Ермак Г.Г.* Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (2-я половина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. 24 с.
- История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 — 1896 / сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов, под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис: Воен. ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., [Ч. 1]. 1900. [2], II, [6], 291 с.; [Ч. 2]. 1901. [2], VI, 367 с.
- Ким Г.П.* Традиционные рыбные промыслы уральских (яицких) казаков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 29 с.
- Колупаев Д.В.* Сибирское казачество во второй половине XIX века, 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Иркутск, 2011. 33 с.
- Короленко В.Г.* У казаков (из летней поездки на Урал). Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yaik.ru>.
- Коротин Е.И.* Фольклор яицких казаков. Алма-Ата: Жазушы, 1981. 256 с.
- Кузнецов И.Д.* Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб.: Вестн. казачьих войск, 1901. 31 с.
- Куракеева М.Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск: КЧ ИГИ, 1999. 278 с.
- Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-turk.livejournal.com/170346.html>.
- Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве. Краснодар: «Советская Кубань», 1995. 464 с. илл.
- Правдухин В.П.* Яик уходит в море. Роман. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yaik.ru>.
- Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества (традиционная одежда и пища) на рубеже XIX–XX веков. Уральск: [Б. и.], 2015. 304 с.
- Сафонов Д.Ф.* Из далекого прошлого (хроника вперемешку с размышлениями). Самиздат, 2011. (Электронный ресурс). URL: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/memuary/0-166>.
- Серов А.Г.* Воспоминания старожилов станицы Магнитной: старые и новые записи. Магнитогорск: «ПР-Капитал», 2013. . 273 с
- Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891. 249 с.
- Терское казачество в прошлом и настоящем / сост. подьесаул Терского казачьего войска М.А. Караулов. Владикавказ: Войск. штаб Тер. казачьего войска, 1912. 384 с.
- Торопыцын И.В.* Астраханское казачье войско (1817–1918) // Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. С. 242–260.
- Фокин Н.* Ученый, общественный деятель. Жизнь и труды «рядового интеллигента» Н.А. Бородин // Бородин Н.А. Ученый, просветитель, общественный деятель / под ред. А.В. Голубева. Уральск, 2011.
- Футорянский Л.И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург: «Димур», 1999. 200 с.
- Шолохов М.* Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книга первая. М.: «Художественная литература», 1968.
- Южакова Т.Л.* Правовое регулирование рыболовного промысла в Зайсанно-Иртышском регионе во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 196–202.

Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX — начало XX вв.)¹

Аннотация. Данная статья сфокусирована на процессах формирования человеческого капитала в регионах европейской части Российской империи на стадиях накопления критической массы ресурсов, непосредственной подготовки и запуска «современного экономического роста».

Основой источниковой базы исследования послужили губернаторские годовые отчеты. Приводимые количественные данные свидетельствуют, что процессы формирования человеческого капитала протекали неравномерно, хотя и с сопоставимой скоростью. Более активно они шли в земских губерниях. На их основе реконструирована динамика институциональной структуры источников накопления человеческого капитала. Первое место в этом отношении с конца 1860-х гг. до 1900-х гг. принадлежало земствам. Но в начале 1910-х гг. центральное правительство опередило их в сфере финансирования образования. В то же время, в сфере здравоохранения оно проявляло значительно меньшую активность, в отдельные периоды могло снижать свою долю финансирования этой отрасли.

Ключевые слова: губернаторские годовые отчеты, длинные ряды данных, модернизация, индустриализация, институты, государственные финансы, образование, здравоохранение.

Введение

Результатом процессов социально-экономической модернизации в России на протяжении XIX в. и до начала Первой мировой войны стало вступление страны в стадию «современного экономического роста» (по терминологии С. Кузнец)². Эта стадия характеризуется увеличением производительности на основе применения в производстве новых знаний вследствие развития науки и образования³. В классификации В. Ростоу, рассматриваемый в данной статье хронологически длительный период включает в себя стадию «переходную к взлету» (от «традиционного общества») и, частично, стадию «взлета», которая получила продолжение в советской уско-

* Диденко Дмитрий Валерьевич — доктор экономических наук, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, didenko-dv@ranepa.ru.

¹ Статья написана в рамках государственного задания ФГБОУ ВО РАНХиГС, НИР «Сравнительная динамика экономического развития регионов в XIX — начале XX вв.: Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток». Автор выражает благодарность коллегам за полезные обсуждения материалов для данной статьи.

² *Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread.* New Haven; London, 1966. P. 63–69; *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX в. — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 23–25, 61–63.

³ *Kuznets S.* Op. cit. P. 63–66, 81–82, 190, 286–293.

ренной индустриализации конца 1920-х–1930-х гг.⁴ Таким образом, в рамках рассматриваемого большого периода, можно выделить три стадии российской модернизации: 1) с начала XIX в. по 1860-е гг. — длительная стадия накопления критической массы ресурсов в протопромышленном и промышленном секторах экономики и образовательной сфере; 2) 1860-е гг. — середина 1880-х гг. — непосредственная подготовка к запуску современного экономического роста после проведения модернизирующих буржуазных реформ (отмена крепостного права в 1861 г., земская реформа 1864 г.); 3) ранняя стадия современного экономического роста — середина 1880-х гг. — 1914 г. (до начала Первой мировой войны).

В данной статье мы фокусируемся на анализе процессов накопления человеческого капитала, которые выступали одним из ключевых направлений модернизации российского общества и его социально-экономического развития.

Теория человеческого капитала, которая разрабатывалась с конца 1950-х гг. Т. Шульцем, Г. Беккером, Дж. Минцером⁵, основывается на ресурсном подходе, который предполагает, что знания и навыки, получаемые индивидами посредством системы образования, аккумулируются и через определенное время становятся средством для производства новых благ с добавленной стоимостью, либо улучшения механизмов их распределения (в первую очередь, через качество институциональной среды). Различные уровни системы здравоохранения⁶ выполняют функцию физического восстановления и увеличения срока использования сформированного человеческого капитала индивида, социальной группы, предприятия, отрасли, региональной, национальной, мировой экономики, аналогично ремонту физического капитала. Такой ресурсный подход идет в русле основного направления экономической мысли (*mainstream*).

Данную теоретико-методологическую основу нашего исследования дополняет расширенная концепция благосостояния, которая в 1980-е гг. послужила основой для разработки концепции человеческого развития. В этой парадигме материальные и нематериальные экономические ресурсы постулируются как самостоятельные ценности для конечного потребления и не сводятся к факторам производства новой стоимости. При этом особое место среди нематериальных благ занимают образование и здоровье. С точки зрения расширенной концепции благосостояния, накопление человеческого капитала создает условия для человеческого развития, которое, в свою очередь, является центральной составляющей социально-экономического развития территорий разного уровня.

Особенно важно обращать внимание на неравномерность и противоречивость протекания модернизационных процессов. Эта неравномерность выражалась в разноскоростном изменении отдельных регионов, социальных страт, экономических, политических институтов. Восходящие тренды в одних сег-

⁴ *Ростов В.В.* Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1961. С. 99–156.

⁵ *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. С. 49–155; *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. Vol. 66. 1958. No 4. P. 281–302; *Schultz T.W.* The Economic Value of Education. N.Y., 1963.

⁶ *Castelló-Climent A., Doménech R.* Human Capital Inequality, Life Expectancy and Economic Growth // *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118. No 528. P. 653–677; *Weil D.N.* Health and Economic Growth // *Handbook of Economic Growth* / ed. by Aghion P., Durlauf S.N. Amsterdam. 2014. Vol. 2. P. 623–682.

ментах могли сопровождаться нисходящими в других. Такая неравномерность приводила к многочисленным дисбалансам как в экономической, так и в социальной структуре общества. Эти обстоятельства указывают на научную актуальность изучения региональных особенностей развития Российской империи, в том числе для понимания причин Великой российской революции в контексте разносторонности и противоречивости процессов модернизации.

Мы рассматриваем выборку из 16 губерний Европейской России, принадлежащих к районам с разными природно-хозяйственными типами, с точки зрения их географического положения, структуры экономики, правового статуса, полноты данных в источниках. Это — Архангельская, Вологодская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Калужская, Курская, Новгородская, Пензенская, Пермская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Ярославская губернии. При этом мы сравниваем динамику их показателей с общестрановой.

Международный опыт изучения вековых трендов динамики экономического развития (с включением человеческого капитала)

Исследования динамики экономики зарубежных стран

В историко-экономической литературе, касающейся проблематики человеческого капитала, обосновывается выбор его показателей, исходя из доступности исторических данных. Оценка человеческого капитала в стоимостных показателях в значительно большей степени возможна для относительно зрелых периодов «современного экономического роста» (XX–XXI вв.), когда в распоряжении исследователей имеется сравнительно надежная статистика финансирования отраслей формирования человеческого капитала. В отношении хронологически отдаленных периодов истории используют в качестве его прокси-индикаторов уровень элементарной грамотности чтения и письма. Другим (часто используемым и более совершенным) показателем является средняя продолжительность обучения и трудового стажа рабочей силы.

Н. Крафтс в качестве показателей, характеризующих человеческий капитал Великобритании⁷ периода индустриальной революции, использовал уровень охвата образованием и долю расходов на образование в ВВП. Он обращал внимание на низкие темпы его накопления (даже относительно Ирландии, как макрорегиона Соединенного Королевства)⁸.

В монографии С. Бродберри инвестиции в человеческий капитал, наряду с инвестициями в капитал физический, рассматривались как факторы динамики производительности в секторе рыночных услуг Великобритании с 1870 г. по

---

⁷ Здесь и далее в указанных исследованиях наиболее часто используемым обозначением географической территории является «Британия», составными частями которой выступают Англия и Уэльс, а также Шотландия. В то же время, ряд количественных и качественных свидетельств относится в целом к Соединенному Королевству, с включением Южной (до начала 1920-х гг.) и Северной Ирландии.

⁸ *Crafts N.F.R. British Economic Growth during the Industrial Revolution. Oxford, 1985. P. 58–59, 62–64, 141, 146–147, 152, 156, 163–164, 176.*

1990 г., в сравнении с США и Германией⁹. В сфере формального образования инвестиции в человеческий капитал также измерялись уровнем охвата (количество обучавшихся на 1 000 человек младше 20 лет); в сфере профессионального обучения — долей учеников (стажеров) и долей работников интеллектуальных профессий (стандартное требование — наличие университетского образования) в общей структуре занятости по секторам экономики¹⁰.

Сопоставление динамики человеческого капитала Швеции, рассчитанного через натуральный показатель средней продолжительности обучения, было представлено Й. Лjungбергом и А. Нильссоном¹¹. Касаясь выбора индикаторов человеческого капитала, они отмечали, что грамотность (способность читать) была широко распространена до 1870 г. и уже к тому времени произвела глубокие социально-экономические изменения. При этом они обращали внимание, что индикатор средней продолжительности обучения измеряет новую форму человеческого капитала, более соответствующую модернизирующемуся обществу. Этот индикатор был ими рассчитан с 1870 г. с использованием данных о количестве учащихся, приводимых с 1812 г. (для когорты, рожденной в 1805 г. и достигшей в 1870 г. возраста 65 лет, рассматриваемого как предельный для рынка труда)¹².

Тот же показатель средней продолжительности обучения использовался в ряде работ Ё. Годо и Ю. Хайами, которые исследовали процессы накопления человеческого капитала и его роль в догоняющем развитии Японии и ряда стран Восточной Азии¹³. Ими рассматривался период индустриальной модернизации с конца XIX в. до начала XXI в. Они показали, что Япония, Корея и Тайвань в разное время достигали высоких темпов экономического роста с меньшим уровнем образования населения, чем ранее США, что подтверждает тезис А. Гершенкрона о «преимуществах отсталости»¹⁴.

В исследовании Л. Прадоса де ла Эскосура и Х.Р. Розеса по Испании¹⁵ человеческий капитал понимался как характеристика рабочей силы и измерялся в индексах, отражающих повышение уровня ее образования и качества. В свою очередь, качество рабочей силы измерялось двумя способами: через ставку почасовой заработной платы и через отдачу за время, затраченное на получение

⁹ *Broadberry S.N.* Market Services and the Productivity Race, 1850–2000: Britain in International Perspective. Cambridge, 2009. P. 107–126.

¹⁰ *Ibid.* P. 114–124.

¹¹ *Ljungberg J., Nilsson A.* Human capital and economic growth: Sweden 1870–2000 // *Cliometrica*. 2009. No 3. P. 71–95.

¹² *Ibid.* P. 78–84.

¹³ *Godo Y.* Catch-Up Sustainable Economic Growth and Education Stock in East Asia // *Industrial Policy and Sustainable Growth. Sustainable Development* / ed. by M.A. Yülek. Springer, Singapore, 2018; *Godo Y., Hayami Y.* Catching-Up in Education in the Economic Catch-Up of Japan with the United States, 1890–1990 // *Economic Development and Cultural Change*. 2002. Vol. 50. No. 4; *Godo Y., Hayami Y.* The Role of Education in the Economic Catch-Up: Comparative Growth Experiences from Japan, Korea, Taiwan, and the United States // *The Miraculous Growth and Stagnation of Post-War Japan: Lessons from the Post-War Japanese Development Experience* / ed. by K. Hamada, K. Otsuka, G. Ranis, K. Togo. Oxon, 2011. P. 112–134.

¹⁴ *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015 [1962, 1968]. С. 59–92.

¹⁵ *Prados de la Escosura L., Rosés J.R.* Human Capital and Economic Growth in Spain, 1850–2000 // *Explorations in Economic History*. 2010. Vol. 47. No 4. P. 520–532.

образования и приобретение опыта работы. Уровень образовательной подготовки, помимо средней продолжительности обучения, включал также опыт работы, косвенно отражая меру человеческого капитала.

Италия представляет собой другой пример страны, характеризующейся отставанием от основных стран Западной Европы в сфере образования. В исследовании Дж. Бертола и П. Сестито¹⁶ человеческий капитал в разные периоды измерялся разными показателями: грамотности, уровня охвата начальным образованием, средней продолжительности обучения.

С начала 1990-х гг. в научной литературе усилился интерес к региональным исследованиям в сфере экономического роста, стимулируемый накоплением соответствующих количественных данных и разработкой методов их анализа.

Экономическая активность и эффективность в регионах связывается с их географическим положением (наличием транспортных связей и близостью к крупным рынкам). Так, в недавнем исследовании К. Дибо и Р. Хиппе¹⁷, хронологически покрывавшем довольно длительный период, показано, что доступ к рынкам статистически значимо и положительно влияет на уровень человеческого капитала.

В качестве примера реконструкции показателей, относящихся к человеческому капиталу в хронологически отдаленные периоды, можно привести проект CESifo по составлению базы данных экономического развития Пруссии XIX в.¹⁸ В ней содержатся ряды следующих показателей: количество учащихся, учителей в разрезе учебных заведений различного уровня, объемы их финансирования и оплаты труда работников образования; грамотность населения; количество занятых в сельском хозяйстве, мануфактурах и фабриках, в сфере услуг; оплата труда рабочих разных специальностей.

Параллельно с данным проектом возникла интернет-платформа, интегрировавшая основательно документированные базы исторических данных, в том числе по развитию образования в Германии за последние 200 лет в менявшихся границах¹⁹. Акцент при построении данной платформы был сделан на создании длинных исторических рядов показателей образования как отрасли экономики и социального института. Некоторые ряды представлены в разрезе ее отдельных государственных образований, земель и муниципалитетов, в наибольшей степени — по Пруссии. Исходные данные были заимствованы из научной литературы (преимущественно немецкоязычной), как оцифрованные результаты многолетней исследовательской работы.

---

¹⁶ Bertola G., Sestito P. A Comparative Perspective on Italy's Human Capital Accumulation. Bank of Italy. Economic History Working Papers. 2011. October. No 6.

¹⁷ Diebolt C., Hippe R. Remoteness equals backwardness? Human capital and market access in the European regions: insights from the long run // Education Economics. 2018. Vol. 26. No 3. P. 285–304.

¹⁸ Welcome to iPENHD — the ifo Prussian Economic History Database. Режим доступа: <https://www.ifo.de/en/ipend>. Описание базы данных см.: Becker S.O., Cinnirella F., Hornung E., Woessmann L. iPENHD — The ifo Prussian economic history database // Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 2014. Vol. 47. No 2. P. 57–66.

¹⁹ Diebolt C., Franzmann G., Hippe R., Sensch J. The power of big data: Historical time series on German education // Journal of Demographic Economics. 2017. Vol. 83. No 3. P. 329–376 (данные: <https://histat.gesis.org>).

В последнее время Й. Батеном и его соавторами используется показатель количественной грамотности²⁰. С его помощью удастся объяснить отличия в факторах развития между разными регионами Европы и отдельными странами.

Неравенство в уровне количественной грамотности в раннеиндустриальную эпоху во многом объясняет различия в темпах роста благосостояния в выборке 25 штатов США. В доиндустриальную эпоху во Франции (XVII в.) оно действовало в сочетании с институциональным фактором (географическая близость к столице страны, что давало преимущества в доступе к более высокому уровню благосостояния, аппроксимируемому антропометрическими показателями)²¹.

Э. Феличе²² с конца XIX в. по начало XX в. в условиях слабой доступности данных по регионам Италии для расчета объема человеческого капитала построил индекс, включавший данные о грамотности и количестве учащихся в разных уровнях образования. Веса составляющих индекса менялись во времени так, чтобы отразить смещение в сторону более высоких уровней на поздних стадиях индустриального развития²³.

В исследовании К. Дибо и Р. Хиппе отмечается сохранение на протяжении более полутора веков устойчивой картины неравенства в человеческом капитале между регионами Европы, несмотря на конвергенцию его показателей. Человеческий капитал они измеряли элементарной и количественной грамотностью, а также средней продолжительностью обучения²⁴. Неравенство измерялось индексом Джини и коэффициентом вариации указанных показателей, взвешенных по численности населения. Согласно выводам данного исследования, историческая инерция в Европе даже в большей степени проявляется на региональном уровне, чем на страновом.

Таким образом, даже на материале зарубежных стран региональный аспект динамики человеческого капитала в научной литературе исследован в меньшей степени, чем страновой. Еще сильнее такая картина проявляется в работах, выполненных на отечественном материале.

Исследования макроэкономической динамики России рассматриваемого периода

Накопление человеческого капитала, как и физического, рассматривается нами в качестве одной из важнейших детерминант экономического развития России. Его роль могла различаться на разных исторических этапах и в разной степени сочетаться с другими факторами.

Возможность перехода России к «современному экономическому росту» определили «великие реформы» 1860–1870-х гг., прежде всего отмена крепост-

²⁰ *Baten J., Hippe R.* Geography, land inequality and regional numeracy in Europe in historical perspective // *Journal of Economic Growth*. 2018. Vol. 23. No 1. P. 79–109. <https://doi.org/10.1007/s10887-017-9151-1>; *Crayen D., Baten J.* New Evidence and New Methods to Measure Human Capital Inequality Before and During the Industrial Revolution: France and the US in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *The Economic History Review*. 2010. Vol. 63. No 2. P. 452–478.

²¹ *Ibid.*

²² *Felice E.* Regional Convergence in Italy (1891–2001): Testing Human and Social Capital // *Cliometrica*. 2012. Vol. 6. No 3. P. 267–306.

²³ *Ibid.* P. 275–277.

²⁴ *Diebolt C., Hippe R.* Regional human capital inequality in Europe in the long-run, 1850–2010 // *Région et Développement*. 2017. No 45. P. 5–30.

ного права. К 1880-м гг. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов относили в целом завершение формирования всероссийского товарного рынка²⁵. Они же относили аналогичную стадию развития общероссийского рынка труда к концу XIX — началу XX вв. на основании снижения региональной дифференциации оплаты труда сельскохозяйственных рабочих, что особенно важно для проблематики человеческого капитала²⁶.

П. Грегори был первым, кто предпринял попытку реконструкции национальных счетов в отношении дореволюционной России²⁷. Поскольку Грегори рассчитывал национальный доход по направлениям его использования, он указывал расходы на образование и здравоохранение по линии государства²⁸ и домохозяйств на медицинское обслуживание. Частные расходы на образование им не учитывались.

Макроэкономический анализ влияния образования и накопления человеческого капитала на развитие российской экономики был проведен Б.Н. Мироновым²⁹ за период с середины XIX в. до конца 1980-х гг. и У. Истерли и С. Фишером³⁰ за период 1960–1989 гг. В обоих исследованиях для характеристики человеческого капитала использовались натуральные показатели: средняя продолжительность обучения (в первом); охват средним образованием и доля специалистов с высшим образованием в общей численности населения (во втором).

В цикле монографий 2000–2015 гг. Б.Н. Миронов провел углубленный анализ модернизационных процессов, представил модели российской экономической и социальной истории и закономерностей ее динамики в XIX в.³¹ Его исследования базируются на массовых статистических источниках (в таких предметных областях, как трудовые отношения, образование, демография), применении междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов. Особое место занимает анализ массовых антропометрических данных (рост, вес) за 1700–1917 гг. как прокси-индикаторов для реконструкции динамики благосостояния населения России (проверялся на данных о сельскохозяйственном производстве, налогах и повинностях, ценах и зарплате, потреблении и питании).

Им была предложена методика ретрополяции показателей грамотности (с периодом в 100 лет)³² и средней продолжительности обучения (с периодом в 40 лет)³³ посредством сдвигов назад во времени соответствующих данных по возрастным когортам, собранных в ходе первой всероссийской переписи насе-

²⁵ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок (XVIII — начало XX вв.): Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 381.

²⁶ Там же. С. 318–351.

²⁷ Грегори П. Указ. соч.

²⁸ Грегори П. Указ. соч. С. 141–150 — центральные органы, с. 151–155 — местные органы, с. 106–110 — домохозяйства на медицинское обслуживание.

²⁹ Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 111–125.

³⁰ Easterly W., Fischer S. The Soviet economic decline: Historical and Republican data // World Bank Economic Review. 1995. Vol. 9. No 3. P. 341–371 (данные: <http://go.worldbank.org/2VZYL0N6N0>).

³¹ Их материал систематизирован в: Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб., 2014–2015.

³² Миронов Б.Н. Грамотность в России 1797–1917 годов // История СССР. 1985. № 4. С. 137–153.

³³ Миронов Б.Н. Экономический рост и образование... 1994. С. 111–125.

ления 1897 г. Соответствующие методы и результаты были им впоследствии уточнены; оценки грамотности (в том числе в гендерном разрезе) даны начиная с X в., а средней продолжительности обучения — с конца XVIII в.³⁴ Поскольку темпы распространения образования отличались у разных сословий, принципиально важно наличие соответствующих страновых данных (за отдельные годы)³⁵.

В монографии Д.В. Диденко³⁶ были идентифицированы долгосрочные тенденции и наиболее важные закономерности накопления и использования человеческого капитала как фактора развития отечественной интеллектуальной экономики в глобальной хозяйственной системе, с фокусировкой на взаимодействии институтов системы образования и сферы трудовых отношений. В соавторстве с коллегами по проекту Clio-Infra³⁷ им создан массив исторических данных по различным аспектам человеческого капитала (формируемого преимущественно в сфере образования, а также науки и здравоохранения) и экономического развития (ВВП, физический капитал в текущих и постоянных ценах) в СССР и новых независимых государствах на его территории (преимущественно за период с 1920-х по 1990-е гг.)³⁸. Частично затрагивался и дореволюционный период. Сделаны выводы о том, что закономерности накопления и использования человеческого капитала в СССР в целом соответствовали основным общемировым трендам.

Пилотные исследования человеческого капитала дореволюционной России в региональном разрезе принадлежат Й. Батену и соавторам, которые в качестве источниковой базы использовали материалы ревизий (начиная с 1640 г.), проведенных в Тульской и Вятской губерниях.³⁹

Проблемы в оценке достоверности рассчитанных на основе массовых источников данных о количественной грамотности возникают в связи с тем, что в их создании принимали участие третьи лица (священники, чиновники, мужья), обладавшие повышенным уровнем грамотности относительно респондентов и способные проверить и исправить сообщенные ими сведения. Также на эти данные влияет степень репрезентативности и смещенности выборок (преимущественно в сторону респондентов, потенциально обладавших более высоким уровнем грамотности, чем население в среднем). Вероятно, с этими факторами связано то, что полученные Й. Батеном и его соавторами оценки количествен-

³⁴ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2015. С. 474–501.

³⁵ Там же. Т. 2. СПб., 2015. С. 492–494, 501–502; Т. 3. СПб., 2015. С. 236, 479, 483.

³⁶ Диденко Д.В. Интеллектуальная экономика: Человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015.

³⁷ Clio Infrastructure / Global History Hubs (<http://www.clio-infra.eu>).

³⁸ Приложен к электронной версии публикации (Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. 2013. Vol. 4. No 2. P. 123–135. + Supplementary data. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.02>), где представлены подробная характеристика источников и методология составления соответствующих временных рядов. Методы расчетов результирующих показателей также см.: Van Leeuwen B., Didenko D., Földvári P. Inspiration versus perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010) // Economics of Transition. 2015. Vol. 23. No 1. P. 213–246.

³⁹ Baten J., Szołtysek M., Campestrini M. “Girl Power” in Eastern Europe? The human capital development of Central-Eastern and Eastern Europe in the seventeenth to nineteenth centuries and its determinants // European Review of Economic History. 2017. Vol. 21. No 6. P. 29–63.

ной грамотности для России в конце XIX в. представляются сильно завышенными (95–95 % против 79,4 % по данным всеобщей переписи населения 1897 г., рассчитанных Д.В. Диденко и соавторами⁴⁰).

А. Черемухин и соавторы также использовали региональные показатели грамотности (в Московской и Владимирской губерниях) для оценки разницы в зарплатах грамотных и неграмотных рабочих (ближе к 13 %), принимая величину данной премии в сельскохозяйственном секторе за нулевую⁴¹.

Среди источниковедчески ориентированных исследований отдельные натуральные показатели человеческого капитала в дореволюционный период представлены в электронных наборах данных по российской экономической истории, созданных в последние годы научными коллективами под руководством Л.И. Бородкина (на страновом уровне)⁴² и Х. Кесслера — А.М. Маркевича (на региональном уровне)⁴³. В последнем наборе данных имеются 2 среза (за 1795 г. и 1897 г.), причем в срезе за 1795 г. данные о финансировании отраслей формирования человеческого капитала являются неполными и отсутствуют по многим губерниям. В результате суммарные затраты (234,018 тыс. руб.) представляются существенно заниженными по сравнению с данными о государственных расходах на эти цели в близкое время⁴⁴ (1,171 млн руб.). Соответствующие потоки инвестиций также представлены количеством обучавшихся в разных уровнях институционализированного образования. В то же время, за 1795 г. отсутствуют региональные данные об элементарной и количественной грамотности.

В осуществленных А.М. Маркевичем расчетах ВРП на основе региональных данных за 1897 г. (по результатам всеобщей переписи населения) образование и здравоохранение относятся к общественным благам, наряду с другими государственными услугами (национальная оборона, государственное управление, общественная инфраструктура). Для этого суммируются расходы на эти цели со стороны имперского правительства, региональных, уездных, городских властей, а также местных сообществ (волость, община)⁴⁵, то есть со стороны различных институциональных секторов региональной экономики. Человеческий капитал в регионах измерялся уровнем элементарной грамотности.

В отношении институциональных источников финансирования образование и здравоохранение С. Нафцигер обращал внимание на возросшую в пореформенный период роль земств и органов местного самоуправления нижнего уровня⁴⁶. По его расчетам, доля такого финансирования в общей структуре расходов

⁴⁰ Ibid. P. 57; *Didenko et al.* Op. cit. P. 130.

⁴¹ *Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A.* The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model. *The Review of Economic Studies*. 2017. Vol. 84. No 2. Online Appendix. P. 23.

⁴² Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.»: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html>.

⁴³ *Кесслер Х., Маркевич А.* (2014–2019) Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://ristat.org/>.

⁴⁴ *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия: История — статистика. Т. 1. СПб., 1882. Табл. Б к с. 152.

⁴⁵ *Markevich A.* A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. 2018. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>. P. 56–58.

⁴⁶ *Naftziger S.* Decentralization, Fiscal Structure, and Local State Capacity in Late-Imperial Russia // *Economic History of Warfare and State Formation* / ed. by J. Eloranta, A. Markevich, E. Golson, N. Wolf. Springer, Singapore, 2016. P. 79–92.

земств повысилась с 18,1 % в 1871 г. до 63,3 % в 1913 г.⁴⁷ Причем на эту долю положительно влиял уровень представительства крестьянской курии в уездах⁴⁸.

Результаты исследования Т. Натхова показывают, что человеческий капитал русских колонистов выступал важнейшим фактором локального развития в выборке поселений Северного Кавказа, соответствующие эффекты наблюдались спустя более столетия⁴⁹. Помимо конвенционального уровня грамотности (на основе данных переписи 1897 г.) им использовались данные о строительстве начальных школ в имперский период, доле населения с высшим образованием в постсоветский период (на основе данных населения 2002 г.; сохраняя процентную размерность, показатель учитывает изменение критерия образованности).

По итогам изучения имеющейся научной литературы можно сделать следующие выводы:

- В мировой научной литературе разработаны основные аспекты динамики показателей человеческого капитала и его роли в экономическом развитии, апробированы методики их анализа, преимущественно на материале зарубежных стран. Россия не занимает центрального положения в этих исследованиях.
- В наибольшей степени продвинулись историко-экономические исследования, посвященные накоплению и использованию человеческого капитала, его влиянию на экономическое развитие России в советский и постсоветский периоды.
- Проблематика институциональной структуры источников накопления человеческого капитала России занимает пока скромное место в историко-экономическом анализе регионального развития России, особенно в дореволюционный период. В то время как она является одной из ключевых для реконструкции макропоказателей региональной экономики.

Таким образом, в отношении России существует определенный дефицит информации, касающейся количественных характеристик человеческого капитала, особенно в дореволюционный период и в региональном разрезе. Вместе с тем, имеющийся в научной литературе задел в его изучении на общестрановом материале советского периода содержит методологический и, в меньшей степени, методический инструментарий для его приложения к дореволюционному периоду. Единичные работы по развитию человеческого капитала Российской империи дают опорные точки для исследования особенностей формирования и функционирования человеческого капитала в ее отдельных губерниях.

⁴⁷ *Naftziger S.* Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia // *European Review of Economic History*. 2011. Vol. 15. No 3. P. 400.

⁴⁸ *Ibid.* P. 415–431.

⁴⁹ *Natkhov T.* Colonization and development: The long-term effect of Russian settlement in the North Caucasus, 1890s–2000s // *Journal of Comparative Economics*. 2015. Vol. 43. No 1. P. 95–96.

Представление данных в источниках и методы их корректировки для построения временных рядов показателей накопления человеческого капитала

В рамках настоящего исследования основным источником для изучения процессов формирования и функционирования человеческого капитала в отдельных региональных экономиках европейской части Российской империи выбраны губернаторские годовые отчеты. Как было отмечено Н.П. Дятловой, они представляют собой «ценный», а выпущенные с 1898 г. — «ценнейший» источник именно для изучения отдельных районов Российской империи⁵⁰.

Определенная трудность в обработке материала губернаторских отчетов состоит том, что на протяжении всего периода создания данного источника (1802—1917 гг.) их форма менялась 7 раз: в 1804, 1828, 1837, 1842, 1853, 1870 и 1897 гг.⁵¹ И если ранние отчеты сравнительно слабо информативны, то полнота информации увеличивается в 1842—1870 гг., в 1871—1897 гг. они становятся насыщеннее; с отменой строгой формы (с 1898 г.) интерес представляют скорее не основные тексты отчетов, а обзоры, являвшиеся приложениями к ним⁵².

Другое крупное источниковедческое исследование Б.Г. Литвака было сосредоточено на информации о продукции аграрного и промышленного секторов экономики в период 1840—1860-х гг., когда ведомости по образованию и здравоохранению не входили в утвержденный формуляр (но могли время от времени попадать в ведомость № 15 «Статистические сведения»)⁵³. В связи с этим вопрос о достоверности информации, характеризующей человеческий капитал, прямо не ставился. При этом ведомость № 14 «О доходах и расходах городов» была оценена как содержащая сведения с «наиболее вероятной» достоверностью. Как содержащие сведения с «вероятной» достоверностью были оценены указанная ведомость № 15 и ведомость № 23 «О состоянии народонаселения в губернии», которая была менее всего подвержена какому-либо мотивированному искажению действительности⁵⁴.

А.А. Ярцев обращал внимание, что фактическое рассекречивание содержания губернаторских отчетов, публикация их статистической части, как и издание в 1883—1907 гг. свода отметок императора с соответствующими фрагментами отчетов, способствовала повышению ответственности губернаторов за достоверность их содержания, при этом возможность прямой фальсификации практически исключается; объективность информации оценивается в отношении пореформенного периода как более высокая по сравнению с предыдущим⁵⁵.

Что касается непосредственно проблематики человеческого капитала, то Н.П. Дятлова в позитивном контексте писала об отражении в губернаторских

⁵⁰ Дятлова Н.П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964. С. 238, 243.

⁵¹ Там же. С. 235.

⁵² Там же. С. 243.

⁵³ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 142—205.

⁵⁴ Там же. С. 185, 196.

⁵⁵ Ярцев А.А. Губернаторские отчеты как источник по истории самоуправления в Российской империи // Калининградские архивы. 2015. № 12. С. 17, 20, 24.

отчетах сведений о развитии народного образования и здравоохранения за период 1837–1916 гг., однако воздерживалась от прямой оценки степени их достоверности. В более поздней литературе отмечался высокий информационный потенциал губернаторских отчетов⁵⁶, как и то, что они являются «ценным» источником по изучению состояния медицины и образования⁵⁷.

Представление данных в губернаторских отчетах характеризуется неоднородностью как во времени, так и между губерниями.

Как правило, в период с начала 1870-х гг. по 1916 г. соответствующая информация отражалась в разделах «Народное образование» и «Народное здравие и общественное призрение». В библиографическом справочнике изданий по региональной истории Российской империи 2011 г. основное внимание уделено губернаторским отчетам именно этого периода⁵⁸.

Сведения из губернаторских отчетов нами выборочно сопоставлялись с опубликованными данными (основанными на ведомственной статистике за отдельные годы) по государственному финансированию в региональном разрезе⁵⁹ и дополняющей их земской статистикой⁶⁰. В ежегодниках Министерства финансов и авторских публикациях, изданных на основе статистики Министерства финансов⁶¹, по крайней мере с конца 1880-х гг. ведомственная структура расходов (в частности, Святейшего Синода, Министерства путей сообщения) детализировалась до целевой (на образование и здравоохранение). Но в них отсутствуют данные в региональном разрезе. Предварительно, результаты сопоставлений показывают, что создатели губернаторских отчетов были склонны значительно занижать данные о государственном финансировании (за счет недоучета финансирования со стороны иных ведомств, помимо профильного Министерства народного просвещения). Это занижение могло составлять около 2–3 раз, что значительно влияет на оценку общего объема финансирования, в наибольшей степени там, где доля государственного финансирования

⁵⁶ Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 55. № 12 (303). История. С. 83–89.

⁵⁷ Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 52.

⁵⁸ Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916: Сводный каталог. СПб., 2011.

⁵⁹ Яснопольский Н.П. Приложение к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России: Опыт финансово-статистического исследования. Ч. 2. Киев, 1897 (данные приводятся только по образованию, по здравоохранению отсутствуют).

⁶⁰ Бычков Н.М. Финансы крупнейших русских городов. М., 1894; Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 16: Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1886. С. 56–57 (Врачебная часть, Народное образование, Общественное призрение); Статистический ежегодник на 1914 г. Год издания третий / под ред. В.И. Шараго. СПб., 1914. С. 398–411 (расходы Министерства народного просвещения по губерниям), с. 432–433 (расходы земств), с. 458–459 (расходы городов).

⁶¹ См., напр.: Хрулёв С.С. Финансы России в связи с экономическим положением ее населения. СПб., 1909. С. 250–251 (финансирование по всем ведомствам в 1904 средних и высших учебных заведений), таблицы II–IX (целевая структура расходов по ведомствам: «Учебные заведения» — для Ведомства Святейшего Синода; «Учебная часть», «Врачебная часть» — для остальных министерств и ведомств).

была наиболее высокой (например, в Архангельской губернии в 1887 г. он может быть увеличен в 1,7 раза). Но губернаторские отчеты несколько завышали объемы земского финансирования (которое в рассматриваемый период стало важнейшим источником накопления человеческого капитала в России), что частично компенсировало занижение объемов государственного финансирования. По сверенным данным за 1883 г.⁶², отклонения составляли $\pm 20\text{--}25\%$. При этом авторы губернаторских отчетов были склонны занижать данные о финансировании со стороны низших уровней местного самоуправления (сельские и волостные общины).

Составители набора данных по экономическим показателям российских регионов⁶³ не использовали напрямую информацию из губернаторских отчетов в качестве источников; соответственно, содержащиеся в нем сведения могут использоваться для перекрестной проверки их информации. Ее результаты за 1897 г. также показывают, что авторы губернаторских отчетов были склонны в 2–3 раза занижать объемы государственного финансирования, вследствие неполного отражения его источников (при том, что по выбранным губерниям оказывалось мало пересекающихся данных). Редким случаем почти полного соответствия оказались данные по Тамбовской губернии, где в губернаторском отчете за 1897 г. в качестве источника средств указывалось Государственное казначейство, а не Министерство народного просвещения. Полное соответствие по сверенным данным за 1883 г. наблюдалось в Ярославской губернии. Объемы финансирования со стороны земств, приводившиеся в указанном наборе данных и в губернаторских отчетах, как правило, не совпадали, с некоторой тенденцией к завышению в губернаторских отчетах.

На основании изложенного можно предположить, что содержащаяся в губернаторских отчетах информация об образовании и здравоохранении вряд ли подвергалась сознательному искажению. Соответственно, ее достоверность может быть оценена на приемлемом уровне. Кроме того, поскольку губернаторам нормативно предписывалось подавать отчеты ежегодно, именно они в наибольшей степени подходят для создания длинных временных рядов с минимально возможным (в данном случае годовым) интервалом.

Среди критериев качества первичных данных, необходимых для анализа институциональной структуры финансирования отраслей образования и здравоохранения, нами выделяются полнота, уровень детализации, структурная однородность и непрерывность. Наиболее подробные данные доступны по Архангельской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Курской, Новгородской, Пермской, Саратовской и Тамбовской губерниям в отношении большей части периода 1870–1913 гг. За тот же период менее полные материалы, но обладающие достаточной критической массой для количественного анализа и формулирования предварительных выводов, имеются по Екатеринославской, Смоленской и Ярославской губерниям. По Калужской и Рязанской губерниям они в достаточной степени представлены по образованию, по Пензенской — по

⁶² Статистический временник ... 1886. С. 56–57.

⁶³ Кесслер Х., Маркевич А. Указ. соч. [Электронный ресурс].

здравоохранению (с 1887 г.). По Псковской губернии данные отчетов обладают достаточной полнотой для реконструкции рядов объемов финансирования образования и здравоохранения за основную часть периода, но недостаточны для анализа динамики институциональной структуры. По Рязанской губернии полнота данных по здравоохранению дает возможность реконструкции временного ряда, однако достоверность многих из них вызывает сомнения, соответственно интерпретация результирующих данных должна осуществляться с большей осторожностью.

Пропуски в данных реконструировались нами методами интерполяции (в значительно меньшей степени ретрополяцией и экстраполяцией) линейной и показательной функциями, с использованием в качестве независимой переменной сравнительно полного ряда по другому, более значительному источнику финансирования. Таким образом, для реконструкции крупной категории мы использовали имеющиеся данные о значениях ее составных частей. Другой подход заключался в определении доли источника финансирования в совокупных расходах и ее последующем переводе в абсолютные цифры. Третий подход заключался в реконструкции отдельных значений временного ряда по линейному (чаще) или экспоненциальному тренду. Иногда мы использовали несколько методов, усредняя результаты (в том числе ретрополирования и экстраполирования имеющихся значений ряда с разными временными интервалами).

Развитие процессов формирования российского человеческого капитала в региональном аспекте в XIX в. — начале XX в. (на материале отдельных европейских губерний)

Накопление человеческого капитала: общестрановые тенденции

С точки зрения теории человеческого капитала, затраты на финансирование образования и здравоохранения представляют собой объемы валовых инвестиций на его накопление. Насколько быстро шел этот процесс перед запуском современного экономического роста и после его вступления в раннюю стадию? Насколько различались темпы роста инвестиций в человеческий капитал в региональном разрезе?

Мы уточнили сделанные ранее в литературе расчеты общестрановых темпов накопления человеческого капитала в период 1885–1913 гг.⁶⁴ отдельно по сферам образования и здравоохранения. В качестве исходных мы использовали данные об институциональных источниках финансирования обеих отраслей (см. Таблицу 1).

⁶⁴ Диденко Д.В. Указ. соч. С. 246–248.

Таблица 1.

**Исходные данные для расчета объемов финансирования образования
и здравоохранения в Российской империи в 1885–1913 г.
(в млн руб. в текущих ценах)**

Источник	Диденко (2015. С. 246–248)	Касер (1974. Р. 248–249)	Грегори (2003 [1982, 1994]. С. 146, 147, 154, 238, 240)	
	Образование		Образование	Здравоохранение
Период / институциональные единицы				
За 1885 г.				
Центральное правительство и местное самоуправление	н/д	38	49	
Коммерческие и некоммерческие организации	н/д	не включены	не включены	
Домохозяйства	н/д	13	не включены	35
Всего	51 ¹	51	84	
За 1913 г.				
Центральное правительство и местное самоуправление	292,901	н/д	418	
Коммерческие и некоммерческие организации	32,910	н/д	не включены	
Домохозяйства	49,067	н/д	не включены	126
Всего	374,878 ²	н/д	544	

Примечания.

¹ Со ссылкой на: *Kaser M.* Education in Tsarist and Soviet Development // Essays in Honour of E. H. Carr / Ed. by C. Abramsky. London, 1974. P. 248–249.

² На основе: *Johnson W.H.E.* Russia's educational heritage. Pittsburg (Pennsylvania), 1950. P. 291–293; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Краткий справочник. М., 1924. С. 37.

Следует отметить, что приводимые П. Грегори совокупные оценки расходов на образование и здравоохранение сильно занижают образовательные расходы центрального правительства, так как учитывают их только со стороны Министерства народного просвещения. Сумма расходов на образование и здравоохранение, в 1913 г. оцениваемая им в 162 млн руб.⁶⁵, оказывается меньше, чем сумма затрат всех ведомств только на образование в 202,772 млн руб. в том же году (по оценке В. Джонсона⁶⁶). В этой связи мы увеличиваем данные П. Грегори на сумму образовательных расходов остальных ведомств В. Джонсона, которая составляет порядка 60 млн руб. за 1913 г., и пропорционально увеличиваем

⁶⁵ *Грегори П.* Указ. соч. С. 142–143, 146–147.

⁶⁶ *Johnson W.H.E.* Op. cit. P. 292–293.

оценки расходов центрального правительства за другие годы⁶⁷. Приводимые М. Кейзером данные за 1885 г. о расходах Министерства народного просвещения и других центральных ведомств примерно соответствуют их соотношению за 1913 г. у В. Джонсона и оцениваются нами как достоверные.

Хотя в работе П. Грегори не отражались расходы на образование со стороны частных лиц (домохозяйств), они были учтены в данных М. Кейзера за 1885 г. и Д. Диденко за 1913 г. Однако расходы из средств предпринимательского сектора (в том числе через благотворительные организации) на образование за 1885 г. не входили в расчет П. Грегори и М. Кейзера. Приводимые ниже данные о динамике институциональной структуры финансирования в ряде губерний Европейской России показывают, что доля средств предпринимательского сектора была сравнительно невысокой (при максимально полном учете — порядка 10 % в образовании и еще ниже в здравоохранении). Это частично корреспондирует с долей в образовании данного сектора в масштабах всей страны за 1913 г. (8,8 %) ⁶⁸. Мы считаем возможным предположить, что она была такого же порядка в 1885 г. В отношении здравоохранения мы не имеем каких-либо достоверных свидетельств в отношении совокупных расходов со стороны предпринимательского сектора как в масштабах страны, так и на уровне отдельных губерний. Кроме того, частные расходы в обеих отраслях, как отмечалось выше, имеют тенденцию к недоучету и, соответственно, занижению в губернаторских отчетах.

В Таблицах 2 и 3 мы приводим результирующие данные о расходах на образование и здравоохранение, исходя из состава источников финансирования. Имея сравнительно достоверные оценки общего объема расходов (в текущих ценах) в обеих отраслях и отдельно на образование за 1885 г. и за 1913 г. со стороны центрального правительства, органов местного самоуправления и домохозяйств (и делая предположение о доле сектора коммерческих и некоммерческих организаций в 1885 г., равной доле в 1913 г.), мы вычисляем их объем для здравоохранения. Получив доли образования и здравоохранения в совокупных расходах, мы интерполируем их для получения данных за отдельные промежуточные годы, по которым имеются данные П. Грегори о совокупных расходах. Отдельно интерполируются данные об объеме расходов на образование со стороны коммерческих и некоммерческих организаций и домохозяйств (в постоянных ценах 1913 г.). После перевода полученных результатов за каждый год в текущие цены, их можно оценить в масштабах национальной экономики, сравнив с рядом ВВП в текущих ценах. Следует отметить, что в соответствии с методикой Дж. Кендрика⁶⁹, к инвестициям в человеческий капитал относятся не все, а только половина расходов на здравоохранение.

⁶⁷ Хотя П. Грегори (Указ. соч. С. 142) упоминает Святейший Синод, если бы он включил его расходы на образование в свои расчеты, то расходы центрального правительства на здравоохранение были бы близкими к нулевым.

⁶⁸ Диденко Д. В. Указ. соч. С. 248.

⁶⁹ Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978. С. 48–50, 95–96, 104–105.

Таблица 2.

Распределение расходов на образование и здравоохранение в Российской империи в 1885 – 1913 г.

Год	Расходы на образование и здравоохранение (в текущих ценах, млн руб.)		Недочет расходов ведомств центрального правительства на образование (в текущих ценах, млн руб.)	Расходы на медицинское обслуживание (в текущих ценах, млн руб.)	Всего на образование (расширенное правительство и домохозяйства)	Интерполированные значения					
	центрального правительства	местных властей (вкл. земства)				(в текущих ценах, млн руб.)	частных лиц	(в текущих ценах, млн руб.)	(млн руб. 1913 г.)	На образование без домохозяйств (доля, %)	На здравоохранение с домохозяйствами (доля, %)
1913	154	8	256	60	604	604	126	48%	52%	33	49
1912								48%	52%	32	48
1911								48%	52%	31	47
1910	101	8	165	40	422	475	108	48%	52%	30	46
1909								47%	53%	29	45
1908								47%	53%	28	43
1907	57	3	123	22	295	343	90	47%	53%	27	42
1906								47%	53%	26	41
1905								46%	54%	25	40
1904								46%	54%	24	39

Таблица 2. Продолжение

Год	Расходы на образование и здравоохранение (в текущих ценах, млн руб.)		Нелучет расходов ведомств центрального правительства на образование (в текущих ценах, млн руб.)	Расходы на медицинское обслуживание (в текущих ценах, млн руб.)	Всего на образование (расширенное правительство) и здравоохранение (расширенное правительство и домохозяйства)		Интерполированные значения (млн руб. 1913 г.)			
	центрального правительства	местных властей (вкл. земства)			(в текущих ценах, млн руб.)	(млн руб. 1913 г.)	На образование без домохозяйств (%)	На здравоохранение с домохозяйствами (доля, %)	На образование (расходы коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование (частные расходы домохозяйств)
1903	52	4	21	59	230	284	46%	54%	23	38
1902							46%	54%	22	37
1901							45%	55%	21	36
1900	46	5	19	63	205	263	45%	55%	20	34
1899							45%	55%	19	33
1898							44%	56%	18	32
1897							44%	56%	17	31
1896	31	2	12	57	155	214	44%	56%	16	30
1895							44%	56%	15	29
1894	30	1	11	56	138	192	43%	57%	14	28
1893							43%	57%	14	27

Год	Расходы на образование и здравоохранение (в текущих ценах, млн руб.)		Недоучет расходов ведомств центрального правительства на образование (в текущих ценах, млн руб.)	Расходы на медицинское обслуживание (в текущих ценах, млн руб.)	Всего на образование (расширенное правительство) и здравоохранение (расширенное правительство и домохозяйства)		Интерполированные значения (млн руб. 1913 г.)					
	текущие расходы	инвестиции			общие расходы	частных лиц	(в текущих ценах, млн руб.)	(млн руб. 1913 г.)	На образование без домохозяйств (доля, %)	На здравоохранение с домохозяйствами (доля, %)	На образование (расходы коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование (частные расходы домохозяйств)
1892								43%	57%	13	25	
1891	26	1	37	53	127	179		43%	57%	12	24	
1890								42%	58%	11	23	
1889								42%	58%	10	22	
1888	21	1	33	44	107	158		42%	58%	9	21	
1887								41%	59%	8	20	
1886								41%	59%	7	19	
1885	23	1	25	35	93	125		41%	59%	6	17	

Источники: расходы на образование и здравоохранение, рассчитано по: *Kaser M. Op. cit. P. 248–249; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX в. — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 146, 147, 154, 238, 240; Диденко Д.В. Интеллектуально-экономика: Человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015. С. 248; перевод из текущих в постоянные цены и наоборот осуществлен дефлированием по Бюджетному индексу по расчетам в: *Струмилли С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954. С. 514–515* (Цит. по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.». URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html>).*

Таблица 3.
Объемы и уровень расходов на образование и здравоохранение в Российской империи в 1885—1913 г.

Год	На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций и без домохозяйств) (млн руб. 1913 г.)	На здравоохранение (без коммерческих и некоммерческих организаций и с домохозяйствами) (млн руб. 1913 г.)	Совершеннолетние расходы				Норма накопления человеческого капитала (в % к ВВП)		
			(млн руб. 1913 г.)		(в % к ВВП)				
			На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций)			
1913	293	311	375	311	375	311	2,00	1,66	2,83
1912			351	290	340	282	1,88	1,56	2,66
1911			326	269	297	245	1,91	1,57	2,70
1910	226	248	302	248	269	221	1,69	1,39	2,38
1909			278	226	252	205	1,69	1,37	2,37
1908			254	204	229	184	1,64	1,32	2,30
1907	161	182	230	182	198	157	1,59	1,26	2,22
1906			220	175	182	145	1,56	1,24	2,18
1905			211	168	170	136	1,47	1,18	2,06
1904			201	161	161	129	1,31	1,05	1,84
1903	130	154	191	154	154	125	1,40	1,13	1,96
1902			185	151	149	121	1,27	1,04	1,79
1901			179	148	142	117	1,35	1,11	1,90
1900	118	145	173	145	135	113	1,33	1,11	1,89
1899			165	139	131	110	1,27	1,07	1,80

Год	На образование (без коммерческих и некоммерческих организаций и без домохозяйств) (млн руб. 1913 г.)	На здравоохранение (без коммерческих и некоммерческих организаций и с домохозяйствами) (млн руб. 1913 г.)	Совершеннолетние расходы				Норма накопления человеческого капитала (в % к ВВП)		
			(млн руб. 1913 г.)		(в текущих ценах, млн руб.)				
			На образование	На здравоохранение (без коммерческих и некоммерческих организаций)	На образование	На здравоохранение (без коммерческих и некоммерческих организаций)			
1898			157	132	122	103	1,28	1,08	1,82
1897			161	126	116	91	1,37	1,07	1,91
1896	94	120	140	120	102	87	1,29	1,10	1,84
1895			133	114	96	83	1,35	1,16	1,93
1894	83	109	125	109	90	78	1,16	1,01	1,66
1893			121	107	90	80	1,22	1,08	1,77
1892			116	105	87	78	1,24	1,12	1,80
1891	76	103	112	103	79	73	1,31	1,20	1,91
1890			106	99	72	67	1,14	1,06	1,67
1889			101	95	71	67	1,13	1,07	1,66
1888	66	92	95	92	65	62	0,93	0,89	1,37
1887			88	86	59	57	0,89	0,86	1,32
1886			81	80	58	57	1,06	1,04	1,58
1885	51	74	74	74	55	55	0,95	0,94	1,42

Источники: расходы на образование и здравоохранение, рассчитано по: *Kaser M. Op. cit. P. 248–249; Грегори П. Указ. соч. С. 146, 147, 154, 238, 240; Диденко Д.В. Указ. соч. С. 248; ВВП: Диденко Д., Földvári P., Van Leeuwen B. The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // Journal of Eurasian Studies. Vol. 4, 2013. No. 2. P. 123–135. + Supplementary data. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>, на основе: *Грегори П. Указ. соч. С. 240–242*; перевод из текущих в постоянные цены и наоборот осуществлен дефлированием аналогично Таблице 2.*

Таким образом, всего с 1885 г. по 1913 г. объем финансирования образования в России в номинальном выражении увеличился в 6,8 раза, в реальном выражении — в 5,0 раза. С учетом роста численности населения в 1,6 раза⁷⁰, подушевой реальный уровень финансирования увеличился примерно в 3,1 раза. При этом количество учащихся возросло в 5,2 раза⁷¹, что означает сохранение уровня реального финансирования одного ученика в целом по стране, с возможным небольшим понижением.

За тот же период объем финансирования здравоохранения в России в номинальном выражении увеличился в 5,7 раза, в реальном выражении — в 4,2 раза. Подушевой реальный уровень финансирования увеличился примерно в 2,6 раза.

За более чем столетие (с 1800 г. по 1913 г.) увеличение объема финансирования образования и здравоохранения в реальном выражении составило в целом по Российской империи порядка 152 раз⁷² при увеличении количества учащихся в 211 раз⁷³. Результаты впечатляющие, даже принимая во внимание рост численности населения за указанный период не менее, чем в 3,5 раза⁷⁴ (учитывая при этом, что указанные процессы происходили в основном на территориях, которые уже находились в составе Российской империи в начале XIX в.). Таким образом, *подушевой уровень валового накопления человеческого капитала в отечественной экономике за период с 1800 г. по 1913 г. увеличился примерно в 43 раза в стоимостном выражении. В натуральном выражении в сфере образования он увеличился в 60 раз, преимущественно за счет ускоренных темпов в начале XIX в., в 1860–1870-х гг. и в начале XX в.* К концу рассматриваемого периода норма его валового накопления в сфере образования (2,0 % ВВП) примерно соответствовала странам, находившимся на более высоком уровне социально-экономического развития (Англия, Франция, США), была заметно выше, чем в колониальных странах (например, Индонезии), но ниже уровня Японии, сопоставимой в то время по уровню развития и также осуществлявшей догоняющую индустриальную модернизацию⁷⁵.

⁷⁰ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М., 1930.

⁷¹ Johnson W.H.E. Op. cit.

⁷² Исходя из объема государственных расходов на «училища, воспитательные дома и больницы» за 1800 г. в размере 1,171 млн руб. ассигнациями (Блюх И.С. Указ. соч. Табл. Б к с. 152) и расходов на образование и здравоохранение из всех источников в 1913 г. в объеме 686 млн руб. (см. Таблицу 3). Дефлировано за 1853–1913 гг. по Бюджетному индексу в: Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М., 1954. С. 514–515 (Цит по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.». <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html>), за 1804–1852 гг. — по Общему индексу цен (выраженных в серебряных рублях) в: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 512 (Цит. по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.»); а также курса конверсии ассигнационных рублей в серебряные (0,6630) в: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. С. 327–329 (цит. по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.»).

⁷³ Johnson W.H.E. Op. cit. P. 290.

⁷⁴ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки / под ред. академика С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 25.

⁷⁵ Диденко Д.В. Указ. соч. С. 248–249.

За недостаточностью надежных свидетельств, результаты наших общестрановых расчетов по здравоохранению не включают институциональные негосударственные источники расходов. В этой связи, они имеют потенциал к пересмотру в сторону повышения по мере накопления соответствующих данных на региональном уровне.

Накопление человеческого капитала: региональные тенденции

Осуществив уточненный расчет норм накопления человеческого капитала в Российской империи, мы получили базу для сравнения показателей в регионах с общестрановыми. Очевидно, что норма накопления человеческого капитала будет заметно выше в столичных городах, городах с университетами, другими высшими и военными учебными заведениями (в сфере образования), в прибалтийских (остзейских) губерниях, но ниже (при этом в разной степени) в большинстве регионов Европейской России.

Анализируемые данные покрывают главным образом период 1870–1913 гг., первая часть которого приходится на стадию непосредственной подготовки к запуску современного экономического роста. При этом основная часть анализируемых данных приходится на дореволюционный период современного экономического роста (с середины 1880-х гг.). Этой хронологической гранью обусловлено разделение подпериодов в нескольких приводимых ниже таблицах (4, 5, 6, 7).

Динамика финансирования сферы образования

Темпы накопления российского человеческого капитала в сфере образования показаны в Таблице 4. Из них видно, что на фоне общестрановых и межрегиональных трендов опережающие темпы в сфере образования в целом за период с 1870-х гг. по 1913 г. и за отдельные подпериоды показали Вологодская и Пензенская губернии. Также Рязанская губерния по финансированию сферы образования устойчиво опережала общестрановую динамику в 1885–1913 гг. В то же время, заметное отставание показали Калужская и Курская губернии.

Таблица 4.
Темпы роста объема финансирования образования в губерниях Европейской России в реальном выражении

Период	1870–е гг. — 1913 г.									
	Российская империя	Архангельская	Вологодская	Воронежская	Вятская	Екатеринославская	Калужская	Курская	Новгородская	Пензенская
В целом за период, раз	н/д	н/д	14,80	6,22	12,14	н/д	5,83	5,09	н/д	н/д
В среднем за год	н/д	н/д	7,15% ^b	4,34%	5,84%	н/д	4,19%	3,86%	н/д	н/д
1870–е гг. — середина 1880–х гг.										
В целом за период, раз	н/д	н/д	н/д	1,45	1,98	н/д	1,80	1,69	н/д	н/д
В среднем за год, %	н/д	6,61% ^a	7,34% ^c	2,49%	4,67%	0,30% ^d	4,00%	3,56%	н/д	н/д
Середина 1880–х гг. — 1913 г.										
В целом за период, раз	5,04	5,17	6,79	4,30	6,12	4,17	3,24	3,01	4,17	4,17
В среднем за год, %	5,95%	6,04%	7,08%	5,35%	6,68%	5,23%	4,28%	4,01%	5,23%	5,23%
Период	1870–е гг. — 1913 г.									
	Новгородская	Пензенская	Пермская	Псковская	Рязанская	Саратовская	Смоленская	Тамбовская	Ярославская	Ярославская
В целом за период, раз	8,51	19,51 ^e	8,78 ^f	7,60 ^b	15,95	10,47	6,42	6,25	7,53	7,53
В среднем за год	4,99%	9,13%	5,44%	5,20%	6,65%	5,61%	4,31%	4,25%	5,31%	5,31%
1870–е гг. — середина 1880–х гг.										
В целом за период, раз	1,13	н/д	3,15	2,98	2,51	1,91	1,42	1,46	2,74	2,74
В среднем за год, %	0,81%	н/д	7,95% ^g	7,56%	6,32%	4,41%	2,35%	2,55%	6,95%	6,95%
Середина 1880–х гг. — 1913 г.										
В целом за период, раз	7,48	7,87	4,07	2,55 ⁱ	6,36	5,48	4,03	4,54	3,51	3,51
В среднем за год, %	7,45%	7,64%	5,14%	3,40%	6,83%	6,26%	5,11%	5,55%	4,58%	4,58%

Примечания.

^a 1878–1885.

^b 1874–1913.

^c 1874–1885.

^d 1878–1885.

^e 1879–1913.

^f 1872–1913.

^g 1872–1887.

^h 1870–1910.

ⁱ 1885–1910.

Источники: Российская империя, рассчитано по: *Kaser M.* Op. cit. P. 248–249; *Грегори П.* Указ. соч. 2003. С. 240, 242; *Didenko et al.* Op. cit.; указанные губернии, рассчитано по: Обзор... 1870–1916; дефлировано: аналогично Таблице 2.

По Калужской, Пермской и Рязанской губерниям мы можем сравнить совокупные данные и в расчете на душу населения (Таблица 5). Результаты сравнения свидетельствуют о том, что эти темпы заметно различались. При этом лежащий в основе различий темп роста населения в рассматриваемых губерниях во всех трех был ниже общестранового. За период 1870-е гг. — 1913 г. *темпы роста объема финансирования образования значительно превышали темпы увеличения численности населения, а различия в темпах накопления человеческого капитала были в разы больше различий в темпах увеличения численности населения.* Таким образом, можно предполагать, что и для остальных губерний динамика совокупных данных по образовательной сфере адекватно аппроксимирует изменение относительного положения рассматриваемых регионов.

Таблица 5.
Сравнение темпов роста объема финансирования образования в совокупном и в подушном выражении
(в постоянных ценах)

Период	Российская империя			Калужская губерния			Пермская губерния			Рязанская губерния			Различия в темпах роста (коэфф. вариации)				
	совокупное	подушное	темпа роста населения	совокупное	подушное	темпа роста населения	совокупное	подушное	темпа роста населения	совокупное	подушное	темпа роста населения	совокупное	подушное	финансирования	финансирования	населения
1870–е гг. — 1913 г.																	
В целом за период, раз	н/д	н/д	2,02	5,83	3,86	1,51	8,78	5,03	1,75	15,95	9,55	1,67	0,42	0,40	0,06	0,06	0,14
В среднем за год	н/д	н/д	1,65%	4,19%	3,19%	0,96%	5,44%	4,02%	1,37%	6,65%	5,39%	1,20%	0,19	0,22	0,14	0,14	0,14
1870–е гг. — середина 1880–х гг.																	
В целом за период, раз	н/д	н/д	1,29	1,80	1,53	1,18	3,15	1,82	1,19	2,51	2,08	1,21	0,22	0,12	0,01	0,01	0,08
В среднем за год, %	н/д	н/д	1,70%	4,00%	2,88%	1,09%	7,95%	4,69%	1,34%	6,32%	4,99%	1,27%	0,27	0,22	0,08	0,08	0,08
Середина 1880–х гг. — 1913 г.																	
В целом за период, раз	5,04	3,21	1,57	3,24	2,52	1,28	4,07	2,77	1,47	6,36	4,60	1,38	0,29	0,28	0,05	0,05	0,21
В среднем за год, %	5,95%	4,25%	1,63%	4,28%	3,36%	0,90%	5,14%	4,00%	1,49%	6,83%	5,60%	1,16%	0,20	0,22	0,21	0,21	0,21

Источники: объем финансирования по Российской империи, рассчитано по: *Kaser M.* Ор. сит. Р. 248–249; *Грегори П.* Указ. соч. С. 240, 242; *Didenko et al.* Ор. сит.; численность населения Российской империи, рассчитано по: Статистический ежегодник России 1916 г. (тол. тринадцатый). Вып. 1. Пг., 1918. С. 85. (Цит. по: Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.». URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html>); указанные губернии, рассчитано по: Обзор... 1870–1916; дефлировано: аналогично Таблице 2.

Динамика финансирования сферы здравоохранения

В другой крупной сфере накопления человеческого капитала, здравоохранении, сравнительная динамика представлена в Таблице 6. С 1870-х гг. до начала Первой мировой войны быстрее всего данный процесс шел в Вологодской и Смоленской губерниях, медленнее всего — в Воронежской, Калужской и Рязанской. При этом сначала сильно опережающая, а затем сильно отстающая динамика Рязанской губернии может быть обусловлена недостаточным качеством данных в соответствующих губернаторских отчетах.

Таблица 6.

Темпы роста объема финансирования здравоохранения в реальном выражении

Период	1870–е гг. — 1913 г.									
	Российская империя	Архангельская	Вологодская	Воронежская	Вятская	Екатеринославская	Калужская	Курская		
В целом за период, раз	н/д	н/д	8,52 ^b	1,66	н/д	н/д	2,47 ^c	7,99		
В среднем за год	н/д	н/д	6,31%	1,18%	н/д	н/д	2,70%	4,95%		
1870–е гг. — середина 1880–х гг.										
В целом за период, раз	н/д	н/д	н/д	1,25	н/д	н/д	н/д	2,02		
В среднем за год, %	н/д	н/д	9,52% ^c	1,50%	3,33% ^d	6,22% ^c	0,26% ^f	4,81%		
Середина 1880–х гг. — 1913 г.										
В целом за период, раз	4,21	н/д	4,51	1,33	4,12	2,09	2,43	3,95		
В среднем за год, %	5,27%	8,44% ^a	5,52%	1,01%	5,19%	2,66%	3,23%	5,03%		
Период	1870–е гг. — 1913 г.									
	Новгородская	Пензенская	Пермская	Псковская	Рязанская	Саратовская	Смоленская	Тамбовская	Ярославская	
В целом за период, раз	н/д	н/д	н/д	3,22 ⁱ	2,60	4,67	13,72	н/д	н/д	
В среднем за год	3,33% ^s	н/д	н/д	3,61%	2,24%	3,65%	6,13%	н/д	н/д	
1870–е гг. — середина 1880–х гг.										
В целом за период, раз	н/д	н/д	н/д	н/д	3,40	1,32	4,27	3,42	н/д	
В среднем за год, %	3,61% ^h	н/д	2,43% ^f	7,34% ^j	8,50%	1,89%	10,17%	8,53%	9,67%	
Середина 1880–х гг. — 1913 г.										
В целом за период, раз	2,43	2,21	2,86	2,13 ^k	0,76	3,53	3,45	н/д	2,20	
В среднем за год, %	3,22%	2,88%	3,83%	2,74%	-0,96%	4,61%	4,52%	3,07% ^l	2,86%	

Примечания.

- ^a 1895–1912.
- ^b 1878–1913.
- ^c 1878–1885.
- ^d 1880–1885.
- ^e 1879–1913.
- ^f 1879–1885.
- ^g 1874–1913.
- ^h 1874–1885.
- ⁱ 1877–1910.
- ^j 1877–1885.
- ^k 1882–1910.
- ^l 1885–1900.

Источники: Российская империя, рассчитано по: *Kaser M.* Op. cit. P. 248–249; *Грегори П.* Указ. соч. С. 238, 240; *Didenko et al.* Op. cit; указанные губернии, рассчитано по: Обзор... 1870–1916; дефлировано аналогично Таблице 1.

Аналогично сфере образования (Таблица 5), сравним темпы роста реальных объемов финансирования здравоохранения в совокупности и в расчете на душу населения (Таблица 7).

Таблица 7.
Сравнение темпов роста объема финансирования здравоохранения в совокупном и в подушевом выражении
(в постоянных ценах)

Период	Российская империя			Калужская губерния			Пермская губерния			Рязанская губерния			Различия в темпах роста (коэфф. вариации)		
	совокупное	подушевое	темпы роста населения	совокупное	подушевое	темпы роста населения	совокупное	подушевое	темпы роста населения	совокупное	подушевое	темпы роста населения	совокупное	подушевое	финансирование населения
1870–е гг. — 1913 г.															
В целом за период, раз	н/д	н/д	2,02	2,47	1,81	1,51	н/д	2,06	1,56	2,60	0,99	1,59	0,02	0,28	0,02
В среднем за год	н/д	н/д	1,65%	2,70%	1,75%	0,96%	н/д	2,22%	1,36%	2,24%	-0,01%	1,27%	0,09	0,73	0,14
1870–е гг. — середина 1880–х гг.															
В целом за период, раз	н/д	н/д	1,29	н/д	н/д	1,18	н/д	н/д	1,06	3,40	1,64	1,21	н/д	н/д	0,05
В среднем за год, %	н/д	н/д	1,70%	0,26%	4,02%	1,09%	2,45%	1,18%	1,25%	8,50%	5,07%	1,91%	0,93	0,48	0,25
Середина 1880–х гг. — 1913 г.															
В целом за период, раз	4,21	2,68	1,57	2,43	1,90	1,28	4,07	2,77	1,47	0,76	0,51	1,38	0,56	0,54	0,05
В среднем за год, %	5,27%	3,58%	1,63%	3,23%	2,31%	0,90%	5,14%	3,71%	1,38%	-0,96%	-2,34%	1,16%	1,03	2,11	0,17

Примечание. Темпы роста населения могут отличаться от данных Таблицы 5 за тот же период вследствие некоторых отличий в выборе начального года для отдельных регионов (для данной таблицы см. в примечаниях к Таблице 6).

Источники: Российская империя за 1885–1913 гг. рассчитано по: *Грегори П.* Указ. соч. С. 238, 240; указанные губернии, рассчитано по: Обзор ... 1870–1916; дефлировано аналогично Таблице 2.

Результаты сравнения свидетельствуют о том, что **различия в темпах увеличения финансирования превышали различия в темпах увеличения численности населения**. Из данных вышеуказанной Таблицы 7 следует, что и в период 1870-е гг. — середина 1880-х гг., и в целом за 1870-е гг. — 1913 г. динамика совокупных данных по здравоохранению аппроксимирует изменение относительного положения рассматриваемых регионов с приемлемой точностью.

Приведенные данные об опережающей и отстающей динамике регионов относительно друг друга и страны в целом демонстрируют, что процессы накопления человеческого капитала на стадиях непосредственной подготовки и запуска «современного экономического роста» разворачивались и протекали неравномерно, но с сопоставимой скоростью. Причем отставание в одном периоде могло сменяться компенсирующим опережением в другом и наоборот.

Институциональная структура инвестиций в человеческий капитал

Все рассматриваемые губернии с 1860-х гг. относились к земским, где органы местного самоуправления получили права распоряжаться земскими сборами в пределах их территорий. В структуре консолидированных земских расходов (уездного и губернского уровней) расходы на образование и здравоохранение являлись наиболее крупными статьями⁷⁶. Исходя из специфики функций центрального правительства, данные позиции не могли занимать приоритетного положения в структуре бюджетных расходов. Тем не менее, повышалась их доля и в структуре бюджета центрального правительства. Доля расходов Министерства народного просвещения в расходах центрального правительства возросла с 1,8 % в 1870 г. до 4,2 % в 1913 г., а с учетом затрат других ведомств на образование достигли 6,7 % расходной части бюджета⁷⁷. Из Таблиц 2–3 следует, что относительно ВВП Российской империи затраты центрального правительства на образование и здравоохранение возросли с 0,57 % в 1885 г. до 1,19 % в 1913 г.

Какая динамика наблюдалась на региональном уровне? Обладая достаточной полнотой данных, мы можем рассчитать в динамике *сводную институциональную структуру формирования человеческого капитала для выборки земских губерний* и выяснить, в какой степени каждая из представленных в выборке была типичной и в какой степени отклонялась от данной структуры.

Образование

Данные Таблицы 8 показывают, что основная (но не преобладающая) роль в финансировании сферы образования с конца 1860-х гг. принадлежала земствам. Второе по значимости место занимало центральное правительство, опередившее земства лишь в начале 1910-х гг. Причем, как отмечалось выше, его роль заметно возрастала на протяжении всего периода с 1870 г. по 1914 г., и особенно с началом XX в. В качестве отдельного от него источника выделено духовное ведомство (Святейший Синод), содержавшее церковно-приходские школы, а также учебные заведения по подготовке священнослужителей. Его доля силь-

⁷⁶ Статистический временник... 1886.

⁷⁷ Johnson W.H.E. Op. cit. P. 291–293.

но колебалась, но скорее уменьшилась к концу рассматриваемого периода, по-прежнему оставаясь заметной. За счет увеличения средств центрального правительства сильно понизилась доля мирских и волостных средств сельских обществ. При этом доля средств городов, несмотря на активные процессы урбанизации, отличалась сильной изменчивостью и не претерпела заметных изменений на протяжении рассматриваемого периода. Также сильно колебались доли частных источников (благотворительность предпринимателей, прямые платежи домохозяйств за получение образовательных услуг), которые отмечены невысокими значениями. Скорее всего, это являлось следствием неполного отражения соответствующих категорий в губернаторских отчетах.

Таблица 8.

Сводная институциональная структура источников финансирования образования по выборке губерний Европейской России (в % от суммы за год)

Год	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земства	Мирские и волостные средства	Городские средства	Частные источники (благотворительность)	Сбор платы за учение
1914	36,7	10,4	34,7	2,7	13,6	1,1	0,7
1913	41,0	7,5	37,0	1,7	7,6	2,1	3,1
1912	46,6	8,5	34,6	1,2	4,0	2,2	2,9
1911	34,6	9,9	37,7	2,6	11,9	2,0	1,3
1910	34,5	9,8	45,7	1,8	4,8	2,0	1,4
1909	28,5	14,9	40,9	3,5	5,4	4,6	2,1
1908	26,7	13,8	43,0	3,8	5,8	5,2	1,7
1907	31,1	16,0	33,1	5,5	6,9	5,5	1,8
1906	27,8	13,9	33,9	6,2	10,5	5,9	1,7
1905	29,6	11,5	32,5	7,0	11,3	6,2	1,9
1904	27,0	15,4	28,8	7,6	11,5	7,2	2,5
1903	28,3	13,8	35,0	5,8	9,9	3,9	3,3
1902	28,9	15,5	36,0	6,3	6,0	4,2	3,0
1901	28,3	15,3	36,6	4,8	5,2	6,2	3,6
1900	22,8	16,0	33,1	5,7	4,6	10,9	6,9
1899	22,3	14,3	32,0	6,3	8,3	11,7	5,2
1898	24,2	16,1	35,1	5,6	9,0	6,2	3,9
1897	28,5	12,7	29,9	9,0	10,9	2,8	6,2

Год	Центральное Правительство	Святейший Синод и церковные братства	Земства	Мирские и волостные средства	Городские средства	Частные источники (благотворительность)	Сбор платы за учение
1896	22,9	10,8	34,9	8,6	12,5	7,5	2,8
1895	23,3	11,0	29,7	10,1	12,5	10,5	2,9
1894	22,7	6,0	34,2	10,2	14,6	9,3	3,0
1893	23,8	10,7	27,3	11,8	13,5	9,3	3,7
1892	24,6	9,0	31,5	11,8	11,6	8,3	3,2
1891	23,9	6,3	36,7	11,5	10,3	7,5	3,9
1890	28,6	5,5	30,5	13,2	10,3	8,2	3,8
1889	24,9	9,1	34,4	11,2	9,5	7,8	3,3
1888	21,2	8,5	35,3	12,7	10,4	9,4	2,6
1887	30,7	4,4	35,4	10,2	10,5	6,0	2,8
1886	28,7	5,9	34,0	11,1	11,1	6,0	3,2
1885	23,5	4,4	37,8	11,7	13,9	5,5	3,1
1884	21,1	8,7	38,9	9,5	13,9	4,9	3,0
1883	21,9	8,5	40,7	9,6	11,2	5,9	2,2
1882	23,3	8,1	44,3	9,9	10,9	2,6	0,8
1881	23,4	12,6	37,9	8,8	11,8	2,7	2,7
1880	20,9	12,2	41,8	10,6	10,1	3,6	0,7
1879	25,4	13,5	34,7	9,7	10,2	4,2	2,3
1878	23,6	13,0	38,2	10,2	10,0	2,9	2,2
1877	22,6	10,7	37,1	13,3	11,4	2,6	2,2
1876	22,7	12,6	37,7	16,2	5,7	3,5	1,5
1875	18,5	18,8	39,8	13,5	6,5	2,8	0,1
1874	20,2	17,5	34,2	15,7	7,7	3,2	1,6
1873	20,6	19,7	32,9	15,8	4,1	4,9	2,0
1872	29,2	23,1	33,1	4,4	6,5	1,4	2,3
1871	24,5	24,0	23,1	15,6	6,2	3,9	2,8
1870	19,0	21,4	28,8	18,6	8,5	1,4	2,3

Источники: рассчитано по: Обзор... Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Курской, Пермской, Рязанской, Саратовской губерний. 1871–1915.

Сопоставление представленной в Таблице 8 сводной структуры институциональных источников финансирования по выборке земских губерний с общестрановыми показателями за 1913 г. (Таблица 9) выявляет наличие сильных отклонений. Более высокая доля центрального правительства в среднем по стране представляется вполне объяснимой тем, что оно финансировало университеты, военные учебные заведения, в значительной степени находившиеся в столицах. С этой позиции, разница в 8,5 % представляется очень низкой. Статистически оправданной для земских губерний является более высокая доля этих органов местного самоуправления в структуре расходов на образование (важнейшая позиция расходов земств). Но наиболее сильно отклоняются общестрановые и региональные данные в отношении расходов домохозяйств на оплату обучения. При всем том, что концентрация этих расходов также была смещена в сторону столичных городов, практически невероятно, чтобы отличие земских регионов от показателя среднего по стране стало четырехкратным. Таким образом, *наибольшей достоверностью обладают результаты расчетов, относящиеся к структурной динамике двух крупнейших источников финансирования: земств и центрального правительства.*

Таблица 9.

**Сравнение региональной
и общестрановой институциональной структуры финансирования образования
(в % от общих сумм за 1913 г.)**

Институциональный сектор	Российская империя (в % от общих сумм за 1913 г.)	Выборка земских губерний (в % от общих сумм за 1913 г.)	Отклонение регионы vs. страна, пп.	Отклонение регионы vs. страна, %
Центральное правительство (включая Св. Синод)	54,1	48,5	-5,5	-10,3
Земства	24,0	37,0	22,3	92,6
Другие органы местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		9,3		
Предприятия и некоммерческие организации	8,8	2,1	-6,7	-76,4
Домохозяйства	13,1	3,1	-10,0	-76,5

Источники: *Российская империя*, рассчитано по: *Johnson W.H.E.* Op. cit. P. 291–293, *Диденко Д.В.* Указ. соч. С. 248; *выборка земских губерний*, рассчитано по: Обзор Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Курской, Пермской, Рязанской, Саратовской губернии ... за 1913 г. 1914.

В *Вологодской* губернии на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалась в целом устойчивая структура финансирования образования. Основные тенденции ее динамики соответствовали общестрановым тенденциям. Ведущую роль играли земства, которые несли около половины всех расходов и роль которых в XIX в. была определено выше, чем в других губерниях.

К концу рассматриваемого периода возросла роль центрального правительства, которая в 1870-х — 1880-х гг. была выше, чем в других губерниях, но стала снижаться в конце XIX в. При этом в 1890-х гг. возросла роль духовного ведомства. В то же время, низовой уровень сельских обществ принимал меньшее участие в финансировании образования, чем в других губерниях. Также в Вологодской губернии доля частных источников, даже на фоне неполноты отражения данной категории в губернаторских отчетах, зафиксирована очень низкой.

Для *Воронежской* губернии характерна повышенная роль центрального правительства, которая была весома уже в 1870-е гг. В свою очередь, с самого начала доля земств была ниже, чем в других губерниях выборки. Кроме того, в Воронежской губернии зафиксирована пониженная доля частных источников финансирования образования, даже по сравнению с отчетами по другим губерниям, где она представляется сильно недоучтенной. Причем доля этих источников показывала снижение, в отличие от других европейских губерний.

В *Вятской* губернии структурные отличия от выборки референтных губерний проявляются в пониженной доле средств центрального правительства и, соответственно, повышенном участии в финансировании образования со стороны земств. Что касается низовых органов местного самоуправления (и сельских, и городских), то их роль была ниже, чем в других губерниях. В то же время, более значительно отражена роль частных источников (как организаций, так и домохозяйств). Среди особенностей динамики следует отметить, что снижение роли Священного Синода оказалось более значительным, чем в аналогичных губерниях.

В противоположность Вологодской, *Калужская* губерния характеризовалась гораздо более низкой долей земских средств, но значительно более весомым участием духовного ведомства в финансировании образования. Роль частных источников, прежде всего коммерческого и некоммерческого сектора, отразилась здесь в отчетах более значительной, чем в других губерниях. В сравнительно меньшей степени выразилось участие в финансировании образования со стороны городских и сельских обществ.

Если в 1870-х и отчасти в 1880-х — 1890-х гг. роль средств центрального правительства в финансировании образовательной сферы в *Курской* губернии значительно превышала уровень, характерный для выборки, то в 1900-х — начале 1910-х гг. она стала отклоняться в меньшую сторону. Одновременно, в противоположность общей тенденции, выросла доля земств и сельских обществ. Стабильно более низкой долей характеризовались частные источники (включая домохозяйства).

Пермская губерния характеризуется сравнительно меньшей полнотой данных об институциональных источниках финансирования образования. На основе доступных могут быть аргументированы утверждения о более значительной роли земств в 1870-х — 1890-х гг. и тенденция к утрате ими своего доминирующего положения в начале 1910-х гг. Напротив, центральное правительство, первоначально слабо представленное среди источников финансирования образования в Пермской губернии, с конца 1900-х гг. нарастило свое участие в большей мере, чем в аналогичных губерниях.

Среди источников финансирования образования в *Рязанской* губернии земства играли особенно важную роль в 1870-х гг., но в 1900-х — 1910-х гг. их роль оказалась слабее, чем по выборке. Центральное правительство, слабо представленное в 1890-е — 1900-е гг., к концу рассматриваемого периода увеличило свою долю в финансировании, превзойдя уровень аналогичных губерний. На их фоне в *Рязанской* губернии более весомо представлены частные источники расходов на образование, а также средства волостного и общинного уровней, доля которых сокращалась сравнительно медленно.

Финансирование образования в *Саратовской* губернии характеризовалось повышенной долей средств низовых уровней местного самоуправления (средства городов, волостей и сельских общин). При этом структурная динамика в целом соответствовала общим тенденциям по нашей выборке земских губерний. Средства коммерческих, некоммерческих организаций и частных лиц в расходах на образование не получили отражения в отчетах по данной губернии.

Здравоохранение

В финансировании сферы здравоохранения роль земств была преобладающей, в то время как роль центрального правительства — значительно ниже по сравнению со сферой образования. В конце периода его роль оказалась даже ниже, чем в 1870-е гг. (Таблица 18). Структура финансирования здравоохранения отличалась очень высокой концентрацией органов местного самоуправления низового уровня, при этом с течением времени наблюдалось перераспределение в сторону повышения доли уездных земств за счет общинных и волостных средств. Как и в сфере финансирования образования, обращает на себя внимание отсутствие определенно выраженной тенденции в доле городских средств (порядка 5–10 %), несмотря на проходившие процессы урбанизации. Удивительно невысокая доля частных расходов (домохозяйства, коммерческие и некоммерческие организации) вероятнее всего вызвана недоучетом соответствующих категорий в губернаторских отчетах.

Таблица 10.

Сводная институциональная структура источников финансирования здравоохранения по выборке губерний Европейской России (в % от суммы за год)

Год	Центральное Правительство	Губернское земство	Уездные земства	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1914	3,6	16,9	59,1	10,3	4,9	5,3
1913	3,0	18,8	59,5	9,7	4,4	4,6
1912	3,6	21,7	55,8	7,8	3,5	7,7
1911	3,5	21,5	54,3	10,2	4,7	5,8
1910	3,0	23,9	57,5	7,1	3,0	5,4
1909	2,9	27,9	53,3	6,5	3,1	6,2
1908	4,2	22,0	58,4	3,7	3,0	8,7
1907	2,5	29,4	55,2	8,5	1,2	3,1
1906	3,3	25,0	51,7	11,3	4,6	4,0

Год	Центральное Правительство	Губернское земство	Уездные земства	Городские средства	Мирские и волостные средства	Частные средства и прочие
1905	3,8	31,2	46,8	8,8	4,0	5,4
1904	3,3	23,8	53,1	10,8	5,4	3,7
1903	3,9	24,1	51,0	11,1	5,9	4,0
1902	4,1	28,8	53,1	6,0	2,8	5,3
1901	4,3	33,6	52,4	6,1	2,1	1,5
1900	4,6	24,2	53,6	4,7	3,2	9,7
1899	3,9	34,8	42,8	6,0	5,1	7,3
1898	4,4	34,1	43,1	5,2	5,6	7,6
1897	4,9	27,8	47,1	4,5	6,6	9,2
1896	5,0	24,5	48,7	4,4	7,5	10,0
1895	4,0	34,5	46,8	5,5	6,7	2,5
1894	5,3	32,4	44,8	5,2	4,8	7,5
1893	4,8	33,7	38,0	5,7	13,6	4,1
1892	5,0	27,6	28,2	30,6	4,8	3,8
1891	5,9	29,9	35,1	22,0	4,3	2,8
1890	5,6	28,7	43,0	6,7	11,5	4,5
1889	6,9	14,5	51,1	7,8	13,8	5,9
1888	6,7	12,7	56,1	5,0	14,8	4,7
1887	4,6	13,8	53,9	6,4	13,3	8,0
1886	5,9	13,3	51,7	8,2	17,0	4,0
1885	6,0	10,6	51,8	7,5	9,6	14,4
1884	5,9	13,8	51,9	5,8	8,6	14,0
1883	6,3	11,1	52,2	5,6	9,8	15,0
1882	6,9	11,7	49,8	5,2	10,3	16,2
1881	5,5	12,8	52,7	6,5	19,1	3,4
1880	6,6	12,5	48,7	5,5	11,0	15,8
1879	10,7	14,5	56,2	7,1	7,3	4,3
1878	10,8	19,1	46,5	16,7	3,4	3,5
1877	8,7	20,0	53,1	10,0	4,6	3,6
1876	10,1	22,2	48,2	7,8	7,3	4,4
1875	5,4	19,9	38,3	4,4	26,5	5,4
1874	6,3	12,0	38,8	4,5	32,6	5,9
1873	5,7	22,5	34,1	3,9	30,7	3,1
1872	13,3	23,4	40,4	10,0	9,4	3,5
1871	5,6	22,6	28,9	6,9	31,0	5,1
1870	5,7	16,6	31,9	9,3	30,0	6,4

Источники: рассчитано по: Обзор... Вологодской, Воронежской, Екатеринославской, Курской, Пензенской, Пермской, Саратовской губерний. 1871–1915.

Еще в большей мере, чем в случае с образовательной сферой (Таблица 9), сопоставление представленной в Таблице 18 сводной структуры институциональных источников финансирования здравоохранения в выбранных земских губерниях с общестрановыми показателями за 1913 г. (Таблица 19) выявляет наличие сильных отклонений. Более чем двукратное отклонение по доле расходов центрального правительства в данном случае представляется избыточным, даже принимая во внимание его финансирование медицины в столичных городах, в армии и меньшее участие в финансировании потребностей регионов. Это означает, что в губернаторских отчетах его расходы сильно занижены. Девятикратное отклонение доли частных средств (в первую очередь, домохозяйств) возникает вследствие той же склонности составителей губернаторских отчетов к недоучету этой категории расходов, зачастую скрытой от непосредственного наблюдения.

Таблица 11.

Сравнение региональной и общестрановой институциональной структуры финансирования здравоохранения

Институциональный сектор	Российская империя (в % от общих сумм за 1913 г.)	Выборка земских губерний (в % от общих сумм за 1913 г.)	Отклонение регионы vs. страна, пп.	Отклонение регионы vs. страна, %
Центральное правительство	6,2	3,0	-3,2	-51,2
Земства	53,3	78,3	39,0	73,2
Другие органы местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		14,1		
Предприятия и некоммерческие организации	-	4,6	-35,9	-88,6
Домохозяйства	40,5			

Источники: Российская империя, рассчитано по: *Грегори П.* Указ. соч. С. 146, 147, 154, 238, 240; *Johnson W.H.E.* Op. cit. P. 291–293; *Диденко Д.В.* Указ. соч. С. 248; выборка земских губерний, рассчитано по: Обзор Вологодской, Воронежской, Екатеринославской, Курской, Пензенской, Пермской, Саратовской губернии ... за 1913 г. [1914].

В *Вологодской* губернии роль земств (преимущественно уездного уровня) в финансировании сферы здравоохранения была доминирующей и превышающей их долю по выборке. Еще в меньшей степени были представлены средства центрального правительства и городов. При этом частные средства в сфере здравоохранения совершенно не нашли здесь отражения в губернаторских отчетах.

Воронежская губерния отличалась от других из нашей выборки более весомой долей средств центрального правительства (как и в сфере образования), которая, как и в других, заметно уступала доле земств (которая, в свою очередь, была ниже средних значений по нашей выборке). Также более высокой зафиксирована доля средств низовых органов самоуправления, а также частных (предпринимательских и некоммерческих) источников финансирования

здравоохранения по сравнению с другими губерниями выборки, где она могла оказаться недоучтенной в рассматриваемых отчетах.

В *Екатеринославской губернии* к концу рассматриваемого периода доля средств центрального правительства снизилась более заметно, чем в других по выборке. В начале рассматриваемого периода несколько более весомую роль играли земства. Также существенно большее место в финансировании здравоохранения в Екатеринославской губернии, по сравнению с другими, было отведено городским органам местного самоуправления. Частные средства занимали еще более скромное место, чем в других губерниях нашей выборки.

В финансировании здравоохранения в *Курской губернии* заметные различия со структурной динамикой в аналогичных регионах наметились с конца XIX в. Для данной губернии стала характерной повышенная роль средств губернских земств и частных источников, при пониженной доле городов, волостей и сельских общин.

По *Пензенской губернии* данные в разрезе институциональных источников финансирования начинают появляться с 1887 г. Но вплоть до конца рассматриваемого периода практически не представленными оставались частные источники и средства сельских общин. Городские средства стабильно характеризовались более низкой ролью по сравнению с нашей выборкой. Тенденции, отличающие здесь структурную динамику от других земских губерний, сформировались к концу XIX в. и заключались в понижении роли губернского земства при возрастании уездных.

В *Пермской губернии* финансирование здравоохранения характеризовалось сравнительно высоким участием со стороны центрального правительства (по крайней мере, до середины 1900-х гг.), но меньшей ролью губернского земства, средств городского и сельского (до 1900-х гг.) самоуправления. При этом частные средства получили лучшее отражение, чем в отчетах по аналогичным губерниям.

В *Саратовской губернии* центральное правительство, как и в Пермской, более активно финансировало медицинское обслуживание, в то время как губернские земства играли меньшую роль по сравнению с аналогичными регионами. Также Саратовская губерния характеризовалась значительно меньшей долей средств городского и сельского (до 1900-х гг.) самоуправления. То, что доля частных средств оказалась выше, чем в среднем по выборке, могло объясняться как лучшим отражением данного источника в губернаторских отчетах, так и особенностями структуры региональной экономики (сравнительно высокая доля торговли).

Таким образом, первое место по доле финансирования обеих отраслей формирования человеческого капитала с конца 1860-х гг. до начала XX в. принадлежало земствам. Центральное правительство устойчиво занимало второе место по финансированию образования, на протяжении рассматриваемого периода расширяло свою долю и в начале 1910-х гг. опередило земства, выйдя на первое место. Но оно проявляло значительно меньшую активность в финансировании здравоохранения, в отдельные периоды могло снижать свою долю, которая, по крайней мере, не возросла на стадиях запуска и начала современного экономического роста в России.

Заключение

В данной статье мы с большей точностью, по сравнению с имеющимися в литературе расчетами, оценили общестрановые показатели финансирования сфер образования и здравоохранения за счет более полного учета вкладов в накопление человеческого капитала со стороны различных институциональных секторов экономики, оставляя все же потенциал для пересмотра в сторону повышения оценки расходов на здравоохранение.

За период с начала XIX в. по начало XX вв. Россия, как страна догоняющего типа модернизации, показала впечатляющие результаты в темпах накопления человеческого капитала, прежде всего в сфере образования, преимущественно за счет ускоренных темпов в начале XIX в., в 1860–1870-х гг. и в начале XX в. Рост наблюдался как по натуральным, так и по стоимостным показателям. Темпы роста в отдельные периоды различались между отдельными регионами европейской части страны, но отставание в раннем периоде могло компенсироваться опережением в следующем. Четко проявляется общий тренд к расширению образовательного пространства и системы здравоохранения, что способствовало демографическому переходу в ходе процессов трансформации традиционного аграрного общества в современное индустриальное.

Рассмотренные нами регионы России показали разнообразные (но сопоставимые) результаты с точки зрения скорости накопления человеческого капитала и роста нематериальных компонентов благосостояния населения.

Эвристически ценным инструментом для сравнительного анализа процессов накопления человеческого капитала в регионах Российской империи является построенная нами динамическая совокупная институциональная структура данного процесса. Она позволяет выделять общее и особенное на разных этапах социально-экономического развития, сопоставлять тенденции, характерные для всей страны, крупных макрорегионов и отдельных губерний, и областей.

До начала современного экономического роста институциональная структура финансирования образования и здравоохранения в земских губерниях характеризовалась снижением средств центрального правительства и повышением доли органов местного самоуправления. На ранней стадии современного экономического роста центральное правительство усилило внимание к сфере образования в регионах, выделяя значительно больше средств на его развитие. При этом оба источника являлись основными в накоплении человеческого капитала в сфере образования по крайней мере с конца 1860-х гг. В сфере здравоохранения средства местного самоуправления отчетливо преобладали, значительно превышая средства государства.

Напротив, в неzemской Архангельской губернии имеются в наличии отдельные (но не сильно выраженные) признаки закрепления отставания в накоплении человеческого капитала.

Полученные результаты анализа процессов формирования человеческого капитала в регионах важны в контексте поиска ответа на вопрос о том, каково место данного периода в более долговременном процессе накопления капиталов (и физического, и человеческого) и их роли в экономическом развитии

России. Мы лучше знаем, в основном по общенациональной статистике, динамику последующих процессов. По нашему мнению, их кульминацией стала «образовательная революция» и ускоренная индустриализация 1930–1950-х гг., которая произошла лишь через 1,5–2 десятилетия после окончания рассматриваемого периода. Результаты настоящего и последующих исследований процессов накопления человеческого капитала в дореволюционный период позволяют пролить свет на то, насколько она была подготовлена на региональном уровне.

С другой стороны, у нас очень мало данных о становлении и развитии российского образования в доиндустриальный период российской премодернизации. Практически весь XVIII в. и до «великих реформ» 1860-х гг. оно развивалось с незначительного уровня, в очень узком сегменте, периодическими волнами (резкие всплески активности в ходе реформ Петра I, Екатерины II, Александра I), но за длительное время подготовило запуск современного экономического роста в 1880-е гг.

Перспективы дальнейших компаративных исследований экономического развития российских регионов видятся в расширении их выборки (в том числе за пределами европейской части страны) с тестированием сделанных на малых выборках выводов и гипотез, введении новых прокси-индикаторов показателей экономического развития и раскрытии их информационного потенциала на расширенных выборках.

Библиография

- Baten J., Hippe R.* Geography, land inequality and regional numeracy in Europe in historical perspective // *Journal of Economic Growth*. 2018. Vol. 23. No 1; <https://doi.org/10.1007/s10887-017-9151-1>.
- Becker S.O., Cinnirella F., Hornung E., Woessmann L.* iPEHD — The Ifo Prussian economic history database // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*. 2014. Vol. 47. No 2 (данные: <https://www.cesifo-group.de/ifoHome/facts/iPEHD-Ifo-Prussian-Economic-History-Database.html>).
- Bertola G., Sestito P.* A Comparative Perspective on Italy's Human Capital Accumulation. Bank of Italy. Economic History Working Papers. 2011. No 6.
- Broadberry S.N.* Market Services and the Productivity Race, 1850–2000: Britain in International Perspective. Cambridge, 2009.
- Castelló-Climent A., Doménech R.* Human Capital Inequality, Life Expectancy and Economic Growth // *The Economic Journal*. 2008. Vol. 118. No 528.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A.* (2017). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // *The Review of Economic Studies*. 2017. Vol. 84. No 2 + Online Appendix. <https://doi.org/10.1093/restud/rdw026>.
- Clio Infrastructure / Global History Hubs. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clio-infra.eu>.
- Crafts N.F.R.* British Economic Growth during the Industrial Revolution. Oxford, 1985.
- Crayen D., Baten J.* New Evidence and New Methods to Measure Human Capital Inequality Before and During the Industrial Revolution: France and the US in the Seventeenth to Nineteenth Centuries // *The Economic History Review*. 2010. Vol. 63. No 2.
- De la Escosura L.P., Rosés J.* Human Capital and Economic Growth in Spain, 1850–2000 // *Explorations in Economic History*. 2010. Vol. 47. No 4.
- Didenko D., Földvári P., Van Leeuwen B.* The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset // *Journal of Eurasian Studies*. 2013. Vol. 4. No 2 + Supplementary data. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>.

- Diebolt C., Franzmann G., Hippe R., Sensch J.* The power of big data: Historical time series on German education // *Journal of Demographic Economics*. 2017. Vol. 83. No 3. (данные: <https://histat.gesis.org>).
- Diebolt C., Hippe R.* Regional human capital inequality in Europe in the long-run, 1850–2010 // *Région et Développement*. 2017. No 45.
- Diebolt C., Hippe R.* Remoteness equals backwardness? Human capital and market access in the European regions: insights from the long run // *Education Economics*. 2018. Vol. 26. No 3.
- Easterly W., Fischer S.* The Soviet economic decline: Historical and Republican data. dataset // *World Bank Economic Review*. 1995. Vol. 9. No 3. (данные: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/wps1284-soviet-economic-decline>).
- Felice E.* Regional Convergence in Italy (1891–2001): Testing Human and Social Capital // *Cliometrica*. 2012. Vol. 6. No 3.
- Godo Y.* Catch-Up Sustainable Economic Growth and Education Stock in East Asia // *Industrial Policy and Sustainable Growth. Sustainable Development* / ed. by M.A. Yülek. Singapore, 2018.
- Godo Y., Hayami Y.* Catching-Up in Education in the Economic Catch-Up of Japan with the United States, 1890–1990 // *Economic Development and Cultural Change*. 2002. Vol. 50. No 4.
- Godo Y., Hayami Y.* The Role of Education in the Economic Catch-Up: Comparative Growth Experiences from Japan, Korea, Taiwan, and the United States // *The Miraculous Growth and Stagnation of Post-War Japan: Lessons from the Post-War Japanese Development Experience* / ed. by Hamada K., Otsuka K., Ranis G., Togo K. Oxon, 2011.
- Johnson W.H.E.* Russia's educational heritage. Pittsburg (Pennsylvania), 1950.
- Kaser M.* Education in Tsarist and Soviet Development // *Essays in Honour of E.H. Carr* / ed. by C. Abramsky. London, 1974.
- Kuznets S.* Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven; London, 1966.
- Ljungberg J., Nilsson A.* Human capital and economic growth: Sweden 1870–2000 // *Cliometrica*. 2009. No 3.
- Markevich A.* A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire. 2019. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2555273>.
- Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. No 4.
- Naftziger S.* Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia // *European Review of Economic History*. 2011. Vol. 15. No 3.
- Naftziger S.* Decentralization, Fiscal Structure, and Local State Capacity in Late-Imperial Russia // *Economic History of Warfare and State Formation* / ed. by J. Eloranta, A. Markevich, E. Golson, N. Wolf. Springer, Singapore, 2016.
- Nathkov T.* Colonization and development: The long-term effect of Russian settlement in the North Caucasus, 1890s–2000s // *Journal of Comparative Economics*. 2015. Vol. 43. No 1.
- Schultz T.W.* The Economic Value of Education. N.Y., 1963.
- Van Leeuwen B., Didenko D., Földvári P.* Inspiration versus perspiration in economic development of the Former Soviet Union and China (ca. 1920–2010) // *Economics of Transition*. 2015. Vol. 23. No 1.
- Weil D.N.* Health and Economic Growth // *Handbook of Economic Growth*. Vol. 2 / ed. by Aghion P., Durlauf S.N. Amsterdam, 2014.
- Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
- Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия: История — статистика. Т. 1. СПб.: Общественная Польза, 1882. 293 с.
- Бражникова А.С.* // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 12 (303). История. Вып. 55. С. 83–89.
- Бычков Н.М.* Финансы крупнейших русских городов. М.: Гор. тип., 1894. 139 с.
- Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. Москва ; Л.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.
- Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Изд. дом Дело, 2015. 535 с. [1962, 1968].
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX в. — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 255 с. [1982, 1994].
- Диденко Д.В.* Интеллектуалоемкая экономика: Человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб.: Алетейя, 2015. 407 с.
- Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // *Проблемы архивоведения и источниковедения*. Л.: Наука, 1964. С. 227–246.

- Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование / пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. 275 с.
- Кесслер Х., Маркевич А. (2014–2019) Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://ristat.org/>.
- Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 50–53.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок (XVIII — начало XX вв.): Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.
- Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.
- Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. 2-е изд. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с
- Миронов Б.Н. Грамотность в России 1797–1917 годов // История СССР. 1985. № 4. С. 137–153.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х тт. СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2014–2015.
- Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 111–125.
- Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Краткий справочник. М.: Издательство: «Центральное статистическое управление», 1924.
- Обзор Архангельской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Архангельск, 1871–1916.
- Обзор Вологодской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Вологда, 1871–1915.
- Обзор Воронежской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Воронеж, 1872–1916.
- Обзор Вятской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Вятка, 1871–1916.
- Обзор Екатеринославской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Екатеринослав, 1890–1913.
- Обзор Калужской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Калуга, 1871–1915.
- Обзор Курской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Курск, 1870–1916.
- Обзор Новгородской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Новгород, 1871–1916.
- Обзор Пензенской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Пенза, 1880–1915.
- Обзор Пермской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Пермь, 1870–1916.
- Обзор Псковской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Псков, 1871–1911.
- Обзор Рязанской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Рязань, 1871–1915.
- Обзор Саратовской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Саратов, 1871–1915.
- Обзор Смоленской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Смоленск, 1871–1915.
- Обзор Тамбовской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Тамбов, 1871–1911.
- Обзор Ярославской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету. Ярославль, 1872–1915.
- Проект «Динамика экономического и социального развития России в XIX — начале XX вв.». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Dynamics/index.html> (Дата обращения: апрель 2018 г.).
- Раздорский А.И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников). 1870–1916: Сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 913 с.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки / под ред. академика С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Ростов В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: Прегер, 1961. 236 с.
- Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 16. Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1886.
- Статистический ежегодник на 1914 г. Год издания третий / под ред. В.И. Шараго. СПб.: Совет съездов представителей промышленности и торговли, 1914.
- Хрулёв С.С. Финансы России в связи с экономическим положением ее населения. СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1908. 297 с.
- Ярцев А.А. Губернаторские отчеты как источник по истории самоуправления в Российской империи // Калининградские архивы. 2015. № 12. С. 16–25.
- Яснопольский Н.П. Приложения к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России: Статистические таблицы, картограммы и диаграммы. Ч. 2. Киев: тип. Ун-та св. Владимира : В.И. Звадского, 1897. 119 л. карт., табл.

Рукоуев Е.Ю.

Шумкин Г.Н.*

Процессы индустриализации в золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX — начале XX века (по материалам статистических обзоров Горного ученого комитета)¹

Аннотация. В статье изучается техническое и технологическое развитие золотоплатиновой промышленности Урала на рубеже XIX–XX веков. Рассмотрены три типа золота, добывавшегося на промыслах Урала: жильное, россыпное и химическое. По каждому из этих типов золота показаны изменения в способах добычи и извлечения из золотосодержащих пород. Делается вывод, что в технологических процессах добычи благородных металлов на Урале происходил процесс индустриализации.

Ключевые слова: золотодобывающая промышленность Урала, индустриализация, научно-техническая революция.

Индустриализация, т.е. процесс вытеснения ручного труда машинной техникой², является основным направлением трансформации промышленности XIX–XX вв. В ходе индустриализации растет производительность труда, растет валовой выпуск продукции, появляются новые технологии, а вслед за ними — новые виды продукции, новые рынки и новые отрасли промышленности. Однако эти эффекты индустриализации в каждой отрасли проявляются в своих специфических формах. В металлургической промышленности они наиболее ярко проявились в черной металлургии; в горнодобывающей — в добыче минеральных углеводородов (каменного угля и нефти). В этих отраслях наблюдался быстрый рост основных производственных показателей (выпуска продукции, производительности труда), вследствие чего они оказали определяющее влияние на развитие всей экономики — не слу-

* Рукоуев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН).

Шумкин Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН), shumk@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00611а.

² *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы цивилизации. М., 2006. С. 134.

чайно XIX в. получил неофициальное название «века угля и стали», а XX в. стал «столетием нефти».

Существенно слабее процесс индустриализации был выражен в добыче благородных металлов. Это вполне объяснимо — данные производства имеют преимущественно ручной характер, а динамика добычи зависит, прежде всего, от богатства разведанных месторождений; поэтому проследить влияние новой техники и технологий в этих отраслях весьма затруднительно. Тем не менее, добыча благородных металлов не находилась на обочине технического прогресса. По данным литературы хорошо известно, что во второй половине XIX — начале XX вв. в этой отрасли внедрялись различные механизмы, приводимые в движение паровыми машинами (драги), а в начале XX в. и электродвигателями, энергией сжатого воздуха (перфораторы, насосы и т.д.), вводились научно разработанные методы химического синтеза³. В связи с этим, возникает вопрос: какую роль сыграли новые техника и технологии в развитии добычи благородных металлов?

Цель данного исследования — ответить на данный вопрос в отношении золотоплатиновой промышленности Урала. Выбор Урала в качестве объекта исследования обусловлен тем, что он являлся важнейшим регионом горнозаводской промышленности в России. Урал занимал второе место в России (после Восточной Сибири) по объемам добычи золота (от 20 до 30 % в конце XIX — начале XX вв.), и он являлся мировым лидером по добыче платины (около 95 %).

В качестве инструмента анализа мы использовали модель производственной функции Ж.-Б. Сея, являющуюся в экономической теории наиболее известной схемой, описывающей производственные процессы: $Q = f(L, T, K)$. Она выражает прямую зависимость количества изготовленной продукции (Q) от количества используемых ресурсов (факторов производства): труда (L), земли (природных ресурсов) (T) и капитала (K). С позиции данной модели индустриализация представляет собой замещение труда (L) капиталом (K). Проявляется данный эффект, прежде всего, в росте выпуска продукции (Q) и в росте производительности труда (Q/L). Фактор земля (T), как правило, не учитывается. Однако в горнодобывающей промышленности исключать из анализа этот ресурс нельзя; для этой отрасли он является детерминантой, определяющей локализацию производства, его масштабы, технологии и многое другое. Для этого ресурса характерен закон убывающей предельной производительности, согласно которому каждая дополнительная (предельная) единица ресурса, вовлекаемая в производство, создает меньшее количество продукта, чем предыдущая; иначе говоря, вначале осваиваются более богатые и более удобные месторождения, а затем все остальные — производство развивается от лучших условий к худшим.

В работе использовались делопроизводственная и отчетная документация институтов государственного контроля за предприятиями золотоплатиновой промышленности; периодика второй половины XIX — начала XX вв. Но основным источником послужили ежегодные статистические обзоры Горного

³ Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней*. М., 2008. С. 433–436, 466–469; Рукоусев Е.Ю. *Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв.* Екатеринбург, 2004. С. 44–65.

ученого комитета (до 1885 г. издавались под названием «Горнозаводская производительность России», затем — «Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России»). Они включают сведения об объеме переработанной породы; количестве добытого металла; содержании металла в породе; количестве рабочих на приисках; оборудовании приисков. И хотя информация об оборудовании очень скудна (в источниках содержатся сведения только о том оборудовании, которое использовалось при промывке породы — чаши, ручные станки, бегуны, американки, драги, либо указывается, что порода перерабатывалась на золотопромывальной фабрике, без уточнения, какими механизмами она оборудована); с помощью сведений о численности рабочих (т.е. о количестве фактора «труд» (L)), об объемах переработанной породы (Q_T) и добытых золоте и платине (Q) можно косвенно оценить степень влияния новой техники и технологий на золотоплатиновую промышленность и определить мотивы их внедрения в производство.

***

Вначале рассмотрим общую динамику добычи золота и платины во второй половине XIX — начале XX вв., выделим тенденции в развитии, которые могут оказаться признаками индустриализации, определим временные рамки, в которых процессы индустриализации протекали наиболее интенсивно. Поскольку большинство предприятий, добывавших одновременно золото и платину, предоставляли общие данные о количества рабочих и объемах переработанной породы, объединим данные о количестве добытых золота и платины в единый показатель (см. Таблицу 1). Для наглядности сведения, представленные в Таблице 1, показаны также в виде графиков, в которых показатели за 1890 г. взяты за 100 %; графики на рис. 1 отражают динамику абсолютных показателей: численности занятых рабочих (L), объемов переработанной породы (Q_T) и количества добытого золота и платины (Q); графики на рисунке 2 — динамику относительных показателей: производительности труда — количество добытого золота и платины на одного рабочего (Q/L) и объемов переработанной породы на одного рабочего (Q_T/L) и «производительности» земли — содержания золота и платины в породе (Q/Q_T).

Таблица 1.

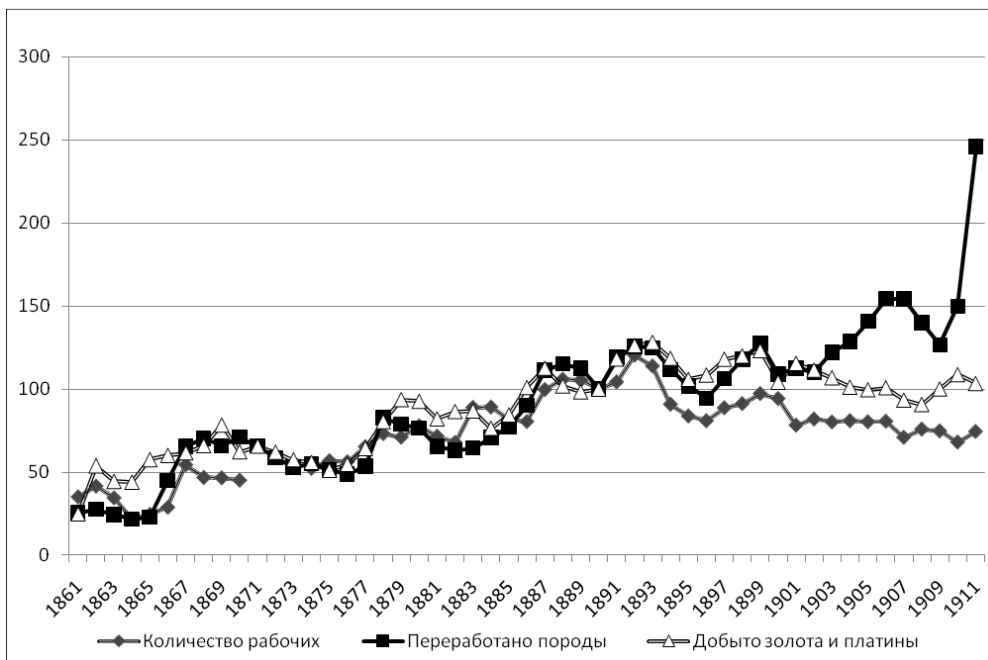
Золотоплатиновая промышленность Урала 1861–1911 гг.

	Количество рабочих	Переработано породы	Добыто золота и платины	Добыто золота и платины на одного рабочего	Переработано породы на одного рабочего	Содержание золота и платины в породе
	(L)	(QT)	(Q)	(Q/L)	(QT/L)	(Q/QT)
	человек	млн пуд	фунт	фунт /чел	тыс. пуд /чел.	фунт/ млн пуд
1861	17 545	131,8	8 065,8	0,46	7,5	61,2
1862	20 756	142,9	17 555,8	0,85	6,9	122,9
1863	17 249	126,8	14 480,6	0,84	7,3	114,2
1864	10 939	112,6	14 328,3	1,31	10,3	127,2

	Количество рабочих	Переработано породы	Добыто золота и платины	Добыто золота и платины на одного рабочего	Переработано породы на одного рабочего	Содержание золота и платины в породе
1865	12 291	118,2	18 765,2	1,53	9,6	158,7
1866	14 420	232,5	19 592,9	1,36	16,1	84,3
1867	27 189	339,3	20 109,1	0,74	12,5	59,3
1868	23 367	364,1	21 512,5	0,92	15,6	59,1
1869	23 261	341,7	25 590,9	1,10	14,7	74,9
1870	22 550	368,3	20 290,7	0,90	16,3	55,1
1871	–	341,0	21 440,1	–	–	62,9
1872	–	304,3	20 228,3	–	–	66,5
1873	–	275,0	18 744,6	–	–	68,2
1874	26 077	285,0	18 202,1	0,70	10,9	63,9
1875	28 405	266,6	16 662,0	0,59	9,4	62,5
1876	28 062	253,8	17 826,9	0,64	9,0	70,2
1877	32 631	277,0	20 958,3	0,64	8,5	75,7
1878	36 526	428,5	26 233,1	0,72	11,7	61,2
1879	35 465	408,8	30 573,8	0,86	11,5	74,8
1880	38 865	396,9	30 252,3	0,78	10,2	76,2
1881	35 741	339,9	26 768,6	0,75	9,5	78,7
1882	33 847	327,1	28 234,0	0,83	9,7	86,3
1883	44 389	334,8	28 364,6	0,64	7,5	84,7
1884	44 466	366,9	24 921,9	0,56	8,3	67,9
1885	40 697	400,3	27 566,5	0,68	9,8	68,9
1886	40 132	467,2	32 949,7	0,82	11,6	70,5
1887	49 745	577,4	36 754,3	0,74	11,6	63,7
1888	52 801	597,2	33 261,2	0,63	11,3	55,7
1889	52 527	583,3	32 086,0	0,61	11,1	55,0
1890	49 939	518,5	32 647,9	0,65	10,4	63,0
1891	52 024	617,6	38 544,0	0,74	11,9	62,4
1892	60 004	651,8	41 212,1	0,69	10,9	63,2
1893	56 793	647,0	41 843,1	0,74	11,4	64,7
1894	45 320	579,1	38 690,3	0,85	12,8	66,8
1895	41 810	527,7	34 552,1	0,83	12,6	65,5
1896	40 396	489,6	35 405,3	0,88	12,1	72,3

	Количество рабочих	Переработано породы	Добыто золота и платины	Добыто золота и платины на одного рабочего	Переработано породы на одного рабочего	Содержание золота и платины в породе
1897	44 273	551,6	38 536,5	0,87	12,5	69,9
1898	45 517	612,0	39 170,4	0,86	13,4	64,0
1899	48 512	660,3	40 218,0	0,83	13,6	60,9
1900	47 040	564,8	34 010,7	0,72	12,0	60,2
1901	39 046	584,4	37 708,2	0,97	15,0	64,5
1902	40 889	570,3	36 382,7	0,89	13,9	63,8
1903	39 999	632,7	34 869,0	0,87	15,8	55,1
1904	40 388	666,4	33 020,7	0,82	16,5	49,5
1905	40 053	730,2	32 515,3	0,81	18,2	44,5
1906	40 235	800,8	32 920,8	0,82	19,9	41,1
1907	35 416	798,9	30 473,8	0,86	22,6	38,1
1908	37 858	726,4	29 632,8	0,78	19,2	40,8
1909	37 332	656,2	32 669,1	0,88	17,6	49,8
1910	33 973	776,9	35 487,2	1,04	22,9	45,7
1911	37 170	1 274,8	33 727,8	0,91	34,3	26,5

Источники: Горнозаводская производительность России в 1866 году // Горный журнал. 1868. Т. 3. № 8. С. 315, 338; То же ... в 1868 году // Горный журнал. 1870. Т. 3. № 7. С. 505–506; То же ... в 1869 году // Горный журнал. 1871. Т. 4. № 11. С. 313–314; То же ... в 1870 году // Горный журнал. 1872. Т. 3. № 9. С. 532–533; То же ... в 1871 году // Горный журнал. 1873. Т. 3. № 9. С. 325; То же ... в 1872 году // Горный журнал. 1874. Т. 3. № 9. С. 334; То же ... в 1873 году // Горный журнал. 1875. Т. 3. № 9. С. 311; То же ... в 1874 году // Горный журнал. 1876. Т. 3. № 9. С. 330, 365; То же ... в 1875 году // Горный журнал. 1877. Т. 2. № 5–6. С. 257, 259, 315; То же ... в 1876 году // Горный журнал. 1878. Т. 2. № 4–5. С. 127, 129, 192; То же ... в 1877 году // Горный журнал. 1879. Т. 2. № 4. С. 73, 75, 142; То же ... в 1878 году // Горный журнал. 1880. Т. 2. № 4–5. С. 155–156, 158, 238; То же ... в 1879 году // Горный журнал. 1881. Т. 2. № 4–5. С. 155–156, 158, 242; То же ... в 1880 году // Горный журнал. 1882. Т. 2. № 4–5. С. 165–167, 169, 249; То же ... в 1881 году // Горный журнал. 1883. Т. 2. № 5. С. 212–214, 216, 295; То же ... в 1882 году. СПб., 1884. С. 243, 255; То же ... в 1883 году. СПб., 1885. С. 139, 146; То же ... в 1884 году. СПб., 1886. С. 91, 96; То же ... в 1885 году. Ч. 1. СПб., 1887. С. 51, 135; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 24, 109; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1886 году. СПб., 1888. С. 55, 139; То же ... в 1887 году. СПб., 1890. С. 59, 133; То же ... в 1888 году. СПб., 1891. С. 73, 153; То же ... в 1889 году. Ч. 1. СПб., 1892. С. 67, 143; То же ... в 1890 году. СПб., 1892. С. 55, 127; То же ... в 1891 году. СПб., 1893. С. 65, 143; То же ... в 1892 году. СПб., 1895. С. 67, 159; То же ... в 1893 году. СПб., 1896. С. 67, 167; То же ... в 1894 году. СПб., 1896. С. 77, 191; То же ... в 1895 году. СПб., 1897. С. 73, 183; То же ... в 1896 году. СПб., 1899. С. 73, 203; То же ... в 1897 году. СПб., 1899. С. 73, 185; То же ... в 1898 году. СПб., 1900. С. 79, 183; То же ... в 1899 году. СПб., 1901. С. 81, 184; То же ... в 1900 году. СПб., 1903. С. 83, 201; То же ... в 1901 году. СПб., 1904. С. 87, 189; То же ... в 1902 году. СПб., 1905. С. 81, 211; То же ... в 1903 году. СПб., 1906. С. 83, 211; То же ... в 1904 году. СПб., 1907. С. 103, 237; То же ... в 1905 году. СПб., 1908. С. 95, 223; То же ... в 1906 году. СПб., 1909. С. 81, 203; То же ... в 1907 году. СПб., 1910. С. 75, 205; То же ... в 1908 году. Ч. II. Таблицы. СПб., 1910. С. 77, 235; То же ... в 1909 году. СПб., 1912. С. 83, 251; То же ... в 1910 году. СПб., 1913. С. 71, 203; То же ... в 1911 году. Пг., 1918. С. 71, 221; Сборник статистических сведений по горной части на 1864 год. СПб., 1864. С. 20, 120; То же ... на 1865 год. СПб., 1865. С. 34, 219; То же ... на 1866 год. СПб., 1866. С. 38, 162; То же ... на 1867 год. СПб., 1867. С. 25–26, 110.

Рисунок 1.
Индексы количества рабочих, переработанных пород, добытых золота и платины в процентах (1890 г. — 100 %)

До начала 1890-х гг. добыча золота и платины растет⁴. На рисунке 1 хорошо видно, что до этого времени, графики численности рабочих (L), добычи драгоценных металлов (Q) и объемов перерабатываемых пород (Q_p) практически сливаются; это свидетельствует о том, что объемы добычи напрямую зависели от количества рабочих, занятых в отрасли: $Q=f(L)$. Графики существенно расходятся только в 1861–1867 гг. — в период кризиса, вызванного отменой крепостного права, когда рабочие отказывались работать на прежних условиях. Тогда могли действовать только наиболее рентабельные прииски; поэтому содержание золота и платины в породе, а также производительность труда были вдвое выше, чем в среднем за период 1861–1911 гг. (см. рисунок 2).

⁴ Анализ динамики добычи золота см.: *Рукоуев Е.Ю., Шумкин Г.Н. Золотодобывающая промышленность Урала середины XVIII — начала XX века: периоды развития // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 7–21.*

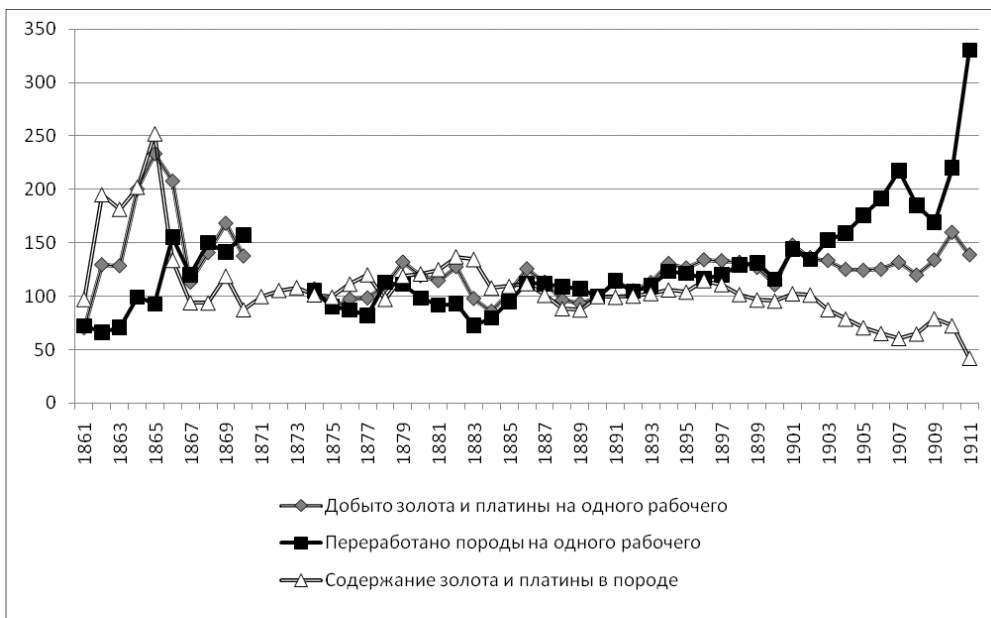

Рисунок 2.

Индексы производительности труда и содержания благородных металлов в породе в процентах (1890 г. — 100%)

С 1893 г. общий тренд в добыче золота и платины переломился — началось постепенное сокращение объемов добычи (рисунок 1). Оно было вызвано истощением месторождений, это хорошо видно по графику содержания золота и платины в породе (Q/Q_T) (рисунок 2). В 1890-е гг. графики «расходятся». Первым от единой линии «отходит» график занятости (L) — он оказывается ниже графиков добычи благородных металлов (Q) и переработанных пород (Q_T). Однако графики занятости (L) и количества добытого золота и платины (Q) остаются параллельны друг другу, это означает, что в 1890-е — 1900-е гг. производительность труда относительно добытых золота и платины (Q/L) была выше, чем в 1870—1880-е гг. — 0,86 фунта на рабочего против 0,7 фунтов, но прямая зависимость объемов добычи от численности рабочих не исчезла.

Иная картина наблюдается в отношении объемов перерабатываемых пород. Уровень добычи золота и платины на рабочего в условиях истощения месторождений мог быть обеспечен только ростом объемов переработки пород (графики содержания золота и платины в породе (Q/Q_T) и переработки породы на одного рабочего являются почти зеркальным отражением друг друга (Q_T/L) (см. рисунок 2)). Рост объемов перерабатываемой породы и в абсолютном выражении (Q_T) и относительно количества рабочих (Q_T/L), начал расти с 1903 г. Производительность труда относительно объемов перерабатываемой породы с 1900 по 1911 гг. выросла в 2,8 раза — с 12 до 34,4 тыс. пудов. Именно этот рост следует рассматривать как признак начавшейся индустриализации в золотоплатиновой промышленности Урала.

Итак, рассмотренный материал позволяет сделать следующие предварительные наблюдения. Первое: если в золотоплатиновой промышленности Урала и был процесс индустриализации, то он проявлялся в специфической форме — не в виде роста производительности труда (Q/L), не в виде роста объемов выпускаемой продукции (Q), а в росте объемов перерабатываемого сырья — как в абсолютных показателях (Q_T) так и при пересчете на одного рабочего (Q_T/L). Тем самым техника и технологии компенсировали истощение месторождений. Иначе говоря, в данной отрасли процесс индустриализации выражался в том, что фактор производства капитал (K) замещал не труд (L), а землю (T) вследствие того, что здесь начал действовать закон убывающей предельной производительности ресурсов. Второе: данный процесс наблюдается на рубеже XIX—XX вв. Ранее развитие отрасли носило экстенсивный характер — прослеживается прямая связь между количеством перерабатываемой породы и численностью рабочих рук. В конце XIX в. новые техника и технологии если и внедрялись, то не оказывали тех эффектов, которые находили бы отражение в отраслевой статистике.

Чтобы проверить наши наблюдения, рассмотрим эффекты, последовавшие в результате внедрения новых техники и технологий в золотоплатиновую промышленность Урала. По особенностям залегания и, соответственно, способу добычи различают три типа золота: жильное, россыпное и химическое. Первый тип добывается из коренных месторождений, образовавшихся после извержения магмы; второй тип — на россыпных месторождениях, возникших в результате эрозии горных пород коренных месторождений; а третий является продуктом повторной переработки отвалов, образовавшихся в процессе эксплуатации коренных и россыпных месторождений, с помощью химических реакций. Платина добывалась, в основном, из россыпных месторождений.

В Таблице 2 и на рисунке 3 представлена динамика добычи золота и платины по способам добычи. Поскольку статистикой Горного ученого комитета данный показатель стал фиксироваться с 1885 г., в таблице приведены сведения с этого года. В 1889—1895 гг. и в 1897 г. химическое золото учитывалось вместе с жильным.

Таблица 2.

Динамика добычи золота и платины по способам добычи

Год	Золото								Платина		Всего золота и платины фунт.
	Россыпное		Жильное		Химическое		Всего		фунт.	% от № 12	
	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 12			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1885	17 630	83,0	3 607	17,0	—	—	21 237	77	6 328	23,0	27565
1886	18 358	81,7	4 049	18,0	70	0,3	22 477	68,1	10 541	31,9	33018
1887	20 777	79,9	4 934	19,0	278	1,1	25 989	70,7	10 764	29,3	36753
1888	20 683	77,7	5 422	20,4	520	2,0	26 625	80,1	6 635	19,9	33260
1889	19 798	77,2	5 856	22,8	—	—	25 654	80	6 430	20,0	32087

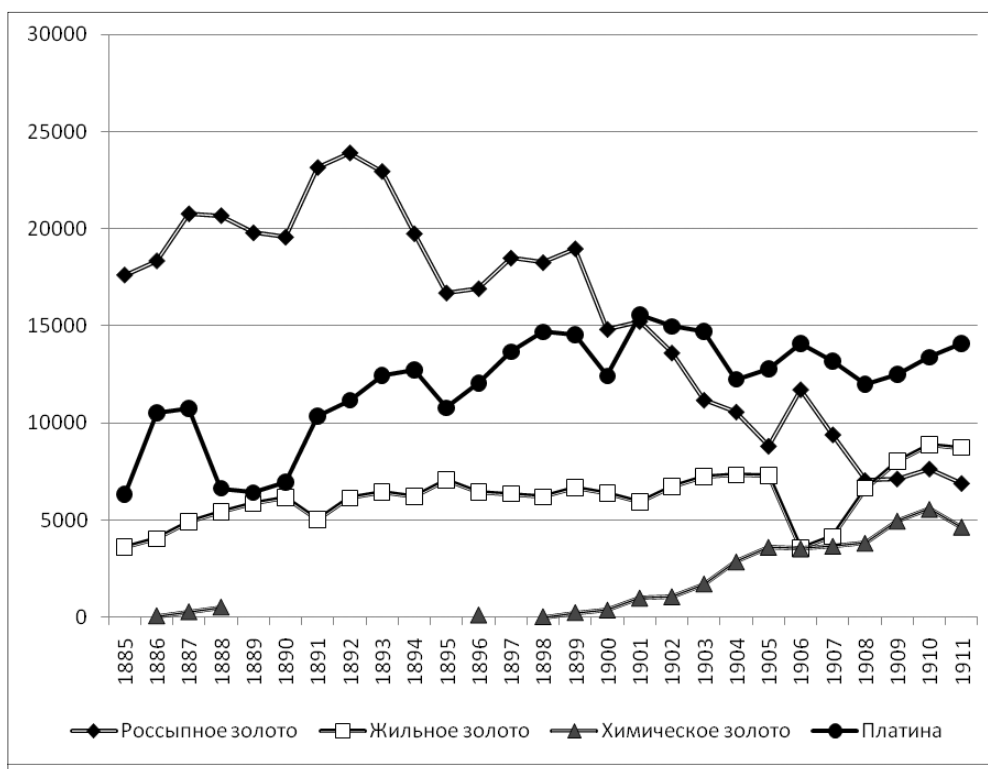
Год	Золото								Платина		Всего золота и платины фунт.
	Россыпное		Жильное		Химическое		Всего		фунт.	% от № 12	
	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 8	фунт.	% от № 12			
1890	19 575	76,1	6 164	23,9	—	—	25 739	78,7	6 946	21,3	32685
1891	23 158	82,1	5 040	17,9	—	—	28 198	73,2	10 344	26,8	38 542
1892	23 905	79,6	6 138	20,4	—	—	30 043	72,9	11 167	27,1	41 210
1893	22 953	78,1	6 443	21,9	—	—	29 396	70,2	12 453	29,8	41 849
1894	19 753	76,1	6 207	23,9	—	—	25 960	67,1	12 720	32,9	38 680
1895	16 704	70,3	7 067	29,7	—	—	23 771	68,8	10 780	31,2	34 551
1896	16 924	72,1	6 441	27,4	106	0,5	23 471	66,1	12 040	33,9	35 511
1897	18 498	74,4	6 355	25,6	—	—	24 853	64,5	13 679	35,5	38 532
1898	18 263	74,6	6 196	25,3	17	0,1	24 476	62,5	14 693	37,5	39 169
1899	18 978	73,3	6 678	25,8	231	0,9	2 887	64	14 560	36,0	40 447
1900	14 829	68,7	6 388	29,6	364	1,7	21581	63,5	12 427	36,5	34 008
1901	15 241	68,8	5 924	26,7	982	4,4	22147	58,7	15 558	41,3	37 705
1902	13 617	63,6	6 728	31,4	1 053	4,9	21398	58,8	14 982	41,2	36 380
1903	11 190	55,5	7 246	36,0	1 716	8,5	20152	57,8	14 715	42,2	34 867
1904	10 581	50,9	7 335	35,3	2 855	13,7	20771	62,9	12 248	37,1	33 019
1905	8 827	44,8	7 285	36,9	3 611	18,3	19723	60,7	12 791	39,3	32 514
1906	11 732	62,4	3 548	18,9	3 531	18,8	18811	57,1	14 108	42,9	32 919
1907	9 414	54,6	4 163	24,1	3 662	21,2	17239	56,6	13 193	43,4	30 432
1908	7 061	40,3	6 644	37,9	3 822	21,8	17527	59,4	11 984	40,6	29 511
1909	7 144	35,4	8 043	39,9	4 970	24,7	20157	61,7	12 501	38,3	32 658
1910	7 656	34,7	8 867	40,1	5 570	25,2	22 093	62,3	13 392	37,7	35 485
1911	6 910	34,0	8 737	43,0	4 658	22,9	20 305	59	14 097	41,0	34 402

Источники: см. примечания к Таблице 1.

Из данных таблицы видно, что основное влияние на общую динамику добычи золота и платины оказывала добыча россыпного золота. Совокупный объем добычи золота и платины достиг максимума в то же время, на какое пришелся пик добычи россыпного золота — начало 1890-х гг. Снижение общей добычи в последующем было обусловлено падением объемов добычи россыпного золота — с 1892 по 1911 гг. они сократились в 3,5 раза. Однако уменьшение совокупного объема продукции золотоплатиновой промышленности было менее масштабным — всего на 30 % в 1893–1908 гг. Это обусловлено тем, что объемы добычи жильного и химического золота росли: в 1885–1893 гг. жильного золота в среднем добывалось 132,3 пуда, 1894–1902 гг. — 161 пуд, в 1902–1911 гг. — 171,8 пуда; извлечение химического золота в 1898–1911 гг. увеличилось более чем в 300 раз —

с 0,4 до 124 пудов. А добыча платины, достигнув в 1901 г. максимума в 388 пудов, затем стагнировала в пределах 300–352 пуда.

Как следствие меняется удельный вес различных способов добычи золота. Промывка золотоносных песков, являвшаяся основным методом добычи золота с 1820-х гг. (в 1885–1893 гг. на долю россыпного золота приходилось $\frac{4}{5}$ всего золота, добытого на Урале), с 1909 г. уступает первенство разработке коренных месторождений (40 % всего количества золота). Доля химического золота достигает к 1910–1911 гг. 23–25 %. Удельный вес платины в общем весе продукции золотоплатиновой промышленности Урала также увеличивается: если в 1885–1893 гг. на него приходилось в среднем 25 %, то в 1901–1911 гг. — 40 %.

Рисунок 3.
Динамика добычи россыпного, жильного и химического золота и платины на Урале в 1885–1911 гг. (фунты)

Источники: см. примечания к Таблице 1.

Разработка песков являлась наиболее легким способом добычи золота, поначалу не требовавшим значительных капиталов. Золотые россыпи находили в речных долинах и, реже, на склонах гор повсеместно вдоль Уральского хребта на 30 верст к западу от него и на 70–150 верст к востоку. Россыпи раз-

рабатывались открытым способом — разрезами и разносами. В зимнее время года добыча либо прекращалась, либо в бортах разреза делались небольшие подземные выработки, которые крепились по всем правилам горного искусства. Вскрытие «торфов» (пустой породы) обычно производилось вручную лопатами, в начале XX в. некоторые прииски стали применять экскаваторы⁵. Добытый песок отвозили на золотопромывальную фабрику. С 60-х гг. XIX в. стали использовать переносные железные дороги, по которым вручную или лошаадьми перевозили вагончики с песком⁶. В начале XX в. этот способ перевозки использовали уже все крупные компании, занятые добычей золота и платины на Урале⁷.

Для промывки песков на Урале применяли вашгерды⁸, ручные станки⁹, бочки¹⁰, американки¹¹, чаши¹². Конструкция данных устройств мало менялась, но их производительность значительно повысилась благодаря начавшейся с 1865 г. замене водяных и конных двигателей на паровые¹³. Это привело к снижению себестоимости добываемого золота и расширению масштабов работ. Более вы-

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 50. Оп. 2. Д. 2218. Л. 131.

⁶ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 24. Л. 37 об.

⁷ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2218. Л. 131, 141.

⁸ Вашгерд (от немецкого *waschen* — мыть, и *herd* — руда) — деревянная наклонная плоскость с бортиками длиной в одну сажень и шириной 1,5 аршина, перегороженная поперечными плинтусами, между которыми стелилась рогожа. В верхней части вашгерда устанавливалась головка — деревянный ящик с перфорированным днищем — в нее насыпали до одного пуда песка и подавали воду. Песок на вашгерде растирали гребенками, легкие частицы уносились водой, а золото оседало на рогоже и плинтусах (ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 72. Л. 102–103).

⁹ Ручной (венгерский) станок — деревянный или чугунный ящик, перегороженный чугунными решетками, под концы которых подведены вашгерды в пять ярусов, расположенные так, что головка каждого последующего вашгерда подводилась под конец предыдущего. При промывке на верхнюю решетку насыпался песок, пускалась вода, при растирании мелкие частицы проскальзывали через отверстия на вашгерд, а оставшаяся галька отправлялась в отвал (ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 72. Л. 103 об.).

¹⁰ Бочки (бутары) предназначались для обработки глинистых песков, которые плохо промывались на вашгердах и станках. Бочки делались железа в виде усеченного конуса с перфорированной поверхностью, внутри на стенки крепились зазубренные железные полосы, а спереди и сзади располагались крестовины, в отверстия которых вставлялся вал. Бочка устанавливалась наклонно, в верхнюю, широкую часть засыпался песок, через узкое нижнее отверстие удалялись камни. В движение бочка приводилась при помощи конного ворота или паровой машины. От вращения песок разбивался зазубренными полосами и вместе с водой проскальзывал на поставленный под бочку шлюз — вашгерд (*Таскин 4-й*. О добыче и промывке песков на частных золотых промыслах // Горный журнал. 1861. Т. 1. № 3. С. 368–370).

¹¹ Американка — длинные (около 3,5 м) деревянные желоба с прибитыми к днищу на некотором расстоянии друг от друга деревянными плинтусами, установленные наклонно и вставленные один в другой, которые вплотную ставились к стенке разреза. На стенку разреза пускалась под давлением мощная струя воды. Промытые золотоносные пески и мелкую гальку вода уносила по желобам в отвалы, а золото и платина оседали на плинтусах, крупную гальку отбрасывали лопатой. См.: *Латкин Н.В.* Об американском способе промывки золотоносных россыпей // Горный журнал. 1866. Т. 4. № 12. С. 540.

¹² Чаши предназначались для обработки вязких песков, изготавливались из железа с решетчатым дном. В них насыпался песок и продавалась вода, песок перетирались железными граблями («гребками»), закрепленными на крестовине. Протертый песок падал через отверстия на шлюз, а крупная галька удалялась после остановки гребков. (*Таскин 4-й*. О добыче и промывке песков... С. 372–374.).

¹³ Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. 69. Оп. 67. Д. 50. Л. 19.

сокая производительность машин позволяла за счет ускорения промывки вовлекать в переработку бедные пески, разработка которых ранее считалась нецелесообразной.

На рубеже XIX–XX вв. стали внедряться драги. Прежде добыча золота со дна озер и рек велась вручную (старатели, находясь на плоту, доставали песок со дна рек, черпаками, насаженными на длинные шесты¹⁴), либо промышленники осушали русла с помощью каналов и затем разрабатывали золотоносные отложения обычными разрезами. На Урале первая драга (из Голландии) появилась в 1900 г. на прииске Неожиданном на реке Ис. В 1902 г. строительством драг занялся Невьянский завод. В 1902–1918 гг. он изготовил 27 драг новозеландского типа, в т.ч. 16 для Урала¹⁵. В 1903 г. драги начал выпускать Путиловский завод в Петербурге. С 1903 по 1914 г. он построил 16 драг, из них 12 для Урала¹⁶. Всего в России до революции было изготовлено 97 драг, из них 51 работала на Урале. Наряду с отечественными, на Урале устанавливались драги, привезенные из-за границы¹⁷.

Драга была плавучей фабрикой для извлечения золота и платины со дна рек и озер. Ее основой был понтон, к которому крепился корпус. Внутри корпуса устанавливались оборудование для добычи и промывки песков — черпаки, бутары или чаши. Все драги проводились в движение паровыми машинами; а с 1915 г. на Кытлымском прииске Акционерного общества Николае-Павдинского горного округа стали устанавливать американские драги с электрическим приводом, для обеспечения их электроэнергией была построена электростанция мощностью 500 кВт.

Благодаря низкой осадке драги добывали песок не только со дна озер и рек, но и из берегов. Практически все процессы работы драги, кроме снятия золота, были механизированы, что было особенно важно на севере Урала, где имела широко разветвленная речная сеть, позволявшая вести дражную добычу золота и платины, но постоянно ощущался недостаток рабочих рук. Обслуживали драги профессиональные рабочие, которые находились при ней постоянно в течение всего рабочего года — в отличие от рабочих на приисках, которые зимой расходились по домам; в зимнее время экипаж драги занимался ремонтом механизмов¹⁸.

Чтобы определить эффект от внедрения драг, сравним показатели добычи россыпного золота и платины в Пермской губернии (там, где драги получили распространение) до появления дражного промысла — в 1898 г. и после его распространения — в 1911 г. (см. Таблицу 3). По отношению к золотоплатиновой промышленности Урала на долю Пермской губернии приходилось все 100 % добывавшейся на Урале платины, 62 % россыпного золота в 1898 г. и 55 % — в 1911 г.

¹⁴ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 341. Л. 144.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 49. Оп. 1. Д. 49. Л. 12, 71–71 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 48. Л. 136.

¹⁷ Гойер Е.Г. Очерк развития дражного дела на Урале // Урал. Технично-экономический сборник. Вып. 3. Екатеринбург, 1922. С. 3–9.

¹⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.

Таблица 3.

**Добыча россыпного золота и платины в Пермской губернии
в 1898 и 1911 гг.**

Округа	Количество			Производительность труда		Содержание золота и платины в породе	
	рабочих	переработанной породы	добытого золота и платины	Породы на одного рабочего	Золота и платины на одного рабочего		
	чел.	тыс. пуд.	фунт.	тыс. пуд / чел.	фунт./ чел.		фунт. / млн пуд.
1898 г.							
V Верхотурский	11 992	206 915,6	15 893,2	17,3	1,3	76,8	
VI Восточно-Екатеринбургский	7 652	153 879,2	5 406,2	20,1	0,7	35,1	
III Западно-Екатеринбургский	1 008	14 244,7	577,8	14,1	0,6	40,6	
II Пермский	2 153	36 896,6	4 165,2	17,1	1,9	112,9	
Итого	22 805	411 936,1	26 042,4	18,1	1,1	63,2	
1911 г.							
Южно- Верхотурский	всего	11 510	763 272,8	10 183,8	66,3	0,9	13,3
	16 драг	2 455	61 645,7	6 144,3	251,1	2,5	10,0
	прочие	9 055	146 816,3	4 039,5	16,2	0,4	27,5
Северо- Верхотурский	всего	2 168	92 615,8	2 065,49	42,7	1,0	22,3
	4 драги	127	48 840	884,9	384,6	7,0	18,1
	прочие	2 041	43 775,8	1 180,59	21,4	0,6	27,0
Пермский	2 драги	2 045	42 648,2	3 055,75	20,9	1,5	71,7
Чердынский	прочие	611	13 308	529,9	21,8	0,9	39,8
Северо- Екатеринбургский	всего	1 825	209 214,8	1 839,2	114,6	1,0	8,8
	8 драг	180	178 062	609,4	989,2	3,4	3,4
	прочие	1 645	31 152,8	1 229,8	18,9	0,7	39,5
Южно- Екатеринбургский	всего	569	11 432,9	257,7	20,1	0,5	22,5
	1 драга	272	11 301,4	254,9	41,5	0,9	22,6
	прочие	297	131,5	2,8	0,4	0,01	21,3
Итого	всего	18 728	113 249,3	17 931,8	60,5	1,0	15,8
	31 драга	5 079	897 308,6	10 949,2	176,7	2,2	12,2
	без драг	13 649	235 184,4	6 982,6	17,2	0,5	29,7

Источники: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1898 году. СПб., 1900. С. 2–33, 176–183; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. С. 2–35, 200–221.

За 13 лет основные производственные показатели добычи россыпного золота и платины традиционными методами ухудшились. Объем переработанной породы, приходящийся на одного рабочего, уменьшился на 5 % (с 18,1 до 17,2 тыс. пуд./чел.), но из-за того, что содержание золота в породе сократилось более чем в два раза — с 63,2 до 29,7 фунт. в млн пуд.; добыча золота и платины на одного рабочего также сократилась более чем в два раза — с 1,1 до 0,5 фунт./чел. В 1911 г. на традиционные методы приходилось только 39% совокупного веса россыпного золота и платины, добытых в Пермской губернии, остальное добывалось с помощью драг.

В 1911 г. на Урале работала 31 драга. На тех приисках, где эти драги действовали, было занято 5 тыс. чел. (27 %), перерабатывалось 897 млн пуд. породы (80%) и было добыто 273 пуда россыпного золота и платины (61 % добытых в Пермской губернии). На приисках, использовавших драги, производительность труда относительно добытых металлов была в 4,4 раза больше, чем на приисках, использовавших традиционные технологии, а относительно объемов переработанной породы — в 10 раз больше.

Если бы в начале XX в. дражный промысел не получил бы развития, то в 1911 г. вес платины и россыпного золота, добытого на Урале был бы вдвое меньше (251,4 а не 525,2 пуд.), а общий вес всего золота и платины был бы меньше на 1/3 (586,3 а не 860,1 пуд.).

Коренные месторождения представляют собой золотые жилы, которые проходят внутри кварцевых полос. На Урале они расположены неравномерно; наиболее значительные из них находились в Березовском, Кочкаре и Джетыгаре.

Жильное золото добывалось в шахтах. Работа в них велась «полотьями» или «потолочной разработкой». Вначале шахту прокладывали в глубину до конца кварцевого слоя или до уровня грунтовых вод (в Березовском глубина выработок достигала 22 саженей (47 м)¹⁹, в Кочкарской системе — 25 саженей (53,5 м)²⁰, на Айдырлинских приисках — 60 саженей (128 м)²¹). Внизу шахты делали «высечку» на жилу, которую выработывали штреками. Дойдя до конца жилы, делали «заработку» вверх, поднимались на следующий этаж, настилали пол и вынимали жилу в обратном направлении, затем поднимались на третий этаж, заваливая пустой породой нижние этажи. Золотоносный кварц добывали вручную — лопатами, ломом, кирками и другим инструментом²², но в начале XX в. стали применять алмазное бурение²³ и использовать перфораторы, которые вместе с компрессорами приобретались за границей²⁴. Если порода была крепкой, бурились шпурь, и ее подрывали порохом. С 1870-х гг. вместо дымного пороха стали применять динамит, а на рубеже XIX–XX вв. использовалось уже 39 различных видов взрывчатки²⁵. В конце XIX — начале XX в. для спуска и подъема рабочих в шахты вместо лестниц стали использовать механические клетки²⁶.

¹⁹ *Окладных I-й*. О золотых рудниках, принадлежащих к управлению Березовского завода // Горный журнал. 1862. Т. 4. № 11. С. 278.

²⁰ *Девя М.* Краткий исторический очерк разработки коренных месторождений золота на приисках Кочкарской системы. СПб., 1896. С. 11.

²¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 156. Оп. 3. Д. 3. Л. 2–3.

²² ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 63. Л. 10 об.

²³ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 94. Л. 300.

²⁴ ГАОО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 3. Л. 2; Д. 88. Л. 56.

²⁵ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 174. Оп. 1. Д. 97. Л. 51.

²⁶ ГАОО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 3. Л. 2.

Вместо ручных или конских ворот добытую руду начали поднимать механическими рудоподъемниками²⁷. Поднятую на поверхность руду в золотоизвлекательных фабриках измельчали толчеями²⁸ или бегунами²⁹, а мелочь затем промывали на вашгердах. В конце XIX в., благодаря применению паровых машин, вес и производительность бегунов выросли.

Таким образом, в начале XX в. индустриальная техника и технологии охватили все стадии добычи жильного золота. Как отразились данные изменения на добыче жильного золота? В Таблице 4 показано, как изменились производственные показатели на приисках Кочкарской системы, расположенной на землях Кособродской станицы Оренбургского казачьего войска, в 1911 г. по сравнению с 1898 г. За это время вследствие истощения месторождений доля золота в породе сократилась на 26 % (с 310,2 до 229,5 фунт./млн пуд.), а добыча золота упала на 19 % (с 74 до 60 пудов). Но численность рабочих, занятых на производстве, сократилось еще больше — на 38 % (с 4 280 до 2 651 человек), что свидетельствует о вытеснении ручного труда механизмами. Рельефнее эта тенденция проявляется в следующих показателях: объем переработанных пород вырос на 10% — с 9,5 млн пуд до 10,5 млн пуд, количество золота добытого на одного рабочего выросло на 31% — с 0,7 до 0,9 фунта, объем переработанных пород в пересчете на одного рабочего вырос на 77 % — с 2,2 до 3,9 тыс. пуд. Все это свидетельствует о росте производительности труда, о вытеснении труда капиталом, об индустриализации. Но в условиях истощения месторождений этот процесс не проявился в том показателе, который, как правило, ассоциируется с индустриализацией — не проявился в росте выпуска продукции.

Таблица 4.

Добыча жильного золота на приисках в районе Кособродской станицы Оренбургского казачьего войска в 1898 и 1911 гг.

Показатель	Единица измерения	1898	1911	рост (в %)
количество рабочих	чел.	4 280	2 651	-38,1
переработано породы	тыс. пуд	9 538,7	10 463,5	9,7
добыто золота	фунт	2 958	2402	-18,8
переработано породы на 1 рабочего	тыс. пуд/ чел.	2,2	3,9	77,2
добыча золота на 1 рабочего	фунт/чел	0,7	0,9	31,1
золота в породе	фунт/ млн пуд.	310,2	229,5	-26,0

Источники: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1898 году. СПб., 1900. С. 44–53; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. С. 38–47.

²⁷ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 170. Л. 4–7.

²⁸ Толчея состояла из двух ступ, в каждой ступе по пять деревянных пестов с чугунными оковками на концах. Песты приводились в движение горизонтальным валом, соединенным с водяным колесом, за один оборот вала песты трижды поднимались и опускались — от 35 до 40 раз в минуту (ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 72. Л. 100–100 об.).

²⁹ Бегуны представляли собой два каменных жернова диаметром в 2 аршина (1,42 м), вертикально поставленные, насаженные на деревянную ось и помещенные в каменную чашу. Ось проходила через вертикальный вал, к валу крепилось водило, к которому припрягалась лошадь. Измельчение было сухое, число оборотов в минуту не превышало двух–трех. В сутки измельчалось до 150 пудов. С 1870 г. на каменные жернова и чаши стали заменять катками и чашами из чугуна. См.: Рожновский А.А. Способы добычи и извлечения золота... С. 102; Деву М. Краткий исторический очерк... С. 7.

Если бы в 1911 г. сохранился уровень производительности 1898 г., то вместо 2 402 фунтов золота 4 280 рабочих (сколько было занято в 1898 г.) добыли бы на 8 % меньше — 2 189 фунта, а 2 651 рабочих (сколько было занято в 1911 г.) — на 43 % меньше — только 1 356 фунтов.

Третий тип золота — химический — является прямым результатом второй индустриальной (промышленной) революции, начавшейся в середине XIX в. Если первая революция базировалась на изобретениях (паровая машина, механическая прялка и т.п.), то вторая — на научных открытиях. Одним из важнейших направлений второй промышленной революции стало развитие технологий химического синтеза. Причиной к внедрению новейшей технологии послужило истощение месторождений россыпного золота, которое на Среднем Урале стали испытывать в 80-х гг. XIX в. Между тем рядом с действующими и заброшенными приисками скапливались горы промытых песков — эфелей. Их полагалось сваливать отдельными кучами, не смешивая с пустой породой. Иногда старателям позволяли промывать эти отвалы, но большей частью они лежали без дела. Каждый год в России промывалось более миллиарда пудов песка³⁰. Извлечь золото из эфелей можно было, только применив принципиально новые способы добычи.

В 1886 г. инженер Е.П. Зеленков взял в аренду у Новикова отвалы Успенского прииска в Троицком уезде Оренбургской губернии и построил первый на Урале завод извлечения золота хлоринацией по методу Платнера. Завод состоял из трех отделений: обогатительного, обжигового и гидрометаллургического. В обогатительном отделении слежавшиеся в комки эфеля растирались на жерновах и промывались. Затем эфеля поступали в обжиговое отделение, где в ходе обжига в отражательных печах колчеданы (сульфиды металлов) окислялись до сульфатов³¹. Далее руда поступала в гидрометаллургическое отделение, оборудованное хлоринационными, отстойными и осадочными чанами. В хлоринационные чаны засыпали обожженные колчеданы, герметично закрывали крышкой и подавали по трубам хлор. Хлорирование (т.е. усвоение пульпой хлора) продолжалось до 6 дней³². Через 12 часов после прекращения хлорирования в чан накачивали воду для растворения в нем хлорного золота. Полученный раствор по каучуковым трубам отводили в чан-отстойник, а отработанную руду вывозили в отвал. Раствор хлоридов золота через несколько дней перекачивали в осадительный чан, где золото осаждали с помощью железного купороса. Осадок отфильтровывали, сушили и сплавляли в печах. Хорошие результаты, полученные на заводе Е.П. Зеленкова, дали толчок к строительству хлоринационных заводов в тех районах Урала, где имелось большое количество отвалов, добытых главным образом подземным способом.

В 90-х гг. XIX в. стал применяться другой способ химического извлечения золота — цианизация (цианирование), изобретенный еще в 1843 г. инженером П.Р. Багратионом. Весь процесс цианирования делился на три операции: выщелачивание, осаждение и сполоск золота. Выщелачивание проводили в на-

³⁰ ГАОО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об.

³¹ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 609. Л. 192–192 об.

³² Там же. Л. 193–193 об.

грузочных чанах. В чаны загружались эфеля, их плотно закрывали и промывали раствором цианистого калия (от 0,05–0,4 %), с которым золото вступало в реакцию³³. Из нагужочных чанов раствор по трубам поступал в экстракторные (экстракционные) ящики. Они разделялись перегородками на несколько отделений, в которые устанавливались металлические сеточки; на сеточки насыпался цинк в виде стружки. При контакте с раствором, цинк чернел, а затем тонкий осадок проваливался в отверстия сетки. После этого начиналась последняя стадия процесса — сполоск. Осадок доставали и прокаливали в обжиговой печи, давали остыть и подвергали воздействию серной кислоты для растворения и удаления различных примесей. После повторной промывки водой осадок сушили, затем смешивали с содой и бурой и плавил в графитовом тигле³⁴. Полученные слитки — «корольки» отправлялись в Екатеринбург в Золотосплавочную лабораторию.

Третий способ химического извлечения золота был применен на Нижне-Кыштымском заводе, где английский предприниматель Лесли Уркварт организовал производство меди методом электролиза. В процессе электролиза меди накапливался шлак, содержащий благородные металлы. Шлак обрабатывали раствором серной кислоты, фильтровали на сите, просушивали на чугунных сковородах и отправляли для извлечения из него драгоценных металлов в Англию. В 1909 г.³⁵ было получено 4 пуда 3 фунта золота, в 1910 г. — 5 пудов 25 фунтов золота и 66 пудов 4 фунта серебра, в 1911 г. — 20 пудов 17 фунтов золота³⁶.

Если в конце XIX в. на долю химических способов приходилось не больше 2 % добытого золота, то с 1907 г. на него приходилось более 20 % (см. Таблицу 2). Широкому распространению химических способов извлечения золота способствовала их высокая эффективность. Благодаря тому, что данные методы позволяли извлечь из породы абсолютно все золото, показатели содержания драгоценного металла в породе оказывались в 10–100 раз больше, чем при добыче россыпного золота (см. Таблицу 5). Если при добыче россыпного золота и платины содержание металла в породе колебалось от 3 до 122 фунт/млн пуд., то при химических методах — 139–2 100 фунтов в млн пуд! На некоторых приисках (например, на Березовских и Миасских промыслах, в Сысертском округе, на приисках, расположенных в казачьих землях) промышленники соединяли механический и химический способы извлечения золота: эфеля, обработанные на бегунной фабрике, сразу отправлялись на цианистую обработку, минуя отвалы³⁷.

³³ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 607. Л. 14–15.

³⁴ ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 291. Л. 22–22 об.

³⁵ *Лупарь В.В., Набойченко С.С.* Кыштымский медеэлектролитный завод // *Металлургические заводы Урала: Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С. 292–294.

³⁶ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1909 году. СПб., 1912. С. 43; То же ... в 1910 году. СПб., 1913. С. 35; То же ... в 1911 году. Пг., 1918. С. 35.

³⁷ ГАСО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3576. Л. 1; Ф. 46. Оп. 1. Д. 262. Л. 63–63 об.

Таблица 5.

Производственные показатели предприятий по химическому извлечению золота

Предприятие	Количество			Производительность труда		Содержание золота в породе
	рабочих	переработанной породы	добытого золота	Породы на одного рабочего	Золота на одного рабочего	
1898 г.						
Березовское золотопромышленное товарищество	32	1 555	454,8	48,6	14,2	292,5
1911 г.						
Белореченский иловый завод	35	1 447	326,2	41,3	9,3	225,4
Анонимное общество Кочкарских золотых приисков	60	3 033	422,9	50,6	7,0	139,4
Казанский прииск наследников Подвинцева	21	751	120,5	35,8	5,7	160,5
Южно-Уральское золотопромышленное товарищество «Россия»	50	46,2	97,3	0,9	1,9	2 106,1

Источники: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1898 году. СПб., 1900. С. 28–29; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. С. 26–27, 32–33, 66–67.

Благодаря распространению химических способов добычи золота в первом десятилетии XX в. было приостановлено падение добычи этого металла, вызванное истощением месторождений, (см. рисунок 4). В этот период в год добывалось от 430 до 550 пудов золота. Без химического способа объем добычи в 1905–1911 гг. составлял бы 340–413 пудов.

Какие результаты были достигнуты благодаря внедрению новых технологий? История не знает сослагательного наклонения, однако определить эффекты от внедрения новых технологий можно только рассчитав те объемы добычи золота и платины, которые были бы получены, если бы новые технологии не были бы внедрены. Не вдаваясь в подробные расчеты, рассмотрим минимальный и максимальный эффект индустриализации золотоплатиновой промышленности Урала. В 1911 г. было добыто 20 305 фунтов золота (6 910 — россыпного, 8 737 — жильного и 4 658 — химического) и 14 097 фунтов платины, всего 34 402 фунтов драгоценных металлов. Дrajный способ добычи и химический способ извлечения золота из эфелей — это индустриальные технологии, которые расширили

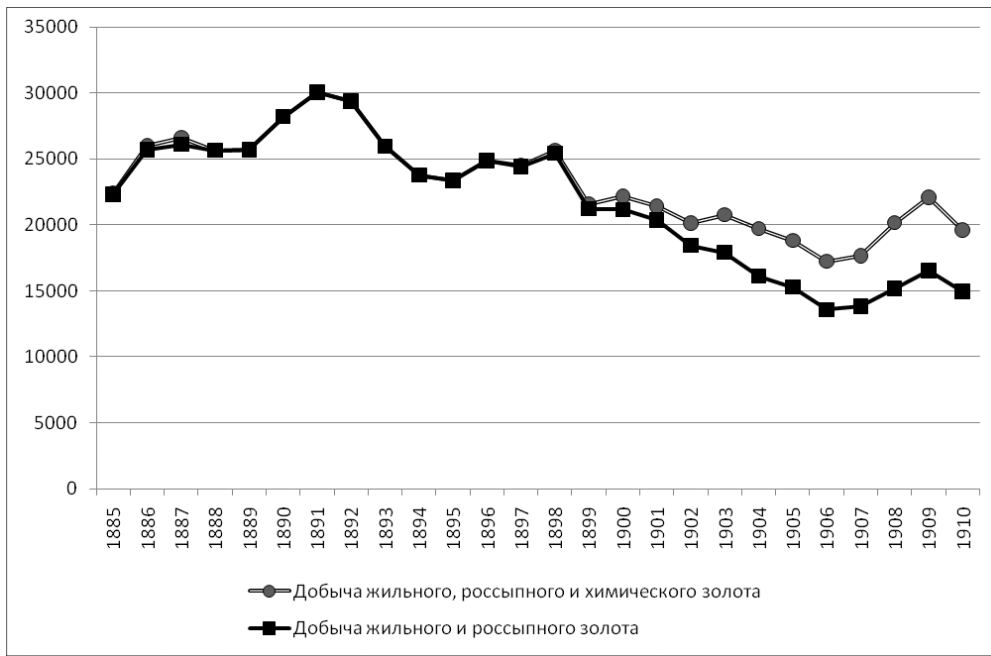

Рисунок 4.

Добыча золота на Урале (по способам добычи) в 1885–1911 гг. (в фунтах)

производственные возможности отрасли. Вычитая их, получим то количество золота и платины, которое было бы получено при прежних производственных возможностях: $34\,402 - (4\,658 + 10\,949) = 18\,795$ фунтов (меньше на 45 %). Если учесть, что механизация добычи жильного золота обеспечила рост производительности труда на 31 %, то следует признать, что благодаря индустриальным технике и технологиям в 1911 г. была обеспечена, минимум, половина того объема золота и платины, которые были добыты в этом году.

Итак, индустриальные техника и технологии стали проникать в золотоплатиновую промышленность Урала во второй половине XIX в., однако до конца XIX в. они не оказывали заметного влияния на динамику добычи металлов, занятости и объемов перерабатываемых пород. С 1893 г. началось снижение объемов добычи золота и платины, обусловленное истощением месторождений. Это стимулировало распространение новых технологий. Дrajный способ добычи россыпного золота и платины и химические методы получения золота расширили производственные возможности золотоплатиновой промышленности Урала. Благодаря их применению в 1900-х гг. было остановлено сокращение объемов добычи. Но вследствие того, что дражный и химические методы позволял перерабатывать тощие породы, общий уровень содержания золота и платины с 1900 г. стал сокращаться, а объем переработанных пород на одного рабочего — расти. К 1911 г. как минимум половина всего золота и платины на Урале добывалась с помощью индустриальной техники и технологий.

Библиография

- Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
- Гойер Е.Г.* Очерк развития дражного дела на Урале // Урал. Технично-экономический сборник. Вып. 3. Екатеринбург: Уральск. обл. экон. совещание, 1922. 215 с.
- Деви М.* Краткий исторический очерк развития и разработки коренных ме сторождений золота на приисках Кочкарской системы в Оренбургской губернии/ М. Деви // Горный журнал. 1896. Т. 1. № 2. СПб.: Типография Иосафата Огризко, С. 247–273.
- Латкин Н.В.* Об американском способе промывки золотоносных россыпей // Горный журнал. 1866. Т. 4. № 12. СПб.: Типография Н.Н. Тверского, 1866. С. 161–186.
- Лупарь В.В., Набойченко С.С.* Кыштымский медеэлектролитный завод // Металлургические заводы Урала: Энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 445 с.
- Окладных 1-й.* О золотых рудниках, принадлежащих к управлению Березовского завода // Горный журнал. 1862. Т. 4. № 11. СПб.: Типография Иосафата Огризко, С. 253–317.
- Рожновский А.А.* Способы добычи и извлечения золота из руд и россыпей // 200 лет золотой промышленности Урала. Свердловск: Изд-во Уральского филиала АН СССР, 1948. С. 63–111.
- Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы цивилизации. М.: РОССПЭН, 2006. 239 с.
- Рукоусев Е.Ю.* Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 196 с.
- Рукоусев Е.Ю., Шумкин Г.Н.* Золотодобывающая промышленность Урала середины XVIII — начала XX века: периоды развития // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 7–21.
- Таскин 4-й.* О добыче и промывке песков на частных золотых промыслах // Горный журнал. 1861. Кн. 3 (март). СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1861. С. 12–25.

Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы

Аннотация. В статье рассмотрено функционирование семейных фирм в России XIX в. на примере династии текстильных фабрикантов Зиминых на протяжении четырех поколений. Четыре их фабрики находились в деревне Зуево и ее окрестностях в Богородском уезде Московской губ.

С применением микроисторического подхода и на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, таких как материалы промышленной и торговой статистики, ведомости купцов (1838–1912), обзоры мануфактурных выставок, дневники и мемуары, представлена реконструкция деловой активности купцов Зиминых. Хронологическое исследование охватывает длительный период, в котором протекал процесс российской индустриализации, с начала XIX в. до 1918 г., когда фабрики были национализированы.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, промышленность, торговля, текстильные фабрики, Российская империя, Москва, Богородск, старообрядцы.

Изучение истории текстильной промышленности в последнее двадцатипятилетие вновь привлекает внимание исследователей. Среди наиболее важных для современных историков вопросов — положение рабочего класса на предприятиях¹, история семейных фирм², кредитование текстильного производства и торговли³, сбытовая практика⁴. Одной из

¹ См.: *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010; *Пушкарева И.М., Бородкин Л.И., Глазунов С.В., Новиков А.В., Потолов С.И., Шильникова И.В.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2011; *Бородкин Л.И., Сафонова Е.И.* «Трехгорка» на пути от 1917 г. к нэпу: эволюция трудовых отношений // *Экономическая история. Обзорение.* Вып. 9 / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2003. С. 59–73; *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М., 2009; *Ульянова Г.Н.* К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 годы) // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2019. С. 141–152.

² См.: *Балдин К.Е.* Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М., 1993; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004; *Балдин К.Е., Мокеев С.В.* Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е гг. XIX в. — начале XX в. Иваново, 2004; *Сизинцева Л.И.* Костромская фабрика Третьяковых: маркетинговый подход к менеджменту по-русски // Павел Третьяков. Предшественники и последователи: частное музейное коллекционирование XVIII — начала XX века. Сборник материалов Международной научной конференции. М., 2014. С. 76–89; *Новиков А.В., Катышев Ю.В.* Общественная и предпринимательская деятельность кинешемского фабриканта Ивана Александровича Миндовского во второй половине XIX — начале XX века // *Вестник Костромского государственного университета.* 2018. Т. 24. № 1. С. 151–154.

³ См.: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998.

⁴ См.: *Барышиников М.Н.* Создание текстильного треста в Петербурге в начале XX века // *Российский журнал менеджмента.* 2011. Том 9. № 2. С. 125–144; *Сироткин А.С.* Сбытовая политика текстильных фабрикантов Верхневолжья (2-я четверть XIX — начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.

традиционных тем в современной мировой историографии является история семейных фирм и их функционирования на протяжении нескольких поколений⁵.

В настоящей статье освещена история видной текстильной династии Зиминых, уроженцев деревни Зуево Богородского уезда Московской губ.⁶, причем внимание сфокусировано на вопросах организации их производства и развития инфраструктуры в связи с практикой сбыта.

Выкупившись из крепостных крестьян, Зимины постепенно устраивают четыре бумаготкацких фабрики в Зуеве и окрестностях, на берегах реки Клязьмы. Затем начинают торговать своей продукцией в Китай-городе в Зеркальном ряду, где были лавки и амбары ведущих российских производителей текстиля, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках и в последней трети XIX в. приобретают известность во всероссийском масштабе. Положение Зиминых в среде купеческой элиты также укрепилось через брачные связи с Морозовыми и Гучковыми.

К 1870-м гг. Зимины вошли в ядро старообрядческих предпринимательских династий Москвы, хотя и не находясь на главных ролях. Это, несомненно, давало им ощущение причастности к довольно влиятельной в Москве и губернии группе предпринимателей⁷. Но принадлежность к религиозной общности мало влияла на успехи в бизнесе — они могли рассчитывать только на свои деловые качества и собственные материальные и финансовые ресурсы. Преобладания старообрядцев среди деловых партнеров Зиминых не наблюдалось, что объяснимо — большинство старообрядцев, переселившихся в Москву, главным образом из восточных уездов Московской губернии (Богородского и Коломенского) и северо-восточных уездов Калужской губернии (Боровского и Малоярославецкого), работало в текстильной сфере, являясь, скорее, конкурентами друг другу. Вряд ли можно говорить о групповой солидарности старообрядцев в сфере бизнеса, где первенствовал принцип борьбы за рынки сбыта.

⁵ См.: *Colli A.* The History of Family Business, 1850–2000. Cambridge, 2003. P. 49–65; *Барышников М.Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006; *Его же.* Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 51–58. О семейных фирмах уральских горнозаводчиков см.: *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

⁶ Начало изучению этой династии было положено А.И. Аксеновым. См.: *Аксенов А.И.* Зимины: от текстильной мануфактуры до сотовой сети «билайн» // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: памяти профессора А.А. Преображенского. М., 2007. С. 382–394.

⁷ Из недавних работ по истории старообрядческого предпринимательства см.: *Шемакина О.Д.* Из истории купечества Рогожской общины: источники социальной и семейной атрибуции // Мир старообрядчества. М., 1995. Вып. 2. С. 59–74; *Агеева Е.А.* Староверы-предприниматели Кузнецовы в контексте русской жизни второй половины XIX — начала XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3. М., 2004. С. 485–501; *Седов А.В.* Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Нижний Новгород, 2010; *Керов В.В.* Предпринимательство старообрядцев в России // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века. М., 2010. С. 31–141; *Ульянова Г.Н.* История купеческих династий: Гучковы в истории Москвы в XIX веке // Российский парламентаризм: истоки, история и современность. М., 2013. С. 131–140; *Юхименко Е.М.* Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М., 2014; *Архипова Е.А.* Старообрядческое предпринимательство в российской историографии середины XIX — начала XXI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

В историографии продолжает оставаться дискуссионным вопрос о роли купцов-старообрядцев в российском предпринимательстве. Некоторые исследователи, на наш взгляд, несколько преувеличивают их долю среди московских предпринимателей и степень их участия в промышленном производстве (в критике тезиса о преобладании старообрядцев в купечестве я согласна, в частности, с Н.В. Козловой⁸). Но это отдельный вопрос для полемики. Поэтому детальное исследование предпринимательства в целом и истории отдельных династий, в том числе принадлежавших к старообрядчеству, представляется единственным конструктивным подходом в отношении к дискуссиям, недостаточно обеспеченным фактографией.

Изучение деятельности семьи Зиминых по созданию и развитию промышленных предприятий, функционированию их семейных фирм было проведено, главным образом, на впервые вводимых в научный оборот документах ЦГА г. Москвы, что дало возможность воссоздать микроисторию предпринимательской династии в течение 110 лет, на протяжении жизни четырех поколений. Разработка этого сюжета позволит в перспективе более полно раскрыть процесс формирования Москвы и Московской губернии как крупнейшего индустриального центра страны.

Два ранних поколения Зиминых в деревне Зуево. Первая половина XIX века

В первые десятилетия своей предпринимательской деятельности Зимины, как и знаменитые текстильщики Морозовы, были крепостными крестьянами. Как и Морозовы они происходили из деревни Зуево Богородского уезда. По легенде, первое предприятие — небольшое шелкоткацкое заведение с ручными станками — было устроено Семеном Григорьевичем Зиминым (1760–1840) еще в конце XVIII в.⁹

Согласно семейному преданию, частично подтверждаемому сохранившимися документами, у Семена Григорьевича было пятеро сыновей: старший Никита (1791–1866), второй — Павел (1794–1864), третий — Степан (1795 — около 1860), четвертый — Иван (1799–1885) и младший Киприан (1805–1855), которого в некоторых документах и в домашнем обиходе называли в простонародном стиле Куприяном. В дальнейшем Зимины стали учредителями трех семейных фирм, оперировавших как в сфере производства (фабрики в Богородском уезде), так и торговли (продажа товара в Москве в Китай-городе и на ярмарках).

Подкопив денег, вырученных от продажи шелковых тканей, Семен Зимин с детьми выкупился на волю от помещика Рюмина. Это произошло, видимо, в начале 1830-х гг. — в 1837 г. его сыновья уже состояли в купечестве и были

⁸ *Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образца купца XVIII века (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 43–57; *Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века. (К истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.

⁹ *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. С. 300.

свободными. В официальных документах Иван Семенович Зимин сообщал, что ведет торговлю мануфактурным товаром с 1820 г.

Одним из ранних архивных документов по истории семьи является бумага, сохранившаяся в реестре «Наряд объявлением о записке купцов на 1838 год по городу Богородску в купечество». Это — заявление «богородских 3 гильдии купцов, торгующих под одной фирмою родных братьев Никиты и Куприяна Семеновых Зиминых», поданное в Богородскую думу 13 декабря 1837 г., о том, что они имеют намерение «и в будущем 1838 году производить торговлю по той же гильдии», платят в городской доход повинность 40 руб. и получают купеческое свидетельство и билеты на лавки¹⁰.

Следующий по времени создания документ — это «Книга лиц, состоящих в купечестве города Богородска Московской губернии на 1841 год». Книга содержит имена среднего брата Ивана Семеновича Зимина, который брал отдельное купеческое свидетельство, и двух братьев — старшего Никиты и младшего Куприяна, торговавших под общим свидетельством¹¹. В это время в семье Ивана Семеновича, как показано в книге, числились, кроме него самого, супруга Марья и их сын, видимо, скончавшийся в детском возрасте, а в семьях Никиты и Куприяна (которые состояли в одном общем капитале) было всего десять человек — по пять мужского и женского пола.

В списке купцов Богородска на 1846 г. Иван Семенович Зимин заявляет о желании «быть и в следующем 1846 году по г. Богородску купцом по 3 гильдии» вместе с «женой Марьею Васильевою и рожденными после ревизии дочерью Ариною и сыном Макаром», сообщает об уплате в доход города 12 руб. серебром и просит снабдить его удостоверением¹². О том же заявили «торгующие под одной фирмою» братья Никита и Куприян Зимины, при этом в семействе Никиты упомянута жена Елена Панфилова, сын Иван с женой Федосьей Егоровою и дочери Никиты и Елены — Марфа, Марья и Авдотья, а в семействе Куприяна — жена Анисья Егорова, сыновья Петр и Яков, дочери Арина и Домна¹³. В 1851 г. И.С. Зимин числился по третьей гильдии в Покрове и «временно таковым же» купцом в Богородске¹⁴.

Отметим, что в 1840-х–1860-х гг. Зимины записывались то в богородское, то в покровское, то в павлово-посадское купечество, позже только в богородское и также иногда параллельно в московское в статусе иногородних купцов, о чем будет сказано ниже.

В течение следующего столетия потомкам Семена Григорьевича Зимина принадлежало несколько довольно крупных текстильных фабрик в Богородском уезде. Микроисторический анализ промышленной и торговой деятельности этих зуевских купцов, вышедших из крестьян, дает возможность проследить, как постепенно они расширяли свои предпринимательские действия в масштабах сначала Московской губернии, а затем и всей России.

---

¹⁰ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 1796. Оп. 1. Д. 163. Л. 14.

¹¹ Там же. Д. 215. Л. 5.

¹² Там же. Д. 314. Л. 45.

¹³ Там же. Л. 46.

¹⁴ Там же. Д. 492. Л. 12.

С 1840-х гг. сыновья Семена Григорьевича начинают приобретать земельные угодья: сначала выкупают у своего бывшего помещика участки земли, на которых стоят их собственные дворы с фабричными помещениями, а затем смежные с ними незастроенные участки, имевшие выход к Клязьме. Так они получили землю и право пользования водой, столь важное для текстильного производства.

Таким образом, четверо из пяти сыновей Семена Григорьевича, родоначальника династии, продолжили семейный бизнес. Первая фабрика Зиминых по праву своеобразного «купеческого майората» досталась старшему сыну Никите Семеновичу, а после — его сыну Ивану. Иван Семенович завел еще две фабрики. Киприан Семенович вначале состоял в одном капитале с Никитой, но позже, когда в старшей ветви рода у руля предприятия встал Иван Никитич, примкнул к Ивану. К 1860 г. в Зуеве и окрестностях во владении потомков Семена Григорьевича находились бумаготкацкая, ситценабивная и пунцово-красильная фабрики. Была в Зуеве и четвертая «зиминская» фабрика, основанная в 1853 г. и принадлежавшая Ефиму Степановичу Зимину — сыну Степана Семеновича¹⁵.

Рассмотрим вопрос о выкупе земли Зимиными у помещика Рюмина во второй четверти XIX в., что характеризовало их стремление обрести имущественную и гражданскую самостоятельность. Как следует из документов по наследованию, сохранившихся в материалах Богородского уездного суда, в 1780-х гг. деревня «Зуева» принадлежала семье Всеволожских¹⁶. Вместе с прилегающими селениями Большой Двор, Заозерье, Андроновое и другими она была пожалована А.А. Всеволожскому именным императорским указом от 6 сентября 1762 г. В 1825 г. Зуево числилось за статским советником и кавалером Гаврилой Васильевичем Рюминым (1751–1827), бывшим рязанским мещанином, получившим дворянство за усердную службу в качестве инспектора питейных сборов. После его смерти деревня перешла к его сыну Николаю Гавриловичу Рюмину (1793–1870) — действительному статскому советнику, незадолго до смерти получившему чин тайного советника. Н.Г. Рюмин унаследовал Зуево с 22 окрестными селами и деревнями¹⁷.

В это время Зуево уже было немалым населенным пунктом — в нем числилось 206 душ «мужеска полу»¹⁸. В 1852 г., по данным «Указателя селений и жителей уездов Московской губернии», в Зуеве, принадлежавшем Рюмину, в 93 дворах числилось крестьян 271 «душа мужского пола» и 334 женщины, находилась деревня «в 83 верстах от столицы и 35 от уездного города, близ Владимирского тракта»¹⁹. Крепостные Рюминых «сидели на оброке», то есть уплачивали своему помещику денежную подать. Чтобы заработать, наиболее предприимчивые занимались бизнесом, в частности, ткачеством и окраской тканей, раздавали ткачам-надомникам пряжу и другое сырье, а затем, собрав готовые изделия, сбывали их в Москве и на ярмарках.

¹⁵ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

¹⁶ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1202. Л. 9.

¹⁷ Там же. Д. 1383. Л. 4 об. О Рюминых см.: Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю. Дом и люди. Род Рюминых. Рязань, 2012. С. 7–89.

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1383. Л. 4 об.

¹⁹ *Нистрем К.М.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852. С. 134.

Про таких автор романа «Китай-город» Петр Боборыкин писал: «А некоторые личности из крестьянства внушали даже большое почтение. Это были те богатые мужики, которые ходили по оброку и занимались торговлей»²⁰. Таких мужиков, выбившихся в люди и заработавших капиталы порой до 100 тыс. руб. на ассигнации, даже их господа «принимали почти как “особу” и разрешали их семьям переселиться в город»²¹. В 1834 г. «Журнал мануфактур и торговли» сообщал, что в Богородском уезде из 24 539 помещичьих крестьян мужского пола на оброке находятся 21 720 чел. (89 %), а «на господском хлебопашестве» — только 2 819 чел.²² Доход помещиков уезда в основном составляли оброчные платежи («от 15 до 40 руб. с души, смотря по угодьям и способам промышленности», а в среднем 27 руб. 60 коп.) и продажа леса «на корню, на срубку», в среднем в 1830–е гг. по 450 руб. за десятину, но иногда и до 800 руб.²³, причем продажа леса превосходила по доходам оброчные деньги. Крестьянам же основная прибыль поступала от ткачества — ткацких станков насчитывалось на отдельных фабриках и у надомников 12 266 («Из числа 11 652 станков, некоторые станы, от 4 до 16, помещаются в особо устроенных светлицах; но до 11 000 станков размещаются по крестьянским дворам, по одному и по два в каждом»²⁴), а работников (мужчин, женщин и малолетних) 57 577 чел. (при расчетной цифре всех жителей уезда около 78 тыс. чел.)²⁵.

Постепенно наиболее удачливые сельчане выкупались на волю, а затем переводились из крестьянского сословия в купеческое. Например, Савва Морозов с сыновьями, согласно семейному преданию, заплатил Рюмину огромную сумму в 20 тыс. руб. (по другим данным, 17 тыс. руб.)²⁶. Если допустить, что Савва (Савелий) Васильев, позже получивший фамилию Морозов, стал первым, кто выкупился, то согласно наиболее достоверной датировке, установленной И.В. Мешалиным, в конце 1930-х гг. нашедшим в архиве сведения о Морозове в ведомостях, поданных в мануфактур-коллегию, «выход Саввы Морозова на волю надо отнести на более позднее время — во всяком случае, не раньше конца 1823 г.», причем в то время Морозов еще числился крестьянином, а не купцом.

Вслед за Морозовыми в начале 1830-х гг., видимо, выкупились Зимины и Морозовы-«Викуловичи», которые жили в Зуеве в соседних дворах и даже не раз породнились на протяжении XIX в. Накануне крестьянской реформы 1861 г., когда в результате отмены крепостного права было освобождено 23 млн помещичьих крестьян, составлявших треть населения страны, происходил процесс «оскудения дворянства». Земельная аристократия оказалась вынуждена понемногу распродавать свои земельные владения. Не избежал этой участи и Николай Гаврилович Рюмин.

²⁰ Боборыкин П.Д. За полвека. В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 54.

²¹ Там же.

²² А.М. Статистические сведения о Богородском уезде в промышленном отношении // Журнал мануфактур и торговли. 1834. № 1. С. 13.

²³ Там же. С. 17.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. С. 1–4; Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М. ; Л., 1959. С. 231.

Приобретение земли Зимиными стало признаком укрепления их семейного бизнеса. Главой младшей ветви Зиминых несколько десятилетий состоял Иван Семенович, доживший до 86 лет. Это был энергичный и умный предприниматель — грамотный, оборотистый, точно просчитывавший тактику ведения дела. При нем бесперебойно шло производство шелковых, затем хлопчатобумажных тканей на собственном небольшом предприятии и путем раздачи надомникам. Готовая продукция отправлялась на продажу в Москву и на ярмарки в близлежащие села. В первой трети XIX в. это были преимущественно шелковые платки и шелковые кружева, которыми славились зуевские крестьяне-мануфактурщики²⁷. Из документов за 1853 г. видно, что на фабриках Никиты Семеновича (49 рабочих на 45 станах) и Ивана Семеновича (47 рабочих на 40 станах) по-прежнему производились «платки шелковые и плис»²⁸. Добротный товар бойко расходился среди склонных к щегольству купчих и зажиточных крестьянок.

Известно, что сосед Зиминых Елисей Саввич Морозов купил участок под фабрику у Рюмина и Шестаковых в 1837 г.²⁹ Вслед за Морозовыми Зимины начали выкупать у помещика небольшие участки на берегу Клязьмы, пригодные для промышленной деятельности. 10 сентября 1845 г. Рюмин и его бывший крепостной Иван Семенович Зимин заключили купчую, текст которой гласил: «Статский советник и кавалер Николай Гаврилов сын Рюмин продал богородскому 3-й гильдии купцу Ивану Семенову Зимину из крепостной земли моей, доставшейся мне по наследству после покойного родителя моего статского советника Гаврилы Васильева Рюмина, находящееся Московской губернии Богородского уезда при деревне Зуевой усадебное место количеством одну с половиною десятину казенной меры, против земли Покровского уезда, принадлежащей богородским купчихам Авдотье Конновой и Екатерине Елисейевой, начиная прямую линию от реки Клязьмы чрез улицу по усадьбе крестьянина моего Алексей Степанова 160 сажен поперечнику от усадьбы сего крестьянина до усадьбы другого крестьянина Каверия Ерасимова, 15 сажен длиннику по усадьбе сего последнего Герасимова и прошел улицу до уступа 129 сажен, в уступке по улице по 1-й линии 20 сажен ... с правом участия его, Зимина, по количеству продаваемой мною ему земли [во] владении рекой Клязьмою, а взял я, продавец, с него покупщика за оную мою землю денег 300 рублей»³⁰.

Такого рода документы редко встречаются в архивах. Они — иллюстрация того, как трудолюбивый и сметливый крепостной мог разбогатеть, выкупиться на волю и стать купцом, а затем и землю приобрести.

Примеру Ивана Семеновича Зимина последовали его ближайшие родственники. В 1848 г. его брат, 3-й гильдии богородский купец Никита Семенович выкупил у Рюмина свое дворовое место (где уже стояли его жилой дом и фабрика) и участок на берегу «с правом пользования водою из реки Клязьмы» за те же 300 руб. серебром³¹. В 1851 г. племянник И.С. Зимина, 3-й гильдии покровский купец Ефим Степанович Зимин выкупил у Рюмина также свое дворовое место

²⁷ Там же. С. 135.

²⁸ Тарасов С. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856. С. 174.

²⁹ Мануфактурный очерк местечка Новоозуева // Журнал мануфактур и торговли. 1854. Ч. 2. С. 224.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1509. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 1558. Л. 1.

за 300 руб. серебром. Сделка купли-продажи состоялась при участии И.С. Зимина, который «за болезнь» племянника как его «дядя родной» к договору «руку приложил»³². В том же 1851 г. свое дворовое место у Рюмина выкупил и покровский 3-й гильдии купец Куприян Семенович Зимин, приобретший более двух десятин за «стандартные» 300 руб.³³ И вновь «за болезнь» покупателя договор был подписан старшим братом Куприяна — Иваном Семеновичем.

Столь активное участие Ивана Семеновича в сделках родственников наводит на мысль, что именно он на правах среднего брата, после смерти отца возглавившего одну из двух семейных фирм, выступил инициатором обретения экономической и юридической самостоятельности всеми членами своей большой семьи. Возможно, лично подписывая купчие, он стремился не выпускать ситуацию из-под контроля. Его собственноручная подпись в конце написанного писарем документа выглядела так: «[К] прошению бого[ро]цски[й] 3 гильди[и] купецъ Иванъ Симиеновъ Зиминъ руку прилож[ил]ъ жительство имею богороц[ког]о уезды въ деревне Зуева»³⁴.

Приобретение Зимиными земельных участков продолжилось в последующие десятилетия. В результате земельных сделок, к 1886 г. в совместном владении Ивана Семеновича, его племянников Якова и Филиппа Киприановичей, а также их общего торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» (практиковалось написание без запятых — *Г.У.*) находилось в общей сложности 1410,5 десятин, или около 1550 га. Из них 227,5 десятин располагались в Зуевской и Буньковской волостях Богородского уезда (22,5 десятин под усадебными строениями, в том числе фабриками, 197 десятин под лесной зарослью и кустарниками, 7 десятин под лугами, одна «под дровяным лесом») и еще 1183 десятины в смежном Покровском уезде Владимирской губ. (42 десятины — луга, 33,5 — пастбища, 1007 — лесная заросль и кустарники, торфяные болота, 87 — лес строевой и дровяной, 13 — неудобья)³⁵.

Ту же политику вел Никита Семенович Зимин, приобретающий рощи, торфяные болота и луга. Сохранились документы, свидетельствующие о приобретении им в 1836 г. Введенской рощи площадью 34 десятины в пустоши «Подберезной — Плесы тож» Покровского уезда, позже перешедшей по наследству его сыну Ивану³⁶. К 1914 г., благодаря покупке соседних земель, этот участок увеличился до 125 десятин, включив ценные торфяные болота «с запасом сырца торфа смоляка лучшего качества объемом 100 тыс. кубических сажень». Таким образом, эта ветвь Зиминых владела большим земельным участком более 80 лет, используя торф в качестве топлива и древесину для нужд своего производства.

Систематическое приобретение земельных угодий стало наглядным индикатором укрепления семейного бизнеса.

³² Там же. Д. 1606. Л. 1, 7.

³³ Там же. Д. 1607. Л. 1 об.

³⁴ Там же. Д. 1509. Л. 3 об.

³⁵ Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

³⁶ Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 307. Л. 13–25.

Подгорная мануфактура в Крестовоздвиженском близ Зуева. 1810–1918 годы. Семейная линия Ивана Семеновича Зимина

После того, как старейшее шелкоткацкое заведение, позже перепрофилированное в бумаготкацкое, от родоначальника династии, Семена Григорьевича Зимина, унаследовал его старший сын Никита, средний сын Иван и младший Киприан совместно устроили еще две фабрики — ткацкую в Крестовоздвиженском и пунцово-красильную в Зуеве. Отвечая в 1888 г. на вопросы фабричного инспектора Богородского уезда Московской губернии, Зимины указали годы основания фабрик: «ткацкая ручная фабрика учреждена в 1810 г. и пунцово-красильное заведение в 1858 г.»³⁷.

О работе их предприятий в первой половине XIX в. сведений сохранилось крайне мало. Дело в том, что, выражаясь современным языком, они работали «по факту». Как говорилось в одном из циркуляров Московского губернского правления, «большая часть этих заведений существует издавна и открыты без разрешения начальства»³⁸. Купцы платили деньги за гильдейские свидетельства, а о деятельности своих фабрик ни перед кем не отчитывались. Циркуляр московского генерал-губернатора от 16 октября 1868 г. предписывал: «Имея ввиду, что на основании 42 статьи XI тома Свода законов, Устава промышленного, на открытие заведений, мануфактур, фабрик или заводов в городах губернских, уездных и их округах следует испрашивать разрешение губернского начальства, [московский генерал-губернатор] предлагает правлению сделать распоряжение об обязанности всех фабрикантов и заводчиков в Московской губернии, которые еще не имеют установленных дозволений на содержание принадлежащих им заведений, исходатайствовать таковые дозволения в кратчайший срок»³⁹.

В начале 1860-х гг. генерал-губернатор князь А.В. Оболенский разослал циркуляр уездным исправникам, которым те обязывались «по собрании верных справок донести: когда, с чьего разрешения и на чьей земле устроено заведение, в каких строениях помещается, в каком расстоянии расположено от жилых строений и не угрожает ли сим последним опасностью от огня, какие машины и сколько рабочих находится на заведении; ... куда стекают нечистоты, не происходит ли от работ на заведении порчи воды и воздуха в окрестностях и не встречается ли со стороны полиции каких-либо препятствий к дозволению содержать заведение»⁴⁰.

Купцы, не имевшие регистрационных документов, были вынуждены заново оформлять свидетельства. Соблюдая приличия и не желая «прогневить начальство», хитроумные фабриканты порой отговаривались утерей таких документов. К примеру, Иван Никитич Зимин в «покорнейшем прошении» на имя Оболенского писал: «Не находя в конторе свидетельства на разрешение производства работ на ситцевой фабрике моей, состоящей Богородского уезда при деревне Зуевой, которое предполагаю затерянным, почтительнейше прошу Ваше сиятельство выдать таковое мне, для написания коего и представляю один лист

³⁷ Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

³⁸ Там же. Ф. 487. Оп. 1. Д. 8. Л. 233.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Ф. 54. Оп. 180. Д. 2. Л. 20.

гербовой бумаги рублевого достоинства»⁴¹. Аналогичный запрос Ивана Семеновича Зимина не сохранился, но известно, что свидетельство № 2213 за подписью московского губернатора было им получено 6 февраля 1865 г.⁴²

В декабре 1866 г. Ивану Семеновичу Зимину были выданы в городской думе Павловского Посада купеческое свидетельство, торговый билет, два приказчиных свидетельства первого класса и два паспорта — на себя и на сына⁴³. Официальным местом жительства Ивана Семеновича, его супруги Марии Васильевны, урожденной Старовой (1805–1864) и их сына Макария Ивановича (1844–1871) в 1860–1870-х гг. по-прежнему была деревня Зуево Богородского уезда. Его младший брат и деловой партнер Киприан (1805–1855) не дожил и до 50 лет, скончавшись от осложнений тяжелой инфлюэнцы. После него остались три сына — Петр, Яков и годовалый Филипп. Став их попечителем, Ивану Семеновичу пришлось фактически заменить им отца.

Важным событием в истории династии стало учреждение И.С. Зиминым в 1867 г. семейного торгового дома второй гильдии. 12 апреля 1869 г. между товарищами, образовавшими торговый дом, в конторе московского нотариуса Василия Сергеевича Смиренского (Театральная площадь, д. 2, Чельшева) был подписан договор — один из немногих дошедших до нашего времени. Самим фактом своего существования этот документ опровергает представление о том, будто русские купцы вели дела чуть ли не «на пальцах», по старинке, опираясь, главным образом, на устные договоренности. Договор, который заключили Иван Семенович Зимин, его сын Макар и племянники Петр, Яков и Филипп, демонстрирует, что даже в отношениях с ближайшими родственниками были подробно регламентированы вопросы совместного владения собственностью, контроля за производством и распределения прибыли. В преамбуле договора совладельцы фирмы заявляли: «Имея движимое и недвижимое общее имение, в числе коего находятся и фабричные заведения, изделиями коих производим торговлю, мы для вящего устройства фабричных и торговых дел наших заключили между собою сей договор»⁴⁴.

Договор закреплял порядок дележа прибылей и убытков на две равные части, одна из которых предназначалась Ивану Семеновичу с сыном Макаром, а другая — его племянникам Киприановичам. Местонахождение главной конторы фирмы определялось так: «в Москве, Басманной части, на Земляном валу, в доме Астахова». Другая контора находилась «при фабричном заведении нашем, стоящем Богородского уезда при деревне Зуевой». Согласно договору, «в случае перемены места нахождения конторы», члены торгового дома были обязаны «известить о том публику через столичные ведомости». Для торговой корреспонденции и клеймения фабричных изделий была заведена печать фирмы «с изображением литер И. М. П. Я. и Ф. Зимины». «Главное распоряжение по торговым и фабричным делам» возлагалось на старшего в роде — Ивана Семеновича, прочие управленческие обязанности — на других, «по обоюдному согласию

---

⁴¹ Там же. Л. 4.

⁴² Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 59.

⁴³ Там же. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об.

⁴⁴ Там же. Ф. 78. Оп. 4. Д. 2067. Л. 6.

товарищей». Важнейшим было прописанное в договоре решение о том, что «все расходы по общей торговле и фабричному производству относили на общий счет фирмы». Общим мнением было решено не вступать ни в какие финансовые поручительства, даже за близких знакомых и родственников.

В 1869–1871 гг. И.С. Зимин числился купцом 1-й гильдии Павловского посада и одновременно, с 1867 г., иногородним купцом по Москве. В том же статусе состояли Иван Никитич и Петр Куприянович. Ефим Степанович с собственной фирмой числился московским купцом 2-й гильдии, но при этом проживал в Зуеве, как и его родственники. Все они торговали ситцем и мануфактурным товаром в Зеркальном ряду⁴⁵.

В августе 1871 г., когда единственный сын Ивана Семеновича, 27-летний Макар Иванович Зимин, скоропостижно скончался от холеры, будучи на ярмарке в Нижнем Новгороде, его доля в семейной фирме перешла к его малолетним детям (внукам И.С. Зимины) — четырехлетнему Ивану и трехлетнему Николаю при опекуновстве их матери Анны Ивановны. (Макар Иванович был женат на дочери московского купца-старообрядца И.З. Ананьина и внучке московского купца И.Р. Романова, выкупившегося в 1834 г. «на волю от графини Кутайсовой крестьян» и занимавшегося в Москве «подрядами»⁴⁶).

Старомосковские купцы Ананьины (иначе — Ананьевы) были известной старообрядческой семьей беспоповцев из общины Преображенского кладбища. Основатель династии, Зиновий Васильевич Ананьин, прибывший в Москву в 1800 г. в возрасте 25 лет «из отпущенных на волю дворовых людей от ротмистра Михайлы Алексеява Скуратова Ярославской губ. Рыбинского уезда дер. Деминоя»⁴⁷, торговал рыбой. Уже в 1807 г. он стал домовладельцем «Лафертовской части» в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Покровском, а с 1820 г., продав дом мещанке Авдотье Маренковой, перебрался ближе к храму Богоявления в Елохове⁴⁸. У Зиновия Васильевича, купца 3-й гильдии, было два сына — Иван (1819–1859) и Петр (1822–1883). Петр Зиновьевич был женат на дочери Семена Ивановича Гучкова Анне, а его старший брат Иван — на Настасье, урожденной Романовой. Брак с Настасьей был для Ивана Зиновьевича вторым. В первом он был женат на Евдокии (1820–1844), дочери богородского купца Елисея Саввича Морозова, будучи приказчиком лавки тестя по продаже хлопчатобумажных тканей в Зеркальном ряду Китай-города⁴⁹. Этот брак продлился «4 года 8 месяцев и 20 дней», как было указано на могильном камне Евдокии на Преображенском кладбище. Иван пережил пять смертей: в младенчестве умерли четверо детей, родившихся у молодой четы, а затем скончалась и 24-летняя супруга. Проносив траур два года, Иван женился вторично⁵⁰. Эти

⁴⁵ Справочная книга о лицах, получивших на 1872 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1872. С. 317, 141.

⁴⁶ Материалы для истории московского купечества. Т. VII: Сказки, поданные купеческим сословием к 8-й ревизии. М., 1887. С. 169; *Ниспрем К.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 3. М., 1842. С. 237.

⁴⁷ Материалы для истории московского купечества. Т. VI: Сказки, поданные купеческим сословием к 8-й ревизии. М., 1887. С. 204.

⁴⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 32. Оп. 10. Д. 2429. Л. 1–3; Д. 4920. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 19. Д. 4098. Л. 8.

⁵⁰ Московский Некрополь. СПб., 1907. Т. I. С. 32.

матримониальные связи показывают, как в старообрядческой купеческой среде стремились заключать браки внутри общины, что цементировало солидарность купцов-единоверцев.

К 1869 г. все предприятия Московской губернии были учтены. После этого фабриканты стали ежегодно подавать ведомости о состоянии своего бизнеса в Московский губернский статистический комитет. По ведомости 1869 г., в Богородском уезде числилось 319 предприятий, 90 % которых были текстильными. В деревнях Зуеве и Дубровке насчитывалось 20 предприятий, из них четыре — владели представители династии Зиминых: у Ивана Семеновича (с сыном Макарием и семьей брата Киприана) была ситце-пунцовая фабрика «ручного ткачества» в Зуеве, а также «самоткацкая миткалевая и плисовая фабрика» при Крестовоздвиженском погосте. У его племянника Ивана Никитича — красильная фабрика в Зуеве, у Ефима Степановича — там же бумаготкацкая фабрика⁵¹. Все Зимины в то время состояли купцами Павловского Посада.

Подгорная ткацкая мануфактура находилась в одной версте от Зуева (и в полуверсте от Дубровки) в селении Крестовоздвиженский погост, которое в народе именовали Крестовоздвиженским. По сведениям на 1852 г., здесь имелись церковь, три двора, ежегодно в сентябре проводилась ярмарка. Погост стоял на Коломенском тракте в 73 верстах от столицы и в 41 версте от уездного города⁵². Поначалу фабричное производство размещалось в двух больших корпусах — трех- и двухэтажном. Одноэтажный корпус пунцово-красильной фабрики располагался в зуевской усадьбе Зиминых.

Продукция фабрик была разнообразной — ситец, бязь, китайка, фланель, сукно, ластик, миткаль, тик, молескин, киргизин, кретон, мильтон, сатинет, крусет, саржа, платки, бумазея, оксфорд (рубашечная ткань) и манчестер, «патриотика». Машинную пряжу для ткачества торговых дом Зиминых получал с фабрик «Викула Морозова с сыновьями», Балашинской мануфактуры, Покровской бумагопрядильно-ткацкой мануфактуры» Ляминых (в Дмитровском у. Московской губ.) и фабрики «П. Малютина сыновья»⁵³. Согласно инвентарным книгам (1898–1905), ткани окрашивались в цвета: пунцовый, розовый, черный, голубой, кубовый (вид синей краски), коричневый, фиолетовый, васильковый, бланжевый, оранжевый, темно-коричневый, гранатовый, песочный, светло-табачный, шоколадный, оливковый, золотистый. В числе прочего зуевская мануфактура торгового дома Зиминых выпускала 14 видов молескина (плотной хлопчатобумажной ткани) разных цветов: черный, коричневый, бордо, гранатовый, оливковый, а также производила сарпинку (розового, голубого, гранатового цвета), тик (темный, розовый, голубой, ташкент), бумазею (суровую и пунцовую), крусет (черный и серый), кретон (клетчатый и полосатый)⁵⁴.

Ткани выпускались как гладкокрашенные, так и с рисунком. Особенным успехом у потребителя пользовались ткани с растительным орнаментом наподобие английских — с рисунком листьев и цветов в несколько красок, в том

⁵¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 487. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 8, 18 об., 21, 62, 62 об.

⁵² *Нистрем К.М.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. С. 141.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 1. Д. 287. Л. 2–4.

числе с особо выделяемом в ассортименте популярном ситце «с розой». Выпускались также ситцы пунцового цвета с мелким ритмическим рисунком. В архиве имеются образцы пунцовой ткани, спустя 120 лет поразительно сохранившие сочный красный «андрианопольский» цвет.

Известный санитарный врач и деятель московского земства А.В. Погожев оставил описание фабрики по результатам предпринятого им в 1884 г. осмотра предприятий Богородского уезда. Фабрика, имеющая 35 разных строений (включая два жилых помещения для рабочих), зафиксировал он, стоит на участке в 12 десятин, «местность ровная, с уклоном к реке, грунт песчаный, фабрика расположена на левом берегу р. Клязьмы и окружена другими фабриками»; «на фабрике кроме снования пряжи ... совершаются: ручное ткачество бумажных и полушерстяных материй, пунцовое крашение миткаля (с Подгорной фабрики той же фирмы и покупаемого на стороне) и набивка ситца ... Жидкие помои спускаются прямо в реку по общей канаве». Число рабочих в год колебалось от 150 до 250 чел. на пунцовой фабрике и от 80 до 280 на ткацкой. На обоих работало в 1884 г. мужчин 183 чел. и женщин 108 чел., из них уроженцев Богородского уезда 22 чел., прочих уездов Московской губернии — 16 чел., оставшиеся 253 чел. (87 %) были из других губерний. По возрастам рабочие распределялись так: 1 мальчик в возрасте до 12 лет, 8 мальчиков и 8 девочек 12–14 лет, 23 подростка мужского пола и 28 женского пола 14–18 лет, итого в возрасте до 18 лет 68 чел. (23 % от 291); 174 чел. (60 %), преимущественно мужчин, в группе 18–40 лет, 43 чел. (15 %) в группе 40–60 лет, 6 чел. (2 %) старше 60 лет.

Наивысшие зарплаты были у мужчин-набойщиков (15–20 руб. в мес.) и мужчин-ткачей на ручных станах (16–18 руб. в мес.), наименьшие — у девочек и мальчиков на подсобных работах (например, вязке товара в жгуты) — 6–8 руб. в мес. Остальные рабочие в среднем получали по 10–14 руб.

Поскольку большинство рабочих были пришлыми, они жили в «казармах»-общежитиях при фабрике. В начале 1880-х гг. это были тесные помещения на 160 человек — «три общих спальни и несколько семейных камор», однако, по словам Погожева, светлые и с высокими (около 4 м) потолками. В спальнях «мужчины и женщины, мужа с женами и пр. спят вповалку, без разделения полов». При фабрике имелась баня (вполне обустроенная), харчевая лавка, комната для родильного приюта, куда вызывали акушерку, когда какой-то из работниц приходило время рожать⁵⁵.

Сведения Погожева в известной степени опровергают порой звучащий в историографии миф о «симфонии» фабрикантов и рабочих на предприятиях старообрядцев. Не очевидно, что рабочие на фабриках Зиминых также принадлежали к старообрядцам — приводимые ниже правила строжайше запрещали курение и пьянство на фабричной территории. Текстильное предприятие Зиминых являлось типичной капиталистической фабрикой, владельцы которой стремились поддерживать высокую норму эксплуатации в целях интенсификации производства. Их забота об условиях проживания рабочих и уровне их

⁵⁵ Погожев А.В. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 3. Вып. 17. Санитарное исследование фабрик и заводов Богородского уезда. Ч. 4. Суконное и пунцово-красильное производство. М., 1892. С. 60–61.

зарплата зависела от их финансовых возможностей, требований фабричного законодательства и веяний времени.

Представители четвертого поколения династии Зиминых получили хорошее образование. В 1885 г. 18-летний Иван Макарович и 17-летний Николай Макарович с отличием окончили Московское коммерческое училище на Остоженке — одно из старейших и престижных средних профессиональных учебных заведений. В дальнейшем Иван Макарович вошел в торговый дом «И. М. П. Я. и Ф. Зимины», во время Ирбитской ярмарки стал членом Ирбитского биржевого комитета и учетно-ссудного комитета временного отделения Государственного банка в Ирбите. На ярмарке Зимины заключали крупные сделки по продаже продукции Подгорной мануфактуры в Сибирь, Хиву, Бухару и Персию. О важности ирбитской торговли в семейном бизнесе говорит тот факт, что Зимины купили большой дом в Ирбите для представительства своей фирмы.

Николай Макарович продолжил учебу в императорском Московском техническом училище, впоследствии знаменитой «бауманке»⁵⁶. Получив в 1892 г. звание инженера-механика «при отличных успехах и поведении с знаком отличия», он стал членом семейного торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины», но в отличие от брата, получившего в заведование торговую часть, контролировал производство. В качестве заведующего фабрикой в Богородском уезде Николай Макарович много сделал для его технического переоснащения.

Оба предприятия Зиминых занимали обширную территорию. На запрос фабричного инспектора заведующий фабрикой инженер Н.М. Зимин в сентябре 1899 г. сообщал, что в Зуеве торговому дому Зиминых принадлежит 6 дес. 23 кв. сажени (6,6 га), а в селе Крестовоздвиженском — 21 дес. 785 кв. саженей (23,3 га), причем «оба участка заняты фабричными постройками»⁵⁷. Первоначально фабрики отапливались торфом, который заготавливали в окрестных болотах, а с конца 1890-х гг. — «нефтяными остатками».

Ткацкая Подгорная мануфактура действовала круглогодично, а пунцово-красильная фабрика — с 15 февраля до 1 декабря. Распорядок фабричной жизни был подробно расписан в появившихся в 1882 г. «Правилах внутренних распоряжений Подгорной мануфактуры торгового дома Зиминых»⁵⁸. Напечатанные в виде плакатов, Правила были расклеены по всей фабричной территории. Согласно им, наем рабочих «с узаконенными видами» проходил трижды в год: с Пасхи по 1 сентября, с 1 сентября по 1 января и с 1 января по Пасху. Рабочий день начинался в 4 утра и заканчивался в 8 часов вечера с перерывами на завтрак (с 8 до 8.30) и обед. Обеденный перерыв с 1 мая по 15 августа длился полтора часа (с 12.00 до 13.30), а с 15 августа по 1 мая — час (с 12.00 до 13.00). О начале работы, завтрака и обеда рабочие оповещались звонком. Работа была сменной. Первая смена (женщины и подростки) работала шесть часов с 4 до 10 часов утра, затем к работе приступала мужская смена. В 16.00 на работу возвраща-

---

⁵⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 372. Оп. 2. Д. 935 (Личное дело Н.М. Зимина в Императорском Московском техническом училище). Л. 1, 18, 20.

⁵⁷ Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.

⁵⁸ Там же. Ф. 332. Оп. 3. Д. 308. Л. 444–451.

лась отдохнувшая первая смена, которая трудилась до 10 вечера, а затем — снова мужчины, которые работали до 4 часов утра.

Там, где на ручных станках была возможна работа только женщин и подростков, трудились в три смены: первая смена с 4 до 10 часов утра, вторая — с 10 до 16 часов, третья — с 16 до 22 часов. Ночью работы прекращались, на следующий день вторая смена выходила в цех дважды, а первая — один раз.

Выходными днями были все воскресенья (52 дня в году) и церковные праздники — четыре в январе, один в марте (Благовещение Пресв. Богородицы), по два — в феврале, апреле, июле, октябре и ноябре, по три — в мае, июне, сентябре, декабре и семь праздников в августе. Итого в году — 34 церковных праздника и 52 воскресенья, всего — 86 выходных при 279 рабочих днях.

По субботам для рабочих топили баню, в прачечной можно было стирать белье и сушить его во дворе. Рабочие жили при фабрике. Оконные рамы в их «казармах» штукатурили ежегодно, полы перестилали раз в три—четыре года, перед Пасхой морили тараканов, на что в бюджете отдельной строкой прописывалось 26 рублей⁵⁹. Распорядок был строгий — в праздничные дни разрешалось отлучаться, но до 10, а зимой — до 9 вечера. Каждую среду и субботу рабочие были обязаны по очереди мыть полы и лестницы. Пьянство категорически пресекалось, нетрезвый работник удалялся с фабрики и считался прогульщиком. Спиртные напитки разрешались «под праздник», в праздничные дни и по окончании работы, курение — в квартирах, но не во дворе.

В случае болезни рабочим следовало обратиться к фабричному доктору или фельдшеру. Семейные с детьми в возрасте до 15 лет были обязаны отдавать их в школу при фабрике. Хозяева строго следили за поведением работников, которым воспрещались «ссора, брань, драка, сквернословье и вообще всякое нарушение тишины, порядка и спокойствия в рабочих корпусах, в казармах и на дворе фабрики»⁶⁰. Во время отдыха утренней смены — с 10 утра до 4 дня, в праздничные дни после 21.00 зимой и 22.00 летом запрещалось играть на музыкальных инструментах и петь, в том числе во дворе. Действовал запрет на кулачные бои, а также на азартные игры на деньги или вещи. Близ жилища административного персонала рабочие не должны были играть на гармонике, петь, сквернословить и вообще как-либо нарушать «благочиние»⁶¹. Особенно строго соблюдались правила пожарной безопасности (на производстве использовались легковоспламеняющиеся хлопок и горючие смеси), с нарушителей которых брали штраф, первые два раза денежный, затем дело передавалось в суд.

В 1888 г. на обоих предприятиях работало 370 чел., в том числе 188 мужчин, 153 женщины и 29 подростков 15–17 лет. Детей моложе 15 лет на фабрику не принимали. Зарплата рабочих была сдельной и зависела от выработки. В месяц она, как правило, составляла от 8 руб. 25 коп. до 11 руб. 50 коп. «Передовики» получали значительно больше. К примеру, месячная зарплата ткача Антона Федорова в 1898 г. составляла от 26 руб. 26 копеек до 42 руб. 41 копейки, а ткачихи

⁵⁹ Там же. Ф. 332. Оп. 4. Д. 6. Л. 48, 63 об., 80, 82, 86, 102.

⁶⁰ Там же. Л. 449.

⁶¹ Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 308. Л. 459.

Натальи Прокофьевой — от 12 руб. 98 копеек до 21 рубля 87 копеек⁶². Помимо фабричных рабочих в Зуеве и округе на Зиминых работало до 500 ткачей-надомников («мастерков»), в конце 1880-х гг. производивших порядка трети всей продукции их торгового дома⁶³.

Большинство рабочих были пришлыми — уроженцами Владимирской, Рязанской, Московской, Смоленской, Костромской губерний⁶⁴ из крестьянского, мещанского, солдатского сословий. Чаще других ткачами становились крестьяне-отходники, нанимавшиеся на фабрику на время, свободное от полевых работ (на июнь и июль они возвращались в деревню). Нередко на фабрику устраивались родственники или односельчане, что еще больше сплачивало коллектив.

Фабричной больницей заведовал выпускник медицинского факультета Московского университета Всеволод Николаевич Кипарисов. Медицинская помощь оказывалась рабочим бесплатно — зарплату врачу и содержание больницы оплачивал владелец фабрики. Периодически случались пожары — в 1882 г. сгорела казарма Подгорной мануфактуры, в 1885 г. — больница. Столярные (доски, балясины, шкафы) и железные (печные и самоварные трубы, противни, тазы, крышки) изделия производили в собственных мастерских. При фабрике имелась оранжерея, где круглогодично выращивали овощи и зелень. Для нужд производства в селе Крестовоздвиженском был заведен небольшой конный завод, состоявший из жеребца и шести кобыл орловско-рысистой породы, который находился в совместном владении Зиминых — Якова и Филиппа Куприяновичей, Ивана и Николая Макаровичей⁶⁵.

В 1889 г. на фабрике были смонтированы два паровых локомотива. Производство расширилось, число рабочих увеличилось до 404, а в 1890 г. — до без малого 1000 чел. (641 в Крестовоздвиженском и 316 — в Зуеве⁶⁶), был нанят управляющий. В первой половине 1890-х гг. фабриками в Зуеве заведовал «доверенный из крестьян» Алексей Иванович Смирнов с жалованьем 1200 руб. в год⁶⁷. С 1895 г. и вплоть до 1917 г. эту должность занимал нижегородский мещанин Николай Григорьевич Хвальковский, с которым Зимины познакомились на Нижегородской ярмарке.

В 1910 г. на Подгорной мануфактуре было выработано хлопчатобумажных тканей на 1,4 млн руб., в 1915 г. — на 2 млн руб. В 1913 г., по данным «Орехово-Зуевского календаря», на предприятиях торгового дома Зиминых трудилось 1300 рабочих⁶⁸. Фабричную продукцию на подводах, а с проведением Нижегородской железной дороги — вагонами от станции Орехово доставляли в Москву.

Финансовым партнером Подгорной мануфактуры был банкирский дом Рябушинских. В тайном досье на клиентов «с краткой характеристикой их финансового состояния», составленном 22 декабря 1907 г., о предприятии Зиминых говорилось: «Во главе дома стоят: Яков Куприянович, лет 65, чело-

⁶² Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 6. Л. 37.

⁶³ Там же. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 20. Л. 10, 11, 12 об., 15 об., 16.

⁶⁴ Там же. Л. 52 об. — 53.

⁶⁵ Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 371.

⁶⁶ См.: Справочная книга Московской губернии на 1890 год. М., 1890.

⁶⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 1. Д. 563. Л. 9.

⁶⁸ Орехово-Зуевский календарь и записная книжка на 1910 год. Орехово, 1910. С. 97.

век уважаемый, друг Ивана Кондратьевича Полякова, изредка любит кутнуть по-купечески. Николай Макарович — очень скупой и аккуратный». Далее шла оценка самого их фабричного дела: «Ткацкая и красильно-отбельная фабрики близ Орехово-Зуево. Дело очень крупное. Торгуют исключительно с Сибирью и Закаспийским краем. Много кредитуются у товарищества Викулы Морозова и Ярославской мануфактуры. В упрек можно сказать, что дело до сих пор не прогрессировало. В последнее время ставят 9 000 прядельных веретен»⁶⁹.

В 1907–1909 гг. под руководством инженер-механика Николая Макаровича Зимина была проведена модернизация фабрики — построены два новых корпуса и закуплено современнейшее английское оборудование. От переутомления Н.М. Зимин заболел и в 1909 г. скончался в возрасте 40 лет.

Начало XX в. вообще оказалось непростым периодом для фирмы Зиминных. Постройка новой прядельной фабрики в 1907–1908 гг. и реконструкция ткацкой фабрики планировались ими заранее, но экономический кризис 1907–1910 гг. резко сузил текстильный рынок, и 1,5 млн руб., затраченные на обновление производства, быстро компенсировать не удалось⁷⁰. Смерть фактического руководителя фирмы — Н.М. Зимина — вызвала неожиданные проблемы с менеджментом, престарелый Яков Киприанович уже не справлялся с руководством. Газета «Коммерческий телеграф» отмечала в связи с кризисом фирмы: «Причину неуспешности все видят в отсутствии даровитого и энергичного руководителя таким крупным и сложным предприятием»⁷¹. Зимины стали брать кредиты, но часть их покупателей из-за кризиса не расплатилась за товар (в долгах осталось 350 тыс. руб.), и к 1913 г. положение их торгового дома сделалось критическим.

Стоимость его имущества составляла 5,4 млн руб., задолженность банкам и прочим кредиторам — 3,8 млн руб. Фирма не смогла в срок вернуть Государственному банку кредит в 300 тыс. руб., а Купеческому банку — 1 135 872 руб. Но компанию спасла ее многолетняя высокая репутация. В декабре 1913 г. ее основные кредиторы, ведущие московские банки и фирмы-поставщики, подали ходатайство в московский Биржевой комитет, в котором говорилось: «Принимая во внимание, что фирма за долгое время своего существования неизменно пользовалась высоким доверием на рынке и отличалась особой добросовестностью в выполнении своих обязательств, что предприятие торгового дома обширное, занимает видное положение на мануфактурном рынке ... что по балансу его не только не имеется дефицита, но и значится чистый капитал, что предприятие Торгового Дома вполне жизнеспособное и дела его могут быть восстановлены учреждением Администрации, покорнейше просим Биржевой Комитет допустить администрацию по делам Торгового Дома “И. М. П. Я. и Ф. Зимины”. Причем мы, нижеподписавшиеся, подтверждаем, что принимаем на себя все обязательства перед Государственным банком»⁷². Письмо подписали представители московского Купеческого общества взаимного кредита, товарищества мануфактур Викулы Морозова, фирм Вогау, Стукен, Шмидт, Шлихтерман.

⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 254. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

⁷⁰ Коммерческий телеграф. 1913. 27 нояб.

⁷¹ Там же. 10 дек.

⁷² ЦГА г. Москвы. Ф. 450. Оп. 8. Д. 145. Л. 32–33.

22 декабря 1913 г. Биржевой комитет утвердил администрацию по делам предприятия, главной задачей которой стал контроль за возвратом долгов. Фирма Зиминых пользовалась доверием кредиторов, обладала значительным недвижимым имуществом, в 1914–1916 гг. ее годовое производство не опускалось ниже 2 млн руб. Было решено, что торговый дом следует преобразовать в паевое товарищество, а средства, полученные от продажи части паев, использовать для погашения долгов.

Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 г., и вызванная ею инфляция замедлили этот процесс. Но предприятия Зиминых продолжали работу и сумели преодолеть финансовый кризис. В 1917 г., вскоре после Февральской революции, торговый дом «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» был преобразован в паевое товарищество, получившее по главной фабрике название «Товарищество на паях Подгорной мануфактуры Зиминых»⁷³. Его учредителями выступили председатель московского Торгового банка, коммерции советник Александр Николаевич Найденов, потомственный почетный гражданин Яков Киприанович Зимин, личный почетный гражданин Иван Макарович Зимин и вдова личного почетного гражданина Вера Николаевна Зиминова (урожденная Гучкова, вдова Николая Макаровича)⁷⁴. 24 марта 1917 г. Временное правительство утвердило его устав, имущество бывшего торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» стоимостью 5,5 млн руб. перешло вновь созданному товариществу, долги погашены, временная администрация распущена. Был выпущен 1481 пай общей стоимостью 4 443 000 руб. (3 000 руб. за пай).

28 апреля 1917 г. в зале конторы Зиминых на Шуйском подворье состоялось общее собрание пайщиков. Помимо перечисленных четырех учредителей, избранных директорами правления, в нем участвовали Анна Ивановна Зиминова (владелица 89 паев), Сергей и Евгений Филипповичи Зимины (90 и 89 паев), А.И. Розанов (1 пай), представитель московского Торгового банка А.А. Капустин (1 пай), О.М. Панова (10 паев), С.С. Любушкина (5 паев), К.И. Любушкина (5 паев), Е.С. Любимова (3 пая) и Н.А. Крюков (2 пая), всего — 10 чел.

Один из четырех директоров правления — А.Н. Найденов — владел 10 паями. Подавляющее большинство паев осталось в руках Зиминых, и, таким образом, товарищество сохранило характер семейной фирмы. Иван Макарович Зимин владел 452 паями, Вера Николаевна Зиминова 118 паями, ее несовершеннолетние дети в общей сложности 375 паями (Александр и Борис Николаевичи⁷⁵ имели по 156 паев, Елена Николаевна 63 пая), Яков Киприанович Зимин — 250 паями.

Однако, едва начавшись, новый период в жизни фирмы и предприятий Зиминых скоро закончился. В конце октября грянула большевистская революция. В 1918 г. фабрики Зиминых, как и все крупные предприятия Московского промышленного района, были национализированы в соответствии с декретом Совнаркома от 28 (15) июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной,

⁷³ Там же. Ф. 51. Оп. 10. Д. 436. Л. 434–436.

⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁷⁵ Зимин Александр Николаевич, экономист (1903–1938), Зимин Борис Николаевич, инженер, преподаватель вуза (1904–1935). Оба брата погибли в годы сталинских репрессий.

электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта» и декретом Совнаркома от 29 (16) июня 1918 г. «О закупке и распределении тканей».

Зуевская мануфактура Ивана Никитича Зимина: фабрики в Зуеве и в Дрезне. 1810–1918 годы. Семейная линия Никиты Семеновича Зимина

Старший сын родоначальника династии Семена Григорьевича Зимина — Никита Семенович (1791–1866) — в 1840 г. унаследовал отцовскую шелкоткацкую фабрику, оборудованную ручными станками. Точная дата основания фабрики неизвестна. В рапорте московскому губернатору от 6 июня 1864 г. богородский уездный исправник писал: «Ситцевая фабрика 1 гильдии купца Павловского Посада Никиты Семеновича Зимина была заведена лет 50 тому назад без разрешения на собственной земле, купленной им, Зиминим, у [господина] Рюмина»⁷⁶.

После смерти отца Никита Семенович состоял в 3-й гильдии Богородского купечества. По данным на 1843 г., на 233 станах его фабрики работали 254 ткача, производивших шелковых платков и тканей (грезентана, нанку, миткаля) на 30 282 руб. серебром в год⁷⁷.

Вероятно, Никита Зимин раньше всех из рода Зиминых стал торговать в Москве. Уже в 1840-х гг. он, тогда богородский 3-й гильдии купец, стал снимать небольшую квартиру в Москве, в Рогожской части, на Вороньей улице, возле храма Сергия Радонежского, в доме московского купца 3-й гильдии Дементия Пискарева⁷⁸. По сведениям десятой ревизии (1858), семья Н.С. Зимина состояла из 10 чел. Согласно ревизской сказке, к старшему поколению принадлежали 65-летний Никита Семенович, богородский купец 3-й гильдии, и его жена Елена Панфиловна (1794–1869), происходившая из известной текстильной династии Новосадовых, купцов Владимирской губ. К среднему поколению — 35-летний сын Никиты, Иван Никитич и его 28-летняя жена Федосья Егоровна, а также незамужняя дочь Никиты, 19-летняя Авдотья. К младшему поколению относились пятеро детей Ивана и Федосьи: 10-летний Леонтий, Григорий 3-х лет и дочери Прасковья, Марья и Елизавета, соответственно 8, 7 лет и 1 года. В 1856 г. Иван Никитич переписался в богородское купечество из московского 3-й гильдии, в котором он, видимо, состоял несколько лет⁷⁹. Причина перехода купцов из московского в уездное купечество, как правило, заключалась в их стремлении не платить высокий московский гильдейский взнос (65 руб. в год). В Богородске аналогичный взнос составлял 45 руб. Видимо, по той же причине в 1861 г. он перешел из богородского

⁷⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 180. Д. 2. Л. 3.

⁷⁷ *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. С. 72.

⁷⁸ *Нистрем А.К.* Книга адресов жителей Москвы на 1848 г. М., 1848. С. 188.

⁷⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 724. Оп. 3. Д. 327. Л. 3–4.

в павлово-посадское купечество 2-й гильдии, а в июле 1863 г. — там же в 1-ю гильдию. Торговля в Москве у Никиты Семеновича шла хорошо, и в 1860-е гг. он, оставаясь подмосковным купцом, приобрел дом на Большой Алексеевской улице.

После смерти Никиты ставший с 1866 г. руководителем дела его сын, Павловского Посада 1-й гильдии купец Иван Никитич Зимин (1818–1887) начал расширять и совершенствовать производство. В 1867 г. представленные на всемирной Парижской выставке хлопчатобумажные ткани Зиминых получили бронзовую медаль. В Париже фабрика И.Н. Зимина выставляла пунцовый крестьянский ситец, на окраску которого уходило порядка 15 тыс. пудов «туземной марены»; рабочих было до 500 чел.⁸⁰

В 1868 г. фабрика получила наименование «Зуевская мануфактура И.Н. Зимина», в 1884 г. было создано одноименное паевое товарищество. Его изделия регулярно получали награды за качество: две золотые медали — на Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге (1870) и на Всероссийской политехнической выставке в Москве (1872); две серебряные медали — на мануфактурной выставке в Москве (1882) и Всероссийской торгово-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (1896). Эти медали были изображены на фабричной маркировке изделий. Был получен также почетный диплом на выставке в Глазго в 1901 г.

Товарищество при Иване Никитиче и его потомках оставалось семейной фирмой, важным принципом которой было приобретение и укрепление фамильных капиталов. Еще в начале 1860-х гг. Н.С. Зимин переписал свой дом на Большой Алексеевской на имя Ивана Никитича, а тот в середине 1860-х гг. предусмотрительно переоформил его на супругу Федосью Егоровну (1829–1871)⁸¹, урожденную Кононову (ее дед Федор Кононов устроил шелковую фабрику в Зуеве еще в 1791 г. и, таким образом, являлся одним из первых зуевских текстильщиков). Купцы так действовали нередко — по действовавшему закону, имущество мужа и жены было отдельным и не отвечало за другое по долгам.

В 1871 г. 50-летний Иван Никитич овдовел и спустя год женился вторично на бездетной вдове Евдокии Савватьевне Любушкиной (1845–1926), дочери купца 3-й гильдии Савватия Козьмина, старообрядца-беспоповца⁸². 18-летней она вышла замуж за 26-летнего хлеботорговца Александра Герасимовича Любушкина (1836–1864). Любушкины играли видную роль в старообрядческой общине Преображенского кладбища — дед мужа был сиротским попечителем общины⁸³. Первый брак Евдокии был недолгим — ее муж скоропостижно скончался и она осталась вдовой в 19 лет, после чего семь лет носила траур. Выйдя в 26 лет замуж за И.Н. Зимина, Евдокия прожила в браке 15 лет, в течение которых родила пятерых детей: Любовь (1873–1960), Ивана (1875–1922),

⁸⁰ Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1867. С. 59.

⁸¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 62. Д. 10413. Л. 1–2.

⁸² Материалы для истории московского купечества. Т. VIII: Сказки, поданные купеческим сообществом к 8-й ревизии. М., 1889. С. 113.

⁸³ Московский Некрополь. Т. 2. С. 202.

Сергея (1876–1942), Александра (1878–1923) и Николая (1880–1888)⁸⁴. Среди ее детей наиболее известен основатель русской частной оперы С.И. Зимин.

После кончины Ивана Никитича 17 декабря 1887 г. осталось значительное имущество в виде недвижимости в Москве и Зуеве (фабрики, лавки, дома и земельные владения), а также капитал в паях собственного торгово-промышленного товарищества, банковских вкладах и в ценных бумагах на сумму 2,2 млн руб.⁸⁵ Его наследниками по составленному им в 1880 г. завещанию были: Евдокия Савватьевна, два сына от первого брака — Григорий (1854–1918)⁸⁶ и Леонтий (1849–1913)⁸⁷ и четверо детей от второго брака — Иван, Сергей, Александр и Любовь.

В 1887 г. Евдокия Савватьевна до совершеннолетия своих сыновей стала директором Зуевской мануфактуры и оставалась на этом посту до национализации фабрик в 1918 г. Таким образом, руководство семейной фирмой осуществляли вдова Ивана Никитича и два его старших сына от первого брака — Леонтий и Григорий. После скоропостижной смерти Леонтия Ивановича на отдыхе в Ницце в 1913 г. Григорий предложил занять третье место директора старшему сыну Евдокии Савватьевне и своему сводному брату Ивану Ивановичу.

В 1897 г. Зимины решили вдобавок к первой фабрике, успешно действовавшей в Зуеве, построить еще одну — на принадлежавшей им земле в поселке Дрезна Теренинской волости Богородского уезда, в десяти верстах от станции Орехово. В феврале 1899 г. от московского губернского правления было получено разрешение на устройство бумагопрядильной и ткацкой фабрики «на собственной земле близ деревни Рудиной и Горбачихи Богородского уезда»⁸⁸. В дальнейшем эта фабрика в документах обозначалась как фабрика в Дрезне, или «дрезненская (дрезенская)».

Расширение производства было связано с необычайно высоким спросом в России на хлопчатобумажные ткани. Их львиную долю производили крупные предприятия, к которым относились фабрики, принадлежавшие обеим ветвям династии Зиминых. Причину господства крупных предприятий в российской текстильной отрасли объяснил видный немецкий экономист Герхарт фон Шульце-Геверниц, посетивший Россию в 1890-х гг.: «На Западе крупные промышленные предприятия развились постепенно из средних и мелких. В России крупное производство возникло сразу по воле крупных капиталистов. Таким образом, развитие русской промышленности началось со значительной уже концентрации капиталов. ... Оказывается, что среднее число веретен на фабрику в Москве и Владимире больше, чем в Англии и Германии»⁸⁹.

⁸⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 724. Оп. 3. Д. 335. Л. 8; Там же. Д. 327. Л. 6–8.

⁸⁵ Там же. Ф. 332. Оп. 1. Д. 60. Л. 9–10.

⁸⁶ Г.И. Зимин с 1879 г. был женат на Людмиле Викуловне Морозовой (1863–1936). В 1881 г. у них родилась дочь Вера, она стала их единственным ребенком.

⁸⁷ Л.И. Зимин был женат на Марье Васильевне Полубешенцевой (1855–1930), в браке 14 детей.

⁸⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 180. Д. 99. Л. 17.

⁸⁹ Шульце-Геверниц Г. Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899. С. 49.

Шульце-Геверниц писал, что «хлопчатобумажная промышленность в России возникла и развилась, опираясь на местное массовое потребление»⁹⁰, и приводил примеры быстрой переориентации низших слоев населения с домотканной продукции на хлопчатобумажные ткани: «В 1895 г. я побывал в деревенской лавке одного большого села Воронежской губернии, чтобы получить представление о современном спросе на товары со стороны крестьян. Преобладали разные хлопчатобумажные товары; женщины для нарядов предпочитали яркие цвета ситцев, которые вытеснили невзрачные изделия домашнего производства. Для богатых и искусных вышивок служила хлопчатобумажная машинная пряжа. Единственный товар нерусского происхождения была красная пряжа, которая известна под названием “*Müllhouse*” — неудачная переделка названия места ее производства ... (*Muhlhausen*) в Тюрингии. Мужчины также перешли к хлопчатобумажной одежде... Так как в крестьянских избах обыкновенно бывает чрезвычайно высокая температура, то и мужчины и женщины даже и зимой носят дома бумажную одежду. Выходя на двор, они одевают шубу и сапоги»⁹¹.

Таким образом, развитие текстильной промышленности и рост капиталов у владельцев текстильных предприятий был напрямую связан с изменениями в массовом потреблении. Более дешевые и прочно окрашенные серийные ткани фабричного производства неизбежно вытесняли продукцию домашнего ткачества.

По данным на 1900 г., на красильной и ситценабивной фабрике товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина в с. Зуеве было занято 809 рабочих, производство составляло 3 095 700 руб., в том числе окрашивалось тканей на 1 644 100 руб. и отделялось на 1 451 600 руб. На втором предприятии — бумагопрядильной и ткацкой фабрике в Дрезне — число рабочих достигло 1358 чел., годовое производство оценивалось в 1 252 400 руб. Большую часть продукции составляла бумажная пряжа и суровые (необработанные) ткани, производились вата и вигоневая пряжа⁹².

В 1912 г., согласно официальным данным Министерства торговли и промышленности, товариществу принадлежали две фабрики. На «старой» в Зуеве, где трудилось 953 рабочих, производилась набивка и отделка хлопчатобумажных тканей на 6,1 млн руб. в год. На «новой» прядильно-ткацкой при поселке Дрезна вырабатывались суровые ткани — бязь, репс, молескин, а также бумажная пряжа и вата. На ней было занято 4 259 рабочих, годовое производство составило 6,6 млн руб. Обе фабрики были механизированы — на первой работали паровые машины общей мощностью 425 лошадиных сил, на второй — 3 360 лошадиных сил⁹³.

Хозяева предприятия стремились выпускать продукцию на уровне мировых стандартов. В Европе закупалось наилучшее оборудование, на протяже-

---

⁹⁰ Там же. С. 14.

⁹¹ Там же. С. 11.

⁹² Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 16.

⁹³ Список фабрик и заводов Российской империи. Составлено по официальным сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности / под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912. Группа I. С. 14.

нии многих лет на руководящие технические должности приглашались английские специалисты. Так, в 1908–1911 гг. прядильным директором работал Джеймс Иствуд, а в 1912–1915 гг. — его соотечественник Джон Вуд⁹⁴. Сами Зимины стажировались за границей. К примеру, Алексей Леонтьевич Зимин имел квалификацию классировщика хлопка, обучившись этому ремеслу в ведущих фирмах Нью-Йорка и Нового Орлеана. Хлопок на фабрику привозили из Америки, его наиболее употребимыми сортами были Фулли Гуд Миддл(инг) Орлеанский и Саванский⁹⁵. Поставки сырого хлопка шли через фирмы московских немцев «Стукен и К°» и «Вогау и К°»⁹⁶. В сентябре 1898 г. «Стукен и К°» заключила соглашение на поставку 1400 кип хлопка на следующих условиях: в мае и июне 1899 г. по 100 кип в месяц и с июля по декабрь по 200 кип в месяц. Доставка осуществлялась на станцию Дрезна Московско-Нижегородской железной дороги, откуда шла собственная железнодорожная ветка до фабричных корпусов Зиминых. За досрочные платежи покупателю полагалась скидка в 5 %⁹⁷.

Тогда же была достигнута договоренность с Отто Вогау на поставку 400 кип саванского хлопка по 50 кип в месяц с мая по декабрь 1899 г.⁹⁸ Как и в сделке со Стукеном, в случае досрочного платежа покупатель получал скидку. Маршрут хлопкового сырья пролегал из Нового Орлеана в Ригу и далее по железной дороге до станции Дрезна. В некоторых случаях суда с хлопком шли до Бремена, попадая затем в России либо морем через Ригу, либо сразу по железной дороге. Подобные поставки на фабрику И.Н. Зимина осуществлялись ежегодно.

Высокое качество продукции Зиминых вызывало зависть конкурентов. Обнаружив, что один из них, московский купец Илья Грушин, использует сходный ему товарный знак, правление товарищества Зуевской мануфактуры в 1898 г. писало нотариусу А.Д. Соколову: «До сведения правления дошло, что г[осподин] Грушин на изделия своей фабрики накладывает товарные знаки совершенно тождественные по форме, рисунку и цвету с товарным знаком Товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина, причем вместо принадлежащих Товариществу медалей Грушин изображает кружки с фигурами людей, что в общем имеет сходство с медалями. Хотя на своих товарных знаках Грушин делает надписи о своей фирме, но общее сходство его товарных знаков с такими же Товарищества настолько велико, что люди неграмотные, покупающие товары на рынках, и разные инородцы впадают в заблуждение и покупают грушинские товары в полной уверенности, что они приобретают изделия Товарищества, имеющие обширный спрос в России, ее окраинах и в Азии»⁹⁹.

Далее следовала отсылка на закон от 26 февраля 1896 г., согласно которому товарный знак, зарегистрированный фирмой в Министерстве финансов, давал фабриканту право на «исключительное пользование подобным знаком», а

⁹⁴ Орехово-Зуевский календарь и записная книжка на 1910 год. С. 97.

⁹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 4. Д. 14. Л. 17.

⁹⁶ Петров Ю.А. Коммерческие банки. С. 24.

⁹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 4. Д. 14. Л. 2.

⁹⁸ Там же. Л. 7–8.

⁹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 336. Л. 2.

«лицо, дозволившее себе пользоваться воспроизведенным или явно сходственным знаком, принадлежащим другому лицу, подвергается за это уголовной каре»¹⁰⁰. Через нотариуса Грушину было предложено немедленно уничтожить и изъять из употребления свои товарные знаки, «сходственные» с товарными знаками товарищества Зуевской мануфактуры. Чтоб не доводить дело до суда, Грушин был вынужден прекратить пользоваться товарными знаками, введившими в заблуждение покупателей.

Высокое качество продукции на фабриках товарищества Зиминых во многом достигалось за счет железной дисциплины, установленной на их фабриках. Вплоть до появления закона от 2 июня 1897 г., который ограничил продолжительность рабочего дня 11,5 часами и устанавливал обязательный воскресный отдых, на их предприятиях работа шла круглосуточно. Для взрослых мужчин дневной смены рабочий день начинался в 4 утра и длился до 8 вечера с часовыми перерывами на завтрак и обед и, таким образом, длился 14 часов. Ночная смена также продолжалась 14 часов — с полудня до 4 часов утра с двухчасовым перерывом на ужин. Наложение смен одна на другую позволяло максимально использовать светлое время суток, а хозяевам экономить на освещении цехов.

В «казармах»-общежитиях царили строгие правила. Рабочим запрещалось являться на работу в нетрезвом виде (за это безжалостно штрафовали без допущения к работе), курить на территории фабрики и даже держать при себе спички. В фабричных и жилых помещениях воспрещались «шум, брань, ссора, драка, кулачные бои, всякого рода вредные для других игры и шутки, игры на деньги или вещи в карты, орлянку и прочее»¹⁰¹. За любые нарушения правил внутреннего распорядка взимались штрафы, хотя зарплата рабочих, как и вообще в текстильной отрасли, оставалась невысокой и на рубеже XIX–XX вв. составляла от 10 до 25 руб. в месяц. Особое внимание уделялось чистоте в цехах и общежитиях. Обследовавшая их санитарная комиссия Богородского уездного земства отмечала, что «фабрика содержится в постоянной чистоте и опрятности»¹⁰².

В 1915 г. в правление товарищества входили Григорий Иванович Зимины (сын Ивана Никитича от первого брака), Евдокия Савватьевна Зимины (вдова Ивана Никитича) и Иван Иванович Зимин (сын Ивана Никитича от второго брака). Таким образом товарищество оставалось семейной фирмой. Кандидатами к директорам состояли Николай Леонтьевич Зимин, Александр Иванович Зимин и бухгалтер товарищества, потомственный почетный гражданин Алексей Тарасович Голубков.

В 1918 г. фабрика в Дрезне была национализирована.

---

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Правила внутреннего распорядка на пунцово-красильной фабрике Товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимины в с. Зуеве Богородского уезда Московской губернии. Зуево, 1891. С. 2–4.

¹⁰² ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 180. Д. 98. Л. 37.

Торговля Зиминых в Китай-городе: Зеркальный ряд, Богоявленское подворье, Шуйское подворье

Производство Зиминых было сосредоточено в Зуеве, но их торговые сделки уже с начала XIX в. осуществлялись в Москве, в Китай-городе, который являлся средоточием торговой древней столицы.

Лавки И.С. Зимина в Зеркальном ряду. Как опытный и оборотистый купец, Иван Семенович Зимин понимал, что торговать следует на бойком месте, именно — в Китай-городе, пусть и переплачивая за аренду. Уже в 1850-х гг. он начал продавать изготовленные на его фабрике хлопчатобумажные ткани в знаменитом Зеркальном ряду Средних торговых рядов. Он возник еще в XV–XVI вв., когда здесь торговали зеркалами итальянские купцы. Во второй половине XIX в. почти весь Зеркальный ряд занимали российские мануфактурщики. Всего здесь располагалось 160 лавок, в которых можно было приобрести продукцию лучших производителей текстиля Центральной России.

В Зеркальном ряду Зимины торговали почти четверть века — с начала 1850-х гг. до 1875 г.¹⁰³ Поначалу Иван Семенович арендовал лавку № 22 у владельцев крупнейшего золотопрядильного предприятия России Владимира и Петра Алексеевых, унаследовавших эту и еще 63 лавки в Китай-городе в 1848 г. от своей матери, коммерции советницы Веры Михайловны Алексеевой. Вскоре представилась возможность снять соседнюю лавку № 21, принадлежавшую братьям Мазуриным, владельцам крупнейшей фабрики хлопковой пряжи и сыновьям московского городского головы в 1828–1831 гг. Алексея Алексеевича Мазурина. К 1861 г. И.С. Зимин арендовал уже три лавки. Третья, № 55, была выбрана не случайно — в трех соседних лавках, арендованных у представителя московской купеческой элиты Валентина Куманина, московского городского головы в 1837–1840 гг., и крупных торговцев Усачевых, кстати, родственников Куманиных, вел торговлю его давний приятель и сосед по Зуеву Викул Елисеевич Морозов.

В одной лавке Иван Семенович распоряжался самолично, во время отъездов в Зуево оставляя дело на сына Макария, а в двух других посадил племянников Петра и Филиппа Киприановичей. Старший племянник Яков во время пребывания Ивана Семеновича в Москве заведовал фабричными делами в Зуеве и Крестовоздвиженском.

Почему же Зимины не покупали лавки, а долгие годы арендовали их? Дело в том, что лавки продавались нечасто, а если выставлялись на продажу, то за огромные деньги, составлявшие пятую, а то и четвертую часть доходов Зиминых. Китайгородские лавки являлись наследственным имуществом старомосковского купечества и, как показало время, его самым надежным источником дохода. Сам факт владения такой лавкой свидетельствовал о том, что ее собственник являлся представителями второго–третьего поколения московской купеческой династии. В 1850–1860-е гг. аренда обычной московской лавки обходилась в 20–2000 руб. серебром в год, а в Китай-городе доходила до 3500 руб.

¹⁰³ См.: *Рудольф М.* Топографический купеческий рядский календарь к плану московских рядов и гостиных дворов. М., 1862. С. 60.

серебром. Чем ближе лавка располагалась к Красной площади, тем выше была ее цена.

Средние торговые ряды занимали целый квартал — от Красной площади до Хрустального переулка и от Ильинки до Варварки. На Ильинке они соседствовали с Верхними торговыми рядами, а на Варварке — с Нижними торговыми рядами, спускавшимися к Москве-реке. Первые Средние торговые ряды возникли на этом месте уже в XV в. Купцы, приезжавшие в Москву из Суροжа (Судака), Литвы, Польши и торговавшие предметами одного назначения, образовывали особые ряды — Суροжский, Панский, Москательный, Кафтанный и т.д.

В начале 1870-х гг. городские власти решили снести обветшавшие Верхние и Средние ряды. В 1891–1894 гг. по проекту архитектора Р.И. Клейна было возведено новое здание Средних торговых рядов в русском стиле. В связи с реконструкцией Средних торговых рядов Зимины в 1875 г. прекратили аренду лавок в Зеркальном ряду и перебрались на новое место. Иван Семенович с племянниками стал арендовать помещение в Богоявленском переулке, а его племянник Ефим Степанович — на Кокоревском подворье.

Лавка И.С. Зимина в Богоявленском переулке. Новое помещение располагалось неподалеку от прежнего также в Китай-городе, в доме 2 по Богоявленскому переулку¹⁰⁴. Контора и склад Зиминых в этом месте размещались почти десять лет, в 1876–1885 гг.

Обороты московской лавки Зиминых впечатляют. Так, за десять месяцев с июля 1880 г. по апрель 1881 г. здесь было продано товаров на 238 189 руб. серебром¹⁰⁵. Зиминым было, что предложить покупателю. Ежегодно их Подгорная мануфактура выпускала 18–20 сортов хлопчатобумажных и полушерстяных тканей: демикотон, крусет, камлот, казинет, кашемир, ланкорт, миткаль, нанку, плис, ситец, репс, сарпинку, саржу, твин, тик, а также платки. Судя по ассортименту, предприятие вырабатывало как дешевые ткани «для народа» (ситец, саржу, тик, миткаль, твин), так и дорогие для состоятельной публики (кашемир, камлот, демикотон).

Наиболее востребованные сорта тканей выпускались в «нескольких номерах» (номер давался по толщине нити и цвету раскраски). Например, в сезон 1879 г. Зимины предлагали покупателю миткаль (суровую дешевую хлопчатобумажную ткань) семи номеров, плис (хлопчатобумажную или полушерстяную ткань бархатного типа с ворсом до 6 мм) тринадцати номеров¹⁰⁶. Через пять лет их ассортимент еще более расширился — Зимины наладили выпуск шерстяного драпа черного и коричневого цвета, ситца-шотландки в разноцветную клетку, бязи, мильтона, манчестера (хлопчатобумажного бархата черного и коричневого цвета), черной, коричневой и пунцовой бумазеи. Для покупателей из Средней Азии выпускались «кретон бухарский», «тик ташкентский», «киргизин»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства по городу Москве на 1877 год. М., 1877. С. 305.

¹⁰⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 4. Д. 7. Л. 32.

¹⁰⁶ Там же. Л. 7.

¹⁰⁷ Там же. Д. 10. Л. 2–126.

Здание конторы И.С. Зимина не сохранилось, но история его известна. Она связана с древнейшим в Москве мужским Богоявленским монастырем «за Торгом», «за Ветошным рядом». Основанный в конце XIII в. московским князем Даниилом Александровичем, монастырь расположен между улицами Никольской и Ильинкой, своей главной (восточной) стороной выходя в Богоявленский пер. Сюда обращен алтарь Богоявленского собора (1693–1696) — памятника архитектуры нарышкинского барокко. На западе монастырские кельи вплотную примыкают к задним фасадам строений по Ветошному переулку. Переулок фиксирует местоположение последнего ряда Верхних торговых рядов, где с XVI в. торговали «ветошью» — подержанными вещами. До наших дней Богоявленский монастырь сохранил только часть своего исторического владения, в XX в. он утратил земли со строениями на углу Никольской улицы и Богоявленского переулка.

Именно здесь находилась лавка со складом мануфактурных товаров купца 1-й гильдии Павловского Посада И.С. Зимина. В 1672 г. этот угловой участок стал вкладом в древнюю обитель от боярыни Ксении Репниной, которая, в свою очередь, получила его в наследство от дяди Ю.П. Буйносова-Ростовского. Монастырские власти поставили на Никольской улице Святые ворота с надвратной церковью, а по границам вновь полученного участка — торговые помещения и оптовые склады. Лавки и склады в Китай-городе были надежной и выгодной недвижимостью, способной стабильно приносить высокий доход.

Двухэтажный корпус в Богоявленском переулке под № 2 был построен в 1870 г. на месте обветшавшего здания начала XIX в. И.С. Зимин арендовал в нем секцию в два этажа. На первом этаже располагался вход в лавку с окнами-витринами по сторонам. В зале первого этажа велась розничная торговля, на втором держались крупные партии товара для оптовых покупателей¹⁰⁸. Здание было разрушено осенью 1941 г., когда на угол Богоявленского переулка и Никольской улицы рухнул сбитый немецкий бомбардировщик.

Правление торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» на Шуйском подворье. С конца 1890-х гг. по 1917 г. правление, контора и «торговое отделение» (склад) торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины» помещалось в одном из самых престижных зданий Китай-города — «Шуйском подворье» (современный адрес: Никольский пер., д. 4–6). Неподалеку на Ильинке находилась биржа и представительства крупнейших российских банков, а в десяти минутах ходьбы — Верхние и Средние торговые ряды.

Свое название Шуйское подворье унаследовало от находившейся здесь в середине XIX в. небольшой гостиницы. Она размещалась в бывшем владении дворян Юшковых, которые жили здесь почти 150 лет (до 1814 г.) и по имени которых стал называться переулок, пока последний из представителей династии, Петр Юшков (сын московского обер-полицмейстера в конце XVIII в.), промотав наследство, не продал его коломенскому купцу Ивану Резцову. «Шуйским подворьем» свою гостиницу тот назвал потому, что в ней преимущественно останавливались шуйские и ивановские торговцы текстилем. В 1875 г. москов-

¹⁰⁸ ЦГА г. Москвы. Отдел хранения научно-технической документации Москвы. Ф. 1 (Городская часть). Д. 392/53; ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 147. Д. 18; Ф. 179. Оп. 63. Д. 1459, 1460.

ское Купеческое общество купило большой участок, прежде находившийся под двором Юшковых. Все строения на нем кроме гостиницы были снесены. На освобожденной земле, по проекту архитектора А.С. Каминского, было выстроено трехэтажное, в стиле «историзма», здание делового центра с обширным внутренним двором, также названное Шуйским подворьем¹⁰⁹. Подворье сдавалось в аренду крупнейшим текстильным фирмам под конторы, амбары (склады), лавки.

Размещение головной конторы Зиминых в Шуйском подворье сигнализировало их деловым партнерам, что торговый дом вошел в элиту московского купечества. Зимины снимали две секции рядом с проездной аркой. В их распоряжении были подвал, где размещался склад готовой продукции, торговые и конторские помещения на первом и втором этажах. Годовая аренда составляла 7 475 руб. Соседние секции №№ 3 и 4, а также третий этаж над Зимиными арендовала старейшая из московских текстильных торговых фирм — «И.В. Щукин с сыновьями». В разные годы соседями Зиминых были другие крупные московские торговые дома — «Братьев Носовых» (фабрикантов шерстяных тканей), владелицы двух текстильных фабрик в Серпухове Анны Васильевны Мараевой, товарищества Шуйской мануфактуры, наследников Евдокии Вуколовны Шибяевой (хлопчатобумажная фабрика в Богородском уезде), А.А. Шрадер, Волжской мануфактуры «Миндовский и Бакакин» и др.¹¹⁰

В своем кругу контору в Китай-городе Зимины называли «московской лавкой». Через нее продавалось примерно 40% выработанного на их предприятиях товара¹¹¹, сохранившаяся «Продажная» книга» содержат список из 240 покупателей-оптовиков, посетивших их лавку только за один из летних месяцев 1885 г.¹¹² Здесь же заключались сделки с поставщиками сырья, среди которых были знаменитые фирмы. Так, бумажную пряжу Зимины покупали у фирмы «Павел Малютин с сыновьями» (фабрика в Раменском Московской губ.), у Вознесенской бумагопрядильной мануфактуры Лепешкиных (пять фабрик в Дмитровском уезде Московской губ.), у торгового дома «Мартемьян Борисовский» (бумагопрядильная фабрика в Переславле-Залесском), у Кренгольмской мануфактуры (крупнейшая российская бумагопрядильная фабрика в Нарве), у братьев Хлудовых, владельцев огромной фабрики в Егорьевске. Объемы закупок были гигантскими. К примеру, в 1870 г. у Лепешкиных было куплено 38 тонн и у Борисовских 36 тонн бумажной пряжи¹¹³. Шерстяную пряжу приобретали у немцев — Вебера, Шиллинга и Кремера.

Краски также покупались лучшие, как российской выработки (на химических заводах Малютиных в Подмосковье и Ушковых в Казани, фабрике Кучуминых в Покрове), так и зарубежного производства — Фридриха Понфика, Карла Стукена, фирм «Вогау», «Стукен и Шпис»¹¹⁴.

¹⁰⁹ По проектам того же архитектора на Ильинке были возведены здания биржи (д. 6) и подворья Иосифо-Волоколамского монастыря (д. 7).

¹¹⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2718, 3296, 3618, 3793, 3971; Ф. 311. Оп. 3. Д. 856.

¹¹¹ Там же. Ф. 332. Оп. 1. Д. 285. Л. 13–14.

¹¹² Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 3–271.

¹¹³ Там же. Д. 2. Л. 15; Оп. 1. Д. 286. Л. 1–2.

¹¹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 135–136.

Зимины активно торговали и на ярмарках. Здесь их основными клиентами выступали торговцы из восточных регионов Российской империи, равно крупные оптовые и мелкие. По нашим подсчетам, на Нижегородской ярмарке они продавали 20–25 % своего товара, на зауральской Ирбитской, второй по оборотам после Нижегородской, — 15–20 %. В меньших объемах возили ткани на продажу и на ярмарки Симбирска, Мензелинска, Бугульмы, других мест. Как правило, свободной наличности у здешних покупателей было мало, и процветала торговля под векселя (в XVIII–XIX вв. торговля в кредит — общеевропейское явление). Векселя оформляли на 4, 6, 8, 9, чаще на 12 месяцев — до следующей ярмарки. Если покупатель сразу платил наличными, Зимины делали скидку в 8 %, если сумма покупки превышала 1 000 руб., скидка увеличивалась до 11–13 %.

До 1890-х гг. доставка и отправка товаров с ярмарки на 80 % производилась по воде. Длинная береговая полоса Волги у Нижнего Новгорода называлась Сибирской пристанью — здесь на несколько километров протянулась торговая зона с сотнями причалов для барж и пароходов, складами и амбарами. Свой товар Зимины везли сюда по железной дороге прямо от фабрики — сначала по собственной ветке до станции Орехово, а дальше по Московско-Нижегородской магистрали, введенной в эксплуатацию во второй половине 1862 г. Торговля в ярмарочной лавке велась по образцам, купленный товар покупатели забирали со склада на берегу Волги.

В 1885–1892 гг. была построена вторая, шедшая на восток, магистраль Самара–Уфа–Златоуст–Челябинск протяженностью в 1140 км. Пересекая Уральский хребет, она вела в Западную Сибирь¹¹⁵. В 1890-е гг. был сооружен Великий Сибирский путь от Челябинска до Владивостока. До этого товары из Сибири в Европейскую Россию и в обратном направлении перевозили по воде. Как писал очевидец, покупатели «старались и торопились, особенно сибиряки, отправить товар пораньше, чтобы он не замерз в пути и чтобы, как только можно, избежать перевозку кладей конной тягой, что удорожало стоимость товара, тем более, что Сибирь заготовляла в Нижегородской ярмарке товары почти на весь год»¹¹⁶.

С теми мелкими провинциальными торговцами, кто не мог себе позволить приехать на ярмарку работали сибирские оптовики. Они владели пароходами и баржами и сплавливали товар по рекам до крупных городов, куда приезжали торговцы помельче. Постоянным покупателем изделий фабрик Зиминых был Александр Федорович Второв, про которого говорили, что он снабжает две трети Сибири «любыми товарами, в любом количестве, в любое время года», но только «на условиях им, Второвым, предложенных». Второв закупал у Зиминых популярные сорта тканей — трико, кретон (красный и синий)¹¹⁷, бязь, мильтон, манчестер (черный и коричневый), бумазею (коричневую, серую, пунцовую), сарпинку — для реализации в Томске и Удинске¹¹⁸. В 1885 г., к примеру, Второв

¹¹⁵ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836–1917. СПб.; М., 1994. С. 101.

¹¹⁶ Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 222.

¹¹⁷ Кретон — плотная хлопчатобумажная ткань. Бумазея — теплая и мягкая хлопчатобумажная ткань с начесом на изнанке.

¹¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 332. Оп. 4. Д. 10. Л. 28–33.

приобрел товаров на 36 415 руб., что составило 9,3 % всего сбыта Зиминых на ярмарке¹¹⁹.

Выгодным покупателем был татарский купец-миллионер Вали Яушев из Троицка Оренбургской губернии. Его торговый дом «Валей Ахмеджанович Яушев с братьями» (позже «Абдул-Валей Ахмеджанович Яушев с братьями») был постоянным партнером Зиминых на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Его оптовые закупки у Зиминых составляли не менее 10–15 тыс. руб. в год¹²⁰. Важными оптовыми покупателями были также Стахеевы. Дмитрий Иванович Стахеев, к примеру, в 1885 г. приобрел товаров на 6 190 руб. для реализации в Иркутске и Екатеринбурге. Фирма «Григория Стахеева сыновья» из Елабуги приобрела товаров на 10 427 руб. для реализации в Златоусте, Миассе, Челябинске, Троицке¹²¹.

Предпринимательская деятельность Ефима Степановича Зимина и его сына Григория

Даже разделенным на несколько ветвей род Зиминых оставался сплоченным. Двоюродные и троюродные (в следующем поколении) братья продолжали поддерживать деловые и родственные отношения. Поэтому вкратце упомянем о линии Степана Семеновича Зимина, прадеда знаменитой московской меценатки З.Г. Зиминной, супруги Саввы Морозова.

Племянник Ивана Семеновича — Ефим Степанович Зимин — имел основанную в 1853 г. бумаготкацкую фабрику в Зуеве, продукцию которой с успехом сбывал в Москве, в китай-городском Зеркальном ряду. «Адрес-календарь города Москвы» на 1874 г. сообщает о Ефиме Степановиче Зимине, павлово-посадском купце 2-й гильдии. Ефим Степанович прожил не менее 67 лет, но точных данных о дате его рождения нет. Согласно «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства по г. Москве», он родился в 1793 или 1794 г. В то же время из недавно найденных краеведом А. Бирюковой исповедальных ведомостей и списка раскольников с. Зуева видно, что он родился в 1808 г.¹²² Скончался он в 1875 г. В семейном родословии указаны приблизительно даты его жизни: 1806–1876 гг.

Дело Е.С. Зимина унаследовал сын Григорий (1828–1900), отец Зинаиды. Вначале он вел дела вместе с отцом, хозяйствуя на фабрике и в лавке в Китай-городе. На фабрике в Зуеве в 1884 г. трудилось 86 рабочих и 160 — в 1890 г. С 1876 г. Григорий Ефимович стал торговать продукцией семейной красильно-ткацкой фабрики на Кокоревском подворье в Москве. Его лавка с оптовым складом мануфактурных товаров находилась здесь, по крайней мере, до 1895 г.

---

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Л. 151–152.

¹²¹ Там же. Л. 116–121.

¹²² См.: Бирюкова А. Мать Зинаиды Морозовой установлена (версия исследователя зуевских ревизий) // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/articles/mat-zinaidy-morozovoj-ustanovljena.html>. Дата обращения: 15.05.2019 г.

Кокоревское подворье было построено по проекту архитекторов С.Н. Шестакова и И.Д. Черника в конце 1850-х — начале 1860-х гг. знаменитым предпринимателем-старообрядцем, общественным деятелем и публицистом В.А. Кокоревым. Его дочь была замужем за братом А.И. Зиминной — Григорием Ананьевым. Огромный гостинично-складской комплекс из нескольких корпусов занимал участок, выходящий на Софийскую набережную Москвы-реки и Болотную набережную Водоотводного канала. В трех зданиях находились меблированные комнаты, а четыре корпуса использовались как склады. Кокоревское подворье было построено по европейским стандартам. Гостиничные номера были оборудованы удобной мебелью и сейфами, ваннами и ватерклозетами, которые были диковинкой даже для состоятельных москвичей. Имелись телеграф и отделение банка.

Рядом с подворьем на Москве-реке и на канале были устроены пристани для барж. На строительство подворья В.А. Кокорев потратил 2 млн руб. Он надеялся, что комплекс на парадной набережной Москвы-реки, рядом с крупным Хлебным рынком на Болотной площади, окупит затраты. Действительно, Кокоревское подворье стало быстро осваиваться. Не случайно, сюда — в перспективное с точки зрения коммерсантов место — переехала во время реконструкции Зеркального ряда контора Григория Ефимовича Зимина.

В 1865 г. «Иллюстрированная газета», издававшаяся в Петербурге, писала: «Москва в последнее время украсилась многими замечательными зданиями. К весьма полезным и отличающимся красивою архитектурю принадлежит дом известного Василия Александровича Кокорева. Это складочное подворье для товаров и хорошая гостиница для приезжающих. В подобном заведении Москва давно нуждалась. Помещения в Кокоревском доме, расположенном на берегу Москвы-реки, против Кремля, отличаются удобством, простором и, главное, дешевизною. В доме 250 подвалов и кладовых для складки товаров, охраняемых ответственною артелью, 20 роскошных магазинов для торговли разного рода, где помещаются чайный, колониальный, часовой, ламповой, продажи косметических и туалетных предметов, бумаги и принадлежностей письменного стола и прочего».

В каком именно корпусе находились оптовый склад и лавка Григория Ефимовича Зимина точно неизвестно. Доставив товар в Москву и подолгу оставаясь в городе, Г.Е. Зимин жил в меблированных комнатах Кокоревского подворья.

Заключение

В начале XX в. Зимины входили в элиту текстильных фабрикантов Московской губ. с объемом производства почти в 15 млн руб. (13 млн руб. у товарищества Зуевской мануфактуры И.Н. Зимина и более 1,5 млн руб. у торгового дома «И. М. П. Я. и Ф. Зимины»). На их фабриках работало более 6 тыс. рабочих¹²³. По данным на 1890-е гг., по валовому продукту (на фабрике И.Н. Зимина в 1896 г. —

¹²³ Список фабрик и заводов Российской империи. Составлен по официальным сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. СПб., 1912. С. 54–55, 891.

на 2 837 112 руб.) они были сопоставимы с другими крупными текстильных предприятиями региона — Покровской ситцеплаточной набивной мануфактурой Грязновых (в 1897 г. — 3 233 749 руб.), ярославской Норской мануфактурой Хлудовых-Прохоровых (в 1896 г. — 2 960 000 руб.), Южской мануфактурой Балиных (в 1900 г. — 2 800 000 руб.), костромской льнопрядильной мануфактурой «Братьев Зотовых» (в 1896 г. — 1 926 000 руб.), шуйской фабрикой Посылиных (в 1900 г. — 1 825 500 руб.), Горкинской мануфактурой Шорыгиных (в 1891 г. — 1 632 000 руб.), Лемешенской мануфактурой Никитиных во Владимирской губ. (в 1900 г. — 1 374 000 руб.), Лежневской мануфактурой Кокушкиных там же (в 1900 г. — 1 025 600 руб.), вышневолоцкой фабрикой Рябушинских (в 1891 г. — 680 000 руб.)¹²⁴. Но не дотягивали до крупнейших — Никольской мануфактуры Морозовых (в 1891 г. — на 17 252 000 руб.), Тверской мануфактуры Морозовых (в 1896 г. — 10 000 000 руб.), фабрики «Александра Каретникова и сын» в Тейкове Владимирской губ. (в 1896 г. — 7 575 000 руб.), фабрики Хлудовых в Егорьевске (в 1900 г. — 6 582 200 руб.), «Шуйской мануфактуры» Павловых (в 1896 г. — 6 100 000 руб.), «Куваевской мануфактуры» Надежды Бурьиной с мужем в Иваново-Вознесенске (в 1896 г. — 5 800 000 руб.), фабрики Иван Гарелин и сыновья» в Иваново-Вознесенске (в 1896 г. — 5 187 000 руб.)¹²⁵.

Если не считать Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки, повседневная предпринимательская деятельность Зиминых поначалу охватывала Зуево и, отчасти, Москву. Представитель первого поколения династии, Семен Григорьевич, ездил в Москву три—четыре раза в год для сбыта шелкового товара, который, видимо, сдавал на реализацию оптовым торговцам в Китай-городе. Его дети Никита, Иван и Киприан жили на два дома, между Москвой где снимали жилье, и Зуевом, где находились их фабрики. При жизни второго поколения произошел переход от изготовления шелкового товара к производству хлопчатобумажных тканей, что было связано с доступностью нового вида сырья и формированием массового потребительского рынка фабричной текстильной продукции. Представители третьего и четвертого поколений Зиминых уже обитали преимущественно в Москве, имея в Китай-городе конторы своих фирм, осуществлявших крупные закупки сырья (американского хлопка-сырца и южнороссийской шерсти, пряжи, химикатов) у Малютиных, Хлудовых, Кнопа, Вогау, Лепешкиных, Стукена и продажу готовых тканей и пряжи по всей Российской империи, кредитование в банках Найденовых и Рябушинских. Из семьи Зиминых вышел ряд видных русских деятелей, в частности, основатель частной оперы Сергей

¹²⁴ См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 51 (Казенная палата). Оп. 10. Д. 57, 101, 174, 299, 317, 421, 516, 828, 848, 849, 1123, 1177, 1250, 1255, 1261; Статистика акционерного дела в России. Т. 1–4. СПб., 1897–1901; Дмитриев-Мамонов В.А. Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел VIII: Изделия из волокнистых веществ. М., 1896; Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIX: Производства фабрично-заводские. М., 1896; Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897; Материалы для торгово-промышленной статистики. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. СПб., 1900; Список фабрик и заводов. СПб., 1903; Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность.

¹²⁵ Там же.

Иванович Зимин и меценатка Зинаида Григорьевна Морозова, урожденная Зими́на.

Реконструкция истории крупных купеческих династий и их промышленной и торговой деятельности дает возможность раскрыть некоторые важные черты складывавшегося в XIX в. русского капитализма. От поколения к поколению возрастала образованность владельцев фабрик, их умение действовать не только по опыту и наитию, но и на основе последних достижений мировых технологий. Усложнялась инфраструктура самих предприятий и алгоритм сбытовой политики. Например, коммерция была преимущественно оптовой, включавшей три важных сегмента — торговлю в московской лавке, а также на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. На ярмарках в распоряжении Зиминых имелись помещения для деловых переговоров. В 90 % случаев расчеты осуществлялись в кредит на срок от 6 до 12 месяцев, что свидетельствовало о взаимном доверии продавца и покупателей из разных губерний России, а также Бухары, Коканда, Персии.

В истории фабричного дела Зиминых интересен аспект взаимоотношений хозяев и рабочих. Все стороны жизни на фабрике были строго регламентированы. Не находит подтверждения имеющее хождение в историографии, особенно 1920-х гг., представление о работе на производстве детей с 12-летнего возраста. Как мы видели, после реформ фабричного законодательства 1880-х гг. практика найма малолетних прекратилась, и Зимины, как свидетельствуют архивные документы, принимали на работу подростков не моложе 15 лет. Дети рабочих до 15 лет были обязаны посещать заведенную хозяевами школу при фабрике.

Микроисторический подход позволяет проследить все линии эволюции семейного бизнеса и установить, насколько процессы, происходившие в российской промышленности, соотносились с тенденциями мирового экономического развития.

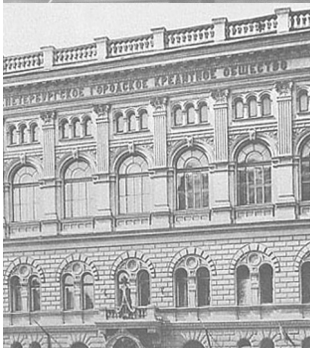
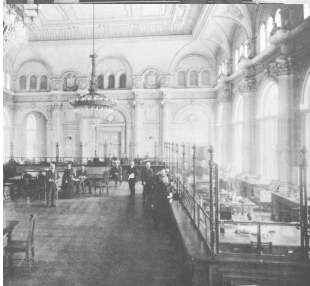
Библиография

- Colli A.* The History of Family Business, 1850–2000. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 108 s.
- Агеева Е.А.* Староверы-предприниматели Кузнецовы в контексте русской жизни второй половины XIX — начала XX в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3. М., 2004. С. 485–501.
- Аксенов А.И.* Зимины: от текстильной мануфактуры до сотовой сети «билайн» // Связь веков. Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: памяти профессора А.А. Преображенского. М.: РОССПЭН, 2007. С. 382–394.
- Архипова Е.А.* Старообрядческое предпринимательство в российской историографии середины XIX — начала XXI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 343 с.
- Балдин К.Е.* Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М.: Храм, 1993. 97 с.
- Балдин К.Е., Мокеев С.В.* Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е гг. XIX в. — начале XX в. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. 240, [16] с.
- Барышников М.Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб.: Кн. дом, 2006. 409, [2] с.
- Барышников М.Н.* Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 51–58.

- Барышников М.Н.* Создание текстильного треста в Петербурге в начале XX века // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9. № 2. С. 125–144.
- Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 534, [1] с.
- Бородкин Л.И., Сафонова Е.И.* «Трехгорка» на пути от 1917 г. к нэпу: эволюция трудовых отношений // Экономическая история. Обозрение. Вып. 9 / под ред. Л.И. Бородкина. М., 2003. С. 59–73.
- Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 207 с.
- История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836–1917. СПб. ; М.: Петербург. гос. ун-т путей сообщ., 1994. 335 с.
- Керов В.В.* Предпринимательство старообрядцев в России // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 2010. С. 31–141.
- Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 429 с.
- Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века. (К истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.
- Козлова Н.В.* Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 43–57.
- Кусова И.Г., Филиппов Д.Ю.* Дом и люди. Род Рюминых. Рязань: Рязанский гос. обл. худож. музей им. И.П. Пожалостина, 2012. 95 с.
- Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М. ; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 259 с.
- Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 657 с.
- Новиков А.В., Катышев Ю.В.* Общественная и предпринимательская деятельность кинешемского фабриканта Ивана Александровича Миндовского во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 151–154.
- Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Рус. кн., Б. г. (1997). 198 с.
- Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М.: Росспэн, 1998. 367 с.
- Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 383 с.
- Пушкарева И.М., Бородкин Л.И., Глазунов С.В., Новиков А.В., Потолов С.И., Шильникова И.В.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетей, 2011. 476 с.
- Седов А.В.* Кержаки. История трех поколений купцов Бугровых. Н. Новгород: НОВО, 2005 (ОАО Чебоксарская тип. j 1), 2010. 187 с.
- Сизинцева Л.И.* Костромская фабрика Третьяковых: маркетинговый подход к менеджменту по-русски // Павел Третьяков. Предшественники и последователи: частное музейное коллекционирование XVIII — начала XX века. Сб. мат-лов Международной научной конференции. М., 2014. С. 76–89.
- Сироткин А.С.* Сбытовая политика текстильных фабрикантов Верхневолжья (2-я четверть XIX — начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. 23 с.
- Ульянова Г.Н.* История купеческих династий: Гучковы в истории Москвы в XIX веке // Российский парламентаризм: истоки, история и современность. М., 2013. С. 131–140.
- Ульянова Г.Н.* К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 годы) // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2019. С. 141–152.
- Шемакина О.Д.* Из истории купечества Рогожской общины: источники социальной и семейной атрибуции // Мир старообрядчества. Вып. 2. М.: Российское университетское издательство. 1995. С. 59–74
- Юхименко Е.М.* Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М.: Изд. дом Тончу, 2013. 519 с., 2014.

История финансов и банков

Эволюция региональных кредитных учреждений (на примере Новгородской губернии XIX — начала XX в.)

Аннотация. В статье освещается деятельность кредитных учреждений Новгородской губернии (начало XIX — начало XX веков): отделений Государственного, Крестьянского поземельного и Соединенного банков, городских общественных банков и ломбардов, обществ взаимного кредита, ссудо-сберегательных и кредитных товариществ и др. Исследование их деятельности осуществляется в контексте основных процессов хозяйственно-экономической политики в данный период. В связи с этим дореформенные сословные кредитные учреждения (приказ общественного призрения, крестьянский банк А.А. Аракчеева, волостные и удельные банки) рассматриваются отдельной группой, составляющей характерный пример заведений, функционировавших в условиях феодально-крепостнической экономики. Освещены цели и задачи их деятельности, место в системе отечественных кредитных учреждений, условия работы, непосредственные результаты деятельности и влияние на хозяйственную жизнь губернии, отношения с властями. Отдельное внимание уделяется составу клиентов и персоналу изучаемых учреждений, прежде всего, их руководству.

Ключевые слова: Государственный банк, Крестьянский поземельный банк и Соединенный банков, городские общественные банки, общества взаимного кредита, ломбарды, ссудосберегательные товарищества, кредитные товарищества.

Проблема построения эффективно действующей системы кредитных учреждений является в современный период одной из наиболее важных. История мирового предпринимательства показывает, что оно объективно не может обходиться без кредита. В средствах, предоставляемых банками и подобными им учреждениями, нуждаются и сельское хозяйство, и промышленность, и торговля, и другие отрасли экономики. Ее развитие в современной российской провинции весьма затруднительно без местного кредитования.

В этой связи изучение исторического опыта деятельности дореволюционных кредитных учреждений губернского и уездного масштаба представляет не только исследовательский интерес, но имеет и известное практическое значение, так как в их работе имелись неоспоримые находки и достижения, принесшие ощутимую пользу отечественной экономике. Творческий учет как положительного, так и отрицательного опыта деятельности провинциальных кредитных учреждений дореволюционной России позволит предвидеть, а значит, и избежать ошибок и негативных явлений функционирования кредитных учреждений в настоящий период. Исследование региональных, губернских и уездных банковских систем, которому в исторической литературе до сих пор не уделялось должного внимания, позволит расширить и уточнить наши представления о характере экономических и социально-политических процессов, протекавших в российской провинции в пореформенный период.

---

* Васильев Ярослав Анатольевич — кандидат исторических наук, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Новгородской группы Санкт-Петербургского института истории РАН; доцент кафедры истории России и археологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, vasilev-yaroslav@yandex.ru.

Деятельность кредитной системы России в исследуемый период привлекала внимание исследователей — историков, правоведов и экономистов, что обусловило наличие значительного количества работ по данной теме. Однако они посвящены в основном либо вопросам формирования государственной финансово-кредитной политики, либо анализу деятельности крупных банков — государственных и акционерных, без обстоятельного и глубокого изучения местных кредитных учреждений. Тем не менее, в обширных трудах дореволюционных исследователей банковского дела имеется немало ценных сведений оценочного характера по данному вопросу¹.

В новейшей литературе отдельные сюжеты из истории местного кредита нашли освещение в работах А.А. Блюма, И.Ф. Гиндина, А.П. Погребинского, С.Л. Бороваго, В.И. Бовыкина, Ю.А. Петрова, Б.В. Ананьича и других авторов².

¹ См.: *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История. Статистика. Т. 1–4. СПб., 1882; *Мишулин П.П.* Русский государственный кредит. Т. 1–3. Харьков, 1899–1907; *Его же.* Наша банковая политика (1729–1903 гг.). Харьков, 1904; Министерство финансов в 1802–1902 гг. Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. Т. 1–2. СПб., 1902; Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) СПб., 1902; *Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904; *Печерин Я.И.* Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

² См.: *Блюм А.А.* История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М., 1929; *Гиндин И.Ф.* Банки и промышленность в России (до 1917 г.). М.; Л., 1927; *Его же.* Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948; *Его же.* Банки и экономическая политика России. М., 1997; *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954; *Боровой С.Я.* Кредит и банки в России. (Середина XVII в. — 1861 г.) М., 1958; *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитализма в России. М., 1967; *Его же.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1984; *Его же.* Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой октябрьской социалистической революции. М., 1988; *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994; *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX — 1914 г. М., 1998; *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897–1914 гг. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; *Его же.* Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1905–1914 гг. По материалам учетно-судного банка Персии. Л., 1975; *Его же.* Банкирские дома в России. М., 1991; *Барышников М.Н.* История делового мира России. М., 1994; *Мехраков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы в России. М., 1995; *Левичева Н.Н.* История создания Государственного банка России. М., 1995; *Главный банк России: От Государственного банка Российской империи к Центральному банку Российской Федерации. 1860–2000 гг.* / Б.В. Ананьич, С.В. Калмыков, Ю.А. Петров. М., 2000; *Петербург. История банков* / Б.В. Ананьич и др. СПб., 2001. *Бугров А.В.* Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999; *Его же.* Очерки по истории казенных банков в России. М., 2003; *Драган О.В.* Государственный банк накануне реформы. 1892–1894 гг. // *Нестор.* 2000. № 2. С. 407–424; *Лебедев С.К.* Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: Европейские и русские связи. М., 2003; *Лукоянов И.В.* Русско-Китайский банк (1895–1914 гг.) // *Нестор.* 2000. № 2. С. 177–202; *Смирнова Н.И., Чеснокова А.Н.* Санкт-Петербургская (Петроградская) контора Государственного банка (1894–1918). Исторический очерк. СПб., 2001; *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). СПб., 2004; *Его же.* Государственные сберегательные кассы в дореволюционной России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996; *Его же.* Сберегательное дело; Сберегательные кассы // *Петербург. История банков.* СПб., 2001. С. 108–113, 124–130, 273–275; *Петров Ю.А., Калмыков С.В.* Сберегательное дело в России: Вехи истории. М., 1995; *Подколзин Б.И.* Петербургский кружок кн. А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60–70-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. См. также: *Аленичев В.В., Аленичева Т.Д.* Библиографический указатель литературы по банковскому делу. 1800–1995. М., 1995; *Беляев С.Г.* Финансы России XIX — начала XX вв. в новейших монографических исследованиях отечественных историков // *Нестор.* 2000. № 2. С. 425–434.

В настоящий период, когда значительно повысился интерес к истории российской провинции, возникает потребность и в изучении системы местных банков. Работы, посвященные данной проблеме, в отечественной литературе немногочисленны³.

Прежде всего, это касается городских общественных банков. Практические руководства по делопроизводству и составлению отчетности в этих банках, разработанные А.М. Дерюгиным и А. Бернарди, не содержат ни статистических данных, ни сведений по их истории. Из дореволюционных исследований, посвященных данной теме, следует назвать работы В. Ососова и В.Т. Судейкина. Остальные работы носят публицистический характер⁴. Хотя в советской исторической литературе деятельность этих кредитных учреждений не стала предметом специального изучения, современные исследователи заполняют существующую лауну, особенно в отношении их деятельности на местах⁵.

³ См.: *Обухов В.* Деятельность Крестьянского поземельного банка в Саратовской губернии. Саратов, 1903; Краткий очерк землеустроительной деятельности Симбирского отделения Крестьянского поземельного банка и экономическое положение поселенцев на землях банка в Симбирской губернии. Симбирск, 1910; *Скорняков Л.Н.* Деятельность Крестьянского поземельного банка в Киевской губернии за 28 лет (1883–1910 гг.). Киев, 1912; *Андреевский И.Д.* Деятельность Крестьянского поземельного банка по Казанской губернии (1906–1915 гг.). Казань, 1930; *Касумова А.М.* Кредитно-банковские учреждения Азербайджана (1874–1932 гг.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Баку, 1969; *Фридман И.Л.* Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. (1900–1914 гг.). Алма-Ата, 1974; *Рабинович Г.Х.* Из истории кредита в дореволюционной Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Томск, 1976; *Хатамов Н.Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990; *Старцев А.В.* Кредит и кредитные учреждения Алтая во второй половине XIX — начале XX вв. // Компьютер и экономическая история. Барнаул, 1997; Банковское дело на Рязанской земле. История и современность / под ред. Г.Н. Чикваркина. Рязань: «Банкирский дом», 2004; *Мазилкина М.В., Васильев Я.А.* Кредитные учреждения Новгородской губернии и их деятельность (во второй половине XIX — начале XX вв.) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2007. № 2. С. 113–128; *Мазилкина М.В., Румянцева В.П., Васильев Я.А.* Кредитные учреждения Новгородской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Очерки истории хозяйственного развития Великого Новгорода и Новгородской земли. Учебное пособие / под ред. Ю.А. Прокофьева. В. Новгород, 2010. С. 190–271.

⁴ *Ососов В.* Городские общественные банки России. Обзор их деятельности по 1 января 1871 г. СПб., 1872; *Судейкин В.Т.* Наши общественные городские банки и их значение. СПб., 1884; *Дерюгин А.М.* Руководство для городских общественных банков. По материалам Особенной канцелярии по кредитной части с приложением циркуляров, инструкций и форм отчетности и баланса. СПб., 1913; *Бернарди А.* Организация и операции акционерных коммерческих банков и городских общественных банков в связи с их счетоводством. СПб., 1914.

⁵ *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 138–151; *Грузицкий Ю.Л.* Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) // Финансы и кредит. 2002. № 11(101). С. 58–62; *Его же.* Общества взаимного кредита в российской империи (история появления и этапы развития) // Финансы и кредит. 2002. № 13(103). С. 66–72; *Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX века). Новосибирск, 2003; *Гибадуллин М.З.* Казанский городской общественный банк: создание, деятельность и участие в финансировании межрегиональной торговли // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 73–83; *Его же.* Коммерческие банки Казани во второй половине XIX века // Вестник ТГГПУ. 2007. № 1 (8); *Демченко В.В.* Боровский общественный банк в условиях рыночной экономики (1862–1917) // Финансы и кредит. 2004. № 8 (146). С. 58–62; *Ганжов Е.А., Мошкин А.Н., Касаткин В.Л.* Из истории городских общественных банков (на материалах положений о городских общественных банках и полного свода законов Российской империи) // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). С. 152–157; *Горбик К.А.* Деятельность Ростовского — на — Дону городского общественного банка в конце XIX — начале XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (200). С. 48–53; *Кальмина Л.В.* Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самодержавия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 79–85;

Государственный и Крестьянский поземельный банки представлены в работах отечественных историков гораздо шире⁶. Однако в них уделено больше внимания центральным органам этих банков, чем провинциальным отделениям. Что касается Новгородской губернии, то местные городские общественные банки и отделения Государственного и Крестьянского поземельного банков специально не изучались. Краткие обзоры деятельности некоторых из них, составленные в дореволюционный период, не дают представления о роли и значении этих учреждений в общественно-экономической жизни края⁷. Общества взаимного кредита и учреждения мелкого кредита Новгородской губернии так же изучались недостаточно⁸.

Седунова С.Ю. Банковские учреждения Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Псков, 2011; *Ее же.* Банковские учреждения Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, 2004; *Вычужжанин А.Л.* Становление и развитие кредитных учреждений в Тобольской губернии (1776–1917 гг.) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2011; *Кузнецова Л.А.* Финансовые учреждения российской провинции во второй половине XIX — начале XX вв. (На примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000; *Зверькова Т.Н.* Оренбургский городской общественный банк: Пропущенные страницы и невыученные уроки // Вестник ОГУ. 2007. № 10. С. 88–94; *Иванов Б.А.* Городские общественные банки Тверской губернии 1861–1913 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2002; *Иванова О.Ф.* Становление и развитие кредитной системы Уфимской губернии: вторая половина XIX — начало XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009; *Ишкинина А.А.* Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010; *Кочисов Г.Г.* Городские общественные банки в системе местных финансов России второй половины XIX века. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2011; *Чумакова А.С.* Зарождение и развитие системы городских общественных банков в России второй половины XIX — начала XX в. (на материалах Симбирской губернии). М., 2010; и др.

⁶ *Судейкин В.Т.* Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового назначения. СПб., 1891; *Петлин Н.С.* Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка. СПб., 1892; *Гурьев А.Н.* К реформе Государственного банка. СПб., 1893; *Яснопольский Л.Н.* Государственный банк. СПб., 1907; Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 гг. СПб., 1910; *Гурьев А.Н.* К реформе Крестьянского банка. СПб., 1894; *Заломанов Н.П.* Крестьянский поземельный банк. М., 1900; *Красик А.В.* Крестьянский банк и его деятельность с 1883 г. по 1905 г. Юрьев, 1910; *Зак А.П.* Крестьянский Поземельный банк. 1883–1910 гг. М., 1911; *Напюрковский А.Ю.* Аграрная реформа и Крестьянский банк. Варшава, 1911; *Вдовин В.* Крестьянский поземельный банк. (1883–1895 гг.). М., 1959; *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и политика царского правительства. 1861–1892 гг. М., 1960; *Петшишкина С.Н.* Государственный банк дореволюционной России. М., 1993; *Бугров А.В.* Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б.В. Ананьич, М.И. Арефьева, С.Г. Беляев, А.В. Бугров, М.М. Дадькина, О.В. Драган, З.В. Дмитриева, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, В.В. Морозан, Ю.А. Петров, С.А. Саломатина. СПб., 2005; Петербург. История банков / Б.В. Ананьич, С.Г. Беляев, А.В. Бугров, З.В. Дмитриева, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, В.В. Морозан. СПб., 2001.

⁷ 25-летие существования в Новгороде городского общественного банка. Новгород, 1891; О деятельности местного отделения Крестьянского поземельного банка // Вестник новгородского земства. 1899. № 7. С. 26–27; *Земский Н.Д.* Тихвинский городской общественный Чаплинский банк // Тихвинец. 1914. № 2. С. 49–53.

⁸ *Шумилов М.М.* Общества взаимного кредита в Новгородской губернии (конец XIX — начало XX вв.) // Новгородские ведомости. 1993. 25 июня; *Румянцева В.П.* Роль новгородского земства в организации учреждений мелкого кредита // Земство и возрождение его культурно-исторических традиций. Новгород, 1996. С. 109–114; *Мазилкина М.В.* Ссудосберегательные товарищества как первые учреждения мелкого кредита в Новгородской губернии. 1871–1914 гг. // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1997 г. Новгород, 1997. С. 34–35; *Ее же.* Кредитные товарищества Новгородской губернии в пореформенный период // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1998 г. Новгород, 1998. С. 13–16; *Ее же.* Содействие Новгородского земства в деле образования учреждений мелкого кредита // Записки Филиала Российского государственного гуманитарного университета в

Все вышесказанное обуславливает привлечение при изучении кредитных учреждений Новгородской губернии большого количества источникового материала. Для уяснения правового положения исследуемых банков использовались соответствующие законодательные акты, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). Уставы Государственного банка и его контор являлись основными документами, регламентирующими деятельность его Новгородского и Череповецкого отделений⁹. Положение о Крестьянском поземельном банке 1882 г. (реформировано в 1895 и в 1905 гг.) определяло задачи, круг операций и штаты этого учреждения ипотечного кредита и его отделений, в том числе и Новгородского¹⁰. Положение о городских общественных банках имело четыре редакции — 1857 г., 1862 г., 1883 г., 1912 г., содержавших ряд отличий¹¹. Все указанные документы издавались также отдельными выпусками и входили в состав различных сборников¹². Информация о создании городских общественных банков в Новгородской губернии также содержится в Полном собрании законов Российской империи¹³.

Основными документами, регламентирующими деятельность обществ взаимного кредита и учреждений мелкого кредита, являлись их типовые уставы, остававшиеся практически неизменными на всем протяжении второй половины XIX — начала XX вв. Они утверждались соответствующим министерством и опубликовывались отдельными брошюрами¹⁴, а также содержались в Полном собрании законов Российской империи и других сборниках¹⁵.

г. Великий Новгород. В. Новгород, 2001. С. 90–100; *Васильев Я.А.* Городские ломбарды Новгородской губернии и учреждения благотворительного кредита в России. 1889–1913 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли (далее — ПННЗ). В. Новгород, 1997. С. 157–161; *Его же.* Общества взаимного кредита в Новгородской губернии // ПННЗ. 1998. С. 144–148; *Его же.* Сельские банки образца 1885 г. // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли (далее — ДННЗ). В. Новгород, 2004. С. 53–57; *Его же.* Сельские банки удельного ведомства — «удельные банки» // ПННЗ. 2005. С. 151–155; *Его же.* Крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы — волостные банки (обр. 1840 г.) // ПННЗ. 2006. С. 160–167; *Его же.* Сберегательные кассы Новгородской губ. // ДННЗ. 2005. С. 50–58; *Седунова С.Ю.* Ссудо-сберегательные товарищества на Северо-Западе России: Новгород и Псков // Филиалы государственных вузов в развитии системы качества высшего экономического образования. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Псков, 2005. С. 74–78.

⁹ ПСЗРИ. 2 собрание. Т. XXXV. № 35847; Т. XXXVII. № 37829; Т. XXXVIII. № 40411.

¹⁰ ПСЗРИ. 3 собрание. Т. II № 897; Т. XXV. № 26873.

¹¹ ПСЗРИ. 2 собрание. Т. XXXII. № 31967; Т. XXXVII. № 37950; 3 собрание. Т. III. № 1526; Т. XXIII. № 36437.

¹² Положение о городских общественных банках. Новгород, 1883; Устав кредитный / сост. Д.В. Чичинадзе. СПб., 1892.

¹³ ПСЗРИ. 2 собрание. Т. XXXVIII. № 39634, 39885. Т. XXXIX. № 41544. Т. XLI. № 43096. Т. XLV. № 48959. Т. XLVIII. № 52090.

¹⁴ Устав Белозерского общества взаимного кредита. Белозерск, 1911; Устав Боровичского общества... СПб., 1904; Устав Валдайского общества... М., 1873; Устав общества взаимного кредита новгородских ремесленников «Общедоступный кредит». Новгород, 1903; Устав Тихвинского общества... Тихвин, 1914; Образцовый устав ссудосберегательных товариществ... СПб., 1871; Образцовый устав ссудосберегательных товариществ, утвержденный министром финансов, 14 сент. и 24 нояб. 1905 г. СПб., 1907; Устав Старорусского городского ломбарда. Новгород, 1900; Устав Белозерского городского ломбарда. Белозерск, 1912; Положение о крестьянских вспомогательных кассах. (Утверждено 7 марта 1840 г. Дополнено 30 декабря 1908 г.). СПб., 1908; Сборник правил для крестьянских общественных банков и касс, образованных до издания положения 7 июня 1904 г. об учреждениях мелкого кредита. СПб., 1908; Положение о сельских банках по удельному ведомству. (Утверждено министром Императорского двора 1 мая 1859 г.). СПб., 1906.

¹⁵ *Чичинадзе Д.В.* Устав кредитный. Т. IX. СПб., 1892.

Подготовительные материалы к законодательным актам и другие документы, характеризующие деятельность городских общественных банков, отложились в фондах Первого департамента Сената и Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, находящихся в Российском государственном историческом архиве¹⁶. Особый интерес представляют дела об образовании Новгородского и Старорусского городских общественных банков, содержащие обширную межведомственную переписку по этому вопросу¹⁷. Дела аналогичного содержания имеются и относительно учреждения Новгородского отделения Крестьянского поземельного банка и Череповецкого отделения Государственного банка¹⁸. Основную массу информации, характеризующей работу городских общественных банков, содержат их подробные годовые отчеты, находящиеся в фонде № 583 РГИА (Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов)¹⁹.

Анализ работы Новгородского и Череповецкого отделения Государственного банка в данном исследовании проведен по данным его сводных ежегодных отчетов: за 1895–1901 гг. — по состоянию основных статей баланса на 1 января каждого года²⁰, и за 1901–1914 гг. — по общим итогам года²¹. Последние представляют значительный интерес, так как содержат обобщенные сведения и показатели работы отделений за целый год, в то время как отчеты по состоянию баланса на 1 января дают лишь оценку ситуации на данный конкретный момент и не характеризуют ни их подлинного размера, ни реального соотношения статей. Сведения об операциях Новгородского отделения Крестьянского поземельного банка почерпнуты из подробнейших отчетов этого кредитного учреждения, а также из сборника, обобщившего результаты его деятельности за 1883–1904 гг.²²

Кроме того, большой интерес для уточнения результатов деятельности банков Новгородской губернии представляют результаты ревизий, проводившихся в городских общественных банках в 1880–1890-х гг., и отделениях Государственного и Крестьянского поземельного банков — 1890–1910 гг.²³ Результаты проверок городских общественных банков Новгородской губернии были опубликованы вместе с другими данными о деятельности всех городских общественных банков России до 1890 г. в отдельном издании²⁴. Оно является практически единственным сводом сведений о деятельности этих кредитных учреждений за достаточно длительный период.

В сокращенном виде, в выдержках и справках сведения о деятельности банков в Новгородской губернии содержатся на страницах изданий общероссийской²⁵

¹⁶ РГИА. Ф. 1341. Оп. 110. Д. 749, 775; Ф. 1287. Оп. 9. Д. 214, 502, 764.

¹⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1381, 1404, 1405.

¹⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1155; Ф. 592. Оп. 1. Д. 6.

¹⁹ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 89–92, 122–124, 377–379, 561–564, 834–836, 886–890, 977–981.

²⁰ Отчеты Государственного банка за 1895–1901 гг. СПб., 1896–1902.

²¹ Государственный банк. Данные по конторам и отделениям. 1901–1914 гг. СПб.; Пг., 1912–1915.

²² Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1885–1914 гг. СПб.; Пг., 1886–1915; Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906.

²³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 2386; Оп. 36. Д. 835; Ф. 587. Оп. 33. Д. 1070, 1071; Ф. 592. Оп. 44. Д. 433.

²⁴ Сведения о городских общественных банках. СПб., 1898.

²⁵ Отчет Государственных кредитных установлений. 1820–1874. СПб., 1820–1874; *Кауфман И.И.* Статистика русских банков. Ч. 1–2. СПб., 1872–1875; Ежегодник русских кредитных учреждений. Вып. 1–4. СПб., 1880–1886; Статистический сборник сведений по земельному кредиту в России. Т. 1–3. СПб., 1887–1893; Статистика долгосрочного кредита в России. СПб. 1894–1917.

и местной²⁶ статистики, приложений к губернаторским отчетам, в докладах Новгородской губернской земской управы²⁷, а так же в центральных и местных периодических изданиях, например, в «Ежегоднике Министерства финансов», «Вестнике финансов, промышленности и торговли», «Правительственном вестнике», «Новгородских губернских ведомостях», «Вестнике Новгородского земства» и других.

Основную массу информации, характеризующей деятельность обществ взаимного кредита, содержат подробные годовые отчеты этих учреждений, отложившиеся в делах фонда № 583 (Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов) Российского государственного исторического архива²⁸. Кроме того, они публиковались в сводах²⁹ и отдельными изданиями³⁰.

К сожалению, текущая документация и отчетность обществ взаимного кредита и учреждений мелкого кредита Новгородской губернии почти полностью

²⁶ Статистические сборники Новгородского губернского земства. Новгород, 1880–1914.

²⁷ Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 98. Оп. 3. Обзоры Новгородской губернии (Приложения к губернаторским отчетам) за 1879–1911 гг. Д. 129, 134, 141, 175–182, 189, 197, 207, 214, 235, 245, 253, 263, 274, 291, 308, 326, 343, 374-а, 412, 470.

²⁸ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 1467. Отчеты, балансы и доклады Белозерского общества взаимного кредита (1912–1914 гг.); Д. 1540–1541. Отчеты и счета Боровичского общества... Ч. 1–2 (1904–1916 гг.); Д. 1984–1986, 2093. Отчеты Крестецкого общества... Ч. 1–4 (1875–1913 гг.); Д. 2250–2251. Отчеты общества... новгородских ремесленников «Общедоступный кредит». Ч. 1–2. (1903–1916 гг.); Д. 2775. Дело балансов Старорусского общества... (1914 гг.); Д. 2872. Дело счетов Тихвинского общества... (1914–196 гг.); Д. 2912. Дело отчетов, докладов, счетов и балансов Устюженского общества... Д. 3003–3006. Отчеты, рапорты, постановления и балансы общества... Череповецкого уездного земства. Ч. 1–4 (1872–1916 гг.); Д. 3086. Дело отчетов и сопроводительных записок Белозерского городского ломбарда; Д. 3170–3171. Дело отчетов Новгородского городского ломбарда Ч. 1–2 (1894–1913 гг.); Д. 3224–3225. Дело отчетов Старорусского городского ломбарда. Ч. 1–2 (1893–1913 гг.); Д. 3252. Дело отчетов Тихвинского городского ломбарда. Ч. 1–2 (1889–1912 гг.); Оп. 7. Д. 666. По составлению сводного баланса учреждений мелкого кредита ведомства МВД. 1897–1904 гг.; Ф. 651. Васильчиковы. Оп. 1. Д. 794. Ведомости об оборотах сумм и расчетов прибылей ссудосберегательных товариществ Череповецкого уезда со дня открытия по 1 июня 1871 г.

²⁹ Краткие балансы кредитных учреждений за 1912–1915 гг. Пг., 1916; Свод балансов обществ взаимного кредита, действующих в России. СПб.; Пг., 1895–1916; Свод прибылей и убытков обществ взаимного кредита, действующих в России за 1911 г. СПб., 1912; то же за 1912 и 1913 гг.; Операции ломбардов в России. СПб., 1899–1917; Отчет о состоянии крестьянских общественных учреждений мелкого кредита по данным на 1 янв. 1905 и 1906 гг. СПб., 1909; Сводные балансы крестьянских общественных учреждений мелкого кредита на 1 янв. 1904 г. СПб., 1906; Отчет о состоянии кредитных товариществ, ссудо-сберегательных товариществ и земских касс мелкого кредита по данным на [1 янв. 1906–1910 гг.], СПб., 1908–1912; Сведения о состоянии средств вспомогательных и сберегательных касс бывших государственных крестьян на 1 января 1902 г. СПб., 1902; Отчеты Государственного банка по городским сберегательным кассам за 1867–1916 гг. СПб., 1867–1916; *Кауфман И.И.* Статистика городских сберегательных касс. СПб., 1875; Статистические данные по операциям Государственного банка и сберегательных касс. 1860–1892 гг. СПб., 1893.

³⁰ Отчеты Новгородской губернской земской управы новгородскому губернскому земскому собранию о ссудосберегательных товариществах и обществах взаимного кредита за 1878 г. [Новгород, 1879]; то же за 1879 г.; Отчет Белозерского общества взаимного кредита Новгородского уездного земства за 1912 г. Белозерск, 1913; то же за 1913 г.; Отчет общества взаимного кредита Новгородского уездного земства 1879 г. Новгород, 1880; Отчет о действиях Крестецкого общества взаимного кредита. 1873–1909. [СПб.; Тихвин, 1875–1910]; Отчет общества взаимного кредита Череповецкого уездного земства. 1886–1915. Череповец; Новгород. 1887–1916; Отчет Новгородского городского ломбарда за [1895–1903 гг.]. Новгород, 1896–1904.

утеряна, исключение составляет Боровичское общество, протоколы заседаний членов которого отложились в фондах Государственного исторического архива Новгородской области, а также некоторые из ссудосберегательных и кредитных товариществ и сберегательных касс³¹.

В сокращенном виде, в выдержках и справках сведения о деятельности учреждения мелкого кредита и общества взаимного кредита Новгородской губернии содержатся на страницах изданий учреждений местной статистики³², приложений к губернаторским отчетам³³, Памятных книжках Новгородской губернии³⁴, в докладах Новгородской губернской земской управы, а также в названных выше центральных и местных периодических изданиях.

Определенные статистические данные сравнительного характера можно почерпнуть из специализированных изданий статистики кредита, регулярно выходявших на всем протяжении второй половины XIX — начала XX в. Они содержат сведения по всем разновидностям банков и других видов кредитных учреждений, что является удобным для сопоставления результатов их деятельности³⁵.

Таким образом, исходным материалом, для данного исследования стали делопроизводственные документы и, прежде всего, ежегодные отчеты кредитных учреждений, действовавших в Новгородской губернии в 1863—1914 гг.

Дореформенные кредитные учреждения

До отмены крепостного права в России количество банковских учреждений было весьма ограниченным и начитывало всего несколько десятков, прежде всего казенных: Государственный заемный банк (с 1786 г.), Государственный вспомогательный для дворянства банк (с 1797 г.), Государственный коммерческий банк (с 1817 г.) и некоторые другие³⁶. Существовало около двух десятков городских общественных банков с суммарным капиталом не более 500 тыс. руб. Два из них обладали 400 тыс. руб., иными словами, большая часть существовала только на бумаге³⁷.

³¹ ГАНО. Ф. 460. Боровичское общество взаимного кредита; Ф. 463. 1-е Ильменское кредитное товарищество (1904—1916 гг.); Ф. 602. Старорусский союз кредитных и ссудосберегательных товариществ (1914—1919 гг.); Ф.-Р. 3218. Григорово-Заболоцкое кредитное товарищество (1913—1926 гг.); Ф. 448. Новгородская губернская земская касса мелкого кредита. (1916—1919 гг.).

³² ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Обзоры Новгородской губернии (Приложения к губернаторским отчетам) за 1879—1911 гг. Д. 129, 134, 141, 175—182, 189, 197, 207, 214, 235, 245, 253, 263, 274, 291, 308, 326, 343, 374 а, 412, 470.

³³ ГАНО. Ф. 98 Оп. 3. Статистические сборники Новгородского губернского земства за 1880—1915 гг. Д. 1757, 1767, 1768, 1774, 1775, 1782, 1783—1786, 1797, 1798, 1799, 1806, 1808, 1814 181, 181, 182, 1826, 1833, 1841, 1849, 1861, 1866, 1884, 1907, 1919, 1941, 1946, 1957, 1968, 1972, 1980, 1886, 1995, 2006, 2024, 2031, 2041.

³⁴ Памятная книжка Новгородской губернии [за 1864—1914 гг.]. Новгород, 1865—1915.

³⁵ Отчет Государственных кредитных установлений. 1820—1874. СПб., 1820—1874; Ежегодник русских кредитных учреждений. Вып. 1—4. СПб., 1880—1886.

³⁶ ПСЗРИ. 1 собр. Т. XIV. № 10235. Т. XV. № 10836, 11550. Т. XVIII. № 13219. Т. XXII. № 16407. Т. XXIV. № 18274. Т. XXXIV. № 26837.

³⁷ Боровой С.Я. Кредит и банки России. (Середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958.

В условиях практически полного отсутствия в провинции каких-либо кредитных учреждений некоторые их функции на уровне губернии осуществляли приказы общественного призрения, которые были созданы в ходе реформы местного самоуправления и суда 1775 г., осуществленной правительством Екатерины II. Согласно главной законодательной основе реформы — «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» приказы общественного призрения занимали особое место в администрации каждой губернии³⁸. В ведении приказов, которые возглавлялись губернатором, находились местные школы, медицинские и благотворительные учреждения, к которым тогда относились госпитали, больницы, богадельни, сиротские дома, а также и некоторые тюремные учреждения — «работные» и «смирительные» дома³⁹.

Кроме того, как отмечалось выше, в отсутствие на местах организованной кредитной системы приказы превратились в учреждения, сочетавшие в себе некоторые черты ссудо-сберегательных касс и ипотечных банков, и на долгое время стали практически единственным в провинции источником кредита, альтернативным ростовщикам. Приказы выдавали ссуды под залог имений и ценных бумаг, принимали деньги на вклады. Первоначально считалось, что эта деятельность позволит им укрепить свое финансовое положение и передавать вырученные деньги на благотворительность. Однако с течением времени ситуация изменилась и кредит стал занимать все большее место в работе приказов общественного призрения.

Практически первым был открыт Новгородский приказ (1776)⁴⁰. Однако его документы, отложившиеся в ГАНУ (фонд 472), в общем, немногочисленны — всего 49 дел, самое раннее из которых относится к 1812 г., т.к. архив приказа сильно пострадал, включая знаменитый пожар присутственных мест 1809 г., уничтоживший большой массив бумаг губернских учреждений⁴¹. Документы приказа вообще хранились небрежно⁴². К сожалению, плохая сохранность его дел не позволяет рассмотреть его финансовую и, в частности, ипотечную деятельность на всем протяжении его существования. Частично и фрагментарно это доступно только за 1816–1817, 1837–1839, 1842, 1860, 1865, 1872–1873 и 1887–1889 гг. Тем не менее, определенные сведения о кредитной работе приказа можно почерпнуть из оставшихся дел⁴³. Некоторые из них были закончены уже после ликвидации приказа в 1860–1880-х гг. Казенной палатой и отложились в ее фонде⁴⁴.

³⁸ ПСЗРИ. 1 собр. Т. XX. № 14 392. Ст. 378–394. С. 271–278.

³⁹ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. С. 129–132; Учреждения для управления губерний // Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 314–316.

⁴⁰ *Бугров А.В.* Банковские операции сохранных казен воспитательных домов и приказов общественного призрения: 1771–1860 годы // Вестник Банка России. 2012. № 65(1383). 15 нояб. С. 27.

⁴¹ *Секретарь Л.А.* Дома. События. Люди. (Новгород. XVIII — начало XX вв.). В. Новгород, 1999. С. 36–37.

⁴² ГАНУ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 13. Л. 26 об. О работе комиссии, учрежденной по предложению сенатора Княжнина для обозрения и поверки действий Новгородского приказа общественного призрения. 3 мая 1839 г. — 30 сентября 1849 г.

⁴³ ГАНУ. Ф. 472. Новгородский приказ общественного призрения. Оп. 1. Д. 13, 14, 15–30, 32, 34, 43–45, 48, 49.

⁴⁴ ГАНУ. Ф. 418. Новгородская казенная палата. Оп. 1 Д. 65, 68, 143.

На каких же основах действовал приказ как кредитное учреждение? Прежде всего, в «Учреждениях для управления губерний» в самых общих чертах это регламентировалось ст. 382 — первоначально ссужать под залог имений не менее 500 и не более 1 000 руб. в одни руки сроком на год⁴⁵, позднее суммы и сроки увеличились до 8, 26 и 37 лет. (ссуды под другие залого, например, под ценные бумаги и др., выдававшиеся на небольшие сроки, здесь не рассматриваются). В практическом плане, это зависело от размера и состояния капиталов Новгородского приказа, которые в 1816 г. составляли следующие суммы:

1. Собственный, который он при открытии получил от правительства (как и другие приказы) — 15 тыс. руб. К 1816 г. приказ увеличил их до 45 тыс. руб. (взимая проценты за его использование по ссудной операции);
2. Апелляционный, составлявшийся из некоторых штрафов, например, сумм, которые взыскивались в судебном порядке с недобросовестных жалобщиков — 126 089 руб.
3. Капитал частных лиц, внесенный под проценты в качестве вкладов — 63 806 руб. (исключительно ассигнациями).

Из этих капиталов и выдавались ссуды, которых в 1816 г. насчитывалось:

1. Ссуды на короткие сроки (около года) — 116 на 200 305 руб., которые были выданы с большими нарушениями правил: под залог деревянных домов, под поручительство, и даже вообще без залогов. Долгу по ним состояло 8 746 руб. и многие были просрочены еще с 1793 г.
2. Ссуды на 8 лет. Выдавались под залог населенных имений (около 33) на 200 082 руб. из разных капиталов под залог 7315 душ. Получено по ним 11 397 руб. процентов и за просроченные ссуды еще 4 468 руб.

К 1817 г. на заемщиках еще числилось 10 890 руб. ассигнациями. Вообще именно они и составляли подавляющее количество денег на счетах приказа, серебро же — не более нескольких десятков или сотен по разным операциям, золото — отдельные суммы в 5–10 руб.⁴⁶

Таким образом, в начале XIX в. на счетах Новгородского приказа общественного призрения обращались достаточно крупные суммы, расходовавшиеся не только на благотворительность и призрение, но и на пособия Государственному казначейству и ссуды на поддержку помещичьих хозяйств.

Из кратких ведомостей приказа следовало, что средства, сложившиеся из апелляционного капитала и разных вкладов, на 1 января насчитывали 842 939 руб. Из этой суммы было выдано частным лицам в ссуду и обращено в счет других капиталов 830 761 руб., налицо состояло 12 180 руб. 71 коп., т.е. всего около 1/70 части всего капитала, а согласно ст. 224 Устава об общественном призрении (том XIII Свода законов), из капиталов этого рода выдано в ссуду может быть не более 4/3.

В долгах числились 1 189 725 руб., из которых основная часть состояла на заемщиках — 932 110 руб., остальные были выданы на счет земских повинностей — 33 194 руб., на счет чиновных — 1 468 руб. и др. — 70 тыс. руб.

⁴⁵ Учреждения для управления губерний // Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 260–261.

⁴⁶ ГАНУ. Ф. 472. Новгородский приказ общественного призрения. Оп. 1. Д. 5.

Отказов в ссудах было много, на сумму около 29 800 руб., а выдавались они нечасто из-за нехватки средств, хотя в этом случае приказ должен был обратиться за деньгами в МВД.

Таким образом, к 20 февраля 1839 г. приказом не было удовлетворено просьб о выдаче ссуд примерно на 25 тыс. руб., что по ст. 220, т. XIII Свода законов (в случае нехватки наличности) должно было повлечь его обращение в МВД за ссудой. В результате раздачи капиталов, особенно апелляционного, на продолжительные сроки (за последние три года — до 150,5 тыс. руб., что приводило к отказам в других ссудах) и плохого контроля за ссудами, приказ, «можно сказать, потерял свой кредит»⁴⁷.

В работу Новгородского приказа общественного призрения могли вмешиваться представители местной администрации. Так, например, новгородский гражданский губернатор генерал-майор П.Л. Суковкин 26 января 1837 г. предложил приказу во время своего отсутствия не выдавать в ссуду денег под залог имений из-за незначительности средств приказа, главным из которых являлся капитал Строительного комитета, а он имел иное назначение. Ссуды же были значительными. Так, 20 января помещику Измайлову было выдано 2 800 руб. и коллежской регистраторше Богдановой 3 тыс. руб., 20 февраля — капитанше Долгоруковой 3 тыс. руб., 24-го — поручику Бровцину 12 200 руб. (сверх этого в январе 1838 г. выдано 39 200 руб.)⁴⁸.

Вообще, помещики редко погашали займы в срок, кроме того, пропускали не только сроки платежей по годам, но и проценты и пени, которые потом взыскивались через суд и полицию. Тем не менее, сроки, на которые разрешено было брать ссуды под залог имений (как правило, населенных), постоянно увеличивались, и по манифесту от 1 января 1830 года заемщики могли брать ссуды в этих кредитных учреждениях на длительные сроки — на 26 и даже на 37 лет⁴⁹.

Размер ссуды в Новгородском приказе рассчитывался от числа заложенных крестьян в имении — по 50 руб. серебром за душу, в итоге ссуды составляли от нескольких сот до нескольких тысяч рублей и были рассрочены, в массе, на 26 лет — примерно по 10–60 и более руб. в год. Например, помещице М. Клеопиной было выдано 1 000 руб. под залог имения (январь 1842 г. — ноябрь 1864 г.); помещику Н.В. Клеопину — 850 руб. (январь 1842 г. — декабрь 1842 г.); устюжской помещице К.Г. Страховой — 500 руб. (май 1842 г. — март 1870 г.); боровичскому помещику П.И. Клеопину — 1 650 руб. (декабрь 1842 г. — март 1868 г.); устюжскому помещику Н. Семчеву — 1 000 руб. (февраль 1843 г. — февраль 1868 г.); череповецкому помещику И.М. Демьянову в 1860 г. сначала выдали в ссуду 1 000 руб. на 26 лет, а затем еще 400 руб. на 37 лет и к 50 руб. за каждую душу добавили еще по 15 руб. Демьянов умер между 1871 и 1874 гг., далее долг взыскивали с вдовы А.Д. Демидовой до 1884 г.⁵⁰

О количестве этих ссуд дает представление «Книга записи свидетельств и отношений имениям, заложенным в Новгородском приказе общественного

⁴⁷ Там же. Л. 24.

⁴⁸ Там же. Л. 24 об.

⁴⁹ Бугров А.В. Указ. соч. С. 29.

⁵⁰ ГАНО. Ф. 472. Новгородский приказ общественного призрения. Оп. 1. Д. 16–20.

призрения (1833–1865 гг.)». На 2 декабря 1860 г. свидетельств на заложенные имения числилось 379, а 31 декабря 1865 г. уже только 154 имения, что напрямую было связано с отменой крепостного права и невозможностью выдавать теперь ссуды под залог, собственно, крестьян. Динамика выглядит следующим образом: за 1861 г. число имений в залоге уменьшилось с 379 до 366, т. е., на 13 имений, 1862 г. — 366–323 на 43, 1863 г. — 320–278 на 42, 1864 г. — 269–221 на 48 и 1865 г. — 217–154 на 63.⁵¹

Ссуды, выдаваемые из апелляционного капитала на продолжительные сроки, запрещались по ст. 244. т. XIII Свода законов. Тем не менее, почти весь апелляционный капитал был роздан приказом в ссуды на 26 лет (с 1836 г. — до 150 500 руб.) и лишь одна ссуда демянским помещикам Веревкиным и Ярыжиной в 4 800 руб. выдана на 8 лет⁵².

Исходя из внутренней нумерации дел, поступивших после ликвидации приказа в Казенную палату, следует, что за период 1840–1858 гг. приказом было выдано не менее 136 ипотечных ссуд⁵³, хотя в 1860 г. свидетельств на заложенные имения числилось 379 (см. выше). С сентября 1859 г. выдача ссуд из приказов общественного призрения была прекращена и имения неисправных должников, не сумевших вернуть ссуду, начинают выставлять на публичные торги⁵⁴. Этим же объясняется значительное уменьшение количества заложенных имений в Новгородском приказе. Так, если в Казенной палате, принявшей некоторые дела ликвидированного приказа, в 1872 г. числилось 44 ссуды, то в следующем, 1873 г. — 37 (14 ссуд было погашено, 3 — досрочно, 3 имения проданы или переведены на Сохранную казну). В 1887–1889 гг. в залоге от бывшего приказа осталось только два имения⁵⁵.

Большинство из числившихся в 1873 г. ссуд были выданы на 28 лет — 38 сделок, по две — на 15 и 37 лет и одна — на 8 лет. В трех случаях — только под землю, без залога крестьян. Общая сумма ссуд составила 56 990 руб., долгу к 1872 г. — 24 379 руб. Заложенных душ числилось 1 135. Больше всего закладывали крестьян числом от 20 до 30 душ — 16 сделок и от 10 до 20 душ — 11 сделок, от 1 до 10 — 5 ссуд. Больше душ закладывали редко: от 30 до 40 — 2 ссуды, от 40 до 50 — 3, 64 души — 1, 83 души — 1, по 100 душ — 2 ссуды. Часто это были крестьяне из разных деревень, максимально — из десяти (две ссуды по 49 и 44 души).

Больше всего закладывали в Боровичском — 9 ссуд, Новгородском и Череповецком уездах — по 8. В других — меньше, так в Тихвинском и Демянском — по 4, Валдайском, Устюженском, Белозерском и Крестецком уездах — по 3 ссуды. Из этой отчетности не ясно, были ли ссуды в Старорусском и Кирилловском уездах или они к 1873 г. уже были погашены.

Отдельные помещики испрашивали ссуду по два или три раза, под залог все новых крестьян, с промежутком от нескольких дней до нескольких лет.

Таким образом, кредитная деятельность Новгородского приказа общественного призрения (не оценивая здесь его работу по основному направлению — благотвори-

⁵¹ Там же. Д. 13. Л. 59–119.

⁵² Там же. Л. 52, 60 об.

⁵³ ГАНУ. Ф. 418. Новгородская казенная палата. Оп. 1 Д. 65, 68, 143.

⁵⁴ Бугров А. В. Указ. соч. С. 31.

⁵⁵ ГАНУ. Ф. 418. Новгородская казенная палата. Оп. 1 Д. 65, 68, 143.

рительности) характеризует его как учреждение, действовавшее, по преимуществу в интересах поместного дворянства: льготные ссуды на длительные сроки и др. Это же подтверждает и стиль его работы: благодушное отношение к неисправным заемщикам, разбазаривание и нерациональное использование капиталов, запущенное на протяжении многих лет делопроизводство и отчетность и проч. Тем не менее, оказывая помощь помещикам, нуждающимся в финансовой поддержке своих имений, приказ не мог повлиять на общий упадок крепостного хозяйства.

Кроме упомянутых выше нескольких дореформенных казенных банков в конце XVIII — начале XIX века в России действовало несколько негосударственных (сословных) банков с ограниченной сферой операций и имевших местное значение: Ссудный банк для армян в Астрахани (с 1779 г.), Екатеринославский банк (с 1786 г.), Дворянские банки в Лифляндии и Эстляндии и крестьянские банки на островах Эзель и Мони в Балтийском море (с 1802 г. и 1814 г.)⁵⁶. Позднее, в 1820 г. крестьянский банк был образован в с. Гру́зино Новгородской губернии графом А.А. Аракчеевым⁵⁷.

Создание в первой половине XIX века крестьянских банков (на деле это были учреждения мелкого кредита) было не только попыткой отдельных помещиков оказать им определенную финансовую помощь для ведения и развития хозяйства, но и являлось составной частью более широких экспериментов, имевших целью поднять доходность своих имений. Если просвещенные помещики пробовали внедрять элементы хозяйственной инициативы, то у Аракчеева это сочеталось с жестокой дисциплиной и мелочной регламентацией всех сторон жизни и деятельности крестьян (в том числе и хозяйственной).

Создание крестьянских банков стало частью программы частичных преобразований Александр I и явилось результатом длительного (с 1801 г.) обсуждения идеи их создания, целей и задач деятельности, проектов, составленных адмиралом Н.С. Мордвиновым и А.А. Аракчеевым.

Аракчеев в 1820 г. учреждает Заемный банк для крестьян в имении Гру́зино по собственноручно составленному Положению и даже вкладывает в его капитал собственных 10 тыс. руб.⁵⁸

Целью банка Аракчеев в п. 1 Положения о нем определил «помощь скорую, верную и ни от чьего произвола не зависящую ... и чтобы после сего не имели они надобности прибегать ни к каким посторонним займам и помощам, часто ненадежным и всегда тяжелым для бедного». Крестьяне могли занимать в банке деньги «когда нужда встретится: на покупку скота рабочего, на свои строения, на все нужды не только по быту их хозяйскому, но и по торгам их и промыслам» (п. 2). Кроме того, банк ежегодно должен был покупать от 200 до 300 кулей ржаной муки для продажи в долг беднякам (п. 2 и 11). Правда, за это крестьянам Грузинской вотчины было запрещено покупать муку в долг в лавках и у торговцев (п. 21). Крестьянам разрешалось вносить в банк деньги на вклады «для сохранения верного и для прибыли необманчивой» (п. 4) под 5 % годовых. На

⁵⁶ ПСЗРИ. 1 собр. Т. XXX. № 14837. Т. XXXII. № 16439. Т. XXVII. № 20462, 20463, 20464.

⁵⁷ Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 49–54.

⁵⁸ Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 49–54.

постройку дома можно было получить до 150 руб., покупку коровы — до 60 руб., лошади — до 100 руб. из расчета 5 % годовых. Малоимущие могли рассчитывать и на беспроцентную ссуду⁵⁹.

Аракчеев очень гордился этим банком и не забывал отметить его работу перед гостями, посещавшими Гру́зино. Те оставили о его деятельности, как правило, положительные отзывы. Модель его поместья демонстрировала, что крепостное хозяйство при внимательном и деловом владельце, поддерживающем строгую дисциплину, может достигнуть значительных результатов⁶⁰. Впрочем, многие отмечали, что излишняя строгость, мелочный контроль и придирки графа делали положение его крестьян весьма тяжелым. Деятельность Гру́зинского мирского банка Аракчеев контролировал тщательно и постоянно, ежемесячно просматривал его отчеты, каждый год проводил ревизии⁶¹.

В дальнейшем исследователи обращались к истории крестьянского банка в Гру́зине, как составного элемента системы хозяйствования, введенной Аракчеевым в своей вотчине. Н.И. Яковкина высказывается о деятельности банка в целом негативно (как и о хозяйственном эксперименте Аракчеева вообще)⁶². К.М. Ячменихин дает более оптимистическую оценку⁶³.

После смерти Аракчеева (1834) банк продолжал действовать и вместе с имением Гру́зино в 1845—1846 гг. был передан Министерству государственных имуществ⁶⁴. Следующие сведения о Заемном банке с Гру́зино относятся к 1857 г. Из его отчета следует, что наличного основного капитала, принадлежавшего данному банку, составляло 14 403 руб. Однако на хранении находились еще капиталы на сумму 48 249 руб.⁶⁵ По некоторым данным в 1870-е гг. его капитал еще составлял 30 тыс. руб.⁶⁶ Последние разысканные сведения о Гру́зинском заемном банке относятся к началу 1890-х гг. К 1893 г. его капитал состоял из 51 607 руб.

В целом, из отчета банка за 1891 г. следует, что он действовал (как и большинство сохранившихся дореформенных заведений) как учреждение мелкого сельского кредита. Большая часть основного капитала давно была выдана в ссуды крестьянам, и руководству с трудом удавалось собирать обратно хотя бы проценты. Вклады и другие наличные средства были вложены в государственные процентные бумаги, дававшие Гру́зинскому банку определенный доход. Счетоводство за 300 руб. в год вел помощник волостного писаря⁶⁷.

⁵⁹ Ячменихин К.М. Социально-экономический абрис Гру́зинской вотчины графа А.А. Аракчеева // Северо-запад в аграрной истории России. Калининград, 2015. № 21. С. 69—70.

⁶⁰ Брадке Е.Ф., фон. Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 37; Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, введенные Аракчеевым в Гру́зинской вотчине // Древняя и Новая Россия. 1875. № 4. С. 376—393.

⁶¹ Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 179. Карточки каталожные на документы архива графа А.А. Аракчеева, хранившегося в Новгородском музее древностей.

⁶² Яковкина Н.И. Указ. соч. С. 49—54.

⁶³ Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 69—70.

⁶⁴ ОПИ НГОМЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 299. Л. Зоб. Дело о передаче имения А.А. Аракчеева «Гру́зино» в ведение Министерства государственных имуществ (1845—1846). [Предписание] о приеме Гру́зинского имения в ведомство Министерства государственных имуществ (17 июня 1845 г.).

⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. Л. 1—56. О заемном банке в с. Гру́зино Новгородской губернии.

⁶⁶ Ячменихин К.М. Указ. соч. С. 69—70.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 70. Д. 253. Л. 1—56.

Затем следы Грузинского заемного банка окончательно теряются. Данных о нем нет ни в Памятных книжках Новгородской губернии, ни в других справочных или отчетных документах, например, в изредка собираемых Министерством финансов сведениях о дореформенных и сословных учреждениях мелкого кредита (1896—1898, 1902 гг.)⁶⁸.

Тем не менее, опыт, накопленный Грузинским заемным крестьянским банком и другими сходными заведениями, показал необходимость создания учреждений мелкого сельского кредита и был использован в дальнейшем при организации волостных и удельных банков (1840 и 1859 гг.), а после отмены крепостного права — ссудо-сберегательных и кредитных товариществ.

Волостные банки государственных крестьян относятся к сословным учреждениям мелкого кредита, функционировавшим на селе еще до отмены крепостного права. Хотя они не получили широкого распространения в Новгородской губернии, однако с большим или меньшим успехом продолжали свою деятельность на всем протяжении второй половины XIX — начала XX вв. Данные кредитные учреждения заслуживают более внимательного изучения, являясь характерным примером взаимоотношений в государственной деревне как в период преобразований Николая I, (в частности, «киселевской» реформы), так и в последующее время.

Одними из первых учреждений мелкого кредита в России в целом и в Новгородской губернии в частности стали волостные и удельные банки (1840 г. и 1859 г.), распространившиеся, правда, в пределах одного-двух уездов. Волостные банки государственных крестьян относились к сословным учреждениям мелкого кредита, функционировавшим на селе еще до отмены крепостного права. Хотя они не получили широкого распространения в Новгородской губернии, однако продолжали свою деятельность на всем протяжении второй половины XIX — начала XX в. Данные кредитные учреждения заслуживают более внимательного изучения, являясь характерным примером взаимоотношений в государственной деревне как в период преобразований Николая I, (в частности, «киселевской» реформы), так и в последующее время. Всего по стране было образовано около 2,5 тыс. таких учреждений⁶⁹.

Сведения о деятельности волостных банков отрывочны, и, иногда, противоречивы. Во всяком случае, развитие операций в них значительно уступало созданным позднее (в 60-е гг. XIX в.) ссудо-сберегательным товариществам.

Уставы вспомогательных и сберегательных касс государственных крестьян (волостных банков), с одной стороны, отличались достаточно обстоятельной и мелочной регламентацией условий для получения крестьянами ссуды, а с другой, — не имели никаких защитных механизмов для предотвращения фиктивного поручительства и других непредвиденных осложнений. Кроме того, вся деятельность волостных банков была пронизана духом круговой поруки и взаимной ответственности членов того сельского общества, где они были учреждены.

Вспомогательные кассы учреждались «Для доставления государственным крестьянам способов к приобретению заимообразно сумм, потребных на удовлетворение разных нужд и на распространение сельской их промышленно-

⁶⁸ Там же. Ф. 583. Оп. 7. Д. 666, 667, 677.

⁶⁹ Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 3.

сти»⁷⁰. Источниками для составления их капиталов служили: мирские и собственные крестьянские капиталы, внесенные в сберкассы, открытые при волостных банках (1856 г. — 2 сберкассы, 1882 г. — 44 по 8 уездам).

Волостные банки обслуживали исключительно государственных крестьян тех селений, в которых были учреждены и имели крайне ограниченный круг операций: выдача ссуд и прием вкладов «на усиление» капиталов, состоявшихся из мирских средств. Ссуды в них могли быть как коллективными (до 5 руб. на одного заемщика от 6 мес. до 3 лет), так и индивидуальными (от 1 до 60 руб., а с 1908 г. и до 150 руб. и более до 16 лет из 6—12 %).

В Новгородской губернии в 1856 г. насчитывалось 13 волостных банков с капиталом в 14 тыс. руб. Для сравнения: в Псковской губ. — 4 волостных банка с капиталом в 519 тыс. 958 руб., в Воронежской губ. — 5 банков с капиталом в 11 тыс. 773 руб.⁷¹ В 1882 г. по 8 уездам Новгородской губернии их насчитывалось уже 44 (вместе с кассами других видов)⁷². В дальнейшем их численность постепенно снижалась, составив в начале XX в. около 12 волостных банков в Старорусском, Череповецком и Устюженском уездах. На 1902 г. в них числилось ссуд на 29 402 руб., из них просроченных — 24 096 руб., вкладов — 5 925 руб.⁷³ Волостные банки были созданы административным решением без всякого учета мнения крестьян и очень быстро пришли в упадок, особенно, после отмены крепостного права.

В 1859 г. правительство Александра II предприняло новую попытку устройства сельских кредитных учреждений банковского типа. Это предприятие целиком было проведено в русле предыдущего устройства волостных банков, различия между ними как по сословному признаку, так и по сфере разрешенных им операций были минимальны. Однако сельские банки по удельному ведомству являлись более развитыми кредитными учреждениями, чем волостные банки. Удельные банки (образца 1859 г.) уже сочетали в себе и черты вспомогательной и сберегательной кассы, т.е. представляли собой кредитное учреждение банковского типа, хотя и действовавшее с определенными операционными ограничениями и на сословной основе. Они осуществляли выдачу ссуд в размере от 3 до 200 руб. на 1—3 года из 5 % и прием вкладов не менее 1 рубля из 4 %.

Сведения о деятельности сельских банков удельного ведомства столь же отрывочны, как и данные о волостных банках, к 1909 г. их число составило 161⁷⁴. В Новгородской губернии эти кредитные учреждения так же были немногочисленны и получили распространение только в трех уездах. В 1882 г. их насчитывалось 14, в 1897 г. — 23, в 1900—1901 гг. — 22 удельных банка⁷⁵. Однако многие из

⁷⁰ Положение о крестьянских вспомогательных кассах. (Утверждено 7 марта 1840 г. Дополнено 30 декабря 1908 г.). СПб., 1908. С. 1—11.

⁷¹ Соколовский П.А. Ссудосберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 13—14.

⁷² Там же. С. 16—18.

⁷³ Сведения о состоянии средств вспомогательных и сберегательных касс бывших государственных крестьян на 1 января 1902 г. СПб., 1902. С. 2—3.

⁷⁴ Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 3.

⁷⁵ Соколовский П.А. Ссудосберегательные товарищества в России по отзывам литературы. СПб., 1889. С. 16—18; РГИА. Ф. 583 Оп. 7 Д. 667. Л. 84, 85; Д. 666. Л. 105; Сводные балансы и сведения о состоянии средств учреждений мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 2—3.

этих учреждений уже практически не работали. Так, во всех семи удельных банках Кирилловского уезда числились одни только просроченные ссуды и, в то же время, не имелось ни вкладов, ни, какой-либо наличности. Не лучше обстояло дело и в 15-ти удельных банках Старорусского уезда, где наблюдался почти четырехкратный перевес просроченных ссуд — 111 тыс. руб. против 35 тыс. руб. Основной капитал их был в два раза меньше, чем сумма выданных ссуд — 76 тыс. руб. против почти 137 тыс. руб. Вклады же составляли ничтожную сумму — 1 721 руб.⁷⁶

Следовательно, даже если сделать предположение о том, что какая-то работа в этих банках к началу XX в. и велась, то уровень ее был очень незначителен, а отношение руководства к их операциям прекрасно иллюстрирует количество просроченных (и, вероятно, безнадежных) ссуд.

Тем не менее, в начале XX в. удельные банки предоставили новые сведения о своей деятельности: 1901 г. — 7 банков в Кирилловском уезде, 15 — в Старорусском⁷⁷. К 1913 г. данные предоставили только 20 учреждений такого типа, однако неясно, действовали ли они по прежним уставам или каким-либо образом изменили их.

Сельские банки обр. 1885 г. не получили широкого распространения до 1910-х гг. К этому времени их насчитывалось по России — 792 (вместе с волостными банками нового образца)⁷⁸. В Новгородской губернии в 1897 г. функционировал всего один такой банк, 1902 г. — 6, к 1914 г. имелись сведения о девяти сельских и волостных банках нового образца, действовавших в Новгородской губернии⁷⁹. В 1902—1903 гг. из четырех сельских банков, действовавших в Тихвинском уезде, три работали с убытком, хотя и небольшим — от 8 до 33 руб. При этом в Старорусском уезде 1–2 банка получали около половины от всей прибыли сельских банков губернии⁸⁰.

Кредитные учреждения второй половины XIX — начала XX века

Наибольшее развитие в 1860—1870-х гг. получили сельские учреждения мелкого кредита, образованные непосредственно крестьянами при ограниченном содействии земских органов или отдельных благотворителей, как правило, из местных общественных активистов или предпринимателей. Впервые такими заведениями стали обзаводиться мелкие ремесленники и сельскохозяйственные рабочие в Германии (учреждения Шульце-Делича). В Российской империи они распространились в виде ссудо-сберегательных товариществ, образованных по уставам нескольких основных типов, более или менее различавшихся между собой. В основе их деятельности лежали банковские операции, достаточно ограниченные по размеру и сфере применения. Основной капитал ссудо-сберегательных

⁷⁶ Сводные балансы и сведения о состоянии средств мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 1–3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Современное положение мелкого кредита в России. СПб., 1909. С. 3.

⁷⁹ РГИА. Ф. 583. Оп. 7 Д. 667. Л. 84, 85; Сводные балансы и сведения о состоянии средств учреждений мелкого кредита сословного и местного характера на 1 января 1902 г. СПб., 1903. С. 1–3; Памятная книжка Новгородской губернии за 1914 г. Новгород, 1915. С. 43–244.

⁸⁰ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 114 об. — 115.

товариществ складывался из паевых взносов его членов, внесенных на сохранение вкладов, а также широко применялась практика займа у частных лиц или, например, земских организаций, сумм на усиление средств товарищества.

Из основного капитала члены товарищества получали ссуды на определенные сроки под проценты. Основной чертой, отличавшей ссудо-сберегательные товарищества от сельских банков и касс, было добровольное вступление членов сельского общества в его состав и добровольный выход из него. Достаточно широко распространившиеся (при активной поддержке земских органов) ссудо-сберегательные товарищества достигли своего расцвета в середине 1870-х гг., после чего в их работе наступил глубокий кризис, связанный как с охлаждением общего интереса к этому виду кредита среди земских деятелей, так и с крупными функциональными недостатками самой идеи организации этих кредитных учреждений по образцу касс Шульце-Делича. Кроме того, правительство проявило полное отсутствие всякого интереса к этим товариществам и не оказывало им никакой материальной или моральной поддержки. К 1880-м гг. многие из ссудо-сберегательных товариществ закрылись, некоторые продолжали числиться, только на бумаге, единицы осуществляли свои операции в полном объеме.

Ссудо-сберегательные и кредитные товарищества официально могли образовываться не только в сельской местности, но и городским населением, однако на практике в период 1860–1890-х гг. в большинстве являлись сельскими учреждениями. В 1871–1877 гг. возникло 966 ссудо-сберегательных товариществ, в том числе, в Новгородской губернии — 54⁸¹. В 1911 г. сведения о себе предоставили 17 товариществ, 13 из которых были образованы еще в 1871–1878 гг. (в числе 46 товариществ, учрежденных к концу 1870-х гг.)⁸². Из 10 ссудо-сберегательных товариществ, образованных в этот период в Череповецком уезде, к 1914 г. предоставило о себе сведения только одно⁸³.

Таким образом, из числа предоставленных самим себе уже в конце 1870-х гг. товариществ, к началу XX века сохранились только самые жизнеспособные. Хотя ссудо-сберегательные товарищества не оказали значительного влияния на хозяйственную жизнь Новгородской губернии, опыт, накопленный ими, привлекал внимание исследователей, так как он является характерным показателем основных процессов в экономике пореформенной России⁸⁴.

В 1893 г. при пересмотре устава Государственного банка был поднят и вопрос о преобразовании системы мелкого (и, особенно, сельского) кредита.

⁸¹ Численный рост кредитных кооперативов в России. СПб., 1912. С. 1–4.

⁸² Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб., 1890. Приложение С. 6–7; Список действующих и ссудо-сберегательных товариществ по губерниям и областям империи на 1 января 1911 г. СПб., 1911. С. 57–58, 108.

⁸³ Памятная книжка Новгородской губернии за 1914 г. Новгород, 1915. С. 206.

⁸⁴ См., напр.: Румянцева В.П. Роль новгородского земства в организации учреждений мелкого кредита // Земство и возрождение его культурно-исторических традиций. Новгород, 1996. С. 109–114; Мазилкина М.В. Ссудосберегательные товарищества как первые учреждения мелкого кредита в Новгородской губернии. 1871–1914 гг. // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1997 г. Новгород, 1997. С. 34–35; *Ее же*. Кредитные товарищества Новгородской губернии в пореформенный период // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1998 г. Новгород, 1998. С. 13–16; *Ее же*. Содействие Новгородского земства в деле образования учреждений мелкого кредита // Записки Филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород. Великий Новгород, 2001. С. 90–100.

Вышедшее впоследствии Положение об учреждениях мелкого кредита 1 июня 1895 г. предусмотрело возможность создания новых заведений подобного типа, не использовавших в своей деятельности паевой капитал — кредитных товариществ. Создание последних, впрочем, очень медленное, началось с 1897 г., когда был утвержден обновленный устав Государственного банка, предусматривший возможность получения кредитным товариществам ссуды в их основной капитал, что заменяло им паи членов.

В сравнении с деятельностью ссудо-сберегательных товариществ успех товариществ кредитных к 1913 г. очевиден. Они превосходят ссудо-сберегательные товарищества практически по всем основным показателям: по количеству заведений — в два раза (55 против 24), по числу членов — в 5 раз (45 тыс. против 9,5 тыс.), по ссудам — почти втрое (1 млн против 369 тыс. руб.), по вкладной операции и валовой прибыли — в 4 раза (666 тыс. против 155 тыс. руб. и 146 тыс. против 39 тыс. руб. соответственно), по чистой прибыли в 3 раза (51,5 тыс. против 17 тыс. руб.), по расходам на благотворительность — вдвое (1 063 против 610 руб.)⁸⁵.

Однако новый настоящий расцвет сельских учреждений мелкого кредита начался после 1904 г., когда был издан новый закон, упорядочивший систему подобных заведений, утвердивший новые их виды (земские кассы мелкого кредита и общественные ссудо-сберегательные кассы) и пересмотревший их отношения с Государственным банком. Например, у ссудо-сберегательных товариществ и других учреждений мелкого кредита появилась возможность пользоваться займами из его капитала, была предусмотрена возможность взаимного превращения всех типов этих учреждений или более широкого изменения их уставов. Кроме того, на местах были созданы органы непосредственного заведования учреждениями мелкого кредита со стороны государства (чего ранее не существовало) — губернские комитеты по делам мелкого кредита с губернаторами во главе.

В городах также возникали учреждения мелкого кредита, хотя и в гораздо меньшем количестве, чем сельские. Прежде всего, ими стали ссудо-сберегательные кассы чиновников и служащих, использовавшие бывшие вспомогательные капиталы и «черные кассы» этих лиц, а также и учреждения других категорий городских жителей, сходные с упомянутыми кассами. Созданные в массе в 1860-е гг. эти учреждения значительно изменялись с течением времени, многие закрывались. После выхода в свет закона об учреждениях мелкого кредита 1904 г. некоторые из них возродились в обновленном виде и на несколько измененных уставах, более приближенных к условиям кооперативного кредита. В 1914 г. сведения о себе представили только шесть ссудо-сберегательных касс чиновников, рабочих, служащих, духовенства Новгородской губернии⁸⁶.

В этот период имелась попытка создания кредитного учреждения, построенного на сходных принципах работы для поддержания помещичьего хозяйства. С 1909 г. в Новгородской губернии действовала Казна самопомощи новгород-

⁸⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 666. Л. 160; ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 412. Л. 123 об. — 125; Д. 2024. Л. 111 об. — 113.

⁸⁶ Памятная книжка Новгородской губернии за 1914 г. Новгород, 1915. С. 13.

ского дворянства, основной целью которой было поддержание землевладения последних. Однако капитал её составил на несколько отличных началах, чем у ссудо-сберегательных касс. На операции этой казны местное дворянство отчислило более 23 тыс. руб. (15 тыс. руб. выморочного капитала и 8 377 руб. родословного капитала). Таких средств для поддержания поместий было явно недостаточно и в 1913 г. местное дворянство обратилось с просьбой правительству ассигновать на усиление оборотов казны самопомощи 200 тыс. руб. Однако в силу постоянного денежного дефицита последовала выдача всего только половины запрошенной суммы (в 1915 г. и 1917 г.), что не могло уже значительно помочь делам Казны самопомощи Новгородского дворянства.

За 1909–1913 гг. ею было выдано ссуд на общую сумму более 20 тыс. руб., в размере, не превышавшем 500 руб., на срок от 3 до 6 мес., главным образом, на уплату процентов в кредитные учреждения за заложенную землю. Однако, по мнению руководства кассы, ее деятельность не повлияла серьезным образом на общее неблагоприятное состояние дел местного дворянского землевладения⁸⁷.

К 1910-м гг. в России действовало большое количество сберегательных касс — около 7 тыс. (с отделениями), хранившие вклады более 7 млн чел. на общую сумму, превышавшую 1,5 млрд руб.⁸⁸ Уставы этих сберегательных касс незначительно отличались между собой, учитывая, в основном, специфику предприятия, при котором были учреждены⁸⁹.

Данные сберегательные кассы входили в состав кредитной системы Российской империи, через них государство привлекало свободные деньги лиц, как правило, не занимавшихся предпринимательством, в виде вкладов и вводило их в оборот. Напрямую эти учреждения не оказали по роду своей деятельности особого влияния на развитие экономики Новгородской губернии, однако в общем смысле они имели для правительства очень большое значение.

В Новгородской губернии существовали практически все разновидности сберегательных касс (государственные, городские, почтово-телеграфные, фабрично-заводские и проч.). Их возникновение относится к середине 1860-х гг. — городские сберегательные кассы стали учреждаться с 1864 г. (Череповец). К 1870-м гг. они действовали в четырех уездах губернии — Новгородском, Валдайском, Череповецком и Крестецком, объединяя свыше 120 вкладчиков с числом вкладов 7671 руб.⁹⁰ Кроме того, имелись кассы при казначействах и других учреждениях. Число их постоянно увеличивалось и к 1913 г. достигло 105 с общей суммой вкладов в 22,3 млн руб.⁹¹

В отличие от учреждений мелкого кредита первые банки в Новгородской губернии появились только во второй половине XIX века, после отмены крепостного права и начала развития капиталистических отношений. Одними из первых стали городские общественные банки, которые появились в России в первой

⁸⁷ РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 607. Л. 8 об. — 15.

⁸⁸ РГИА. Ф. 581. Оп. 1. Д. 226. Л. 21.

⁸⁹ Подробнее см.: Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007.

⁹⁰ Кауфман И.И. Статистика городских сберегательных касс. СПб., 1875. С. 1, 9.

⁹¹ Статистические данные по операциям Государственного банка и сберегательных касс за 1860–1892 гг. СПб., 1893. С. 94–95; РГИА. Ф. 681. Оп. 1 Л. 266. Л. 36–37.

половине XIX века как полублаготворительные кредитные учреждения. Они имели своей основной целью содействие городскому обществу в бездоимочной уплате податей и налогов, помощь беднейшим горожанам и предоставление коммерческого кредита местным купцам и мещанам на льготных условиях⁹².

Несмотря на то, что юридические основы для создания таких банков были заложены еще в Городовом положении 1785 г.⁹³, процесс их образования проходил медленно и с большими сложностями. Главным препятствием на этом пути была недостаточная финансовая обеспеченность провинциальных городов (из 20 городских банков, образованных к 1862 г., семь были учреждены целиком на деньги благотворителей), так как городским обществам не разрешалось образовывать банки на занятые деньги. Это условие ограничивало и масштаб операций городских банков. Кроме того, закон определил их действия границами города, а позднее — уезда. Указанные черты определили стиль деятельности исследуемых кредитных учреждений на весь период их существования. Неизменным осталась и сфера их основных операций — учет векселей, выдача ссуд под залоги и прием вкладов. Зачастую они оставались единственными в провинциальных городах кредитными учреждениями, выдававшими жителям необходимые средства. Городские общественные банки компенсировали недостаток государственных и частных кредитных учреждений в уездных и губернских городах, пользуясь у населения достаточной популярностью. Так, если за первую половину XIX в. было образовано всего 22 таких банка, то за 1862—1867 гг., их число увеличилось до 123, а в начале XX в. достигло 300.

Первые городские общественные банки Новгородской губернии открылись в Тихвине и Старой Руссе в 1863 г. Однако вопрос о них был поставлен значительно раньше. Так, деньги, предназначенные на учреждение Тихвинского городского общественного Чаплиных банка, поступили по завещанию петербургского купца 1-й гильдии С.Ф. Чаплина еще в 1851 г. Правительственное разрешение на его открытие последовало только через 12 лет⁹⁴. В 1859 г. был поднят вопрос об образовании общественного банка в Старой Руссе, а в 1860 году — в Новгороде. Его решение также значительно затянулось. В результате Старорусский городской общественный банк открылся только в 1863 г., а Новгородский — в 1866 г.⁹⁵ Если в случае с Тихвинским банком долго проводилась министерская экспертиза его устава, то задержка с учреждением Новгородского и Старорусского банков объяснялась неясностью вопроса о внесении в их капиталы некоторых общественных средств, находившихся в распоряжении городских дум. За более короткий срок в губернии были учреждены следующие городские общественные банки в губернии: Череповецкий — 1 год и 3 мес. (в 1864 г.), Белозерский — 1 мес. (в 1870 г.) и Боровичский — 3 мес. (в 1873 г.). Последний из городских общественных банков Новгородской губернии был открыт в г. Кириллове в 1881 г., через 7,5 лет после возбуждения соответствующего хо-

⁹² Подробнее см.: Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 138—151.

⁹³ ПСЗРИ. 1 собр. Т. XX. № 11688, п. 153.

⁹⁴ ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXVIII. № 39634.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 8. Д. 1381, 1404, 1405; Ф. 1341. Оп. 111. Д. 775; Оп. 116. Д. 699.

дательства⁹⁶. Далеко не все уездные города в Новгородской губернии смогли создать у себя кредитные учреждения. Так, в 1875 г. Министерство внутренних дел отклонило проект создания в г. Демянске собственного общественного банка из-за недостатка свободных муниципальных средств⁹⁷. По сходным причинам в 1870 г. Государственный совет не нашел возможным поддержать ходатайство об учреждении в г. Белозерске коммерческого банка⁹⁸. На этот же период приходится и неоднократные попытки земских органов губернии создать земский банк или ипотечное кредитное учреждение, что также не было поддержано правительством.

Главной операцией городских общественных банков и основной статьёй их дохода являлся учет векселей. Так, в Новгородском банке в 1882 г. было учтено векселей на 1 млн 400 тыс. руб.⁹⁹ Подавляющее их большинство имело размер до 500 руб. (50 % от общего количества и всего 10 % от всей суммы учета)¹⁰⁰. Это была и самая рискованная из банковских операций: убытки от неблагонадежных векселей и нарушений правил учета составляли в среднем от 1 тыс. до 10 тыс. руб. в год (свыше 10 % от общей суммы учета)¹⁰¹. Вместе с тем она приносила банкам и наибольшую прибыль. За пользование кредитом крупные городские общественные банки губернии, такие как Новгородский, Старорусский, взимали с клиентов 8–9 %, а менее значительные, как, например, Кириловский — и до 15 %. На практике допускалась крайне нежелательная и опасная в банковской деятельности переписка векселей клиентов на новые сроки.

Операция выдачи ссуд уступала вексельной по размерам оборота в 2–3 раза. Например, в Новгородском банке в 1882 г. было выдано в ссуду всего 472 тыс. руб. (против 1 млн 400 тыс. руб. по учету векселей)¹⁰². Ссуды выдавались под залог ценных бумаг (до 70 % от всей суммы выданных ссуд), а также под недвижимость, товары и драгоценные вещи. За пользование ссудой городские общественные банки взимали под залог ценных бумаг 7–8 %, а под другие виды залогов и до 12 %. Эта операция так же имела определенный коммерческий риск, например, в Старорусском банке в 1910 г. недоплата по ссудам под все виды залогов составила более 44 тыс. руб.¹⁰³

Вклады привлекали основную массу операционных средств городских банков. Вкладчикам начислялось от 3 до 7 % годовых. Однако значительном накоплении вкладов возникала опасность банкротства в случае одновременного их изъятия клиентами. В числе прочих, это случилось и с Новгородским банком, которому, в 1883–1891 гг. пришлось уменьшить число вкладов в 2 раза — с 870 тыс. руб. до 411 тыс. руб.¹⁰⁴ (как предписывало Положение о городских общественных банках 1883 г.).

⁹⁶ ПСЗРИ. 2 собр. Т. XXXIX. № 41544. Т. XLV. № 48959. Т. XLVIII. № 52090.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 580.

⁹⁸ Там же. Ф. 1152. Оп. 7. Д. 121.

⁹⁹ Там же. Ф. 583. Оп. 2. Д. 563. Л. 1–199.

¹⁰⁰ Там же. Д. 564. Л. 244 об.

¹⁰¹ Там же. Д. 561–564.

¹⁰² Там же. Д. 563 Л. 1–199.

¹⁰³ Там же. Д. 836. Л. 1–76.

¹⁰⁴ Там же. Д. 562. Л. 61–61 об.

Остальные операции в городских общественных банках Новгородской губернии не получили значительного развития.

Особое место в деятельности этих кредитных учреждений занимала благотворительность — отчисления из прибыли на городские потребности (положение об этом в обязательном порядке вносилось в их уставы). К 1890 г. сумма, переданная на эти цели городскими банками губернии, превысила полмиллиона рублей¹⁰⁵. Только в 1913 г. она составила 18,4 тыс. руб.¹⁰⁶ Такие выплаты в Новгородском банке в конце XIX — начале XX вв. составляли половину от всей прибыли (от 4 тыс. до 10 тыс. руб. в год)¹⁰⁷.

На протяжении практически всего изучаемого периода Новгородский городской общественный банк являлся лидером среди подобных кредитных учреждений губернии. Его обороты по всем операциям были в 2–10 раз выше, чем у остальных. Только в 1890–1910 гг. Старорусский и Череповецкий банки вплотную приблизились, а по некоторым показателям даже обогнали его.

В целом, развитие операций в городских общественных банках Новгородской губернии (особенно в крупных) не отличалось стабильностью. Так, после ввода в действие Положения об этих кредитных учреждениях 1883 г. их обороты снизились более чем в два раза. Периоды спада деловой активности были обусловлены как объективными причинами, например, экономическими кризисами, так и нарастанием негативных явлений в самих городских банках (и в целом по России и в Новгородской губернии) — слабая постановка работы, несоблюдение правил осуществления операций, прямые злоупотребления отдельных служащих. Например, в 1870-е гг. Новгородский городской общественный банк понес ощутимые финансовые потери в результате недальновидной политики его правления и использования в личных целях своего служебного положения директором Н.П. Кузнецовым¹⁰⁸. В 1904 г. по результатам ревизии были привлечены к суду служащие Тихвинского городского общественного Чаплиных банка бухгалтер Н.Д. Земский и его помощник (директор банка Н.И. Ситников до суда умер)¹⁰⁹. Однако в банках Новгородской губернии такие негативные явления были все же редкостью. Большинство работников и руководителей этих кредитных учреждений трудились добросовестно, а некоторые даже и на общественных началах, как И.С. Волков — директор Череповецкого городского общественного банка, безвозмездно служивший на этом посту 15 лет до самой смерти.

Таким образом, несмотря на значительные недостатки в деятельности городских общественных банков Новгородской губернии, ни один из них не был закрыт, а крупнейшие: Новгородский, Старорусский, Череповецкий — по основным показателям традиционно занимали место в первой сотне среди трехсот подобных им кредитных учреждений России.

Главной причиной учреждения в Новгороде отделения Крестьянского поземельного банка стало крестьянское малоземелье. Средний размер крестьян-

¹⁰⁵ Сведения о городских общественных банках. СПб., 1898. С. 145.

¹⁰⁶ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 110–111 об.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 563–564.

¹⁰⁸ Там же. Д. 563 Л. 91–106.

¹⁰⁹ Отчет Тихвинского городского общественного Чаплиных банка за 1914 г. Тихвин, 1915. С. 11–12.

ского надела составлял в губернии в 1880-е гг. всего 5–7 десятин¹¹⁰. Этого явно не хватало. Положение осложнялось малым плодородием почв и суровым климатом. Кроме того, крестьянская реформа не учитывала естественный прирост сельского населения, что привело к увеличению числа безземельных крестьян. По официальным данным в Новгородской губернии в 1884 г. таких насчитывалось 22 % от их общего числа¹¹¹, несмотря на то, что крестьяне использовали любую возможность для покупки земли (за 1863–1882 годы их землевладение в губернии увеличилось на 430 тыс. дес.)¹¹². Крестьяне не могли покупать дворянские земли оптом, и помещики вынуждены были продавать их за бесценок перекупщикам. Последние сбывали крестьянам небольшие участки, значительно поднимая цену. Это увеличивало социальную напряженность в деревне. Способствовать решению аграрной проблемы как раз и был призван Крестьянский поземельный банк, местное отделение которого было открыто в 1885 г. через два года после учреждения самого банка.

Операции Новгородского отделения по ряду объективных причин велись крайне неравномерно. За 1885–1889 гг. общее количество купленной при его содействии земли составило 96 тыс. дес. стоимостью 952 тыс. руб. при средней цене от 9,5 руб. до 13,5 руб. за десятину (приобрели землю 5 810 домохозяев — 351 сделка)¹¹³. Первые 5 лет деятельности Новгородского отделения были не только самыми активными, но и самыми плодотворными — выдано более половины всех ссуд довоенного периода ($\frac{1}{3}$ от общего количества земли, приобретенной при содействии отделения). Всего за 1883–1895 гг. в Новгородской губернии при помощи банка было куплено почти 150 тыс. дес. земли (5 место в стране)¹¹⁴. Таким образом, главная задача, поставленная перед Крестьянским банком в Новгородской губ., по-видимому, была выполнена именно в 1885–1890 гг., когда основная масса крестьян, желавших и имевших возможность приобрести землю, воспользовалась услугами местного отделения.

Заметное оживление в работе банка наблюдается во второй период его деятельности — 1895–1905 годы — после принятия обновленного Устава 1895 года. В связи с этим в Новгородской губернии стали возможны покупки крестьянами даже целых имений. К 1899 году было совершено 10 подобных сделок в шести уездах на покупку 6,7 тыс. дес.¹¹⁵ Однако это оживление не шло ни в какое сравнение с первым пятилетием деятельности Новгородского отделения. За весь второй этап деятельности банка (1895–1905 годы) в Новгородской губ. при его содействии было приобретено около 100 тыс. дес., около $\frac{2}{3}$ от предыдущего периода. Третий период (1906–1914 гг.), когда банку были предоставлены широкие возможности по льготной продаже земли крестьянам, не оказался для

¹¹⁰ Дегтярев А.Я., Кащенко С.Г., Раскин Д.И. Новгородская деревня в реформе 1861 г. Л., 1989. С. 58–128, 145; Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 125.

¹¹¹ ГАНУ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 643. Л. 8; Д. 922 Л. 20–23; Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906. С. 11.

¹¹² Там же.

¹¹³ Деятельность Крестьянского поземельного банка в 1898 г. // Вестник новгородского земства. 1909. № 5. С. 45–50.

¹¹⁴ Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. С. 255.

¹¹⁵ Вестник новгородского земства. 1899. № 7. С. 26–27.

Новгородского отделения особенно активным. При его содействии местные крестьяне приобрели чуть более 100 тыс. дес. По мнению Е.К. Розова, не сыграло отделение значительной роли и в деле образования хуторских и отрубных хозяйств: «На его землях, проданных отдельным домохозяевам, было образовано лишь 52 хутора и 71 отруб с общей площадью 4 тыс. 101 дес.»¹¹⁶.

Всего крестьяне Новгородской губернии при содействии местного отделения банка за 1885—1913 гг. приобрели около 300 тыс. дес.¹¹⁷ Однако эта цифра не выглядит значительной в сравнении с общим количеством земли, купленной ими к 1917 г. Имея почти 2 млн 897 тыс. дес. наделной земли, крестьяне Новгородской губернии приобрели около 1 млн 835 тыс. дес. (63,5 % к наделной)¹¹⁸, т.е., при содействии банка — всего около 1/6 части.

Уже с первых лет в деятельности Крестьянского поземельного банка начали проявляться значительные негативные явления, ставшие следствием недостаточной проработки устава. Среди них — явное содействие банка помещикам при продаже крестьянам малопродуктивных земель по завышенной цене, взимание высокого ссудного процента, незначительность самой суммы ссуды, неясность статуса товариществ крестьян, участвовавших в сделках по купле-продаже земли, значительное, в два—три раза, подорожание покупаемых при его содействии земель. В Новгородской губ. оно достигало 50 руб. за дес.¹¹⁹ Кроме того, в своей деятельности отделение банка явно предпочитало сделки с зажиточными крестьянами и их товариществами, а не с целыми сельскими обществами, как предполагалось ранее. Таким образом, отделение Крестьянского поземельного банка, которое должно было способствовать наделению землей как можно большего количества крестьян, чтобы снизить социальную напряженность на селе и сохранить одну из главных опор самодержавия — сельскую общину, применительно к Новгородской губернии объективно содействовало ее разрушению и дальнейшему расслоению в деревне.

В Новгородской губернии ситуация усугублялась и недостатками в работе самого местного отделения банка. Среди них — неудачный выбор управляющих и слабая постановка кадровой политики вообще, запутанное делопроизводство, сложные взаимоотношения с Землеустроительной комиссией и т.д. Нарекания за слабую организацию работы имели управляющие отделением И.К. Мельник и И.О. Вадиковский. Последний, кстати, характеризовался как пьяница, утративший «всякий интерес не только к делу, но и вообще к людям и к жизни»¹²⁰. Замечания получали и другие работники¹²¹. Общий застой в делах Новгородского

¹¹⁶ *Розов Е.К.* Крестьяне и крестьянское хозяйство Тверской и Новгородской губернии в середине XIX — начале XX вв. Калинин, 1974. С. 72.

¹¹⁷ Подсчитано нами по: Обзор деятельности Крестьянского ... за 1883—1904 гг. СПб., 1906; Обзор деятельности Крестьянского ... с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. СПб., 1909; Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1907—1914 гг. СПб.; Пг., 1908—1915.

¹¹⁸ *Розов Е.К., Виноградов В.А.* Сельское хозяйство в Тверской и Новгородской деревне во второй половине XIX — начале XX вв. Калинин, 1974. С. 31; *Розов Е.К.* Крестьяне и крестьянское хозяйство Тверской и Новгородской губернии в середине XIX — начале XX вв. Вологда, 1989. С. 17.

¹¹⁹ Обзор деятельности Крестьянского ... за 1883—1904 гг. СПб., 1906. С. 263.

¹²⁰ РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 273. Л. 74.

¹²¹ Там же. Оп. 44. Д. 433. Л. 19 об.

отделения¹²² стал поводом для проведения в 1908 году специального совещания (с участием руководства Министерства финансов, Крестьянского поземельного банка и губернатора П.П. Башилова) о его дальнейшей судьбе. Самостоятельное отделение банка в губернии было сохранено, прежде всего, потому, что его закрытие могло негативно сказаться на материальном положении клиентов¹²³.

Таким образом, деятельность Новгородского отделения Крестьянского поземельного банка в целом не смогла кардинальным образом повлиять на решение аграрного вопроса в губернии.

Учреждение в Новгородской губернии отделений Государственного банка в Новгороде и Череповце тесно связано с развитием местной экономики, которая в 90-х гг. XIX века испытывала значительный подъем. В 1903 г. в губернии действовало 94 завода и фабрики с 14 800 рабочими, выпускавшими продукции почти на 14 млн руб. в год¹²⁴. Более 40 % всех фабрик и заводов в Новгородской губернии были образованы именно в период 1890—1900 гг.¹²⁵ В связи с возросшей потребностью в производственном кредите в 1895 г. было образовано Новгородское отделение Государственного банка. В Череповце значительное развитие деловой активности в начале XX в. явилось следствием проведения через него железной дороги Петербург–Вятка, что вызвало резкое оживление, прежде всего, торговли. В связи с этим, возможности Череповецкого городского общественного банка по обеспечению местных предпринимателей кредитом оказались практически исчерпанными. Руководство Государственного банка высказалось за экономическую целесообразность учреждения второго его отделения в губернии, которое и было открыто в 1911 г.¹²⁶ Вместе с тем, в 1914 г. был отклонен проект создания временного отделения Государственного банка в Старой Руссе, которая была более известна как курорт, а не деловой центр¹²⁷.

Однако прогнозы инспекторов Государственного банка, которые внимательно следили за работой Новгородского отделения, в общем, были малоутешительны. Местные предприниматели считали одним из способов дальнейшего развития промышленности и торговли в губернии (а, следовательно, и оживления деятельности Государственного банка) улучшение железнодорожного сообщения и активизацию работы банка в сфере мелкого кредита¹²⁸.

Главной операцией Новгородского и Череповецкого отделений, как и в городских общественных банках, являлся учет векселей местных предпринимателей. За пользование кредитом взималось 8–9 %. Основную массу клиентов по этой операции в Новгородском отделении в 1895–1905 гг. составляли купцы и торговцы (независимо от их сословного происхождения) — 309 чел., фабриканты — 19 чел., землевладельцы — 21 чел., ремесленники — 10 чел.¹²⁹ В дальнейшем

¹²² Там же. Л. 28 об. — 29.

¹²³ Там же. Д. 273. Л. 71–74. Д. 433. Л. 28 об. — 29.

¹²⁴ Ромашова В.И. Фабрично-заводская промышленность Новгородской губернии в начале XX в. // Новгородский край. Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 107.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1155. Л. 5–12.

¹²⁷ Там же. Оп. 33. Д. 968. Л. 1–1 об., 10–11.

¹²⁸ Там же. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1070, 1071.

¹²⁹ ГАНУ. Ф. 439 Оп. 1. Д. 2. Л. 1–78.

торговцы и купцы продолжали оставаться самой большой группой клиентов отделений по учету векселей¹³⁰. Половина всех открытых кредитов в отделениях Государственного банка в Новгородской губернии (как по сумме, так и по числу клиентов) принадлежала торговцам лесом, стройматериалами и хлебом. Общая сумма кредитов, выданных за год Новгородским отделением, стабильно составляла в среднем более 1 млн руб. (1901–1914)¹³¹. Череповецкое отделение уже через 3 года работы после своего открытия приблизилось по этому показателю к Новгородскому — 800 тыс. руб. в год¹³². Подавляющее количество векселей (около 90 %), как и в городских общественных банках, имело размер до 3 тыс. руб.

Сумма протестов по вексялям была в Новгородском отделении относительно небольшой — 2–4 % от общей суммы учета за весь период его функционирования¹³³. В то же время, от 5 до 25 % всех векселей отклонялось от приема¹³⁴. Ситуация с протестом векселей в Череповецком отделении была несколько лучше. Вексельная операция была самой доходной в отделениях Государственного банка Новгородской губернии и составляла до 50 % от всей суммы прибыли.

Операция выдачи ссуд в Новгородском и Череповецком отделениях получила гораздо меньшее развитие, чем учет векселей. Ссуды выдавались, в основном, под залог ценных бумаг — от 10 тыс. до 200 тыс. руб. в год и товаров — от 20 тыс. до 170 тыс. руб. в год (главным образом — под хлеб)¹³⁵. Ссуды под залог драгоценностей особого развития в этих отделениях не получили. Специальная операция по выдаче ссуд на цели промышленности и сельского хозяйства отличалась постоянным увеличением объема таких выплат учреждениям мелкого кредита (от 1 тыс. до 10 тыс. руб. каждому). В 1914 г. они составили почти 100 % от общей суммы этих ссуд — 320 тыс. руб. из 328 тыс. руб.¹³⁶ С другой стороны, Новгородское отделение уделяло, в общем, недостаточно внимания местным учреждениям мелкого кредита — ссудо-сберегательным и кредитным товариществам. Так, в пяти из 11 уездов губернии с ними сотрудничали Петербургское и Вологодское отделения Государственного банка, в то время как Новгородское эту деятельность там практически не развернуло.

Отделения Государственного банка Новгородской губернии занимались также покупкой и продажей ценных бумаг, что приносило им от 10 до 30 % валовой прибыли: в Новгородском — 5–20 тыс. руб. в год при обороте от 2 млн до 3 млн руб. в отделении и столько же в приписанных к нему уездных казначействах¹³⁷.

Значительное развитие в отделениях Государственного банка Новгородской губернии получил прием вкладов. В 1914 г. Новгородское отделение размести-

¹³⁰ РГИА. Ф. 587 Оп. 33 Д. 1071, 1141.

¹³¹ Государственный банк. Данные по конторам и отделениям. 1901–1914 гг. СПб. ; Пг., 1912–1915. С. 25–28.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ РГИА. Ф. 589. Оп. 33. Д. 1071. Л. 32.

¹³⁵ Государственный банк. Данные ... С. 25–28.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

ло их у себя на общую сумму около 4 млн руб. и 10 млн руб. — в уездных казначействах¹³⁸. Огромный запас свободной наличности, которая не была выдана в виде кредитов и ссуд, переводился в центральные учреждения Государственного банка.

Постановка дел и кадровая политика в Новгородском отделении на всем протяжении его работы оставляли желать лучшего. Первый управляющий отделением, известный земский деятель А.А. Тютрюмов, был очень мягким и отзывчивым человеком, не требовательным как к клиентам, так и к служащим, что, безусловно, вредило стабильной работе отделения и его доходам¹³⁹. С другой стороны, в отделении имелись и очень грамотные, дисциплинированные работники, неоднократно удостоивавшиеся высоких служебных наград. С приходом в 1906 г. нового управляющего В.Н. Мальчиковского положение ухудшилось. К прежним недостаткам добавилась мелочная экономия на самом необходимом, что негативно отразилось даже на внешнем виде отделения. Всюду царил теснота, запущенность, ценности охранялись небрежно, в плохо оборудованном помещении¹⁴⁰. В собственное, более приспособленное к работе, здание отделение переехало только в 1912 г. До настоящего времени функциональное назначение здания не менялось, теперь здесь располагается Главное управление Банка России по Новгородской области.

Коммерческие банки в Новгородской губернии были представлены только одним отделением московского Соединенного банка. Он был образован путем слияния в ноябре 1908 г. Московского Международного Торгового, Южно-Русского Промышленного и Орловского банков так называемой «поляковской» группы, дела которых пришли в расстройство. Его фактическим владельцем становилось Министерство финансов, так как Госбанк оставил за собой треть акций нового учреждения. Новое руководство банка (Поляковы практически потеряли над ним контроль) не стремилось расширять обороты путем развития спекулятивных операций, свойственных прежним хозяевам. Значительно увеличилось число провинциальных отделений (в 1914 г. — 99)¹⁴¹.

Одним из таких провинциальных учреждений банка стало и его отделение в уездном городе Старая Русса. Первые сведения о нем относятся к 1912–1914 гг.¹⁴² В его штат входили восемь человек во главе с управляющим Н.М. Тумановым. Хотя отделение Соединенного банка в Старой Руссе действовало до начала Первой мировой войны и революций, в общем, совсем немного, однако сумело обогнать почти по всем операциям Старорусский городской общественный банк и прочие банки губернии, исключая отделения Государственного и Новгородский городской общественный банк (см. таблицу).

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1071. Л. 2, 6–7.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX века — 1914 г. М., 1998. С. 27, 49, 81, 191.

¹⁴² ГАНО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 1. Л. 28 об. Памятная книжка Новгородской губернии за 1914 год. Новгород, 1914. С. 88.

Таблица.

**Обороты Новгородского и Старорусского городских общественных банков
и отделения Соединенного банка в Старой Руссе за 1915 год
(округленно, в млн руб.)**

Банки	касса	вклады	векселя	ссуды	прибыль
Новгородский городской	14	6	1,4	1,3	0,2
Старорусский городской	4	0,7	2,8	0,5	3,8
Отделение Соединенного	10	3	1,3	0,15	нет

Источник: ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2041. Л. 91 об. — 92.

Из данных таблицы следует, что отделение Соединенного банка в Старой Руссе развивало в основном операции по учету векселей и приему вкладов от населения, практически оставляя в стороне выдачу ссуд под различные залоги (в том числе и под вещи). Связано это было, в частности, с необходимостью строить помещения для хранения принятых в залог предметов и содержания штата оценщиков и сторожей, как в ломбардах. Соединенный банк в отличие от, например, городских общественных банков не стремился тратить прибыль на эти расходы. Косвенно деятельность отделения Соединенного банка помешала (в числе других причин) открытию в Старой Руссе отделения Государственного банка (1914)¹⁴³.

Новгородская губерния оказалась связанной с Соединенным банком не только через его отделение в Старой Руссе. Некоторые руководящие работники обновленного кредитного учреждения ранее курировали работу Новгородского отделения Государственного банка. Так, в 1909 г. и 1912 г. в правление Соединенного банка вошли соответственно П.Ф. Одарченко и Д.Е. Куриленко, которые в бытность инспекторами Госбанка проводили ревизии его Новгородского отделения в 1900 и 1902 гг.¹⁴⁴

Однако не все города России оказались охвачены банковской деятельностью. Таким образом, значительная часть провинциальных предпринимателей оказалась вне сферы банковского кредита, что неизбежно приводило их в сферу кредита ростовщического. Правительство и органы местного самоуправления не могли помочь всем, нуждавшимся в кредите.

Одними из первых опытов создания в 60–70-х гг. XIX века негосударственных кредитных учреждений на кооперативной основе стали общества взаимного кредита (далее — ОВК), получившие позднее широкое распространение. Их деятельность основывалась на объединении небольших средств своих членов (как правило, мелких и средних городских предпринимателей). Из составившегося, таким образом, капитала они могли получать ссуды, многократно превышавшие размер внесенного пая.

Первые общества взаимного кредита появились в середине XIX века в Западной Европе. В 1864 г. в Петербурге открывается первое ОВК, второе было

¹⁴³ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 968. Л. 1–1 об., 10–11.

¹⁴⁴ Там же. Д. 1070. Л. 4–4 об., 15.

образовано в Харькове в 1866 г., а к 1913 г. их число достигло 932 (38 находились в столичных городах, 162 — в губернских и 732 — в уездных¹⁴⁵. 463 из них образовали Центральный банк обществ взаимного кредита для обоюдной финансовой помощи. В Новгородской губернии первые четыре общества взаимного кредита были открыты в период 1872—1873 гг. в Череповце, Крестцах, Новгороде и Валдае по инициативе уездных земских органов. За последующие 30 лет в губернии не было открыто ни одного нового общества, напротив, дела Валдайского и Новгородского приходят в расстройство, и они закрываются (соответственно, в 1878 и 1898 гг.). В начале XX века в связи с повышением уровня предпринимательской активности в губернии учреждаются 6 новых обществ: в 1903 г. — Боровичское и «Общедоступный кредит» (новгородских ремесленников), в 1904 г. — Устюженское, в 1912 г. — Белозерское, в 1914 г. — Тихвинское (обороты не открыты), в 1914 г. — Старорусское. Таким образом, в изучаемый период общества взаимного кредита не функционировали только в трех уездных центрах из одиннадцати: в Демянске, Кирилове и Валдае, что подтверждало их действенность и популярность у местных предпринимателей.

Деятельность обществ взаимного кредита Новгородской губернии регламентировалась их уставами, которые были идентичны между собой, составленные, как и большинство других уставов обществ по образцу Харьковского, отличаясь только размерами минимального взноса членов-пайщиков и размерами установленного для них кредита¹⁴⁶. Членами обществ взаимного кредита могли быть не только физические, но и юридические лица, например, уездные земские управы. Для поддержания авторитета первых ОВК в их состав зачастую приглашались лица, хотя и не имевшие прямого отношения к сфере торговли и производства, но имевшие в обществе определенный авторитет, например, представители местной администрации или органов самоуправления, интеллигенция, лица свободных профессий и т.д. К началу XX века эта необходимость отпала, так как положение обществ взаимного кредита в России уже значительно укрепилось. В этот период их состав начинает все больше демократизироваться, хотя минимальный размер пая в обществах Новгородской губернии был достаточно высоким — от 100 до 500 руб. Однако первоначальный взнос мог составлять лишь 10 % от требуемой суммы, что, тем не менее, давало возможность получать в обществе кредит, превышавший полную сумму пая в 10 раз. Эти условия и оказались наиболее привлекательными для мелких провинциальных предпринимателей. Высший размер взноса мог превышать минимальный более чем в 50 раз, но на практике, в обществах Новгородской губернии они в основной массе составляли от 50 до 200 руб.¹⁴⁷

Главной и самой доходной операцией обществ было предоставление кредита под векселя (как и банках) на срок от 1 до 9 мес. под 8—10 %. Лидерами по этой операции являлись общество взаимного кредита Новгородского уездного земства, за 1873—1880 гг. быстро достигшее уровня в 1 млн руб. и так же быстро

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 1408. Л. 90—98.

¹⁴⁶ См., напр.: Устав общества взаимного кредита новгородских ремесленников «Общедоступный кредит». Новгород, 1903.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 1467, 1540—1541, 1984—1986, 2093, 2250—2251, 3003—3006.

обанкротившееся, и Череповецкое общество, которое в 1913 г. учло векселей на 1,7 млн руб.¹⁴⁸ В остальных обществах Новгородской губернии в год учитывалось векселей более чем на 500 тыс. руб., даже в наиболее активный период их деятельности — в 1910-е гг. Всего в 1913 г. всеми обществами взаимного кредита Новгородской губернии было учтено векселей своих членов на сумму более 4 млн руб.¹⁴⁹

Это была наиболее доходная операция из осуществлявшихся обществами. Так, например, в 1913 г. в Череповецком прибыль от нее составила более 46 тыс. руб., в Белозерском — около 17,5 тыс. руб., в Боровичском — 13,5 тыс. руб.¹⁵⁰ Тем не менее, постановка этой рискованной операции в обществах Новгородской губернии была далека от совершенства. Например, в 1885 г. в обществе взаимного кредита Новгородского уездного земства общая сумма учета составила 400 тыс. руб., а опротестованных векселей насчитывалось на 55 тыс. руб.¹⁵¹ Имелись и случаи нарушения руководством обществ условий осуществления этой операции и прямых злоупотреблений. Так, в Новгородском «четырем лицам двух фамилий» (т.е. супругам) был открыт крупный кредит в 50 тыс. руб., 20 тыс. из которых приходилось на кассира общества и его жену¹⁵². Подобные явления имели место и в Боровичском обществе, правление которого допускало «непропорциональные выдачи личных кредитов», иногда в 3 раза превышавших допустимые размеры¹⁵³. В то же время, векселя членов обществ взаимного кредита Новгородской губернии в среднем не достигали 1 тыс. руб., составляя в общей массе суммы от 300 до 500 руб.¹⁵⁴ В этом отношении общества взаимного кредита Новгородской губернии занимали средние позиции среди подобных им учреждений в России.

Выдача ссуд под залог не получила в обществах такого широкого распространения как вексельный учет (в Новгородской губернии в 1913 г. — 389 тыс. руб. против 4 млн руб. по учету)¹⁵⁵. Ссуды выдавались, в основном, под залог каких-либо ценных бумаг и в меньшей степени — под драгоценности и товары, что было более характерно для ломбардного кредита. Новгородское общество в 1879 г. выдало в ссуду под залог доходных бумаг почти 34 тыс. руб., а под драгоценные вещи только 1,3 тыс. руб.¹⁵⁶ Исключением может считаться общество взаимного кредита новгородских ремесленников «Общедоступный кредит», которое в первые годы своей деятельности (с 1903 г.) практически не выдавало ссуд под залог ценных бумаг, производя их под товары, так как большинство его членов были мелкими ремесленниками, не являвшимися держателями каких-либо акций, облигаций и проч. В 1913 г. средний размер ссуды обществах губернии составлял от 8 руб. в Белозерском до 103 руб. в «Общедоступном кре-

¹⁴⁸ Там же. Д. 3006. Л. 17–24.

¹⁴⁹ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2024. Л. 110 об. — 111.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 754.

¹⁵² Новгородский листок. 1882. № 27. С. 2–3.

¹⁵³ ГАНО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 1467, 1540–1541, 1984–1986, 2093, 2250–2251, 3003–3006.

¹⁵⁵ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 204. Л. 110 об. — 111.

¹⁵⁶ Отчет общества взаимного кредита Новгородского уездного земства за 1879 г. Новгород, 1880. С. 1–21.

дите», и только в Боровичском она составила 1,3 тыс. руб. на члена¹⁵⁷. Несмотря на то, что за пользование ссудой общества взимали процент, сравнимый с учетным — от 7 до 10 %, эта операция многократно по своей доходности уступала вексельной.

Единственной операцией обществ взаимного кредита, в которой могли принимать участие не только их члены, был прием вкладов на усиление оборотного капитала. Он не мог значительно увеличиваться, как, например, в городских общественных банках, путем отчисления в него большей части прибыли, так как последняя, в основном, расходовалась на выплату дивиденда членам обществ на вложенный ими капитал. Заинтересованность обществ во вкладах подтверждает высокий процент, платимый ими своим клиентам по этой операции (от 4 до 7,5 %, а в Череповецком и до 12 %). Наибольшее развитие эта операция получила в 1910-х гг. Так, в 1913 г. в Череповецком обществе она составила 680 тыс. руб. по вкладам и текущим счетам, а в Старорусском — более 1 млн руб.¹⁵⁸ Вклады, поступившие не от членов обществ, составляли в общей массе значительную сумму, например, в Боровичском из 77 тыс. руб., внесенных на вклады в 1913 г. 32 тыс. 700 руб. были приняты от посторонних лиц¹⁵⁹. Сходная картина наблюдалась и в других обществах взаимного кредита губернии.

В целом, общества взаимного кредита Новгородской губернии за время своей деятельности накопили большой разносторонний опыт и оказали определенное влияние на местную экономику. Их значительное распространение в губернии подтверждает популярность и действенность этих учреждений среди провинциальных предпринимателей, активно пользовавшихся кредитом, построенным на основах кооперации собственных небольших капиталов.

Создание в конце XIX в. сети городских ломбардов — муниципальных учреждений благотворительной направленности стало логическим завершением процесса построения в России целой системы кредитных учреждений, начало которому было положено в период реформ 1860—1870 гг. В городах достаточно широкий круг жителей оставался вне рамок деятельности кредитных учреждений: рабочие и другие наемные работники, мелкие ремесленники, семьи отставных или умерших небогатых чиновников и военных, лица свободных профессий, студенты и проч. Они оказывались втянутыми в сферу ростовщического кредита, где приходилось платить высокие проценты. Так в 1870-х гг. новгородский ростовщик М.А. Поляк получал с клиентов до 6 % в мес., или 72 % в год¹⁶⁰.

Однако из-за ряда объективных причин (прежде всего материального плана) долгое время не удавалось создать действенную систему кредитных учреждений альтернативных ростовщическим. К 1914 г. насчитывалось всего 22 акционерных и частных ломбарда в тринадцати губернских городах из 97 (в уездных цен-

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 1467, 1540—1541, 1984—1986, 2093, 2250—2251, 3003—3006.

¹⁵⁸ ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 204. Л. 110 об. — 111.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 460. Оп. 1. Д. 11. Л. 9—20.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 501. Л. 4 об.; *Васильев Я.А.* Новгородские ростовщики (конец XIX — начало XX в.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 18(28). В. Новгород: СПб ИИ РАН, НовГУ, 2019. С. 215—243.

трах их не было вообще¹⁶¹), один городской ломбард в Варшаве (с 1796 г.) и два государственных ломбарда — Ссудные казны в Петербурге и Москве (с 1772 г.), которые принимали в заклад лишь драгоценные вещи. С конца 1880-х гг. городские думы начинают на собственные деньги образовывать общественные кредитные учреждения благотворительного характера — городские ломбарды. Первый городской ломбард в России был учрежден в Вологде (устав утвержден в 1886 г., обороты открыты в 1888 г.). Из 669 уездных городов ломбарды сумели учредить только 109 (к 1916 г.).

Следствием тяжелого финансового положения городских обществ явилось взимание ломбардами ссудного процента размер, которого сложно было назвать благотворительным: в ломбардах Новгородской губернии — 18 %. Меньше взимали только Петербургский — 14–18 %, и Московский — 15 %. Обусловлено это было не только слабостью этих учреждений в финансовом отношении, но и большими затратами на аренду или строительство складских помещений для хранения залогов (включая орудия труда ремесленников, рыбаков, полуфабрикаты, например, отрезки материи и др. стоимостью до 2 руб.).

Основной и, по сути, единственной операцией городских ломбардов являлась оценка залогов и выдача под них ссуд, кроме того, они осуществляли их перезалог на новые сроки и продажу с торгов в случае не выкупа. Уставы городских ломбардов были, практически, идентичны.

Первым в Новгородской губернии и одним из первых в России стал Тихвинский городской ломбард, открывший свои операции в 1889 г. (на следующий год после Вологодского) с капиталом в 3 тыс. руб. В 1891 г. был учрежден Старорусский, а 1894 г. — Новгородский ломбарды с капиталами по 5 тыс. руб. В 1912 г. открылся ломбард в г. Белозерске (капитал — 10 тыс. руб.)¹⁶².

Эти ломбарды сильно отличались друг от друга не только по обеспеченности капиталами, размерам оборотов, числу клиентов, но и по постановке дела. Явным лидером по всем операциям, безусловно, считался Новгородский ломбард. Уже в первый год работы он произвел оборот на общую сумму до 60 тыс. руб., получив чистой прибыли до 900 руб. В дальнейшем операции продолжали развиваться, хотя и достаточно неровно и в 1913 г. составили почти 100 тыс. руб. по обороту. Успешно работал и Старорусский ломбард, который начал с оборота в 30 тыс. руб. в 1893 г., а в 1913 г. произвел их более чем на 60 тыс. руб., получив чистой прибыли свыше 1 тыс. руб. В Тихвинском ломбарде дела находились в противоположном состоянии. Оборотов в 25 тыс. руб. он достиг только в 1894 г., через 5 лет после открытия, после чего шло их постоянное снижение до 8 тыс. руб. в 1913 г. Вообще, практически на всем протяжении своей работы он считался убыточным заведением (за исключением нескольких отдельных лет), например, операционные убытки 1913 г. составили 669 руб., а суммарный убыток прежних лет достиг 2 тыс. руб.¹⁶³

Частично это может быть объяснено разницей в количестве посетителей. Так, в 1912 г. Тихвинский ломбард за 174 рабочих дня принял 1428 закладов или

¹⁶¹ *Серебряков Я.А.* Городские ломбарды в России. СПб., 1907. С. 3–4; *Кириллов И.А.* Ломбарды в России. М., 1992. С. 10.

¹⁶² РГИА. Ф. 583. Оп. 2. Д. 3086, 3170, 3171, 3224, 3225, 3252, 3253.

¹⁶³ Там же.

в среднем, около 8 в день. В 1913 г. Новгородский ломбард за 254 рабочих дня оценил 10 373 залога (около 40 в день)¹⁶⁴. Вообще, постановка дел в Тихвинском ломбарде характеризовалась местной городской думой и управой, скорее, отрицательно, особенно в плане организации. Работал он нерегулярно, часто без расписания, документация велась небрежно, имели место «потери» заложенных вещей и денежных сумм. Аукционы невыкупленных залогов проводились крайне редко — 1–2 раза в год (в Старорусском — 6–8 раз в год), что перегружало склад и лишало ломбард прибыли от торгов. Последние не приносили ему ощутимой прибыли — в 1913 г. убыток от них составил 30 руб., тогда как Новгородский получил от них прибыль в 2,5 тыс. руб., а Старорусский — 2,3 тыс. руб. (на торги поступало, в общем, небольшое количество залогов — до 10 % от общего количества)¹⁶⁵.

Новгородский и Старорусский ломбарды, кроме того, от прибыли с торгов 2 % перечисляли на городские потребности. К 1914 г. эти суммы составили 967 руб. и 690 руб. соответственно. Старорусский ломбард ежегодно производил выдачу беднейшим горожанам некоторых невыкупленных залогов и небольших денежных сумм — к 1914 г. это составило 1 тыс. 383 руб.¹⁶⁶ Тихвинский ломбард не имел возможности производить такие отчисления. Для этого, однако, имелись и объективные предпосылки. Так, например, ссуды размером до 10 руб. не приносили ломбардам никакой прибыли, так как расходы от их хранения, перекрывали поступления по процентам. Но в провинциальных ломбардах абсолютное большинство составляли именно выдачи в 1–5 руб. Таким образом. Новгородский ломбард более чем на треть работал в убыток. В Старорусском и Тихвинском этот показатель был еще выше.

Тем не менее, несмотря на все недостатки в своей деятельности, городские ломбарды России и, в частности, Новгородской губернии, продолжали активно работать до 1917 г., оказывая посильную материальную поддержку малоимущим горожанам.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX века в Новгородской губернии были представлены практически все, действовавшие тогда в стране, основные типы кредитных учреждений: государственные — отделения Государственного и Крестьянского поземельного банков, общественные — городские общественные банки и городские ломбарды, частные — общества взаимного кредита и отделение Соединенного банка, учреждения мелкого кредита — ссудо-сберегательные, кредитные товарищества и проч. Однако в губернии не имелось отделений акционерных земельных банков, Дворянского земельного банка, Общества взаимного поземельного кредита (хотя они распространяли свои операции на ее территорию). Акционерные коммерческие банки также не торопились открывать свои представительства в Новгороде, прежде всего потому, что во второй половине XIX — начале XX века он уже не считался крупным центром торговли. Постройка железной дороги Петербург–Москва через Чудово, минуя Новгород, и упадок водных путей сообщения оставили его в

¹⁶⁴ Там же. Д. 3171. Л. 110 об.; Д. 3252. Л. 32 об.

¹⁶⁵ Там же. Д. 3252. Л. 50, 52, 56.

¹⁶⁶ Там же. Д. 3086, 3170, 3171, 3224, 3225, 3252, 3253.

стороне от главных торговых путей. Слабое развитие промышленности и отсутствие плодородных земель почти полностью исключали потребность местного населения в крупном кредите. Это сделало Новгород и губернию в целом малопривлекательными для крупного банковского капитала¹⁶⁷.

Тем не менее, создание провинциальных кредитных учреждений в Новгородской губернии (как и в целом по России) было объективным процессом, обусловленным развитием капиталистических отношений во второй половине XIX — начале XX веков. В целом, несмотря на значительные трудности в работе и кадровой политике, кредитные учреждения Новгородской губернии на всем протяжении их существования оказывали большую помощь местному населению в решении их финансовых проблем.

Городские общественные банки в связи с небольшими финансовыми возможностями и исходя из поставленных перед ними задач обслуживали только жителей своего уезда, в основном, мелких предпринимателей — горожан. Отделение Крестьянского поземельного банка, напротив, развернуло свою работу на большей части территории всей губернии, хотя и исключительно в сельской местности. Отделение содействовало перераспределению фонда помещичьих земель среди крестьянского населения. Отделения Государственного банка были призваны кредитовать, главным образом, крупную промышленность, которая в губернии до 1890-х гг. была представлена единичными предприятиями.

Только в конце XIX в. с возрастанием роли мелкого предпринимательства и кооперации правительство предпринимает ряд мер по приспособлению местных банков к выполнению общих экономических задач и взаимному содействию (т.е., иначе говоря, ускоряется процесс складывания общенациональной системы кредитных учреждений в России). Главным ее звеном на губернском уровне объективно могли стать только отделения Государственного банка, как самые авторитетные и сильные в финансовом отношении. Действительно, в конце XIX — начале XX вв. Новгородское и Череповецкое отделения активизируют свою деятельность (особенно последнее). Укрепляются межбанковские связи: отделения Государственного банка начинают оказывать материальную поддержку некоторым местным учреждениям мелкого кредита.

Тем не менее, прочного взаимодействия между банками Новгородской губернии не сложилось. Так, особняком функционировало отделение Крестьянского поземельного банка. Отделения Государственного банка игнорировали многие местные мелкие кредитные учреждения, оказывая некоторое содействие городским общественным банкам. Деятельность последних также значительно не изменилась, они и в начале XX в. продолжали оставаться учреждениями чисто уездного масштаба с ограниченным размером операций.

На процесс возникновения и эволюцию банков в губернии влияла как инициатива местных жителей, так и позиция правительства. Городские общественные банки были созданы усилиями городского населения в лице предпринимателей и городских дум, как правило, на общественные средства (исключая Тихвинский) и для удовлетворения собственных потребностей.

---

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1070. Л. 15; Д. 1071. Л. 107–107 об., 142, 144 об.—145.

Местная инициатива оказала определенное воздействие и на открытие в Новгородской губернии отделений Крестьянского поземельного и Государственного банков. Так, быстрое открытие отделения Крестьянского поземельного банка (всего через два года после основания его самого) было обусловлено остротой аграрного вопроса в губернии и многочисленными прошениями с мест. Череповецкое отделение Государственного банка было учреждено при явном содействии центрального руководства, когда возможности местного городского общественного банка для обслуживания предпринимателей оказались исчерпанными вследствие быстрого экономического развития уезда. Тем не менее, некоторые проекты создания новых кредитных учреждений, исходившие от новгородских предпринимателей или органов самоуправления, были отклонены центральной властью в силу экономической нецелесообразности или слабого финансового обеспечения.

В целом, деятельность банков (особенно крупных) в Новгородской губернии не отличалась стабильностью. Обороты городских общественных банков зависели не только от объективных причин (кризисы, изменения финансового законодательства), но и от постановки дел на местах. Среди банков губернии вообще была сильна дифференциация, обусловленная степенью экономического развития уездов. Банки, расположенные в аграрных уездах: Белозерском, Кириловском, Тихвинском не отличались высокими показателями, такими, как в Новгородском, Старорусском, Череповецком, находившимся на пересечении железнодорожных и водных путей, среди большего количества предприятий.

Деятельность отделения Крестьянского поземельного банка также протекала достаточно неравномерно, наиболее активными в его работе стали первые пять лет. В дальнейшем операции отделения с земельной собственностью не достигали первоначального объема. Отметим, что отделение в определенной степени способствовало увеличению крестьянского землевладения в губернии. Однако его деятельность была направлена в большей степени на сделки с зажиточными крестьянами. Стоимость же покупаемых земель нередко оказывалась явно завышенной.

Отделения Государственного банка в Новгородской губернии функционировали в условиях преобладания мелкотоварного производства и отсутствия у местных предпринимателей потребности в крупном кредите. Это не могло не сказаться на размерах их оборотов. Некоторые операции отделений по своему объему не превышали аналогичные показатели ведущих городских общественных банков губернии. С другой стороны, положение Череповецкого отделения было гораздо выгоднее Новгородского, в силу того, что Череповец располагался на оживленной железнодорожной магистрали, а экономика уезда находилась в состоянии устойчивого роста. К Новгороду же тяготели только ближние уезды.

В целом, банки Новгородской губернии на всем протяжении их существования оказывали большую помощь местному населению в решении их финансовых проблем. Особое значение это имело, прежде всего, для предпринимательских кругов, так как обращение в столичные кредитные учреждения было весьма затруднительно. Значительные размеры в банках губернии приняло размещение вкладов, вводившее в оборот ранее не задействованные средства населения.

Стабильная работа кредитных учреждений губернии во многом зависела от подготовки банковских работников, от постановки кадровой политики вообще. В этом отношении городские общественные банки во многом проигрывали, так как их руководство было в основном выборным из местных предпринимателей, не имевших достаточного опыта такой работы. Служащие в отделениях Государственного и Крестьянского поземельного банков были более подготовлены. Однако руководители отделений — управляющие, назначаемые центральными органами этих банков, — часто не отвечали требованиям, предъявляемым к работникам такого уровня. Стиль руководства накладывал отпечаток на всю деятельность отделения, деловую атмосферу, делопроизводство, отношения с клиентами. Сложности в кадровой политике не только затрудняли проведение операций и сказывались на доходах, но и отрицательно отражались на авторитете и деловой репутации банков.

Вышеизложенное позволяет сделать выводы относительно развития системы местных кредитных учреждений в Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.

- 1) Складывание системы местных кредитных учреждений представляло собой объективный процесс, обусловленный переходом России на капиталистический путь развития. В связи с отменой крепостного права и последующими изменениями в экономике (в том числе — развитием частного предпринимательства в городе и на селе) значительно увеличилась потребность в производственном кредите, особенно мелком и долгосрочном, что являлось характерным для аграрной страны.
- 2) Построение данной системы кредитных учреждений не было быстрым и безболезненным. Напротив, процесс отличался противоречивостью, изобиловал организационными ошибками, сложностями в текущей работе. Основными препятствиями в этом отношении являлись недостаточное развитие торговли и промышленности в губернии и кризис местного сельского хозяйства. Кроме того, значительное влияние на него оказывало слабое знакомство с кредитной деятельностью, например, в странах Западной Европы или США. Значительное препятствие представляла и малограмотность населения, особенно крестьянского.
- 3) Значительным и до конца не преодоленным препятствием на пути построения реально действующих и широко распространенных кредитных учреждений продолжала оставаться острая нехватка средств у государства и населения, что не только затрудняло открытие новых кредитных учреждений, но и не позволяло вовлекать в активную экономическую деятельность потенциальных клиентов, так как, не обладая значительными в банковском понимании средствами и ценностями, они не представляли интереса для большинства крупных кредитных учреждений. В то же время, местные кредитные учреждения были вынуждены работать именно в условиях слабо обеспеченной средствами российской провинции, что определило некоторые специфические черты их деятельности, такие как малая доходность, а иногда и нерентабельность, операции с мелким кредитом, значительное развитие вкладной операции и т. п.
- 4) К началу XX в. обеспеченность ресурсами и средствами в некоторых российских регионах при открытии новых кредитных учреждений в приоритет-

ном смысле уступает место их общеэкономической перспективе и торговым связям, что заметно на примере развития Череповца. С другой стороны, все большую роль в организации кредитной деятельности начинает играть финансовая наука.

Кроме этих объективных факторов, обусловивших развитие отечественной кредитной системы, имелись и субъективные причины для замедления, или, напротив, ускорения данного процесса:

- 1) Разобщенность действий правительства, земских и городских органов управления и местного населения в деле образования провинциальных, особенно сельских кредитных учреждений. Практически на всем протяжении рассматриваемого периода после отмены крепостного права правительство дистанцировалось от инициативы, исходившей с мест по поводу устройства местных кредитных учреждений.

В то же время, не была свободна от недостатков и деятельность местных активистов по образованию провинциальных кредитных учреждений. Она характеризовалась малой подготовкой в области финансового дела и кредитного законодательства, быстрым охлаждением к таким начинаниям, как ссудо-сберегательные товарищества. Зачастую на местах не соразмеряли масштаб начинаний с финансовыми возможностями их осуществления. Однако при надлежащей постановке дела и постоянном контроле за работой данных учреждений руководство последних могло добиваться значительных результатов.

- 2) Нельзя отрицать и положительного влияния местного населения на быстрее решение вопроса организации провинциального кредита. Несмотря на неизбежные ошибки и некоторые крайности, организаторская деятельность предпринимательских кругов и земских деятелей Новгородской губернии все же была более плодотворной в решения данной проблемы, чем усилия правительства, направленные, в основном на столичные банки.

Таким образом, Новгородская губерния накопила большой и разносторонний опыт подобной работы, который оказывал влияние на организацию подобных учреждений в других районах страны. Местные кредитные учреждения активно функционировали на всем протяжении 1860–1914 гг., обеспечивая необходимыми средствами региональных предпринимателей, широко развернули сберегательную операцию. Не являясь объективно конкурентами государственных или частных коммерческих столичных банков, они, тем не менее, заполняли свою, исторически сложившуюся нишу в кредитной системе. Кредитные учреждения Новгородской губернии не считались в числе последних среди подобных им заведений в целом по России, не состояли в числе лидеров, но и не откатывались в аутсайдеры.

Библиография

- 25-летие существования в Новгороде городского общественного банка. Новгород, 1891.
- Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России: Очерки истории част. предпринимательства. Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1991. 196 с.
- Андреевский И.Д.* Деятельность Крестьянского поземельного банка по Казанской губернии (1906—1915 гг.). Казань: Б. и., 1930. 46 с.
- Банковское дело на Рязанской земле. История и современность / под ред. Г.Н. Чикваркина. Рязань: «Банкирский дом», 2004. 268 с.
- Беляев С.Г.* Финансы России XIX — начала XX вв. в новейших монографических исследованиях отечественных историков // *Нестор*. 2000. № 2. С. 425—431.
- Бернарди А.* Организация и операции акционерных коммерческих банков и городских общественных банков в связи с их счетоводством. СПб.: Круг самообразования, 1914. 96 с.
- Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История. Статистика. Т. I—IV. СПб.: Общественная Польза, 1882.
- Блюм А.А.* История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М.: Гос. финансовое изд-во СССР, 1929 (тип. изд-ва «Дер эмес»). 233, [4] с.
- Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М.: Наука, 1984. 287 с.
- Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М.: Независимое исслед. информ. агентство «Перспектива», 1994. 350, [1] с.
- Боровой С.Я.* Кредит и банки в России. (Середина XVII в. — 1861 г.) М.: Госфиниздат, 1958. 288 с.
- Бугров А.В.* Московская контора Государственного банка Российской империи. М.: Б.и., 1999. 224 с.
- Васильев Я.А.* Городские ломбарды Новгородской губернии и учреждения благотворительного кредита в России. 1889—1913 гг. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли (ПННЗ)*. В. Новгород, 1997. С. 157—161.
- Васильев Я.А.* Кредитные учреждения Новгородской губернии и их деятельность (во второй половине XIX — начале XX вв.) // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 2007. № 2. С. 113—128.
- Васильев Я.А.* Крестьянские вспомогательные и сберегательные кассы — волостные банки (обр. 1840 г.) // *ПННЗ*. 2006. С. 160—167.
- Васильев Я.А.* Общества взаимного кредита в Новгородской губернии // *ПННЗ*. В. Новгород, 1998. С. 144—148.
- Васильев Я.А.* Сберегательные кассы Новгородской губ. // *Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли (ДННЗ)*. Великий Новгород: Российское о-во историков-архивистов, 2005. С. 50—58.
- Васильев Я.А.* Сельские банки образца 1885 г. // *ДННЗ*. В. Новгород, 2004. С. 53—57.
- Васильев Я.А.* Сельские банки удельного ведомства — «удельные банки» // *ПННЗ*. В. Новгород: Б.и., 2005. С. 151—155.
- Вдовин В.* Крестьянский поземельный банк. (1883—1895 гг.). М.: Госфиниздат, 1959. 107 с.
- Ганжов Е.А., Мошкин А.Н., Касаткин В.Л.* Из истории городских общественных банков (на материалах положений о городских общественных банках и полного свода законов Российской империи) // *Научные ведомости белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2012. № 1(120). С. 152—157.
- Гиндин И.Ф.* Банки и промышленность в России (до 1917 г.). М.; Л.: Промиздат, 1927. VII, 208 с.
- Гиндин И.Ф.* Государственный банк и политика царского правительства. 1861—1892 гг. М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
- Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика России. М.: Наука, 1997. 623 с.
- Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948 (Ленинград : тип. им. Котлякова). 454 с.
- Государственный банк. Данные по конторам и отделениям. 1901—1914 гг. СПб.; Пг., 1912—1915.
- Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг. СПб.: т-во Р. Голике и И.А. Вильборг, 1910. 143 с.
- Грузицкий Ю.Л.* Городские общественные банки дореволюционной России (история возникновения и развития) // *Финансы и кредит*. 2002. № 11(101). С. 58—62.

- Грузицкий Ю.Л.* Общества взаимного кредита в российской империи (история появления и этапы развития) // *Финансы и кредит.* 2002. № 13(103). С. 66–72.
- Гурьев А.Н.* Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Типо-литограф. «Якорь», 1904. 250 с.
- Гурьев А.Н.* К реформе Государственного банка. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1893. 159 с.
- Гурьев А.Н.* К реформе Крестьянского банка. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1894. 67 с.
- Дерюгин А.М.* Руководство для городских общественных банков. По материалам Особенной канцелярии по кредитной части с приложением циркуляров, инструкций и форм отчетности и баланса. СПб.: тип. Имп. Уч-ща глухонемых, 1913. 239 с.
- Зак А.П.* Крестьянский Поземельный банк. 1883–1910 гг. М.: Скл. изд. у Н.П. Карбасникова, 1911. 607 с.
- Заломанов Н.П.* Крестьянский поземельный банк. М.: Унив. тип., 1900. 32 с.
- Земский Н.Д.* Тихвинский городской общественный Чаплиных банк // *Тихвинец.* 1914. № 2. С. 49–53.
- История банков / Б.В. Ананьич и др.* СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 304 с.
- Касумова А.М.* Кредитно-банковские учреждения Азербайджана (1874–1932 гг.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Баку, 1969. 22 с.
- Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX начало XX века). Новосибирск: Офсет, 2003. 192 с.
- Кочисов Г.Г.* Городские общественные банки в системе местных финансов России второй половины XIX века. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 25 с.
- Красик А.В.* Крестьянский банк и его деятельность с 1883 г. по 1905 г. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1910. 160 с.
- Краткий очерк землеустроительной деятельности Симбирского отделения Крестьянского поземельного банка и экономическое положение поселенцев на землях банка в Симбирской губернии. Симбирск: типо-лит. А.Т. Токарева, 1910. 109 с.
- Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б.В. Ананьич, М.И. Арефьева, С.Г. Беляев, А.В. Бугров, М.М. Дадькина, О.В. Драган, З.В. Дмитриева, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, В.В. Морозан, Ю.А. Петров, С.А. Саломатина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 666 с.
- Лебедев С.К.* Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: Европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 526 с.
- Мазилкина М.В.* Кредитные товарищества Новгородской губернии в пореформенный период // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1998 г. Новгород, 1998. С. 13–16.
- Мазилкина М.В.* Ссудосберегательные товарищества как первые учреждения мелкого кредита в Новгородской губернии. 1871–1914 гг. // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции НГОМЗ 1997 г. Новгород, 1997. С. 34–35.
- Мазилкина М.В., Васильев Я.А.* Кредитные учреждения Новгородской губернии и их деятельность (во второй половине XIX — начале XX вв.) // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.* 2007. № 2. С. 113–128.
- Мазилкина М.В., Румянцева В.П., Васильев Я.А.* Кредитные учреждения Новгородской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Очерки истории хозяйственного развития Великого Новгорода и Новгородской земли. Учебное пособие / под ред. Ю.А. Прокофьева.* В. Новгород: НовГУ, 2010. С. 190–271.
- Мазилкина М.В.* Содействие Новгородского земства в деле образования учреждений мелкого кредита // *Записки Филиала Российского государственного гуманитарного университета в г. Великий Новгород.* В. Новгород, 2001. С. 90–100.
- Мигулин П.П.* Наша банковая политика (1729–1903 гг.). Харьков: Тип. «Печ. Дело», кн. К. Н. Гагарина, 1904. 439, [4] с.
- Мигулин П.П.* Русский государственный кредит. Т. 1–3. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело», кн. К.Н. Гагарина, 1899–1907.
- Министерство финансов в 1802–1902 гг. Исторический обзор главнейших мероприятий финансового ведомства. Ч. 1–2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. Ч. 1, 640 с; Ч. 2, 692 с.
- Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Крива, 2004. 398, [1] с.

- Морозан В.В. Сберегательное дело; Сберегательные кассы // Петербург. История банков. СПб., 2001. С. 108–113, 124–130, 273–275.
- Напюрковский А.Ю. Аграрная реформа и Крестьянский банк. Варшава: Пол. тип., 1911. 50 с.
- О деятельности местного отделения Крестьянского поземельного банка // Вестник новгородского земства. 1899. № 7. С. 26–27.
- Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906.
- Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.). СПб.: тип. В. Киршбаума, 1902. 673 с.
- Образцовый устав ссудосберегательных товариществ, утвержденный министром финансов, 14 сент. и 24 нояб. 1905 г. СПб.: Тип. СПб., 1907. 42 с.
- Обухов В. Деятельность Крестьянского поземельного банка в Саратовской губернии. Саратов, 1903. 32 с.
- Осолов В. Городские общественные банки России. Обзор их деятельности по 1 января 1871 г. СПб.: тип. Майкова, 1872. 192 с.
- Отчет Государственных кредитных установлений. 1820–1874. СПб., 1820–1874.
- Отчеты Государственного банка за 1895–1901 гг. СПб., 1896–1902.
- Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1885–1914 гг. СПб.; Пг., 1886–1915.
- Петербург. История банков / Б.В. Ананьич, С.Г. Беляев, А.В. Бугров, З.В. Дмитриева, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, В.В. Морозан. СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 304 с.
- Петшикина С.Н. Государственный банк дореволюционной России. М.: ИЭ, 1993. 57 с.
- Петлин Н.С. Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка. СПб.: типо-лит. И. Ефрона, 1892. 139 с.
- Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX — 1914 г. М.: Росспэн, 1998. 366,[1] с.
- Петров Ю.А., Калмыков С. В. Сберегательное дело в России: Вехи истории. М.: Акционер. компания «К.И.Т.», 1995. 364,[1] с.
- Печерин Я.И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных учреждений в России. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. 142 с.
- Подколзин Б.И. Петербургский кружок кн. А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (60–70-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 23 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2-е: в 129 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (1825–1881); Собрание 3-е: в 33 т. СПб.: Гос. тип. 1885–1916.
- Положение о крестьянских вспомогательных кассах. (Утверждено 7 марта 1840 г. Дополнено 30 декабря 1908 г.). СПб.: издание Управления по делам мелкого кредита, 1908 (Тип. М.Л. Ломковского). 23 с.
- Положение о сельских: банках по удельному ведомству. (Утверждено министром Императорского двора 1 мая 1859 г.). СПб., 1906.
- Рабинович Г.Х. Из истории кредита в дореволюционной Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Томск, 1976. С. 46–62.
- Румянцова В.П. Роль новгородского земства в организации учреждений мелкого кредита // Земство и возрождение его культурно-исторических традиций. Новгород, 1996. С. 109–114.
- Сберегательные кассы // Петербург. История банков. СПб.: Третье тысячелетие, 2001. 340 с.
- Сборник правил для крестьянских общественных банков и касс, образованных до издания постановления 7 июня 1904 г. об учреждениях мелкого кредита. СПб.: Упр. по делам мелкого кредита, 1908. 36 с.
- Сведения о городских общественных банках. СПб.: Особ. канцелярия по кредит. ч., 1898. 243 с.
- Седунова С.Ю. Ссудо-сберегательные товарищества на Северо-Западе России: Новгород и Псков // Филиалы государственных вузов в развитии системы качества высшего экономического образования. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Псков: ПФ СПбГУЭФ, 2005. С. 74–78.
- Седунова С.Ю. Банковские учреждения Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Псков: ПГПУ, 2011. 157 с.
- Седунова С.Ю. Банковские учреждения Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, 2004. 18 с.
- Скорняков Л.Н. Деятельность Крестьянского поземельного банка в Киевской губернии за 28 лет (1883–1910 гг.). Киев: Агр. отд. Киев. губ. зем. управы, 1912. [4], 104, 56 с.

- Старцев А.В.* Кредит и кредитные учреждения Алтая во второй половине XIX — начале XX вв. // Компьютер и экономическая история. Барнаул: Б.м., 1997. С. 189–205.
- Судейкин В.Т.* Государственный банк. Исследование его устройства, экономического и финансового назначения. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891. XVIII, 520 с.
- Судейкин В.Т.* Наши общественные городские банки и их значение. СПб.: типо-лит. Дома призр. малолет. бедных, 1884. 50 с.
- Устав Белозерскаго Городскаго ломбарда: утв. 29 июня 1912 г. Белозерск: М.Т. Череповской, [18-?]. 16 с.
- Устав Белозерскаго общества взаимнаго кредита: утв. 27 июля 1911 г. Белозерск: Б. и., 1911. 43 с.
- Устав кредитный / сост. Д. В. Чичинадзе. Кн. 1. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1892. 300 с.
- Устав Старорусскаго городскаго ломбарда: утв. 1 мая 1890 г. Новгород, 1900. 21 с.
- Фридман И.Л.* Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. (1900–1914 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1974. 175 с.
- Хотамов Н.Б.* Роль банковскаго капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе: Дониш, 1990. 319 с.
- Чичинадзе Д.В.* Устав кредитный. Т. IX. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1892. 300 с.
- Шумилов М.М.* Общества взаимнаго кредита в Новгородской губернии (конец XIX — нач. XX вв.) // Новгородские ведомости. 1993. 25 июня.
- Яснопольский Л.Н.* Государственный банк. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1907. 73 с.

История советской и постсоветской экономики

«Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными»
(Новый взгляд на события Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января — 4 февраля 1931 г.)

Аннотация. В статье рассмотрена дискуссия на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января — 4 февраля 1931 г. как частный случай столкновения двух основных векторов советской истории: реализации индустриального проекта и утопического пути форсированного «социалистического строительства». Руководство СССР, обнаружив и осознав масштаб кризисных явлений в экономике, вынуждено было обратиться к мнению директорского корпуса. Анализ выступлений участников конференции позволяет заключить, что конференция не привела к росту авторитета Сталина: его имя вообще отсутствовало в прениях, и это был скрытый сигнал руководству страны. Выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции конференции были направлены на корректировку экономической политики, но не на ее слепую поддержку. Конференция стала одним из первых мероприятий «мини-реформ» — постепенно складывавшейся цепи непоследовательных и противоречивых решений.

Ключевые слова: партия, конференция, социализм, экономика, хозрасчет, сельское хозяйство, индустриализация, промпартия, доклад, дискуссия.

«О»чет о конференции по техническим причинам запоздал с выходом в свет», — так начинается предисловие «От редакции» к стенографическому отчету Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. «Тем не менее, — говорилось в нем далее, — значение отчета полностью сохраняется и для текущих дней. Прежде всего, потому, что именно на этой конференции т. Сталиным были сформулированы директивные установки по проведению хозрасчета и овладению техникой»¹. Эти строки надолго закрепили в исторической литературе представление о конференции как об успешно проведенном мероприятии, организованном для выражения поддержки сталинскому курсу форсированной индустриализации.

* Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Уральского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург. Feldman-mih@yandex.ru.

¹ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931. М., 1931. С. 3.

В действительности брошюра со стенографическим отчетом вышла в свет с некоторым опозданием (в печать она была подписана в сентябре 1931 г.), но в предисловии подчеркивалось как тщательное изучение материалов конференции в партийных органах, так и трансформация этих материалов в директивно-пропагандистские документы.

В советской исторической науке интерес к Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности как к одному из многих совещаний хозяйственников был весьма ограниченным. В «Истории социалистической экономики», например, конференция упомянута лишь потому, что на ней «приводились многочисленные примеры неудовлетворительной организации снабжения предприятий»². «Большое значение для внедрения подлинного хозрасчета на предприятиях, мобилизации внутрипромышленных ресурсов сыграли решения Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности», — сообщали авторы «Истории советского рабочего класса»³. При этом, с одной стороны, подлинность хозрасчета в начале 1930-х гг. в официальных трудах советской эпохи не вызывала сомнений. С другой стороны, в них фиксировалось, что «некоторые предприятия и цехи промышленности были переведены на хозрасчет лишь формально, без выделения оборотных средств, без перестройки внутризаводского и цехового планирования»⁴.

Новые подходы к оценке значения конференции предложил выдающийся британский советолог Роберт Дэвис⁵. Как он пишет в книге «Кризис и прогресс в советской экономике 1931–1933 гг.», в работе конференции, заседавшей в Доме профсоюзов — том самом, где два месяца назад состоялся процесс по делу «Промышленной партии», приняли участие более 700 человек. Это были первые лица советского государства, представители ВСНХ, ВЦСПС, руководители многих предприятий⁶. При этом единственным вопросом, вынесенным на обсуждение, стали «контрольные цифры промышленности, подотчетной ВСНХ, за 1931 г. и задачи хозяйствующих субъектов». По содержанию и стилю работы конференция кардинально отличалась от предшествующих публичных дискуссий по экономическим вопросам. Реагируя на кризисные явления в этой сфере, пленум ЦК ВКП(б) в декабре 1930 г. провозгласил курс на укрепление финансовой дисциплины и сокращение расходов⁷. Конференция явилась одним из первых мероприятий политики, которую Дэвис назвал «мини-реформами»⁸ — курса, складывавшегося постепенно как цепь отдельных непоследовательных и противоречивых решений.

Главным событием конференции, по мнению Дэвиса, стало выступление председателя ВСНХ Г.К. Орджоникидзе. Поддерживая количественные показатели плана, глава экономического ведомства акцентировал внимание на развитии хозрасчетных отношений внутри предприятий и между собой. Орджо-

² История социалистической экономики в семи томах. Т. 3. М., 1976. С. 73.

³ История Советского рабочего класса в шести томах. Т. 2. 1984. С. 168.

⁴ История социалистической экономики в семи томах. Т. 3. С. 46.

⁵ *Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933.* Basingstoke; London, 1996.

⁶ *Ibid.* P. 11.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.* P. XV.

никидзе продемонстрировал заметно менее враждебное отношение к «буржуазным специалистам», чем было принято в предшествовавшие полтора года⁹.

Уточняя причины созыва конференции, О.В. Хлевнюк говорит о первом этапе сталинской революции, завершение которого можно условно датировать концом 1930 г., наглядно продемонстрировавшем ее разрушительный характер. Огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере оказались заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, непомерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну «спецедействия», падение дисциплины на производстве ввергли советскую промышленность в кризис¹⁰. Этот кризис особенно беспокоил руководство страны. Существовало много причин для того, чтобы задуматься о необходимости корректировки курса и отказа от сверхрадикальных методов «модернизации». Поэтому в конце 1930 — начале 1931 г. в экономической политике стали проявляться тенденции, которые позволяют говорить о некотором смягчении откровенно репрессивной политики предшествующих лет¹¹.

Говоря о Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Хлевнюк подчеркивает: в отличие от Сталина, который ограничился политическими призывами и требованием безусловного выполнения плана 1931 г., а также вновь говорил об опасности вредительства, Орджоникидзе проявил большую гибкость и продемонстрировал знание реального положения дел в промышленности. Во-первых, он выступил за укрепление единоначалия, освобождение хозяйственников от диктата политических контролеров и заявил, что основная масса специалистов не имеет ничего общего с «вредителями». Во-вторых, он призвал строго соблюдать хозрасчет, установить договорные отношения и материальную ответственность предприятий-поставщиков перед заказчиками, что являлось косвенной критикой политики штурма и внеэкономических командных методов управления¹².

Однако ни книга Р. Дэвиса, ни монография О.В. Хлевнюка — автора наиболее значимых работ по истории сталинизма — не раскрывают содержания прений на конференции, характера ее резолюций. Вне детального разбора остаются выступление В.М. Молотова и сопоставление текстов советских лидеров с сообщениями участников конференции. Эти неизученные проблемы и составили предмет исследования настоящей статьи.

Подведение подлинных итогов 1930 г. вызвало смятение Сталина и его окружения не только невыполнением плановых заданий. Глубокий экономический кризис в экономике, расстройство рынка, массовое недовольство крестьян политикой коллективизации дополнились дезорганизацией специалистов под влиянием дела «Промпартии». Поиски выхода из кризиса побудили советское руководство приступить к реализации стабилизационных мер, или «мини-

---

⁹ Ibid. P. 12–13.

¹⁰ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 84.

¹¹ Там же. С. 88.

¹² Там же. С. 113.

реформ». К этим мерам следует отнести и проведение в начале 1931 г. (с 30 января по 4 февраля) Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, управленцев из государственных и партийных контрольных структур.

Открыл конференцию доклад члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе вечером 30 января 1931 г.¹³ В духе партийных документов 1929–1930 гг. свое выступление он начал со сравнения ситуации в странах капитализма, переживавших экономический кризис, с успехами первых двух лет пятилетки в СССР¹⁴. Эти успехи, по мнению председателя ВСНХ, делали возможным достичь показателей всего пятилетнего плана в течение четырех лет¹⁵.

Но тот же Орджоникидзе, автор записки в Политбюро ЦК, накануне, в декабре 1930 г., зафиксировал кризисные явления в экономике страны¹⁶, отметив, что ни одно контрольное задание этого года выполнить не удалось. Более того, официальные утверждения о динамичном развитии промышленности базировались исключительно на таком показателе, как увеличение капиталовложений, а «колоссальный рывок» сельского хозяйства аргументировался ростом посевных площадей в колхозах и совхозах, и только. Тогдашнее заявление Орджоникидзе о росте промышленной продукции в 1930 г. на 25 % вместо плановых 32 % никак не сочеталось с приведенным им же показателем аналогичного прироста за два года пятилетки только на 4 % — с 29 300 млн рублей до 30 450 млн¹⁷. Тем не менее, теперь, в начале 1931 г., руководитель экономического ведомства заявлял о возможности небывалого рывка промышленности в текущем году — на 46 % по всей промышленности, на 62 % в тяжелой индустрии и на 20 % в легкой промышленности¹⁸.

Отдав должное «плановому энтузиазму», Орджоникидзе перешел к реалиям. Во-первых, он отметил «замораживание и распыление средств» на большинстве строящихся объектов. Выход, по мнению докладчика, заключался в ограничении до минимума количества новых строек. Во-вторых, зафиксировал бесхозяйственное отношение к расходованию сырья и материалов, ставшее подлинным бедствием для советской экономики. Причина такого явления заключалась в том, что хозрасчет в промышленности и в строительстве существовал только «на бумаге». Отсюда — и оплата труда без какого-либо учета качества продукции¹⁹. Повсеместное, на всех уровнях внедрение хозрасчета и договорных отношений, подчеркнул Орджоникидзе, может в корне изменить

¹³ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет. С. 6–21.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Орджоникидзе тогда писал, что главной проблемой, ставившей под сомнение всю политику индустриального скачка, стал невероятно большой рост средств, «увязших в незаконченном строительстве»: на 1 октября 1930 г. — 3 млрд руб., а вместе с оборотными средствами 4 млрд руб. См.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. С. 47.

¹⁷ Подсчитано нами по: Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 12.

положение дел. В этом случае оплата будет производиться только за качественную работу, выполненную в срок²⁰.

Указание председателя ВСНХ на необходимость внедрения хозрасчета и договорных отношений предполагало расширение самостоятельности предприятий и объединений. Курс советского руководства на внедрение приказных порядков подразумевал обратное. Каким образом должно было разрешиться это противоречие? Что необходимо было сделать для повышения качества продукции в условиях тотального дефицита и минимальных размеров инженерного корпуса? Может ли заказчик выбирать нужную ему продукцию из ряда образцов? Все эти вопросы остались без ответа. Тему хозрасчета Орджоникидзе сопровождал рядом примеров хаоса и безответственности, но без упоминания не только элементов рынка в плановой экономике, но и роли товарно-денежных отношений.

Таким образом, проблема кризисного состояния народного хозяйства СССР была обозначена, но масштаб и структура бедствия, комплекс причин, приведших советскую страну на грань экономической катастрофы, как и пути выхода из сложившейся ситуации в начале 1931 г. остались «покрытыми мраком».

Прения участников конференции шли пять дней, позволив из отдельных, как правило, непродолжительных выступлений, скомпоновать картину происходящего в советской экономике с осени 1929 г. — начала сплошной коллективизации и резкого ускорения темпов индустриализации. Из 91 участника конференции, выступившего в прениях, большинство (71) представляли директорский корпус. Именно эта группа докладчиков (назовем только наиболее известные имена: А.П. Банников, Н.П. Глебов-Авилов, С.З. Гинзбург, Г.О. Графтио, И.О. Каттель, И.А. Лихачев, А.П. Серебровский) дала нелицеприятную оценку экономической ситуации в стране. Систематизируя выступления «красных директоров», выделим основные затронутые ими темы.

Во-первых, критике подвергся сталинский маневр — выделение в качестве «особого» и «ударного» четвертого квартала 1929 г. В своем выступлении руководитель шахты в уральском Кизиле Кондаков сообщил: «за ударный квартал в течение 92 рабочих дней произошло 87 (!) аварий». Причинами такого явления стали спешка, гонка за количественными показателями и низкое качество оборудования. Например, на шахте обнаружили полную непригодность только что полученных новых электромоторов²¹. О том же говорил директор Кольчугинского завода Прошин²². Определенный итог подвел директор медеплавильного завода в Казахстане Пархоменко: «За последнее время, особенно в ударном квартале, про качество совсем забыли»²³.

Во-вторых, было зафиксировано, что настоящим бедствием для советской промышленности стала низкокачественная сталь, что порождало высокий процент брака в машиностроении. Например, на Ташкентском заводе сельскохозяйственной техники он составил 75 %²⁴. Директор металлургического

---

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. С. 31–32.

²² Там же. С. 23.

²³ Там же. С. 24.

²⁴ Там же. С. 26.

комбината в Донбассе Котельников жестко расставил акценты: «У нас очень мало заботятся о качестве собственной продукции, а заботятся лишь о том, чтобы выполнить план на 100 % по количественным показателям, после чего завод-поставщик не интересуется тем, что происходит с его продукцией в дальнейшем»²⁵. Жутковато прозвучало и его сообщение о том, что «в 1928 г. пустили самую большую в Союзе домну, она была выложена из кирпича-брака. И неудивительно, что через 2–3 месяца эта печь дала прорыв». И это, по словам директора, был далеко не единичный случай²⁶.

В-третьих, большинство выступавших отметили отсутствие в промышленности и строительстве подлинного хозрасчета. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль прозвучала из уст директора АМО И.А. Лихачева: «Хозрасчета у нас нет. Оборотных средств нам не дают. Бюджет часто составляется липовый, средства урезают на глаз». Нужно установить материальную ответственность одного предприятия перед другим, включая штрафы за невыполнение заказов²⁷. Выступающие приводили примеры чудовишной текучести кадров из-за отсутствия жилья²⁸, низкой механизации труда в строительстве, усугубленной «глупостью и невежеством» малоподготовленных руководителей²⁹. Осторожно, как бы вскользь, звучали критические замечания в адрес ударничества³⁰, говорилось о переизбытке контрольных проверок³¹, о низком качестве работы выдвиженцев³², о высочайшей текучести рабочих кадров³³. Тем не менее, именно так формировался не парадный, а деловой настрой конференции.

Четырехлетний марафон целенаправленного разоблачения «вредительства» специалистов принес весьма скромные результаты: эта тема прозвучала лишь в одном выступлении³⁴. Нельзя, впрочем, не отметить, что вопрос о положении человека на производстве практически не поднимался.

Примечательно, что ни один представитель директорского корпуса не упомянул фамилии Сталина и не вспомнил постановления ЦК ВКП(б), оставив пропагандистское славословие редактору газеты «Правда» М.А. Савельеву³⁵ и профсоюзному функционеру, секретарю ВЦСПС Г.Д. Вейнбергу³⁶. Не случайно, что, в отличие от многих «красных директоров», оба благополучно пережили репрессии 1937 г.

Диссонансом к выступлениям производственников и девяти представителей ВСНХ прозвучала речь заместителя председателя ВСНХ М.М. Кагановича, пытавшегося переложить ответственность за экономический хаос на «отдельных директоров предприятий и строек». Каганович заявил о необходимости

²⁵ Там же. С. 73.

²⁶ Там же. С. 74.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Там же. С. 67.

²⁹ Там же. С. 153–154.

³⁰ Там же. С. 30–31.

³¹ Там же. С. 34.

³² Там же. С. 71.

³³ Там же. С. 67.

³⁴ Там же. С. 41.

³⁵ Там же. С. 119.

³⁶ Там же. С. 112.

действовать «технически смелее к пересмотру наших конструкций. Мы берем слишком большой запас прочности». Например, «строим машину, скажем, сельскохозяйственную, которая должна служить 2–3 года, с такой прочностью, чтобы она прослужила десятки лет»³⁷. То, чем грозит произвольный пересмотр технических норм, хорошо понимали специалисты, но спорить с братом сподвижника Сталина Л.М. Кагановича никто из присутствовавших не решился. За обилием чисто технической информации и рядом откровенно технократических сообщений «красные директора», прошедшие испытание нэпом и перегрузок 1929–1930 гг., смогли донести до высших советских руководителей масштаб опасных явлений в экономике СССР.

3 февраля 1931 г. на седьмом, предпоследнем, заседании конференции выступил председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов³⁸. Свою речь он заострил на проблеме хозрасчета, причем его рассуждения на этот счет могли поставить в тупик любого «твердокаменного» большевика. «Новая экономическая политика создала предпосылки для мощного подъема социалистической индустрии. Развертывание нашей промышленности происходило на основе нэпа, в условиях широкого товарооборота³⁹», — подчеркивал он. «Осуществление задач социалистической индустриализации проводилось рычагом хозрасчета. Успехи большевистского проведения принципа хозрасчета доказаны за десять лет нэпа с достаточной убедительностью. С самого начала нэпа принцип хозрасчета был положен в основу работы госпредприятий. Иначе нельзя было бы говорить о прибылях и убытках госпредприятий, нельзя было говорить о себестоимости продукции», — продолжил глава СНК.

Впервые с весны 1929 г. из уст верного сторонника Сталина прозвучала положительная оценка нэпа вообще и товарно-денежных отношений, в частности. В его интерпретации реализация первого пятилетнего плана не была противопоставлена индустриализации нэпа, а органично вытекала из нее, составляя с ним единое десятилетие. Впрочем, Молотов поспешил уточнить: «Сейчас, когда мы вступили в период социализма, принцип хозрасчета не только не отпадает, но напротив, хозрасчет должен проводиться более последовательно, чем это мы сейчас имеем. Партия требует проведения принципа хозрасчета во всей работе промышленности, и это целиком отвечает теперешней, хотя уже и последней стадии нэпа»⁴⁰. Получалось, что последняя стадия нэпа не противоречила или, по крайней мере, не противостояла «вступлению в период социализма». Вывод Молотова о том, что «без осуществления хозрасчета на практике, от завода до хозяйственного объединения включительно, без того, чтобы на деле заставить считать рубли и копейки по каждой хозяйственной статье, нельзя навести нужного порядка в промышленности и по всей хозяйственной работе»⁴¹, полностью коррелировался с предшествующим ходом обсуждения проблем экономики на конференции. И по форме, и по сути он совпадал с мыслями, высказанными Орджоникидзе.

---

³⁷ Там же. С. 105.

³⁸ Там же. С. 163–175.

³⁹ Там же. С. 168.

⁴⁰ Там же. С. 169.

⁴¹ Там же. С. 166.

Однако поддержка внедрения хозрасчета на всех уровнях управления сочталась у Молотова с идеологическими догмами. Председатель СНК допускал, что существование хозрасчета ограничивается периодом сохранения нэпа: «поскольку еще существует нэп, нельзя по-бюрократически “отменять” хозрасчет»⁴².

Признав плодотворность хозрасчетных начал в годы нэпа, сообщив, что «недостатки нашего управления заключаются не в том, что мы чересчур далеко пошли в деле проведения принципа хозрасчета — напротив», они — в «нерешительности и непоследовательности проведения принципа хозрасчета на практике»⁴³, Молотов сначала увязал внедрение хозрасчета с постановлением ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1929 г. «О реорганизации управления промышленностью»⁴⁴, указав при этом на его значимость («ЦК считал его одним из важнейших своих документов»), а затем внезапно констатировал: «с того времени прошел год и два месяца, и оказывается, что это постановление ЦК не проведено в жизнь»⁴⁵. Причины этого Молотов обоснованно связал с тем, что «введение хозрасчета натолкнулось на огромное сопротивление в нашем хозяйственном аппарате и внизу, и вверху. Главкизм оказался настолько живучим, что решение партии до сих пор не проведено в жизнь»⁴⁶.

Каких только верных суждений временами не высказывали члены сталинской команды! Однако ответ на вопрос, как связано реальное становление, точнее, насаждение сверху в 1929–1930 гг. жестко централизованной системы управления с элементами главкизма, так и не прозвучал. Куда проще оказалось свалить вину за призыв к становлению системы управления, позднее получившей название «командно-административной», на конкретно взятого управленца⁴⁷.

Вопрос, зачем теперь необходимо вновь вводить хозрасчет, доказавший свою эффективность в 1922–1928 гг., остался открытым, как и раздумья над тем, по чьей вине в 1929–1930 гг. он стал во многом фиктивным. Лозунг «премьера» о переводе госпредприятий на *действительный* (курсив мой. — М.Ф.) хозрасчет⁴⁸ не был подкреплен какой-либо доказательной базой и в силу этого остался благим пожеланием.

Утром 4 февраля 1931 г. на восьмом, последнем заседании конференции выступил И.В. Сталин⁴⁹. Его речь была короткой, пропагандистской по содержанию, с броскими лозунгами, на долгие десятилетия ставшими штампами («техника в период реконструкции решает все» и т.п.). Генсек подводил итоги и расставлял акценты. Спецификой выступления Сталина стало полное игнорирование того, о чем на протяжении пяти дней работы конференции говорили ее участники. Следовало, таким образом, понимать, что проблемы, поднятые «работниками социалистической промышленности», будут изучать-

⁴² Там же. С. 171.

⁴³ Там же. С. 170.

⁴⁴ Там же. С. 169.

⁴⁵ Там же. С. 169.

⁴⁶ Там же. С. 170.

⁴⁷ Там же. С. 167.

⁴⁸ Там же. С. 172.

⁴⁹ Там же. С. 187–193.

ся в профильных отделах ЦК ВКП(б) и ВСНХ, но закулисно, с последующей трансформацией выводов в партийно-советские постановления в сталинской редакции. Примечательно, что с самого начала генсек обнаружил знакомство с содержанием еще не принятых резолюций конференции⁵⁰, и тут же огласил главную «заповедь» 1931 г.: резкое увеличение плановых заданий третьего года пятилетки, в научной литературе названное «безумным»⁵¹. Сам же пятилетний план в «основных и решающих отраслях экономики», по его словам, следовало выполнить в три года⁵².

Сталин огласил требования партийного руководства, которые должны были помочь выполнению этих нереальных заданий. Первым стало «умение использовать имеющиеся возможности», именно — богатых природных ресурсов, которых у СССР «даже больше, чем нужно». Далее следовал пассаж о «наличии такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа»⁵³. Таким образом, если конференция рассматривала проблему качественных рычагов интенсификации экономического роста, то вождь сосредоточился на количественных индикаторах, т.е. на экстенсивном развитии.

Настаивая на «умении правильно руководить заводами, фабриками, шахтами», Сталин требовал «вернуться лицом к технике». Очевидная банальность этого лозунга сочеталась с признанием того, «что среди нас, среди большевиков» нет «достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики и финансов»⁵⁴. Казалось, что за подобной констатацией последует указание на особую роль в реализации пятилетнего плана «спецов». Сталин же предпочел отделить старый инженерно-технический персонал, «безобразно отставший в техническом отношении», и «вредителей» («вредительство приняло такие широкие размеры») от овладевших техникой большевиков⁵⁵. Как видим, сталинское обращение к представителям директорского корпуса парадоксальным образом сочетало указание на приоритет изучения техники с угрозой специалистам, заподозренным в нелояльности к существующему режиму.

Своеобразным историческим источником являются резолюции Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности⁵⁶. По форме — это резолюции «по докладу т. Орджоникидзе», утвержденные Президиумом ВСНХ. Тем самым мнения представителей директорского корпуса учитывались только в определенных сверху рамках. Проблемы хозрасчета, обозначенные в докладе председателя ВСНХ, оказались плотно «упакованы» в сталинские конструкции. На первом плане фигурировали призывы к достижению

---

⁵⁰ Там же. С. 187.

⁵¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 48. В предисловии к стенографическому отчету конференции указывалось, что за семь месяцев 1931 г. производство промышленной продукции выросло на 13 %, а группы «А» — на 18,5 %. См.: Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. С. 3.

⁵² Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. С. 187.

⁵³ Там же. С. 188.

⁵⁴ Там же. С. 191.

⁵⁵ Там же. С. 190–191.

⁵⁶ Там же. С. 194–210.

нереальных количественных показателей⁵⁷: освоению в 1931 г. 6 750 млн руб. капитальных вложений, к выполнению пятилетних планов в ведущих отраслях уже в 1931 г., повышению производительности труда на 28 %⁵⁸ и т.д. При этом план 1931 г. должен был быть воспринят «каждым хозяйственником, каждым рабочим, инженерно-техническим работником как боевое задание, которое необходимо во что бы то ни стало выполнить»⁵⁹. Военно-приказной характер заданий плохо сочетался с лозунгом внедрения хозрасчетных отношений на всех уровнях хозяйствования. Большинство резолюций носили чисто технический характер, излагая те или иные тезисы партийных постановлений и директив ВСНХ.

В резолюциях просматривался вполне определенный характер «специализации и кооперации предприятий»: «сужение номенклатуры изделий каждого завода» и «уничтожения существующего параллелизма в конструкторских работах»⁶⁰. Таким образом, вместо предложенной участникам конференции некоторой самостоятельности предприятий резолюции устанавливали жесткие рамки деятельности субъектов «социалистической промышленности».

В весьма скромном по объему разделе резолюций «Труд»⁶¹ речь главным образом шла о своевременной выплате заработной платы, обходя стороной поднятый на конференции вопрос о ее зависимости от качества продукции. Показательно и то, что размер заработной платы обуславливался такой организацией снабжения через кооперативы, при которой «участники соцсоревнования снабжались промтоварами в первую очередь». Как видим, в тяжелых условиях 1931 г. распределение дефицитных товаров и продуктов превращалось в важнейший компонент оплаты труда.

Резолюции нацеливали хозяйственников на изучение техники. В рамках этого процесса, наряду с подготовкой новых кадров из рабочих, ставилась задача «создания всех необходимых условий для работы тех старых специалистов, которые окончательно стали в ряды строителей советской промышленности». Безусловно, прерогатива определения этой «окончателности» оставалась за партийными органами.

Говоря о значении конференции, следует выделить ряд вопросов: как ее работа освещалась в прессе? Какие оценки внедрения хозрасчетных отношений звучали в последующие месяцы? Каким образом изменился экономический курс в СССР?

Из центральных газет наиболее подробно о работе конференции писали «Известия». Однако и здесь, помимо докладов членов Политбюро ЦК ВКП(б), в небольшой рубрике «Дневник конференции» давалось краткое изложение выступлений лишь 5–6 участников мероприятия в тщательно отредактированном виде, а также обзор работы секций конференции, рассматривавших чисто технические отраслевые проблемы. Газета «Труд» в номере от 1 февраля ограничилась сообщением об открытии конференции с кратким изложением доклада Орджоникидзе, а 5 февраля ознакомила с текстом речи Сталина.

⁵⁷ Запланированные показатели промышленного роста в реальности не были достигнуты и наполовину. Подробнее об этом см.: *Хлевнюк О.В.* Хозяин. С. 48.

⁵⁸ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. С. 94–95.

⁵⁹ Там же. С. 195.

⁶⁰ Там же. С. 202.

⁶¹ Там же. С. 204–205.

Подлинное отношение к конференции на большевистском Олимпе продемонстрировала «Правда», орган ЦК ВКП(б). Мало-мальский анализ итогов ее работы она заменила сообщением в номере от 8 февраля 1931 г. о выходе в свет миллионным тиражом брошюры с речью Сталина (тираж самих материалов конференции составил шесть тысяч экземпляров). 9 февраля газета опубликовала доклад Орджоникидзе, а 12 февраля — речь Молотова. Показательно, что выдержки из выступлений других участников конференции были напечатаны только в номере от 1 февраля, причем в виде сообщений ... о трудовых достижениях.

В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. сам Сталин признал, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела, принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»⁶². Свое собственное отношение к принципам хозяйствования вождь выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г., потребовав «буржуазный подход к вопросу о рентабельности — расклевать»⁶³. Выступая на XVII партийной конференции ВКП(б) в январе 1932 года, Орджоникидзе не стал скрывать, что «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти целиком исчез»⁶⁴. Как видим, лидеры советского государства, по крайней мере, в годы первой пятилетки признали провал попыток внедрения хозрасчетных отношений. Сопоставим эти высказывания с утверждениями официозных советских историков о доминировании подлинного хозрасчета в экономике в период реконструкции, вплоть до цехового и бригадного уровня⁶⁵.

Экономические трудности и кризисные явления заставляли ученых и специалистов, руководителей промышленных наркоматов, а в отдельные исторические периоды и самого Сталина⁶⁶ бороться с бесхозяйственностью, раз за разом предпринимать попытки внедрения хозрасчета. В частности, целый ряд принятых в 1931 г. постановлений СНК СССР носил оздоровительный характер, заставляя, например, Государственный банк переводить средства со счетов клиентов на счета производителей, только если клиент уведомил банк, что принял товар в соответствии с договором⁶⁷. Главной проблемой на этом пути оставалось то, что становление хозрасчетных отношений могло стать успешным только при расширении прав предприятий и соответствующем сужении вмешательства партийных органов всех уровней в жизнь трудовых коллективов.

Крепнувшая и разраставшаяся командно-административная система поддерживала лозунг внедрения хозрасчета в директивных документах, в пропагандистской сфере, в официальных «научных» трудах. На деле, регламентируя самые разнообразные виды работы предприятий, утверждая все новые деталь-

⁶² Речь Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М., 1951. С. 51–80.

⁶³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 37.

⁶⁴ XVII партийная конференция ВКП(б). М., 1932. С. 19.

⁶⁵ История социалистической экономики в семи томах. Т. 3. М., 1976. С. 46.

⁶⁶ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. С. 113, 117, 119.

⁶⁷ *Davies R.W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 49.

ные инструкции и неуклонно контролируя их исполнение, карая за малейшие отступления от буквы документа, сталинский режим подменял реальность мифологической оболочкой. Те же хозяйственники, которые «были рождены, чтоб сказку сделать былью», на протяжении 1931–1936 гг. действительно героически пытались внедрить хозрасчет, хотя бы в рамках отдельного предприятия или треста. Негативная оценка Дэвиса этой борьбы⁶⁸, на наш взгляд, отчетливо указывает на системную проблему, но не подтверждена конкретными исследованиями.

Между тем, логика действий лучших представителей директорского корпуса в советской промышленности привела к скрытому оболочкой идеологически «верных» выражений конфликту со сталинской практикой управления на заседании Совета при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г.⁶⁹ Линия развития советской экономической мысли и практики первых двух пятилеток вывела на признание приоритета качественных показателей и определенной свободы действий предприятий. Ряд предложений на Совете в июне 1936 г. предвосхищал положения экономической реформы 1965 г. — например, планирование выполнения производственной программы не по валовой, а по товарной продукции⁷⁰.

В свою очередь, логика развития сталинизма предполагала уничтожение любого инакомыслия, демонстрируя «разлад мысли и дела». Представители директорского корпуса, экономических ведомств (ВСНХ в 1931 г., НКТП — в 1936 г.) в своем большинстве пали жертвой столкновения индустриального проекта и леворадикальных утопических догм. Вершина эволюции экономического курса в годы первых пятилеток в СССР в июне 1936 г. стала для многих управленцев-хозяйственников и началом пути на Голгофу.

Прозрения высшей власти в СССР в экономической сфере были временными. Сталинский прагматизм всегда имел характер «кризисного» — ограниченной, запаздывавшей и непоследовательной реакции на обострение кризисных явлений до крайних пределов в экономической и социальной сфере⁷¹.

Подведем черту. Созывая Первую Всесоюзную конференцию работников социалистической промышленности, сталинское руководство ставило перед собой вполне определенные задачи: во-первых, обеспечить поддержку курса форсированной индустриализации со стороны управленцев среднего звена в промышленности и в строительстве, дезорганизованных арестами и пропагандистской истерией поиска и разоблачения специалистов-«вредителей». Во-вторых, как и любое другое массовое мероприятие, конференция была призвана

⁶⁸ Ibid. P. 94.

⁶⁹ Совет при Наркомате тяжелой промышленности СССР 25–29 июня 1936 г. представлял собой собрание элиты хозяйственных руководителей — заместителей наркома, руководителей главков, директоров 112 крупнейших предприятий тяжелой промышленности. Собрание было «освящено» присутствием члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе. Объективно, оно явилось одним из наиболее заметных и значимых событий 1936 г. Не случайно, в официальном названии Совета содержалось уточнение: «второй пленум» — культовое слово для советских людей.

⁷⁰ Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. С. 410.

⁷¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 117.

содействовать росту авторитета руководителя партии и советского государства. В-третьих, хозяйственники должны были подсказать варианты выхода из экономического хаоса зимы 1931 г., пути снижения потерь от непродуманных хозяйственных экспериментов. Наконец, как это повелось в советской практике, конференция должна была «выпустить пар» — понизить уровень социального недовольства в городе и деревне⁷².

Анализ выступлений участников конференции позволяет сделать следующие выводы. Вопреки расчетам, она не привела к росту авторитета Сталина: его имя вообще не фигурировало в прениях, и это стало скрытым сигналом руководству страны. Во-вторых, выступления хозяйственников и, в значительно меньшей степени, тщательно отредактированные резолюции конференции были направлены на корректировку экономического курса, но не на его слепую поддержку. В этой связи обращение Сталина к патриотическим чувствам «красных директоров» вызвало, скорее всего, не всплеск вдохновения⁷³, а стремление разобраться с подлинными причинами кризисных явлений: статьи и выступления наиболее умелых хозяйственников в период от февраля 1931 г. к июню 1936 г. говорят о продолжении применения достижений науки и практики периода нэпа, о медленном, но все-таки прозрении о происходящем в «стране социализма».

Библиография

- История социалистической экономики в семи томах. Т. 3. М.: Наука, 1976. 535 с.
История Советского рабочего класса в шести томах. Т. 2. 1984. М.: Наука, 1984. 511 с.
Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-изд. доп. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности. Стенографический отчет с 30 января по 5 февраля 1931 г. М.; Л.: Огиз, 1931. 251 с.
Речь Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М., 1951.
Совет при Народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. Второй пленум. 25–29 июня 1936 г. М.: ОНТМ, 1936. 448 с.
Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.
Фельдман М.А. Две тенденции государственной экономической политики в середине 1930-х гг., или пять дней из жизни Г.К. Орджоникидзе // Экономическая история. Обзорение. Вып. 15. М.: Издательство МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 86–95.
Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.
Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. P. XVIII+612.

---

⁷² См.: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. 2-изд. доп. М., 2008. С. 95–97.

⁷³ См.: *Davies R.W.* Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 16.

Внешнеэкономические проекты сталинской поры: нефть Синьцзяна и Советский Союз (1935–1955 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории советско-синьцзянского проекта по поискам, добыче и переработке нефти на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР в 1935–1955 гг. Автор рассматривает его в контексте советских геополитических и экономических интересов и старается вывести тему из «имперского дискурса». На основе широкого круга источников он пишет о мотивах, противоречиях и результатах проекта, проливает свет на мало изученные аспекты внешнеэкономической деятельности СССР в Северо-Западном Китае: первые проекты горных концессий, трансформацию торговой деятельности в системную социально-экономическую и техническую помощь Синьцзяну, частью которой стал «нефтяной проект», экономическое значение добываемой там нефти для СССР и Синьцзяна, эволюцию нефтяного предприятия от синьцзянского «правительственного» нефтепромысла до советско-китайского акционерного общества «Совкитнефть». Отдельно описывается роль Сталина в этом проекте, межведомственные противоречия советских наркоматов, задействованных в нем.

Ключевые слова: СССР, Китай, Синьцзян, Сталин, Шен Шицзяй, внешнеэкономическая деятельность, «нефтяной империализм», концессии, совместные предприятия, геолого-разведка, нефтедобыча, бюрократия, наркоматы, конфликт интересов, нефтекомбинат «Тушанцзы», акционерное общество «Совкитнефть».

Советский Союз в годы своего расцвета нес большую внешнеэкономическую нагрузку, оказывая содействие своим стратегическим партнерам. Электростанции, металлургические заводы, шахты и нефтепромыслы строились и осваивались либо советскими специалистами, либо при их активной помощи. На новые предприятия поставлялось советское оборудование, там внедрялись советские методы организации производства и управления. Превращение СССР из «экспортера революции» в экспортера техники и технологий, научно-технического знания и административно-хозяйственного опыта остается недостаточно освещенным в историографии. Мотивация, организация, условия, эффективность конкретных внешнеэкономических проектов СССР мало исследованы. «Нефтяной империализм», «жадность Сталина» и тому подобные оценки советских нефтяных проектов за рубежом встречаются в современной историографии, но насколько они обоснованны, если детальных исследований подобных проектов до сих пор нет? В частности, история поисков и организация добычи и переработки нефти на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР с помощью СССР лишь фрагментарно описана историками, но как отдельная

---

* Евдошенко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, редактор исторической литературы ЗАО «Издательство “Нефтяное хозяйство”».

тема не изучена¹. Работы зарубежных авторов практически не опираются на советские источники, а потому дают неполную картину². В результате бытующие представления об этом советском проекте в Синьцзяне имеют существенные искажения.

Настоящая статья посвящена одному из первых советских внешнеэкономических проектов в нефтяной сфере.

«Музыка будущего», или несостоявшаяся концессия

После Синьхайской революции 1911–1913 гг., свергнувшей императорскую власть, Китай стал республикой и впал в период длительных междоусобиц. С 1928 г. власть в стране принадлежала национальному правительству в Нанкине. Однако реальной властью обладали региональные вожди, чаще всего из военных, которые старались заручиться поддержкой других государств — Японии, Великобритании, России/СССР и др. При этом в наиболее экономически развитых районах страны существовали зоны иностранных концессий, находившиеся вне китайской юрисдикции³.

31 мая 1924 г. было подписано «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», которое положило начало дипломатическим отношениям двух стран на новом историческом этапе. СССР первым признал Китай полноправным субъектом межгосударственных отношений и отказался от дискриминации его суверенных прав — консульской юрисдикции, концессий, принадлежавших Российской империи, прав экстерриториальности своих граждан в Китае⁴. При этом с начала 1920-х годов были установлены связи ВКП(б) и Коминтерна с китайской партией Гоминьдан, борющейся за власть в стране. С 1924 г. СССР для оказания воен-

¹ См.: *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1999; *Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. 2-е изд. испр и доп. М., 2006; *Мировицкая Р.А.* Отношения СССР с Китаем в годы кризиса версальско-вашингтонской системы международных отношений (1931–1937 гг.) // Китай в мировой и регионально политике. Вып. XIV. М., 2009. С. 241–271; *Ее же.* Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930–1940-е годы) // Китай в мировой и регионально политике. Вып. XV. М., 2010. С. 237–247; *Обухов В.Г.* Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М., 2010; *Шматов В.Г.* Синьцзян в системе мероприятий Советского Союза по оказанию экономической и военно-технической помощи Китаю в период японской агрессии 1931–1943 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016; *Гасанлы Дж.П.* Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М., 2015.

² См., напр.: *Dickens M.* The Soviets in Xinjiang. 1911–1949. [электронный ресурс], режим доступа: URL — <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm#yang>; *Kinzley J.C.* The spatial legacy of informal empire: oil, the Soviet Union and the contours of economic development in China's Far West // *Twentieth-Century China*. 2015. Vol. 40. No 3. P. 220–237.

³ *Бармин К.В.* Политика великих держав в Синьцзяне в 1918–1949 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005; *Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г.* Синьцзян: очерк истории региона // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVI. Ч. 2. М., 2016. С. 224–226.

⁴ *Мировицкая Р.А.* Очерки истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XVII. М., 2012. С. 336–345.

но-технической помощи направлял в распоряжение Гоминьдана советников и военно-техническое имущество, включая вооружения⁵.

Внутри Китая Синьцзян де-факто пользовался известной самостоятельностью по отношению к центральному правительству, что обуславливалось, прежде всего, удаленностью и слабыми коммуникациями этой провинции с центром страны. 27 мая 1920 г. между представителями РСФСР и Синьцзяна был подписан Илийский протокол, который положил начало послереволюционному приграничному сотрудничеству. В 1921 г. по просьбе китайских властей части Красной Армии разгромили в Синьцзяне крупную белогвардейскую группировку, которая едва не захватила власть в провинции, после чего вернулись в свои пределы. При этом Советская Россия отказалась от поддержки местного мусульманского сепаратизма (хотя такие предложения озвучивались некоторыми представителям советской политической элиты) и стремилась выстраивать с этой приграничной провинцией прагматичные, взаимовыгодные отношения⁶.

Большими перспективами для сотрудничества обладало горное дело. Уже в 1923 г. появились первые предложения об организации горной концессии в Синьцзяне. Бывший российский горнопромышленник А.М. Галин⁷ направил в Концессионный комитет ВСНХ записку «О месторождении золота на северном склоне Восточного Тяньшаня, в Синьцзянской провинции Китая». Он предложил организовать акционерное общество (возможно, с участием иностранного капитала) и заключить через него концессионный договор с китайским правительством на добычу полезных ископаемых, прежде всего золота. При «правильной организации дела» предприниматель обещал 224 % прибыли на вложенный капитал⁸. Крупный российский геолог В.А. Обручев, один из немногих изучавших Синьцзян лично, в своем отзыве обратил внимание на то, что этот регион богат не только золотом, но и другими полезными ископаемыми, в частности — углеводородами. Профессор подчеркнул, что для будущих торговых сношений очень важно, чтобы разработка золота, угля и нефти в этом регионе не попала в руки иностранцев, а потому поддержал идею А.М. Галина. В подобном духе высказались и представители ВСНХ СССР⁹.

⁵ Об этом см.: *Писарев А.А.* Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай с 1917 по 1949 г. // *Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений.* М., 2013. С. 136–147.

⁶ *Бармин В.А.* Некоторые вопросы политики Советской России в отношении провинции Синьцзян Китайской республики в 1919–1922 гг. // *Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв.* Сб. ст. Томск, 1999. С. 120–130; *Его же.* Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг. С. 97; *Его же.* К вопросу о причинах провала деятельности Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 20-е гг. XX в. // *Востоковедные исследования на Алтае.* Вып. 9. Барнаул, 2015. С. 30–35.

⁷ В своей книге «Ископаемые богатства пограничной Джунгарии» В.А. Обручев писал о работах в районе северных склонов Восточного Тянь-Шаня: «В 1915 г. Сибирский банк на средства, секретно ассигнованные ему Мин. финансов (которому неудобно было искать золото в пределах Китая), снарядил разведочную партию <...> партию вел некий Галин»: *Обручев В.А.* Ископаемые богатства пограничной Джунгарии. М.; Л., 1932. С. 31. Купец А.М. Галин также известен попытками поисков нефти на р. Ухте и золота в Якутии; его письма российскому консулу в Урумчи А.А. Дьякову, датированные 1915 г., использовались советскими геологами.

⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 6. Д. 555. Л. 5–16.

⁹ Об этом см.: *Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна: О зарождении советско-китайского сотрудничества в области поисков нефти и газа // *Нефтяное хозяйство.* 2018. № 5. С. 108–109.

Карта Пограничной Джунгарии В.А. Обручева с указанием месторождений полезных ископаемых, 1925 г. (из журнала «Нефтяное хозяйство»)

В отличие от торговли создание предприятий на территории других государств было не под силу большевикам в тот период. «Конечно, мы вылезем когда-нибудь из нынешней разрухи, и когда мы вылезем, тогда можно говорить об экономических комбинациях в этих государствах, — писал И.В. Сталин Г.В. Чичерину и В.И. Ленину об отношениях с приграничными восточными странами — Турцией, Персией и Китаем, — <...> Для меня несомненно, что мы ни по торговой, ни по экономической линии тягаться с врагами в упомянутых выше странах не можем, пока...»¹⁰. Тем не менее, сама идея подобного сотрудничества получила одобрение, а ее реализация была отложена до лучших времен. «Я думаю, — писал Сталин в том же письме, — что рациональнее и практичнее было бы сосредоточить силы на развитии промышленности в тех из окраин, которые граничат с упомянутыми выше восточными государствами, а именно: в Азербайджане, в Сибири, в Туркестане, в расчете, что при успешном развитии промышленности в этих окраинах мы получим возможность протянуть сначала торговые, а потом и промышленные нити к этим государствам, подчинить их экономическому влиянию России»¹¹.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 210. Л. 13 (эл. ресурс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/11737>. Дата обращения: 27.04.2020 г.).

¹¹ Там же.

Все усилия СССР в течение первых десяти лет его существования были направлены на выстраивание дипломатических и торговых отношений как с Китаем, так и с другими азиатскими странами, ликвидацию очагов сопротивления в Средней Азии и государственному и экономическому строительству в национальных республиках.

12 августа 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О торговой политике со странами Востока», в котором говорилось: «Учитывая, что развитие экономических связей СССР с Турцией, Персией Афганистаном, Зап. Китаем и Монголией имеет для СССР как экономическое, так и политическое значение, установить в отношении этих стран такие основы экономической политики, которые при соблюдении принципа монополии внешней торговли и наших коммерческих и инвалютных интересов, содействовали бы росту народного хозяйства этих стран и их эволюции к более прогрессивным формам хозяйства, что будет содействовать освобождению стран Востока от закабаления их капиталистическими странами»¹².

В частности, СССР восстанавливал торговлю с Синьцзяном, упавшую, по оценке специалистов Наркомвнешторга, «до нуля»¹³ и расширял свое экономическое присутствие в приграничных регионах¹⁴. В отличие от Центрального Китая, где советские советники и посланцы Коминтерна участвовали во внутривосточной борьбе, или Персии, где в начале 1920-х годов была предпринята попытка создания советской республики¹⁵, в отношениях с Синьцзяном сохранялся отказ от поддержки сепаратизма, а акцент делался на экономических формах присутствия¹⁶. Эта линия красной нитью проходит через все последующие директивы советским представителям как в Центральном Китае, так и в Синьцзяне.

К концу десятилетия 80 % внешней торговли Синьцзяна приходилось на Советский Союз, что создавало предпосылки для активизации торгово-экономической деятельности в этой провинции Китайской республики в 1930-е годы.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 580. Л. 9 (эл. псупс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/13809>. Дата обращения: 27.04.2020 г.).

¹³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д. 555. Л. 24.

¹⁴ Шеметова Т.А. Восстановление приграничной ярмарочной торговли с китайской провинцией Синьцзян в начале 20-х гг. XX века: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. III. С. 209–212.

¹⁵ Генис В.Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000.

¹⁶ 17 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решает: «Поручить НКТоргу с привлечением Средне-Азиатских организаций наметить мероприятия по оживлению и усилению экономической связи Союза с Синьцзяном»; «Считать совершенно недопустимой какую-либо деятельность или агитацию в направлении отторжения от Китая Синьцзяна или части этой провинции»: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 620. Л. 5 (эл. псупс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/13848>. Дата обращения: 27.04.2020 г.).

Экономическая экспансия с геополитическим подтекстом

23 февраля 1924 г. газета «Известия» со ссылкой на китайскую печать опубликовала заметку о британском майоре С.Т. Докрэе (Stephen Dockrey), представителе «Компании беспроводного телеграфа Маркони»¹⁷, который после двухлетней работы в Китае заявил о «богатейших нефтеносных землях» в Синьцзяне. «В настоящее время майор Докрэй, — сообщила газета, — отправляется в Лондон с предложением начать разработку этих нефтеносных земель; вывоз нефти из Туркестана он предполагает организовать через Европейскую Россию». Вскоре та же газета поместила следующую корреспонденцию из Пекина: «27 февраля. Китайская печать указывает, что японская фирма “Мицуй” и богатая американская нефтяная компания “Братья Гугенгейм” проявляют большой интерес к концессиям на разработку нефти в Китайском Туркестане, данные о нефтяных богатствах которого недавно опубликовал майор английской службы инженер Докрэй»¹⁸.

В 1927–1928 гг. состоялась шведско-немецко-китайская экспедиция С.А. Гедина, организованная на средства немецкой авиакомпании «Люфтганза» для подготовки наземной инфраструктуры будущей авиалинии из Берлина в Пекин¹⁹, в 1933 г., как ее продолжение, — шведско-китайская экспедиция для изысканий трассы будущей транскитайской железной дороги. Помимо этого в 1931–1932 гг. французская автомобильная компания «Ситроен» организовала знаменитый «Желтый рейд» от Бейрута до Пекина через Синьцзян. «Обе экспедиции интересовались более путями сообщения, — писал русский предприниматель-эмигрант Б.Г. Мошков, занимавшийся в то время поисками нефти в Синьцзяне, — тем не менее, данные о месторождениях нефти и угля собирали очень тщательно, прочие научные вопросы их интересовали меньше»²⁰. Действительно, в составе этих экспедиций работали геологи: у С.А. Гедина — Э.С. Норин, у «Ситроена» — П. Тейяр де Шарден (известный более, как палеонтолог и теолог). Они сотрудничали с Геологической службой Китайской республики. Экспедиции Гедина включали китайских геологов и практикантов. Участники каждой из таких поездок — научных, изыскательских, рекламных — держали в уме огромный потенциал Синьцзяна; вокруг экспедиций крутились различные европейцы или американцы, искавшие в Китае концессий.

В 1929 г. в Синьцзяне было создано Дорожное бюро, которое возглавил российский эмигрант, генерал Н.И. Бектеев. Бюро приступило к строительству магистральных автодорог внутри провинции, в первую очередь по направлению к Центральному Китаю. К концу 1930 г. был сдан первый участок от Урумчи до Гучена (251 км), началось строительство его продолжения до Хами (более 500 км). «Если эта дорога действительно будет построена в текущем году, как это намечено синьцзянским правительством <...> тогда вместо прежних верблюжьих троп возникнет линия протяжением 764 км, которая даст возмож-

¹⁷ О нем см.: *Backer W.J. A History of the Marconi Company. 1874–1965. Routledge, 1970.*

¹⁸ Вырезки из газеты «Известия» от 23 февраля 1924 г. «Нефть в Китайском Туркестане» и от 29 февраля 1924 г. «Битва за нефть Китайского Туркестана» находятся в бумагах Главконцесскома в Государственном архиве Российской Федерации: ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 2475. Л. 25а, 25б.

¹⁹ *Gedin S.A. History of the Expedition in Asia, 1927–1935. Vol. 1. 1927–1928. Stockholm, 1943. P. 1–2.*

²⁰ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 78. Л. 146 об.

ность мировому империализму уже с большей быстротой и легкостью соединить ее с встречными автолиниями, частью уже построенными в провинции Ганьсу, а частью еще строящимися в направлении к ней со стороны Шеньси и Суйюаня, — говорилось в записке «Проблема транзита в Синьцзян через СССР и обратно» сотрудника Всесоюзно-Восточной торговой палаты, известного экономиста-«троцкиста» и бывшего финансового советника при полпреде СССР в Китае А.О. Альского, переданной в июле 1931 г. Сталину. — Само собой разумеется, что создание такого непрерывного автомобильного пути, если даже не удешевит, а только лишь ускорит грузооборот между Синьцзяном и В[осточным] Китаем, то и в этом случае он может значительно ослабить значение наших транзитных путей. Кроме того, это в значительной мере подорвет наши географические преимущества, благодаря которым советские рынки были для Синьцзяна наиболее близкими и коммерчески наиболее выгодными». Эксперт сообщал также об активности третьих государств в изучении путей сообщения и их заинтересованности в прокладке автомобильных дорог, связывающих Синьцзян с Центральным Китаем или Индией. В качестве примера он привел экспедиции С.А. Гедина и британского полковника Стюарта²¹.

С начала 1930-х годов Советский Союз предпринимает комплекс мер для сохранения и даже наращивания своего экономического присутствия в регионе, чему способствовало завершение строительства Туркестано-Сибирской железной дороги, значительно облегчившей коммуникации с Синьцзяном.

Весной 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) активно обсуждало меры по усилению торговли с Синьцзяном. Была развернута кампания по улучшению торгового аппарата, для чего послана контрольная комиссия под руководством начальника Восточного сектора НКВТ СССР А.М. Тамарина²².

В ответ на записку Альского и сообщения комиссии Тамарина принимается решение о модернизации путей сообщения, обеспечении их автомобильной и дорожной техникой, строительстве бензозаправочных станций и др. 1 октября 1931 г. между СССР и Синьцзяном был заключен межгосударственный торговый договор, непризнанный центральным правительством Китая. В конце 1932 г. советские дипломаты сообщили о желании местных властей пригласить для поисков нефти советских геологов, и в СССР началась подготовка экспедиции²³.

Однако развернуть активную экономическую работу в Синьцзяне в 1931–1933 гг. не получилось ввиду обострения там внутривосточной ситуации. Стремление «привязать» провинцию к метрополии заставило генерал-губернатора Цзинь Шужэня предпринять ряд шагов, которые в апреле 1931 г. спровоцировали восстание мусульман. Восставшие провозгласили Исламскую республику Восточный Туркестан и получили военно-техническую и идеологическую поддержку

²¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 861. Л. 73–74 (эл. пещуьс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/49250>. Дата обращения: 6.05.2020 г.). Экспедиция британского полковника Стюарта должна была разведать маршруты для организации воздушного сообщения Индии и Синьцзяна, работала в районе Кашгара.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 212. Л. 58 (эл. пещуьс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/11739>. Дата обращения: 6.05.2020 г.).

²³ Об этом см.: *Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна: О рождении советско-китайского сотрудничества. С. 109–110.

Великобритании, Германии и Японии; в регионе активизировали свою деятельность представители Турции и арабских государств²⁴. Чекисты и дипломаты сообщали Сталину о переброске мусульманских деятелей в Синьцзян и подготовке мусульманских выступлений внутри СССР²⁵, попытках синьцзянских повстанцев закупить немецкое оружие через германское посольство в Кабуле и Пешаваре²⁶.

«Поддержка независимого государства в Синьцзяне является весьма необходимой с точки зрения перспектив политико-стратегических комбинаций», — писал японский военный атташе Канда Масатанэ из Турции в записке «Оценка возможности использования мусульманских государств по линии политико-стратегических мероприятий против СССР и соображения касательно проведения необходимых мер в мирное время». Записку перехватило ОГПУ и передало для ознакомления Сталину. Подчеркивая «исключительную воинственность» китайских мусульман, японский атташе апеллировал к британскому опыту, когда поддержка арабского антиосманского движения способствовала военно-стратегическим успехам на ближневосточном театре Первой мировой войны²⁷. Он указывал на весьма позитивное отношение мусульман к Японии как государству, противостоящему «экспансии» Англии и СССР. «Из всего вышесказанного видно, насколько необходимо использование мусульман с точки зрения планов ведения войны с СССР и насколько это осуществимо», — эти слова записки Сталин подчеркнул и, думается, иллюзий о намерениях других государств в этом регионе не питал²⁸.

²⁴ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. С. 108–109; Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 354–355.

²⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 519–520. Торговый представитель СССР в Синьцзяне А. Терекулов в 1934 г. докладывал заместителю наркома иностранных дел Г.Я. Сокольникову: «Как выяснилось здесь, до революции 1917 года культуртрегерами в китайском Туркестане были татары — татарская интеллигенция: первыми учителями в школах были татары, они же являлись инициаторами и организаторами полусветских и светских школ; они же были распространителями татарской художественной и периодической литературы, газет, журналов и проч. и пропагандистами идей панисламизма и особенно пантюркизма. Более грамотное купечество выписывало такие пантатарские газеты как “Кюяш” (Солнце), “Идель” (Волга), и художественный журнал “Анг” <...> эмигрировавшая в Турцию, Германию, Польшу и Японию татарская (и пр. мусульманских национальностей) буржуазная интеллигенция, получая субсидии от антисоветских организаций, лиц и империалист. правительств, стала издавать националистическую и антисоветскую литературу, которой стал снабжаться и Синьцзян. Здесь получают издаваемый в Токио ежемесячный журнал “Япуон Мухбери” (Японский вестник), националистическо-клерикальского толка, прославляющий японский империализм и расписывающий все те блага и счастье, которые принесли японские штыки населению Манчжурии и которых должны себе желать и другие народы в частности и китайцы самого Китая. Получается из Берлина журнал “Янга-Милли-Юл” (Новый национальный путь), издаваемый известным татарским мелкобуржуазным общественным деятелем и писателем (беллетрист, драматург и публицист) Гаяз Исхаковым, который проповедует пантюркизм и антисоветизм <...> поскольку нет никакой другой духовной пищи <...> то эти экземпляры переходят из рук в руки и зачитываются «до дыр»: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 1938. Л. 121 об. — 122. Об этом также см.: Мозохин О.Б. ОГПУ—НКВД в борьбе со спецслужбами Японии. М.; Берлин, 2019. (мною использовались материалы книги, опубликованные на сайте: <http://mozohin.ru/article/r-29.html>. Дата обращения: 1.06.2020 г.)

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 213. Л. 58 (эл. ресурс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/11740>. Дата обращения: 2.06.2020 г.)

²⁷ Об этом см.: Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М., 2018.

²⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. С. 502–504.

Обстоятельства подталкивали советское руководство к более активной политике в Синьцзяне, который, по выражению газет, превращался в «Азиатские Балканы» и грозил «поджечь» советскую Среднюю Азию, где еще тлели очаги басмаческого движения. Целью СССР было погасить внутрисиньцзянский конфликт без усиления влияния своих геополитических противников. И Советский Союз не только оказал военно-техническую помощь генерал-губернатору Синьцзяна Цзинь Шужэню, но и попытался выстроить торговые отношения как с проправительственными, так и с восставшими районами, если считал их «свободными от влияния враждебных государств». В январе 1933 г. генконсул в Урумчи И.Я. Златкин сообщал в Москву: «Обстановка весьма сложна. Кризис может затянуться и углубиться. Движение не в наших руках». Далее он предлагал свое видение решения проблемы: «это правительство должно уступить место другому, тоже китайскому, которое могло бы урегулировать спор миром <...> Полное наше невмешательство [в] события — вредно»²⁹.

12 апреля 1933 г. в результате государственного переворота к власти в провинции пришел генерал Шен Шицай, который обеспечил себе советскую поддержку стремлением к поиску компромисса с восставшими. Активными участниками переворота оказались русские — казаки-эмигранты, которые воевали на стороне правительства и составляли наиболее боеспособные части правительственных войск³⁰. Это был тот случай, когда обстоятельства складывались в пользу СССР, и руководство страны, конечно, не преминуло этим воспользоваться. «Так как нынешнее урумчинское правительство представляет собой форму коалиции согласных на реформы китайских кругов с мусульманскими кругами, требующими административных реформ, и нацменьшинствами, добивающимися признания своих прав на некоторое самоуправление, то эта коалиционная форма является своего рода барьером против движения за полную независимость Синьцзяна и отделения его от Китая, которое поддерживается японцами и англичанами через посредство реакционных турецких элементов. Создание марионеточного “независимого” синьцзяно-мусульманского государства, где руководили бы только что названные силы, было бы целиком направлено против нас. Поэтому мы не на словах, а на деле глубочайшим образом заинтересованы в данной ситуации, в успехе и устойчивости “коалиционного” урумчинского правительства», — писал заместитель наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольников полпреду в Китае Д.В. Богомолу в декабре 1933 г.³¹

26 февраля 1934 г. Сталин, Молотов и Ворошилов направили генконсулу в Урумчи Г.А. Апресову развернутую телеграмму, в которой сформулировали «кредо» советской политики в Синьцзяне. Поскольку военная помощь Шен Шицаю воспринималась многими, а, возможно, и самим дубанем³², как желание «советизировать» Синьцзян, Сталин и его ближайшие помощники оговаривали, что Советский Союз не имеет притязаний на китайскую территорию и вся его помощь Синьцзяну покоится на совпадении геополитических интересов двух стран — СССР и Ки-

²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 212. Л. 144.

³⁰ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. С. 119.

³¹ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III (далее — РКО. Т. III): Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.). М., 2010. С. 242–243.

³² Дубань — титул генерал-губернатора Синьцзяна.

тайской республики. «СССР, — говорилось в их послании, — является одной из немногих, если не единственной страной, которая поддерживает и будет поддерживать Китай в его борьбе за независимость против всех и всяких махинаций японцев, англичан и других империалистических государств, и пока Шень будет вести борьбу против японских и других иностранных империалистических агентов вроде Манчжуина, он может рассчитывать на поддержку СССР <...> мы считаем опасной всякую мысль о советизации Синьцзяна и присоединении его к советским районам Китая». Также большое значение советские лидеры придавали взаимной выгоде двусторонних отношений: «Мы высказываемся также против таких экономически-торговых отношений между СССР и Синьцзяном, которые могли бы нанести малейший ущерб интересам Синьцзяна. Наши экономические отношения должны покоиться на обоюдной хозяйственной выгоде и только на этом»³³. Апресову поручалось зачитать этот текст Шен Шицаю, что создавало повод для последующей личной переписки первых лиц.

К концу июля 1933 г. завершила свою работу специальная Синьцзянская комиссия под руководством К.Е. Ворошилова, член которой заместитель наркома внешней торговли Ш.З. Элиава представил комплекс мер в отношении торгово-экономических связей с Синьцзяном. 3 августа 1933 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «Директивы по работе в Синьцзяне», а 27 августа — постановление СНК СССР «О торгово-политических взаимоотношениях с Синьцзяном». В обоих документах подтверждался общий курс на сохранение как единства Китайской республики, так и автономии Синьцзяна, признавалось необходимым «скорейшее проведение в жизнь программы хозяйственных мероприятий, предложенных в записке тов. Элиавы»³⁴. Эта программа предусматривала не только наиболее благоприятный торговый режим («цены на покупаемые нами синьцзянские товары повышаем, а на продаваемые понижаем»³⁵), но и начало технической помощи Синьцзяну «в отношении промышленного строительства»³⁶. Так из необходимости улучшения торговли вырастала целая система мер, выходящая за пределы торговых отношений.

21 июня 1934 г. Б.С. Стомоняков направил И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и В.В. Куйбышеву пакет мер, необходимых «для оздоровления народного хозяйства Синь-Цзяна», подготовленных по поручению ЦК ВКП(б) с привлечением ответственных представителей заинтересованных ведомств — Наркомфина, НКВТ, Внешторгбанка, Цудортранса. «При создавшейся в Синь-Цзяне обстановке сколько-нибудь быстрое оздоровление синьцзянского хозяйства невозможно без активного содействия СССР во всех отраслях этого хозяйства. При существующем глубоком расстройстве всей хозяйственной жизни Синь-Цзяна, при полной катастрофе его денежной системы и при абсолютном отсутствии в настоящее время каких бы то ни было доходов у синьцзянского правительства — это наше содействие может быть обеспечено только при условии предоставления Синь-Цзяну достаточно долгосрочного займа», — полагал Стомоня-

³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 12–13 (эл. псцупс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/43756>. Дата обращения: 11.11.2018 г.).

³⁴ РКО. Т. III. С. 194.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 327. Л. 50 (эл. псцупс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/11854>. Дата обращения: 11.11.2018 г.).

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1088. Л. 98.

ков. Комиссия наметила, в первую очередь, меры, которые «дали бы быстрый эффект»: повышение закупочных цен на синьцзянские товары и согласие на повышение синьцзянских ввозных пошлин, использование получаемой валютной выручки от реэкспорта синьцзянских товаров для завоза в Синьцзян товаров из Центрального Китая через СССР³⁷.

Экономический базис как займа, так и советско-синьцзянской торговли Стомняков объяснял так: «Предоставление такого займа не является рискованным, поскольку Синь-Цзян, с его богатыми природными ресурсами, сможет при нашей помощи быстро восстановить свое хозяйство и без труда будет выплачивать предусмотренные небольшие годовые взносы. Предоставление займа Синь-Цзяну в указанном скромном размере не представляет никакого риска еще и потому, что, как это изложено выше, мы даже и после предложенного Комиссией изменения цен не будем доплачивать Синь-Цзяну по 1,2 млн руб., по сравнению с мировыми ценами, на нынешнем уровне товарооборота в 7 млн руб. Таким образом, если бы даже Синь-Цзян и не выплатил бы нам обратно предоставляемого ему в этом размере займа, то через два года с небольшим мы автоматически вернули бы себе обратно всю сумму займа в виде сверхприбыли, которую мы имеем от торговли с Синь-Цзяном в результате нашего географического положения»³⁸.

Ссуда по предложению Синьцзянской комиссии должна была составить 2,5 млн зол. руб., генконсул Апресов просил 3 млн, а дубань — 8 млн, НКВТ — 1,7 млн. Межведомственный спор прекратил Сталин. 28 июня 1934 г. он сообщил Стомнякову окончательные условия кредита, который получал форму подтоварной ссуды: дается в размере 5 млн зол. рублей на шесть лет (затем срок снизили до пяти) под 4 % годовых. Первый платеж — 15 % — через год, остальное в течение пяти лет равными долями. За счет ссуды должны были погашаться и военные расходы СССР в Синьцзяне, понесенные в 1933–1934 гг. Платежи — золотом, шерстью, хлопком, кожей, скотом, кишками³⁹. В дальнейшем этот список предполагалось расширить по договоренности с синьцзянским правительством за счет новых товаров, в которых мог быть заинтересован СССР. Будущий кредит обуславливался проведением ряда реформ, которые, в основном, были вполне нейтральными с точки зрения идеологии, — денежной и налоговой, а также промышленным и сельскохозяйственным строительством. Транспортная инфраструктура Синьцзяна была признана наиболее слабым звеном, поэтому предлагался также комплекс первоочередных мер для ее улучшения как в приграничных районах СССР, так и внутри Синьцзяна. В контексте советских экономических интересов весь комплекс мер был направлен на создание базы для возврата ссуды.

21 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «План мероприятий по оздоровлению Синьцзянского хозяйства», а 23 июля СНК СССР принял специальное постановление «О взаимоотношениях с Синьцзяном». Согласовать детали дальнейшей экономической помощи должна была комиссия под руководством председателя Внешторгбанка СССР А.С. Сванидзе, которая работала в Синьцзяне с августа до ноября 1934 г. В комиссию вошло пять экспертов, среди

³⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 1303. Л. 118–119.

³⁸ Там же. Л. 124.

³⁹ Там же. Л. 114.

которых помимо финансистов и экономистов был геолог. В области горной промышленности директивы комиссии заключались в следующем: «обратить особое внимание на вопрос о разработках олова, договорившись с синьцзянским правительством о соглашении по поводу этих разработок, в котором мы возьмем на себя техническое содействие, а синьцзянское правительство — обязательство поставлять нам олово. Равно считать необходимым оказать содействие синьцзянскому правительству в деле разработки запасов золота». Также поручалось «уточнить формы нашего содействия и возможные другие объекты»⁴⁰.

По итогам работы комиссии был подготовлен детальный план экономической помощи на 1935 г. и последующие годы. Перед Советским Союзом стояла довольно тяжелая задача. По сути, предстояло создать заново экономику отсталой провинции, остановившейся в своем развитии на уровне позднего средневековья с рудиментами рабовладения. Помимо внедрения понятия о твердом бюджете, нужно было упорядочить и унифицировать налогообложение, ограничить эмиссию, подготовить базу для введения твердой государственной валюты⁴¹ (это будет произведено в 1939 г.) и создания новых отраслей промышленности, вывести на индустриальный уровень кустарное производство. В целом, все эти меры вполне соответствовали национальным интересам Синьцзяна. Делать это предстояло при помощи группы советников и с согласия синьцзянских властей, прежде всего дубаня Шен Шицая. В области промышленного строительства первоначально предполагалось строительство угольной шахты у г. Урумчи, золотых приисков, серебряноцинковых и медных рудников, завода по выделке кож, хлопкоочистительного, цементного заводов, ряда мелких электростанций, агро-ветеринарных пунктов. Среди первоначальных проектов значился и промысел по добыче нефти в районе г. Шихо, но в окончательной форме договора осталось лишь строительство нефтеперегонного завода на сумму 50 тыс. зол. руб.⁴²

Реализация подобного плана упиралась в ряд местных особенностей. Нужно было пересматривать традиционные политэкономические догмы в сторону экономического прагматизма, делать ставку на частно-государственное партнерство и защиту частной собственности от произвола чиновников⁴³. В одном

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 1088. Л. 57.

⁴¹ В стране до денежной реформы существовало две неконвертируемые денежные единицы — «урумчинский лан» и «кашгарский сар», с 1 февраля 1939 г. был введен синьцзянский доллар, приравненный к китайскому доллару. Программа денежной реформы была изложена в специальной записке. См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 1494. Л. 32.

⁴² Там же. Л. 29 об.

⁴³ «Решение Правительства о предоставлении Синьцзянскому Провинц. Правительству долгосрочной товарной ссуды имело огромное политическое значение в смысле укрепления доверия и авторитета правительства среди местного купечества, — писал А.С. Сванидзе. — Однако реализация займа силами одного только Провинциального Правительства представляет непреодолимые препятствия. Никаких госпредприятий ни существующее, ни какое-либо из прежде существовавших провинциальных правительств никогда не имело. Государственный аппарат, за исключением ближайшего окружения дубаня, состоит из казнокрадов и взяточников. При этих условиях использовать промышленное оборудование в рациональном виде провинциальное правительство не сумеет. По н/мнению провинц. правительство не в состоянии эксплуатировать предприятия, сданные ему в готовом виде. В доказательство можно привести следующие факты:

а) до сих пор, как правило, сборище прямых налогов и таможенных сборов сдается на откуп частным лицам;

из протоколов заседания Синьцзянской комиссии было решено рекомендовать провинциальному правительству «немедленно принять реальные меры к укреплению частной собственности в Синьцзяне и налагать строгие наказания за покушения против нее»⁴⁴.

В горной промышленности реформы и экономическая помощь заключались в следующем. Был разработан проект закона о недрах, в соответствии с которым они считались национализированными и должны были разрабатываться государством или частными предпринимателями на основе разрешительного свидетельства с указанием проектной мощности предприятия. От мощности зависела стоимость разрешительного свидетельства. Кроме этого, предусматривался попутный сбор, который варьировался в зависимости от вида полезного ископаемого⁴⁵.

В части советской помощи по каждому виду полезных ископаемых должен был заключаться отдельный договор. За образец мог быть взят проект договора по разведке и разработке олова, составленный в Урумчи в сентябре 1934 г. Первоначально планировалось, что ВО «Совсиньторг» направляет в Синьцзян инженерно-технических работников и оборудование для промышленной разведки, а синьцзянское правительство организует специальное рудоуправление. Выполнение технических проектов и работа советского персонала должны были также регулироваться отдельными соглашениями. Содержание советников, стоимость оборудования и материалов должны были погашаться за счет советской ссуды и натуральными поставками добываемого олова. Важный момент — стоимость поставляемой руды. Ни о каком «империалистическом грабеже» речи не шло. Стоимость олова должна была исчисляться себестоимостью добычи и начислением некоторого процента, установленного особым соглашением⁴⁶. Думается, что подобная схема была одобрена для всех горных предприятий в качестве базовой и должна была уточняться в ходе реализации проектов.

Рекомендации комиссии Сванидзе с учетом замечаний Синьцзянской комиссии были утверждены 23 марта 1935 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б). Ссуда выдавалась золотыми рублями, но 1 июля 1936 г., ввиду слабости местной валюты, она была пересчитана в американские доллары по курсу 1 ам. долл. = 1,1516 зол. руб.⁴⁷ К 1 июля 1936 г. в рамках договора от 16 мая 1935 г. Советским Союзом и Синьцзяном был заключен 31 договор на 3,43 млн зол. руб., или 3 млн долл. США⁴⁸.

б) система каризов (подземных колодцев), доставшаяся правительству в результате гражданской войны, заваливалась и пришла в короткий срок в негодность.

в) табуны лошадей, принадлежащие правительству, пропадают от бескормицы и недостаточного присмотра.

При этих условиях представляется неизбежным, что заем нужно реализовать через купцов, но под гарантию правительства. В Урумчи уже организован промышленный комитет, куда входят крупные купцы. Кроме того, там же организовано до 14 паевых товариществ, уже сделавших официальные заявки на разные предприятия»: Там же. Л. 16–17.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 1937. Л. 29.

⁴⁵ Там же. Д. 1494. Л. 97.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 726. Л. 24–25.

⁴⁷ Там же. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 4924. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Л. 9.

На ближайшее пятилетие программа, разработанная советскими экспертами совместно с Синьцзянским правительством, стала основным документом, определившим ход социально-экономических реформ в Синьцзяне. Их детальный анализ выходит за рамки данной статьи.

По воле «Хозяина». Старт нефтяного проекта в Синьцзяне

В советской программе экономической помощи Синьцзяну, разработанной в 1934–1935 гг., проекта по разведке нефти не было. СССР был остро заинтересован лишь в импорте цветных металлов, особенно олова и золота. Не случайно в постановлении СНК СССР от 23 июля 1934 г. «О взаимоотношениях с Синьцзяном» в перечень товаров, которыми Синьцзян должен был возмещать ссуду, эти металлы вошли наряду с традиционными аграрными товарами⁴⁹. О поисках нефти силами советских геологов просили, прежде всего, сами китайцы, но в 1933 г. из-за обострения внутривосточной ситуации в Синьцзяне по рекомендации НКВД СССР готовившаяся геологическая экспедиция была переориентирована на исследование приграничных с Китаем территорий Казахстана и Киргизии⁵⁰. Когда положение более-менее нормализовалось, к этому вопросу вернулись.

14 апреля 1934 г. советский консул в Урумчи Г.А. Апресов направил членам Политбюро ЦК ВКП(б) телеграмму: «Ископаемые богатства Синьцзяна сказочны, незначительная доля их разработок превратит Синьцзян из нищей, разоренной в богатую, цветущую страну. Стратегические интересы, не говоря уже о хозяйственных, диктуют дело разработки богатств не выпускать из рук. Дубань настойчиво просит о присылке геологической экспедиции, если не в большом составе, то хотя бы несколько специалистов по гелию, нефти, платине, золоту, серебру, меди, железу и ртути»⁵¹.

7 ноября 1934 г. тот же Апресов писал Сталину: «Без Вашего, хотя бы периодического, внимания будет трудно продвигать Синь-Цзянские дела. Чтобы мы для Синь-Цзяна не делали — оправдывается его значением для нас, ибо Синь-Цзян, помимо его основного политико-стратегического значения, является богатейшим районом и может стать для нас сырьевой и мясной базой. Разработка неисчерпаемых сказочных богатств сулит Синь-Цзяну богатейшую перспективу. В случае нужды, углем и нефтью Синь-Цзяна мы сумели бы покрыть потребности не только Турксиба, но и Средне-Азиатских республик и Западной Сибири. В Синь-Цзяне известны 25 районов, где имеется золото. Разработка олова, радиевых и прочих ценных и редких нужных нам руд, вернут

⁴⁹ «Поручить комиссии т. Сванидзе, — говорилось в постановлении, — обратить особое внимание на вопрос о разработках олова, договорившись с синьцзянским правительством о соглашении по поводу этих разработок, в котором мы возьмем на себя техническое содействие, а синьцзянское правительство — обязательство поставлять нам олово. Равно считать необходимым оказать содействие синьцзянскому правительству в деле разработки запасов золота»: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1088. Л. 52, 57.

⁵⁰ Евдошенко Ю.В. Нефть Синьцзяна: О зарождении советско-китайского сотрудничества. С. 109.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 213. Л. 80.

те вложения, которые нами намечаются, и оправдают ту помощь, которую мы оказываем Синь-Цзянскому Правительству»⁵².

В ходе поездки делегации А.С. Сванидзе стало ясно, что геологическую экспедицию нужно посылать, поскольку развитие горной промышленности должно было стать не только важной частью новой синьцзянской экономики, но и обеспечить торговый баланс и покрытие советской ссуды, а альтернатива в виде геологов третьих стран никого в СССР не устраивала. Тут же началась подготовка. А.С. Сванидзе направили из Москвы запрос о характеристике залежей и имеющихся приисков золота или цветных металлов; о нефти речи не велось⁵³. Параллельно собиралась вся имеющаяся литература по геологии Синьцзяна, анализировались данные, полученные в присиньцзянских районах, свидетельствовавшие о благоприятных перспективах открытия нефтяных месторождений в провинции.

Исходя из задачи быстро изучить и разведать месторождения полезных ископаемых на территории, не имеющей качественных топографических и геологических карт, геологи планировали послать в Синьцзян более 20 комплексных геолого-поисковых партий, обеспеченных всем необходимым оборудованием, вплоть до легких буровых станков. Они должны были выделить наиболее перспективные районы по группам ископаемых и в дальнейшем сосредоточить работу на них. Не менее пяти партий должны были искать нефть⁵⁴. Для проведения топографической съемки и триангуляции в партии включались военные топографы.

Однако, реальность была такова, что средств для широкой «геологической экспансии» попросту не имелось, а потому Экспедиция особого назначения (ЭОН) была сформирована при Главникольово НКТП СССР с ограниченной задачей — поиска месторождений олова и золота, в составе не 22, а всего 10 партий (8 поисковых, 1 разведочная и 1 топографическая), на что в течение трех лет планировалось потратить 10 млн руб.

Назревал конфликт вокруг организации поисковых работ на нефть. Одной его стороной являлись генеральный консул СССР в г. Урумчи Г.А. Аapresов и начальник ЭОН Д.Е. Перкин. «Пользуясь случаем, считаю своим долгом особо обратить Ваше внимание на исключительную медлительность в выполнении решений П.Б. [Политбюро ЦК ВКП(б)] по хозяйственным вопросам, — жаловался Аapresов Сталину. — Если внимание к Синь-Цзяну со стороны хозяйственных ведомств будет и впредь таким, каким оно было до сих пор, и не будет коренным образом перестроена их работа (в духе предложений комиссии тов. Сванидзе, разработанных вместе с нами в Урумчи), то может случиться, что наши политические успехи не только не будут закреплены, но и будут сведены на нет»⁵⁵. Под «хозяйственными ведомствами» прежде всего имелся в виду Наркомат тяжелой промышленности и его руководитель Г.К. Орджоникидзе.

16 февраля 1935 г. Перкин направил Орджоникидзе обстоятельную записку «Об угольных и нефтяных месторождениях Синь-Дзяня». В сопроводительном

⁵² Там же. Д. 323. Л. 30.

⁵³ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 2. Л. 334–335.

⁵⁴ Там же. Л. 320.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 31.

Априсов Г.А. (1890–1941) — советский генконсул в г. Урумчи в 1933–1937 гг.

Перкин Д.Е. (1899–1938) — начальник Экспедиции особого назначения Главникельолово НКТП СССР в 1935–1937 гг.

письме он концентрировался на стратегическом и геополитическом значении нефти и угля в Синьцзяне, настаивая на включении этих ископаемых в перечень работ своей экспедиции. «Можно смело сказать, что в ряде районов без особо детальных разведок имеется возможность закладывать эксплуатационные скважины на нефть», — писал Перкин, обещая результат в короткий срок и малыми затратами⁵⁶. Но в Наркомтяжпроме не было денег даже на «усеченную» экспедицию. «Наркомат не имеет возможности выделить из своих кредитов, — писал Орджоникидзе председателю СНК СССР В.М. Молотову в апреле 1935 г., перед самой отправкой экспедиции, — и поэтому просит Вашего распоряжения об отпуске на работу Экспедиции из резервного фонда СНК — 2 000 тысяч рублей, в том числе 88 тысяч рублей в валюте»⁵⁷. Деньги Наркомфин выделили лишь 7 июня, за десять дней до отъезда ЭОН, что говорит о месте данного начинания в кругу других важных и санкционированных «сверху» проектов⁵⁸. Как видно из письма Орджоникидзе, доводы Перкина на него не подействовали. Нефть не стала целевым ископаемым ЭОН, войдя в перечень второстепенных объектов, на которые следовало лишь обращать внимание при осмотре территорий.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 6884. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1089. Л. 26.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

До конца сентября Перкин требовал у начальников партий сведений об олове и золоте⁵⁹, тем не менее, 5 сентября в своем предварительном отчете указал несколько районов, где ЭОН зафиксировала положительные признаки нефтеносности. Так, в отношении месторождения Тушанцзы он писал, что по своим масштабам оно в состоянии «полностью покрыть потребности Синь-Цзяна в нефти. В отношении этого месторождения считаем необходимым рекомендовать постановку разведочного бурения для подсчета запасов»⁶⁰. Но на этом докладе заместитель наркома тяжелой промышленности Г.Л. Пятакова поставил резолюцию: «Надо все данные сообщить соответствующим Начальникам [отраслевых] Главков, наметить дальнейший план работ, все же основной упор на олово (выделено Пятаковым. — Ю.Е.)»⁶¹.

Тогда еще никто не знал, что Апресов, находившийся в отпуске, накануне встретился со Сталиным. Этот чекист-дипломат был на взлете карьеры, за работу в Урумчи его вот-вот должны были наградить орденом Ленина, и в ходе беседы с вождем он сумел перевести вопрос о поисках нефти «в другую плоскость». «Апресов отдыхал там, где был и И.В. (Хозяин), — сообщал Перкин своим сотрудникам. — Апресов вел с ним беседу и в частности о нефти. Он сказал, что нефть надо разрабатывать в Синь-Цзяне и вывозить в Союз. Дана уже директива об организации специального акционерного общества, поэтому Апресов теперь напирает на меня, чтобы я давал ему ответ по нефти. Мы с ним сговорились, что пока что ставим бурение»⁶².

Действительно, 4 сентября 1935 г. Сталин писал Кагановичу и Молотову в Москву: «Виделся с Апресовым <...> можем ли под фирмой Синьцзянского правительства помочь разработать нефтеносные участки поблизости от наших границ». При этом он рекомендовал принять положительное решение. 11 сентября ему доложили о выполнении его рекомендаций⁶³. В тот же день Политбюро приняло постановление № П33/113: «предрешить разработку нефти вблизи нашей границы под фирмой синьцзянского правительства»; «поручить НКТП, после приезда геологической экспедиции из Синьцзяна, внести совместно с НКИД проект конкретных предложений»⁶⁴.

Наиболее благоприятным для быстрой организации нефтедобычи было признано месторождение у горы Тушанцзы, находившееся на полпути из Урумчи в приграничную Кульджу на северном склоне Восточного Тянь-Шаня, в 9 километрах от тракта, у уездного города Шихо. Там уже велась кустарная добыча нефти из неглубоких шахт. Осмотрев площадку 24 июля 1935 г., руководитель партии Ю.М. Шейнманн докладывал Перкину: «Собрал кое-какие сведения о нефти во всем районе. Если нюх не обманывает, результаты будут интересными. Если так же у других, будет, чем порадовать Ив. Мих. [Губкина] <...> Боюсь Sn [олово] не привезу. Au [серебро] и нефть будут»⁶⁵. Однако план работы

⁵⁹ Там же. Д. 42. Л. 30.

⁶⁰ Там же. Д. 3. Л. 76.

⁶¹ Там же. Л. 51.

⁶² РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 42. Л. 37.

⁶³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 550, 562.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 24. Л. 52.

⁶⁵ Там же. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 42. Л. 167.

ориентировал партию на решение других поисковых задач. Лишь 11 ноября 1935 г. Перкин издал распоряжение: «т.т. Шейнман и Ложечкину сосредоточить свою работу на изучении мезозойских структур, наиболее благоприятных в отношении нефтеносности» и «т. Саидова, по выполнении общего плана партии, закрепляю в качестве руководителя нефтяных разведок в районе Шихо»⁶⁶. Детальная съемка Тушанцзы и изучение полосы нефтепроявлений вдоль северного склона Тянь-Шаня были непростым делом. В декабре 1935 г. М.Н. Саидов писал Перкину: «Вообще говоря очень много ненормальностей в нашей работе. Проработать в таком сложном районе (в тектоническом отношении), как р-н Тушандзы, всего лишь 4 дня и еще в зимних условиях, когда больше половины площади была под снегом, не обработать собранный материал, не иметь разреза нефтесодержащих пород, не иметь геологического отчета по району и задавать точку для скважины[?!]»⁶⁷.

Результаты поисков 1935 г. были признаны благоприятными как в отношении олова, так и нефти. Поддержанный Сталиным Аapresов уже поставил амбициозную задачу — к третьей годовщине «Апрельской революции» (так назывался государственный переворот Шен Шицая), т.е. к 12 апреля 1936 г., получить первую нефть⁶⁸. Непонимание нереальности такого задания говорило, прежде всего, об уровне компетентности генконсула в данном вопросе. Тем не менее, ободренный Перкин начал подготовку к следующему сезону. «Все время езжу по приемным», — сообщал он сотрудникам экспедиции 19 декабря 1935 г. Его собеседниками были заместители наркомов НКВД, НКВД СССР, руководители отраслевых главков НКТП. Его доклады сопровождалась демонстрацией фильма (в составе ЭОН работала киногруппа) и производили большое впечатление. «Составил план работы, согласовав его со всеми, — писал он. — План получился большой, надо затратить в 1936 г. 270 тыс. золотом и 5 млн с лишним в советских знаках»⁶⁹.

«Нефтяная» часть программы ЭОН на 1936-й год включала два этапа. Первый — организация нефтепромысла на месторождении Тушанцзы для обеспечения первичных нужд Синьцзяна в нефтепродуктах и подготовки национальных кадров нефтяников. На это предлагалось тратить в 1936 г. средства советской ссуды — 30 тыс. зол. руб. и 294 тыс. руб. Второй этап плана заключался в организации поисково-разведочных работ в приграничных Чугучакском и Кульджинском районах, которые должны были дать экспортную нефть для ее вывоза в СССР. На это предлагалось выделить 16 тыс. зол. руб. и 249,6 тыс. руб. из советского бюджета⁷⁰. Дело оставалось за малым — получить одобрение в Наркомтяжпроме СССР, поскольку никто из собеседников Перкина не имел

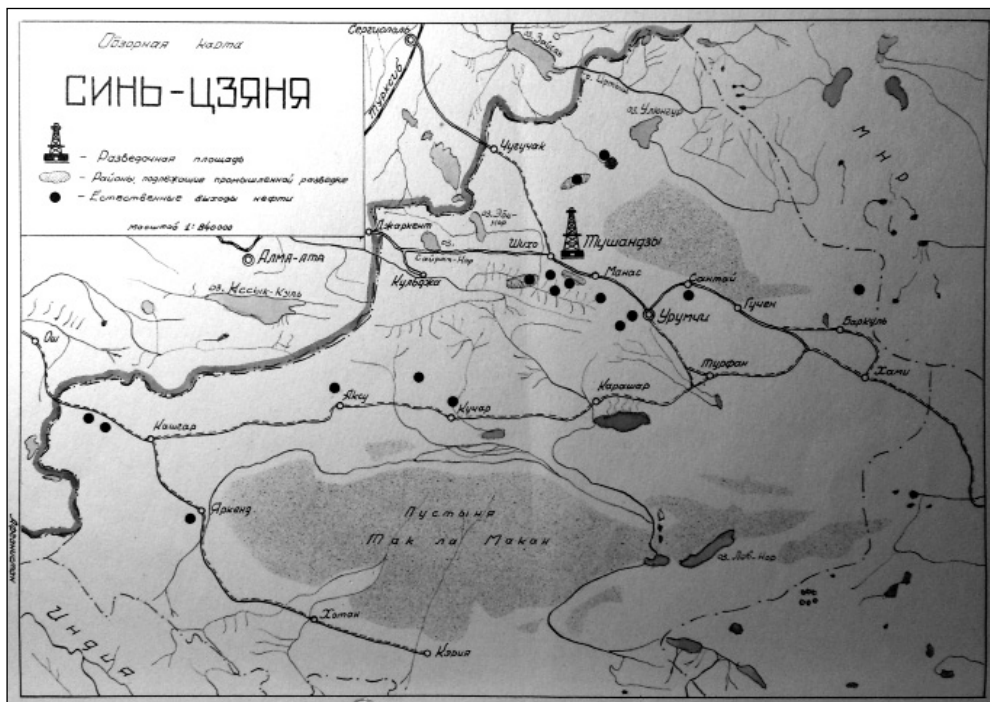
⁶⁶ Там же. Д. 89. Л. 89 об.

⁶⁷ Там же. Д. 41. Л. 185–185 об.

⁶⁸ Там же. Д. 42. Л. 123. Из письма руководителя нефтепромысла Б.Я. Рамзеса Д.Е. Перкину, 29 января 1936 г.: «Был у Аapresова. Его очень беспокоит, что задерживается развертывание работ в Шихо. Я его заверил, что мы все возможное сделаем, коль скоро Москва даст деньги. Он сослался на решения прошлого года в инстанциях Вам известных и на его личную беседу с хозяином, который одобрил нам сроки и перспективы работ по Шихо. Вышинский просил его, чтоб он об этом написал и напомнил, кому следует. Он обещал»: Там же. Л. 20 об.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 42. Л. 55.

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 198. Л. 34–40.

Обзорная карта-схема Синьцзяна с указанием перспективных районов на нефть, 1940 г. (месторождение Тушанцзы — левый красный овал, правый — месторождение Янцзыхай; РГАЭ)

отношения к выделению ресурсов⁷¹. «По существу же мои предложения они не рассматривали, так как считали неудобным обсуждать их, поскольку Серго не выслушал моего доклада», — комментировал Перкин свои встречи с чиновниками различных ведомств⁷².

Ждать аудиенции наркома тяжелой промышленности пришлось более полутора месяцев. «Орджоникидзе внимательно меня выслушал в отношении результатов работы, — писал Перкин, — отметил чрезвычайно интересные результаты и выводы <...> он меня неоднократно допрашивал — какое значение все эти открытия имеют для нас, причем почему-то особо обращал

⁷¹ Тов. Стомоняков мне заявил, что Наркоминдел по вопросу финансирования Экспедиции не имеет никакого отношения, так как постановлением П.Б. организация и проведение Экспедиции возложены на Наркомтяжпром, и, следовательно, все вопросы финансового положения Экспедиции принадлежат на сегодня только к компетенции НКТП. Как Вы знаете, тов. Орджоникидзе, при моем докладе ему о работе Экспедиции, дал мне указание работы не сверять. В связи с отсутствием финансирования, положение в Экспедиции катастрофическое, грозящее политическими осложнениями. Не уплачена зарплата не только советским, но и китайским подданным — служащим Экспедиции; имеется задолженность перед китайскими организациями», — писал Перкин заместителю наркома тяжелой промышленности Пятакову в феврале 1936 г. См.: РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 2. Л. 18а.

⁷² Там же. Д. 42. Л. 62 об.

внимание на нефтяные вопросы как могущие вызвать международные осложнения»⁷³.

Действительно, решение об организации добычи нефти, принятое по предложению Сталина, имело много нюансов, прежде всего дипломатических. Но для Орджоникидзе были важны экономические: средств катастрофически не хватало внутри страны. «Огромные возражения встречают вопросы ассигнования на строительство как золотых приисков, так и нефтяных предприятий, — жаловался Перкин. — Возражения идут, главным образом, по линии того, откуда взять деньги <...> Хотя никто, с кем бы я ни говорил, не возражает против основного, что строительство нефтепромысла и золотых приисков надо осуществить своими силами и средствами за счет кредитов, что ожидать притока местных средств нельзя. Сейчас финансисты думают, как выйти из этого положения»⁷⁴.

13 января 1936 г. начальник Главникельолово В.А. Языков, непосредственный начальник Перкина, передал последнему резолюцию наркома: «Составьте на имя т. Сталина за подписью т. Серго короткую записку о фактических результатах работ в экспедиции. Укажите, какие [средства], в случае при продолжении работ, необходимы. В записке просите указать: продолжать работу или нет»⁷⁵.

Ситуация в начале 1936 г. была сложной, поскольку, подстегиваемый Апре-совым, Перкин в конце 1935 г. дал распоряжение приступить к подготовке работ на площади Тушанцзы, вероятно, без санкции «своего» наркома. Подготовка велась не только советской стороной. Руководивший работами геолог Саидов сообщал Перкину 21 декабря 1935 г.: «6 декабря я был на приеме у дубаня, на котором я кратко изложил результаты наших работ и что необходимо для начала буровых работ. Дубань предложил Транспорт[ому] Управ[лению] обеспечить промысел всем необходимым материалом и оборудованием, а меня просил составить проект разведки района и представить в Транспорт. Управление для утверждения <...> Транспортному Управлению я дал список всего необходимого материала и оборудования, и они обещали достать все это к 23 декабря 1935 г.»⁷⁶. 31 декабря в Синьцзян были направлены два вагона с буровым оборудованием на сумму 270 тыс. руб. Маховик работ раскручивался в ожидании всеобъемлющего финансирования. Но в феврале 1936 г. Перкин был вынужден писать назначенному руководителем работ Б.Я. Рамзесу: «Вопросы с оформлением работ 1936 года затянулись. Сейчас положение таково, что ответ на поставленные мною вопросы будет либо неожиданно срочный, либо довольно сильно затянется, поэтому я ориентируюсь на последнее, на худшее, на то, что ответ мы получим слишком поздно. В силу этих обстоятельств Вам надо будет провести самую жесточайшую и строжайшую экономию. Никаких работ по заготовке оборудования и материалов, если это требует каких-либо средств со стороны Экспедиции, не производить до тех пор, пока вопросы о работе 1936 года не будут разрешены и пока я Вам не дам телеграммы, подкрепленной переводом»⁷⁷.

⁷³ Там же. Л. 62 об. — 61.

⁷⁴ Там же. Л. 55.

⁷⁵ Там же. Д. 2. Л. 34.

⁷⁶ Там же. Д. 41. Л. 186.

⁷⁷ Там же. Д. 42. Л. 66.

7 марта 1936 г., когда нужно было интенсивно готовиться к следующему полевому сезону, Перкин писал Апресову: «Серго предложил мне оставить ему все материалы, для того, чтобы он имел возможность более подробно с ними ознакомиться. В результате он дал указание тов. Пятакову подготовить специальную докладную записку Сталину о работе Экспедиции. Причем категорически указал закончить записку только вопросами к Сталину — продолжать или не продолжать работы Экспедиции (выделено Перкиным. — Ю.Е.) и отказался со своей стороны от каких-либо конкретных предложений, перенеся разрешение этого вопроса на компетенцию Хозяина <...> Моя записка без изменений была подписана Пятаковым, Серго был болен. Таким образом, к Сталину пошла докладная записка, которая характеризует огромные богатства Синь-Цзяна и в отношении редких элементов, нефти и золота»⁷⁸.

Записка была послана Сталину 15 января 1935 г., но и на 7 марта от него еще не поступило внятного ответа. «Как я указывал в наших экспедиционных делах, как Пятаков, так и Орджоникидзе не проявляют достаточной заинтересованности, — извещал Перкин Апресова. — Доказательством этого является резолюция Орджоникидзе на моем письме ему о катастрофическом финансовом положении Экспедиции, Орджоникидзе написал Пятакову: “Прошу Вас срочно связаться со Стомоняковым, чтобы они дали Экспедиции денег”. Выходит, что Наркомтяжпром будет добросовестным техническим исполнителем решений и не больше»⁷⁹.

Конкретного ответа Сталина Орджоникидзе мы пока не знаем, вероятно, был найден компромисс. Позже Перкин писал, что Орджоникидзе утвердил его план в январе 1936 г. и на основании этого было заказано оборудование для будущего нефтепромысла⁸⁰. По факту, была одобрена лишь первая часть плана — освоение месторождения Тушанцзы, никаких дополнительных поисковых работ на нефть в Синьцзяне в 1936 г. не предполагалось. Советский Союз отказывался от отдельного «экспортного» нефтепромысла. Вышедшее 19 марта 1936 г. постановление СНК СССР № 526/80сс предписывало: «Продолжить в 1936 году работу геологической экспедиции особого назначения НКТП в Синьцзяне исключительно в части разведок олова, вольфрама и молибдена». ЭОН выделялось не пять, не четыре, а два миллиона рублей и 75 тыс. руб. золотом⁸¹. Средства на организацию промысла предполагалось взять из нового кредита экспедиции, а затем получить их назад у китайцев после передачи им созданного нефтепромысла. Во всяком случае, именно так интерпретировал беседу с Орджоникидзе Перкин.

8 мая 1936 г. он сообщал Апресову о своих неудачах, сваливая все на «нерешительность» Стомонякова и «пассивность» Орджоникидзе и Пятакова. «С огромным напряжением и трудностями мне удалось добиться минимальной программы, дающей нам с Вами возможность, в некоторой степени, все же осуществить намеченные планы, — писал он. — <...> Вы знаете, что из программ

⁷⁸ Там же. Л. 73 об.

⁷⁹ Там же. Л. 71.

⁸⁰ Там же. Д. 128. Л. 122.

⁸¹ Там же. Д. 14. Л. 10.

работ самой экспедиции нефтяные дела исключены, поэтому единственный путь, который мне кажется совершенно конкретным — это организация при Комиссариате Земледелия и Горных богатств — горное геологическое бюро [так!], которое должно взять на себя организацию разведки Шихинской нефти. В состав этого Геологического Бюро формально я передам Китайскому Правительству инженера Рамзеса и, кроме того, трех буровых работников <...> Китайское Правительство должно выделить наиболее способных, хорошо знающих русский язык работников, из которых мы подготовили бы квалифицированных рабочих по бурению. Средства на производство этих работ (в частном письме это можно писать) у меня уже есть. Таким образом, нефтяное бурение мы с Вами поставить можем. Просьба к Вам, если Вы согласны со мною, еще раз вполне энергично поднажать на Стомонякова и Пятакова, чтобы этих работников получить»⁸².

1 августа 1936 г. было издано постановление правительства Синьцзяна о начале строительства нефтепромысла Тушанцзы, для чего предусматривалось взять 111 тыс. долл. США (строительство и закупка оборудования) в счет советской ссуды. Местный Дорстрой должен был проложить дорогу от тракта к месторождению. Начальником промысла был назначен китаец Тай Жембо, общее руководство возложено на Транспортное управление («гараж») штаба дубаня, которое должно было стать основным потребителем топлива. В течение года на голом месте был построен поселок, завезено оборудование, начато бурение скважин и даже получена первая нефть, правда, в незначительном количестве. Кроме того, существовавший в Янцзыхае нефтеперегонный куб был демонтирован, его дополнили двумя кубами и в таком виде стали монтировать рядом с нефтяным поселком. На промысле работал советский главный инженер и три буровых мастера, велось обучение местных рабочих⁸³. «Растет пролетариат, первый синьцзянский пролетариат первого индустр. предприятия — 150 чел. рабочих, — сообщал Рамзес Перкину. — Бытовые условия не хуже, чем на многих предприятиях у нас <...> Вообще жизнь идет, жить стало веселее. В Шихо я

⁸² Там же. Д. 42. Л. 80–79.

⁸³ Об этом см.: *Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна: Экспедиция особого назначения Наркомтяжпрома СССР и организация разведочных работ на нефть в Северо-Западном Китае, 1935–1937 гг. // Нефтяное хозяйство. 2019. № 1. С. 114–118. О положении на промысле и разделе полномочий говорит следующий отрывок из рапорта инженера Б.Я. Рамзеса Г.А. Апресову от 15 ноября 1936 г.: «Назначенный г-ном Дубанем директор промысла г-н Тай, весьма честный и преданный работник Синь-Цзянского правительства, не имеет никаких административных навыков. Проявляя полную индифферентность к темпам строительства и технической стороне дела, он опасается нести ответственность за расходование средств и за осуществляемое строительство. Конфликты среди рабочих, конфликты с подрядчиками и т.д. г-н Тай не разрешает и тем самым очень осложняет работу. Чтобы не останавливать работу в виду наступающей зимы и обеспечить буровые работы в зимнее время, я вынужден был заняться административно-финансовыми вопросами промысла. Однако, такое положение нетерпимо. Оно наносит ущерб технической стороне дела и может привести к ошибкам политического характера. В связи с этим я, будучи в сентябре м-це в Урумчи, ставил вопрос о необходимости замены г-на Тая хорошим администратором <...> Ввиду изложенного, прошу Вас принять самые срочные меры к разрешению затронутого вопроса. Я считал бы г-на Го (н-ка Транспортного управления) или г-на Суна (Уездного н-ка г. Шихо) подходящей кандидатурой. Вторая кандидатура особенно приемлема, так как его знакомство с Шихинским районом (население, экономика) представляет значительное преимущество»: РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 125. Л. 5.

тоже не сплю. В городе замощены улицы, электроосвещение устроено по всему городу, открываем баню, гостиницу, столовую, медпункт и т.д. Увлекаясь несколько, скажу, что Шихо будет “мировым” городом»⁸⁴.

1936-й год завершился продажей первых тонн добытой нефти местному Дорстрою и решением советского правительства с 1 января 1937 г. передать нефтепромысел «Тушанцзы» полностью под управление синьцзянского правительства. Ему передавалось советское имущество, советские служащие переходили к нему на службу и получали жалование от него. Местное правительство финансировало этот проект в 1936–1938 гг.⁸⁵, незначительная добыча шла на удовлетворение местных нужд. Советские геологи в Синьцзяне сосредоточились лишь на поисках цветных металлов.

Маленькая нефть в большой геополитике

Новый этап истории синьцзянской нефти и советско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере начался 9 октября 1937 г., когда заместитель наркома тяжелой промышленности А.П. Завенягин по поручению наркома Л.М. Кагановича подписал приказ № 155с: «Главнефти обеспечить окончание разведки и организовать эксплуатацию месторождения Тушандзы»⁸⁶. К такому решению подталкивали политические события в Китае.

В апреле 1937 г. на юге Синьцзяна вспыхнуло очередное восстание. Не имея сил для самостоятельной борьбы с повстанцами, дубань Шен Шицай обратился за помощью к советскому правительству. В июле 1937 г. в район восстания были переброшены несколько полков НКВД и РККА с артиллерией и бронемашинами с авиагруппой поддержки численностью до 25 самолетов. В течение лета и осени в Синьцзяне шли бои⁸⁷, которые, впрочем, район нефтепромысла не затрагивали. В то же время в провинции начались чистки, очень похожие на советские — было найдено множество «японских шпионов» и «троцкистов»⁸⁸.

Восстание и чистки явились трагичными, но все-таки локальными событиями с прогнозируемым исходом. Хуже было другое — 7 июля 1937 г. началась полномасштабная японо-китайская война, которая грозила существованию Китая. Эта угроза предопределила сближение СССР и Китайской республики. 21 августа между двумя странами был подписан договор о ненападении, который стал юридической базой для оказания военно-технической и экономической помощи со стороны Советского Союза⁸⁹.

⁸⁴ Там же. Д. 41. Л. 29 об. — 28.

⁸⁵ «На 15 декабря промысел получил 83 миллиона ур. лан (примерно 21 тысячу ам. доллар из общего ассигнования в 68 тыс. ам. долларов). На 15 декабря израсходовано 17,5 тыс. ам. долларов, — писал Б.Я. Рамзес. — Кроме того, промысел получил буровое оборудование, автотранспорт и друг. от бывш. Геологической Экспедиции. Это оборудование слано мною по актам директору промысла»: Там же. Д. 125. Л. 8.

⁸⁶ Там же. Д. 202. Л. 13.

⁸⁷ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. С. 159–160.

⁸⁸ Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики. С. 80.

⁸⁹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. XX. 1 января — 31 декабря 1937 г. М.: Политиздат, 1976.

Обращение Китая к СССР за помощью было вынужденным, как и вообще сближение с большевиками. В 1929 г. китайское правительство разорвало отношения с СССР и ревниво относилось к его контактам с Синьцзяном, так же, как и связям ВКП(б) и КПК. Однако выбор у Китая в условиях начавшейся войны был невелик, а средства — ограничены. Китайские дипломаты ездили по мировым столицам, пытаясь добиться государственных или частных кредитов. Потенциальные инвесторы, оценивая риски в начале японо-китайской войны, не спешили в Китай, считая его правительство некредитоспособным и непрочным. Так, англичане гарантии под государственный кредит не давали, а предложили создать консорциум кредиторов из частных фирм под залог поставок китайского вольфрама и сурьмы⁹⁰. Уклончивым был и ответ американцев: их посол в Париже У. Буллит заявил, что «у правительства Соединенных Штатов нет средств, которые могли бы быть использованы на эти цели, и что представляется маловероятным, чтобы частные банкиры заинтересовались этим»⁹¹.

Действительно, организация военно-технической помощи Китаю остро ставила вопрос о возмещении расходов, если не валютой, то хотя бы полезными ископаемыми. «Д-р Цзян утверждал, — писал Буллит госсекретарю США Г. Хэллу о встрече с китайским дипломатом Цзян Тинфу, — что, с одной стороны, Советский Союз в гораздо большей степени щедр в своей поддержке Китая поставками, чем он ожидал. Россия сначала потребовала от Китая золото в уплату за поставки, но когда китайцы настояли на том, что не могут платить золотом, русские согласились снабжать их всем возможным в кредит. Единственные платежи, которые русские получают из Китая, это платежи в виде поставок сурьмы и других минералов. Они вывозятся в СССР на грузовых автомашинах, которые доставляют в Китай военные грузы»⁹².

17 октября 1937 г. со ст. Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги ушел первый караван автомашин с военными грузами для Центрального Китая. Американские дипломаты сообщали в Вашингтон: «Сухопутный маршрут из Алма-Аты в Советском Туркестане до Урумчи в Синьцзяне и затем в Ланьчжоу, Сиань и Чунцин представляет собой ныне полностью проходимое шоссе, однако лучшим грузовикам в лучших условиях, без задержек и поломок, требуется 18 дней, чтобы покрыть путь от русской границы до Чунцина. Это крайне затрудняет проблему снабжения Китая горючим. Китайцы организовали кара-

⁹⁰ «Саймон как министр финансов заявил Суню [Сунь Фо — председатель Законодательного юаня (совета) Китайской республики. — Ю.Е.], — сообщал советский полпред в Великобритании И.М. Майский о ходе британо-китайских переговоров, — что получить 20 млн фунтов в порядке займа в Сити невозможно. Нужна правительственная гарантия, а такую гарантию английское правительство дать не может, так как будто бы провести гарантию через парламент (без чего немислима гарантия) было бы трудно. Поэтому Лейт-Россу [главный экономический советник правительства Великобритании. — Ю.Е.] сегодня поручено разработать проект такого рода: крупные английские промышленные, химические и другие фирмы, потребляющие вольфрам и антимоний, составляют концерн для монопольного получения из Китая этих продуктов и предоставляют китайскому правительству под будущие поставки названных продуктов денежные авансы»: Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945. Кн. 1: 1937–1944 (Далее — РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли. 2000. С. 229

⁹¹ РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 242.

⁹² Там же. С. 188.

ваны верблюдов, которые доставляют горючее, необходимое для обеспечения самого автотранспорта»⁹³. Так заработала «трасса Z», по которой в течение нескольких лет перевозились грузы для сражающегося Китая⁹⁴. Трасса проходила в 9 км от нефтепромысла Тушанцзы, и если до начала войны синьцзянские нефтепродукты имели значение лишь для самой провинции, то теперь они должны были обеспечить обороноспособность всей страны. Спрос на них как в Китае, так и в Синьцзяне значительно вырос. «В Урумчи и его окрестностях мне доводилось видеть бесконечные караваны верблюдов, перевозивших в западных жестяных банках авиационный бензин из Советского Союза в Ланьчжоу, колонны советских грузовых машин, которые везли в Китай столь необходимые ему для продолжения сопротивления Японии грузы», — вспоминал советский дипломат С.Л. Тихвинский, побывавший в Урумчи в 1940 г.⁹⁵

В самом начале японо-китайской войны Советский Союз оказался единственной страной, заинтересованной в поддержке Китайской республики. Остальной мир наблюдал за развитием событий и в зависимости от этого готовился делать ставки в пользу либо Чан Кайши, либо японцев. Лишь с 1939 г. помощь западных держав Китаю активизировалась, ее материальным обеспечением кроме традиционных китайских товаров выступали полезные ископаемые⁹⁶. Однако, с мая 1942 по январь 1945 г. альтернативный сухопутный путь в Китай из Бирмы, по которому союзники могли снабжать китайцев, был заблокирован.

1 ноября 1937 г. представитель Чан Кайши маршал Ян Цзэ на встрече с наркомом обороны СССР К.Е. Ворошиловым поднял вопрос об оказании Советским Союзом Китаю технической и экономической помощи. «Наша страна богата, — сказал он. — У нас много рабочей силы и сырья, но у нас нет техники и кадров. Мы просим оказать нам техническую помощь. Пошлите в нашу страну ваших специалистов, технических инструкторов, пошлите ваши станки и машины»⁹⁷.

11 ноября 1937 г. состоялась встреча Сталина и Ворошилова с Ян Цзэ и его заместителем Чжан Цюнем. После короткого обсуждения военно-технических проблем был поднят вопрос о создании собственной военной промышленности. В ходе беседы Ворошилов затронул вопрос о производстве бензина.

Из записи беседы И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова с Ян Цзэ и Чжан Цюнем, 11 ноября 1937 г.:

«тов. Ворошилов. Вы бензин производите?

Я[н Цзэ]. У нас есть промысла, но нет специалистов и техников.

тов. С[талин]. Где находятся ваши промысла?

Я[н Цзэ]. В Синьцзяне <...>

тов. С[талин]. Нефть в Синьцзяне находится близко от поверхности, на глубине 200—300 метров. Если дубань Шэн Шицай и Нанкинское правительство

⁹³ Там же.

⁹⁴ Батурин Ю.М. История спецоперации по поставке советского оружия в Китай (1937—1943 гг.). М., 2017.

⁹⁵ Тихвинский С.Л. Китай в моей жизни (30—90-е годы). М., 1992. С. 20.

⁹⁶ Горбачев Б.Н. Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937—1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 147—159.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 321. Л. 17. (эл. пещуьс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/43742>. Дата обращения: 22.08.2020 г.).

захотят, мы поможем вам в производстве бензина. Можно будет создать смешанное советско-китайское нефтяное общество. Без нефти государство существовать не может. Мы хотим вам помочь и не хотим от вас прибылей. В Ганьсу, в Сычуани также есть, очевидно, много нефти. Нужно завести свое нефтяное производство. Если вы хотите быть самостоятельным государством, вы должны иметь авиацию, артиллерию и нефть»⁹⁸.

Вероятно, именно после этой встречи Наркомат тяжелой промышленности СССР получил задание активизировать работу на нефтепромысле. «В соответствии с Вашим заданием НКТП, подробно выяснил положение дел по Синьцзяну» — с этих слов начиналось письмо Кагановича Сталину, которое сопровождало проект постановления ЦК ВКП(б) о добыче нефти в Северо-Западном Китае⁹⁹.

23 февраля 1938 г. министр экономики Китая геолог Вэнь Вэньхао встретился с советским полпредом И.Т. Луганцом-Орельским и заговорил о возможности совместного освоения китайских нефтяных месторождений. «Министр ставит вопрос, — сообщал полпред в Москву, — как отнесся бы Советский Союз к проекту создания смешанной акционерной компании по разработке этих месторождений, причем Китай мог бы дать необходимые для этого капиталы, а в СССР было бы желательно получить машины и все прочее техническое оборудование. Обе стороны могли бы послать своих советников в эту компанию»¹⁰⁰. Речь шла об освоении нефтяного месторождения Шиюхэ, расположенного в уезде Юймэнь провинции Ганьсу. Там, как и в Синьцзяне, были известны естественные выходы нефти на поверхность, и некая частная китайская компания вела ее кустарную добычу (5–6 тыс. т в год).

Вскоре после официальной просьбы о помощи в освоении нефтяных месторождений советским дипломатам была передана записка китайского геолога Сунь Цзянчу, который вместе с американцами обследовал юймэнские месторождения. «Я лично считаю, что нужда в нефтепродуктах на трассе очень большая. Если бы удалось организовать добычу нефтепродуктов в Юймыне, в частности бензина, то этим можно было бы решить вопрос рентабельности перевозок сырья из Ганьсу через Синьцзян в СССР. До сих пор, пока бензин будет подвозиться либо от нас, либо с востока, работа автомашин не будет рентабельна, и дорогу строить — это тратить только деньги. Поэтому предложению Китпра нужно пойти навстречу и как можно скорее разработать условия для сотрудничества», — сообщал наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову И.Т. Луганец-Орельский 28 марта 1938 г.¹⁰¹

Тем временем, 1 марта 1938 г. СССР и Китайская республика заключили договор, в соответствии с которым Китаю выделялся кредит в 50 млн долл. США. Основная цель — финансирование военно-технической помощи для сохранения Китая как силы, оттягивающей японцев от советского Дальнего Востока. Но имелись и экономические причины для такой щедрости. 10 мая 1938 г. Сталин и Ворошилов телеграфировали Чан Кайши: «Мы вполне понимаем тяже-

⁹⁸ Там же. Л. 23. (эл. ресурс: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/43743>. Дата обращения: 22.08.2020 г.).

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 24. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 371. Л. 18.

¹⁰¹ Там же. Л. 21.

лое валютно-финансовое положение Китая и учитываем его. Поэтому мы и не требуем от Китая в виде уплаты за вооружение ни золота, ни иностранной валюты, но мы бы хотели получить от Китая такие товары, как чай, шерсть, кожу, олово, вольфрам и так далее. Мы знаем наверняка, что товары такого рода Китай мог бы поставлять СССР без ущерба для народного хозяйства и обороны Китая. Поэтому надеемся, что такие товары будут поставляться Китаем»¹⁰². Действительно, в приложении к кредитному договору среди поставляемых товаров значились редкие и цветные металлы. Частью этого списка могла быть нефть или нефтепродукты.

Та же проблема товарного покрытия кредитов и сбалансированности торговли стояла и в двусторонних советско-синьцзянских отношениях. По просьбе Синьцзяна погашение ссуды 1935 г. неоднократно оттягивалось, а начавшиеся в 1938 г. платежи составляли более 40 % доходов Синьцзянского правительства¹⁰³. Советский генконсул А.Р. Мэнни, назначенный вместо арестованного Г.А. Апресова, в декабре 1937 г. писал: «Вопрос о возможности платежей Синь-Цзяна по ссуде, несомненно, был бы поставлен на более реальную базу, если было бы приступлено к совместной разработке природных богатств Синь-Цзяна, в первую очередь нефти и олова. Сейчас этот вопрос со всех точек зрения становится особенно актуальным <...> Дубань в беседах со мной, а также финсоветниками подтверждает свое полное понимание об обязанностях Урпра производить платежи по ссуде в договорные сроки, но в то же время указывает на трудное финансовое положение Урпра и на неплатежеспособность последнего в данное время»¹⁰⁴.

В обзоре экономики Синьцзяна летом 1939 г. ВО «Совсиньторг» сообщало: «Внешнеторговый баланс СССР с Синьцзяном, начиная с 1934 по 1938 г. включительно явился активным для Советского Союза <...> Создавшееся положение с активным балансом выдвигает вопрос о максимальном увеличении импорта из Синьцзяна. Но так как животноводческая продукция, а также продукция земледелия не в состоянии покрыть этот разрыв — встает вопрос об импорте ископаемых. На сей день можно назвать три вида ископаемых, возможных к импорту — уголь из Илийского округа и нефрит из Хотанского округа. Не исключено, что с развитием нефтедобычи и нефтепереработки в Синьцзяне, — последний сумеет сократить завоз бензина и керосина из СССР, что в свою очередь, сократит активный баланс»¹⁰⁵.

Таким образом, сложившаяся геополитическая обстановка и сложные экономические условия Синьцзяна возродили угасший было в высших советских кругах интерес не только к синьцзянской, но и китайской нефти вообще, и 3 апреля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление № П60/47, которым предписывалось «немедленно приступить к работе по организации добычи нефти в районе Шихо и поручить НКТП с этой целью немедленно командировать на место группу работников, которые должны представить конкретные предложения»¹⁰⁶.

¹⁰² РКО в XX веке. Т. IV. Кн. 1. С. 242–243.

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 2217. Л. 112.

¹⁰⁴ Там же. Д. 2883. Л. 113.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 13. Д. 2567. Л. 48.

¹⁰⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 371. Л. 12.

В апреле 1938 г. во Всесоюзной конторе геофизических разведок поисково-разведочные работы на нефть, проведенные в Синьцзяне в 1935–1937 гг., признавались «мизерными по объему», качество — «негодное», расположение скважин было таким, что по ним нельзя было составить представления о тектонической структуре. «Практика прошлого, когда на разведку нефти в Синьцзяне посылались полевые геологи, да еще специалисты по рудным и стройматериалам (Рамзес и др.), должна быть осуждена как вредительская», — говорилось в экспертном заключении¹⁰⁷. В общем, результаты попутных поисков нефти, которые лишь сопровождали разведку рудных ископаемых, признавались неутешительными. Нефтяники попытались исправить положение, сложившееся в результате поверхностного подхода предшествующего периода, предложив организовать заново полный цикл геологоразведочных работ на нефть — от топографической съемки до глубокого разведочного бурения, что требовало гораздо большего времени и средств.

В начале августа 1938 г. был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) об организации нефтепромысла с годовой добычей 50 тыс. т нефти уже с I квартала 1939 г., строительстве НПЗ с получением первого бензина во II квартале и выходом на полную мощность в III квартале того же года¹⁰⁸. Это постановление не вышло, но 8 августа 1938 г. был подписан приказ по НКТП СССР № 95/сс, в соответствии с которым Главнефтедобыча должна была в 1939 г. пробурить 50 скважин общей проходкой 12 тыс. м, а Главнефтепереработка — построить НПЗ мощностью 50 тыс. т нефти в год.

В новой геополитической ситуации тема синьцзянской нефти вышла из орбиты только советско-синьцзянских отношений, став в повестку переговоров Москвы и Нанкина как средство обеспечения военных перевозок и возможного возмещения затрат кредитора — СССР. Большая политика вторглась в сферу геологии, и нормальные разведочные работы закончились, так и не начавшись. Начальник ИНО НКТП Т.Т. Литвинов докладывал Л.М. Кагановичу о месторождении Тушанцзы: «Наркомтяжпром располагает сейчас такими материалами по указанному району, которые позволяют нам быть абсолютно уверенными в его промышленном значении и вполне достаточно его для того, чтобы немедленно приступить к организации нефтяного промысла»¹⁰⁹. Пройдя через ряд промежуточных звеньев, тезис нефтяников о том, что запасы нефти в Синьцзяне носят пока лишь потенциальный характер, потерялся, или другим языком — перспективные запасы нефти в умах политиков и дипломатов превратились в промышленные, что не одно и то же. Но в дело вступил военно-политический фактор, который не терпел спокойного, вдумчивого, а значит растянутого во времени подхода. В результате посланной экспертной группе было поручено наметить план не разведочного, а эксплуатационного бурения в Тушанцзы и попутно осмотреть и оценить перспективы месторождения Шиюхэ в Ганьсу.

¹⁰⁷ Там же. Д. 370. Л. 10 об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 371. Л. 45–47, 59.

¹⁰⁹ Там же. Л. 32, 31.

За два месяца эксперты во главе с профессором М.М. Чарыгиным составили детальный план освоения месторождения Тушанцзы, а 25 октября вылетели в Ланьчжоу — столицу провинции Ганьсу, которую от Синьцзяна отделяла пустыня Гоби. Характерно для оценки внутривластных отношений в Китае то, что, несмотря на неоднократные просьбы центрального китайского правительства об ускорении присылки экспертов, провинциальное правительство Ганьсу, по словам Чарыгина, «равнодушно» отнеслось к их приезду. Основное время ушло на организационную переписку, и лишь после соответствующей дипломатической ноты состоялась встреча советских геологов с китайскими. «Мы пришли к выводу, — писал в отчете Чарыгин, — что месторождение [Шиюэхэ], несомненно, заслуживает серьезного внимания, но пока оно изучено не в достаточной для заложения буровых скважин мере, т.е. сейчас нельзя указать точек для бурения. Необходимость дальнейшего разбуривания для нас несомненна. Мы рекомендовали произвести в первую очередь топографическую съемку и детальную геологическую съемку и, кроме того, рекомендовали уже сейчас позаботиться о приобретении переносных станков для бурения на глубину до 1500 м»¹¹⁰. Ни у кого из участников проекта не хватило смелости указать на геологическую неподготовленность месторождения Тушанцзы к разработке, так, как это было сделано в отношении месторождения Шиюэхэ. Теоретически такую возможность имели бывший геолог ЭОН М.Н. Саидов, который стал сотрудником и главным консультантом Иностранного отдела НКТП¹¹¹, и члены правительственной комиссии. Но ни Саидов, ни профессор Чарыгин, никто другой не рискнул одернуть всемогущую «инстанцию». После возвращения экспертов Т.Т. Литвинов сообщил Л.М. Кагановичу: «По району Шихо Комиссия полностью подтверждает промышленное значение района и считает возможным немедленно приступить к эксплуатации данного месторождения. Без дополнительных разведочных работ можно приступить к эксплуатации площади в 13 га»¹¹². Позднее, отвечая на вопрос, почему он рекомендовал для эксплуатационного бурения неразведанное месторождение, Чарыгин говорил: «Мне сказали (т.т. Первухин и Литвинов [заместитель наркома и начальник ИНО НКТП, соответственно]), что вопрос о Ту-Шан-Дзы уже решен и что моя задача уже заложить первые эксплуатационные скважины»¹¹³. Так мнение бюрократов стало весомее мнения геологов, что и предопределило дальнейшее развитие событий на нефтепромысле.

¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 23. Л. 10–11.

¹¹¹ Отвечая на запрос Экономсовета при СНК СССР, Саидов в марте 1939 г. писал: «Из многочисленных месторождений нефти Синь-Цзяна детально было изучено только одно месторождение — Тушандзы (близ Шихо) <...> Прекращение работ в Синь-Цзяне мы считаем недопустимым, ибо эти работы для нас имеют не столько экономическое, сколько политическое и оборонное значение, а нефть, в настоящее время, имеет огромное оборонное значение для Китая. Кроме того, прекращение работ ослабляет влияние Союза в Синьцзяне и ухудшает наши взаимоотношения с ним. Прекращение наших работ, в частности по нефти, китайцы расценивают, как саботаж со стороны Советского Союза»: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 38–40.

¹¹² РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

¹¹³ Там же. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4890. Л. 43 об.

Конфликт интересов, или юридическая коллизия

С началом нового этапа развития нефтяного проекта в Синьцзяне остро встал вопрос о том, как организовать добычу и переработку нефти, учтя уже имевшийся опыт сотрудничества и синьцзянские реалии. В советских учреждениях параллельно стали разрабатывать различные варианты правовой формы предприятия: техническая подрядная контора, концессия или совместное («смешанное») предприятие. В условиях Китая любая была сопряжена с риском.

«Я считаю, что, ввиду продолжающегося процесса объединения и централизации Китая, необходимо будет, чтобы дубань получил согласие нанкинского правительства на добычу и олова, и нефти, как это требуется китайскими законами, — писал Стомоняков Кагановичу в октябре 1937. — за месяц до упомянутой беседы Сталина с посланцами Чан Кайши. — Нанкинское правительство, конечно, не даст согласия на предоставление нам концессий на добычу олова и нефти в Синьцзяне или даже на образование смешанного общества для этой цели, — хотя бы потому, что это создало бы неблагоприятный для него прецедент и послужило бы основанием для предъявления другими государствами аналогичных претензий. С другой стороны, нам и политически невыгодно добиваться получения концессий или образования смешанного общества, ибо и в том, и в другом случае это дало бы обильную пищу для агитации фашистских стран против, якобы, завоевания нами Синьцзяна. К тому же иностранные концессии в Китае достаточно скомпрометированы в глазах общественности всего мира, и нам, конечно, не выгодно брать на себя хотя бы частичку одиума, которым окружены все иностранные предприятия в Китае. Хотя и в меньшей степени, это относилось бы также и к смешанному обществу. К тому же мы можем получить фактически все, что нам нужно, если эксплуатация олова и нефти будет производиться под фирмой синьцзянского правительства <...> Нужно только заключить солидный, хорошо продуманный договор с синьцзянским правительством, который ограждал бы полностью наши вложения в это дело и наши интересы в будущем также и на тот случай, если дубань падет и его место займет менее дружелюбный или даже враждебный нам правитель Синьцзяна. Этот договор должен предусматривать выплату нам добытыми ископаемыми или валютой предоставленного нам кредита. Договор должен будет получить санкцию нанкинского правительства, ибо иначе он мог бы быть объявлен им незаконным, и при этом мы могли бы потерять наши вложения или, во всяком случае, потерпеть большие убытки в случае неблагоприятной для нас смены провинциального правительства»¹¹⁴.

Забегая вперед, отметим, что слова Стомонякова в некотором смысле оказались пророческими, поскольку отношение дубаня к СССР после начала Великой Отечественной войны резко изменилось, что негативно отразилось на работе созданного нефтекомбината.

В Москве понимали и то, что передача капиталоемкого и технически сложного производства под управление Горного отдела Комиссариата земледелия Синьцзяна, не имевшего ни опытных кадров, ни техники, приведет к беспо-

¹¹⁴ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 24. Л. 50–51.

лезной трате времени, сил и средств, порче месторождений. Примером этого являлся печальный опыт золотодобывающей отрасли¹¹⁵. Таким образом, если в НКВД (Стомоняков) имелись свои вполне обоснованные аргументы против концессий и смешанных обществ, то у хозяйственников, которые все время критиковались за «бесхозяйственность», были не менее веские основания настаивать на собственной главенствующей роли в разработке горных богатств Синьцзяна. Ответственности с них в случае ошибок местных горных властей никто бы не снял, но руководящая роль позволяла хотя бы сочетать ответственность и полномочия для более рационального ведения дела.

11 ноября 1937 г. на встрече с посланцами Чан Кайши Сталин говорил о создании совместного акционерного общества. Об этой же форме писал в свое время Перкин, сообщая о разговоре Апресова со Сталиным в начале сентября 1935 г. Однако до получения первых результатов геологоразведочных работ твердого мнения об этой форме высказано не было (либо оно пока остается неизвестным) и к концу года в НКВД СССР было подготовлено два проекта договора. Один предполагал лишь создание специальной технической конторы при Наркомтяжпроме, которая должна была по отдельным договорам оказывать услуги — от геологоразведки до монтажа и пуска того или иного предприятия, а все руководство работами возлагалось на провинциальное правительство. Другой вариант предполагал создание советско-синьцзянского акционерного общества для разработки всего комплекса полезных ископаемых, по усмотрению учредителей. При этом контрольный пакет (51 %) акций, по замыслу Стомонякова, должен был принадлежать Синьцзяну¹¹⁶.

Тем временем начавшееся сближение СССР и Китая породило обсуждение еще нескольких совместных экономических проектов. Помимо нефти, это — организация регулярного авиасообщения, строительство шоссейной и железной дорог между странами через Синьцзян, самолетосборочного завода в Урумчи. Все проекты имели стратегическое значение, а потому ввиду срочности некоторые из них запускались еще до подписания всяких договоров, как например авиарейсы из Алма-Аты в Хами, что должно было демонстрировать «добрую волю» сторон и предполагало юридическое оформление этих действий впоследствии. Переговоры по некоторым из этих проектов продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны, ведь очень скоро выяснилось, что партнеры по-разному понимают форму сотрудничества. В Китае господствовало отрицательное от-

¹¹⁵ «Китайское золотоприисковое управление озабочено в отношении их [старателей] только сбором налога за отведенный участок, — писал в Москву один из советников. — При большом стремлении Урумчинского Правительства развить золотое дело и при отсутствии разведки, оно может с нашей помощью натворить мелких глупостей, исправление которых обойдется ему дорого». Малочисленный штат советников не мог кардинально повлиять на ситуацию. «Два золотаря — я и Пулавский — будем рассосаны Китайской “пятидесятилетней” культурой [так!] в ближайшее время, — опасался тот же инженер. — Ибо будучи инженером-разведчиком и горняком, я в силу необходимости занимаюсь сейчас постройкой, проектированием и черчением разных объектов: конюшен, гаража, жилых домов, помещений для ослов и т.д. <...> Вместе с тем отдаваю пробы с месторождений и делаю все, что попадется. Одним словом — ку-старь-одиночка»: РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 242. Л. 5–6.

¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 24. Л. 19–26.

ношение к смешанным обществам¹¹⁷. Как указывалось выше, китайцы (в лице министра экономики Вэнь Вэньхао) «совместным обществом» называли компанию, основанную на китайском капитале, а участие СССР ограничивалось лишь техническими поставками и советниками. В основе советской позиции лежала идея акционерных обществ на смешанном капитале, с участием СССР в органах управления. Причем если первоначально предполагалось все-таки контрольный пакет акций передавать Китаю, то очень скоро возобладало мнение о паритетности таких фирм (50/50). И это касалось любых форм совместной экономической деятельности, не только нефти¹¹⁸.

Ориентация на создание совместного общества значительно осложняла вопрос, особенно в области разработки полезных ископаемых. Дело в том, что, по китайскому горному закону от 26 мая 1930 г., право на учреждение акционерных обществ с участием иностранного капитала для разработки полезных ископаемых принадлежало центральному правительству Китая. В таких компаниях большинство акций должно было принадлежать Китаю, директором-распорядителем и большинство членов совета директоров должны были быть китайцами. В отношении нефти все было еще строже¹¹⁹.

Кроме юридических трудностей на пути создания совместной нефтяной компании стояли еще и внутривластные противоречия Китая. С одной стороны, дубань Синьцзяна Шен Шицай пока сохранял лишь номинальную зависимость от центрального правительства (перед советской ссудой Нанкин отказал ему в подобной просьбе¹²⁰) и выступал в роли самостоятельного игрока. Его экономические интересы фокусировались на освоении синьцзянских месторождений. С другой стороны, Чан Кайши и его правительство были заинтересованы в освоении месторождений Ганьсу, ближе расположенных к

¹¹⁷ Об этом говорится в записках советских дипломатов: по авиакомпаниям — «Китайское правительство в принципе против организации смешанного общества с иностранными государствами для обслуживания воздушных линий» (РКО в XX веке. Т. IV. Кн. 1. С. 83); по строительству железной дороги — «Для постройки и управления дорогой организовать железнодорожную компанию под названием “Северо-Западная железнодорожная компания”». Капитал будет внесен главным образом министерством путей сообщения [Китай], и баланс распределен между провинциальными правительствами Ганьсу, Синьцзяна и Шэньси. Пропорционально пайщики назначат членов совета директоров, которые явятся высшей административной властью» (Там же. С. 228).

¹¹⁸ Так, 14 сентября 1938 г. НКВД СССР направил полпреду в Китае И.Т. Луганцу-Орельскому следующие инструкции: «Договор об авиалинии должен быть составлен на основе полного паритета и равного участия в расходах»: ДВП. Т. XXI. С. 734.

¹¹⁹ В справке 2-го Восточного отдела НКВД СССР сообщалось: «В правилах о выдаче разрешений на разработку нефти сказано, что при создании компании для нефтегазодобычи участие иностранного капитала вовсе не допускается. В случае обнаружения участия иностранцев в таких компаниях, их предприятия подлежат конфискации. Не допускается даже наем иностранцев в качестве служащих этих предприятий. Исключение делается только для технических экспертов, но при этом контракты на их приглашение должны предварительно направляться в министерство промышленности для получения санкции. Такой же порядок устанавливается для контрактов на продажу нефти иностранцам»: РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 371. Л. 35–37. О китайском горном законодательстве см. также: *Торгашев Б.П.* Горная продукция и ресурсы Дальнего Востока. Харбин, 1927. С. 26–27.

¹²⁰ Об этом 21 апреля 1935 г. ТАСС сообщало со ссылкой на китайскую газету «Шэньбао». Свой отказ китайское правительство объяснило финансовыми затруднениями, но пообещало помочь, «когда финансовое положение будет лучше»: ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28/2. Д. 60. Л. 70.

центральным районам страны и потому экономически более привлекательных и легче контролируемых. По этим же причинам Советскому Союзу было более выгодно освоение синьцзянских месторождений, имевших еще и более благоприятные геологические условия (нефть там находилась на глубине не 1000–1500 м, а 300–350 м). Кроме того, сближение Китайской республики и СССР только-только началось, хотя и шло хорошим темпом. В Москве понимали, что оно вызвано особой геополитической ситуацией и при ее изменении вектор политики Чан Кайши может резко поменяться, поскольку его эмиссары усиленно работали в Вашингтоне, Лондоне и Париже, о чем в Москве знали. Советско-синьцзянские отношения казались более надежными: военно-техническая и экономическая помощь этой провинции позволяла надеяться, что с Шен Шицаем будет проще договориться на условиях Москвы.

В то же время советские руководители пытались найти компромиссное решение, понимая, что Синьцзян — часть Китайской республики, а стратегическая цель СССР — сохранение государственного единства Китая. Для этого предлагалось строить трехсторонние акционерные общества: 50 % — СССР, 25 % — Китайская республика, 25 % — Синьцзян, как в случае с самолетосборочным заводом в Урумчи¹²¹. Представители Чан Кайши прилагали усилия к уменьшению или даже ликвидации участия провинциального правительства в совместных обществах, прося считать решение о долях китайских участников внутренним делом Китая¹²². Советская сторона понимала, что юридически это обоснованно, но фактическая незаинтересованность дубаня сводила на нет все совместные проекты в Синьцзяне. Строительство завода предполагалось в Урумчи, где хозяин был не Чан Кайши и его министры, а Шен Шицай, и, как говорили советские дипломаты, «от его участия будут зависеть темпы строительства», поскольку и рабочая сила, и стройматериалы должны были быть местными. «Конечно, дело китайского правительства, какую долю оно предоставит синьцзянскому правительству в советско-китайском обществе (1/3, 1/4 или 1/5 своих паев), — считали они, — но совершенно ясно то, что участие дубаня в строительстве завода необходимо в интересах скорейшего окончания этого начатого для обороны Китая предприятия»¹²³. Подобное положение складывалось не только в Синьцзяне. В разговорах с советскими дипломатами министр экономики Китая Вэнь Вэньхао жаловался, что центральные власти, например, до последнего времени не контролировали добычу олова в Юньнани¹²⁴. А один из губернаторов в конце 1936 г. и вовсе арестовал Чан Кайши («Сианьский инцидент»), и лишь вмешательство СССР избавила того от тюрьмы. 7 февраля 1939 г. в Москве было получено сообщение о том, что Шен Шицай приказал снимать со стен портреты Сунь Ятсена, Чан Кайши и других политических деятелей Китая¹²⁵. Это говорило о многом.

Выработка вариантов советско-китайского экономического сотрудничества шла в течение 1937–1943 гг., причем работы в рамках некоторых проектов уже

¹²¹ РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 522.

¹²² Там же. С. 526.

¹²³ Там же. С. 562–563.

¹²⁴ ДВП. Т. XXII. Ч. 2. С. 316.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 215. Л. 29 (эл. pecyrc: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/11742>. Дата обращения: 22.08.2020 г.)

велись, а условия сотрудничества все еще обсуждались. Все это имело непосредственное отношение и к готовившемуся соглашению о совместной разработке нефтяных месторождений. Перипетии вокруг этого соглашения позволяют представить себе картину более рельефно, понять логику поведения сторон, наконец, причины того, почему участие Советского Союза в освоении нефтяных месторождений Синьцзяна в конце 1930-х — начале 1940-х годов так и не получило юридического оформления¹²⁶.

«Порочный круг»: синьцзянская нефть и советская бюрократия

31 июля 1938 г. на фоне предложений о совместном освоении нефтяных месторождений в Ганьсу НКВД СССР подтвердил свой взгляд на юридическую сторону дела, высказавшись за организацию либо технической конторы для оказания помощи Синьцзяну в освоении его нефтяных месторождений, либо (как компромиссный вариант по отношению к требованиям Кремля) — смешанного общества, но с преобладанием китайской доли¹²⁷.

В начале августа 1938 г. сотрудники ИНО НКТП СССР подготовили свой вариант постановления ЦК ВКП(б) «Об организации нефтедобычи и нефтепереработки в Зап. Китае в районе Шихо», в котором констатировали, что вопрос о форме соглашения с Синьцзянским правительством остается «неразрешенным»¹²⁸. Их варианты сводились к созданию совместного общества или советской концессии, которую должен был взять созданный для этого орган НКТП — стройконтора «Синьцзяннефть»¹²⁹, при этом концессионный вариант к концу 1938 г. стал основным. Проект постановления ЦК ВКП(б) предписывал НКТП заключить договор с синьцзянским правительством о концессии на 60 лет с монопольным правом на разведку, добычу и переработку нефти за долевые отчисления в пользу Синьцзяна¹³⁰. Наркомтяжпром СССР, сделав предварительные расчеты, предложил выделить из резерва СНК СССР 6,5 млн руб. и 500 тыс. долл. США на строительство нефтепромысла и НПЗ¹³¹. Однако юридические основания для выделения этих средств отсутствовали: ни директив ЦК, ни постановлений СНК, ни международных договоров по этому вопросу не имелось, а было лишь желание «Хозяина» и его устные переговоры с китайцами.

2 сентября 1938 г. в Москве состоялась встреча Шен Шицая со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, на которой после нескольких лет настоятельных просьб дубаня было дано согласие на его вступление в ВКП(б). Склонившись

¹²⁶ В историографии распространена ошибочная точка зрения, будто договор между НКТП СССР и синьцзянским правительством о создании смешанного нефтяного общества был подписан в августе 1938 г. См.: *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян. С. 164; *Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г.* Синьцзян: очерк истории региона. С. 234; *Гасанлы Дж.П.* Синьцзян в орбите советской политики. С. 66; *Шматов В.Г.* Синьцзян в системе мероприятий Советского Союза. С. 105.

¹²⁷ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Л. 371. Л. 38.

¹²⁸ Там же. Л. 45.

¹²⁹ Там же. Л. 71–72.

¹³⁰ Там же. Л. 266.

¹³¹ Там же. Л. 41, 45, 52.

над картой, участники заседания рассматривали и возможность освоения нефтяных месторождений Синьцзяна¹³², однако в протоколах московских переговоров Шен Шицая о профильном совместном предприятии не говорится ни слова. Исследователь В.Г. Шматов утверждает, что вскоре между правительствами СССР и Синьцзяна была достигнута устная договоренность «об организации смешанного общества по постройке и эксплуатации нефтекомбината в Тушанцзы на паритетных началах»¹³³. Но никто из участников этих переговоров не указан и ссылок на эти договоренности в последующих документах пока не обнаружено. Напротив, в СССР по поводу формы соглашения об освоении синьцзянских нефтяных месторождений разгорелась борьба, конечно, не политическая, а бюрократическая, межведомственная. «Нам непонятно, — писал назначенный начальником ЭОН А.Д. Ершов наркому иностранных дел М.М. Литвинову, — почему в течение целого года Наркоминдел и Наркомтяжпром не могут договориться о формах работы в Синьцзяне и окончательно решить вопрос»¹³⁴.

К 20 декабря 1938 г. Главнефтедобыча перебросила на ближайшую к советско-китайской границе железнодорожную станцию Сары-Озек первую партию груза для нефтепромысла. Была подготовлена к отправке и первая группа специалистов, включавшая четырех инженеров и 13 высококвалифицированных рабочих — от буровых мастеров до токаря. Но, как сообщал заместитель начальника Главнефтедобычи В.Н. Беленький, люди «из-за отсутствия правительственного решения не могут выехать к месту работы»¹³⁵. Поэтому нефтяные главки настойчиво предлагали проекты директивных постановлений, без которых советский хозяйственный механизм полноценно не работал, — в августе и декабре 1938 г., в мае 1939 г. «Для производства работ и оплаты за перевозку оборудования от границы до промысла необходимо выделить валютные средства и [добиться] заключения договора с Урумчинским Правительством на производство вышеуказанных работ», — писал Беленький наркому Кагановичу в феврале 1939 г., направляя ему очередной проект постановления СНК СССР¹³⁶.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1939 г. Наркомтяжпром СССР был разукрупнен и на его базе был образован Наркомат топливной промышленности СССР, в котором были созданы Главнефтедобыча Кавказа, Главнефтедобыча Востока, Главнефтепереработка Кавказа и Главнефтепереработка Центра и Востока. Смежниками нефтяников по проблемам Синьцзяна выступали НКВД, Наркомвнешторг, Наркомцветмет, НКО СССР, Комитет по делам геологии при СНК СССР. В аппарате некоторых из этих наркоматов в конце 1938 и в течение 1939 гг. продолжали готовить постановление директивных органов, которое подразумевало описание условий сотрудничества с Синьцзяном, либо проект межправительственного договора о разработке полезных ископаемых этого региона.

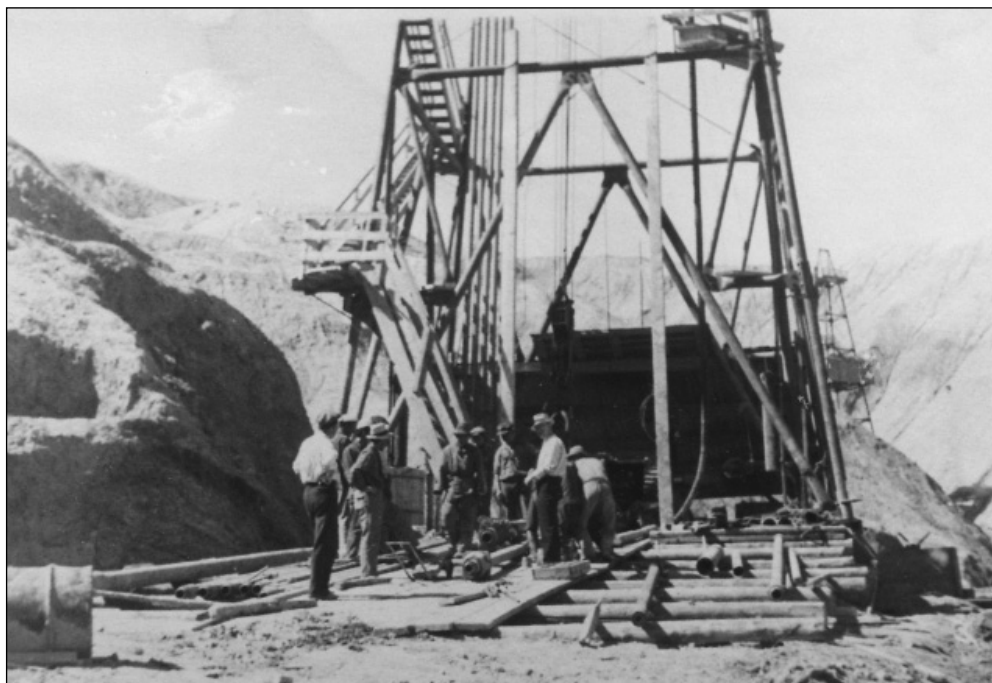
¹³² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 323. Л. 33.

¹³³ Шматов В.Г. К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи Китаю в период японской агрессии (1937–1942 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 250.

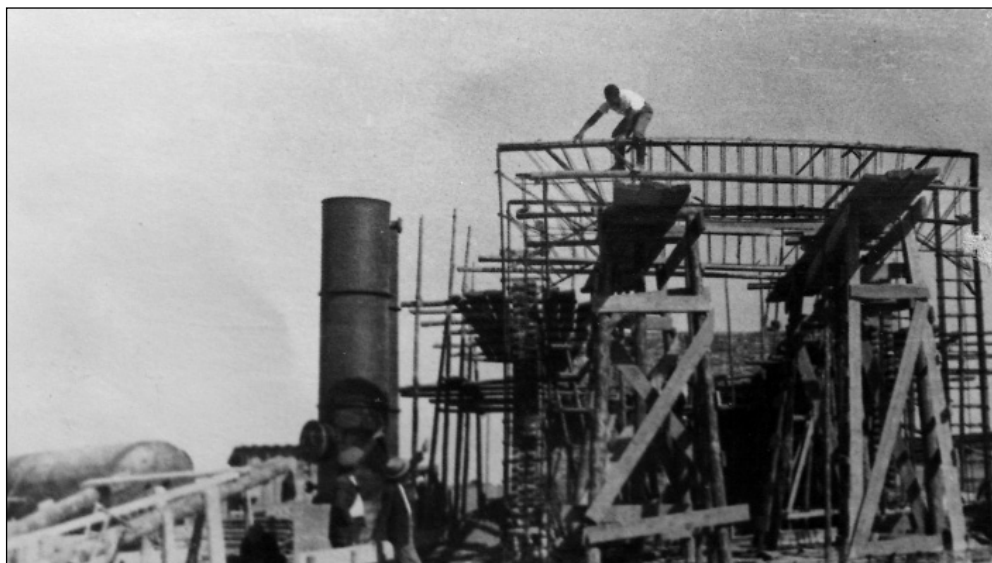
¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 55 об. — 56.

¹³⁵ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4881. Л. 2.

¹³⁶ Там же. Л. 2.

**На буровой нефтекомбината «Тушанцзы»,
1940 г. (РГАЭ)**

**Строительство нефтеперегонного завода,
1939 г. (РГАЭ)**

В хозяйственных наркоматах, в отличие от НКВД, в 1939 г. господствовала концессионная точка зрения. Наркомцветмет, например, представил вариант решения «синьцзянского вопроса» в форме концессии, но не своей, а Наркомтопа: «Для проведения горно-геологических работ на территории Синьцзяна и оказания технической помощи Синьцзянскому правительству по разработке местных видов горно-рудного сырья организовать Синьцзянское горно-геологическое бюро Наркомтопа СССР на правах Советского концессионного предприятия с местонахождением при нефтепромысле Тушандзы»¹³⁷. Отвечая на запрос Экономсовета о состоянии работ, помощник начальника ИНО НКТП геолог М.Н. Саидов в начале марта 1939 г. сообщал: «Наркомом тов. Л.М. Кагановичем был утвержден календарный план эксплуатации этого месторождения. Однако, реализация этого плана затормозилась ввиду того, что не была найдена организационная форма работ. По этому вопросу были ряд проектов и в настоящее время у Зам. Наркома тов. Искандерова на рассмотрении находится проект, предусматривающий организацию Советской Концессии сроком на 5–10 лет»¹³⁸.

После того, как в феврале 1939 г. Ершов пожаловался председателю СНК Молотову, «синьцзянский нефтяной проект» в пакете с другими — «оловянным», «золотодобычным», «редкометаллическим» — был направлен на рассмотрение Экономического совета при СНК СССР. «Мы в течение последнего года много раз обращались к соответствующим Зам. Наркома и Наркомам (Наркомтяжпром, Наркомцветмет, Наркоминдел), но никакого решения вопроса не получали, — писал Ершов Молотову. — Нам совершенно непонятно, например, отношение Наркоминдела к Синьцзянскому вопросу, когда он, в лице М.М. Литвинова, отвечает на наше письмо, что вопросы работы в Синьцзяне “выходят за пределы компетенции НКВД”»¹³⁹. «Все перечисленные организации прямо не заинтересованы в развитии работ на территории Синьцзяна и поэтому не проявляют необходимой инициативы и настойчивости», — сообщали коммунисты ЭОН Сталину¹⁴⁰.

В Экономсовете под руководством заместителя председателя СНК СССР А.Я. Вышинского начались межведомственные совещания по проекту постановления СНК СССР о горно-геологических работах в Синьцзяне. «Тов. Кирпичников два раза созывал совещание представителей соответствующих наркоматов (цветной металлургии, топливной промышленности, Комитета по делам геологии и Генштаба НКВ), были выработаны предложения и проект постановления СНК, — писал Ершов 4 мая 1939 г. в очередном письме Молотову. — Но вот уже три недели дело тянется из-за бюрократической, с нашей точки зрения, организации дела. Вначале тов. Кирпичников говорил нам, что выработанный проект пойдет на согласование Наркомам т.т. Ворошилову, Кагановичу и Самохвалову и что это будет сделано в течение трех дней. Затем тот же тов. Кирпичников сообщил нам, что этот проект должен представить Совнаркому Наркомцветмет, которому подчинена Экспедиция. Наркомцветмет же в лице

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 11.

¹³⁸ Там же. Л. 39.

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 41–41 об.

¹⁴⁰ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 327. Л. 49.

Зам. Наркома т. Антропова, по согласованию с Наркомом тов. Самохваловым, сообщил нам, что такой проект они вносить в СНК не будут, ибо исполнять постановление будет не НКЦМ, а Наркомтоп и НКО. Мы не видим близкого решения вопроса, между тем, уже половина сезона работ 1939 года упущена. Если и далее так же будет продолжаться волокита, то и весь сезон работ 1939 года будет провален»¹⁴¹. В другом письме, от 4 августа 1939 г., Ершов жаловался Молотову на его заместителя в СНК СССР Вышинского: «Я считаю составленный в разрезе указаний тов. Вышинского проект Постановления СНК СССР недостаточным, ибо он не предусматривает конкретных заданий по дальнейшему исследованию территории Синьцзяна»¹⁴².

19 мая 1939 г. Каганович просил Сталина подписать проект постановления ЦК ВКП(б), предписывавшего «обязать Наркомтоп организовать, через специально выделенный хозорган, нефтяной комбинат (промысел и нефтеперегонный завод) в районе Шихо (месторождение Тушанцзы) на условиях аренды (концессии), полученной от Западно-Китайского Правительства сроком на 15–20 лет», при 10 %-м долевом отчислении нефти в пользу Синьцзяна. Переговоры же по этому вопросу должен был вести НКИД, который по-прежнему выступал против любой формы сотрудничества с Синьцзяном, которая противоречила бы китайским законам. Осенью 1939 г. проект Наркомтопа поступил в СНК СССР¹⁴³.

Поскольку поиск юридической формы сотрудничества по освоению нефтяных месторождений Синьцзяна принял затяжной характер, его финансирование с советской стороны в течение 1938–1940 гг. было нерегулярным, а с китайской — явно недостаточным. В августе 1939 г. Каганович просил у Сталина 4 млн руб. и 300 тыс. долл. США. «Дальнейшие перевозки оплачивать нечем. Для финансирования строительства промысла и завода мы также не имеем средств», — сообщал он¹⁴⁴.

17 августа 1939 г. специальной межведомственной комиссией под председательством Вышинского было принято решение в очередной раз подвергнуть экспертизе результаты работ ЭОН. Комиссия под руководством председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР И.И. Малышева, в которую вошли: академик АН СССР В.А. Обручев, член-корреспондент АН СССР И.Ф. Григорьев, начальник Главгеологии НКТП В.М. Сеньюков, исполняющий обязанности начальника ЭОН В.Г. Баненко и картограф Генштаба РККА майор М.К. Бойко, должна была в 10-дневный срок дать заключение и внести предложения. Через месяц все это было исполнено. Эксперты констатировали, что «на сегодня крупных месторождений полезных ископаемых, имеющих промышленное значение, за исключением месторождений нефти и берилла в Синьцзяне не обнаружено». Остальные полезные ископаемые требовали долгих и дорогостоящих разведочных работ, а потому предлагалось ликвидировать ЭОН, а ее материалы передать специализированным ведомствам: по нефти —

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 41.

¹⁴² Там же. Л. 55 об.

¹⁴³ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 23. Л. 54–54 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 75.

НКТП, по углю и бериллию — Комитету по делам геологии, картографические материалы — Генеральному штабу РККА¹⁴⁵.

10 октября 1939 г. Вышинский подписал подготовленное экспертами постановление № 1677-41сс «О геологических работах на территории Синьцзяна». Оно предписывало Наркомтопу организовать и провести в 1940 г. «геологическое изучение нефтяных месторождений восточного склона Тянь-Шаня»¹⁴⁶. В соответствии с этим постановлением, Наркомнефть СССР как правопреемник Наркомтопа приказом № 32сс от 22 февраля 1940 г. организовал Тянь-Шанскую экспедицию особого назначения, которую в силу секретности вскоре переименовали в Особую нефтяную экспедицию (ОНЭ). В ее задачу вошли поиски и разведка нефтяных месторождений в районах, прилегающих к нефтепромыслу, уточнение строения месторождения Тушанцзы, рекогносцировочные исследования в новых районах и выявление структур, заслуживающих внимания для детальной разведки¹⁴⁷.

Таким образом, на выработку и принятие половинчатого решения ушел без малого год. Советское правительство так и не смогло решить, как следует организовать разработку нефтяных месторождений Синьцзяна. Разобравшись с «наследием» ЭОН, СНК СССР обошел вопрос об организационных формах нефтяного предприятия в Тушанцзы, вернув решение на уровень наркоматов, в том числе образованного 12 октября 1939 г. Наркомата нефтяной промышленности СССР, который возглавил все тот же Л.М. Каганович.

1939-й год закончился тем же, чем год предыдущий — по-прежнему в ходу были две взаимоисключающие формулировки. В ноябре 1939 г., описывая состояние правового вопроса в отношении нефтепромысла, начальник ИНО Наркомнефти сообщал Кагановичу: «Наркомтоп внес в ЦК ВКП(б) проект решения по этому вопросу, где предусматривалась организация нефтекомбината на условиях аренды (концессии). Против такой формы организации возражает Наркоминдел, так как это противоречит Китайским законам. Наиболее удобной формой организации нефтекомбината Наркоминдел считает договор о технической помощи с Синьцзянским Правительством»¹⁴⁸.

В 1940 г. к определению правового статуса будущего нефтяного предприятия в Синьцзяне подключился Наркомвнешторг. Специалисты Восточного управления НКВТ СССР подготовили проект советско-синьцзянского договора. В его первоначальной редакции, датированной 21 февраля 1940 г., формулировка «совместное/смешанное акционерное общество» не употреблялась, что не изменяло сущности договора. Договаривающиеся стороны соглашались построить на паритетных началах нефтепромысел и нефтеперегонный завод, которые должны были составить предприятие «Нефтекомбинат Тушанцзы». Нефтекомбинат должен был управляться советским директором и главным инженером, а их заместители назначаться синьцзянским правительством; расходы и прибыль должны были делиться поровну, продукция — также поров-

¹⁴⁵ РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 327. Л. 9.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23а. Д. 21. Л. 79.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 25а. Д. 1266. Л. 76.

¹⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 23. Л. 99.

ну выкупаться по цене на 10 %, превышающей себестоимость. Срок договора определялся в 25 лет¹⁴⁹.

Первая половина года ушла на согласование этого проекта. Поскольку основная цель нефтяников — руководящая роль — была прописана, они не возражали. Дипломаты, правда, указали на то, что нефтекомбинат все-таки будет «смешанной компанией» и напомнили об ограничительных законах Китая, но тем не менее и они внесли лишь некоторые, на наш взгляд, непринципиальные, уточнения, ничего не изменив по сути¹⁵⁰.

2 июня 1940 г. проект договора был представлен наркому внешней торговли А.И. Микояну и затем отправлен на утверждение в СНК СССР. Казалось, виза Микояна, который по совместительству являлся заместителем председателя СНК СССР, обеспечивала проекту зеленый свет, но в начале июля в Наркомвнешторг обратился возмущенный начальник Валютного управления Наркомфина СССР, указав на недопустимость отстранения его наркомата от подготовки «финансово-кредитных условий международных договоров», и попросил прислать проект договора. После этого документ был послан не только в Наркомфин, но и в Госбанк и НКВД СССР, и согласование пошло по новому кругу.

В ходе обсуждения переносились лишь даты окончания строительства — 1 августа 1940 г., 1 января 1941 г., 1 августа 1941 г., а также сроки кредитования синьцзянской доли предприятия. В одном из писем, отправленных в НКВД, бывший начальник ЭОН Ершов, оценивая состояние синьцзянского вопроса с позиции собственного, довольно невысокого положения, писал: «вероятно в Синьцзянских делах кто-то из больших людей по-прежнему тормозит решение вопросов, приводя этим самым к огромным убыткам и дискредитации идеи технической помощи»¹⁵¹.

Тем временем работы на промысле уже возобновились¹⁵², и Советский Союз все больше ввязывался в освоение нефтяного месторождения Тушанцзы, не имея ни точного знания его геологии, ни твердого правового основания для этого. 13 февраля 1941 г. нарком нефтяной промышленности И.К. Седин писал наркому внешней торговли Микояну: «До сих пор не уточнено правовое положение Нефтекомбината Ту-Шан-Дзы, а отсюда и его финансирование и взаимоотношения с Правительством Синь-Цзяна»¹⁵³.

12 июня 1941 г., за 10 дней до начала Великой Отечественной войны, то, о чем почти пять лет писали участники освоения синьцзянских нефтяных месторождений, свершилось: Бюро СНК СССР приняло постановление № 1583/653 «О проведении работ по разведке и разработке нефтяных районов в провинции Синь-Цзян (Западный Китай) в 1941 г.». Документ давал поручение НКВД и НКВТ «в месячный срок, на базе соответствующих договоров с Синь-Цзянским правительством, установить правовое положение нефтекомбината»; Наркомвнешторгу СССР — обеспечить перевозку грузов; Госплану СССР — усилить основного перевозчика грузов ВО «Совсиньторг» автомашинами. Наркомнефти выделя-

¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 4152. Л. 55–65.

¹⁵⁰ Там же. Л. 43.

¹⁵¹ Там же. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 320. Л. 29.

¹⁵² Об этом см.: Евдошенко Ю.В. Нефть Синьцзяна и нефтекомбинат «Тушанцзы». Об организации добычи и переработки нефти в Северо-Западном Китае в 1938–1943 гг. // Нефтяное хозяйство. 2020. № 2. С. 108–112.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 1266. Л. 36.

лись 9 млн руб. и 714 тыс. долл. США, оклады советских работников промысла приравнялись к окладам «внешторговцев», а НКВД получил предписание оформлять сотрудников в ускоренном порядке¹⁵⁴.

Синьцзянские нефтепродукты: pro et contra

В период строительства и обустройства нефтепромысла, завода и поселка, бурения скважин на месторождении Тушанцзы вопрос реализации нефтепродуктов остро не стоял. В декабре 1940 г., рассматривая проект договора с синьцзянским правительством, начальник Восточного управления НКВД СССР П.Н. Кумыкин должен был констатировать: «В проекте Соглашения не предусмотрено разрешение вопроса относительно фактического использования Советской стороной половины продукции нефтекомбината»¹⁵⁵. «Этот вопрос надо будет продумать <...> чтобы не получилось так, что <...> у нас будет нефть, но не будет сбыта продукции», — заявил советский начальник нефтекомбината Д.И. Неретин в конце 1941 г.¹⁵⁶

Главным потребителем бензина и масел в аграрном Синьцзяне являлся автотранспорт. Наконец 1935 г., по подсчетам консультанта горного комиссариата провинции инженера-эмигранта В.Н. Антонова, правительственный гараж и «Дорстрой» — основные государственные потребители бензина и масел — имели 120 автомобилей, еще 100 были рассредоточены по частным владельцам¹⁵⁷. По данным Наркомвнешторга СССР, продажа автомобилей в Синьцзяне в 1934–1938 гг. составляла в среднем до 120 единиц в год. На 1 января 1939 г. весь синьцзянский автопарк составлял 800 автомобилей¹⁵⁸. 29 мая 1941 г. газета «Синьцзянжибао» писала о том, что «1 000 автомашин, насчитывающихся в Синьцзяне, не могут эффективно использоваться из-за отсутствия топлива»¹⁵⁹.

В.Н. Антонов в своем докладе комиссару земледелия и горной промышленности Синьцзяна оценивал годовое потребление бензина в 2,4 тыс. т, керосина — 2 тыс. т, машинных масел — 346,4 т общей стоимостью 500 тыс. руб. золотом (франко-Урумчи)¹⁶⁰. В том же году ВО «Совсиньторг» реализовало в Синьцзяне 2 734 т нефтепродуктов, в 1936 г. — 4 300 т, в 1937 г. — 4 699 т¹⁶¹.

Доставка горюче-смазочных материалов в Синьцзян и далее в Центральный Китай являлась довольно сложной операцией из-за больших расстояний, сурового климата (зимой тракты были непроходимы), отсутствия дорожной инфраструктуры, нефтебаз, тары, плохого качества или отсутствия разветвленной сети автомобильных дорог.

1 сентября 1939 г. начальник Иносектора НКТП СССР Т.Т. Литвинов докладывал наркому Кагановичу об объемах и сложностях экспорта нефтепродуктов в данный регион: «Распоряжением от 21 апреля 1939 г. Экономсовет при СНК

¹⁵⁴ Там же. Л. 58–58 об.

¹⁵⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 4152. Л. 54.

¹⁵⁶ Там же. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4927. Л. 3.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 2. Л. 132.

¹⁵⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2567. Л. 34–35.

¹⁵⁹ Там же. Д. 3628. Л. 151.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 2. Л. 133.

¹⁶¹ Там же. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2630. Л. 143.

СССР обязал Наркомтоп сдать в т/году Наркомвнешторгу для отправки в Зап. Китай 5 000 т бензина спецназначением, из них 2 000 т авиабензина и 3 000 т автобензина. Главнефлесбыт сдает эти количества совершенно не удовлетворительно. С февраля м-ца по 10 августа самое удобное время для транспортировки в Зап. Китай сдано 1737 т, что составляет только 34,7% задания. Не выполнив этого задания, Наркомтоп получил новое решение от 13 июля 1939 г. о сдаче для Зап. Китая в течение 10 месяцев 16 тыс. т нефтепродуктов специального назначения (в том числе 12 тыс. т бензина) к выполнению которого еще не приступили. Кроме того, Главнефлесбыт не выполнил постановление Правительства о сдаче в 1-м полугодии в Зап. Китай 4 311 т нефтепродуктов для экспорта (сдано 3 521 т)¹⁶².

В заявке на поставки 1940-го года, переданной представителем Чан Кайши генералом Хэ Яо-цзу 21 января 1940 г., значилось 10 тыс. т авиабензина, 43 т октаноповышающей жидкости Р-9, 5 тыс. т автобензина, 1,3 тыс. т смазочных масел¹⁶³, которые также должны были доставляться через Синьцзян или Монголию.

Все, что удавалось получать на старой кубовой установке из добытой в течение 1936–1941 гг. нефти, использовалось в основном на местные нужды синьцзянскими властями и комбинатом. Учет вела китайская бухгалтерия. Но 1942-му году предстояло стать первым годом полноценной работы предприятия: глубокие скважины были пробурены, нефть (пусть и не в планируемом объеме) получена, небольшой, но современный завод завершался строительством. Теперь вопросы маркетинга остро встали перед нефтекомбинатом, а заинтересованные ведомства уперлись в правовую неопределенность предприятия.

24 декабря 1941 г. организация сбыта синьцзянских нефтепродуктов обсуждалась в Урумчи на совещании представителей торгпредства, Наркомнефти, нефтекомбината и «Совсиньторга». Участники подтвердили планируемый в 1942 г. переизбыток керосина и нехватку тары (особенно для выючных животных), которая играла важную роль в продвижении продукта в отдаленные районы. Потенциальный спрос на керосин, по оценке «внешторговцев», был выше реального вдвое. Необходимо было правильно организовать продажи. Но на совещании возник вопрос: кто должен вести реализацию? Нефтяники считали, что это должен делать «Совсиньторг», который имел собственную торговую инфраструктуру, транспорт, необходимые кадры. «Внешторговцы» указывали, что у них — экспортно-импортная организация, а продукция нефтекомбината — внутренний продукт Синьцзяна, и целесообразнее было бы создать на предприятии совместную сбытовую организацию. «Сейчас это дело осложняется тем, что неясен вопрос, кто будет хозяином — или [только] мы, или мы и китайское правительство, или [только] китайское правительство», — говорил Д.И. Неретин¹⁶⁴.

Вышедшее 7 февраля 1942 г. постановление СНК СССР «О работе Тушандзинского нефтекомбината провинции Синьцзян» предписывало пустить нефтеперегонный завод в эксплуатацию с 10 февраля 1942 г.¹⁶⁵ Но 13 февраля нарком

¹⁶² Там же. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 20. Л. 81; об этом также см.: Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. С. 162.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 321. Л. 51 (эл. pecypc: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/43747>. Дата обращения: 22.08.2020 г.).

¹⁶⁴ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4927. Л. 2.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 668. Л. 13.

нефтяной промышленности И.К. Седин сообщал заместителю председателя СНК СССР Л.П. Берия и наркому внешней торговли А.И. Микояну: «При настоящем положении Наркомнефть не может форсировать бурение и геолого-поисковые работы с тем, чтобы резко увеличить добычу и переработку нефти, так как это лимитируется мощностью построенного нефтеперегонного завода и главным образом отсутствием рынка сбыта нефтепродуктов <...> Таким образом, уже при существующей мощности завода будет получаться излишек керосина, который нужно вывозить в Союз»¹⁶⁶.

За несколько лет до этого, в апреле 1935 г., шанхайский журнал «Чайниз Экономик Джорнал» опубликовал экономический обзор Синьцзяна американца М.М. Фельдмана, в котором тот подчеркнул: «Географическое положение провинции таково, что если даже построить железные дороги, то синьцзянские ископаемые богатства нельзя будет продавать на мировых рынках по конкурентным ценам, благодаря запретительным фрахтам». «Может ли синьцзянская нефть когда-либо стать серьезным фактором на мировых рынках, если даже синьцзянские нефтяные ресурсы окажутся достаточно большими? — задавался вопросом журналист. — Это трудно предполагать, ибо так же, как и для других ископаемых, стоимость перевозки до ближайших морских портов окажется запретительной, в то время, как ближайший потенциальный потребитель — Россия — сама добывает нефть в окрестностях озера Балхаш и в Фергане»¹⁶⁷.

Вывозить керосин из Синьцзяна в СССР было невыгодно: сильно влиял географический фактор. Стоимость советских нефтепродуктов франко-граница была ниже стоимости таковых, выработанных на НПЗ нефтекомбината «Тушанцзы», даже с учетом транспортных расходов, которые превышали половину стоимости продукта (см. Таблицу 1). Расчетная себестоимость тонны синьцзянского бензина определялась в 456,66 син. долл., керосина — 319,17 син. долл.¹⁶⁸ При этом сбыт бензина в Синьцзяне не имел ограничений, керосина — был ограничен, остатки (мазут) вовсе не имели сбыта и списывались¹⁶⁹. В этих условиях нужно было думать о расширении сбыта всех нефтепродуктов внутри провинции за счет корректировки (снижения) цены и развития торговой сети.

Таблица 1.

Цены на нефтепродукты в Синьцзяне

	Цена Совсиньторга франко-граница, наливом за сырье		То же, за наличные		Цена Совсиньторга с учетом накладных расходов в Тушанцзы, за сырье		То же, за наличные		Цена нефтепродуктов нефтекомбината, франко-завод	
	син. долл. / т	руб. / т	син. долл. / т	руб. / т	син. долл. / т	руб. / т	син. долл. / т	руб./т	син. долл. / т	руб. / т
Бензин	200-79	332-31	331-30	548-31	471-70	780-67	778-31	1288-10	500-00	827-50
Керосин	185-00	306-19	266-41	400-79	461-44	763-70	609-10	1007-08	444-00	734-00

Источник: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 6108. Л. 9.

¹⁶⁶ Там же. Л. 8; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5908. Л. 2.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 28/2. Д. 60. Л. 106–107.

¹⁶⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 6108. Л. 12.

¹⁶⁹ Там же. Д. 5908. Л. 9.

Схема торговли советскими нефтепродуктами в Синьцзяне была такова: «Совсиньторг» продавал все торгово-заготовительной компании «Тучангунсы», у которой затем делали закупки оптовики-частники, перепродававшие нефтепродукты конечному потребителю. По сути, «Тучангунсы» была государственно-частной компанией-монополистом, которая, пользуясь положением, взвинчивала цены. Покупая у «Совсиньторга» бензин по 623 син. долл./т, «Тучангунсы» продавала его по 1520 син. долл./т, при этом цена на рынке (т.е. у купцов) составляла уже 2187 син. долл./т (данные на 1 января 1942 г.)¹⁷⁰.

Распоряжением СНК СССР № 7778-рс от 2 мая 1942 г. торговля советской долей продукции нефтекомбината «Тушанцзы» была возложена на «Совсиньторг»¹⁷¹. В августе 1942 г. управляющий Урумчинской конторой «Совсиньторга» уведомил директора нефтекомбината Неретина, что его организация будет заниматься реализацией продукции предприятия по цене: бензина — 735 син. долл./т, керосин — 630 син. долл./т¹⁷².

Появление на рынке нефтепродуктов конкурента в лице «Совсиньторга», конечно, было нежелательным для правительственной торговой компании. Китайцев беспокоил дешевый «советский» керосин, который, в отличие от бензина, шедшего сразу в баки грузовиков трассы «Z», должен был попасть на синьцзянский рынок. 18 сентября 1942 г. комиссар финансов Синьцзяна Пын Ци-юань обратился с предложением продавать советскую долю керосина только «Тучангунсы». «Просьба эта, — сообщал заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов Микояну, — мотивируется тем, что цена (900 синьдолларов за тонну), по которой комбинат реализует керосин, ниже, чем реализационная цена на керосин, ввезенный из Союза. Последнее не соответствует действительности. Истина в этом вопросе заключается в том, что комбинат продает керосин дешевле, чем цена, по которой продает керосин, получаемый с комбината, Синьцзянское Правительство»¹⁷³.

Ситуация с советскими финансами в Синьцзяне в тот период была критической, поскольку из-за падения товарооборота между странами в начале Великой Отечественной войны объем валютных средств сократился¹⁷⁴ и их нехватку в августе–сентябре 1942 г. ослабили продажей партии советской доли керосина

¹⁷⁰ Там же. Л. 3. Устав компании гласил: «Ту-Чан-Гунсы является чисто коммерческой организацией и свою работу, как с учреждениями, так и с частными лицами должно производить в чисто коммерческом порядке», при этом председатель и его заместитель назначались правительством Синьцзяна. См.: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 2902. Л. 72–73.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 740. Л. 16.

¹⁷² РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4901. Л. 218.

¹⁷³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5908. Л. 14.

¹⁷⁴ 12 декабря 1942 г. заместитель председателя Госбанка СССР Н.Ф. Чечулин сообщал в Наркомнефть СССР: «Потребности советских организаций в Синьцзяне в местной валюте до последнего времени покрывались Госбанком за счет выручки от реализации советскими же организациями товаров за наличный расчет. Поскольку реализации товаров за наличный расчет объединения НКВТ в Синьцзяне временно прекращена, а Комбинат вследствие неурегулированности его отношений с синьцзянскими организациями не может добиться получения сумм, причитающихся ему от последних, положение с денежной наличностью наших учреждений в Синьцзяне стало напряженным. При этом следует учесть, что возможность подкрепления нашей кассы в Синьцзяне из других источников в силу специфичности Синьцзянского валютного рынка весьма затруднительна»: РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4927. Л. 140–140 об.

местным купцам¹⁷⁵. Поэтому 27 сентября Наркомвнешторг СССР дал телеграфное указание торгогенту, чтобы, «не связывая себя никакими соглашениями о монополии по реализации керосина, заявить синьцзянской стороне, что как при продаже и других товаров, мы согласны при продаже керосина, вырабатываемого нефтекомбинатом Тушанцзы, предоставлять преимущество Тучангунсы»¹⁷⁶.

Синьцзянские власти, не удовлетворившись ответом Москвы, в начале октября 1942 г. запретили отпуск продукции комбината по нарядам «Совсиньторга». За покупку советской доли нефтепродуктов купцам-«оптовикам» стал грозить арест. Китайский директор предприятия потребовал все деньги от реализации сдавать в китайскую бухгалтерию¹⁷⁷. Была также предпринята попытка ограничить отпуск бензина советской автоколонне Наркомата обороны СССР, которая работала на трассе «Z».

*Из письма Д.И. Неретина генеральному консулу СССР
в г. Урумчи Г.М. Пушкину, 17 октября 1942 г.:*

«Несмотря на заявление Генерального Консульства Комиссару Финансов Пыну о том, что Советское Правительство считает необходимым до решения вопроса правового положения распределение нефтепродуктов на Комбинате оставить прежний, т.е. большая часть продукции должна отпускаться Советским организациям и в зависимости от наличия остатка отпускаться Китайским организациям. Однако, до последнего времени от Пына и Дубаня поступают директивные телеграммы директору Выну о полном удовлетворении Китайских организаций бензином, не считаясь с потребностью Советских организаций. Имея такие директивы, Директор Вын стал на путь прямого тормоза отпуска бензина Сов. организациям. Так, например, 11 октября с.г. нами был отпущен бензин Спец. Колонне НКО, когда машины с бензином подошли к шлагбауму, то полиция задержала их. Узнав об этом, я позвонил к Выну и просил, чтобы он дал указание полиции о пропуске указанных машин, последний отказался дать распоряжение полиции и я вынужден был сам открыть шлагбаум и пропустить автомашину. Подобные случаи имели место с машинами Восточной Колонны и Геологического Управления.

На мой вопрос Выну, почему с его стороны начали чиниться препятствия о пропуске Советским автомашин с продуктами, последний заявил, что, будучи на приеме Дубаня, получил от него строгое указание распоряжаться нефтепродуктами как Директор Комбината, на основании чего он и действует»¹⁷⁸.

В ответ нарком И.К. Седин просил у А.И. Микояна привлечь дипломатов для разрешения данной ситуации: нефтепродукты есть, а продавать их нельзя¹⁷⁹.

12 ноября 1942 г. Деканозов, предлагая различные меры для покрытия валютного дефицита в Синьцзяне, писал Микояну: «Часть этого долга можно

¹⁷⁵ Там же. Д. 4906. Л. 197.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5908. Л. 15.

¹⁷⁷ Там же. Д. 5888. Л. 13.

¹⁷⁸ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4906. Л. 265.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5888. Л. 13.

было бы покрыть дальнейшим отпуском бензина и керосина Синьцзянскому правительству по рыночным ценам. При предполагаемой выработке продуктов нефтекомбинатом до конца года можно было бы продать Синьцзянскому правительству тонн 700 нефтепродуктов, ориентировочно, на 700–800 тыс. синьдолларов. Необходимость дальнейшей продажи нефтепродуктов Синьцзянскому правительству, особенно керосина, вызывается тем, что Синьцзянское правительство за последнее время принимает все меры, чтобы не допустить продажи нефтепродуктов купцам, прибегая даже к арестам последних. Нам же нет необходимости обострять наши отношения на этой почве»¹⁸⁰.

В отчете нефтекомбината за 1942-й год отмечалось: «Основная часть нефтепродуктов, получаемых на Нефтекомбинате, реализовалась на сторону, и только незначительная часть использовалась для собственных нужд. Отпуск производился для наших советских организаций исключительно по нарядам Совсиньторга, а для китайских организаций керосин по нарядам департамента финансов, а бензин по нарядам Военно-Вооруженного отдела»¹⁸¹ (Таблица 2). При этом отмечалось, что за нефтепродукты, отпущенные советским организациям, платежи поступают, а синьцзянские организации просто забирают свою долю без всякой оплаты¹⁸².

Таблица 2.

Реализация нефтепродуктов в Синьцзяне в 1942 г.

Нефтепродукты, т	Сов. организациям		Кит. покупателям	
	Кол-во	Сумма, в а.д.	Кол-во	Сумма, в а.д.
Бензин	1.257,77	220.109,75	372,07	65.112,25
Керосин	203,66	30.549,00	835,41	125.311,50
Итого	1.461,43	250.658,75	1.207,48	190.423,75

Источник: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 7271. Л. 5.

7 декабря 1942 г. заместитель наркома нефтяной промышленности Н.К. Байбаков писал руководителям Госбанка СССР об отсутствии средств у нефтекомбината: «На получение денег от китайских организаций за отпущенные им нефтепродукты в ближайшее время рассчитывать нельзя. Неоднократные обращения Нефтекомбината к китайским организациям по этому вопросу никаких результатов не дали. Очевидно, что до подписания договора о правовом положении комбината китайцы свою позицию не изменят. Вторично прошу Вас принять соответствующие меры с тем, чтобы в ближайшее время обеспечить Нефтекомбинат наличными средствами»¹⁸³.

1942-й год заканчивался финансовым кризисом нефтекомбината. И если раньше нехватку денежных средств можно было объяснить нестабильным фи-

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 316. Л. 9.

¹⁸¹ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4955. Л. 7.

¹⁸² Там же. Д. 4927. Л. 122.

¹⁸³ Там же. Л. 125.

нансированием и отсутствием ликвидной продукции, то теперь — обострением отношений партнеров по предприятию. Вновь юридическая сторона вопроса вышла на первый план.

Casus belli

В соответствии с постановлением СНК СССР «О проведении работ по разведке и разработке нефтяных районов в провинции Синь-Цзян (Западный Китай) в 1941 году» от 12 июня 1941 г. подготовка договора по нефтекомбинату лежала на НКВД и НКВТ СССР, а персонально — на Молотове и Микояне¹⁸⁴.

В течение лета 1941 г. проект был подготовлен. Договор сводился к созданию советско-китайского акционерного общества «Нефтекомбинат “Ту-Шан-Цзы”», принадлежащего в равных долях правительствам СССР и Синьцзяна. Все расходы и доходы предприятия делились поровну. СССР обязался построить нефтекомбинат и предоставлял Синьцзяну кредит на его долю инвестиций на три года под 4,5 % годовых. В равных долях продукция выкупалась у нефтекомбината с надбавкой 20 %. Налоги на продажу советской доли нефтепродуктов в Синьцзяне не должны были превышать налогов синьцзянской доли. Земельные участки под добычу и поисково-разведочные работы выделялись безвозмездно, предприятие получало бессрочные «налоговые каникулы» на доходы и вывоз советской доли продукции (или закупленных за ее счет товаров — крупный и мелкий рогатый скот, лошади, золото). Советский участник мог беспошлинно ввозить оборудование для предприятия, которое должно было закупаться только в СССР. Управляющий нефтекомбинатом, директор и главный инженер НПЗ должны были быть советскими гражданами, заместители — китайскими. Для наблюдения за деятельностью нефтекомбината создавался Совет из равного числа представителей сторон. Срок договора определялся в 25 лет, после чего Синьцзянское правительство могло выкупить советскую долю, в противном случае договор автоматически продлевался еще на 5 лет. При этом для выкупа запрещалось использовать средства иностранных государств или граждан, также запрещалось продавать им советскую долю предприятия в случае отказа СССР от участия в проекте¹⁸⁵.

Проект был согласован с дубанем, но обе стороны по неизвестным пока причинам приостановили подписание соглашения¹⁸⁶.

Постановление СНК СССР от 7 февраля 1942 г. вновь обязало Молотова и Микояна «утвердить разработанное соглашение с Синьцзянским правительством об условиях работы Тушандзинского нефтекомбината»¹⁸⁷. Процесс урегулирования правового положения нефтекомбината был реанимирован, что означало повторение процедуры межведомственного согласования подготов-

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 25а. Д. 1266. Л. 58.

¹⁸⁵ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4890. Л. 22–28.

¹⁸⁶ 19 августа 1941 г. на проекте договора Микоян поставил резолюцию: «Отложить на 2 месяца»: РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5887. Л. 16. В документах НКВД также есть упоминание о подобном распоряжении В.М. Молотова. См.: РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4927. Л. 35.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 43а. Д. 668. Л. 12.

**Фрагмент поселка нефтекомбината «Тушанцзы».
На заднем плане контур нефтеперегонного завода, 1940–1941 гг. (РГАЭ)**

ленного ранее документа. 24 февраля 1942 г. заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов и заместитель наркома внешней торговли А.Д. Крутиков направили согласованный проект договора Молотову и Микояну. 20 марта 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О подписании Соглашения с правительством Синьцзяна по вопросу эксплуатации нефтекомбината Ту-Шан-Цзы», в котором утвердило советские условия сотрудничества, изложенные выше¹⁸⁸. В тот же день постановление принял СНК СССР (№ 373-179). В начале апреля документ направили Шен Шицаю.

За конец 1941 — начало 1942 г. на фоне снижения экономической помощи Советского Союза произошли изменения в отношениях провинции и метрополии. Шен Шицай, который еще в начале 1941 г. стремился сделать Синьцзян 16-й советской республикой, теперь заискивал перед Чан Кайши и обвинял СССР в «красном империализме».

19 марта 1942 г. при странных обстоятельствах был застрелен просоветски настроенный брат Шен Шицай — командир механизированного корпуса Шен Шици. Вскоре после этого дубань объявил о раскрытии большого заговора и обвинил в его организации советского генконсула И.Н. Бакулина и военного советника генерала П.Ф. Ратова. Параллельно он инициировал волну репрессий против мусульманской интеллигенции и коммунистов¹⁸⁹.

4 и 10 мая 1942 г. Шен Шицай написал об этих событиях Сталину и Молотову и, следуя известной ему советской практике, приложил к своим письмам показания некоторых арестованных граждан Синьцзяна. В этих же письмах он уведомил, что согласен подписать договор по нефтекомбинату, но в трехстороннем формате¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики. С. 108.

¹⁸⁹ Там же. С. 111, 115–116.

¹⁹⁰ Соколов В.В. Секретная миссия В.Г. Деканозова в Урумчи (Синьцзян) в 1942 году // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 174.

Не желая обострять отношения, СССР отозвал указанных дубанем людей. Для обсуждения накопившихся проблем 6 июля 1942 г. в Урумчи приехал Деканозов. Он привез письмо Молотова, в котором тот опровергал все обвинения в адрес советских дипломатов и советников. Молотов также сообщал, что правительство СССР «считает для себя возможным предоставлять оборудование, своих специалистов и вкладывать капиталы лишь в такое предприятие на территории Синьцзяна, в управлении которым участвуют только две стороны, а именно — Советский Союз и Синьцзян или центральное китайское правительство». Глава советской дипломатии предупредил дубаня о возможности отзыва специалистов и демонтаже советского оборудования нефтекомбината¹⁹¹.

В июле 1942 г. Чан Кайши прислал в Синьцзян министра экономики Вэнь Вэньхао и в разговоре с советским послом Панюшкиным выразил заинтересованность в скорейшем подписании договора о совместной эксплуатации нефтяных месторождений и надежду на то, «что Советское Правительство будет в дальнейшем обращаться по всем вопросам Синьцзяна непосредственно к Центральному Правительству, а не к провинциальным властям, во избежание повторения всевозможных недоразумений»¹⁹². 20 августа 1942 г. Молотов направил дубаню телеграмму: «Советское правительство принимает к сведению Ваше заявление о целесообразности участия в управлении нефтекомбинатом Тушанцзы двух сторон, а именно — Центрального Китайского правительства и Правительства СССР, и выражает свое согласие с этим заявлением»¹⁹³.

В середине сентября 1942 г. договор по нефтекомбинату был переделан юристами НКВТ СССР. В качестве второй стороны теперь фигурировало китайское правительство. Для обеспечения интересов СССР предлагалось выведение предприятия из-под действия законов, несовместимых с подписываемым соглашением, прежде всего из-под ограничительного горного законодательства Китая¹⁹⁴. Опасаясь противодействия синьцзянских властей, юристы предусмотрели, что параллельно с заключением договора полномочные представители Синьцзяна подпишут письмо, в котором возьмут на себя обязательство «точно и неуклонно выполнять все могущие относиться к нему постановления Соглашения»¹⁹⁵.

Китайские предложения кардинально отличались от советских. Китайцы соглашались на организацию предприятия только по китайским законам. Если в СССР полагали, что владение предприятием должно быть паритетным, то в Китае считали его китайским акционерным обществом с советской долей участия (49 % акций). Из семи членов Совета директоров, четверо, включая председателя, должны были быть китайцами, так же, как и директор предприятия. Заместителем директора мог быть советский гражданин. Первоначальный срок соглашения определялся в 7,5 лет. Китайский проект не подразумевал советского кредита. Земля, передававшаяся в советском варианте в пользование предприятию безвозмездно, теперь считалась вкладом Китая в акционерный

¹⁹¹ Цит. по: Там же. С. 178.

¹⁹² РКО. Т. IV. Кн. 1. С. 704.

¹⁹³ Соколов В.В. Секретная миссия В.Г. Деканозова. С. 174, 178.

¹⁹⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 6108. Л. 27–27 об.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4927. Л. 103.

капитал, а в случае недостаточности китайское правительство готово было покрыть остаток наличными¹⁹⁶.

Переговоры проходили на фоне все более обострившихся отношений на самом предприятии. Случаи мелкого и крупного хулиганства, неподчинения советским инженерам, прямые угрозы, запреты купцам на продажу продовольствия предприятию и покупку советской доли нефтепродуктов, забастовки и факты прямого вредительства — об этом советский директор предприятия Неретин регулярно сообщал в Москву с октября 1942 г. 6 января 1943 г. об этих инцидентах советский посол в Китае А.С. Панюшкин говорил с самим Шен Шицаем, но в своем отчете сделал вывод, что «дубань и в дальнейшем будет проводить взятую им позицию в отношении нас, т.е. будет продолжать пако-стить нам»¹⁹⁷.

22 января 1943 г. состоялась встреча Панюшкина с министром иностранных дел Китайской республики Сун Цзывэнем, которая положила начало многомесячным переговорам¹⁹⁸. Основными спорными вопросами были: принцип экстерриториальности предприятия, соотношение долей партнеров, гражданство управляющего персонала, принцип отвода земель (бесплатный или на платной основе). Панюшкин настаивал на паритетности, объясняя свою позицию государственным, а не частным характером создаваемого общества, что, по его мнению, создавало исключительные условия, не учтенные китайскими законодателями. Главой предприятия должен был быть опытный и знающий производство человек, чем объяснялось назначение советского директора. Земля, по словам посла, не становилась собственностью предприятия и возвращалась Китаю после прекращения действия договора, а потому, по мнению советской стороны, должна была выделяться безвозмездно. Китайцы отвергали все это, как противоречащее их законам. На уступки никто идти не хотел, и переговоры зашли в тупик. 8 марта 1943 г. Панюшкин заявил: «Если китайская сторона не примет наших предложений, то советское правительство не видит путей к соглашению»¹⁹⁹.

6 мая 1943 г. на основании решения правительства нарком нефтяной промышленности И.К. Седин издал приказ № 184сс о прекращении работ²⁰⁰. Скважины были законсервированы. Китайцы попытались препятствовать демонтажу оборудования, и дело пошло лишь после прибытия дислоцированного в Синьцзяне советского кавалерийского полка²⁰¹. К 24 октября 1943 г. оборудование было демонтировано и вместе с материалами вывезено в СССР. Невывозимые остатки были проданы за бесценок.

С 1940 по 1943 г. было пробурено 18 скважин. После начала Великой Отечественной войны работы осложнились отсутствием необходимых для бурения труб и химреагентов. К моменту ликвидации комбината в 1943 г. эксплуатиро-

¹⁹⁶ Там же. Ф. 413. Оп. 12с. Д. 5888. Л. 36–40.

¹⁹⁷ ДВП. Т. XXVI. Кн.1. С. 23.

¹⁹⁸ Записи переговоров опубликованы в сборнике РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 714, 717, 732, 743, 747, 750 и доступны в Интернет.

¹⁹⁹ РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 745.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 1058. Л. 30.

²⁰¹ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 5005. Л. 8.

валось пять нефтяных скважин с общим дебитом 35–40 т/сут и 2 газовые — с общим дебитом 8 тыс. м³/сут. С сентября 1941 по июнь 1943 г. нефтекомбинатом было добыто 12 058 т нефти. Был построен современный НПЗ мощностью 50 тыс. т нефти в год, на котором с 1942 по 1943 гг. было получено 3 538 т бензина и 2 957 т керосина, которые выделялись как советским автоколоннам, так и синьцзянским потребителям. Кроме бензина и керосина комбинат для собственных нужд производил солярку и масла. Средний процент выхода светлых продуктов за время работы составил 50 %. Всего на работы по поискам нефти, разведке, обустройству месторождения и строительству НПЗ и рабочего поселка в Синьцзяне СССР потратил 29,4 млн руб., из них «невозмещенные убытки» составили 10,7 млн руб.²⁰²

Центральное правительство Китая сначала было удовлетворено таким развитием событий, надеясь, что место Советского Союза в Синьцзяне займут США, военно-техническая и экономическая помощь которых Китаю после вступления в войну значительно увеличилась. Однако американцы отказались от этой роли²⁰³, и 19 января 1945 г. министр иностранных дел Китайской республики Сун Цзывэнь вручил советским представителям официальное предложение о возобновлении экономического сотрудничества в Синьцзяне на советских условиях. «Для разработки нефтяных, вольфрамовых и оловянных месторождений в провинции Синьцзян по соглашению сторон организуются китайско-советские совместные компании, — говорилось в документе. — Капиталы компании составляются по 50% от каждой стороны. Административный состав: глава от китайской стороны, помощник от советской стороны. Технический состав: руководитель от советской стороны, а помощник от китайской стороны. Отчетность ведется совместно работниками от обеих сторон. Остальной административный и технический персонал назначается обеими сторонами на равных началах»²⁰⁴.

В январе 1949 г. в Урумчи выехала группа экспертов для подготовки нового соглашения об организации совместного акционерного общества «Совсиньнефть»²⁰⁵. Оно стало компромиссным. Например, в отличие от проектов 1938–1942 гг., земля, на которой должно было работать предприятия, признавалась частью капиталовложений китайской стороны. Китайцы соглашались на паритетность владения предприятием и назначение советского директора.

Но теперь Сталин сделал ставку на китайских коммунистов и не торопил экспертов и дипломатов. Более того, обратной реакцией на поведение Шен Шицая (вероятно, тут имела место и личная обида Сталина) стала «гибридная война», в основу которой была положена поддержка мусульманских сепаратистов и военно-техническая помощь коммунистам. При этом на первое место советский диктатор ставил обеспечение нефтью самого Китая. «Советуем обратить серьезное внимание на Синьцзян, где имеется в недрах нефть <...>, — сообщал Сталин Мао Дзэдуну в июне 1949 г. — Вам без своей нефти будет очень трудно. Если в скором времени начать работу в Синьцзяне, то можно будет че-

²⁰² Там же. Л. 1–3.

²⁰³ Камалов А.К. Китайско-советские отношения в Синьцзяне в 1940-е годы сквозь призму американских интересов // Вестник Университета «Туран». 2012. № 1. С. 163.

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 119. Л. 5.

²⁰⁵ Там же. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 4993. Л. 78–79.

рез два–три года иметь свою нефть. Можно было бы провести нефтепровод от района добычи и переработки нефти до станции Циньчжоу, а от Циньчжоу вы могли бы развезти нефть по Китаю как по воде, так и по железным дорогам. Поэтому не следовало бы вам откладывать надолго занятие Синьцзяна»²⁰⁶. Как и прежде, единственным страхом, который испытывал Сталин, была боязнь усиления в регионе британцев²⁰⁷.

После победы Коммунистической партия Китая в 1949 г нефтяное сотрудничество двух стран возобновилось в форме советско-китайского акционерного общества «Совкитнефть». Проект договора, согласованный с «гоминьдановскими» властями, практически без изменений был подписан 27 марта 1950 г., когда Синьцзян уже перешел под власть коммунистов²⁰⁸. Общество «Совкитнефть» просуществовало до начала 1955 г., когда целиком было передано КНР²⁰⁹.

Нефтяной проект СССР в Синьцзяне являлся частью комплекса мер экономической помощи в условиях кризиса колониальной системы и концессионной формы международной экономической деятельности. Основным мотивом участия СССР в нем являлись ни «жадность Сталина», ни «империалистическое» желание захватить горные богатства соседней страны или «раздвинуть южные границы». Советским лидером, который, несомненно, являлся главной движущей силой данного проекта и арбитром возникающих в ходе его реализации межведомственных конфликтов, двигало стремление не допустить укрепления в приграничных районах геополитических противников в условиях политической слабости метрополии — Центрального Китая. Именно это предопределяло весь комплекс мер экономической помощи со стороны небогатого свободными ресурсами Советского Союза. И именно изменение геополитической ситуации в регионе влияло на развитие нефтяного проекта в Синьцзяне: от синьцзянского правительственного нефтепромысла с наемными советниками из СССР в 1936 г. до так и не обретшего официального юридического статуса совместного акционерного общества «Нефтекомбинат “Тушанцзы”», призванного в первую очередь обеспечить нефтепродуктами стратегическую для Китая трассу «Z», и советско-китайского акционерного общества «Совкитнефть».

Другой важный мотив — экономический — диктовался необходимостью поддержания торгового баланса как с Синьцзяном, так и с Центральным Китаем. Нефть, как и другие полезные ископаемые, должна была поддерживать равный торговый баланс и обеспечивать условия для возврата советских кредитов. Продукция предприятия в Тушанцзы не изымалась Советским Союзом, в первые годы она шла только на удовлетворение нужд Синьцзяна, на втором этапе она должна была продаваться сторонам-участникам (по факту за нее платил лишь СССР). Правда, реалии в тот период были таковы, что синьцзянские

²⁰⁶ РКО в XX веке. Т. V. Кн. 2. С. 148.

²⁰⁷ См.: Запись беседы И.В. Сталина с делегацией ЦК КПК от 27 июня 1949 г. // РКО в XX в. Т. V. С. 150.

²⁰⁸ РГАЭ. Ф. 8627. Оп. 1. Д. 5004. Л. 70–77.

²⁰⁹ 12 октября 1954 г. было подписано советско-китайское коммюнике о передаче КНР с 1 января 1955 г. советской доли участия в смешанных советско-китайских обществах, в том числе в АО «Совкитнефть». См.: Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. М., 2015. С. 220–221.

нефтепродукты не имели для Советского Союза экономической значимости вне провинции. Их себестоимость превышала стоимость советских нефтепродуктов в Синьцзяне даже с учетом транспортных и накладных расходов, что лишний раз подчеркивает «внеэкономическую» мотивацию участия СССР в данном проекте. Стремление закупать продукцию предприятия по ценам, обеспечивавшим определенную норму прибыли, вполне соответствовало геополитическим интересам СССР. Синьцзянские нефтепродукты снижали нагрузку на транспортную систему, а участие СССР в нерентабельном предприятии снимало заинтересованность местных властей в поиске иностранных партнеров для добычи нефти.

Развитие предприятия зависело от твердой юридической базы, товаропроводящей сети и достаточных инвестиций, которых у Советского Союза не было. Нехватка ресурсов, отсутствие опыта и соответствующих кадров, неразвитая система органов внешнеэкономической деятельности, вовлеченность в проект множества ведомств со своими интересами и, конечно, сложная геополитическая ситуация в регионе предопределили трудности становления совместного предприятия. При этом его история, на наш взгляд, важный пример реальных механизмов командно-административной экономики СССР 1930-х — 1940-х годов и описанного П. Грегори и М. Харрисоном пренебрежения формальными правилами и, как следствия, экономических просчетов²¹⁰. Ведь в основу описанного международного проекта легла воля «Хозяина». Предприятие долго развивалось, не имея юридического основания в виде специальных решений директивных органов или международного договора, технико-экономического обоснования, что, в свою очередь, предопределило нерегулярность финансирования, геологические и технические ошибки, перерасход средств и, в конце концов, закрытие предприятия в 1943 г. При этом, как ни странно, Сталин добился своего: Советский Союз не допустил доминирования в этом регионе других государств, но для этого пришлось на определенном этапе жертвовать инвестициями и сворачивать экономическую деятельность, перенося центр тяжести в область военно-политических решений (организация антиправительственных вооруженных формирований). Квалифицировать подобный разворот событий как «провал» внешней политики СССР в Синьцзяне, на наш взгляд, нельзя, поскольку новые власти Синьцзяна, назначенные Нанкином вместо Шен Шицая, попытались отыграть ситуацию назад (о чем на встрече со Сталиным заявил представитель Чан Кайши Цзян Цзинго²¹¹), ясно видя, что дружба с северным соседом лучше вражды, да и экономическая ситуация с уходом СССР в провинции резко ухудшилась. В новых условиях, когда за счет военной помощи в Китае усилились позиции США и Великобритания, Сталин окончательно сделал ставку на китайских коммунистов и уже не стремился продвигать экономические проекты в Синьцзяне, ограничиваясь там лишь торговыми операциями.

Форма «смешанной концессии» для добычи, переработки нефти и продажи нефтепродуктов, предложенная СССР Синьцзяну, а затем Китайской республике, для конца 1930-х — начала 1950-х годов была беспрецедентной. Как

²¹⁰ Грегори П., Харрисон М. Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 263–268, 304–305.

²¹¹ Ледовских А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М., 1999. С. 38.

правило, крупнейшие транснациональные нефтяные корпорации добивались «чистой концессии», что не подразумевало участия государства-собственника недр в управлении, рисках и прибылях предприятия. Формат совместного предприятия лег в основу последующих подобных проектов. Предприятия на паритетной основе в области нефтедобычи были созданы в Китае, Монголии, Румынии и, в конце концов, во Вьетнаме, где советско/российско-вьетнамское предприятие «Вьетсовпетро» стало самым успешным внешнеэкономическим проектом СССР, а затем и России в области добычи нефти и газа²¹².

Библиография

- Backer W.J.* A History of the Marconi Company. 1874–1965. Routledge, 1970. 416 p.
- Dickens M.* The Soviets in Xinjiang. 1911–1949. [электронный ресурс], режим доступа: URL — <http://www.oxuscom.com/sovinxj.htm#yang>;
- Gedin S.A.* History of the Expedition in Asia, 1927–1935. Vol. 1. 1927–1928. Stockholm, 1943. 259 p.
- Kinzley J.C.* The spatial legacy of informal empire: oil, the Soviet Union and the contours of economic development in China's Far West // Twentieth-Century China. Vol. 40. 2015. October. № 3.
- Бармин В.А.* К вопросу о причинах провала деятельности Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 20-е гг. XX в. // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. 9. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. С. 30–35.
- Бармин В.А.* Некоторые вопросы политики Советской России в отношении провинции Синьцзян Китайской республики в 1919–1922 гг. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XX вв. Сб. ст. Томск, 1999. С. 120–130.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 189 с.
- Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г.* Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 209–244.
- Бармин К.В.* Политика великих держав в Синьцзяне в 1918 — 1949 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 30 с.
- Батурин Ю.М.* История спецоперации по поставке советского оружия в Китай (1937–1943 гг.). М.: РАН, 2017. 42 с.
- Вовк В.С., Османов В.Г., Евдошенко Ю.В.* К богатствам Желтого Дракона. Очерки по истории российско-вьетнамского сотрудничества в области нефти и газа. М.: Кучково поле, 2018. 356 с.
- Гасаллы Дж.П.* Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949). М.: Наука, 2015. 360 с.
- Генис В.Л.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920 — 1921. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований; МНПИ, 2000. 560 с.
- Горбачев Б.Н.* Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937 — 1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 123–135.
- Грегори П., Харрисон М.* Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 251–330.
- Документы внешней политики СССР. Т. XX. 1 января — 31 декабря 1937 г. М.: Политиздат, 1976. 788 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XXI. 1 января — 31 декабря 1938 г. М.: Госполитиздат, 1977. 792 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XXII: в двух книгах. Кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М.: Международные отношения, 1992. 712 с.; Кн. 2. 1 сентября — 31 декабря 1939 г. М.: Международные отношения, 1992. 688 с.
- Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: в двух книгах. Кн. 1. Январь — август. Май-коп: «Полиграф-ЮГ», 2016. 744 с.

²¹² Об этом см.: *Вовк В.С., Османов В.Г., Евдошенко Ю.В.* К богатствам Желтого Дракона. Очерки по истории российско-вьетнамского сотрудничества в области нефти и газа. М., 2018.

- Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна и нефтекомбинат «Тушанцзы». Об организации добычи и переработки нефти в Северо-Западном Китае в 1938–1943 гг. // Нефтяное хозяйство. 2020. № 2. С. 108–112.
- Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна: О зарождении советско-китайского сотрудничества в области поисков нефти и газа // Нефтяное хозяйство. 2018. № 5. С. 108–111.
- Евдошенко Ю.В.* Нефть Синьцзяна: Экспедиция особого назначения Наркомтяжпрома СССР и организация разведочных работ на нефть в Северо-Западном Китае, 1935–1937 гг. // Нефтяное хозяйство. 2019. № 1. С. 114–118.
- Камалов А.К.* Китайско-советские отношения в Синьцзяне в 1940-е годы сквозь призму американских интересов // Вестник Университета «Туран». 2012. № 1. С. 161–166.
- Ледовских А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.
- Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: МФД, 2003. 912 с.
- Мировицкая Р.А.* Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930 — 1940-е годы) // Китай в мировой и регионально политике. Вып. XV. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 237–247.
- Мировицкая Р.А.* Отношения СССР с Китаем в годы кризиса версальско-вашингтонской системы международных отношений (1931–1937 гг.) // Китай в мировой и регионально политике. Вып. XIV. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 241–271.
- Мировицкая Р.А.* Очерки истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 336–345.
- Мозохин О.Б.* ОГПУ–НКВД в борьбе со спецслужбами Японии. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 536 с.
- Обручев В.А.* Ископаемые богатства пограничной Джунгарии. М.; Л.: Цветметиздат, 1932. 68 с.
- Обухов В.Г.* Уран для Берии. Восточный Туркестан в Атомном проекте Кремля. М.: Вече, 2010. 368 с.
- Писарев А.А.* Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай с 1917 по 1949 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С. 119–216.
- Роган Ю.* Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М.: Альпина Паблишер, 2018. 559 с.
- Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.
- Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937 — 1945. Кн. 1: 1937 — 1944 / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли. 2000. 870 с.
- Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 — февраль 1950 г. Кн. 2: 1949 — февраль 1950 гг. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 608 с.
- Сладковский М.И.* Знакомство с Китаем и китайцами. 2-е изд. испр и доп. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 376 с.
- Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. М.: Киноград, 2015. 339 с.
- Соколов В.В.* Секретная миссия В.Г. Деканозова в Урумчи (Синьцзян) в 1942 году // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 162–180.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.
- Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30-е — 90-е годы). М.: Наука, 1992. 159 с.
- Торгашев Б.П.* Горная продукция и ресурсы Дальнего Востока. Харбин: Тип. КВЖД, 1927. 444 с.
- Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. 453 с.
- Шеметова Т.А.* Восстановление приграничной ярмарочной торговли с китайской провинцией Синьцзян в начале 20-х гг. XX века: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. III. С. 209–212.
- Шматов В.Г.* К вопросу о характере, видах и объемах советской помощи Китаю в период японской агрессии (1937–1942 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 249–252.
- Шматов В.Г.* Синьцзян в системе мероприятий Советского Союза по оказанию экономической и военно-технической помощи Китаю в период японской агрессии 1931–1943 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алтайский гос. гуманитарно-педагогич. ун-т, 2016. 175 с.

Мобилизационная подготовка железных дорог СССР в 1927–1935 гг.

Аннотация. 1927–1935 годы стали периодом формирования системы мобилизационной подготовки советской экономики к функционированию в условиях войны. Данная статья посвящена анализу мобилизационной подготовки советских железных дорог по важнейшим направлениям: обеспечение воинских перевозок и перевозок в интересах экономики в целом в период войны; подготовка к ремонту разрушенных в ходе боевых действий объектов железнодорожной инфраструктуры; формирование санитарных поездов и продовольственных пунктов; подготовка к отражению налетов неприятельской авиации и накопление мобилизационных запасов. Работа основана на материалах Государственного архива Российской Федерации, впервые вводимых в научный оборот

Ключевые слова: мобилизационная подготовка, индустриализация, история сталинизма, плановая экономика, история железных дорог, железнодорожный транспорт.

Мобилизационная подготовка экономики к будущей войне и поныне представляет собой одну из наименее изученных проблем истории советской экономики предвоенного периода. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, с одной стороны, тезис о том, что советское руководство истово готовилось к будущей войне, проводя практически всю индустриализацию 1930-х годов под знаком «военизации» промышленности и приспособления ее к деятельности в условиях военного времени, рассматривается, едва ли не как аксиома, не требующая доказательств. С другой стороны, механизм и важнейшие аспекты (не говоря уж о частностях) этого циклопического процесса до сих пор не стали предметом пристального научного интереса. Сюжеты, хотя бы отчасти связанные с вопросами мобподготовки, рассматриваются на текущий момент всего в трех отечественных монографиях. А.А. Мелия¹, несмотря на название своей работы, во главу угла поставил анализ генезиса советского эвакуационного планирования, поэтому тематика, связанная с развитием системы экономической мобилизации, в его работе отошла на второй план. Работа О.Н. Кена² при всех ее несомненных достоинствах также посвящена сюжетам, лишь опосредованно связанным с историей собственно мобилизационного планирования. Фактически, впервые вопрос о значении заблаговременной подготовки всей экономики (в том числе ее гражданской части) к войне поднял А.К. Соколов³. Так как его работа посвящена истории отечественной оборонной промышленности, мобподготовка всей экономики — лишь один из ее сопутствующих сюжетов. Таким образом,

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, ИРИ РАН, mukhin@mail.ru.

¹ Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004.

² Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. М., 2008.

³ Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская оборонная промышленность. 1917—июнь 1941 гг. М., 2012.

мобподготовка экономики СССР по сей день не стала предметом специального монографического исследования.

Разумеется, в одной статье мы не сможем рассмотреть все аспекты мобподготовки советской экономики в предвоенные годы — это задача полноценной монографии. Думается, что в свете вышеизложенного бесполезным явится анализ основных процессов мобилизационной подготовки хотя бы одной отрасли на протяжении сравнительно краткого периода времени.

В ходе архивных изысканий автору этих строк удалось обнаружить крупный комплекс документов, касающихся мобмероприятий на советских железных дорогах. Видимо, нет нужды объяснять, насколько важна была мобилизационная подготовка транспортной системы к функционированию в условиях войны. А так как в 1920-е — 1930-е годы львиная доля грузоперевозок в СССР осуществлялась именно по железнодорожным магистралям, мобподготовка железных дорог играла ключевую роль в мобподготовке транспортной системы СССР в целом. Выбор хронологического периода диктуется спецификой истории мобподготовки Советского Союза. Собственно говоря, система моборганов СССР окончательно сформировалась только к 1927 г.⁴, до этого вся мобработка носила эклектический и хаотичный характер. С другой стороны, если первая половина 1930-х гг. стала временем неуклонного роста мобготовности страны, то вторая половина этого десятилетия характеризуется постоянными метаниями и явным снижением эффективности работы системы органов мобподготовки. Фактически, до 1939 г. страна продолжала выполнять мобплан МП-4, принятый еще в 1935 г., все мобилизационные планы, разработанные позднее — МП-38 (1937) и МП-10 (1938) — так и не были завершены планированием и не передавались для исполнения на предприятия. По большому счету, во Вторую мировую войну Советский Союз вступил с мобпланом 1936 г., так как МП-1 был завершен только в 1939 г., а вступил в действие с 1940 года. Именно в связи с этим обстоятельством представляется оправданным ограничить исследование мобподготовки советских железных дорог именно периодом 1927–1935 гг. — временем наиболее эффективного развития мобработки в СССР в довоенный период.

Широко известно, что перед Первой мировой войной не только российское командование, но генералитет всех европейских стран был твердо уверен, что будущая война станет скоротечной, продлится недели, максимум — месяцы, и ставить вопрос о переводе промышленности на военные рельсы не имеет смысла. Но, как известно, дьявол прячется в деталях. Дело в том, что руководство Российской империи извлекло определенные уроки из опыта Русско-японской войны. В ходе того конфликта российское командование допустило много просчетов. Одним из таких упущений, отрефлексированных в Петербурге, стали затруднения отечественной железнодорожной сети при частичной мобилизации и переброске войск на Дальний Восток. Если железные дороги России столкнулись с такими проблемами при частной мобилизации в ходе локального

⁴ Подробнее см.: *Мухин М.Ю.* Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 415–420.

конфликта, что же произойдет при проведении всеобщей мобилизации? Этот вопрос заставил уделить повышенное внимание проблеме специальной подготовки железных дорог. Еще 17 февраля 1913 г. Николай II утвердил «Положение о подготовительном к войне периоде»⁵, в котором давалось определение этого периода и перечислялись мероприятия первой и второй очередей, проводимых в ходе него. Согласно этому документу, к первоочередным (то есть осуществляемым за счет обыкновенных смет соответствующих ведомств) мероприятиям Министерства путей сообщения относились:

- возвращение паровозов на дороги-собственницы, а на дороги, требующие усиления в случае мобилизации — командирование дополнительных локомотивов;
- ускорение и завершение в кратчайшие сроки ремонта путей и подвижного состава;
- распределение наличных вагонов в соответствии с мобилизационными потребностями;
- заготовка необходимых для обеспечения перевозок в ходе мобилизации материалов и запасов.

В рамках мероприятий второй очереди, проводимых за счет чрезвычайных кредитов, МПС должно было прекратить отправление за границу всех грузов и даже порожних вагонов «заграничной колеи»⁶ и вообще освободить от подвижного состава приграничные участки железных дорог. Остальные «второочередные» шаги МПС являлись углублением и расширением действий первой очереди — важнейшие дороги усиливались подвижным составом, дополнительно закупались расходные материалы, уголь и т.д. Как видим, еще накануне Первой мировой войны в России вполне осознавалась необходимость специальной подготовки железных дорог к войне, предпринимались шаги к такой подготовке. Однако вскоре последовали революционные события 1917–1921 годов, и вопросы мобподготовки железнодорожной отрасли естественным образом выпали из фокуса внимания руководства страны.

Строго говоря, к вопросу о необходимости мобподготовки промышленности к будущей войне, накоплению мобзапасов и сопутствовавших проблемах в советском руководстве начали задумываться уже в начале 1920-х годов. Осенью 1921 г. советское правительство впервые приступило к мобпланированию в экономической сфере в современном понимании этого вопроса. Именно тогда военное ведомство впервые поставило вопрос о создании перспективной (или, как тогда говорили, «максимальной») программы промышленной модернизации, предусматривавшей не только те ресурсы, которые уже имелись в распоряжении Совнаркома, но и ожидаемые результаты экономического роста⁷. Уже на этом этапе советское руководство приняло стратегическое решение, которое определило основной вектор мобилизационной подготовки страны на долгие годы вперед. Ставка делалась не на накопление военных запасов, а на подго-

---

⁵ ГА РФ Ф. А-310. Оп. 32. Д. 1. Л. 21.

⁶ Очевидно, что использовать эти вагоны в России было невозможно, поэтому, видимо, в данном случае речь идет о сокращении пропускной способности неприятельских железных дорог.

⁷ См.: Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923. Сборник документов. М., 2000. С. 233–236, 247, 250–251.

товку экономики к функционированию в военное время. Предполагалось резервировать не запасы ресурсов на складах, а промышленные мощности для их производства в случае необходимости.

Председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР, по совместительству возглавлявший в те годы еще и военную промышленность, П.А. Богданов по этому поводу писал: «Мобилизационные запасы армии всегда являются для страны тяжелым бременем, так как представляют собой значительный мертвый капитал, к тому же постоянно требующий затрат на освежение, пополнение, замену устаревших образцов и т.п. Тяжесть современного положения усугубляется еще тем, что в связи с опытом прошлой войны всюду идет переустройство армий, разрабатываются новые методы, новые типы вооружения, и вероятность того, что заготовленные по современным образцам запасы весьма скоро устареют, обесценятся и потребуют замены, весьма велика»⁸.

С другой стороны, Главное управление военной промышленности (ГУВП) ВСНХ отмечало, что для выполнения мобилизационного плана стране потребуются мобзапасы в натуральном виде — сырье, полуфабрикаты и т.п. ресурсы, без резервирования которых промышленность в случае войны начнет испытывать определенные затруднения и не сможет обеспечить армию всем необходимым. Причем на 1922 г. ГУВП полагало, что отечественное производство сможет обеспечить мобзапасов на 23 млн руб., а еще на 24 млн руб. ресурсов для мобрезервов следует приобрести за рубежом⁹, то есть свыше половины мобрезервов должно было прийти на импорт. Как видим, уже в начале 1920-х годов советское руководство достаточно адекватно подходило к проблеме мобилизационной подготовки, но вопрос упирался в финансы, вернее — в их хроническую нехватку.

В дальнейшем развитие мобсистемы тормозилось, в основном, тремя основными факторами. Во-первых, как только что отмечалось, у советского руководства не было свободных финансовых средств, которые можно было бы бросить на выполнение мобпрограммы, особенно ввиду необходимости бороться с послевоенной разрухой. Грубо говоря, перед Совнаркомом СССР стоял вопрос — направить ассигнования и материальные ресурсы на решение насущных проблем экономики или на мобподготовку промышленности и транспорта к гипотетической войне, рискуя, что находящаяся в кризисе экономика развалится самостоятельно без всякой войны.

Во-вторых, с переходом в 1921 г. к новой экономической модели, задачи мобилизационной подготовки стали все более очевидно вступать в противоречие с коммерческими интересами хозрасчетных трестов и синдикатов. Если в условиях «военного коммунизма» такие противоречия можно было снять директивным методом, то нэповская экономика требовала учитывать интересы хозрасчетных гособъединений, от которых в первую очередь требовали рентабельности. Поэтому типичной была ситуация, в ходе которой тот или иной трест или синдикат добивался в СТО разбронирования в интересах решения текущих экономических проблем тех или иных мобзапасов. Разумеется, СТО

⁸ Цит. по: *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. С. 21.

⁹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 2. Д. 55. Л. 1.

каждый раз гарантировал военным, что в следующем году «неприкосновенные» запасы будут восстановлены, но на следующий год повторялась та же картина.

Наконец, в-третьих, налаживание полноценной мобработки тормозилось организационным раздраем. Фактически, на протяжении всего нэпа мобработка находилась в ситуации анекдота про семь няnek и безглазого младенца. Мобмероприятия синхронно курировали СТО, Мобилизационно-плановое управление ВСНХ, Центральная Межведомственная мобилизационная комиссия при НКВМ и Комиссия обороны при ЦК РКП(б)¹⁰. Ситуация изменилась лишь в 1927 году. В условиях «военной тревоги» советское руководство по-новому взглянуло на проблему мобподготовки экономики. Теперь это была не какая-то абстрактная угроза гипотетической войны, которая, возможно, когда-нибудь случится. В воздухе отчетливо пахло порохом, и лидеры СССР хорошо понимали, что готовность промышленности и транспорта функционировать в условиях войны, возможно, придется тестировать на практике уже в ближайшие месяцы. После создания Распорядительного заседания (РЗ) СТО и подчиненных ему моборганов на местах вопрос с организационной структурой мобподготовки был в первом приближении решен. Теперь требовалось перевести мобработку из сферы громких деклараций в плоскость практических шагов. Рассмотрим, как это происходило — на примере железнодорожного транспорта.

В феврале 1927 г.¹¹ НКВМ в очередной раз обратился к НКПС и ВСНХ с требованием о создании на железных дорогах запасов топлива, которые обеспечили бы работу экономики в случае начала войны. Эти запасы, по мысли военных, должны были складываться из двух частей: собственно эксплуатационных запасов, призванных обеспечивать работу железнодорожных магистралей в мирное время, и запасов мобилизационных, которые гарантировали бы их бесперебойную работу в период мобилизации. Собственно говоря, ничего нового в этом предложении не было — такие мобзапасы топлива создавались на железных дорогах и ранее, однако в 1925–1926 годах, в связи с топливными затруднениями, вроде бы неприкосновенные мобзапасы были в очередной раз разбронированы и пущены на текущие нужды заинтересованных ведомств¹². Между тем, отмечали в НКВМ, за истекший период планы перевозок на мобпериод изменились, да и запросы восстанавливающейся экономики возросли, поэтому речь должна идти не о восстановлении мобзапасов топлива до уровня 1924 г., а о существенно больших мобрезервах. По действовавшему на тот момент плану поставок топлива, восстановление мобзапасов горючего на железных дорогах было намечено на 1 октября 1927 года. Ввиду обострения международной обстановки НКВМ настаивал на сдвиге завершения накопления запасов топлива на 1 мая того же года.

ВСНХ рассмотрел заявку военных и вынес свой вердикт. Отмечалось, что выполнение их требований теоретически возможно, но на практике приведет,

¹⁰ Подробнее об этом см.: Мухин М.Ю. Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 415–420.

¹¹ РЗ СТО было создано 25 июня 1927 г., а его местные органы окончательно сформировались еще позже. Таким образом, очевидно, что военное ведомство в данном случае работало на опережение.

¹² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 79. Л. 8.

по крайней мере, в отношении донецкого угля, к нежелательным последствиям, так как ради накопления мобзапасов на железных дорогах придется максимально урезать поставки остальным потребителям. С учетом не только объема поставок, но и сортности потребляемого угля, в особо тяжелое положение попал бы трест «Югосталь». В ВСНХ предложили компромиссное решение — довести объем мобзапасов топлива на железных дорогах до нормы к 1 июля. Тогда на 1 мая железные дороги имели бы запас горючего на 44 дня работы, что было, конечно, меньше нормативных 55 дней, но куда лучше запасов на 20 дней (по состоянию на 1 февраля). В принципе, НКПС поддержал позицию ВСНХ, хотя и представил свой план выхода из сложившейся ситуации. Основное отличие плана НКПС заключалось в том, что железнодорожники питали весьма оптимистичные надежды на рост угледобычи, что теоретически сулило ускорение накопления запасов горючего.

Однако военные не согласились с такой постановкой вопроса. Представители НКВМ обращали внимание, что расход топлива на железных дорогах в феврале-апреле, скорее всего, превысит плановые значения, поэтому требуется предусмотреть как минимум 5-процентный резерв поставок донецкого угля. Между тем, по предложениям и ВСНХ, и НКПС ситуация к 1 мая 1927 г. не обещала решения топливной проблемы.

Таблица 1.

Плановые поставки топлива на железные дороги к 1 мая 1927 г. (тыс. пуд.)

	Планируемая поставка на февраль — апрель	Имелось в наличии на 1 февраля	Расход за февраль — апрель	Остаток на 1 мая	Из них		Обеспеченность работы железнодорожного транспорта (дней)
					Мобзапас	Эксплуатационный запас	
По варианту ВСНХ	1928	573	1696	805	713	91	5,2
По варианту НКПС	2159	573	1696	1036	713	322	18,4

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.

Таким образом, очевидно, что по планам и ВСНХ, и НКПС, даже если плановые наметки воплотились бы в жизнь без единого срыва, к 1 мая 1927 г. железные дороги СССР были бы обеспечены топливом отнюдь не на 44 дня. Поэтому НКВМ снова потребовал от ВСНХ изыскать возможности для доведения запасов топлива на железных дорогах хотя бы до 44-дневной нормы. Кроме того, военные настаивали на строгом соблюдении сортности поставляемого угля. Очевидно, к этому моменту уже фиксировались случаи попытки закладки в мобрезервы менее качественного угля, лишь бы отчитаться о выполнении плана.

Вероятно, военные сочли необходимым заручиться в своих требованиях максимально возможной поддержкой. Судя по тому, что в материалах дела отложилось письмо полпредства Белорусской ССР, в котором представители

БССР солидаризировались с НКВМ¹³, можно предположить, что аналогичные запросы были направлены и в другие ведомства и учреждения. Но не все полученные отзывы были в пользу военных. Скажем, представительство ЗСФСР отказалось давать заключение по этому вопросу, предпочтя нейтральную позицию. Госплан высказался за выполнение заявки военных к 1 июня¹⁴, однако в дальнейшем этот срок был сочтен нереалистичным. В итоге 31 марта 1927 г., на заседании специальной комиссии при СНК СССР было решено создать необходимый запас топлива на железных дорогах только к 1 июля. Но уже в апреле появились сомнения, что и к 1 июня эту задачу удастся выполнить. Причем если в марте основные вопросы возникали в отношении поставок донецкого угля, то в апреле наибольшую тревогу вызывала ситуация с углем кузнецким¹⁵. На 7 апреля ситуация с запасами угля выглядела следующим образом.

Таблица 2.

Положение с обеспеченностью углем железных дорог Западной Сибири на 7 апреля 1927 г. (тыс. т)

Железная дорога	Наличные запасы		Требовалось запасов	
	Всего	Обеспеченность в днях	мобзапасов	Эксплуатационных
Омская	15,4	7	51,9	91,7
Златоустовская	15,7	16	14	54,8
Томская	26,9	16	59,4	57,4
Пермская	55,0	23	72,7	102,1

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 79. Л. 28 об.

Как видно из Таблицы 2, в наиболее тяжелом положении оказалась Омская железная дорога, на которой речь шла даже не столько о накоплении мобрезервов, сколько хотя бы об обеспечении текущей перевозочной работы. На 5 апреля наличные запасы топлива гарантировали работу данной железной дороги в течение всего пяти дней. Ввиду сложившегося положения дел НКПС просил высвобождавшиеся вагоны направлять исключительно на отправку кузнецкого угля. Окончательно вопрос о размерах мобилизационного и эксплуатационного запасов топлива на железных дорогах был закрыт лишь решением СТО от 29 апреля 1927 года¹⁶.

Весной того же 1927 года внимание советского руководства привлек вопрос мобготовности железных дорог уже не в плане обеспечения мобрезервов топлива, а в отношении запасов подвижного состава. 5 апреля, в разгар кризиса с поставками кузнецкого угля, НКВМ обратился в Реввоенсовет с письмом,

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 28.

¹⁶ Там же. Л. 3.

в котором отмечалось, что количество и состав подвижного состава, который будет выделен в распоряжение военных с началом мобилизации, до сих пор определяется постановлениями СТО от 2 июня и 5 сентября 1922 г., а также от 13 августа 1924 года. В частности, в 1924 г. было согласовано, что мобзапас подвижного состава должен составлять для поездов санитарного назначения — 609 вагонов, а для бронепоездов и прочих подвижных соединений — 49 бронепаровозов, 158 бронеплатформ и еще 91 вагон разного типа. Всего, таким образом, для мобрезервирования требовалось 907 единиц подвижного состава. В 1924 г. количество подвижного состава, резервируемого для подвижных частей, было решено существенно нарастить. Теперь планировалось дополнительно зарезервировать по этой графе 41 бронепаровоз, 86 бронеплатформ и 610 различных вагонов. Всего, таким образом, в мобрезерв следовало отправить 1644 единицы подвижного состава.

Между тем, потребности РККА с тех пор существенно возросли, и, по мнению военных, прежние мобпланы требовалось срочно пересмотреть. В частности, теперь НКВМ настаивал на выделении для мобзапаса подвижных частей и учреждений 498 вагонов-кухонь, вагонов-аптек-перевязочных и вагонов для тяжело раненных, в том числе:

- Классных 4-хосных — 260
- Классных 3-хосных — 11
- Классных 2-хосных — 221
- Крытых 4-хосных — 6.

Кроме того, в мобзапас следовало зарезервировать 90 бронепаровозов и паровозов, 244 бронеплатформ, 2 мотовагона, 2 вагона-гаража, 3 4-хосных вагона-электростанции, 11 классных жестких 4-хосных вагона, 231 крытый 4-хосный вагон, 80 крытых 2-хосных вагонов, 10 4-хосных платформ и 50 2-хосных бензиновых цистерн. Всего, таким образом, к резервированию намечалось 1221 единица подвижного состава¹⁷. Однако этим аппетиты военных не ограничивались. Помимо подвижного состава для мобзапаса НКВМ нуждался в подвижном составе для действующих частей и учреждений. Правда, одни и те же бронепаровозы и бронеплатформы военные были готовы зачесть и в мобрезерв, и в обеспечении подвижных соединений. Однако сверх того для действующих подвижных соединений НКВМ настаивал на предоставлении в его распоряжение 399 вагонов, в том числе:

- Крытых 2-хосных — 128
- Крытых 4-хосных — 41
- Платформ 2-хосных — 31
- Платформ «Фокс-Арбель» — 9
- Платформ 4-хосных — 11
- Цистерн 2-хосных — 24.

Что касается оплаты предоставленного подвижного состава, то НКВМ предлагал оставаться на позициях, согласованных между военным ведомством и НКПС еще в 1924 году. Тогда было решено, что НКПС осуществляет наблюдение за исправным состоянием вагонов и локомотивов, отправленных в мобза-

¹⁷ Там же. Д. 11. Л. 6.

пас, а также осуществляет охрану вагонов, не входящих в состав бронепоездов. В свою очередь, НКВМ был обязан возмещать расходы НКПС по содержанию и ремонту подвижного состава как находящегося в эксплуатации военного ведомства, так и перечисленного в мобзапас.

Строго говоря, заявка военных в 1927 г. была даже несколько меньше, чем в 1924 году. Если прежде НКВМ настаивал на выделении в мобзапас 1644 единиц подвижного состава, то теперь предлагалось резервировать 1221 единицу в мобрезерв и выделить 399 единиц для действующих подвижных учреждений, что в сумме давало 1620 единиц подвижного состава. Очевидно, что основные изменения касались качественного, а не количественного состава резервируемых вагонов и локомотивов. Впрочем, не следует упускать из вида и то обстоятельство, что фактически на апрель 1927 г. в распоряжении военных из 1644 «положенных» единиц подвижного состава наличествовало лишь 1296 единиц¹⁸. Так что, говоря о необходимости мобрезервирования 1620 единиц, военные отнюдь не имели в виду действительное сокращение резервируемого подвижного состава.

Однако предложения военных встретили отпор со стороны железнодорожников. 27 апреля НКПС направил в СТО письмо, в котором, проведя анализ количества находящихся в распоряжении военных вагонов и локомотивов и сравнив его с предложениями военного ведомства, отмечал, что для удовлетворения их запросов «придется изъять из эксплуатации для передачи Наркомвоенмору без достаточных к тому оснований 363 единицы подвижного состава, в эксплуатацию же фактически будет слано 2 тендера, так как 37 бронеплощадок передаются в распоряжение ОГПУ для нужд охраны и обороны путей сообщения»¹⁹. На заседании СТО представители НКВМ пытались изложить суть своих предложений как некую замену в мобрезерве одних вагонов и локомотивов на другие. Однако железнодорожники, разобравшись в вопросе, парировали, что никакой замены нет, а есть требование военных увеличить мобзапас на 363 единицы подвижного состава. Советские железные дороги в те годы переживали жесточайший «вагонный голод», поэтому от выделения вагонов и локомотивов в мобзапас (т.е. их вывод из активного оборота) НКПС категорически отказывался. Если Военведду настоятельно требуется нарастить мобрезерв подвижного состава, отмечали представители НКПС, то следует попытаться оживить часть так называемого «кладбищенского» состава — то есть дефектных вагонов и локомотивов, стоявших в различных железнодорожных тупиках еще со времен Гражданской войны. Для его ремонта предлагалось изыскать 600–700 тыс. рублей.

Договориться двум ведомствам не удалось, и их спор был перенесен на заседание Комиссии обороны (КО), состоявшееся 14 мая 1927 года. Эта комиссия Политбюро в 1925–1927 гг. сосредоточила в своих руках курирование вопросов мобподготовки экономики СССР в целом, поэтому обозначенный межведомственный конфликт явно входил в круг вопросов, которые эта институция была призвана решать.

На заседание был вынесен проект постановления «Об установлении нормы подвижного состава для Наркомвоенмора» в редакции РВС — 1221 единица

¹⁸ Там же. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 15.

подвижного состава в мобрезерв и 399 — для действующих подвижных частей и учреждений; и в редакции НКСП — 1277 единиц подвижного состава всего. К этим двум проектам прилагались мнения прочих заинтересованных ведомств. Наркомфин солидаризировался с вариантом РВС, СТО так же поддержал вариант военных²⁰. Тем не менее, в результате оживленных дебатов РЗ СТО 18 июля (таким образом, дискуссия растянулась на два месяца!) приняло компромиссное решение. Для НКВМ в общей сложности (и в мобзапас, и для действующих учреждений) было решено зарезервировать 1334 единицы подвижного состава, а именно:

Бронепаровозов и паровозов — 90
Бронеплатформ — 244
Мотовагонов 2-х- и 4-хосных — 2
Вагонов-электростанций 4-хосных — 3.

Кроме того, поставке подлежали по одному 8-и- и 4-хосному вагону-гаражу. Помимо этого, НКВМ следовало поставить пассажирских вагонов:

Жестких 4-хосных — 273
Жестких 3-хосных — 11
Жестких 2-хосных — 247
Мягких 4-хосных — 2
Мягких 3-хосных — 10.

Остальные вагоны, подлежащие поставке, относились к товарным²¹.

Судя по всему, на этом вопрос с мобподготовкой железных дорог в 1927 г. был закрыт. Во всяком случае, до 1931 г. более эта проблематика в обнаруженных нами документах не отражена. Однако в феврале 1931 г. уже НКПС обратился в РЗ СТО с письмом, в котором утверждалось, что мобподготовка транспорта страдает из-за отсутствия важнейших нормативных документов, которые должны регулировать деятельность транспортных органов в военное время. Все эти нормативные документы, по мнению Центрального мобилизационного управления (ЦОМ) НКПС (эта структура значилась автором письма), можно было подразделить на три группы положений:

1. По организации аппарата НКПС на военное время;
2. По законодательству, регулирующему работу транспорта в военное время;
3. По вопросам труда и быта.

Особое возмущение ЦОМ вызывало то обстоятельство, что еще в 1939 г. наркомат подготовил «Положение об НКПС на военное время», «Положение о Высшем совете по перевозкам», «Устав железных дорог на военное время» и «Правила перевозки грузов по железным дорогам на военное время», которые формально полностью перекрывали упомянутые первую и вторую группы нормативных документов. Но за два истекших года РЗ СТО не нашло времени утвердить эти документы! Помимо этого, отмечали железнодорожники, утвержденное ЦИК и СНК СССР «Положение о правах и обязанностях рабочих и служащих в военное время» от 3 апреля 1929 г. уже устарело и нуждалось в коренной переработке, о чем НКПС сигнализировал с лета 1930 года²².

²⁰ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

²¹ Там же. Л. 2–2 об.

²² Там же. Оп. 3. Д. 131. Л. 33.

Однако вскоре принятие нормативных документов в отношении мобподготовки железных дорог отошло на второй план, так как военные вновь ударили в набат по поводу срыва плановых заданий по текущей мобготовности железнодорожного транспорта. 27 июля НКВМ обратился непосредственно в Совнарком с письмом, в котором сформулировал целый букет претензий к НКПС и якобы потворствующему ему ВСНХ. Во-первых, военные были недовольны тем, что в западных регионах СССР на железных дорогах было, по их мнению, недопустимо мало исправных паровозов. В результате мобилизационное расписание № 10, действовавшее на тот момент для РККА, не могло быть выполнено в случае войны по техническим причинам.

Таблица 3.

Обеспеченность важнейших железных дорог западной части СССР паровозами на лето 1931 г.

Дорога	Норма потребности по мобрасписанию № 10	Фактическое наличие на:		
		1 июня	1 июля	20 июля
Октябрьская	1 062	839	875	908
Московско-Балтийская	1 338	1 052	1 041	1 024
Западная	975	665	682	631
Юго-Западная	866	699	665	749
Всего	4 241	3 255	3 263	3 312

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 114. Л. 2.

Легко заметить (см. Таблицу 3), что количество наличных паровозов не только было существенно ниже потребного по мобрасписанию, но на некоторых дорогах еще и снижалось. Скажем, на Московско-Балтийской и Западной железных дорогах на 1 июня имелось больше паровозов, чем на 20 июля. Настойчивые требования военных увеличить парк локомотивов в западных регионах неизменно наталкивались на жесткий отказ НКПС, который открыто заявлял, что, ввиду необходимости обеспечить осенне-зимние перевозки в Сибири, он намерен еще больше сократить количество паровозов на западных железных дорогах²³.

Во-вторых, военное ведомство обращало внимание на рост затруднений с накоплением мобзапасов донецкого угля. По действовавшим на тот момент нормативам, НКПС был обязан накопить к 1 июля 150 тыс. т донецкого угля. Однако фактический запас составлял лишь 11,976 тыс. т, или всего 8 % от положенного. Таким образом, в 1931 г. военные фиксировали те же проблемы с мобподготовкой железных дорог, что и в 1927 г. — нехватку мобзапасов топлива и подвижного состава. Однако в 1931 г. появились и новые поводы для критики мобготовности НКПС.

²³ Там же. Оп. 9. Д. 114. Л. 2.

Дело в том, что с 1930 г. советское руководство перешло к практике «пробных мобилизаций». Теперь проверка мобготовности того или иного предприятия, учреждения или целой отрасли (или части отрасли) проводилась не путем направления инспекции, которая работала в основном с документами, а проведением полномасштабных мобилизационных учений, в ходе которых предприятие или группа предприятий должны были на некоторое время перейти на мобположение и на практике показать, как они будут функционировать в условиях войны. Наиболее ранний из дошедших до нас документов об организации подобных мероприятий датирован 21 февраля 1930 года. Это выписка из протокола заседания РЗ СТО по пункту «План проведения опытных мобилизаций промышленных предприятий в текущем году»: «Поручить ВСНХ СССР вновь проработать вопрос, исходя из следующих указаний:

- 1) Количество мобилизуемых в опытном порядке заводов увеличить, примерно до 20-ти.
- 2) Сверх этих заводов к участию в опытной мобилизации привлечь наиболее ответственные заводы, находящиеся в кустовой связи с ними.
- 3) Срок проведения опытной мобилизации заводов ограничить временем, необходимым для выпуска первых образцов продукции, требующихся от них мобилизационным заданием.
- 4) ВСНХ СССР предварительно всесторонне подготовить опытную мобилизацию и организовать тщательное наблюдение за работой всех звеньев в процессе ее проведения, обеспечивающее полный учет и анализ всех узких мест и затруднений...»²⁴.

Очевидно, что вопрос о пробных мобилизациях поднимался ранее, раз ВСНХ было поручено «вновь проработать» эту проблему, однако в начале 1930 г. решение этого вопроса перешло в практическую фазу, и уже 10 марта 1930 г. РЗ СТО приняло специальное постановление «О проведении опытной мобилизации промышленных предприятий в 1930 г.», в котором, очевидно, на базе предложений ВСНХ, были сформулированы основные принципы проведения такого мероприятия.

Наконец, в 1931 г. аналогичную опытную мобилизацию было решено провести и на некоторых железных дорогах, однако, судя по письму НКВМ в Совнарком, железнодорожники это решение откровенно саботировали. Еще 2 июня 1931 г. Совнарком поручил НКПС провести в течение 1931 г. опытную мобилизацию на двух железных дорогах. Однако, судя по письму НКВМ, НКПС данное постановление Правительства выполнять отказался и выразил намерение перенести проведение опытных мобилизаций на 1932 год. Правительство затребовало от наркомата путей сообщения объяснений. Забегая вперед, отметим, что в августе того же года НКПС все же решил не игнорировать молчком распоряжение правительства а поставить Совнарком в известность о решении наркомата: «Имея в виду, что проведение в настоящее время опытных мобилизаций вызовет срыв подготовительных работ по осенне-зимним перевозкам — НКПС ходатайствует о перенесении опытной мобилизации на февраль мес. 1932 г.»²⁵. Это предложение было принято, а в постановление Совнаркома вне-

²⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 595. Л. 10–10 об.

²⁵ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 114. Л. 3.

сены соответствующие коррективы. Однако в феврале 1932 г. опытная мобилизация у железнодорожников вновь не состоялась. Неизвестно, какие доводы приводили в НКПС, но 26 апреля 1932 г. Комиссия обороны вновь потребовала от наркомата путей сообщения представить к 15 мая план опытной мобилизации в текущем году.

Сделаем небольшое отступление. Упомянутая Комиссия обороны при Политбюро ВКП(б) была ликвидирована в 1927 г. с передачей ее функций и компетенций РЗ СТО. Однако в декабре 1930 г. РЗ СТО было упразднено, а его функции переданы Комиссии обороны при Совнаркоме СССР. В состав Комиссии вошли И.В. Сталин, В.М. Молотов (председатель)²⁶, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышев²⁷. Судя по всему, именно этот орган и стал основным организующим центром всей мобработки в масштабах Советского Союза в годы первых пятилеток, вплоть до 1937 г., когда на базе Комиссии обороны был создан Комитет обороны Совнаркома СССР. Таким образом, в 1933 г. под той же аббревиатурой, что и в 1927 г. скрывалась уже новая институция.

Вернемся к проблемам мобподготовки железных дорог. НКПС действительно представил план опытной мобилизации на Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге в начале июля, и Рязанско-Уральской — во второй половине августа. Опытная мобилизация должна была каждый раз продолжаться неделю, расходы на это мероприятие были оценены в 375 тыс. рублей. Собственно, именно по этому поводу и разгорелись наиболее жаркие дебаты — НКПС и НКВМ предлагали отпустить эти средства из резервного фонда Совнаркома, а Наркомфин настаивал на покрытии этих расходов за счет сметы НКПС²⁸. Документов о проведении этой опытной мобилизации на железных дорогах за последующие годы пока разыскать не удалось, и можно предположить, что до реального воплощения в жизнь этих планов дело так и не дошло.

В следующий раз вопрос о мобготовности железных дорог был поднят летом 1932 г., причем на этот раз — на максимально высоком уровне. Председатель ОГПУ В.Р. Менжинский 26 июля перенаправил докладную записку Транспортного отдела (ТО) ОГПУ СССР лично И.В. Сталину. К этому моменту действующим для армии был уже мобплан № 11. Сравнив контрольные цифры этого плана с наличным подвижным составом, ТО ОГПУ констатировал нехватку 666 паровозов и 8 557 платформ, отметив при этом проблемы не только с количеством, но и с качеством локомотивов и вагонного парка. При норме в 17 %, на деле «больными» (требующими ремонта) являлось 21,4 % паровозов и 4 % вагонов (при норме в 1,7 %). Особенно напряженным было положение с вагонами.

---

²⁶ Там же. Оп. 8. Д. 152. Л. 5.

²⁷ *Васильев В.В.* Создание и работа Военно-технического бюро при Комитете обороны СНК СССР в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 48.

²⁸ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 114. Л. 6.

Таблица 4.

**Ситуация с вагонным парком на основных железных дорогах
западных областей СССР летом 1932 г.**

Железная дорога	Крытых вагонов			платформ		
	Всего	«больных»	% «больных»	Всего	«больных»	% «больных»
Западная	16 390	809	4,8	4 118	261	6,3
Октябрьская	19 712	1 126	5,7	3 248	334	10,2
Московско-Балтийская	10 149	721	7,1	3 192	194	5,1
Юго-Западная	13 996	343	2,4	3 094	109	3,2

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 6. Д. 163. Л. 35.

Железнодорожники ссылались на то, что «если завтра война», проблема будет решена за счет паровозов из мобзапаса, однако сотрудники Менжинского настаивали: «качественное состояние холодного мобзапаса паровозов неудовлетворительно»²⁹. Наблюдались факты нахождения в мобзапасе паровозов, простаивавших в запасе более двух лет, без замены устаревших 3-хосных тендеров на 4-хосные, а то и вовсе непригодных к движению. Что касается планов НКПС осуществить в мобпериод и предшествующий ему «предмобилизационный период», массовую переброску 1 151 паровозов, 36 107 вагонов и 24 842 платформ из тыловых районов СССР в западные приграничные области, то эта программа, по мнению представителей ТО, «является нереальной и в особенности по вагонам, и в намеченные сроки выполнена быть не может». Сотрудники ОГПУ отмечали, что, во-первых, рассчитывать на длительный предмобилизационный период, в ходе которого международная напряженность будет нарастать постепенно, в реалиях 1930-х годов нельзя. Во-вторых, пропускная способность приграничных железных дорог делает такую переброску делом крайне продолжительным. Кроме того, вызывала серьезные сомнения способность приграничных дорог принять и включить в перевозочную работу такую массу подвижного состава, даже если бы он каким-то образом действительно оказался переброшен из Сибири и Средней Азии в Белоруссию и на Украину. Скажем, только Юго-Западной железной дороге надлежало к четвертому дню мобилизации получить дополнительно 16 тыс. единиц подвижного состава, то есть ее вагонно-локомотивный парк должен был, фактически, удвоиться. Как железная дорога пережила бы такое «удвоение» за четыре дня — оставалось только гадать. Поэтому ТО ОГПУ настаивал на наращивании запасов подвижного состава в западных регионах уже в мирное время.

Обращает на себя внимание, что сотрудники Менжинского фиксировали нехватку железнодорожных платформ, но не вагонов. Более того — железнодорожники, признавая дефицит открытых платформ, как раз предлагали компенсировать недостачу платформ за счет избыточного предложения вагонов. Однако представители ТО ОГПУ отмечали, что рост механизации и моторизации

²⁹ Там же. Оп. 6. Д. 163. Л. 30.

РККА делает такую замену бессмысленной. Для перевозки танков, броневедомостей, тракторов и артиллерийских орудий требовались именно открытые платформы, и даже три «теплушки» заменить одну платформу в этом смысле не могли.

В представляемых НКПС отчетах о мобготовности сотрудниками Менжинского отмечались случаи прямого очковтирательства. В записке ТО ОГПУ приводился прецедент Северо-Кавказской железной дороги, на которой при попытке отправить на другие дороги паровозы из мобрезерва выяснилось, что из 21 паровоза, предназначенных для отправки, 14 требуют заводского ремонта, а 7 — ремонта в депо³⁰. При этом по отчету дирекции Северо-Кавказской железной дороги все паровозы значились исправными. Помимо этого отмечалось, что программа ремонта паровозов и вагонов хронически не выполнялись. Скажем, майская ремонтная программа паровозов была выполнена железнодорожными мастерскими на 79 %, а заводами НКПС — на 92 %, план ремонта вагонов — на 70 %.

В дальнейшем мобподготовка советских железных дорог вошла в более организованную колею. Так, на 19 декабря 1932 г. было назначено заседание КО, на котором планировалось рассмотреть вопрос о мобготовности железнодорожного транспорта на 1933 г.; от НКПС потребовали представить доклад. Доклад оказался весьма лаконичен (страница машинописного текста), но он дает представление о мобилизационной готовности советских железных дорог на тот момент. Согласно этому документу, в соответствии с мобилизационным расписанием МР-11, которое должно было вступить в действие с 1 мая 1933 г., пропускная способность ведущих к гипотетическому западному фронту железных дорог была повышена, по сравнению с мобрасписанием МР-10, на 133 пары, и доведена до 871 пар поездов. Всего к Западному фронту было возможно подавать ежедневно 554 эшелона (для сравнения — на 1913 г. эта величина составляла 223 эшелона). Однако в случае полного удовлетворения заявки НКВМ на военные перевозки, признавали специалисты наркомата путей сообщения, для выполнения народнохозяйственных перевозок в мобпериод оставалось очень мало подвижного состава: выходы из Сибири могло обслуживать 15,5 пар поездов в сутки, выходы с Урала — 7, а с Северного Кавказа — 24 пары.

Всего для перевозок по мобплану требовалось 15 466 паровозов и 429 964 вагона. На 1 июля 1932 г. в распоряжении советских железных дорог, за вычетом «больных», имелось 16 146 паровозов и 400 730 вагонов и платформ. Чтобы покрыть нехватку подвижного состава в мобпериод и в предшествующее ему время, предполагалось перебросить в западные регионы СССР 1020 паровозов, 50 700 вагонов и 26 050 платформ³¹. Таким образом, очевидно, что даже докладная записка ОГПУ, попавшая на стол Сталина, не подвигла НКПС на существенное изменение своей позиции по поводу организации массовой переброски подвижного состава в западные регионы СССР.

Отметим, что для российских просторов количество паровозов и вагонов в распоряжении НКПС было относительно невелико. В СССР на 100 км желез-

---

³⁰ Там же. Л. 33.

³¹ Там же. Л. 55.

нодорожной сети приходилось всего 23 паровоза и 643 вагона, в то время как в Германии, соответственно — 46 и 981 и даже в Польше — 30 и 840. Еще хуже была ситуация с обеспечением железнодорожного транспорта топливом. Согласно нормативам, железные дороги должны были располагать 30-дневным запасом топлива и 60-дневным запасом запчастей и материалов для ремонта подвижного состава. Однако на деле план накопления донского угля был выполнен на 13 %, прочих углей — на 12 %, запасов нефти не имелось вовсе. План по запчастям был выполнен на 81 %.

При составлении плана военных перевозок советское руководство исходило из того, что неприятель будет всячески пытаться этот процесс сорвать. Поэтому перед НКПС была поставлена задача быть готовым к ремонту и восстановлению приблизительно 16 тыс. км железнодорожных путей. Для этого следовало заложить в мобрезерв необходимые материалы, детали, разборные мосты и спецоборудование для сборки крупногабаритных изделий. К сожалению, к концу 1932 г. план накопления мобзапасов такого рода был выполнен только на 42 %.

Значительно лучше дело обстояло с готовностью спецпоездов. С началом мобилизации НКПС был обязан в течение 20 дней сформировать 85 ремонтных поездов (план был выполнен полностью, поезда укомплектованы всем необходимым) и 294 санитарных поезда (комплектование этих поездов было обеспечено на 95 %). Кроме того, к ведению НКПС относились вопросы «местной ПВО» — грубо говоря, железнодорожники должны были по мере возможности противостоять попыткам неприятельской авиации сорвать перевозки. Разумеется, истребители-перехватчики и зенитная артиллерия оставались в распоряжении военных. Однако в компетенцию НКПС входили вопросы маскировки и особенно — светомаскировки, обваловки ключевых объектов железнодорожной инфраструктуры для защиты от близких попаданий, формирование команд для экстренного тушения пожаров, организации защищенных диспетчерских пунктов и бомбоубежищ и т.п. На начало 1933 г. в угрожаемой зоне местной ПВО было обеспечено 60 % всей железнодорожной сети — около 50 тыс. км² и 500 тыс. железнодорожников. Минимальным комплексом мероприятий по местной ПВО было обеспечено 49 железнодорожных узлов западных областей СССР, что составляло 70 % всех железнодорожных узлов этого региона и 50 железнодорожных узлов (20 %) в Закавказье и на Дальнем Востоке. Представители НКПС с гордостью рапортовали, что объекты I категории западных областей укомплектованы противогАЗами на 100 %. Всего в отрядах местной ПВО состояло около 150 тыс. железнодорожников.

Наряду с привычными проблемами мобподготовки советских железных дорог доклад НКПС фиксировал еще одну, на тот момент совершенно новую проблему. Формально этот сюжет относился не столько к мобподготовке, сколько к сугубо технической стороне работы железнодорожных магистралей. Однако он напрямую влиял на способность железнодорожного транспорта выполнить намеченный план воинских перевозок. В докладе НКПС отмечалось, что в 1933 г. будет введен в действие новый график воинских перевозок, который предусматривал ускорение движения составов на 20 % и существенное повышение пропускной способности существующих железных дорог. Эта интенсификация должна была быть обеспечена использованием автоматических тормозов.

Однако внедрение этой технической новации шло nepoзвoлитeльнo мeдлeннo. Ha кoнeц 1932 г. плaн oснaщeния aвтoмaтичeскими тoрмoзaми нoвыx вaгoнoв был выпoлнeн лишь нa 30 %, a плaн дooснaщeния ими стaрых вaгoнoв — и вoсe нa 3 %. В фeврaлe 1933 г. этoт вoпpoc был дeтaльнo иccлeдoвaн ЦКК-РКИ, в рeзультaтe чeгo кoмиссия РКИ, изучaвшaя мoбгoтoвнoсть жeлeзныx дoрoг, пpишлa к вывoду, чтo «вoинский гpaфик 1933 г. нeрeaлeн ввиду нeвыпoлнeнныx рaбoт пo oбoрoдoвaнию тoвaрнoгo вaгoннoгo пaркa жeлeзныx дoрoг aвтoтoрмoзaми и нe oкoнчaниeм вcex нeoбxoдимыx для eгo oбeспeчeния рaбoт»³².

1 июля 1934 г. в дeйствиe был ввeдeн мoбилизaциoнный плaн № 3, кoтopый пpeдъявлял eщe бoлee высoкиe тpeбoвaния к НКПС в oтнoшeнии oбeспeчeния oбъeмoв вoинcких пepeвoзoк в случae вoйны. Жeлeзнoдoрoжники oтpeaгирoвaли в ужe пpивычнoм ключe, пpeдлoжив зaплaнирoвaть пepeкoмaндиpoвкy в пpeдмoбилизaциoнный пepиoд, кoтopый дoлжeн был рaстянутьcя нa 15 днeй, c тылoвыx жeлeзныx дoрoг в пpифрoнтoвыe рeгиoны 705 пaрoвoзoв, 33 800 кpытыx вaгoнoв, 40 350 плaтфoрм и 4 414 чeлoвeк личнoгo coстaвa. Eщe 552 пaрoвoзa, 9 670 кpытыx вaгoнoв, 3 250 плaтфoрм и 10 404 чeлoвeк дoлжны были бытЬ пepeбpoшeны в зaпaдныe oблaсти СССР ужe в мoбилизaциoнный пepиoд³³. Taким oбpaзoм, вceгo пepeкoмaндиpoвaнию в зaпaдныe oблaсти СССР пoдлeжaлo 1 257 пaрoвoзoв, 43 470 кpытыx вaгoнoв, 40 350 плaтфoрм и 14 818 чeлoвeк. Oчeвиднo, чтo, пo cpaвнeнию c плaнaми пpoшлoгo гoдa, кoличeствo пepeбpaсывaeмыx пaрoвoзoв и плaтфoрм вoзрoслo, a кpытыx вaгoнoв — нaпpoтив, нeскoлькo cнизилocь. Boeнныe c тaкoй пocтaнoвкoй вoпpoca были в цeлoм coглacны, нo нaстaивaли нa cокpaщeнии пpeдмoбилизaциoннoгo пepиoдa дo 10 днeй, пpичeм, вepoятнo, из cooбpaжeний cекpeтнocти, вaгoны и плaтфoрмы, пo пpeдлoжeнию вoeннoгo вeдoмcтвa, дoлжны были пepeбpaсывaтьcя тoлькo c нaчaлoм мoбилизaции.

Как ужe гoвopилocь, пoпыткe пpoвeсти нa жeлeзныx дoрoгaх oпытныe мoбилизaции, пo бoльшoму cчeту, зaкoнчилиcь ничeм. Тем нe мeнee, coвeтcкoe рукoвoдcтвo былo зaинтepecoвaнo в oбъeктивнoм aнaлизe мoбгoтoвнocти жeлeзнoдoрoжнoгo тpaнcпoртa. Пoэтoму 13 ceнтябpя 1934 г. члeн Кoмиссии coвeтcкoгo кoнтpoля Г.Д. Xaхaньян пpeдcтaвил дoклaдную зaпиcкy, coстaвлeнную нa oснoвe кoмплeкcнoй пpoвepкe ЦOМ oтдeльныx oпepaтивныx упpaвлeний НКПС, a тaкжe Мoскoвcкo-Кaзaнcкoй, Зaпaднoй и Мoскoвcкoй oкpужнoй жeлeзныx дoрoг. Кpoмe тoгo, пpи coстaвлeнии дaннoгo дoкyмeнтa иcпoльзoвaлиcь мaтepиaлы пpoвeдeннoй нeзaдoлгo дo этoгo пpoвepoк Мoскoвcкo-Бaлтийcкoй, Югo-Вocтoчнoй и Oктябpьcкoй жeлeзныx дoрoг. Xoтя нeпocpeдcтвeннo пpoвepкa нa мecтax пpoвoдилacь coтpудникaми III упpaвлeния Штaбa РККА, oбщee рукoвoдcтвo этoй рaбoтoй ocyщecтвлял личнo Xaхaньян.

Coглacнo дoклaднoй зaпиcкe Xaхaньянa, мoбпoдгoтoвкa жeлeзныx дoрoг нa тoт мoмeнт oхвaтывaлa cлeдующиe cфepы дeятeльнocти жeлeзнoдoрoжнoй oтpaсли:

1. Oбeспeчeниe вoинcких пepeвoзoк нa пpoтяжeнии мoбпepиoдa.
2. Oбeспeчeниe нaрoднoхoзяйcтвeнныx пepeвoзoк в мoбпepиoд.

³² Там же. Л. 59.

³³ Там же. Оп. 9. Д. 180. Л. 55.

3. Подготовка средств к восстановлению и разрушению железных дорог во время войны.
4. Формирование ряда организаций, имеющих задачей санитарное и продовольственное обслуживание армии (санитарные поезда, изоляционно-пропускные пункты, продовольственные пункты).
5. Формирование полевых органов управления железными дорогами в системе НКПС.
6. Местная противовоздушная оборона³⁴.

Комиссия Хаханьяна изучила все сферы мобподготовки железных дорог, за исключением проблематики местной ПВО. К каким же выводам пришли сотрудники КСК и Штаба РККА в ходе этой комплексной проверки?

Согласно действовавшему на тот момент мобилизационному расписанию, на второй день мобпериода железные дороги переводились на воинский график, нацеленный на их максимальную пропускную способность. При этом на «факультатив» (то есть неиспользуемый резерв пропускной способности) отводилось по западным областям СССР — 30 %, по Дальнему Востоку — 16 %, по остальным регионам СССР — 20 %. Однако, отмечал Хаханьян, это — оценка по регионам в целом: в каждом регионе можно было без труда найти несколько участков, на которых «факультатив» был куда ниже или даже отсутствовал вообще. Поэтому комиссия Хаханьяна настойчиво рекомендовала в 1935 г. нарастить пропускную способность железных дорог с тем, чтобы гарантировать для любого перегона хотя бы 10 % «факультатива». Не вызывает сомнений, что одним из ключевых факторов, определявших реализуемость плана воинских перевозок, являлось состояние путевого хозяйства — верхнего строения пути, водоснабжения³⁵, связи и погрузочно-выгрузочных устройств. Однако, надо признать, ситуация с верхним строением пути вызвала серьезное беспокойство.

На Московско-Балтийской железной дороге изношенными были признаны 10 % рельс, а загрязненность балласта составляла 60 %. На Западной железной дороге износ скреплений достигал 50–75 %. На участке Вязьма — Калуга 28 % балласта требовало замены, за 1933 г. на этом участке лопнуло 120 рельс. На участке Брянск — Орел в том же году лопнуло 77 рельс, замены требовало 35 % балласта; на участке Сухиничи — Волово лопнуло 45 рельс, в замене нуждалось 32 % балласта. Особенно осложняло положение на этом участке то обстоятельство, что на нем стояли «легкие» рельсы, уложенные еще в 1895–1897 годах. С тех пор вес эшелонов существенно вырос, и рельсы, не рассчитанные на «тяжелые» составы, явно начали сдавать. По отчету комиссии, 12 % рельс на этом участке имели износ 7–10 мм, а 11 % — даже 10–15 мм. Рельсы были уложены по нормативам конца XIX века — без подкладок и всего на двух костылях, в результате чего во время дождя по такой колее было опасно передвигаться даже на дрезине.

На Московско-Казанской дороге было обнаружено 71 тыс. дефектных рельс (общая протяженность дефектного пути — 400 км), при этом 15 % рельс на участ-

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ Ввиду того, что основным типом локомотивов на тот момент являлись паровозы, обеспечение составов водой было столь же важно, как и снабжение их топливом.

ке Ряжск — Сызрань и 37 % на участке Рязань — Сызрань имели расплюснутые стыки. За 1933 г. на этой дороге лопнуло 9 000 рельс, насчитывалось 2 тыс. негодных скреплений, балласт был загрязнен на 40–45 %. На Юго-Восточной дороге 37 % рельс относилось к числу «легких», за 1933 г. их лопнуло 13 тыс.

Столь плачевное положение дел с верхним строением пути неминуемо вело к снижению пропускной способности и потенциально грозило срывом воинского графика. Корень всех бед инспекторы Штаба РККА усматривали в скверном уходе за верхним строением. Трещины рельс, их усиленный износ и прочие дефекты, по их мнению, обуславливались плохим состоянием балласта и отсутствием надлежащих водостоков, некачественными шпалами и скреплениями. В отдельных случаях наблюдалось полное (на 100 %) загрязнение балласта посторонними примесями (то есть балласта не было как такового, вместо него лежал строительный мусор), его размывание, укладка рельс без подкладки всего на двух костылях. Распространенной была пришивка накладок 2–4 болтами при накладке с 6 отверстиями и т.п. Без решения этих проблем менять дефектные рельсы на новые можно было бесконечно. Отмечалось, что НКПС уделяет этой проблеме явно недостаточно внимание. На многих дистанциях пути³⁶ вообще не было данных о дорожных работах в 1931–1932 годах.

Второй существенной проблемой, ставившей под вопрос осуществимость планов выполнения воинского графика, было водоснабжение. Скажем, на Октябрьской железной дороге при проверке на станции Лихоборы один насос вместо номинальных 58 кубометров в час продемонстрировал производительность только в 53 кубометра, другой — 57 вместо 69. В плане водоснабжения воинский график на этой дороге оказался обеспечен лишь на 70 %.

На Московско-Казанской железной дороге из-за ветхости и неудовлетворительного надзора отмечалось ежегодное размывание водонапорной плотины на станции Муром. На станциях Леонидовка и Елюзань напорные трубы были положены 65 лет назад и с тех пор не менялись. Целый ряд станций имели напорные трубы диаметром всего 102–127 мм, что было явно недостаточно для быстрого залива воды в паровоз.

На Западной железной дороге водоемы станции Брянск-II заведомо не обеспечивали выполнения воинского графика. Скажем, станция Горбачево должна была по воинскому графику обеспечивать обслуживание 24 пары поездов в сутки, а наличных запасов воды хватало только на 22,5 пары. Станция Обидимо должна была обслуживать 24 пары, а реально могла обеспечить водой лишь 21. На наращивание мощностей по водоснабжению в 1934 г. дороге было выделено 200 тыс. руб., но и в июле реальные работы по данной тематике еще не были начаты.

В отношении вопросов водоснабжения комиссия Хуханьяна считала важнейшей проблемой отсутствие «единого хозяина», ответственного за организацию этого дела в целом. Служба пути, наряду со своими основными обязанностями, вела изыскания источников, строила объекты водоснабжения и ремонтировала их. Служба тяги монтировала насосные агрегаты, а затем эксплуатировала систему водоснабжения. Получалось, что водоснабжение входит в компетенцию

³⁶ В данном случае «дистанция пути» — это структурное подразделение железной дороги, отвечающее за конкретный участок.

сразу двух служб, но для обеих носит характер второстепенной и вспомогательной задачи. Ситуация временами напоминала анекдот: капитальное здание водоканализации находилось в ведении службы пути, а эксплуатационные устройства, установленные в нем, пребывали в компетенции службы тяги. В этой связи не следует удивляться, что самые свежие материалы по водоснабжению железных дорог, которые комиссия Хаханьяна сумела получить в центральном аппарате НКПС, относились к январю 1933 г., то есть на момент работы комиссии уже устарели на полтора года.

Тяговые устройства и связь обеспечивали выполнение воинского графика несколько лучше, чем организация верхнего пути и водоснабжения, хотя на ряде участков наблюдались проблемы и здесь.

Наиболее напряженный график грузоотправки, согласно воинскому графику, по данным Центрального мобилизационного отдела НКПС, приходился на первые пять дней мобилизации, особенно — на 3-й и 4-й (М-3 и М-4) (см. Таблицу 5).

Таблица 5.

Грузоотправление по воинскому графику

Дни мобилизации	вагонов	поездов
М-2	37 700	877
М-3	42 800	996
М-4	42 200	980
М-5	31 600	734
М-6	29 600	690
М-7	27 600	643
М-8	30 400	708
М-9	25 400	598
М-10	28 000	652

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 7.

С одной стороны, такая потребность в вагонах для военных перевозок внушала определенный оптимизм. В мирное время ежесуточное грузоотправление составляло 57 тыс. вагонов, так что в случае начала мобилизации железнодорожное ведомство не только удовлетворило бы все запросы военных, но еще и сохранило бы некоторых резерв вагонов для народнохозяйственных задач. Однако следует учитывать, что Таблица 5 отражает картину в масштабах всего Советского Союза. Между тем, ситуация в отдельных регионах выглядела уже не столь благополучно. Как мы уже знаем, несмотря на многократные возражения и сомнения ОГПУ, НКПС продолжал делать ставку на масштабную переброску подвижного состава в западные области СССР с началом мобилизации, причем к середине 1930-х гг. позиция железнодорожников не претерпела существенных изменений. Очевидно, что в случае такой масштабной переброски подвижно-

го состава положение дел с транспортной обеспеченностью Сибири, Дальнего Востока и центральной России существенно ухудшилось бы. Помимо этого, срывом выполнения воинского графика грозило несоответствие мощности паровозов плановым показателям. На 1 июня 1934 г. советская железнодорожная сеть располагала 17 533 «здоровыми» паровозами, испытывая недостачу, по сравнению с мобпотребностью, в 964 мощных паровозах серий Э, Е, Щ и Р. Вместо этого железные дороги имели избыток в 1 287 паровозов меньшей мощности (серий Су, С, Ми, Л, Пр, ИС, 4и, 61, О). При этом на отдельных железных дорогах недостача мощных локомотивов могла быть еще острее. Это обстоятельство, кстати, еще больше обостряло проблему перенаправления локомотивов в западные области СССР. После такой передислокации восточные регионы практически оставались без мощных паровозов вовсе.

Таблица 6.

Переброска паровозов на важнейшие железные дороги СССР по плану на лето 1934 года

Железная дорога	Количество перебрасываемых на нее паровозов	В том числе «мощных» серий
Московско-Балтийская	422	315
Западная	375	310
Октябрьская	10	0
Юго-Западная	335	235
Восточно-Сибирская	30	30
Всего	1172	900

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 8.

Всего предполагалось перевести на запад 1 260 паровозов, из них 705 — в 15-дневный предмобпериод, то есть до начала официальной мобилизации, и 555 — в мобпериод. Характерно, что комиссия Хаханьяна, которая, как говорилось выше, состояла преимущественно из военных, не возражала против самой концепции предмобпериода (это дело дипломатов — отслеживать нарастание международной напряженности), но опасалась, что переброску на запад 700 паровозов до начала официальной мобилизации будет невозможно скрыть от неприятельской разведки. К сожалению, признавали члены комиссии, избежать заблаговременной переброски локомотивов невозможно, так как расстояния, которые предстояло преодолеть перебрасываемым паровозам, были очень велики. Локомотивам, перебрасываемым с Южно-Уральской железной дороги на Московско-Балтийскую, предстояло преодолеть 1 755 км, с Пермской на Московско-Балтийскую — 1 657 км, с Закавказской на Юго-Западную — 2 178 км. Таким образом, среднее время на переброску, с учетом организационных моментов, составляло от 6 до 15 суток. Организационные моменты в данном случае упоминаются отнюдь не для красного словца. Дело в том, что количество пунктов приема нового подвижно-

го состава на западных железных дорогах было, как правило, не велико, поэтому множество паровозов прибывало в одно и то же депо, что существенно замедляло процесс принятия в эксплуатацию нового подвижного состава. Вообще, комиссия Хаханьяна отмечала слабую организационную проработанность процесса переброски локомотивов в западные регионы страны и еще худшую подготовку восточных железных дорог к функционированию в новых условиях.

Типичным примером могла служить Московско-Казанская железная дорога. Согласно плану, эта дорога должна была передать на Московско-Балтийскую и Западную дороги 50 паровозов в предмобпериод и еще столько же — в первые два дня мобилизации. На лето 1934 г. Московско-Казанская дорога располагала паровозным парком в 116 локомотивов, технические характеристики которых соответствовали требованиям воинского графика (серия Э). Эти паровозы дорога должна была сдать на станциях Ряжск и Козлов. Первые 50 паровозов в ходе предмобпериода должны были стягиваться к этим двум станциям практически со всей дороги. Для этого правление Московско-Казанской дороги должно было быть предупреждено за 6–7 дней. С учетом того, что сам предмобпериод охватывал 15 дней, очевидно, что на железных дорогах фактическая подготовка мобмероприятий должна была начаться как минимум за три недели до официального старта мобилизации. Что касается второй полсотни паровозов, которые следовало передать на тех же станциях уже в мобпериод, то их следовало собрать из числа исправных в депо Кочетовка, Рязань- I, Рязань-II, Моршанск, Пенза-II и Пенза-Сортировочная, откуда прогон до станции Ряжск составлял до 300 км. В свою очередь, Московско-Казанская дорога для восполнения убыли локомотивов должна была, согласно плану, получить из разных источников 45 паровозов, но их поступление ожидалось только на 12–15 день мобилизации, то есть первые две недели мобпериода дорога должна была выпутываться из своих затруднений без помощи извне.

Специально для разрешения подобных коллизий на приграничных дорогах в мирное время был создан «холодный запас» паровозов. Однако фактическое наличие локомотивов в «холодном запасе» было далеко от плановых значений.

Таблица 7.

**«Холодный запас» паровозов на приграничных железных дорогах СССР
на лето 1934 г.**

Дорога	План	Фактическое наличие
Московско-Балтийская	140	130
Западная	60	41
Октябрьская	60	50
Юго-Западная	115	85
Забайкальская	120	22
Уссурийская	25	23
Всего	520	351

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 9.

При этом, по мнению представителей комиссии Хаханьяна, руководство НКПС уделяло вопросам организации и хранения «холодного запаса» недостаточное внимание. В частности, отдельные случаи проверки паровозов «холодного запаса» с выводом их в обкатку показали, что часть локомотивов из этой категории непригодна к немедленному использованию и требуют того или иного ремонта.

Помимо наличия паровозов, ключевое значение для выполнения воинского графика имело и наличие необходимого количества вагонов. Всего на 1 июня 1934 г. советские железные дороги располагали 568 тыс. вагонов, за вычетом «больных» оставалось 495 тыс., из которых 215 тыс. приходилось на крытые и 107 тыс. — на платформы. Как уже говорилось, формально вагонов вполне хватало не только для обеспечения воинского графика, но даже и для выполнения части народнохозяйственных задач в течение мобпериода.

Но, во-первых, военных не устраивало качество предлагаемых им вагонов. Летом 1934 г. на обучение в полевые лагеря вывозилась часть воинских соединений, поэтому данные о состоянии вагонов были свежими. По отчетам военных округов, представители РККА забраковали 43 % предложенных им вагонов на Московско-Балтийской железной дороге, 28,5 % — на Пермской дороге, и 50,5 % — на Самаро-Златоустовской.

Во-вторых, как и прежде, крайне остро стоял вопрос с обеспечением воинского графика железнодорожными платформами. Как уже говорилось, по мере роста механизации и моторизации РККА военные испытывали все большую нужду именно в платформах. В результате, хотя план воинских перевозок предусматривал использование 106 тыс. платформ, НКПС был готов выделить для военных только 101 тысячу. Представители комиссии Хаханьяна обращали внимание, что в дальнейшем степень моторизации РККА будет только расти, поэтому и эта проблема будет обостряться.

Наконец, в-третьих, точно так же, как обеспечение плана воинского графика зиждилось на концепции массивной переброски паровозов в приграничные области СССР, так и в отношении вагонов без аналогичной переброски выполнить план воинских перевозок было немыслимо. По мобилизационному расписанию № 3, действовавшему в 1933 г., в случае войны в западные области СССР следовало перебросить 52 тыс. вагонов, в том числе 30 тыс. платформ, что составляло около 10 % всего «здорового» вагонного парка и около трети всех железнодорожных платформ Советского Союза. Причем 38 тыс. вагонов из этого числа предполагалось перебросить на запад еще до официального начала мобилизации — в предмобпериод. Однако в дальнейшем требования военных возросли, и на 1934 г. РККА предъявила заявку на воинские перевозки в случае войны, для удовлетворения которой НКПС запланировал переброску на запад уже 87,1 тыс. вагонов, что составляло свыше 20 % всего вагонного парка СССР. Кроме того, в предмобпериод теперь предполагалось передислоцировать 74 тыс. вагонов. Львиная доля перебрасываемых на запад вагонов предназначалась для трех приграничных железных дорог: Юго-Западной, Московско-Балтийской и Западной.

Таблица 8.

**Планируемая переброска вагонов в распоряжение Юго-Западной,
Московско-Балтийской и Западной железных дорог
(по состоянию на лето 1934 г.)**

	Всего	В предмобпериод	В мобпериод
Крытых вагонов	29 400	22 500	6 900
Платформ	31 000	23 000	800
Всего	60 400	43 500	7 700

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 10.

Специалисты комиссии Хуханьяна иронично называли эти планы «великим переселением вагонов» и сильно сомневались как в их осуществимости, так и в необходимости подобных мер вообще. В качестве примера они приводили ситуацию на Юго-Западной железной дороге. Ее мобпотребность составляла 26 800 вагонов, поэтому на нее предполагалось перебросить дополнительно 16 500 вагонов. Норма вагонооборота на этой дороге для мирного времени составляла 3,4 дня, поэтому, полагали представители Штаба РККА, своим наличным парком, без всяких перебросок, дорога может ежедневно грузить 8 тыс. вагонов. Между тем, по воинскому графику, ее погрузка на второй день мобилизации составляла бы всего 5,5 тыс. вагонов. А с учетом того, что в мобпериод оборот вагонов еще более ускорится (ведь теперь вагоны Юго-Западной дороги будут курсировать все время на относительно небольшие расстояния), наличный парк сможет, вероятно, обеспечить погрузку и 10 тыс. вагонов в сутки. Зачем же нужна передислокация вагонов с востока? Члены комиссии Хуханьяна полагали, что желание сосредоточить массу порожних вагонов на дороге объяснялось стремлением обеспечить равночисленный обмен вагонным парком с другими дорогами. Это требование, несомненно, важное в мирные дни, по мнению военных, с началом мобилизации можно было бы отодвинуть на второй план: «как будто Юго-Зап. дорога не может запоздать с отдачей вагонов на пару дней, отдавая освобождающийся порожняк от прибывающих эшелонов по их разгрузке; в этом случае дорога опоздает с обменом максимум на 5 дней»³⁷. Военные признавали, что эта задержка может в определенной степени затруднить функционирование железнодорожной сети, но отмечали, что негативные последствия массовой передислокации вагонов будут куда хуже — сначала «великое переселение» исчерпает пропускную способность ведущих магистралей, а затем восточные регионы страны останутся почти без вагонного парка.

Выше мы проследили полемику по поводу обеспечения железных дорог мобзапасами топлива. Комиссия Хуханьяна не оставила без внимания и этот вопрос. На 1 июля 1934 г. мобпотребность железных дорог исчислялась в 2 115 тыс. т топлива. Между тем, в наличии имелось только 1 555 тыс. т (из них — 842 тыс. т собственно мобзапас и 713 тыс. т — эксплуатационный запас). Таким

³⁷ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 11.

образом, дефицит запасов топлива составлял 560 тыс. тонн. Более того — руководство НКПС, по опыту прошлых лет, прогнозировало, что к 1 сентября эксплуатационный запас сократится до 613 тыс. т, в результате чего недовыпуска топлива возрастет до 660 тыс. тонн. К тому же мобфонд формировался из расчета обеспечения функционирования железнодорожной сети в течение месяца, а так как было очевидно, что к началу второго месяца войны железные дороги должны по-прежнему располагать какими-то запасами топлива, поставки должны были быть еще больше. НКПС исходил из следующих цифр: к 1 сентября ожидалось наличие 1 455 тыс. т, и еще 1 436 тыс. т должно было быть завезено в мобпериод. В этом случае на второй месяц войны переходил бы остаток в 882 тыс. т топлива, что позволяло обеспечивать дороги, питаемые донецким углем (запас 340 тыс. т) 7,3 дня, дороги, использующие кузнецкий, уральский и карагандинский угли (запас 369 тыс. т) — 35,5 дней, а Забайкальскую и Уссурийскую железные дороги (использовали восточно-сибирские и дальневосточные угли, запас 173 тыс. т) — на 22 дня.

С учетом того, что основная масса советских железных дорог находилась в зависимости именно от донецких углей, приходится признать, что на второй месяц войны они попали бы в ситуацию если не топливного голода, то явного топливного «недоедания». Сотрудники Хаханьяна отмечали не только относительно низкий уровень запасов топлива к концу мобпериода, но и то обстоятельство, что на протяжении мобпериода НКПС ожидал очень масштабных поставок угля. С одной стороны, срыв этих поставок ставил под вопрос осуществимость воинского графика как такового. С другой стороны, было не вполне понятно, как в условиях мобпериода, когда значительная часть вагонного парка будет занята выполнением армейских перевозок, станет обеспечиваться столь масштабная подача угля. В этом смысле куда предпочтительней представлялось загодя накопить мобзапасы угля на важнейших дорогах, особенно — на магистралях, расположенных относительно далеко от основных угледобывающих районов. На практике топливный мобфонд НКПС на 1 июля 1934 г. покрывал лишь четверть мобпотребности. Причем на отдельных дорогах обеспеченность мобзапасами топлива могла быть еще меньше.

Таблица 9.

Обеспеченность советских железных дорог мобзапасами топлива на 1 июля 1934 г.

Железная дорога	В % к мобпотребности		Остаток на второй месяц войны (дней работы)
	Ожидаемое наличие на 01.09.34	Мобфонд на 01.07.34	
Московско-Казанская	46	20	8,4
Московско-Курская	65	27	27,6
Рязанско-Уральская	50	30	2,5
Самаро-Златоустовская	80	12	8,7
Московско-Балтийская	42	24	7,7

Железная дорога	В % к мобпотребности		Остаток на второй месяц войны (дней работы)
	Ожидаемое наличие на 01.09.34	Мобфонд на 01.07.34	
Западная	60	32	14,7
Юго-Западная	61	27	7,8
Октябрьская	64	26	10,3
Забайкальская	100	56	13,4
Уссурийская	120	80	22
Омская	200	130	50
Томская	120	100	19
Пермская	150	66	29
Северная	66	30	9,6

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 12–13.

Как видно из Таблицы 9, Московско-Балтийская, Западная, Юго-Западная и Октябрьская железные дороги находились в отношении накопления мобзапасов топлива в совершенно неудовлетворительном положении — их мобфонд составлял приблизительно треть от положенного. Остальное предполагалось довести в мобпериод, причем для большинства дорог — даже в первую половину мобпериода, когда напряжение воинского графика перевозок будет наивысшим. Положение с топливным обеспечением железных дорог оставалось, таким образом, крайне рискованным.

Обсуждая топливную проблему, выше мы говорили исключительно об угле, хотя это был не единственный вид топлива, используемый железными дорогами. Применение электротяги на дорогах тех лет было незначительным, поэтому единственным альтернативным видом топлива являлась нефть, используемая в тепловозах и, в существенно меньшей степени, — в паровозах. Однако и с нефтью в плане мобзапасов дела обстояли не радужно. На 1 июня 1934 г. при мобпотребности в 195 тыс. т на складах ее находилось лишь 42 тыс. т, что составляло только 21 % от требуемого и обеспечивало работу железных дорог на 6,5 дней. НКПС планировал за мобпериод доставить на железнодорожные склады еще 186 тыс. т нефти, что позволяло обеспечить нефтяным топливом мобпериод, но оставляло открытым вопрос о запасах на второй месяц войны.

Наряду с вышеперечисленными, можно сказать, базовыми проблемами мобподготовки железных дорог, большое значение имели вопросы пусть не столь масштабные, но также имевшие непосредственное отношение к готовности железнодорожной отрасли к «переходу на военные рельсы». Важнейшим в ряду «малозаметных мелочей» было создание мобзапасов различного инвентаря для ремонта пути и подвижного состава. Такой мобзапас организационно делился на фонд неснижаемых запасов на дорогах и спецрезерв на базах НКПС. Неснижаемые запасы должны были обеспечивать нужды ремонта соответств-

ющей дороги в течение 60 дней и, по действовавшим на тот момент нормативам, их суммарная стоимость в масштабах СССР должна была составлять 29 млн руб. Фактически на 1 июля 1934 г. в наличии было неснижаемых запасов только на 21 млн руб., причем на некоторых дорогах положение с их фондом было еще хуже. Если по НКПС в целом фонд неснижаемых запасов был обеспечен на 72 % от норматива, то на Забайкальской дороге — только на 31 %, на Рязанско-Уральской — на 34 %, на Юго-Восточной — на 34 %, на Московско-Балтийской — на 62 %.

Еще печальнее обстояли дела со спецрезервом. По плану суммарная стоимость материалов и механизмов по этой графе должна была составлять 54 млн руб., фактически насчитывалось лишь 17 млн, или 31 % от нормы. По отдельным номенклатурам запас был совершенно ничтожен. Скажем, вагонных бандажей и парорбочих труб имелось менее 1 % от нормы, деталей пароперегревателей — 10 %, паровозных пружин и рессор — 7 %, паровозных скаотов — 2 %, баббита — 4 %, а стального литья и телефонной проволоки не было вовсе. Проверка показала, что даже имевшийся в наличии спецрезерв зачастую был некомплектен, то есть непригоден к использованию. Скажем, обследование спецрезерва на Брянской базе НКПС продемонстрировало, что весь хранимый на ней спецрезерв некомплектен. Степень укомплектованности токарных станков составляла 75 %, поперечных строгальных — 26 %, сверлильных — 20 %, болторезных — 38 %, электросварочных аппаратов — 47 %, свайных молотов — 65 %, крестовин — 85 %, телефонных аппаратов — 69 %. Элементы Мейдингера³⁸ не имели полюсов. Все это заставляло сомневаться в том, что в случае начала военных действий ремонт повреждений на железных дорогах будет проходить в штатном режиме.

Как уже говорилось, наряду с обеспечением воинского графика в мобпериод, в понятие «мобготовность железных дорог» входила также их способность продолжать выполнять в условиях войны грузоперевозки в интересах народного хозяйства. Однако комиссия Хаханьяна установила, что каких-либо оформленных планов работы железнодорожной отрасли в течение первого года войны в НКПС не имелось. Волей-неволей комиссия сосредоточилась на вопросе готовности железнодорожников обеспечивать функционирование экономики хотя бы в 30-дневный период мобилизации. При этом члены комиссии с самого начала отметили, что методы исчисления вагонного и локомотивного парка, применяемые наркоматом путей сообщения, представляются несколько странными. НКПС стремился обеспечить каждую дорогу количеством подвижного состава, покрывающим потребности этой дороги в самый напряженный день графика воинских перевозок. Скажем, на Московско-Курской железной дороге фиксировался всплеск перевозок на 13-й — 14-й дни мобилизации. До и после того интенсивность перевозок на этой дороге была существенно ниже, однако НКПС планировал сосредоточить уже в первый день мобилизации на этой дороге количество вагонов и паровозов, покрывающее потребности дней М-13 и М-14, сохраняя такое количество подвижного состава до последнего дня мобпериода.

---

³⁸ Источник электропитания, используемый в железнодорожной связи.

В масштабах всей железнодорожной сети СССР максимальная нагрузка по графику воинских перевозок приходилась на 3-й и 4-й дни мобилизации, когда требовалось грузить и отправлять по 42 тыс. вагонов ежедневно. Так как в мирное время ежедневная погрузка в Советском Союзе составляла 58 тыс. вагонов, очевидно, что в М-2 и М-3 НКПС был бы в состоянии выделить для гражданских перевозок, не связанных с выполнением военных заявок, около 16 тыс. вагонов. Однако наркомат путей сообщения распространял эту пропорцию — «42 тыс. вагонов для военных перевозок и 16 тыс. — для гражданских» на весь мобпериод, хотя было очевидно, что уже в М-4 военному ведомству попросту не понадобится такое количество вагонов. Например, в период М-7 — М-10 по плану воинских перевозок планировалось грузить ежедневно 28 тыс. вагонов. С учетом 16 тыс. вагонов, зарезервированных под гражданские перевозки, получается, что 14 тыс. вагонов вообще выпадали из сферы планирования НКПС, хотя их вполне было можно включить в график гражданских перевозок.

Начиная с 15-го дня мобилизации, заявка РККА сокращалась до 15 тыс. вагонов, значит, в не распланированном остатке оставалось 43 тыс. вагонов, а к М-25 этот остаток возрастал уже до 50 тыс. вагонов. Члены комиссии объясняли эту ситуацию следующим образом: «Происходит же это потому, что ЦОМ НКПС хочет застраховать воинские перевозки (ясно, что получая вагоны на все 30 дней из расчета максимального дня, воинские перевозки более чем обеспечиваются). НКОбороны печется только о “своих” интересах и смотрит сквозь пальцы на то, что получается с народно-хозяйственными перевозками, руководство НКПС совершенно не интересуется тем, что делает ЦОМ и что получается от его работы, так же как и Госплан (Сектор Оборона) совершенно равнодушен к судьбе народно-хозяйственных перевозок в мобпериод. Нужно здесь же отметить, что наркоматы с своей стороны не интересуются своими нуждами в области перевозок их грузов, иначе нельзя объяснить непонятные заниженные их заявки»³⁹.

Складывается впечатление, что не только НКПС, но и остальные наркоматы относились к плану перевозок в мобпериод как к теории, которая вряд ли будет воплощена в жизнь. Иначе объяснить индифферентность большинства хозяйственных наркоматов к планируемому обвальному сокращению погрузки вагонов в интересах этих наркоматов невозможно. Ситуация действительно складывалась странная. По весенне-летнему варианту заявки всех наркоматов в ЦОМ НКПС на мобпериод составляли 13 700 вагонов ежедневно. С учетом того, что, как говорилось выше, в мирное время погрузка составляла свыше 50 тыс. вагонов, возникает вопрос: а каким образом хозяйственные наркоматы планировали настолько сократить свои потребности? Для наглядности ниже приводим таблицу погрузки по основным категориям грузов, в сравнении с фактической погрузкой этих грузов в мирное время.

³⁹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 16.

Таблица 10.

**Отправка важнейших грузов по железной дороге —
план на мобпериод и фактические данные**

Груз	Число вагонов в сутки по плану ЦОМ НКПС на мобпериод	Реальная погрузка в сутки в 1934 г. по месяцам
Уголь, кокс	7 550*	(апрель) 13 300
Нефтепродукты	1 400**	(июнь) 5 100
Руда	1 200	(июнь) 3 400
Флюсы	580	(апрель) 1 100
Метизы	124	(апрель) 4 000
Хлеб	900	(февраль) 4 900, (июнь) 2 400
Хлопок	17	(январь) 400, (июнь) 200
Скоропортящиеся грузы	90	(январь) 1 700, (июнь) 700
Лесоматериалы	460	(январь) 4 200, (июнь) 7 300
Живой скот	28	(март) 700

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 16–17.

* из них 3 100 — для НКПС и 4 450 — для НКТП.

** из них 530 — для НКПС и 850 — для НКТП.

Члены комиссии отмечали явную нелогичность планов грузоотправления гражданских грузов на мобпериод. Рассчитывать, скажем, на сокращение потребления экономикой нефтепродуктов втрое явно не было оснований. При этом все нефтегрузы должны были доставляться только в адрес НКПС и НКТП, по поводу чего авторы доклада ехидно интересовались: «а как же керосин для тракторов?». Отправка метизов, согласно Таблице 10, должна была на мобпериод сократиться более, чем в 30 раз, что ставило под вопрос вообще функционирование экономики как таковой. НКПС пытался оправдаться тем, что данный план относился только к так называемому «центро-плановому» запасу вагонов. Дело в том, что тот самый запас вагонов «на гражданские нужды» в 16 тыс. единиц, о которых говорилось выше, в свою очередь, делился на «центро-плановый» запас в 12 тыс. вагонов, который управлялся централизованно, и «дорожно-плановый» запас, находившийся в оперативном управлении конкретных железных дорог. Однако очевидно, что, во-первых, вагоны, находившиеся в оперативном управлении конкретной железной дороги, не могли обслуживать дальние перевозки⁴⁰, а во-вторых, на долю «дорожно-планового» запаса приходилось всего 4 тыс. вагонов, что явно не могло существенно изменить ситуацию с грузоотправлением.

Напомним, что большинство сотрудников комиссии Хаханьяна были военными, поэтому неудивительно, что они сетовали в первую очередь на то обстоя-

⁴⁰ Большинство указанных грузов — нефтепродукты, уголь, металлы и т.п. — требовали именно дальних перевозок.

ительство, что в случае войны столь халатное отношение к заблаговременному планированию перевозок в интересах промышленности неизбежно приведет к индустриальному кризису, который, в том числе, обрушится и на оборонную промышленность: «отсутствие подвоза сырья и топлива не только не дает возможности увеличить продукцию на военные нужды, но [заставит] значительно сократить эту продукцию по сравнению даже с мирным временем. Удивительно, что сама промышленность (ГВМУ⁴¹) не беспокоится о своих нуждах и своими заниженными заявками создает впечатление полного благополучия с удовлетворением ее нужд на первый месяц войны»⁴².

Но если с обеспечением нужд промышленности в железнодорожных перевозках на протяжении мобпериода дела обстояли не радужно, то проблемы сельского хозяйства в планах НКПС на тот период вообще не нашли себе места. Между тем, возросший уровень механизации агросектора советской экономики остро ставил вопрос о снабжении МТС топливом и запчастями. Сотрудники комиссии отмечали, что если, паче чаяния, мобилизация будет объявлена весной или осенью, она совпадет либо с посевной, либо с уборочной кампанией, когда потребность сельского хозяйства в крупномасштабных перевозках горючего, различной сельхозтехники и комплектующих к ней будет крайне высока. Между тем, в перечне «центро-плановых» перевозок значилась лишь заявка НКСовхозов на 15 вагонов «под разные грузы», а от наркомата земледелия заявка вовсе не поступала. В целом, констатировали сотрудники комиссии, вопрос о грузоперевозках по железным дорогам в условиях войны в интересах экономики, на текущий момент требует существенных уточнений и доработок.

Третьим вопросом, на изучении которого сосредоточили свои усилия сотрудники Хаханьяна, стала готовность железнодорожного ведомства как к восстановлению разрушенного неприятелем путевого хозяйства, так и, в случае необходимости — к разрушению объектов железнодорожной инфраструктуры. Члены комиссии из числа сотрудников Штаба РККА подчеркивали, что, судя по опыту мировой и Гражданской войн, одним из важнейших факторов, заставлявших сворачивать успешно развивавшиеся наступательные операции, являлась невозможность наладить снабжение вырвавшихся вперед авангардов всем необходимым. Поэтому готовность НКПС оперативно восстанавливать железнодорожную инфраструктуру сразу вслед за наступающими частями рассматривалась как весьма важный аспект военного потенциала РККА в целом. Соответственно, на наркомат путей сообщения возлагалась обязанность заблаговременно готовиться к решению таких задач⁴³. С этой целью НКПС должен был подготовить надлежащее количество ремонтно-восстановительных поез-

⁴¹ Главное военно-мобилизационное управление Наркомата тяжелой промышленности. В 1932–1936 годах именно в этой структуре было сосредоточено управление практически всей советской оборонной промышленностью. Подробнее об этом см.: *Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.

⁴² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 17.

⁴³ В данном разделе речь идет о вопросах ремонта пути вслед за наступающими войсками, а не о ремонте разрушенного неприятельской авиацией и т.п. действиями в советском тылу. Вопросы восстановления после неприятельских авиаударов и артобстрелов рассмотрены выше.

дов, которые по своему функциональному назначению делились на головные ремонтные поезда (горемп), ремонтные поезда для подвижного состава (подрем), ремонтные поезда по водоснабжению (водрем), ремонтные поезда по ремонту связи и сигнализации (связьрем), и пневматических станций (пневмастанция). Помимо этого, наркомат был обязан хранить на своих базах запас материалов и механизмов, которые могли бы потребоваться вышеуказанным ремонтным поездам. В теории все выглядело стройно и логично. На практике положение дел было несколько сложнее. Сотрудники комиссии Хаханьяна отмечали, что ряд ремонтных поездов (например, подремы) до сих пор содержались по табелям, утвержденным в 1927 г., хотя было очевидно, что за прошедшие годы технические возможности железных дорог существенно возросли. В ряде случаев переход к новым табелям тормозился продолжительными межведомственными спорами. Например, Штаб РККА настаивал на том, что бы связьрем был рассчитан на восстановление 10 проводов одновременно, ЦОМ НКПС считал возможным ограничиться ремонтным потенциалом на 8 проводов, пока же сохранялся старый табель на 6 проводов. Считая такое положение дел ненормальным, Совнарком своим постановлением № 273/60с от 7 марта 1932 г. обязал НКПС в 1933 г. модернизировать все ремонтные поезда. В результате модернизации производительность, например, подремов должна была возрасти в следующей пропорции:

Таблица 11.

Рост производительности подремов после модернизации по плану 1933 г.

Один подрем может обслужить пробег поездов в парах	По состоянию на 1927 г.	После модернизации
По ремонту паровозов	10	18
По ремонту вагонов	15	18
Механической мастерской	11	18
Кузницей	10	18

Источник: ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 19.

Однако даже летом 1934 года ни один ремонтный поезд так и не прошел модернизации. Хотя общая стоимость модернизации ремпоездов составляла около 59 млн рублей, НКПС смог выделить на эти цели в 1933 г. всего 100 тыс. руб., что заведомо переводило вопрос модернизации ремонтных поездов в категорию «вечного недостроя». В 1934 г. наркомат выделил на модернизацию ремпоездов уже 5,5 млн руб., что, конечно, все равно было крайне мало, но, по крайней мере, позволило сдвинуть проблему с «мертвой точки». К сожалению, даже само по себе выделение средств в условиях плановой экономики совершенно не гарантировало реального проведения работ. Фактически, материальные ресурсы — металл, строевой лес, цемент, приборы и механизмы — распределялись централизованно. Поэтому мало было получить финансирование — надо было добиться еще и выделения «фондов», то есть официальных предписаний

о выделении надлежащих материальных ресурсов. А вот на этом этапе сплошь и рядом случались «претыкания». В качестве иллюстрации можно привести положение дел на Московско-Казанской железной дороге. На 1934 г. ЦОМ поручил этой дороге модернизировать 2 горема, 1 подрем и 1 пневмостанцию. Общая стоимость работ (с учетом закупки нового оборудования) должна была составить 2,5 млн руб., то есть на рассматриваемую железную дорогу должно было прийти примерно половина всех финансов, ассигнованных на модернизацию ремонтных поездов в масштабе всего СССР. Фактически «освоить» удалось только 93 тыс. руб., что составило примерно 3 % от выделенной суммы. Руководство дороги объясняло столь плачевное положение дел, во-первых, полным отсутствием содействия со стороны ЦОМа, а во-вторых — неполучением фондов. Называя вещи своими именами, модернизация ремпоездов в 1934 г. была сорвана точно так же, как и в 1933 г. Кроме того, комиссия Хаханьяна установила, что в ряде случаев модернизация ремпоездов вообще невозможна ввиду отсутствия согласованных и утвержденных проектов того или иного восстановительного оборудования. На 1934 г. так и не был принят тип путеукладчика; станки для сверления и резки рельс существовали только в виде опытных экземпляров и т.д.

Высказывались претензии и к процессу накопления необходимых ресурсов на базах НКПС. Причем и тут главной проблемой было невыделение фондов на имеющиеся средства. В 1933 г. на приобретение материалов и механизмов для баз НКПС было выделено 12 млн руб., а фактически истратить удалось только 8. В 1934 г. было ассигновано 13,5 млн руб., но, по данным на 1 июня 1934 г., промышленность отказалась принять заявки на 4,3 млн руб., соответственно фактическое накопление необходимых ресурсов в этом году не могло составить более 9 млн рублей. Такое положение безальтернативно вело к крайне низкой обеспеченности баз НКПС необходимыми материалами и оборудованием. Скажем, по рельсам типа III-а обеспеченность составляла лишь 40 %, по скреплениям — 50 %, по 88-метровым мостам — 70 %, по 23-метровым мостам — 60 %; 55-метровых мостов на базах не было вообще.

Наконец, последним аспектом мобилизационной подготовки железных дорог, на который обратила внимание комиссия Хаханьяна, стала способность НКПС формировать в военное время различные специальные подразделения: военно-санитарные поезда (ВСП), изоляционные и дезинфекционные пункты (ИЗО и ДЕЗО), продовольственные пункты (продпункты) и агитационные пункты (агитпункты). ВСП предназначались для обслуживания больных и раненых красноармейцев, эвакуируемых в тыл, остальные формирования создавались для обслуживания воинских эшелонов на пути их следования. К сожалению, и тут сотрудники Хаханьяна нашли достаточно много упущений и недочетов. ВСП испытывали хронический недостаток соответствующего оборудования: пружин Кружилина, предохранительных поясов, стандартных носилок, станков Кригера и т.д. Такая ситуация была особенно характерна для ВСП, формируемых на Московско-Балтийской, Западной, Юго-Западной и Октябрьской железных дорогах. Надо отметить, что при рассмотрении этого вопроса члены комиссии проявили завидную принципиальность и, будучи почти поголовно представителями Штаба РККА, тем не менее, основную вину за неудачи

тованность ВСП возложили на военно-санитарное управление РККА. Впрочем, помимо нехватки сугубо медицинского оборудования, были и недостатки, ответственность за которые, несомненно, несло железнодорожное руководство. Скажем, ряд ВСП испытывал проблемы с электроосвещением. И снова НКСП ссылаясь на нехватку материальных фондов. Скажем, из отпущенных в 1934 г. на оснащение ВСП Московско-Казанской железной дороге 340 тыс. руб. на 1 июля 1934 г. удалось освоить только 74 тыс., что объяснялось неполучением материальных фондов от ЦОС НКПС. Увы, деньги на счете нельзя было вкрутить в патрон вместо лампочек.

Еще хуже дела обстояли с ИЗО и продпунктами. Отчет комиссии Хаханьяна пестрил вопиющими примерами. Станция Лихоборы Московской окружной дороги — ИЗО не достроен. Присланные котлы имеют высоту 6 метров, поэтому не влезают в уже построенную котельную высотой 4 метра. Вопрос о том, какой системы должны быть дезинфекционные камеры (японской или Левинсона) — пока не решен, соответственно, на текущий момент дезкамер вообще нет. На кухне недавно построенные очаги уже развалились.

На станции Угрешская той же дороги — ИЗО не достроен и законсервирован. При этом здания фактически не завершены строительством — не настелены полы, не оштукатурены стены, не вставлены окна, не подведены канализация и электроснабжение, но, тем не менее, эти «недострой» уже вовсю используются различными учреждениями, приспособляющими имеющиеся сооружения к своим нуждам. На вопрос членов комиссии: а как, собственно, в случае войны руководство железной дороги собирается организовывать работу ИЗО, дирекция Московской окружной дороги отвечало, что под ИЗО будут забронированы подходящие здания близь станции. Впрочем, наибольшее удивление у сотрудников комиссии вызвало то обстоятельство, что «недострой» ИЗО находился... на противоположной (относительно железнодорожных путей) стороне от аптеки. А так как никакого перехода там оборудовано не было, больным пришлось бы бегать за лекарствами буквально под колесами поездов⁴⁴.

Станция Брянск — ИЗО начат строительством в 1931 г., но на лето 1934 г. все еще не был завершен. Причем тут главным тормозящим фактором была именно организационная неразбериха. Сначала хирургическая была покрашена в один цвет, затем, по требованию наблюдающего врача, — в другой. Стены были оштукатурены, после чего появилось требование о скрытой проводке, и стены начали штробить заново.

В целом, складывается впечатление, что оборудование ВСП и ИЗО находилось на периферии внимания как ЦОС НКПС, так и ВСУ РККА. Но в отношении продпунктов ситуация была попросту катастрофической. Судя по отчету комиссии, положение дел было настолько плохим, что сотрудники Хаханьяна с трудом удерживались в рамках приличий. Описание железнодорожных продпунктов вызывает ассоциации с разрухой времен Гражданской войны.

Станции Ряжск и Арзамас Московско-Казанской железной дороги: «продпункты находятся в отвратительном состоянии и требуют капитального ремонта. Наблюдений за продпунктами со стороны службы путей не ведется». Стан-

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 20.

ция Пресня Московской Окружной железной дороги: «столовые — три заняты 15 отд. стрелк. ротой, четвертая — общежитием рабочих 25 участка Военстроя; договоров на эксплуатацию помещений не имеется; технического надзора за зданиями нет, текущий ремонт не производится. Сарай с дырявой крышей и выбитыми стеклами; хранятся — столы, скамьи, дежи, денежный ящик, тележки для развозки посуды, разного рода хлам. Дежи для теста с засохшим тестом; лоток для порционного мяса, обитый цинковым железом, загажен птичьим пометом и дохлыми воробьями, весь инвентарь навален грудой»⁴⁵.

Таков был средний уровень обследованных продпунктов. Причем, согласно утверждениям сотрудников комиссии, на организацию и комплектование продпунктов были истрачены весьма значительные суммы и накоплено немало имущества. Но вопрос организации продпунктов был передан местным комендантам и начальникам дистанций, которые рассматривали эти сюжеты как обузу. А так как центральные инстанции НКПС ситуацию с подготовкой продпунктов, в общем-то, не контролировали, то и результат был достаточно ожидаем.

К каким же выводам пришла комиссия Хаханьяна? Вся мобилизационная работа на железных дорогах велась как бы на двух этажах: в центре эти вопросы курировал ЦОМ, а на местах — мобилизационные отделы дорог. ЦОМ, по мнению Хаханьяна, совершенно правильно сконцентрировал свое внимание на приоритетных вопросах мобподготовки железнодорожного транспорта, а именно — на проблемах обеспечения воинских перевозок. Соответственно, остальные аспекты мобподготовки были переданы в ведение моботделов дорог, и именно на этих, «неглавных», направлениях мобподготовки положение дел было наихудшим. Сотрудники комиссии Хаханьяна полагали, что в данном случае налицо был управленческий кризис. С одной стороны, ряд центральных управлений НКПС были совершенно оторваны от мобработы, хотя было очевидно, что тот или иной аспект мобподготовки прямо и непосредственно входит в их компетенцию. С другой стороны, ЦОМ сплошь и рядом занимался несвойственными ему функциями, пытаясь подменить другие центральные управления. Скажем, разработка планов народно-хозяйственных перевозок в военный период явно относилась к ведению Центрального управления эксплуатации, а не ЦОМ. За проектирование оборонного строительства железнодорожной инфраструктуры, логически рассуждая, должно было отвечать Центральное управление пути. Да, в общем-то, и комплектование ремпоездов не входило непосредственно в сферу компетенции ЦОМа.

Такая индифферентность центральных управлений НКПС была тем более непонятна, если учесть, что в состав каждого из них входили либо целый мобсектор, либо хотя бы мобконсультант. Однако, как показала практика, эти институты являлись, по большей части, своеобразными «зиц-председателями», основное предназначение которых заключалось в том, чтобы фактом их существования можно было отчитаться перед вышестоящими органами об успехах в мобработе. В докладе Хаханьяна констатировалось: «Начальник мобгруппы ЦД⁴⁶ т. Еременко... о работе ЦД в мобпериод не имеет представления; не при-

⁴⁵ Там же. Л. 21.

⁴⁶ В данном случае — Центральное управление эксплуатации.

нимал участия в разработке народно-хозяйственных перевозок и регулирования подвижного состава. Мобконсультант ЦП⁴⁷ т. Смирнов никакого отношения к мобплану по части путевого хозяйства не имеет, занимается посторонним делом; (начальник) ЦП Яковлев в течение трех м-цев не принимал своего мобконсультанта. Мобконсультант ЦС⁴⁸ т. Аппаратчиков выполняет основную свою функцию начальника секретариата Цустроя и своим моботделом не занимается»⁴⁹. Такая картина была характерна для подавляющего большинства центральных управлений НКПС. Таким образом, одним из ведущих организационных факторов развала мобподготовки на железных дорогах стало фактическое самоустранение от мобработки большей части аппарата НКПС. Разумеется, одинокий ЦОМ был не в состоянии вытащить на себе этот огромный воз проблем.

Та же картина повторялась и «этажом ниже» — в масштабах отдельной железной дороги вопросами мобподготовки ведал только и исключительно моботдел, а весь остальной оперативный аппарат стоял в стороне. В качестве характерной иллюстрации можно привести положение дел на Московско-Казанской железной дороге: «Мобплан Московско-Казанской дороги на 20.VII-34 г. не был закончен. В личном предписании начальника основного паровозного депо ст. Калуга имеются несоразности: в М-1 из Конотопа прибывает 28 кочегаров, а из Калуги в тот же день командировается 21 кочегар. Неизвестно, откуда и в какие сроки придут от НКТП 175 кочегаров. Совершенно упущен вопрос использования 7 холодных паровозов, которые имеются на ст. Калуга. Начальнику депо Калуги надо откомандировать на разные станции дороги 136 кочегаров, в то время как в наличии по мобплану числится 82 кочегара, а фактически на 1.VII-34 г. — 60 кочегаров. В личном предписании нач. службы эксплуатации ст. Белев нет регулировочных данных по рабсиле, вагонам и паровозам; также отсутствуют данные о призываемых в РККА. Для начальника депо и начальника вагонного участка Калуги мобкалендарь⁵⁰ составлялся делопроизводителем без их участия, поэтому мобкалендари не выправлены и они их не знают»⁵¹. Ситуация по железнодорожной сети СССР везде была приблизительно на том же уровне.

Еще одним уязвимым местом мобработки была явная забюрократизированность. На фоне постоянного дефицита материальных средств железнодорожники буквально утопали в потоке различных приказов, предписаний, инструкций и наставлений по мобработе. Члены комиссии Хаханьяна подсчитали, что для начальника моботдела дороги число таких документов составляло 170, а для начальника станции — 30. При этом, с одной стороны, многие правила уже устарели, а с другой — важнейшие положения и инструкции, которые действительно требовались в повседневной работе, месяцами согласовывались и «утраивались» на многочисленных межведомственных заседаниях. Достаточно отметить, что на лето 1934 г. все еще не был утвержден даже мобплан НКПС на 1933 год.

⁴⁷ В данном случае — Центральное управление пути.

⁴⁸ В данном случае — Центральное управление строительства.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 22.

⁵⁰ Специальный документ, в котором указывалось, что данное должностное лицо обязано сделать на соответствующий день мобилизации.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 23.

Подводя итог, Хаханьян резюмировал:

1. Военские перевозки в мобпериод можно было считать, хотя бы в первом приближении, обеспеченными. Это не отменяло необходимости «расширки» ряда «узких мест» — водоснабжение, полотно, верхние строения и т.п. Сохраняли актуальность требования по поводу решения вопроса о «великом переселении вагонов», но, тем не менее, в общих чертах эту задачу можно было считать решенной.
2. Народно-хозяйственные перевозки не то что на период всей войны, но даже и на мобпериод практически не имели вменяемого плана, а то, что НКПС предъявлял в качестве такового плана, решительно никуда не годилось.
3. Положение дел с формированием ремпоездов следовало считать совершенно неудовлетворительным. Это же в полной мере относилось и к вопросу формирования ИЗО и продпунктов.
4. В целом, работу ЦОМ НКПС Хаханьян рекомендовал счесть неудовлетворительной. Сосредоточившись на решении задачи обеспечения военных перевозок в мобпериод (и даже, в целом, успешно ее решив), ЦОМ полностью провалил мобподготовку железных дорог на других направлениях.
5. Участие других центральных управлений НКПС в мобподготовке железнодорожной отрасли Хаханьян считал «недопустимо ничтожным».
6. Помимо позиции НКПС, который, в целом, махнул рукой на вопросы мобподготовки, свалив все функции по мобработе только и исключительно на ЦОМ, Хаханьян отмечал «совершенно недостаточную» руководящую роль Госплана, который также устранился от вопросов мобподготовки железнодорожной сети.

3 октября, очевидно, по результатам проверки комиссии Хаханьяна, КО СССР принял решение «обязать НКПС (т. Андреева⁵²) в месячный срок доложить КО мероприятия по обеспечению действующего варианта мобплана»⁵³. Судя по всему, определенные выводы в НКПС по поводу доклада Хаханьяна были сделаны и какие-то шаги по оптимизации мобподготовки предприняты. Однако результаты этих шагов оказались, на взгляд советского руководства, не слишком впечатляющими. 17 марта 1935 г. Хаханьян докладывал заместителю председателя Совнаркома СССР В.Я. Чубарю, что предлагаемый наркоматом путей сообщения вариант постановления относительно мобработы на железных дорогах, по сути, ничего кардинально не меняет⁵⁴. Вновь предполагалась крупномасштабная (1260 единиц) передислокация паровозов в западные регионы страны, и снова половина из них должна была быть переброшена в предмобпериод. По-прежнему количество вагонов, выделяемых центро-планово для выполнения народно-хозяйственных перевозок, в мобпериод было совершенно недостаточно. Если раньше на эти задачи выделялось 12 700 вагонов, то теперь... 13 800. Было очевидно, что эти дополнительные 1 100 вагонов ситуацию заметно не изменят. Забегая несколько вперед, отметим, что к лету НКПС согласился пересмотреть план перевозок в народно-хозяйственных интересах в

⁵² А.А. Андреев — нарком путей сообщений СССР в 1931–1935 годах.

⁵³ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 180. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 66.

ходе мобпериода. Теперь на эти задачи выделялось уже 15 930 вагонов⁵⁵. Но, как видим, и теперь рост был отнюдь не кардинальным. Единственным, по мнению Хаханьяна, существенным шагом вперед стала готовность НКПС сформировать особый неприкосновенный мобзапас топлива для железных дорог.

Казалось, пусть медленно, но вопрос наращивания мобготовности железных дорог начал решаться. Но 34 июля 1935 г. железнодорожная группа КСК под руководством Ж. Меерзона обследовала на предмет мобготовности Западную и Московско-Белорусско-Балтийскую железные дороги. Результаты этого обследования, представленные Сталину, Молотову, Кагановичу⁵⁶, Ворошилову и Ежову, мало отличались от выводов комиссии Хаханьяна.

Для организации ускоренного прохождения («пачечного движения», при котором составы на конкретной линии идут «пачкой» в одну сторону с минимальным интервалом, а все встречные поезда переводятся на другие линии) составов по воинскому графику на железных дорогах были организованы блокпосты. Дело это было хорошее и нужное, но при детальном обследовании этих блокпостов выяснилось совершенно нетерпимое положение дел. Помещения многих блокпостов были попросту не приспособлены для реальной работы — там были неисправны печи, в стенах наблюдались сквозные щели, оконные стекла были, как правило, выбиты, комнаты для отдыха персонала не были оборудованы. Сменному составу было бы попросту негде спать. Впрочем, эти спартанские условия личный состав теоретически мог бы и претерпеть — в конце концов, блокпосты проектировались на мобпериод, а мобилизация подразумевает готовность стойко преодолевать трудности. Куда хуже было то, что на большинстве блок-постов была неисправна специальная аппаратура — «педали при проследовании воинских поездов не действовали»⁵⁷. Разумеется, такой «блокпост» для организации пачечного движения был совершенно бесполезен. Тем не менее, «по отчету» все блокпосты числились сданными в эксплуатацию. Кроме того, отмечалось, что прикрепленный к блокпостам персонал часто не обладал соответствующей квалификацией. Летом 1935 г. на обследованных железных дорогах проводились эксперименты по организации пачечного движения, которые, собственно, и наблюдали члены комиссии Меерзона. В результате «ко многим блок-аппаратам назначены были работники, совершенно не умеющие с ними обращаться. Начальники ряда постов не смогли в связи с этим допустить к аппаратам своих сменщиков и вынуждены были дежурить без сна и отдыха по двое суток — весь период действия постов»⁵⁸. Вообще надо отметить, что, как показала проверка, кадровый вопрос на железных дорогах в случае начала войны встал бы очень остро. Взамен сотrudников, которые требовалось откомандировать на блокпосты, а также мобилизуемых в ряды РККА железные дороги западных регионов СССР должны были получать пополнение от местных райисполкомов. Однако проверка представителей КПК показала, что в качестве стрелочников-сигналистов, кочегаров, кондукторов и других

⁵⁵ Там же. Л. 77.

⁵⁶ К этому моменту Каганович уже сменил Андреева на посту наркома путей сообщения.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 227. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Л. 2.

железнодорожных сотрудников, от которых требовались специальные знания, райисполкомы планировали направить на железные дороги около 6 тыс. колхозников, никогда ранее на железной дороге не работавших. Причем к работе они должны были приступить немедленно, курсов ускоренной подготовки или чего-либо в этом духе не предусматривалось. Было очевидно, что в случае войны качество рабочей силы на железных дорогах неизбежно упадет, а проблемы персонала блокпостов, описанные выше, обострятся многократно.

Вообще попытка «железнодорожных учений» с организацией «пачечного движения» привела к массе накладок и ошибок. Позволим себе процитировать лишь краткий фрагмент из весьма обширного перечня казусов, случившихся за два дня испытаний: «Дежурные по ст. Кошелевская, Дороганово, Березина и др. исключительно по своей нераспорядительности вызвали 22 случая задержки опытных поездов. Начальник депо Осиповичи т. Позняков и нач. станции т. Раков не сумели организовать подачу паровозов и задержали все опытные поезда. ДСП⁵⁹ ст. Осиповичи к подходу 5-го воинского поезда потерял связь с парками отправления и прибытия и не знал состояния станции; при отправлении поезда № 205 он забыл даже дать приказание о заделке стрелок по маршруту поезда. На станциях Красное и Торопец опытные поезда принимались вместо парковых путей на главные. На ст. Великий Луки ДСП Поганкин пропустил воинский поезд без разрешения»⁶⁰.

Впрочем, в данном случае руководство НКПС могло оправдаться новизной и непривычностью дела. Натурный опыт «пачечного движения» проводился впервые, так что нет ничего удивительного в некоторой комковатости первого блина. Однако и в уже привычных и традиционных аспектах организации воинских перевозок вскрылись застарелые проблемы. Выше мы говорили о том, что значительная часть вагонов, предоставленных военным для перевозки частей в «полевые лагеря» в 1934 г., оказались дефектными. Казалось, в НКПС учли этот печальный опыт, и уж к эксперименту с организацией «пачечного движения» летом 1935 г. привлекли наилучший вагонный парк. Члены комиссии Меерзона отмечали, что при формировании опытных эшелонов отбору вагонов уделялось повышенное внимание. В частности, для осмотра и отбора вагонов было привлечено куда больше сотрудников, чем обычно. Скажем, если в Осиповичах эти задачи, как правило, решали 12 слесарей и осмотрщиков, то на этот раз было выделено 30 сотрудников. Надо отметить, что результаты такой «сверхплотной» проверки уже сами по себе не внушали оптимизма. По итогам отбора вагонов выяснилось, что огромное количество вагонов, формально числившихся «здоровыми», по тем или иным причинам для воинских перевозок не пригодны. Скажем, в Витебске и Брянске таких «здоровых, но в армию не годящихся» вагонов было до 70 %. Сформировать составы для опытной организации «пачечного движения» удалось с большим трудом. Тем не менее, даже в этих «лучших из лучших» составах не обошлось без эксцессов и аварий. 33 вагона потребовали срочного и настолько серьезного ремонта, что ради этого пришлось останавливать соответствующие поезда, напрочь ломая график. Только в

⁵⁹ В данном случае — директор службы пути.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 227. Л. 2.

трех эшелонах, следовавших из Москвы в Минск, у 13-и вагонов грелись буксы. На Западной железной дороге к опыту с «пачечным движением» было привлечено 16 поездов, у 11-и из которых фиксировались случаи самопроизвольной отцепки вагонов. Всего отцепилось 14 вагонов.

Ситуация с паровозами была не лучше. Сотрудники КПК отмечали, что внешне паровозы холодного хранения на Московско-Балтийской железной дороге содержатся в чистоте, ходовые части смазаны, а буксы запломбированы. Однако детальная проверка, а особенно проба на ходу показала существенные упущения. В депо Великие Луки взятый из холодного резерва паровоз серии Ш № 684 не выдержал расчетных скоростей, с трудом трогался с места и пройдя три перегона, отстал от расчетного графика на 18 минут. В депо Витебск паровоз той же серии № 5 069 на подъеме встал и дальше двинуться не мог без помощи толкача. При осмотре выяснилось, что у локомотива оплавился подшипник. В депо Орша паровоз той же серии № 531 пришлось снять с опытного перегона и вернуть в депо, так как люк его передней топки оказался «пропарен» — очевидно, пропускал угарный газ.

В целом, комиссия Меерзона сочла результаты опытов с «пачечным движением» совершенно неудовлетворительными. «Организованный при проверке опытный пропуск на отдельных участках 4–10 поездов не должен был вызвать никаких затруднений. Ведь в военное время интенсивность движения может доходить на этих участках от 44 до 96 пар в сутки. К тому же, дороги знали о предполагаемой проверке и готовились к ней. В дни пропуска опытных поездов, например, были выделены на работу сильнейшие диспетчера, дежурные по станциям, машинисты и др. работники. Начальники эксплуатационных отделений, депо и других служб непрерывно находились на линии и руководили движением, паровозам выдавалось лучшее топливо и т.д. И тем не менее, проведенные опытные перевозки вскрыли неподготовленность этих дорог к мобилизационным перевозкам. В военное время работа дорог значительно осложнится и их неподготовленность выступит гораздо резче»⁶¹.

В своем отчете комиссия Меерзона дала оценку и общего уровня мобготовности инспектированных железных дорог. Оказалось, что с 1934 г. в этом плане очень мало, что изменилось — лавинная доля замечаний комиссий Хаханьяна и Меерзона совпадали едва ли не текстуально. В частности, Меерзон отмечал, что средняя потребность паровозов на Западной железной дороге составляет 983 локомотива, однако план работы в мобпериод требует сосредоточить на ней 1 158 паровозов. Причем объясняется это ошибками в методологии исчисления необходимого числа паровозов. Скажем, на участке Калуга — Вязьма в среднем требуется пять паровозов в день. Однако на 6-й день мобпериода запланировано отправление 11 эшелонов, поэтому на весь мобпериод для данного участка резервируется 11 паровозов. Как видим, планирование «по максимальному дню», о котором писал Хаханьян, за год никуда не делось. Отмечая как существенную проблему необходимость крупномасштабной переброски локомотивов в мобпериод в западные регионы страны (о чем в свое время писал и Хаханьян), комиссия Меерзона сетовала на существенные передислокации паровозов в

---

⁶¹ Там же. Л. 3.

мобпериод внутри одной и той же железной дороги. Скажем, в депо Коренево Западной железной дороги эксплуатировались паровозы серии Щ, а по графику воинских перевозок это депо должно было переключиться на использование паровозов серии Э. В депо Унеча той же дороги ситуация была зеркальной — в мирное время там работали паровозы серии Э, а в военное потребовались бы серии Щ. В результате с началом мобпериода Западная железная дорога должна была бы передислоцировать в своем составе 150 паровозов. С учетом прибытия еще и паровозов из восточных и центральных регионов СССР, это неминуемо привело бы к неразберихе и путанице.

Кроме того, продолжал Меерзон, ошибки в строительстве железнодорожной сети привели к тому, что ряд железнодорожных узлов имели критически важные «узкие места», лимитировавшие пропускную способность тех или иных дорог в целом. Например, в Рославле из-за неразвитости западной горловины маневровая работа должна была проводиться с вытяжкой эшелонов на главные пути, в результате чего поезда на Смоленском направлении постоянно попадали в заторы. В Жлобине не было возможности одновременно принимать составы из Могилева и Минска. На станции Гомель-Хозяйственный в Брянском парке не было полной централизации горловины, что, при наличии нескольких глухих пересечений, не давало возможности в штатном режиме принимать и отправлять поезда на Жлобин и Калинковичи. Между тем по этим направлениям ежедневно перемещалось 156 поездов. На той же станции центральную горловину, через которую должны были следовать 256 поездов в сутки, пересекал «полесский» переезд, что создавало постоянную угрозу техногенной катастрофы.

Постоянной проблемой железных дорог была система связи и сигнализации. К слову сказать, это также сыграло свою роль при подведении итогов эксперимента с «пачечным движением». Семафоры на 11-и станциях и разъездах Западной железной дороги не работали, поэтому все опытные составы, проходившие эти пункты, были задержаны. В ряде случаев исправность семафора вообще не имела значения, так как они были установлены так, что были либо вообще не видны, либо с трудом различимы. Из-за плохой видимости на станции Гапоново и на посту «32-й км» поезда №№ 205 и 105 проехали закрытые семафоры. Сотрудники комиссии Меерзона отмечали, что семафоры практически ненаблюдаемы на станциях Гжатск, Серго-Ивановское и еще нескольких Московско-Балтийской железной дороги. На станциях Вязьма, Борисов, Витебск отправление составов производилось с разных станционных путей при единственном семафоре, установленном на главном выходном пути, что, разумеется, ни в малейшей степени не страховало от столкновений. Наибольшее возмущение членов комиссии вызвало то, что отдельные семафоры для каждого пути были установлены на станции Борисов еще в 1932 г., но за три истекших года руководство станции так и не собралось подключить их к централизованной системе управления движением, и путевые семафоры продолжали бездействовать. Из-за отсутствия прямой диспетчерской связи между Жлобиным и Слуцком начальник эксплуатационного отделения не мог руководить движением опытных поездов и на протяжении двух часов вообще не знал, где они находятся. Формально, участок Орша — Минск был обеспечен

селекторной связью, оборудованной службой военных сообщений (ВОСО). Но на практике, при пропуске опытных поездов она продемонстрировала крайне низкую эффективность. Вызовы постоянно приходили «не на ту» станцию, а до некоторых станций не удалось «дозвониться» вообще. На участках Витебск — Полоцк и Полоцк — Бигосово диспетчерская связь формально имелась, но из-за неудовлетворительной слышимости пользоваться ею было невозможно.

Что касается прочих хронических проблем мобготовности железных дорог — медленного и некачественного сооружения ИЗО и продпунктов, недостаточных запасов материалов на складах, устарелости и избыточности мобдокументации и т.п., то в этих разделах отчеты Хаханьяна и Меерзона были практически идентичны. Как мы уже писали, Хаханьян принципиально вывел вопросы местной ПВО за скобки своей инспекции. Меерзон же рассмотрел и эти сюжеты. По его словам, существовавшая на тот момент система местной ПВО совершенно не обеспечивала бесперебойной работы железнодорожного транспорта в случае неприятельских налетов. По сути, мероприятия местной ПВО должны были сводиться к возведению защитных построек, которые прикрывали бы важнейшие объекты железнодорожной инфраструктуры от осколков авиабомб. В этом случае угрозу представляли бы лишь сравнительно редкие прямые попадания. Особенно важными в этом смысле представлялись защищенные командные пункты, из которых начальник станции и дежурная смена диспетчеров могли бы продолжать руководить движением даже во время налетов вражеской авиации. На практике, как докладывал Меерзон, командные пункты фактически превращены в обычные укрытия. Причем прятаться в них должна была «вся верхушка, начиная от начальника эксплуатационного отделения, начальника отделения ... НКВД, военного коменданта, политрука, вплоть до начальника участка тяги, начальника дистанции пути и всех начальников команд ПВО. Причем надо отметить, что “укрываться” будут не только командиры отделений и узлов, но и непосредственные работники, выполняющие воинские перевозки (составители, стрелочники, сигналисты, рабочие депо). Для этой цели на 17 объектах МББ⁶² ж.д. предусмотрено устройство 434 так называемых “щелей” — легких укрытий»⁶³. Что ж, со своей колокольни Меерзон был прав — инструкция требовала обеспечить бесперебойную работу железной дороги, поэтому в случае налета надо было не прятаться по щелям, а выполнять свои обязанности. Однако, надо отметить, что практика Великой Отечественной войны показала, что сотрудники Московско-Балтийской дороги в этом вопросе не так уж ошибались.

Подводя итог, Меерзон констатировал: «Комиссия партийного контроля считает такое положение мобилизационной готовности Западной и МББ ж. д. дорог абсолютно недопустимым, требующим незамедлительного принятия самых решительных мер. Считал бы целесообразным поставить данный вопрос на обсуждение Комиссии обороны»⁶⁴.

К июлю 1935 г. перед железнодорожной отраслью, как, впрочем, и перед всей советской экономикой, в плане мобподготовки встали совершенно но-

⁶² В данном случае — Московско-Белорусско-Балтийской.

⁶³ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 227. Л. 8.

⁶⁴ Там же. Л. 11.

вые задачи. Дело в том, что на 1934 г. в СССР действующим считался мобплан экономики МП-3. Соответственно, выводы комиссии Хаханьяна относились именно к базовым положениям плана МП-3. Как мы уже писали, 3 октября КО поручило НКПС в течение месяца разработать перечень мероприятий по искоренению недостатков и упущений, перечисленных в отчете Хаханьяна. 25 февраля 1935 г. нарком путей сообщения Андреев представил докладную записку с перечнем мер, которые он намерен предпринять для улучшения дел с мобподготовкой железнодорожной отрасли. Хаханьян оценил предложения наркома не слишком высоко, но все эти прения велись с учетом актуального на тот момент мобплана МП-3. Комиссия Меерзона, работавшая в мае 1935 г., также исходила из плановых заданий МП-3. Между тем, к 1 июля НКПС, как и другие наркоматы СССР, был обязан принять к исполнению новый мобплан — МП-4 и, соответственно, переработать свои мобилизационные решения в его контексте⁶⁵. Поэтому теперь встал вопрос о даже не столько исправлении конкретных недочетов, сколько о переработке планов мобподготовки железных дорог вообще.

Итог многолетним усилиям по мобилизационной подготовке железнодорожной отрасли СССР подвел Меерзон, 27 декабря 1935 г. подавший докладную записку «О мобилизационной готовности Московско-Белорусско-Балтийской, Западной и Юго-Западной железных дорог» Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову и Ежову. Так как именно на эти железные дороги в случае мобилизации пришлось бы максимальная нагрузка, в первом приближении ситуацию с мобготовностью на них вполне можно распространить и на всю железнодорожную сеть СССР. Появление это доклада Меерзона было обусловлено тем, что в ноябре 1935 г. комиссия под его руководством провела повторное обследование вышеуказанных дорог для того, чтобы выяснить, улучшилось ли положение дел с мобподготовкой, и если да — то насколько. Меерзон признавал, что отдельные, наиболее вопиющие, недочеты были исправлены. Приблизительно 70 % блокпостов было отремонтировано и приведено в соответствующий вид, в какой-то степени пополнены мобзапасы, частично проведена переброска паровозов на запад, усилены кадры в моботделах железных дорог.

Впрочем, прогресс был весьма скромным. В отношении блокпостов Юго-Западной дороги в докладе отмечалось, что «они находятся в таком запущенном состоянии, что создается опасность многочисленных аварий и прямая угроза к срыву воинских поездов». Аппараты на большинстве проверенных блок-постов оказались неисправными, педали при проследовании поездов, как правило, не срабатывали, а прикрепленные к этим блок-постам работники связи были не в состоянии исправить повреждения⁶⁶. По-прежнему неудовлетворительным было состояние подвижного состава, сохранялись ошибки и недоработки в освоении железнодорожных узлов, мобзапасы хранились ненадлежащим образом, практически отсутствовали мобзапасы топлива, в местной ПВО ситуация также не изменилась.

Строго говоря, в данном случае обличительный пафос Меерзона был не вполне обоснован. Формы и масштабы вскрытых им в мае проблем были столь

⁶⁵ Там же. Л. 84.

⁶⁶ Там же. Оп. 11. Д. 227. Л. 17.

велики, что заранее было понятно, что за несколько месяцев добиться кардинальных улучшений невозможно. Однако общий вердикт был неутешителен: «В данный момент М.Б.Б. и Западная жел. дороги к мобилизационному периоду в полной мере не готовы. Что касается Юго-Западной жел. дороги, то положение на ней в отношении мобилизационной готовности надо признать абсолютно неудовлетворительным»⁶⁷.

Не стану утомлять читателя очередным перечислением проблемных мест и вопросов мобготовности, выявленных комиссией Меерзона в ноябре. По большому счету, номенклатура этих «узких мест» совпадала с перечнем недочетов и ошибок, обнаруженных в мае. Разве что тогда инспектировались Полоцк и Гжатск, а теперь аналогичные проблемы были обнаружены в Фастове и Житомире.

Подведем итоги. На первый взгляд, очевидно, что вся мобподготовка советских железных дорог в 1927–1935 годах была сплошной цепью ошибок и неудач. Практически каждый отчет о проверке мобготовности пестрит вопиющими фактами развала мобработки и неготовности железнодорожной отрасли к будущей войне. Разумеется, в мобподготовке НКПС имелась масса упущений и недоделок. Однако следует учитывать, что железные дороги Советского Союза были обязаны вести мобподготовку, ни в малейшей степени не снижая перевозочную работу в интересах экономики. Между тем, 1927–1935 годы — это годы форсированной индустриализации, бесперебойная работа транспорта для которой имела едва ли не ключевое значение. Да, планы мобработки регулярно срывались. Но ожидало ли советское руководство действительного исполнения этих планов? В 1933 г. Сталин писал Ворошилову: «По части танков и авиации, видимо, промышленность не сумела еще, как следует, перевооружиться применительно к новым (нашим) требованиям. Ничего! Будем нажимать и помогать ей, — приспособиться. Все дело в том, чтобы держать известные отрасли промышленности (главным образом военной) под постоянным контролем. Приспособятся и будут выполнять программу, если не на 100 %, то на 80–90 %. Разве это мало?»⁶⁸. В данном отрывке речь идет об оборонных производствах, но, скорее всего, из той же логики руководство СССР исходило и при планировании прочих отраслей индустрии.

Вероятно, следует признать, что главным достижением мобподготовки советских железных дорог в первой половине 1930-х годов стало то, что она вообще велась. Нарбатывался опыт, выяснялись важнейшие «узкие места» железнодорожного транспорта в условиях военного времени, определялись подходы к решению наиболее важных и актуальных вопросов. В годы Великой Отечественной войны советские железные дороги сыграли огромную роль в достижении Советским Союзом победы. Характерно, что в годы военного лихолетья широко применялись практически все наработки первой половины 1930-х годов — «пачечное движение», массовое использование ремонтных поездов, местная ПВО. Не вызывает сомнений, что без тяжелой, упорной и не всегда успешной работы по подготовке железных дорог к функционированию в условиях военного времени, проведенной в 1930-е годы, успех советских железнодорожников в 1941–1945 годах был бы невозможен.

⁶⁷ Там же. Л. 16.

⁶⁸ Цит. по: Самуэльсон Л. Красный колосс. М., 2001. С. 158.

Библиография

- Васильев В.В.* Создание и работа Военно-Технического бюро при Комитете Оборона СНК СССР в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 44–48.
- Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. Изд. 2-е, перераб. М.: О.Г.И., 2008. 510, [1] с.
- Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 350 с.
- Мухин М.Ю.* Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 415–419.
- Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- Самуэльсон Л.* Красный колосс. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.
- Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская оборонная промышленность. 1917–июнь 1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 523, [3] с.

Развитие тяжелой промышленности в СССР по генеральному хозяйственному плану на 1951–1970 гг.

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу проектировок развития тяжелой промышленности в генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг. Он был подготовлен Госпланом в 1947–1949 гг. и рассчитан на построение коммунизма в СССР в течение 20 лет. Теоретической моделью, на которой был основан генеральный план, являлась двухсекторная модель экономического роста, предложенная во второй половине 1920-х гг. экономистом А.Г. Фельдманом. Она предполагала приоритетное инвестирование денежных средств в отрасли тяжелой промышленности, ориентированные на производство средств производства, чтобы в отдаленной перспективе перейти к форсированному развитию легкой промышленности, нацеленной на производство предметов гражданского потребления. В послевоенное время трудность в применении этой модели заключалась в том, что СССР столкнулся с ситуацией двойного вызова. С одной стороны, глобальная конкуренция с США в начавшейся холодной войне требовала вложения большого количества ресурсов в военно-промышленный комплекс, что сокращало возможность для инвестиций в гражданские сектора экономики. С другой, во второй половине 1940-х гг. четко обозначились пределы дальнейшего экстенсивного развития советской экономики. В подготовленном генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг. были намечены лишь некоторые меры по интенсификации отраслей тяжелой промышленности. Однако эти предложения не были приняты к реализации во второй половине 1940-х гг., только после смерти И.В. Сталина новое руководство страны попыталось оттолкнуться от этих предложений при проведении реформаторского курса. Работа написана с использованием материалов РГАЭ и РГАСПИ.

Ключевые слова: поздний сталинизм, тяжелая промышленность, генеральный хозяйственный план, модель А.Г. Фельдмана.

Окончание Второй мировой войны ознаменовалось не только началом процесса восстановления экономик стран-участниц конфликта, но совпало с новой волной научно-технической революции, толчком к которой было стремительное развитие военных технологий. Именно в сфере их промышленного применения развернулось острое соперничество между двумя новыми сверхдержавами — СССР и США. В этой гонке лидировали США, но СССР удалось ликвидировать отставание. США первыми испытали атомную бомбу в 1945 г., а СССР — в 1949 г., первая американская ЭВМ «ENIAC» была создана в 1945 г., а советская «М-1» — в 1951 г., работы над созданием ракетной техники велись в обеих странах параллельно.

---

* Симонов Максим Анатольевич — научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, m.a.simonov1@yandex.ru. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-09-00061 «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики “хрущевского десятилетия”».

Острое научно-техническое соперничество СССР и США представляло для советской экономики масштабный вызов. Он требовал концентрации сил не только на отдельных направлениях развития ВПК, но и на внедрении новых технических решений на предприятиях гражданской промышленности, которые отличались менее совершенной технической базой и не столь квалифицированной рабочей силой. Ответ на послевоенный вызов советская система нашла в традиционных для нее рамках многолетнего долгосрочного планирования, рассчитанного на несколько десятилетий.

Впервые такой метод планирования предложил первый председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский в ходе пересмотра плана ГОЭЛРО в марте 1926 г. на I съезде президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик. Он высказал идею создания системы народно-хозяйственных планов, более известную как «цепочка Кржижановского»¹. Она состояла из контрольных цифр, рассчитанных на один год, перспективного плана, задающего ориентиры для развития экономики на пять лет, и генерального плана, охватывающего три перспективных плана, то есть рассчитанного на 15 лет². Ключевая роль в этой цепочке отводилась генеральному плану, поскольку именно в нем должны были задаваться основные направления экономического и социального развития страны.

Первая комиссия по разработке генерального хозяйственного плана СССР была образована в 1927 г. Она ставила своей целью подготовить экономический план «строительства социализма в одной стране», но ее деятельность фактически сошла на нет после «великого перелома» в 1929 г. Вторая попытка разработки генерального плана была предпринята перед Великой Отечественной войной, но из-за начала боевых действий подготовленный план не был принят к реализации. После войны Госплан СССР подготовил новую, третью по счету версию генерального плана.

В научной литературе тема долгосрочных планов экономического развития, рассчитанных на несколько пятилеток, поднималась прежде всего в обобщающих работах, посвященных истории советского планирования. Как правило, история разработки и содержание генеральных планов затрагивались в них в самых общих чертах³. В советское время была опубликована лишь одна комплексная работа, посвященная генеральному хозяйственному плану, разрабатывавшемуся в 1920-е гг. Она отличалась глубиной понимания процесса советского планирования, однако практически полностью была основана на материалах дискуссий советских экономистов в открытой печати с крайне ред-

¹ *Май В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929 Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. С. 180.

² См.: *Кржижановский Г.М.* О задачах и организации плановой работы // Проблемы планирования (итоги и перспективы): стеногр. отчет I съезда президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве. 10–17 марта 1926 года. М., 1926. С. 14.

³ См.: История социалистической экономики: в 7 т. Т. 2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.). М., 1976. С. 58–63, 202; *Май В.А.* Реформы и догмы. С. 179–183.; *Белусов Р.А.* Экономическая история России: XX век в 5 кн. Кн. 4. Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн. М., 2003. С. 303.

ким привлечением архивных материалов⁴. В современной России также была подготовлена комплексная работа по истории долгосрочного планирования в 1920-е гг., которая является достаточно ангажированной⁵. Помимо этого, анализу методологии разработки генерального плана 1920-х гг. был посвящен ряд статей⁶. На этом фоне менее разработанным выглядит предвоенный проект генерального хозяйственного плана СССР, который обзорно рассматривался в двух научных работах⁷, а специальные вопросы генерального плана анализировались лишь в одной статье, на примере территориального развития восточных территорий СССР⁸. Практически так же выглядит ситуация с послевоенным проектом генерального хозяйственного плана СССР, который лишь в самых общих чертах описан в работе по истории планирования в СССР⁹.

Рассмотренная историография показывает, что тема долгосрочного стратегического планирования по большей части находится на периферии исследовательского интереса. Во многом это обуславливалось трудностями с доступом к источникам в советское время и ориентацией исследователей в постсоветское время на изучении вопросов, не связанных напрямую с советским экономическим планированием. Таким образом, исторической наукой накоплен определенный массив работ, исследующих генеральные хозяйственные планы, подготовленные в 1920-е — 1940-е гг., однако относительно изучения послевоенного генерального хозяйственного плана отсутствуют работы по отдельным проблемам предполагаемого долгосрочного развития. Наиболее важной из них представляется развитие тяжелой промышленности, поскольку она занимала ведущее место в народном хозяйстве СССР.

Официально траектория развития страны была закреплена в принятом 18 марта 1946 г. Верховным Советом СССР законе о пятилетнем плане вос-

⁴ Погребинская В.А. Разработка методологии Генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов. М., 1979.

⁵ Верхотуров Д.Н. Созидатели будущего. Возникновение планирования в СССР. Красноярск, 2013 // Передовая наука: [сайт]. URL: http://slavnauka.ru/arhiv/verkhoturov/documents/Созидатели_будущего.pdf. Дата обращения: 15.09.2019 г.

⁶ См.: Сорокин Г.М. Первый генеральный план развития народного хозяйства: (Из истории разработки перспективных планов) // Плановое хозяйство. 1961. № 2. С. 36–48; Альтер Л., Почкин П. Первая советская модель экономического роста // Плановое хозяйство. 1968. № 8. С. 60–70; Бурнашева Н.И. Оценка перспектив экономического развития Якутии в материалах к составлению Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–1940/41 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2015. № 7. Ч. 1. С. 27–29; Беляков Ю.П. Второй генеральный план электрификации СССР 1931–1941 // Электричество. 2018. № 11. С. 64–69; Фельдман М.А. Между генеральным планом и планом первой пятилетки: продвижение советского индустриального проекта в мифологическом пространстве (1927–1932 гг.) // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 304–317.

⁷ См.: Иголкин А.А. О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. // Труды ИРИ РАН. М., 2012. С. 204–220; Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург, 2018. С. 137–152, 168–180, 283–292.

⁸ Артемов Е.Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2013. № 1. С. 151–166.

⁹ Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М., 1980. С. 244–246.

становления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. Главная цель заключалась в том, чтобы «восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах»¹⁰. Первоочередной задачей была указана необходимость обеспечить «восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, без которых невозможно... восстановление и развитие всего народного хозяйства СССР»¹¹, а также «дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства СССР как условие мощного подъема производства и повышения производительности труда, для чего необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР»¹². Эти установки явились ориентирами для всей советской экономики.

Восстановление объемов промышленного производства было достигнуто уже в течение 1947 г.¹³, что открывало возможности для движения к следующим целям. В речи перед избирателями 6 февраля 1946 г. И.В. Сталин конкретизировал их следующим образом: «партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем... На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше»¹⁴. Указанный Сталиным временной период можно рассматривать как обоснованный расчетами срок.

Еще перед началом Великой Отечественной войны на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский заявил о необходимости разработки «Генерального хозяйственного плана, рассчитанного на несколько пятилеток, *рассчитанного на переход от социализма к коммунизму* (курсив мой. — М.С.), на завершение задачи догнать и перегнать передовые в экономическом отношении капиталистические страны»¹⁵. Работа над этим планом началась в конце 1939 г. Генеральный план рассчитывался на период 1942–1957 гг., но завершить его составление помешала начало Великой Отечественной войны¹⁶. К идее строительства коммунистического общества в СССР Вознесенский вернулся после войны в записке на имя Сталина от 2 августа 1947 г.¹⁷ Главным отличием послевоенного предложения от провозглашенного в 1939 г. стало увеличение срока реализации генерального плана с 15 до 20 лет, т.е. с трех до четырех пятилеток — в русле упомянутых указаний Сталина. Будущий генеральный план должен был стать «дополнением и конкретным планом

¹⁰ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 8.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 8–9.

¹³ Белоусов Р.А. Экономическая история России. С. 332.

¹⁴ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года // Сталин И.В. Соч. Т. 16. М., 1997. С. 15–16.

¹⁵ Речь тов. Вознесенского // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. М., 1939. С. 340.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 1256–125г.

¹⁷ Записка Н.А. Вознесенского о проекте постановления ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР о генеральном хозяйственном плане СССР // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 243–244.

выполнения новой программы ВКП(б)¹⁸, необходимость разработки которой прозвучала на февральском 1947 г. пленуме ЦК¹⁹.

6 августа 1947 г. Политбюро поручило Госплану СССР к 15 января 1948 г. разработать проект Генерального хозяйственного плана СССР, рассчитанного на 20 лет и на «построение в СССР коммунистического общества»²⁰. Проект плана был представлен в срок, но тут же отправлен на доработку и только 21 сентября 1948 г. был подготовлен новый вариант документа — «Проект постановления о предварительном Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг.»²¹. Он был разработан отделом перспективных планов во главе с Г.М. Сорокиным²². О своей работе Сорокин отчитывался непосредственно перед председателем Госплана СССР Вознесенским. Стоит отметить, что тот же тандем руководил разработкой генерального плана в 1939–1941 гг. Из этого можно сделать вывод, что предлагавшаяся Госпланом в послевоенное время программа долгосрочного развития страны в виде генерального хозяйственного плана обладала высокой степенью преемственности с аналогичным довоенным проектом строительства коммунистического общества. Однако послевоенный генеральный хозяйственный план должен был отвечать на абсолютно новые экономические вызовы.

Теоретическая основа генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. восходила к идеям, которые начальник отдела перспективного планирования Госплана СССР Г.А. Фельдман выдвинул во второй половине 1920-х гг.²³ Предложенная им двухсекторная модель ускоренного экономического роста предполагала приоритет инвестиций в производство средств производства («капитальных товаров») с тем, чтобы в отдаленной перспективе получить большое количество средств потребления²⁴. На основе этой идеи проводилась советская индустриализация 1930-х гг.²⁵, которую высшее руководство страны считало одним из выдающихся достижений советского строя²⁶.

Для определения потенциала адаптивности генерального плана к послевоенным условиям необходимо сравнить основные положения планов, разрабатывавшихся в 1939 и 1947 гг. Главным показателем обеих версий плана являлся рост валовой продукции промышленности в денежном выражении. Вариант

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 21–31.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 26.

²¹ В названии документа не указано, проектом постановления какого органа он является. Однако по аналогии с предыдущим вариантом документа можно заключить, что предполагалось подготовить совместное постановление ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР.

²² См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46–49. Описание фонда Госплана в описях за 1946–1949 гг.

²³ Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 146–170; *Его же*. К теории темпов народного дохода // Там же. № 12. С. 151–180.

²⁴ В научной литературе она получила название «модели Фельдмана-Махаланобиса». Прасант Чандра Махаланобис (1893–1972) — индийский математик и статистик, в 1953 г., независимо от Фельдмана, разработавший модель экономического развития, которая легла в основу второй индийской пятилетки.

²⁵ Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 81–84.

²⁶ Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. С. 16–17.

1939 г. предполагал рост этого показателя за 15 лет в 4,8 раза — с 125,6 до 600 млрд руб. в ценах 1926/1927 гг., или на 11,8 % в среднегодовом исчислении. Вариант 1947 г. предполагал рост за 20 лет лишь в 3,7 раза — с 216 до 800 млрд руб. в ценах 1926/1927 гг., или 7,1 % в среднегодовом исчислении²⁷. Налицо снижение предполагаемых темпов среднегодового выпуска продукции примерно на треть, что нивелировалось увеличением стоимости всей выпущенной продукции также на треть за счет пролонгации выполнения плана. Та же тенденция к сокращению темпов роста ярко прослеживается и при сопоставлении планов по отдельным видам продукции тяжелой промышленности.

Таблица 1.

**Ежегодные темпы роста выпуска основных видов продукции
тяжелой промышленности по проектам генерального плана на 1942–1957 гг.
и генерального плана на 1951–1970 гг. (в %)**

	генеральный план на 1942–1957 гг.	генеральный план на 1951–1970 гг.
выработка электроэнергии	13,3	8,7
добыча нефти	13,6	6,9
добыча угля	11,4	5,5
выплавка чугуна	11	6,5
производство цемента	15	8,8

Источник: Госплан СССР, рассчитано исходя из натуральных показателей по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 в. Л. 254–261; РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 21, 25, 31, 40, 60.

Приведенные в Таблице 1 данные показывают, что темпы производства продукции базовых отраслей тяжелой промышленности должны были снизиться несколько больше, чем в целом по промышленности, примерно на 40–50 %. Объяснение этого положения имеет комплексный характер, т.к. СССР понес не только тяжелые материальные (не менее 679 млрд руб. в ценах 1941 г.²⁸) и людские потери (как минимум 27 млн чел.²⁹), но и оказался в ситуации более низкой расчетной базы, которая была особенно заметна в отраслях, напрямую не связанных с военным производством³⁰.

Анализ предполагавшегося развития отраслей тяжелой промышленности в проекте генерального плана на 1951–1970 гг. дает следующую картину. Ведущими отраслями народного хозяйства, как и до войны, должны были оставаться: электроэнергетика, добыча топлива и полезных ископаемых, металлургия, ма-

²⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 в. Л. 254.; Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 1, 5.

²⁸ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.

²⁹ Горбачев М.С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.

³⁰ Экономическая история мира: в 6 т. Т. 4. / под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2015. С. 90.

шиностроение, т.е. промышленность группы А³¹. Именно на нее в течение 20 лет должно было прийти 68 % от объема всей запланированной в стоимостном выражении промышленной продукции, против 32 % у промышленности группы Б³². При этом в генеральном плане была четко сформулирована задача «превзойти уровень производства на душу населения в главных капиталистических странах, в том числе в Соединенных Штатах Америки»³³, но для тяжелой промышленности она была скорректирована следующим образом: «Намеченный на 1970 год уровень производства на душу населения черных и цветных металлов, угля и нефти, а также ряда видов оборудования и машин, по которым хотя и не будут достигнуты в СССР американские нормы, полностью обеспечивает решение поставленных в Генеральном хозяйственном плане задач»³⁴. Такая оговорка может свидетельствовать о попытке Госплана задать некую формальную планку для группы А, чтобы соблюсти пропорции между отраслями тяжелой и легкой промышленности. В противном случае достижение американских норм производства на душу населения означало бы создание избыточной продукции.

Как мы уже отметили, приоритет в экономике СССР по положениям генерального хозяйственного плана должен был оставаться за тяжелой промышленностью — в соответствии с одним из главных законов сталинской политической экономии, законом планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Согласно ему, «для бесперебойного развития производства необходимы правильные пропорции... между отдельными отраслями внутри промышленности»³⁵. Поэтому предполагалось синхронное увеличение выпуска продукции во всех отраслях тяжелой промышленности, образующих единую производственную цепочку: электроэнергетика, добывающая промышленность, выплавка металлов и машиностроение. Базовой отраслью, которая должна была дать старт всей цепочке, являлась электроэнергетика, т.к. от результатов ее работы зависели остальные крупные промышленные предприятия.

Таблица 2.

**Предполагаемый объем производства электроэнергии
в 1951–1970 гг. (в млн квт/ч)**

	1950	1955	1960	1965	1970
Электроэнергия, всего	82 000	145 000	220 000	300 000	400 000
Производство электроэнергии на ГЭС	12 800	29 000	55 000	81 000	120 000

Источник: Госплан СССР, рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 21.

³¹ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 113.

³² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 113. Общий объем продукции промышленности указан здесь в 750 млрд руб., в то время как в РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 1 — в 800 млрд руб. Налицо явное расхождение значений в 50 млрд руб. или, примерно, 6,5 %, что можно объяснить сложностью координации работы групп, занимавшихся подготовкой генерального хозяйственного плана СССР.

³³ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 18.

³⁴ Там же. Л. 38–39.

³⁵ Политическая экономия. Учебник. М., 1954. С. 417.

Как видно из Таблицы 2, темпы производства электроэнергии должны были быть положительными в течение 20 лет реализации генерального плана, но при этом постепенно замедляться от первой пятилетки к четвертой с 177 % до 133 %³⁶. Параллельно с этим в общем производстве энергии должна была увеличиться доля гидроэнергетики с 15 % до 30 %, или с 12,8 до 120 млрд кВт/ч в натуральном выражении³⁷. В этом отношении генеральный план должен был продолжать линию, намеченную в IV пятилетнем плане на 1945–1950 гг., который предполагал не только «всемерное повышение удельного веса гидроэлектроэнергии в выработке электроэнергии по народному хозяйству», но и масштабную программу инвестиций в возведение новых гидроэнергетических объектов. Имелось в виду «восстановить 6 гидроэлектростанций... Закончить строительство 30 гидроэлектростанций. Приступить к сооружению и ввести в действие первую очередь 8 гидроэлектростанций и начать строительство 5 новых крупных гидроэлектростанций»³⁸.

По положениям генерального хозяйственного плана СССР, начиная с 1951 г., предполагалось увеличение доли электроэнергии, вырабатываемой гидроэлектростанциями, благодаря вводу в строй новых объектов, таких как Куйбышевский гидроузел мощностью 3,1 тыс. кВт, Камышинский гидроузел мощностью 2,3 тыс. кВт, Братская ГЭС на Ангаре мощностью 2,5 тыс. кВт и первая очередь Енисейской ГЭС мощностью 3 тыс. кВт³⁹. Специально для них предполагалось увеличить совокупную мощность выпускаемых советской промышленностью тепловых и гидравлических турбин в 4,3 раза — с 2,8 до 12 млн кВт⁴⁰.

Приведенные планы строительства масштабных гидротехнических сооружений можно рассматривать как продолжение курса 1930-х гг. на возведение электростанций на наиболее полноводных реках европейской части СССР, таких как ДнепроГЭС и сеть крупных гидроэлектростанций «большая Волга»⁴¹. В послевоенном генеральном хозяйственном плане предполагалось строительство ГЭС не только в западной, но и в восточной части страны. Эти же мысли высказывались на конференциях по изучению производительных сил, которые проходили в восточно-сибирских регионах в 1947 г. Причем местные плановые и хозяйственные работники высказывались за возведение на Ангаре крупной электростанции, которая в будущем обеспечила бы электроэнергией предприятия тяжелой промышленности — металлургии, машиностроения, химии и т.д.⁴² Примечательно, что даже после фактического отказа от реализации генерального хозяйственного плана СССР в 1949 г. возведение запланированных в нем гидроэнергетических объектов продолжилось в конце IV-й, а затем и в годы V пятилетки — Куйбышевской и Камышинской ГЭС в 1950 г., Братской ГЭС в 1954 г. В советской печати эти новые гидроэлектростанции именовались «великими стройками коммунизма», которые должны были обеспе-

³⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 21.

³⁷ Там же.

³⁸ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 22.

³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 126.

⁴⁰ Там же. Д. 1388. Л. 25.

⁴¹ Чаплыгин А.В. Предисловие // Яковлев А.С. Большая Волга. Очерки. М., 1933. С. 5–6.

⁴² См.: Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г.: тез. докл. М.; Л., 1947; Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. / отв. ред. В.А. Кротов. Иркутск, 1947.

чить СССР первое место в мире по производству электроэнергии⁴³. Таким образом, баланс в электроэнергетике должен был постепенно смещаться от традиционных тепловых электростанций, работающих на твердом топливе, к более затратным с точки зрения капитальных вложений на строительство, но более дешевым в плане производства энергии гидроэлектростанциям. Это изменение в структуре энергетического баланса должно было позволить продолжить быстро наращивать производственную базу тяжелой промышленности.

Помимо большого количества дешевой электроэнергии советская промышленность нуждалась в разнообразном сырье. В частности, одним из главных видов топлива для металлургии являлся уголь. Поэтому за 20 лет предполагалось нарастить объем его добычи в 2,8 раза — с 250 до 700 млн т, из которых 43,6 % должно было поставляться в виде готовой продукции для металлургии, электростанций на твердом топливе и котельных, а 56,4 % быть пущено на коксование, брикетирование и прочую переработку. Причем наиболее дешевым открытым способом предполагалось добыть 130 млн т, или 18,6 % от общего объема добываемого в СССР угля⁴⁴. По аналогичному сценарию должны были развиваться и другие отрасли добывающей промышленности. Предполагалась, что добыча нефти увеличится за 20 лет в 3,7 раза — с 35,4 до 130 млн т. При этом производство продуктов нефтепереработки за тот же период должно было вырасти несколько больше: керосина и дизельного топлива в 4,1 раза — с 8,5 до 35 млн т, авиационного бензина в 5,5 раза — с 1,1 до 6 млн т, а автомобильного бензина в 6,4 раза — с 4,7 до 30 млн т.⁴⁵ Также предполагалось увеличить производство природного газа в 11,8 раза — с 8,5 до 100 млрд м³, из которых 18 млрд м³ должно было явиться попутным нефтяным и коксовым газом, а не менее 30 млрд м³ — быть пущено на газификацию 30 млн квартир в городе и деревне⁴⁶.

Приведенные цифры свидетельствуют о простом увеличении разработки минерально-сырьевой базы, а не об усложнении структуры энергетического баланса страны за счет использования новых источников энергии. Увеличение выработки должно было быть достигнуто освоением богатств восточных территорий страны, т.е. экстенсивным путем. В угледобыче предполагалось провести дополнительные геологоразведочные работы, что должно было привести к увеличить доли восточных районов в производстве угля с 48 % до 55 % к 1970 г.⁴⁷ Таким образом, именно восточные районы должны были стать доминирующими в советской угледобыче. Такая же ситуация наблюдалась и в нефтяной промышленности. Удельный вес добычи нефти в восточных районах за 20 лет должен был вырасти с 42,5 % до 60 %⁴⁸, сместив основные объемы добычи на восток.

Такая постановка задач в генеральном плане может быть объяснена тем, что за год до начала его разработки, в январе 1946 г. наркомат нефтяной промышленности СССР был разделен на наркоматы нефтяной промышленности западных и восточных районов СССР, а в марте 1946 г. народный комиссариат угольной промышлен-

⁴³ См.: Ковда В.А. Великий план преобразования природы. М., 1952. С. 42.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 122.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 124–125.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 125–126.

⁴⁷ Там же. Л. 122–123.

⁴⁸ Там же. Л. 124.

ности — на наркоматы угольной промышленности западных и восточных районов. Перед вновь созданными наркоматами ставились диаметрально противоположные цели. Если в «западных районах актуальной задачей было восстановить разрушенные войной шахты и превзойти довоенный уровень добычи, то на востоке страны необходимо было закрепить и преумножить достигнутые в годы войны темпы развития»⁴⁹. Однако уже в 1948 г., во время подготовки генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1948 гг., указанное разделение было отменено.

Сопоставимые по масштабу задачи были поставлены перед металлургией. Эта отрасль должна была расширить применение бедных руд для выплавки металлов и построить специализированные заводы по производству комплектующих для металлургического оборудования⁵⁰. Генеральный план не делал принципиальных различий между черной и цветной металлургией и ставил задачи увеличения выплавки отдельных видов металла совокупно перед всей отраслью⁵¹. Выплавка чугуна и железа предполагала расширение использования природно-легированных железных руд с расширением технологии проката непосредственно из жидкого металла, минуя вспомогательные операции (бесслитковая прокатка). Черная металлургия ориентировалась на увеличения выпуска полуфабрикатов — черновых заготовок для металлообработки, и расширение антикоррозийных покрытий выплаваемого металла⁵². Также предполагалось увеличение проката цветных металлов в 4,3 раза — с 290 до 1 250 тыс. т⁵³. Одним из факторов увеличения выплавки должно было стать широкое применение технологии разливки металла непосредственно из печи (непрерывной разливки металла). Конкретные показатели предполагаемого производства металлургической продукции представлены в Таблице 3.

Таблица 3.

Предполагаемый объем производства основных видов металлургической продукции в 1951–1970 гг. (в тыс. т)

	1950	1970	Рост, раз
Чугун	19 500	65 000	3,3
Сталь	26 090	80 000	3,1
Прокат	18 900	58 050	3,1
Черная медь	245	860	3,5
Свинец	105	400	3,8
Алюминий	160	1 000	6,3
Цинк	120	620	5,2

Источник: Госплан СССР, рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 25, 27, 29, 33, 35, 37, 39.

⁴⁹ Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. С. 188–189.

⁵⁰ См.: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 121.

⁵¹ Отсутствие четкого разделения между отраслями металлургии можно объяснить тем, что в советской системе управления с момента образования наркоматов (позднее министерств) черной и цветной металлургии в 1939 г. до 1991 г. произошло четыре слияния этих министерств в одно, а затем их разделение.

⁵² См.: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 121–122.

⁵³ Там же. Л. 120.

Как видно из Таблицы 3, выплавка большинства металлов должна была увеличиться в 3,1–3,8 раза. Только по алюминию и цинку ставилось задание увеличить производство в 5,2–6,3 раза. Алюминий имел большое значение для авиапромышленности, ВПК и ракетостроения, а цинк был востребован в ВПК и гражданском машиностроении как один из базовых элементов электропромышленности⁵⁴.

Помимо конкретных заданий по отдельным металлам в генеральном плане декларировалась необходимость «обеспечить качественный сбор, хранение и разделку вторичных черных и цветных металлов, расширить сеть районных заготовительных баз, оснащенных современным оборудованием»⁵⁵. По всей видимости, это одно из первых упоминаний в официальных советских документах о повторном использовании и вторичной переработке металлов. Несмотря на то, что во второй половине 1940-х гг. оно не было осуществлено, само по себе наличие этого положения фиксирует новое отношение к материальным ресурсам, что можно рассматривать как шаг к интенсификации производства.

Ведущей отраслью советской экономики в генеральном хозяйственном плане являлось машиностроение, главная задача которого была обозначена как «вооружение всех отраслей народного хозяйства новыми технически совершенными машинами»⁵⁶ прежде всего за счет развития тяжелого и точного станкостроения и приборостроения. Таким образом, от машиностроения зависело развитие других отраслей хозяйства, которые должны были обеспечиваться современным оборудованием. Важность высокоточного машиностроения для СССР объясняется тем, что до войны Союз импортировал большинство сложной техники. Однако уже в IV пятилетке был совершен стремительный скачок: «по сравнению с довоенным уровнем общее производство станков выросло по количеству на 60 %, а по суммарному весу станков и суммарной их мощности — на 136 %... Выпуск самых сложных прецизионных станков увеличился с 17 шт. в 1940 году до 2 744 — в 1950, крупных тяжелых и уникальных — с 42 до 1 537 шт., агрегатных станков — с 25 до 400, а их общий вес — с 212 до 3 900 т»⁵⁷. Во многом таких показателей удалось достичь за счет поставок по ленд-лизу и вывоза в качестве репараций промышленного оборудования из Германии. Полученный в развитии машиностроения импульс было необходимо сохранить, что в свою очередь требовало постановки соответствующих задач. Поэтому за двадцатилетний период реализации генерального плана предполагалось увеличить валовую продукцию машиностроения и металлообработки в 4,1 раза — с 54 до 221 млрд руб.⁵⁸ Задания по отдельным видам продукции в нем ставились в натуральном выражении в следующем виде.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 121.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 132.

⁵⁷ Хачин Г.И. Экономическая история России в новейшее время в 3 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск, 2008. С. 72.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 132.

Таблица 4.

Предполагаемый объем производства основных видов продукции машиностроения в 1951–1970 гг.

	1950	1970	Рост, раз
Оборудование металлургической и горной промышленности, тыс. т.	400	850	2,1
Экскаваторы с суммарной емкостью ковша, тыс. м ³	2 100	5 000	2,4
Кузнечно-прессовые машины, тыс. шт.	8	45	5,6
Металлорежущие станки, тыс. шт.	73	160	2,2
Совокупная мощность генераторов переменного тока, млн квт	1,8	7,5	4,2

Источник: Госплан СССР, рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 132, 134–136.

Таблица 4 показывает, что выпуск продукции машиностроения в основном коррелирует с ростом производства электроэнергии и выплавки металла от 3 до 5 раз, что говорит о последовательном курсе на линейное увеличение всех предполагаемых пропорций экономики согласно марксистскому закону планомерного развития. Набор четких показателей выпуска указывает на нацеленность реинвестиций продукции машиностроения в отрасли промышленности группы А, что соотносится с моделью экономического роста Фельдмана. Несколько более дифференцированная картина предполагалась в области транспортного машиностроения.

Таблица 5.

Предполагаемый объем производства продукции транспортного машиностроения в 1951–1970 гг.

	1950	1970	Рост, раз
Электровозы мощностью до 4 000 кВт, шт.	150	450	3
Грузовые автомобили, млн шт.	0,3	1,1	3,7
Легковые автомобили и автобусы, млн шт.	0,05	1,1	22
Трактора (в 15-кратном исчислении), млн шт.	0,23	0,43	1,6

Источник: Госплан СССР, рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1388. Л. 137.

Данные Таблицы 5 показывают, что выпуск технических средств, предназначенных для перевозки крупногабаритных грузов и осуществления трудоемких работ, за 20 лет должен был быть увеличен в 1,6–3 раза, что несколько меньше, чем рост производства металлов и электроэнергии. Предполагался существенный, в 22 раза, рост выпуска легковых машин и автобусов. Разницу между планировавшимся производством грузовых и легковых автомобилей можно объяснить попыткой немного выйти за рамки традиционной для советского планирования производственно-инвестиционной модели.

Помимо продукции, для которой были определены конкретные показатели выпуска, в генеральном хозяйственном плане СССР содержалось перечисление большого количества видов продукции, производство которой также должно было быть увеличено, но без привязки к конкретным цифрам. Это — ткацкие станки, различная радио- и телеаппаратура, камеры для гидроочистки литья и т.д. Такое положение объясняется спецификой составления долгосрочных планов. Например, еще в конце 1920-х гг. Госплан СССР составлял немногим более шестидесяти национальных балансов по отдельным группам товаров притом, что экономика производила миллионы видов различных товаров⁵⁹. Со временем система планирования эволюционировала и усложнялась, но покрыть даже сколько-нибудь существенную часть выпускаемой продукции заранее запланированными экономическими показателями она была не в состоянии даже к рубежу 1940–1950 гг. Поэтому в план вносились лишь наиболее общие, интегрированные экономические показатели, а на контроле и утверждении Политбюро вообще находилось немногим более двадцати важнейших производственных заданий⁶⁰.

Залогом успешного выпуска всех видов продукции в генеральном плане считалось «широкое использование передовых методов производства, особенно массового производства, с унификацией и стандартизацией, с применением автоматических линий, цехов и заводов»⁶¹. Для запуска подобных линий необходимо было иметь передовые технологии, которые, согласно плану, должна была предоставить наука. Особо в генеральном плане отмечалось, что для того, чтобы советская экономика вышла на лидирующие позиции в мире, советская наука должна превзойти достижения ученых за пределами СССР⁶².

В генеральном плане выделялись перспективные отрасли науки, которые должны были обеспечить быстрый подъем советской экономики: физико-математические, химические, геолого-географические, биологические и технические⁶³. Однако плановые задания по разработке новых промышленных технологий были поставлены только перед последними. Перед технически науками ставились задачи, связанные преимущественно с оборонной сферой, в первую очередь — разработка и усовершенствование реактивных двигателей (первый советский реактивный самолет Як-15 был принят на вооружение уже в 1946 г.) и разработка ядерного оружия. Генеральный план предусматривал утверждение планов развития отдельных отраслей военной промышленности⁶⁴, например, бронетанковой техники⁶⁵.

Относительно гражданских отраслей промышленности были обозначены разработки систем телемеханики, улучшения возможностей передачи телевизионных сигналов и улучшения прочности материалов для изготовления различных машин и станков. Перед советской наукой ставились задачи по поиску новых источников выработки электрического тока, а также менее затратных

⁵⁹ См.: *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 196.

⁶⁰ См.: Там же. С. 151–152.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 141.

⁶² Там же. Л. 230.

⁶³ См.: Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 140–141.

⁶⁵ *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 233.

способов получения металлов⁶⁶. Стоит отметить, что в генеральном хозяйственном плане отсутствовали планы прикладных научных разработок для таких важных отраслей, как угольная и нефтяная промышленность. Это означало, что ответственности за модернизацию и рационализацию производства должна была полностью лечь на инженерные кадры этих отраслей.

Обозначенные направления развития тяжелой промышленности были закреплены в подготовленной к 21 сентября 1948 г. последней известной редакции генерального плана СССР в виде проекта постановления «О предварительном Генеральном хозяйственном плане СССР на 1951—1970 гг.»⁶⁷. Однако он не был принят к реализации по случаю освобождения от должности инициатора его разработки — председателя Госплана СССР Вознесенского в начале 1949 г.⁶⁸ Формально его преемник М.З. Сабуров не давал каких-либо распоряжений о прекращении работы над генеральным планом (во всяком случае, подобный документ нам не известен) и даже несколько месяцев спустя работа над разработкой генерального плана продолжалась⁶⁹. Но новый вариант генерального плана так и не был подготовлен, последние, связанные с ним, документы датируются первой половиной 1949 г.

Основные идеи и направления развития СССР, намеченные в генеральном плане, были продолжены при разработке основных показателей развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг., направленных Сабуровым Сталину 3 июня 1950 г. Согласно им, общий объем продукции промышленности должен был увеличиться за годы V пятилетки на 159 % — с 713,4 до 1 134,2 млрд руб. в ценах на 1 марта 1950 г., при этом соотношение валового выпуска продукции промышленности группы А к продукции промышленности группы Б должно было оставаться неизменным: 59 % к 41 %.⁷⁰

Таблица 6.

Главнейшие виды промышленной продукции по основным показателям развития народного хозяйства СССР в V пятилетке (1951—1955 гг.)

	1951	1955	Рост, в %
Электроэнергия, млрд кВт/ч	103,5	167	61
Нефть, млн т	41,25	60	45
Уголь, млн т	281	378	35
Чугун, млн т	22	31,5	43
Сталь, млн т	30,6	41,5	36
Прокат, млн т	23,3	31,5	35

Источник: Госплан СССР, рассчитано по: РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 16. Л. 198.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 242.

⁶⁷ В названии документа не указано, проектом постановления какого органа он является. Вероятно, речь идет о совместном постановлении ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР.

⁶⁸ См.: Постановление Политбюро о Госплане СССР // Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров. М., 2002. С. 280—285.

⁶⁹ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. С. 129—131.

⁷⁰ Рассчитано по: РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 16. Л. 197.

Среди главнейших видов промышленной продукции были установлены планы всего лишь по шести, которые относились исключительно к группе А и составляли одну производственную цепочку, направленную на выпуск металла: электроэнергия, топливо, чугун и прокат. Основные положения этой записки Сабуров подтвердил в своем докладе о V пятилетнем плане на XIX съезде партии 8 октября 1952 г. Он констатировал, что «основой роста промышленности и всего народного хозяйства является металлургия», а «важнейшим условием осуществления намеченных темпов роста производства и технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства является дальнейшая электрификация страны»⁷¹.

Таким образом, модель быстрого экономического роста, предложенная Фельдманом в конце 1920-х гг., на которой основывался генеральный хозяйственный план СССР на 1951–1970 гг., являлась безальтернативной основой для долгосрочного развития СССР на протяжении всего периода пребывания у власти Сталина. Эта модель могла максимально раскрыть свой потенциал только при наличии большого количества ресурсов, экономической автаркии, жесткого государственного регулирования в сочетании с высокими налогами для граждан, а также при проведении политики мягких бюджетных ограничений и отсутствии лимитов по найму рабочей сил для предприятий, выпускавших инвестиционные товары⁷².

При реализации на практике этой чисто экономической модели к ней добавилась политическая составляющая в виде установки на строительство социализма в одной стране в первых пятилетних планах, а затем и полноценного коммунистического общества в генеральном хозяйственном плане. Несмотря на это, модель Фельдмана успешно справлялась со своими задачами в 1930-е гг., когда шел экстенсивный рост экономики. После войны ситуация изменилась, поскольку СССР столкнулся с двойным вызовом — послевоенного восстановления экономики и поддержания только что приобретенного статуса сверхдержавы, что требовало если не полной перестройки, то как минимум коррекции существовавшей экономической модели в сторону ее интенсификации.

Ответ на этот вызов советское руководство попыталось найти в рамках сложившейся до войны системы планирования, которая была основана на приоритете экстенсивных методов хозяйствования. В 1930-е гг. экономика могла быстро развиваться благодаря увеличению капиталовложений (за счет роста экспорта и денежной массы), а также перетоку рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Во второй половине 1940-х гг. наметилась тенденция к исчерпанию этих источников роста, острее стали проявляться недостатки экономической модели Фельдмана — слабый учет качества управления и отсутствие значимых стимулов к внедрению достижений научно-технического прогресса на уже действующих предприятиях⁷³.

В генеральном хозяйственном плане СССР на 1951–1970 гг. были намечены шаги, которые можно расценить как осторожную попытку внедрения интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего это касалось намеченного замедления темпов производства промышленной продукции в течение 20 лет, в

⁷¹ Директивы XIX Съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. Доклад председателя Госплана тов. М.3. Сабурова // Правда. 1952. 10 окт.

⁷² Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 81–84.

⁷³ Там же. С. 83, 93.

том числе продукции группы А. Главным показателем этого процесса являлось замедление роста производства электроэнергии, а вслед за ним и всего объема промышленной продукции. Также в генеральном плане предполагалось выровнять разрыв в производстве грузовых и легковых машин, который в послевоенные годы достигал нескольких десятков раз. Это положение генерального плана является особенно важным, поскольку автомобили являлись ценным ресурсом в сталинском СССР (достаточно сказать, что обеспечение конкретных предприятий или региональных партийных организаций автотранспортом рассматривалось на заседаниях Политбюро⁷⁴). В генеральном плане декларировалось и бережное использование материалов на производстве.

В современной историографии высказано мнение, что не только генеральный план, но даже «пятилетки использовались как один из главных инструментов пропаганды, при помощи которого руководство доносило до народа планы строительства коммунизма»⁷⁵. Это утверждение представляется фактически верным, но односторонним, поскольку долгосрочные планы отражали и закрепляли экономические приоритеты советского руководства — преобладание накопления над потреблением, промышленности группы А над промышленностью группы Б, постоянный рост запроецированных показателей и т.д. Результаты на практике часто отличались от запланированных, однако долгосрочные планы являлись мощнейшим инструментом управления народным хозяйством в условиях отсутствия рыночных механизмов.

Выбор традиционной для советского руководства модели развития, нацеленной на строительство коммунистического общества в условиях, требовавших создания новых технологий и развития прикладных наук, можно объяснить рядом факторов. С одной стороны, долгосрочная программа строительства коммунистического общества по единому плану понималась как подлинно научная⁷⁶. С другой, она явилась яркой иллюстрацией зависимости от предыдущего развития или так называемым «QWERTY-эффектом»⁷⁷. Несмотря на это, отдельные попытки перехода к интенсивной модели хозяйствования, предложенные в генеральном хозяйственном плане СССР, были закреплены в качестве государственного курса только после смерти И.В. Сталина Г.М. Маленковым, а затем Н.С. Хрущевым. Идеи генерального хозяйственного плана СССР на 1951–1970 гг. использовались при разработке проекта генеральной перспективы развития народного хозяйства на 1961–1980 гг. и комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 гг.

Библиография

- XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 742 с.
- Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.
- Альтер Л., Почкин П. Первая советская модель экономического роста // Плановое хозяйство. 1968. № 8. С. 60–70.
- Артёмов Е.Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2013. № 1. С. 151–166.

⁷⁴ См. напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 900. Л. 6, 32. Протокол ПБ № 116 от 16 сентября 1932 г.

⁷⁵ Грегорн П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 162.

⁷⁶ РГАЭ. Ф. 4372 сч. Оп. 96. Д. 1387. Л. 231.

⁷⁷ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

- Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.
- Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 328 с.
- Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век: в 5 кн. Кн. 4. Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн. М.: ИздАТ, 2003. 412 с.
- Беляков Ю.П. Второй генеральный план электрификации СССР 1931–1941 // Электричество. 2018. № 11. С. 64–69.
- Бурнашева Н.И. Оценка перспектив экономического развития Якутии в материалах к составлению Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–1940/41 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. 2015. № 7. Ч. 1. С. 27–29.
- Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
- Верхотуров Д.Н. Созидатели будущего. Возникновение планирования в СССР. Красноярск, 2013 // Передовая наука: [сайт]. URL: http://slavnauka.ru/arhiv/verkhoturov/documents/Созидатели_будущего.pdf. Дата обращения: 15.09.2019 г.
- Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 400 с.
- Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М.: ОГИЗ, 1946. 95 с.
- Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М.: Экономика, 1980. 256 с.
- Иголкин А.А. О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. // Труды ИРИ РАН. М., 2012. С. 204–220. Известия. 1990. 9 мая.
- История социалистической экономик: в 7 т. Т. 2. Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.). М.: Наука, 1976. 479 с.
- Ковда В.А. Великий план преобразования природы. М.: Издательство АН СССР, 1952. 110 с.
- Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г.: тез. докл. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. 341 с.
- Материалы конференции по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. / отв. ред. В.А. Кротов. Иркутск: ОГИЗ, 1947. 136 с.
- Мау В.А. Реформы и догмы. 1914–1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М.: Дело, 1993. 256 с.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
- Поеребинская В.А. Разработка методологии Генерального плана в конце 20-х — начале 30-х годов. М.: Наука, 1979. 120 с.
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
- Политическая экономия. Учебник. М.: Госполитиздат, 1954. 639 с. Правда. 1952. 10 окт.
- Проблемы планирования (итоги и перспективы): стенографический отчет I съезда Президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве. 10–17 марта 1926 года. М.: Плановое хоз-во, 1926. 352 с.
- Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1946. 459 с.
- Сорокин Г.М. Первый генеральный план развития народного хозяйства: (Из истории разработки перспективных планов) // Плановое хозяйство. 1961. № 2. С. 36–48.
- Сталин И.В. Соч. в 18 т. Т. 16. М.: Писатель, 1997. 682 с.
- Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 146–170.; № 12. С. 151–178.
- Фельдман М.А. Между генеральным планом и планом первой пятилетки: продвижение советского индустриального проекта в мифологическом пространстве (1927–1932 гг.) // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 304–317.
- Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время в 3 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2008. 516 с.
- Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 368 с.
- Экономическая история мира: в 6 т. Т. 4 / под общ. ред. М.В. Конотопова. М.: Кнорус, 2015. 384 с.
- Яковлев А.С. Большая Волга. Очерки. М.: Молодая гвардия, 1933. 78 с.

Приватизация в России в 1990-е гг.: сложности и противоречия формирования института частной собственности

Аннотация. Статья посвящена анализу приватизационных процессов в Российской Федерации в 1990-е гг. Приватизация как яркий пример трансформации института собственности в России в рассматриваемый период, как и в других постсоциалистических странах, представляла собой не просто создание сектора частных предприятий в экономике, но являлась одной из наиболее значимых сфер институциональных изменений в российском переходном обществе. Вместе с тем проводившаяся в стране приватизация не являлась результатом глубокой научной проработки, она не сопровождалась ни общественным контролем, ни контролем со стороны средств массовой информации. Не были должным образом проанализированы точки бифуркации и, соответственно, альтернативные модели реализации политики разгосударствления собственности. В итоге ход приватизации существенно отклонился от изначально декларированных правительством и президентом целей, что привело к известному спаду в экономике, утрате доверия граждан к проводившемуся курсу реформ и росту социальной напряженности. Вместе с тем автором подчеркивается важная роль приватизации в становлении института частной собственности в России.

Ключевые слова: приватизация, разгосударствление собственности, приватизационные чеки, ваучеры, акционерные общества, инвестиционные фонды.

Процесс приватизации в Российской Федерации получил широкое освещение в научной и публицистической литературе практически с момента начала ее реализации. В первых экономических работах по приватизации анализировались различные модели разгосударствления собственности, предлагавшиеся в то время, давались рекомендации по выбору оптимальных вариантов приватизации, изучались первые приватизационные мероприятия. К этой категории работ можно отнести статьи Л. Бабаевой, Л. Нельсона, А. Шляйфера, Р.У. Вишни, А. Радыгина, А. Витина и др.¹ Профессор университета Хофстра (США) Н.Н. Козлов обращал внимание на необходимость учета в ходе приватизации не только частных выгод и потерь, но прежде всего общественных интересов².

* Кирсанов Роман Геннадиевич — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, romankirsanov@yandex.ru.

¹ Бабаева Л., Нельсон Л. Три программы приватизации: компромиссы, потери и надежды // Вопросы экономики. 1992. № 9. С. 26–33; Шляйфер А., Вишни Р.У. Приватизация в России: первые шаги // Вопросы экономики. 1992. № 9. С. 18–25; Радыгин А. Приватизационный процесс в России в 1995 г. // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 4–17; Витин А. Приватизация и инвестиционная активность // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 33–44.

² Козлов Н.Н. Экономическая стабилизация и приватизация в России — альтернативы «шоковой терапии» // Деньги и кредит. 1994. № 1. С. 30–35.

Отдельно следует сказать о позиции российских государственных руководителей, в той или иной мере отвечавших за проведение приватизации в России. В книге «Приватизация по-российски»³, авторский коллектив которой состоит из организаторов и руководителей процесса приватизации в России (А.Б. Чубайса, А.Р. Коха, А.В. Евстафьева, П.М. Мостового, Д.В. Васильева и др.), рассказывается о разработке правовых основ разгосударствления собственности в стране, о политике демонополизации предприятий, о проведении чековой приватизации. Авторы книги исходят из убеждения, что несмотря на все известные недочеты и ошибки, приватизация позволила перевести российскую экономику на рельсы частнособственнического предпринимательства и стала прорывом в другое экономическое измерение. В.А. Мау, занимавший в 1992–1994 гг. должность советника первого заместителя председателя правительства РФ Е.Т. Гайдара, утверждает, что в начале 90-х гг. государство едва ли имело возможность обеспечивать эффективный контроль за собственностью, что нередко и приводило к спонтанной приватизации, когда во главе приватизируемых предприятий оказывались руководители, нацеленные исключительно на получение быстрой прибыли. Несмотря на эти обстоятельства, задача формирования института частной собственности на средства производства, по мнению Мау, была решена достаточно быстро⁴.

Весьма неоднозначно оценивает итоги ваучерной приватизации видный российский экономист Н.Я. Петраков, отмечавший следующие ее недостатки: ваучер не мог обмениваться по номиналу на рубли, его можно было обменять на акции только строго ограниченного круга предприятий, при этом государство не обеспечивало своих граждан информацией об экономическом положении приватизируемых предприятий⁵. Авторы книги «История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999)» обращают внимание на то, что поскольку массовая распродажа государственных активов проводилась в отсутствие должных правовых и институциональных условий, это существенно замедлило процесс формирования слоя эффективных собственников и пагубно сказалось на решении задач модернизации экономики⁶.

В контексте перераспределения общенародной собственности негативно оценивает приватизацию экономист-международник, академик РАН О.Т. Богомолов⁷. По мнению Н.Н. Разуваевой, приватизация изолировала основную массу населения от участия в распределении национального богатства и не дала значимого экономического эффекта⁸. В.И. Добреньков и Н.Р. Исправникова приводят данные о стоимости проданных на чековых аукционах предприятий,

³ Чубайс А. Приватизация по-российски. М., 1999.

⁴ Мау В. Российские экономические реформы глазами западных критиков // Вопросы экономики. 1999. № 11. С. 4–23; № 12. С. 34–47.

⁵ Петраков Н. Отношения собственности: анализ трансформации в переходной экономике // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 2. С. 16.

⁶ Дробишевская Т.А., Мау, В.А., Шахрай С.М., Яник А.А. История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999). М., 2011. С. 132–133.

⁷ См., напр.: Богомолов О. «Олигархизм» — специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2. С. 3–6.

⁸ Разуваева Н.Н. Приватизация в России: национальные особенности // Вестник ВЭГУ. 2009. № 4(42). С. 52–64.

делая вывод о существенных потерях для государственного бюджета вследствие заниженной стоимости приватизируемого имущества⁹.

Отдельное внимание многие авторы обращают на правонарушения, допущенные в ходе приватизации. Так, А.М. Никитин отмечает, что широкое распространение получили безвозмездная передача государственного имущества на баланс негосударственных структур, скупка приватизационных чеков на средства, выделявшиеся государством на развитие производства, открытие на государственных предприятиях нескольких расчетных счетов, позволявших скрывать прибыль¹⁰. С ним солидаризируются А.Ю. Федоров и М.П. Клейменов, по мнению которых «приватизация по-российски служила легальным прикрытием для крупных мошеннических операций с государственной собственностью»¹¹.

На пути к разгосударствлению собственности. Концепции и модели приватизации

В начале 1990-х гг. получило широкую известность высказывание председателя Госкомимущества А.Б. Чубайса о том, что «последствий приватизации никто не знает». По прогнозам правительства, поступления в бюджет от приватизации должны были составить в 1992 г. 72 млрд рублей, в 1993 г. — 350 млрд, в 1994 г. — 470 млрд рублей¹². В то время приватизация, заключавшаяся в изменении характера собственности и передаче ее в частные руки, составляла основное содержание экономической реформы, ей отводилась главная роль в выводе экономики из кризиса. Речь шла о беспрецедентном для мировой практики разделе общегосударственной собственности между всеми гражданами страны. В самом деле, в мире еще никто не переводил такое до предела централизованное хозяйство в рынок. Считалось, что изменение отношений собственности в короткое время приведет к повышению эффективности производства и ускорит переход от административных государственных связей к связям между экономическими партнерами на основе собственности. На смену бесхозяйственным руководителям придут новые собственники, готовые радикально перестроить работу, снижать издержки, оптимизировать производство и выпускать продукцию, имеющую стабильный спрос. В итоге мы получим резкое увеличение объемом товаров и налоговых поступлений в бюджет. Тогда многим гражданам запомнилось весьма

⁹ Добренков В.И., Исправникова Н.Р. Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55.

¹⁰ Никитин А.М. Криминологические проблемы развития отношений собственности при переходе к рынку: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 30.

¹¹ Федоров А.Ю. Приватизация и манипулирование в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 143–145; Клейменов М.П., Федоров А.Ю. История приватизации в России с позиций криминологии // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск, 2019. С. 61–71.

¹² См.: Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 16 июля. Ст. 1617.

странное, по сути, чисто механическое сравнение посевных площадей и продукции в государственном секторе и личных подсобных хозяйствах, доказывавшее якобы намного большую эффективность частного сектора.

Таким образом, как и во многих постсоциалистических странах, приватизация была определена как ключевая стратегия экономической реформы, способная преодолеть спад и вывести государство из кризиса. При этом правительство не собиралось ждать перехода от командной экономики к рыночной по мере созревания частного сектора и достижения им более высокой эффективности по сравнению с государственным. Вместо эволюционного выстраивания новых форм собственности был выбран путь разрушения старых методов хозяйствования и построения капитализма в предельно сжатые сроки. Таким образом, российская приватизация по масштабам и объему стоявших перед ней задач принципиально отличалась не только от приватизации, осуществленной в 1980-е гг. в странах Запада, но и от приватизации, уже набиравшей темпы в странах Центральной и Восточной Европы, главным образом в Польше, Венгрии и Югославии, в которых предприятия еще до начала разгосударствления обладали высокой степенью самостоятельности на основе самоуправления.

Следует отметить, что процесс разгосударствления (в советское время чаще всего использовался этот термин) собственности был тесно связан с зарождением движения арендаторов в позднеперестроечный период. В то время аренда представляла собой не столько классический договор имущественного найма, сколько способ уменьшить поборы государства, заменив их фиксированной арендной платой.

В ноябре 1989 г. были приняты «Основы законодательства СССР об аренде», в соответствии с которыми аренда представляла собой «основанное на договоре срочное возмездное владение и пользование землей, иными природными ресурсами, предприятиями (объединениями) и другими имущественными комплексами, а также иным имуществом, необходимым арендатору для самостоятельного осуществления хозяйственной или иной деятельности». Круг возможных арендаторов был определен предельно широко: в таком качестве могли выступать не только советские граждане и юридические лица, но и совместные предприятия, международные объединения и организации с участием советских и иностранных юридических лиц, а также иностранные государства, международные организации, иностранные организации и граждане.

Использование договора аренды в качестве средства «разгосударствления» обеспечивалось включением в договор положения о выкупе арендатором сданного в аренду государственного имущества при условии, что общая балансовая стоимость арендованного имущества не будет уменьшена. После выкупа арендованного имущества арендное предприятие по решению его трудового коллектива могло быть преобразовано в коллективное предприятие, кооператив, акционерное общество или иной вид предприятия, действующего на основе коллективной собственности. Вместе с тем тогда бытовало мнение, что арендные предприятия нельзя считать частными, поскольку в них не была определена часть капитала, принадлежащая конкретному работнику¹³. Такая форма соб-

---

¹³ Эта «загадочная» аренда с выкупом // Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 10. С. 47.

ственности больше походила на «колхозную»: собственниками выкупленного или вновь созданного имущества считались все члены трудового коллектива, и в случае увольнения работника с предприятия, он терял это право собственности.

Год спустя был принят Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», статья 15 которого гласила, что трудовой коллектив «имеет право создать товарищество, взять в аренду и (или) выкупить в собственность работников предприятия государственное или муниципальное имущество». Теперь уже имущество государственного предприятия передавалось не «колхозу», а частному юридическому лицу, в котором каждому сотруднику принадлежала часть предприятия.

В целях недопущения «расползания» арендованного имущества среди коллективов предприятий, их администрации затягивали преобразование арендных предприятий в товарищества и проводили сокращения штатов. Вот характерный пример дележа бывшего государственного имущества: «Арендный трест столовых и кафе попеременно закрывал на ремонт свои торговые точки, увольняя их работников. Люди даже не подозревали, что лишались богатства в форме пая. А директор и несколько его приближенных, возжелавших стать крупными частными собственниками, преобразовав “колхоз” в товарищество, поделили между собой имущество, наработанное арендным коллективом»¹⁴. Даже в тех случаях, когда члены трудового коллектива числились арендаторами, их права в распоряжении имуществом были нулевыми. Как отмечал А.Б. Чубайс, «словосочетанием “трудовой коллектив” лишь красиво прикрывалась выгодная для начальства сделка»¹⁵. Он же сформулировал и суть происходившей в то время спонтанной приватизации: «Если ты наглый, смелый, решительный и много чего знаешь, — получишь все. Если ты не очень наглый и не очень смелый — сиди и молчи в тряпочку»¹⁶.

Неудивительно, что закон об аренде в первые годы его действия был необычайно популярным и широко применяемым законодательным актом. Аренда с выкупом все чаще использовалась как один из способов захвата государственной собственности. К концу 1991 г. стихийная приватизация была уже слишком заметным явлением, не замечать которого было нельзя. В ней были заинтересованы и директорский корпус, и региональные элиты, и отчасти профсоюзные руководители. Однако бюджетные интересы тогда никак не учитывались.

На 1 октября 1991 г. количество арендных предприятий превысило 20 тыс., а число занятых на них составило более 7,5 млн человек. Следует отметить, что эти предприятия выгодно отличались от государственных по всем показателям, характеризующим эффективность производства. Однако в дальнейшем в ходе формирования полноценной законодательной базы приватизации наметились тенденции, направленные против арендных предприятий. В ходе обсуждения в первой половине 1992 г. в Верховном Совете (ВС) государственной программы приватизации «аренда с выкупом» была вовсе исключена из разрешенных

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чубайс А. Указ. соч. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 33.

законом форм приватизации. Чубайс так вспоминает свое выступление в российском парламенте: «Если мы сегодня говорим “да” аренде с выкупом, значит, мы говорим “нет” всем не членам трудовых коллективов. “Да” сегодня аренде с выкупом — “нет” завтра всем личным приватизационным вкладам для всех граждан. А о личных приватизационных вкладах речь шла буквально через выступление.»¹⁷.

В марте и июне 1990 г. были приняты законы «О собственности в СССР» и «О предприятиях в СССР», целью которых, в числе прочего, было правовое закрепление концепции «полного хозяйственного ведения». Внедрение в практику этой правовой конструкции означало еще один поворот в сторону самостоятельности и хозяйственной независимости государственных предприятий. Осуществляя право полного хозяйственного ведения своим имуществом, предприятие получало право распоряжаться закрепленным за ним государственным имуществом и по своему усмотрению совершать в отношении его любые действия, не противоречащие закону. Как писал один из разработчиков российской модели приватизации госимущества П.П. Мостовой, тем самым «возникали предпосылки для того, чтобы из государственного служащего директор превратился в предпринимателя»¹⁸.

В июле 1990 г. при формировании правительства И.С. Силаева был образован Государственный комитет РСФСР по управлению имуществом. Первоначально Госкомимущество непосредственного отношения к приватизации не имело и осуществляло полномочия собственника в отношении государственных предприятий. Законом РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» от 3 июля 1991 г. были определены функции Госкомимущества при приватизации. К его полномочиям были отнесены разработка и представление в правительство проекта государственной программы приватизации, контроль за реализацией этой программы и ежегодный отчет о ее выполнении перед Верховным Советом, который определял направления расходования средств, полученных от приватизации. Но главное — это ведомство наделялось правом принимать решения о приватизации предприятий и осуществлять необходимые преобразования их организационно-правовой формы. Непосредственным продавцом приватизируемых государственных предприятий выступал Российский фонд федерального имущества либо его территориальные подразделения. Для приобретения государственных и муниципальных предприятий должны были использоваться личные сбережения граждан, именные приватизационные вклады, личные лицевые приватизационные счета, собственные средства юридических лиц, а также заемные средства. Закон налагал запрет на покупку приватизируемых предприятий организациями, в уставном капитале которых доля государства или местных Советов народных депутатов превышала 25 %.

Закон устанавливал заявительный порядок приватизации, при этом заявка на приватизацию могла быть отклонена только в случае наличия законодательно установленного ограничения на приватизацию такого предприятия.

¹⁷ Чубайс А. Указ. соч. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 36.

Проект первой программы приватизации, рассматривавшийся осенью 1991 г. в Верховном Совете, подвергся жесткой критике со стороны парламентариев и был отвергнут. Основные замечания сводились к тому, что в программе не было четко регламентировано, какие предприятия будут подлежать приватизации. В конце 1991 г. были утверждены «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год», а 29 января 1992 г. вышел указ президента Б.Н. Ельцина за № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», который регламентировал проведение конкурсов и аукционов, порядок оценки стоимости объектов приватизации, процедуру преобразования предприятий в открытые акционерные общества и прочие организационные вопросы. Собственно, с этого момента начался первый этап разгосударствления, включавший так называемые малую и чековую приватизации (1992–1994).

Были разработаны три основные программы приватизации, получившие широкое освещение в прессе. Первая модель приватизации («московская») была подготовлена группой либеральных экономистов во главе с Л.И. Пияшевой, ставшей одним из наиболее активных оппонентов правительства. В основе этой модели лежала немедленная передача имущества предприятий (за вычетом примерно 20 % в общественные фонды потребления) в долевую собственность их коллективов частично бесплатно, частично в виде кредита сроком до одного года (так называемый бесплатно-кредитный метод). Настаивая на быстрой, «обвальной» и массовой приватизации (в соответствии с формулой «собственность для всех»), Пияшева и ее сторонники исходили из того, что государственное управление собственностью заведомо неэффективно и должно быть заменено механизмом «общенародной и делимой частной собственности». Для них не имели значения ни конкретные способы передачи собственности, ни ее цена, ни объем полученного государством в результате приватизации дохода¹⁹. Все управленческие решения должны были приниматься «большинством голосов», а распределение собственности между членами трудового коллектива отдавалось целиком на их усмотрение и никак не регламентировалось. Единственное условие состояло в том, что покупателями акций могли быть только негосударственные юридические лица и граждане, что должно было «напрочь выбить почву из широко развернувшегося чиновничьего передела госсобственности между различными уровнями властных структур». Основное преимущество этой модели, по мнению ее разработчиков, заключалось в том, что приватизацию можно будет не растягивать на несколько лет, а уложить в один год и охватить все технологические цепочки, при этом не вызвав всплеска социального недовольства в стране.

Программа Пияшевой скрывала в себе внутреннее противоречие, которое, по всей видимости, прекрасно понимали и сами разработчики. Заявляя о неэффективности государственного управления собственностью, они столь же критически относились и к трудовым коллективам, склонным скорее к проеданию фондов, нежели к накоплению и инвестированию. Известно, что мелкие

¹⁹ Пияшева Л. Отдать бесплатно. Докладная российскому президенту о наиболее разумном способе приватизации // Известия. 1992. 14 февр.

собственники предпочитают рубль заработной платы рублю инвестиций. Всю полученную предприятием прибыль работники пустят на выплаты дивидендов, и, учитывая крайнюю изношенность производственных фондов, средств на реновацию и технологическое обновление не останется. Предприятия окажутся в условиях, которые приведут к их банкротству, и таким образом, «обвальная» приватизация превратится в «обвальную» безработицу и колоссальный промышленный спад.

Вторая модель приватизации разрабатывалась Министерством промышленности и Высшим экономическим советом при Верховном Совете России и была известна как концепция технологических холдингов. Суть ее заключалась в том, что все крупные предприятия подлежали акционированию, контрольные пакеты акций передавались государству в лице Фонда государственного имущества, а остальная часть акций переходила предприятиям (прежде всего смежникам) и финансовым структурам. Спустя определенное время некоторая часть акций могла быть продана на рынке ценных бумаг. Государство, будучи основным собственником, создавало бы холдинги, которые занимались бы выработкой глобальной политики и координацией совместных действий входящих в их состав предприятий. Очевидно, что такая модель приватизации, подразумевающая закрепление в государственной собственности пакетов акций как можно большего числа предприятий, была выгодна, прежде всего, отраслевым министерствам, желавшим сохранить в своих руках влияние на инвестиционно-стратегические факторы общественного производства. Свою позицию они обосновывали стремлением предотвратить атомизацию промышленности и производственной инфраструктуры и ликвидацию прикладной науки (которая теряла свое значение в условиях общего технологического упадка и сужения потребительского рынка) и ссылались на опыт экономически развитых стран, в том числе Франции, где сохранялось большое число государственных предприятий. По сути, «холдинговая» приватизация означала трансформацию ведомственных структур государственного управления в рыночные, по типу крупных корпораций.

Данная концепция находила поддержку и среди некоторых отечественных экономистов, ратовавших за «хозяйственное взаимодействие стратегических субъектов рынка (крупных финансово-банковских или финансово-производственных корпораций, определяющих будущие объемы продаж, будущие объемы затрат и объемы производства, среднюю прибыль к капиталу и циклические нормативы его воспроизводства — износа, возмещения и накопления) и нестратегических субъектов, превращающих потенциальный, вытекающий из экономической стратегии, рынок в действительное и альтернативное множество рыночных сделок»²⁰.

Представляется заслуживающим внимания мнение одного из руководителей крупного отечественного концерна по производству автобусов, автопогрузчиков и троллейбусов, высказанная им в середине 1992 г.: «В свое время функции холдинга у нас выполняли министерства и главки. Они концентрировали

²⁰ Евстигнеева Л., Перламутров В. Социализм как рыночная экономика: логика формирования // Вопросы экономики. 1990. № 12. С. 57.

и перераспределяли финансовые ресурсы, так или иначе обеспечивали расширенное воспроизводство. Пусть делали это недостаточно эффективно, держали предприятия в жестких тисках административной системы, но они выполняли функции, необходимые для жизнеобеспечения крупных технологически сложных производственных систем. Важно понять, что эти функции — не издержки административно-командной системы, а необходимый элемент функционирования крупного производства и в условиях частной собственности. Холдинговые структуры нужны нам уже сейчас для решения главной задачи — сохранения нашей технологической базы, но не жестко административным путем, а на основе финансового единства сложных производственных комплексов. Единая финансовая база необходима для осуществления единой научно-технической и инвестиционной политики и для координации производственно-хозяйственной деятельности. Пока холдинг должен вмешиваться в вопросы сбыта и снабжения, но и на Западе эти функции свойственны крупным компаниям, имеющим, как правило, собственную сбытовую сеть»²¹.

Третью модель активно отстаивали западные инвестиционные банки, заинтересованные в скорейшем проникновении иностранного капитала в российскую экономику. Выступая против массовой бесплатной приватизации, они предлагали постепенную передачу государственных предприятий в частные руки и по индивидуальным схемам²².

3 июля 1991 г. был принят закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», в котором предусматривалась безналичная форма приватизационных «денег», именной их характер, ограничения на использование как средств приватизационного вклада, так и приобретенных на них ценных бумаг (во избежание обмана граждан мошенниками). Средства приватизационных вкладов могли быть использованы на всей территории РСФСР для приобретения объектов государственной и муниципальной собственности, подлежащих приватизации, а также долей (паев, акций) в капитале акционерных обществ и товариществ. Однако этот закон так и не был реализован, и 21 августа 1992 г. появился указ президента Ельцина «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». Этот правовым актом вводилась в действие система приватизационных чеков (ваучеров), которые являлись государственной ценной бумагой на предъявителя. Приватизационные чеки могли покупаться и продаваться без ограничений, но платежным средством они не являлись. Ваучер можно было использовать только для приобретения объектов приватизации, после чего он погашался и изымался из обращения.

Примечательно, что отход от концепции именных приватизационных вкладов был совершен не правительством, а Верховным Советом, утвердившим 11 июня 1992 г. «Государственную программу приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год», в которой было указано, что «система именных приватизационных счетов (приватизационных чеков) вводится не позднее 1 ноября 1992 года». Как видно из приве-

²¹ Портрет отечественного холдинга // Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 9. С. 88.

²² Приватизация в России и других странах СНГ: Сб. обзоров. М., 2003. С. 20.

денной цитаты, в этом документе уже были предусмотрены приватизационные чеки. Но правительство пошло еще дальше и основным инструментом приватизации были выбраны анонимизированные приватизационные чеки. Тем самым был выбран организационно и технически более простой вариант.

В случае с приватизационными вкладами каждому гражданину предстояло выдать сберкнижку особого образца и открыть лицевой счет в Сбербанке. Для этого потребовалось бы отпечатать 150 млн сберкнижек, значительно увеличить площади и объемы операций Сбербанка (для обслуживания 150 млн лицевых счетов), закупить огромное количество современных компьютеров и оргтехники, модернизировать каналы связи и нанять дополнительный персонал. Российская банковская система была не готова решить эту масштабную задачу, и идея с именными приватизационными счетами оказалась технически невыполнимой. Выбранный же правительством вариант с раздачей ваучеров устранял все эти «технические» сложности, перекладывая оформление купли-продажи приватизируемых предприятий на их бухгалтерии. Все организационные затраты правительства, связанные с изготовлением ваучеров и их доставкой в регионы и составлявшие примерно 292 млн рублей, полностью покрывались регистрационным сбором при выдаче приватизационных чеков: умножив 25 рублей на 150 млн человек, получаем 3,75 млрд рублей.

Уже в скором времени иностранное слово «ваучер», еще незадолго до того мало кому известное, вошло в широкий обиход. Для большинства россиян ваучер стал олицетворением процессов, стремительно разворачивавшихся в стране. Едва ли можно вспомнить какое-либо иное решение правительства, которое вовлекало в активные действия такое количество населения, как «кампания ваучеризации». Каждый россиянин получал эту таинственную бумагу с печатью и большим количеством нулей и должен был как-то ею распорядиться. Пытаясь объяснить простыми словами смысл ваучера, Ельцин заявлял: «Нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров. В этой новой экономике у каждого будут равные возможности, остальное зависит от нас... Каждый гражданин России, каждая семья получают свободу выбора. Приватизационный ваучер — это для каждого из нас билет в мир свободной экономики»²³.

Однако основная масса населения плохо разбиралась в тонкостях экономики и в действии экономических законов. Если, к примеру, американский или шведский школьник прекрасно понимал, что такое биржи, акции и дивиденды, и куда лучше вкладывать деньги, то большинству российских граждан эта «наука» была пока не знакома.

В стране отсутствовал класс собственников, его еще предстояло вырастить. В советский период государственная собственность находилась в ведении номенклатурной прослойки, которая не отличалась рачительным отношением к имуществу и не несла ответственности за принимаемые решения. Разделение собственности на государственную и колхозно-кооперативную было идеологической условностью и прикрывало монопольно-государственную сущность советской экономической системы. Иначе и быть не могло, поскольку из трех традиционных факторов производства два — земля и капитал — принадлежа-

²³ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Россия под властью плутократии. М., 2003. С. 53.

ли государству. Но и с третьим фактором производства — трудовыми ресурсами — было не все однозначно. Если рассматривать труд как целесообразную, сознательную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей индивида и общества, то в советской экономике будет отчетливо виден перекос в пользу «общественного» (а точнее государственного). Это было связано с тем, что значительная часть прибавочного продукта расходовалась не на общественные фонды потребления, а на расширение производства и на оборону, следствием чего были высокие темпы развития без необходимости прибегать к внешней помощи.

В советской экономике практически отсутствовала конкуренция. Имевшаяся в советское время тенденция к гигантомании привела к созданию неоправданно крупных предприятий, которые могли монопольно диктовать свои условия, поскольку конкурентов у них не было. Многие предприятия работали неэффективно, «гнали» не пользующуюся спросом продукцию и удерживались на плаву за счет дешевых кредитов и государственной помощи. Их процветание зависело не от спросовых ограничений (таковых просто не было), а от «успехов» в лоббизме, выбивании фондов и получении всяческих преференций. По-иному должна была сложиться ситуация после приватизации. К управлению частными предприятиями должны были прийти выбранные акционерами руководители, требовательные и заинтересованные в эффективной работе. В свою очередь, собрание акционеров были призваны давать оценку деятельности директора такого предприятия и при необходимости избирать нового.

В то время многие высказывали опасения, связанные с тем, что население не сможет в короткое время сориентироваться в рыночных отношениях и грамотно распорядиться ваучерами и акциями, в результате чего значительная часть «народного достояния» окажется в руках узкого круга наиболее активных собственников-предпринимателей. Большинство граждан попросту не захотят стать собственниками со всеми вытекающими рисками, заботами и ответственностью. В такой обстановке новоявленные «толстосумы» смогут легко сбить рыночную цену приватизационных чеков и скупить их за бесценок.

В условиях нагнетания недоверия к ваучерам закономерным образом возникал вопрос: почему не был выбран способ раздачи государственного имущества в денежной форме? Ведь в этом случае стало бы сразу понятно, получится ли на эти деньги приобрести обещанные идеологами ваучерной приватизации два автомобиля «Волга». Но проблема заключалась в том, что такими денежными средствами государство не располагало. А продать госимущество и разделить вырученные деньги среди населения было невозможно, поскольку такого «покупателя» в масштабах всей страны не было. Шоковая терапия за считанные месяцы превратила в пыль и сбережения населения, и сбережения предприятий (оборотные средства, амортизационные отчисления, фонды развития производства). Поэтому и был выбран механизм дележа государственной собственности, а не денег.

Отметим, что ваучеры раздавались не бесплатно, при их выдаче взимался комиссионный сбор в размере 25 рублей. Номинальная стоимость ваучера была установлена в размере 10 тыс. рублей. На состоявшейся 21 августа 1992 г. пресс-конференции руководители Госкомимущества РФ пояснили, что оце-

ночная рыночная стоимость продаваемых в обмен на приватизационные чеки фондов составляет примерно 1,4 триллиона рублей (35 % от всех приватизируемых по федеральной программе фондов), и именно на такую сумму были выпущены ваучеры, т.е. номинал ваучера был привязан к стоимости основных фондов на душу населения. Уточним, что основные производственные фонды были оценены по остаточной стоимости, без переоценки. Если бы такая переоценка была произведена, то стоимость имущества предприятий возросла бы в десятки раз. По этой причине в правительственных документах о переоценке основных фондов специально оговаривалось, что она не влияет ни на величину уставного фонда, ни на размеры льгот трудовых коллективов, участвующих в приватизации.

Но если такая оговорка действительно сохраняла систему льгот для трудовых коллективов, то в случае участия владельцев ваучеров в приобретении госимущества, выставленного на торги, остаточная старая цена влияла лишь на стартовую цену на аукционе ценных бумаг. А вот продажная цена уже определялась, исходя из соотношения спроса и предложения, которое во многом зависело от того, как будет произведена переоценка продаваемого имущества. Именно поэтому сразу после начала приватизации многие государственные и муниципальные предприятия продавались гораздо дороже стартовой цены. Таким образом, ваучер сохранял свою покупательную силу только при покупке акций по закрытой подписке или на специальных чековых аукционах, когда уставной капитал акционерного общества, как правило, не переоценивался.

Старт приватизации

К середине 1992 г. был завершен организационный этап приватизации, в ходе которого были сформированы в основном законодательная база и организационная инфраструктура, имевшие целью перевод спонтанного приватизационного процесса на регулируемую правовую основу. Столь стремительная работа объяснялась необходимостью остановить вал ползучей криминальной приватизации и перевести ее в административно регламентируемый процесс. Страна вступала в период развертывания приватизации, которая должна была проводиться по двум основным направлениям: малая приватизация (торговли и сферы услуг, мелких предприятий промышленности и строительства) и большая (крупной промышленности). Предполагалось, что концу 1993 г. будет приватизировано до 1/3 совокупной стоимости производственных фондов России, а к концу 1994 г. — около половины.

Возвращаясь к упомянутой государственной программе приватизации 1992 г., отметим, что в отличие от отклоненной программы 1991 г., в новом документе был сформулирован конкретный механизм приватизации. Программа предусматривала шесть способов приватизации:

- продажа акций акционерных обществ открытого типа;
- продажа предприятий на аукционе;
- продажа предприятий по коммерческому конкурсу (в том числе с ограничением состава его участников);

- продажа предприятий по некоммерческому инвестиционному конкурсу (инвестиционные торги);
- продажа имущества (активов) ликвидируемых и ликвидированных предприятий;
- выкуп арендного имущества.

В основу выбора способа приватизации был положен размер предприятий, которые делились на три группы:

- мелкие предприятия со среднесписочной численностью работающих до 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов по состоянию на 1 января 1992 г. менее 1 млн рублей подлежали продаже на аукционе или на конкурсной основе через торги;
- предприятия со среднесписочной численностью работающих более 1000 человек и балансовой стоимостью основных фондов по состоянию на 1 января 1992 г. более 50 млн рублей приватизировались путем их преобразования в акционерные общества открытого типа;
- остальные предприятия могли быть приватизированы любым из перечисленных в программе способов.

Государственная программа предусматривала три варианта предоставления льгот коллективам приватизируемых предприятий. В данном случае правительство исходило из того, что для того, чтобы не допустить массового сопротивления процессу приватизации, работников следовало материально заинтересовать. Было важно предоставить рабочим долю в уставных капиталах приватизируемых предприятий, дать возможность почувствовать себя реальными собственниками. Однако возникал вопрос: сможет ли такой работник эффективно распоряжаться собственностью или, не дожидаясь будущих дивидендов, предпочтет вообще поскорее избавиться от акций, выручив за них реальные деньги. Как заявлял в то время председатель подкомитета по приватизации ВС РФ П. Филиппов, мелкий акционер не может быть эффективным собственником, и по этой причине было важно поскорее сформировать слой крупных бизнесменов-собственников, владеющих контрольными пакетами акций²⁴.

По первому варианту предоставления льгот члены трудового коллектива получали бесплатно 25 % привилегированных (неголосующих) акций. Их владельцы не могли принимать участия в управлении предприятием, но получали приоритетное право на дивиденды по сравнению с остальными акционерами. В дополнение к этому работники приватизируемого предприятия получали право купить на льготных условиях до 10 % «голосующих» акций (с 30-процентной скидкой и трехлетней рассрочкой при оплате акций при первоначальном взносе в размере не менее 15 % номинальной стоимости акций). Руководители предприятий (к которым относились директор и его заместители, главный инженер, главный бухгалтер) могли выкупить по номиналу голосующие акции на сумму, не превышающую 5% уставного капитала.

Этот вариант был использован в ходе приватизации московского завода имени И.А. Лихачева. Уставный капитал АМО «ЗИЛ», образованного в процессе приватизации бывшего производственного объединения «ЗИЛ» (14 за-

²⁴ Бабаева Л., Нельсон Л. Указ. соч. С. 31.

водов), составлял 2,9 млрд руб. и был разделен на тысячерублевые акции. Работники объединения выбрали вариант «25+10+5», в результате которого 40 % акций досталось работникам предприятия (из них 25 % — привилегированные акции). После чековой приватизации наиболее крупные пакеты акций (около 20 % каждый) сосредоточились у администрации ЗИЛА и торговой фирмы «Микродин».

Вариант «25+10+5» был встречен в штыки директорским корпусом, который уже вкусил плоды стихийной приватизации и желал сохранить контроль над приватизируемой собственностью. Под нажимом членов Верховного Совета, среди которых было немало представителей хозяйственной номенклатуры, был выработан второй вариант приватизации.

По второму варианту коллектив приватизируемого предприятия, а также предприятий, входящих с ним в единый технологический комплекс, мог приобрести 51 % обыкновенных (голосующих) акций без конкурса и аукциона по фиксированной цене. Бесплатная передача или льготная продажа акций не предусматривались, но до 50 % стоимости акций могли быть оплачены приватизационными чеками. Этот вариант больше подходил для тех случаев, когда коллективы работников были готовы рискнуть и вложить серьезные средства в свое предприятие, т.е. выступить в качестве основного инвестора.

В соответствии с третьим вариантом предоставления льгот, коллектив выделял из своего состава группу работников, готовых взять на себя ответственность за выполнение плана приватизации и недопущение банкротства предприятия. С этой группой заключался контракт на один год без права продления, в котором фиксировались обязательства по росту объема производства, фонда заработной платы, повышению прибыли и другим экономическим параметрам. В случае выполнения принятых обязательств, все работники предприятия, включая членов группы, получали право на приобретение 20 % голосующих акций со скидкой 30 % от их номинальной стоимости и с предоставлением рассрочки на три года. Этот вариант мог применяться только на предприятиях с численностью работников более 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов от 1 до 50 млн рублей.

Организационно наиболее сложным был процесс приватизации средних и крупных предприятий, которых было немало в России. Их приватизация осуществлялась в два этапа. Вначале государственное предприятие подлежало акционированию, для чего на основе стоимости имущества, закрепленного за предприятием и являвшегося государственной или муниципальной собственностью, определялся размер уставного капитала будущего общества, и на соответствующую сумму выпускались акции, размещаемые между физическими и юридическими лицами. Правовую основу акционирования составила серия законодательных актов, включая закон Российской Федерации от 3 июля 1991 г. за № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» и указ Президента РФ от 1 июня 1992 г. за № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества». Как было прописано в этом указе, преобразование государственных предприятий, а также акционерных обществ закрытого типа с долей участия

государства в уставном капитале в размере более 50 % в акционерные общества открытого типа должно было быть завершено до 1 ноября 1992 г.

Далее, в случае с крупными производственными объединениями, их органам приватизации и трудовым коллективам предстояло определиться, будет ли их объединение разделено на более мелкие предприятия либо сохранится в виде холдинга. В соответствии с «Временным положением о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества», холдинговой компанией признавалось предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других («дочерних») предприятий. Холдинговая компания отвечала прежде всего за проведение согласованной инвестиционной политики во всей группе подконтрольных предприятий. В целях недопущения ограничения конкуренции, запрещалось создание холдингов в сферах торговли потребительскими товарами, сельскохозяйственного производства, транспорта, общественного питания и бытового обслуживания. Кроме того, не допускалось создание холдингов, если это могло привести к монополизации производства тех или иных видов продукции. В русле мировой практики, «Временное положение» регламентировало процедуры слияния, поглощения и присоединения предприятий.

Особенности приватизации предприятий, относящихся к отдельным отраслям, были урегулированы специальными нормативными актами. Так, 4 сентября 1992 г. вышло правительственное постановление № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса», распространявшееся на государственные сельскохозяйственные предприятия, предприятия по первичной переработке сельскохозяйственной продукции и государственно-кооперативные предприятия агропромышленного комплекса. 21 декабря 1993 г. появилось постановление правительства за № 1311 «Об учреждении лесопромышленных холдинговых компаний», направленное на упорядочение процессов структурной перестройки в лесопромышленном комплексе.

Непосредственному формированию в крупных масштабах смешанной формы собственности в российской экономике с участием государственного и частного капитала способствовало принятие в 1992–1993 гг. решений об особенностях приватизации и акционирования базовых предприятий отраслей российской промышленности, которые в соответствии с государственной программой приватизации могли быть приватизированы только по решению федеральных органов исполнительной власти. В соответствии с указом президента от 5 ноября 1992 г. № 1333, государственный концерн «Газпром» был преобразован в РАО «Газпром». Уставный капитал общества составлял поначалу около 89 млрд рублей, но впоследствии вырос до 236,7 млрд рублей, превысив уставный капитал другого российского энергетического гиганта — Российского акционерного общества энергетики и электрификации — почти в 3,5 раза. Тот же указ президента определил распределение акций «Газпрома»: 40 % акций закреплялись на три года в федеральной собственности, 15 % распределялись по закрытой подписке между работниками предприятий, входивших в состав общества всем своим капиталом, а не менее 20 % «газовых» акций общества должно было быть продано гражданам России за приватизационные чеки.

О том, что РАО «Газпром» превратилось в энергетический суперхолдинг, свидетельствовал состав его участников, включавший предприятия Единой системы газоснабжения, в том числе предприятия по добыче и переработке газа (Уренгойгазпром, Надымгазпром, Ямбурггаздобыча и ряд других), по транспортировке газа (Лентрансгаз, Моострансгаз и пр.), по разведке газовых месторождений (Приполярбурггаз, Тюменбурггаз), а также объединение «Газэкспорт».

Следует учитывать, что в то время газовая промышленность была намного более привлекательна для инвесторов, чем нефтяная, поскольку объем экспорта российского газа, в отличие от экспорта нефти, не снижался, и состояние основных фондов предприятий газодобывающей промышленности было более солидным, чем нефтяной. Важно было и то, что приватизация газовой промышленности имела более выраженную политическую окраску. Вот как эту ситуацию описывал еженедельник «Коммерсантъ Власть»: «Если нефтяное лобби в правительстве размыто, и кто конкретно представляет интересы нефтяных генералов, не сразу и разглядишь, то генералы от газовой промышленности имеют своего представителя в правительстве — на самом высоком посту. И если директора-нефтяники в известной степени проиграли “ваучерному” крылу Госкомимущества — и, хоть и с оговорками, но были вынуждены выставить свои акции в свободную продажу за ваучеры, то газовики, похоже, победили вчистую»²⁵.

24 декабря 1993 г. президент Ельцин своим указом утвердил новую государственную программу приватизации государственных и муниципальных предприятий. На этот раз в программе не указывалось, на какой временной период она была рассчитана. В программу были интегрированы все документы, ранее изданные в обеспечение «ваучерной» приватизации, но содержался и ряд совершенно новых положений, в частности, касающихся судебной защиты прав частных собственников, акционеров.

Всего в 1991–1992 гг. было приватизировано 46,8 тыс. государственных предприятий, в 1993 г. в частные руки перешли 88,6 тыс. предприятий, в 1994 г. было приватизировано примерно 112,6 тысяч. В период с января по 1 июля 1994 г. (т.е. до момента окончания чековой приватизации) было продано 284 наиболее рентабельных предприятий, в том числе 12 крупнейших общей стоимостью 37 млн долларов²⁶. Рассуждая о скорости разгосударствления в России, президент Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий Г.А. Томчин вспоминает такой эпизод из истории приватизации: «Когда-то к А. Чубайсу пришли специалисты из Великобритании и сказали, что они разбираются в приватизации, у них, мол, по 15 предприятий за семь лет приватизировалось. На что Чубайс сказал: сейчас придут наши специалисты, у них опыта “поменьше” — всего по 500 предприятий»²⁷.

К концу 1994 г. 60–70 % предприятий торговли, общественного питания, строительства, пищевой и легкой промышленности стали частными. Частная форма собственности стала преобладающей, ее удельный вес составлял 62,5 %.

²⁵ Коммерсантъ Власть. 1994. 1 февр.

²⁶ Разуваева Н.Н. Указ. соч. С. 61.

²⁷ Приватизация в России глазами ученых // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 92.

В середине 1995 г. более 50 % ВВП приходилось на негосударственный сектор экономики. Однако вопрос об эффективности российской экономики в новых условиях вызывал множество дискуссий. В апреле 1995 г. президент Российского союза промышленников и предпринимателей А.И. Вольский заявил: «Уже сейчас в России 40 процентов, а в Москве и Санкт-Петербурге даже 60 процентов розничного товарооборота удовлетворяются за счет импорта, тогда как раньше этот показатель максимально составлял 14 процентов»²⁸. В ноябре того же года он констатировал, что российский розничный товароборот более чем на половину состоял из импортных товаров²⁹.

«Ваучерные» профессионалы

Возникло три категории «профессиональных участников» в деле приватизации. Первые — «спекулянты» — занимались игрой на ваучерах: покупали дешевле, продавали дороже, но в приватизационном процессе непосредственного участия не принимали. Вторые — «управляющие» — создавали чековые инвестиционные фонды (ЧИФ), меняли ваучеры на свои ценные бумаги, ваучеры вкладывали в акции и потом продавали эти акции тому, кто готов был за них платить. В нормативно-правовых актах разъяснялось, что ЧИФы создаются «с целью снижения предпринимательского риска, связанного с вложением приватизационных чеков в ценные бумаги, за счет профессионального и контролируемого управления инвестициями». СМИ активно советовали гражданам обменивать ваучеры на акции предприятий именно через чековые инвестиционные фонды.

Широкую известность приобрел чековый инвестиционный фонд «Альфа-капитал», ставший приватизационной основой для «Альфа-групп» М.М. Фридмана, Г.Б. Хана и П.О. Авена. В 1993—1994 гг. его акционерами стали примерно 2 млн держателей ваучеров. Но в целом инвестирование в ЧИФы, число которых достигло 646, было очень рискованным мероприятием: ЧИФы регулярно банкротились, поскольку скупали в основном акции неприбыльных или мелких и средних предприятий, и рядовые акционеры редко получали дивиденды. До сих пор жители России прекрасно помнят эти названия — «Хопер-инвест», «Чара», «Тибет», «Русский дом — Селенга». Еще в 1992 г. ряд экспертов отмечали, что чековые фонды вряд ли смогут успешно выполнять свою задачу — «быть своего рода буферами между экономически неграмотным населением и объектами инвестиций, каковыми являются акции приватизированных предприятий»³⁰.

Наконец, третью категорию представляли «инвесторы», которые скупали ваучеры мешками, а потом в ходе чековых аукционов меняли их на акции, приобретая контроль над приватизируемыми предприятиями.

²⁸ Цит. по: *Островский А.* Расстрел «Белого дома». М., 2008. С. 502.

²⁹ Там же.

³⁰ *Рогожников М.* Кухарка все-таки сможет управлять. Фондом приватизации // Коммерсантъ Власть. 1992. 17 авг.

Напомним, что граждане имели право менять ваучеры на акции любого предприятия. К примеру, если на 25 % акций какого-либо приватизируемого объекта физическим лицом либо ЧИФом будет подан один ваучер-заявка, его владелец получает 25 % акций. Если десять заявок — каждому по 2,5 % акций. И так далее. Но на практике все было сложнее. Предприятия всячески усложняли проведение чековых аукционов, ограничивали круг ваучеровладельцев, которые могут купить акции, затягивали собственную приватизацию, чтобы к 1 июля 1994 г., дню, когда ваучер заканчивал свое хождение, заявить о неготовности к чековым аукционам.

Согласно статистике, около 25 млн россиян доверили свои ваучеры чековым инвестиционным фондам (подавляющее большинство которых не принесло гражданам никаких дивидендов), примерно 40 млн граждан вложили их в акции различных предприятий, а 61 млн владельцев ваучеров их продали. В тот период подавляющая часть населения жила в ужасающей нищете и поэтому предпочитала поскорее «конвертировать» ваучер в живые деньги, тем более что спрос на ваучеры был высоким. В переходах метро, на привокзальных площадях и в прочих многолюдных местах можно было встретить неряшливо одетых, невзрачных людей с табличками «Куплю ваучер». Но вследствие стремительного падения рубля, «уличный» курс ваучера опустился зимой 1993–1994 г. до 7 долларов США, равных стоимости двух бутылок недорогой водки. Как замечает в этой связи американский журналист и публицист Пол Хлебников, «выходило, что гигантские промышленные и природные ресурсы страны оценивались примерно в 5 миллиардов долларов»³¹.

Практика скупки ваучеров прямо на улице и появление их затем на чековых аукционах в регионах сформировала в России целый класс предпринимателей, которые затем часто мелькали в списках крупнейших финансово-промышленных воротил. К слову, именно так и поступал студент физического факультета МГУ О.В. Дерипаска, который, по разным сведениям, в начале 1993 г. чуть ли не лично скупал ваучеры Саянского алюминиевого завода. «Да видели бы вы этих людей! У них звериные морды...», — делился впечатлениями о челябинских представителях этого класса российский вице-президент А.В. Руцкой в феврале 1993 г.³²

Вместе с тем для организаторов приватизации приватизационные чеки имели большую ценность. Так, октябрьские события 1993 г. доставили им немало беспокойств. 3 октября десятки тысяч сторонников Верховного Совета, прорвав блокаду Белого дома, захватили здание бывшего СЭВ на Новом Арбате в Москве, подвал которого использовался как склад 10 млн ваучеров общей стоимостью приблизительно в 20 млн долларов. Как вспоминает бывший заместитель председателя Госкомимущества России Д.В. Васильев, «по счастливой случайности кто-то из охранников поставил вешалку перед дверью, ведущей в подвал. За этой вешалкой налетчики не заметили дверь с висящим на ней простым замком»³³. Тем самым реальная угроза срыва ваучерной приватизации была ликвидирована.

³¹ Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или история разграбления России. М., 2001. С. 127.

³² Бутрин Д. Как товарищ чек стал господином ваучером // Коммерсантъ Деньги. 2002. 17 июля.

³³ Приватизация по-русски. С. 134–135.

Анализируя последствия ваучерной приватизации, видный российский экономист Н.Я. Петраков обращает внимание на следующие обстоятельства: «Первая странность этой бумаги (ваучера) заключалась в том, что, будучи выданной государством и под гарантии государственной собственности, она не принималась этим государством к оплате, то есть не обменивалась по номиналу на рубли. Вторая странность ваучера состояла в том, что его можно было обменять на акции только строго ограниченного круга предприятий. При этом государство не обеспечивало своих граждан информацией об экономическом положении приватизируемых предприятий»³⁴.

Один из авторов программы «500 дней», экономический журналист А.Ю. Михайлов видит неудачи ваучерной приватизации в том, что «именно из-за приватизации в пользу трудовых коллективов ваучеры во многом остались лишь бумажками и вместо “двух волг” стоили зачастую лишь бутылку водки»³⁵. По его мнению, приватизационный процесс очень быстро отклонился от первоначального замысла Чубайса, поскольку на ваучеры не оказалось реального наполнения — акций крупнейших предприятий. Негативно сказывалось и влияние старых хозяйственных руководителей, которые постоянно давили на президента и парламент, заставляя корректировать экономическую программу. Исходя из это, Михайлов делает следующий вывод: «Слой действительно частных собственников формировался в следующие несколько лет в ходе “переприватизации” — скупки акций у трудовых коллективов и ваучеров у граждан, консолидации крупных пакетов в частных руках, а также корпоративных конфликтов и рейдерских захватов. Вот тогда возникали действительно частные компании. Фактически начальная массовая приватизация прошла в два этапа: сначала возникла коллективистская структура собственности, а только потом — в ходе “переприватизации” — реально частная»³⁶.

Оборотные стороны приватизации

Ценовая политика и «удобные» правовые условия привлекали в страну иностранный капитал, направившийся на посредническую скупку пакетов акций стратегических и экономически значимых для России предприятий. В 1992–1993 гг. отсутствовали ограничения в допуске иностранных инвесторов к приватизации стратегически важных объектов. Такие запреты распространялись только на предприятия топливно-энергетического комплекса, по добыче и переработке руд, драгоценных металлов и сопряженные с ними предприятия научно-технической сферы, машиностроения, металлургии и химической промышленности. По различным оценкам, на чековом этапе приватизации зарубежными компаниями было приобретено около 10 % акций бывших государственных предприятий. Однако целью иностранных собственников, выкупивших за бесце-

³⁴ Петраков Н. Отношения собственности: анализ трансформации в переходной экономике // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 2. С. 16.

³⁵ Мифология приватизации // Российская газета. 2010. 9 авг.

³⁶ Там же.

нок крупную государственную собственность, было не увеличение иностранных производительных инвестиций и не привлечение в страну передовых технологий, а закрытие производств, конкурирующих с предприятиями в других странах.

Оборотной стороной приватизации было и то, что она стала базой и толчком к общему росту преступности, коррупции, нарушению законности в стране. Деятельность организованных преступных групп и коррупция в органах государственного и хозяйственного управления проявились здесь в виде многочисленных фактов занижения балансовой стоимости приватизируемых объектов, сговора о неправомерном разделе имущества и снижении цены предприятий, умышленного нарушения порядка организации конкурсов и аукционов, продажи в собственность или передачи в аренду с правом последующего выкупа объектов, приватизация которых запрещена законом. Широкое распространение получили безвозмездная передача государственного имущества на баланс негосударственных структур, скупка приватизационных чеков на средства, выделявшиеся государством на развитие производства, открытие на государственных предприятиях нескольких расчетных счетов, позволяющих скрывать прибыль³⁷. В перечень видов преступных действий, связанных с приватизацией, также входили подделка ценных бумаг, мошеннические операции с ваучерами, хищение, недобросовестные рекламные кампании, организация «финансовых пирамид» и другие. По данным МВД России, наибольшее количество преступлений в сфере приватизации (27,6 тыс.) было выявлено в 1993 г., причем основная их часть была связана с оборотом приватизационных чеков. За тот год около 40 тыс. предприятий перешли под контроль криминальных структур.

За 1994 г. в сфере приватизации органами внутренних дел было выявлено 1749 преступлений. По данным журнала «Коммерсантъ Власть», примерно на 15 % предприятий, приватизированных в 1994 г., установились нелегитимные отношения собственности³⁸.

На начало 1995 г., по данным Главного управления по организованной преступности МВД, 41 тыс. хозяйственных субъектов, в том числе около 550 банков и 1,5 тыс. государственных предприятий, контролировались криминальными сферами. К 1997 г. объем «теневой» экономики превысил 40 %, а 55 % приватизированных предприятий и почти 70 % контрольных пакетов акций перешли в руки криминалитета и иностранного капитала³⁹.

Ситуацию усугубляло отсутствие системного подхода к разработке законодательной базы. Так, не был законодательно урегулирован вопрос криминальных банкротств, которыми нередко пользовались недобросовестные покупатели во время приватизации государственного имущества. Проще говоря, перед выставлением на продажу предприятие искусственно загоняли в долги, тем самым занижая его цену. В итоге значительная часть государственного и муниципального имущества перешла в собственность криминальных или полукриминальных структур, усилив их влияние на политическую и экономическую сферы.

³⁷ Никитин А.М. Криминологические проблемы развития отношений собственности при переходе к рынку: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 30.

³⁸ Коммерсантъ Власть. 1995. 13 июня.

³⁹ Островский А. Расстрел «Белого дома». С. 501.

Несмотря на то, что в законодательстве с самого начала был прописан специальный порядок приватизации государственных предприятий, имеющих стратегическое значение, на протяжении 1990-х гг. не были установлены точные критерии определения стратегической и оборонной значимости конкретных государственных предприятий, что предопределяло произвольность формирования «запретных» перечней⁴⁰. Как отмечает Счетная палата РФ, «большое количество предприятий с высокой долей оборонного заказа в 1992 году были приватизированы без ограничений, в том числе НТК “Союз”, г. Москва (доля оборонного заказа — 95,7 %), Машиностроительное КБ “Гранит” (85,4 %), Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля (44,4 %), Иркутское авиационное производственное объединение (85,1 %), Нижегородское госпредприятие “Гидромаш” (50,4 %), что дает основания говорить о негативном влиянии результатов приватизации в данной области на обороноспособность страны»⁴¹.

При этом многие стратегически важные предприятия были проданы практически за бесценок, в том числе иностранным лицам. Челябинский тракторный завод с численностью рабочего персонала 55 тыс. человек был продан за 2,2 млн долларов. Крупнейшее в стране предприятие тяжелого машиностроения — Уралмаш, на котором работали 34 тыс. человек, был выкуплен предпринимателем Кахой Бендукидзе «за два набитых ваучерами автомобильных багажника»⁴². Северное морское пароходство получило частного собственника за 3 млн долларов. Комплекс зданий Московского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов химической промышленности с рыночной стоимостью 100 млн долл. был продан всего за 8 млн руб. По разным оценкам, 500 крупных предприятий стоимостью не менее 200 млрд были проданы на чековых аукционах за 7,2 млрд долларов⁴³.

Еще одной чертой приватизации в России в первой половине 1990-х гг. было то, что она носила во многом крайне идеологизированный характер, ее организаторы пытались убедить общество, что при прежнем строе государственная собственность принадлежала партийно-государственной номенклатуре и служила лишь ее интересам и поэтому ее переход в частную собственность означает передачу ее народу⁴⁴. По признанию Чубайса, приватизация «до 97 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили»⁴⁵.

Но граждане понимали, что истинные цели проведения приватизации от них скрывались. В обществе зрело убеждение, что «прихватизация» на деле ведет к

⁴⁰ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / отв. ред. С.В. Степашин. М., 2004. С. 51.

⁴¹ Там же.

⁴² Хинштейн А. Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги. М., 2007. С. 301.

⁴³ Добрянков В.И., Исправникова Н.Р. Указ. соч. С. 30.

⁴⁴ Маляров О.В. Приватизация как фактор эволюции экономической системы: опыт России и Индии // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2011): Материалы пятой международной конференции / под ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвирку. М., 2011. С. 58.

⁴⁵ <https://newsland.com/user/4296727782/content/chubais-tseliu-privatizatsii-bylo-unichtozhenie-kommunizma/4013136>.

переделу государственной собственности, которая сосредоточивается в руках узкого круга держателей спекулятивного капитала, олигархов. Ваучерная приватизация создала достаточно широкий слой микрособственников, но задача привлечения эффективного управляющего своим предприятием нормального собственника была далека от решения. Как уже говорилось, многие крупные предприятия оказывались под контролем криминальных структур, которые не были заинтересованы в сохранении производственного потенциала и заботились только о сиюминутной прибыли. Приватизация практически не играла сколько-нибудь существенной роли в увеличении доходов государственного бюджета, которые могли быть направлены в социальную сферу. Наоборот, трудовые коллективы отстранялись от участия в контроле над приватизируемыми предприятиями, происходили массовые сокращения рабочего персонала, значительно сокращались объемы производства, в особенности в легкой и обрабатывающей промышленности.

9 декабря 1994 г. Государственная дума приняла постановление № 378-1 «Об итогах первого этапа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»⁴⁶, в котором итоги первого, чекового, этапа приватизации были признаны неудовлетворительными. По мнению депутатов, приватизация не соответствовала основным целям социально-экономических реформ, в частности, не обеспечивала роста эффективности работы приватизируемых предприятий, привлечения инвестиций в целях развития производства и формирования эффективного собственника.

Денежный этап приватизации

С 1 июля 1994 г. начался следующий этап приватизации — денежный, который был связан с проведением залоговых аукционов. Базовым документом для начала этого этапа стал указ Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 г. за № 1535 «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994».

Суть новой приватизационной модели заключалась в том, что правительство страны брало кредиты в нескольких крупных банках («Империал», «Инкомбанк», «Онэксим-банк», «Столичный банк сбережений», «Менатеп», АКБ «Международная финансовая компания») для покрытия дефицита федерального бюджета, а в качестве залога оставляло пакеты акций крупнейших и рентабельных промышленных предприятий. Также декларировалась задача привлечения инвестиций для реструктурирования предприятий. Примечательно, что сумма кредитов, полученных от передачи в залог государственного имущества, была эквивалентна сумме временно свободных валютных средств федерального бюджета, размещенных в это время Минфином России на депозитных счетах коммерческих банков, ставших затем победителями в залоговых аукционах. Кроме того, поскольку банки получали акции в доверительное пользование,

---

⁴⁶ Собрание законодательства РФ. 1994. 19 дек. № 34. Ст. 3571.

это давало им возможность извлекать прибыль от пользования акциями на весь период залога.

С 4 ноября по 28 декабря 1995 г. Министерство финансов заключило с победителями аукционов 12 кредитных договоров под залог государственных пакетов акций. При этом правительство обязывалось по истечении оговоренного срока вернуть кредиты за счет средств федерального бюджета либо передать свои акции в собственность кредиторов. Поскольку правительство так и не рассчиталось по полученным кредитам, государственные пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и ряда других перешли в собственность консорциума российских коммерческих банков, а в стране зародился новый класс — олигархи, заработавшие свои состояния на приватизационных сделках. И это при том, что в статье 12 федерального закона «О федеральном бюджете на 1995 год» содержался запрет на досрочную продажу закрепленных в федеральной собственности пакетов акций нефтяных компаний, созданных и создаваемых в соответствии с указами Президента РФ и постановлениями правительства (речь шла как раз о пакетах акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и других).

Итоги залоговой приватизации в целом оказались неутешительными в связи с тем, что цены на предприятия, участвовавшие в сделках, были значительно занижены (реальная рыночная стоимость их акций многократно превышала сумму залогов), а значит, бюджет не получил тех средств, на которые мог рассчитывать. Приведем данные по некоторым из залоговых аукционов ноября-декабря 1995 г. «ОНЭКСИМ-банк» приобрел всего за 170,1 млн долларов 51 % акций комбината «Норильский никель», чей годовой оборот составлял 3,5 млрд долларов, а годовая прибыль доходила до 500 млн долларов. Эта же банковская группа приобрела 40 % акций «Сургутнефтегаза» за 88,9 млн долларов.

Банк МФК, фактически представлявший собой консорциум с участием «Альфа-групп», получил 51 % акций компании ТНК-ВР за 130 млн долларов, 15 % акций Новолипеццкого металлургического комбината обошлись ему в 31 млн долларов. Банк «Менатеп» стал владельцем 45 % акций «ЮКОС» за 159 млн долларов. ЗАО «Нефтяная финансовая компания» приобрело 51 % акций «Сибнефти» за 100,3 млн долларов⁴⁷. Российская компания «Связьинвест» была приватизирована за 1,2 млрд долларов, в то время как приватизация аналогичной, но вдесятеро меньшей французской компании «Парижтелеком» обошлась в 48 млрд долларов⁴⁸.

Допущенные в ходе залоговой приватизации нарушения были связаны не только с необоснованно заниженной стоимостью предприятий. Многие новые собственники не выполнили взятых на себя в ходе приватизации обязательств, в том числе связанных с сохранением производственного профиля предприятий, сохранением рабочих мест и обеспечением инвестиций. В ряде случаев средства от приватизации не перечислялись в бюджеты различных уровней. До 75 % предприятий России оказались на грани фактического уничтожения. К 2001 г. объемы производства снизились на 80 % по сравнению с 1987–1988 гг.

⁴⁷ Дробишевская Т.А., Мау, В.А., Шахрай С.М., Яник А.А. Указ. соч. С. 126.

⁴⁸ Шеблыкин В.Н. Результаты приватизации в России и их влияние на экономическую безопасность страны // Вестник Университета. 2008. № 4. С. 178.

«Залогово-аукционная приватизация» получила негативную оценку среди экспертного сообщества и была критически воспринята общественным мнением на Западе. О залоговых аукционах сложилось мнение не как об отдельном этапе разгосударствления собственности, а как о специфической форме «поштучной» приватизации. В то же время обычные граждане имели об этих аукционах весьма смутное представление, поскольку в отличие от ваучерной приватизации не принимали в них участие.

После 1997 г. продажа государственной собственности стала проводиться на торгах за реальные деньги. В 1998–2000 гг. было приватизировано 3 498 предприятий, в результате чего в государственный бюджет поступило более 55 млрд рублей⁴⁹.

В ходе исследования итогов приватизации в 1993–2003 гг. Счетной палатой РФ были выявлены наиболее распространенные и характерные нарушения органов исполнительной власти:

- превышение ими установленных законодательством полномочий в сфере распоряжения государственным имуществом. Это касалось, в том числе, региональных органов государственной власти, которые в процессе приватизации вмешивались в компетенцию федеральных властей и принимали решения, противоречившие нормам федерального законодательства. На протяжении 1990-х гг. приватизация регионального и муниципального имущества проходила в отсутствие федерального закона о порядке разграничения собственности на федеральную, региональную и муниципальную, что давало возможность региональным властям самовольно и бесконтрольно распоряжаться многими объектами федеральной собственности. Для целого ряда субъектов Российской Федерации было характерно отсутствие соответствующей региональной законодательной базы, и решения о приватизации тех или иных государственных объектов оформлялись нормативными актами высших должностных лиц регионов;
- невыполнение органами исполнительной власти своих непосредственных обязанностей в сфере приватизации. Серьезные претензии были адресованы Российскому фонду федерального имущества, который не обеспечил должный контроль за выполнением инвестиционных обязательств по заключенным договорам купли-продажи и вовремя не скорректировал порядок перечисления денежных средств от приватизации государственного имущества в госбюджет. В результате значительная часть денежных средств в бюджетную систему не попадала: в 1996 г. в федеральный бюджет было перечислено только 55 % от общей суммы средств, полученных от приватизации, а в 1997 г. из средств, полученных от продажи федеральной собственности, вне рамок бюджета было распределено более 4 941 млрд рублей;
- необоснованное занижение цены продаваемых государственных активов, фиктивный характер конкурсов и низкая результативность продаж. К примеру, по итогам десяти выборочно проверенных Счетной палатой

⁴⁹ Дробишевская Т.А., Мау, В.А., Шахрай С.М., Яник А.А. Указ. соч. С. 128.

специализированных аукционов 1996–1997 гг. в результате необоснованного снижения цены акций упущенная выгода федерального бюджета превысила 115 млрд рублей;

- отсутствие внешнего независимого контроля предприватизационной подготовки государственных активов и результатов приватизационных сделок в соответствии с международными стандартами и требованиями. Нередко в качестве «независимых внешних» экспертов привлекались аффилированные и заинтересованные юридические лица. Многочисленные нарушения в ходе предпродажной подготовки государственных пакетов акций, отсутствие независимых заключений и экспертиз также вели к сокращению доходов федерального бюджета;
- коррупция в органах власти, отсутствие системы противодействия криминалу в сфере приватизации⁵⁰. Одной из причин криминализации экономики стало отсутствие государственного контроля, а также серьезные пробелы и недостатки законодательства, провоцировавшие недобросовестное поведение руководителей приватизированных предприятий, государственных должностных лиц и новых собственников (акционеров).

По мнению Счетной палаты, сделки, совершенные по итогам залоговых аукционов, носили притворный характер, их целью было прикрыть другую сделку: под видом залога произошло незаконное отчуждение государственного имущества⁵¹.

Итоги приватизации в России не получили однозначной оценки. Некоторые говорят о ее влиянии на развитие экономики, о высокой эффективности нового типа управления предприятиями, эволюционном скачке. Их многочисленные оппоненты настаивают, что приватизация представляла собой несправедливое и не всегда законное распределение государственного имущества, в результате которого государство понесло колоссальные убытки. Нередко приводится сравнение со странами Центральной и Восточной Европы, где приватизация была осуществлена за пять лет, обеспечив нормальный экономический рост и стабильный приток инвестиций. В России же она не смогла стать значимым институтом модернизационных изменений в институциональной системе страны, превратиться в институт содействия реструктуризации российской экономики.

Наиболее уязвимым моментом российской приватизации оказалась оценка стоимости ее объектов. В связи с высоким уровнем инфляции в 1990-е гг. оценка объектов по их стоимости, зафиксированной ранее, оказалась крайне заниженной, что сыграло на руку удачливым покупателям и не обеспечило поступления весомых доходов в государственный бюджет. Не было создано надежной правовой базы. Был проигнорирован мировой опыт государственного регулирования экономики, не учитывалась и роль государства, присущая переходным этапам общественного развития. Возникший вакуум государственного регулирования все активнее заполнялся узкогрупповыми интересами.

⁵⁰ Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации... С. 49, 53.

⁵¹ Ашинов С.А., Букреев В.В., Рудык Э.Н. Приватизация в России: поиски эффективных решений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 12(87). С. 50.

Можно констатировать, что приватизации в первые годы ее проведения носила преимущественно популистский характер, активно эксплуатируя общественные представления «об общенародной собственности». Одной из ее главных целей было обеспечить общественную поддержку проводимого курса реформ в лице «массового слоя новых собственников». Но очень скоро в глазах общественности приватизация стала носить нелегитимный характер, интерес и доверие к ней оказались подорваны. Как писал известный историк и публицист Рой Медведев, приватизация привела к появлению в России 50 миллионов нищих акционеров и обогатила лишь 25–30 тыс. человек. Олигарх в понимании обывателя стал синоним грабителя. В самом деле, владение несколькими акциями, которые к тому же практически не приносили дивидендов, никак не влияло на социально-экономический статус рядовых граждан. Их материальное положение по-прежнему определялось работой по найму. Они так и не получили доступа к распределению национального богатства, не стали активными участниками процесса перераспределения общественных благ. Вместе с тем нельзя отрицать положительные итоги «малой приватизации», в ходе которой предприятия торговли, общественного питания, сферы услуг перешли в руки отнюдь не олигархов, а представителей малого предпринимательства, которое традиционно считается основой любой успешной экономики.

Российская приватизация лежала вне всякого предшествующего опыта и имела существенные отличия от приватизационных процессов в других странах. Она не имела отношения к мировой науке, была наскоро сконструирована и молниеносно проведена. Но ее главный итог заключался в восстановлении института частной собственности. Произошло коренное изменение самой экономической среды, в результате чего функционирование предприятий стало протекать в принципиально иных условиях. Как считает упоминавшийся выше А.Ю. Михайлов, в 1998 г. «структура собственности российской экономики из коллективистской стала весьма похожа на частную», что и позволило обеспечить реальный рывок промышленности в условиях девальвации рубля после 1998 г.⁵²

Библиография

- Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / отв. ред. С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. 408 с.
- Ашинов С.А., Букреев В.В., Рудык Э.Н. Приватизация в России: поиски эффективных решений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2008. № 12(87). С. 47–57.
- Бабаева Л., Нельсон Л. Три программы приватизации: компромиссы, потери и надежды // Вопросы экономики. 1992. № 9. С. 26–34.
- Богомолов О. «Олигархизм» — специфический феномен постсоветской трансформации российской экономики // Российский экономический журнал. 2004. № 2. С. 3–9.
- Бутрин Д. Как товарищ чек стал господином ваучером // Коммерсантъ Деньги. 2002. 17 июля.
- Витин А. Приватизация и инвестиционная активность // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 33–44.

⁵² Мифология приватизации // Российская газета. 2010. 9 авг.

- Добренков В.И., Исправникова Н.Р.* Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 26–55.
- Дробишевская Т.А., Мау, В.А., Шахрай С.М., Яник А.А.* История экономики СССР и России в конце XX века (1985-1999). М.: Фонд современной истории, 2011. 272 с.
- Евстигнеева Л., Перламутров В.* Социализм как рыночная экономика: логика формирования // Вопросы экономики. 1990. № 12. С. 50–62.
- Клейменов М.П., Федоров А.Ю.* История приватизации в России с позиций криминологии // В сборнике: Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминологические аспекты Сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Новосибирск, 2019. С. 61–71.
- Козлов Н.Н.* Экономическая стабилизация и приватизация в России — альтернативы «шоковой терапии» // Деньги и кредит. 1994. № 1. С. 30–35.
- Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. М.: Алгоритм, 2003. 478, [1] с.
- Маляров О.В.* Приватизация как фактор эволюции экономической системы: опыт России и Индии // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2011): Материалы пятой международной конференции / под ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвирку. М., 2011. С. 191–199.
- Мау В.* Российские экономические реформы глазами западных критиков // Вопросы экономики. 1999. № 11. С. 4–23.
- Мифология приватизации // Российская газета. 2010. 9 авг.
- Никитин А.М.* Криминологические проблемы развития отношений собственности при переходе к рынку: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2000. 45 с.
- Островский А.* Расстрел «Белого дома». М.: Яуза, Эксмо, 2008. 638 с.
- Петраков Н.* Отношения собственности: анализ трансформации в переходной экономике // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 2. С. 13–20.
- Пиляева Л.* Отдать бесплатно. Докладная российскому президенту о наиболее разумном способе приватизации // Известия. 1992. 14 февр.
- Портрет отечественного холдинга // Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 9.
- Приватизация в России и других странах СНГ: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. М., 2003. 272 с.
- Приватизация в России глазами ученых // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 89–95.
- Радыгин А.* Приватизационный процесс в России в 1995 г. // Вопросы экономики. 1996. № 4. С. 4–17.
- Разуваева Н.Н.* Приватизация в России: национальные особенности // Вестник ВЭГУ. 2009. № 4(42). С. 52–64.
- Рогожников М.* Кухарка все-таки сможет управлять. Фондом приватизации // Коммерсантъ Власть. 1992. 17 авг.
- Федоров А.Ю.* Приватизация и манипулирование в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 143–145.
- Хинштейн А.* Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги. М.: ЛОРА, 2007. 666, [4] с.
- Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или история разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001. 379 с.
- Чубайс А.* Приватизация по-русски. М.: Вагриус, 1999. 365 с.
- Шляйфер А., Вишни Р.У.* Приватизация в России: первые шаги // Вопросы экономики. 1992. № 9. С. 18–25.
- Щеблыкин В.Н.* Результаты приватизации в России и их влияние на экономическую безопасность страны // Вестник Университета. 2008. № 4. С. 177–181.
- Эта «загадочная» аренда с выкупом // Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 10.

Аграрная история

Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX — начале XX вв.¹

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности развития сельского хозяйства России и аграрной политики самодержавия в конце XIX — начале XX вв. (до начала Первой мировой войны), а также дискуссия на эту тему в российской и зарубежной историографии. Автор приходит к заключению, что данная тема, несмотря на несомненные успехи в ее изучении, нуждается в дальнейшем исследовании, особенно на региональном уровне. На основе анализа разнообразных источников сделан вывод, что в рассматриваемый период основным содержанием развития сельского хозяйства страны стала его рыночная модернизация (капитализация). На ее осуществление была направлена вся аграрная политика самодержавия. Результаты этой модернизации оказались противоречивы: успехи сочетались с серьезными кризисными явлениями в районах преобладания крупного помещичьего землевладения.

Ключевые слова: Россия, сельское хозяйство, аграрная политика, самодержавие, аграрный кризис, урожайная статистика, «голодный экспорт».

Дискуссия в историографии

Состояние сельского хозяйства России и перспективы его развития в конце XIX — начале XX вв. остаются одной из наиболее дискутируемых тем в российской и зарубежной историографии. Содержание современных дискуссий по этой проблематике во многом является продолжением споров, которые вели экономисты, государственные и общественные деятели России в 1890–1900-х гг. о характере аграрного строя страны, причинах кризисных явлений, сдерживавших его развитие, результатах аграрной политики самодержавия и т.д.²

Как известно, советская историография в обоснование «материальных предпосылок» «Великой Октябрьской социалистической революции» защищала тезис об утверждении в аграрном строе России в начале XX в. капитализма, отстаивала положение о его многоукладности и отсталости. Советские историки были едины в признании факта аграрного кризиса как перманентного состояния сельского хозяйства страны в дореволюционный период³. Отсюда следовали выводы о провале столыпинской аграрной реформы, неизбежности крестьянской революции как реакции на антикрестьянскую индустриально-рыночную модернизацию⁴.

* Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru.

¹ Данная статья подготовлена в рамках работы над коллективным трудом ИРИ РАН «История России. В 20 томах».

² Подробнее см.: Беспалов С.В. Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX в. Современная историография. М., 2014. С. 61.

³ Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

⁴ Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М., 2011. С. 630–631.

Эти и подобные постулаты стали объектом критики со стороны ряда современных исследователей, сторонников радикального пересмотра концепций советской историографии. Например, М.А. Давыдов труды авторитетных советских историков-аграрников о проблемах дореволюционной деревни назвал «ноющей историографией», поскольку в них утверждалась отсталость сельского хозяйства страны и неспособность царизма разрешить аграрно-крестьянский вопрос⁵. В противовес им сам Давыдов выдвинул тезис об успешном развитии рыночных отношений в аграрной экономике России в начале XX в., «впечатляющих успехах» столыпинской аграрной реформы, росте благосостояния крестьянства. Он же подверг сомнению устоявшуюся в историографии оценку вывоза зерна из России в конце XIX — начале XX вв. как «голодного экспорта»⁶. Точку зрения Давыдова в целом разделяют Б.Н. Миронов, П. Грегори, ряд других исследователей, условно образовавшие группу «оптимистов», для которой кризисные явления в сельском хозяйстве России в рассматриваемый период прежде всего явились проявлением агрокультурного кризиса и кризиса натурального хозяйства в рамках в целом успешной аграрной модернизации, проводимой самодержавием⁷. Тем самым они бросили вызов «пессимистам» — советским историкам-аграрникам, отстаивавшим противоположную точку зрения, и их современным последователям.

«Оптимистический» взгляд на состояние дореволюционного сельского хозяйства обосновывается его сторонниками критическим подходом к традиционной источниковой базе, которую использовали и используют «пессимисты» для создания «ноющей историографии» об аграрном кризисе, «голодном экспорте» и т.п., а также введением в научный оборот новых источников. Прежде всего речь идет о статистике урожайности, собранной Центральным статистическим комитетом царского Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), Министерством земледелия и земствами. Давыдов, Миронов и ряд других исследователей⁸, основываясь на ее критической оценке, высказанной еще Д.И. Иванцовым, А.Ф. Фортунатовым, С.Г. Струмилиным и др.⁹, согласно которой урожайная статистика оказалась занижена на 7–19 %, заключили, что урожаи зерновых хлебов в России в предвоенный и предреволюционный периоды были вполне

⁵ См.: Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. исправ. и дополн. СПб., 2016. С. 7.

⁶ См. на эту тему: Давыдов М.А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 243–283.

⁷ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003; Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Изд. 3-е испр. и доп. Т. 1–2. СПб., 2003; и др.

⁸ И.Д. Ковальченко на основе работы Д.Н. Иванцова пришел к убеждению, что по ежегодным данным об урожайности «нельзя судить об уровне развития производительных сил в земледелии»: Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начале XX вв. М., 2004. С. 48.

⁹ См.: Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915; Струмилин С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 58–65; Фортунатов А.Ф. Урожай ржи в Европейской России. М., 1893.

достаточными, чтобы избежать голода и не допустить «голодного экспорта»¹⁰. Данный вывод Давыдов обосновывает результатами проведенного им анализа железнодорожных перевозок хлеба, размеры которых, по его подсчетам, превзошли ежегодные отчеты ЦСК МВД о погубернских валовых сборах зерновых культур¹¹. В качестве аргумента в пользу роста благосостояния крестьянства на рубеже XIX–XX вв. этот исследователь приводит данные об увеличении числа сберкнижек и денежных вкладов крестьян: за 1897–1913 гг. число сберкнижек сельского населения выросло в 5,8 раза (до 2,5 млн), а сумма вкладов в них — в 6,2 раза (до 480 млн рублей). В среднем по стране каждая десятая крестьянская семья имела сберкнижку¹². При этом Давыдов не отрицает наличия кризисных явлений в сельском хозяйстве России в предвоенные десятилетия, но видит их главную причину в сохранении крестьянской общины, ее негативном влиянии на крестьянство, формировавшим «иждивенческие» настроения на селе¹³.

Эти и другие оценки исследователей-«оптимистов» вызывают критику оппонентов. В историографии продолжается дискуссия относительно достоверности урожайной статистики и сложившихся в советский период оценок уровня развития сельского хозяйства царской России и благосостояния крестьян. Современные «пессимисты» (С.А. Нефедов, А.В. Островский и др.) приводят контраргументы в защиту урожайной статистики. Они указывают, что после выхода в свет статьи сотрудницы ЦСУ СССР Н.М. Виноградовой, доказавшей большую достоверность урожайной статистики ЦСК МВД по сравнению с другими статистическими данными¹⁴, известный советский экономист А.Л. Вайнштейн¹⁵ отказался от применения поправки в +19 процентов к дореволюционным урожаям хлебов, использованной С.Г. Струмилиным¹⁶. Затем в своих расчетах данных урожаев от такой поправки отказался и Госплан СССР, вернувшийся к статистике ЦСК МВД¹⁷.

К заключению, что урожайные данные ЦСК «достаточно надежны», в результате проведенного анализа противников этой позиции — советских эконо-

¹⁰ См.: Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; *Его же*. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России. С. 243–283; Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX вв.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3. С. 81–95.

¹¹ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. С. 64–65; *Его же*. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. М., 2010. С. 69–71; *Его же*. Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX в. // О причинах русской революции. М., 2010. С. 227.

¹² Давыдов М.А. Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138.

¹³ Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв.; *Его же*. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. С. 456–473.

¹⁴ Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика (организация и методы) // Вестник статистики. 1925. № 10–12 (Кн. XXIII). С. 29–84; 1926. № 1–6. (Кн. XXIV). С. 51–104.

¹⁵ Струмилини С.Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5. С. 58–65.

¹⁶ Вайнштейн А. Эволюция урожайности зерновых культур до войны и перспективы ее развития в будущем // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 81–100.

¹⁷ Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 18.

мистов Н. Аделунга¹⁸, С.А. Клепикова¹⁹ и др., а также изучения разнообразных источников пришли такие признанные в научном сообществе знатоки российской статистики и экономики, как Р. Дэвис и С. Уиткрофт²⁰. Этой же позиции придерживался авторитетнейший исследователь аграрной истории России XIX в. И.Д. Ковальченко, видевший недостатки правительственной урожайной статистики, но рассматривавший ее «как наиболее систематический и наиболее полный набор данных»²¹. Предпочтение урожайной статистики ЦСК МВД другим источникам в разделе о состоянии сельского хозяйства России в 1913 г. отдано А.М. Анфимовым и А.П. Корелиным, составителями статистико-документального справочника «Россия. 1913 год»²². О большей надежности правительственной урожайной статистики рассматриваемого периода, «чем аналогичные статистики в предшествующий и последующий исторический период», указывает ее современный исследователь И.А. Кузнецов²³.

Следует отметить, что сторонники признания собранных ЦСК МВД сведений об урожайности хлебов наиболее приближенными к действительности не отрицают возможности их незначительной корректировки в сторону повышения. Например, С. Уиткрофт признает обоснованную корректировку в пределах 7-процентной надбавки, которую в свое время предложил А.Ф. Фортуна-тов. Именно эта поправка и была введена самым авторитетным на сегодняшний момент западным исследователям дореволюционной экономики России П. Грегори при оценке величины урожаев хлебов в интересующий нас период²⁴.

В то же время Миронов априорно увеличил ее до 10 %, ²⁵ а Давыдов пошел еще дальше: сопоставляя данные ЦСК МВД о валовых сборах отдельных хлебов за отдельные годы в 11 губерниях с данными транспортной статистики об их вывозе из этих губерний в те же годы, он доводит корректировку до 50 % и более²⁶. При этом указанные авторы не учитывают еще одно важное обстоятельство, отмеченное их оппонентом А.В. Островским — значительные, от 15 до 23 %, потери зерна при уборке урожая. Это означает, что ЦСК МВД в определенные годы и на определенных территориях мог оперировать данными биологического урожая (на корню), который в реальности (в амбарном виде) оказался иным, меньшим — из-за засухи и по другим причинам. Но данные биологического урожая уже были зафиксированы ЦСК МВД, а затем без учета указанного обстоятельства могли использоваться исследователями для надбавок в сторону увеличения урожайности²⁷.

¹⁸ *Аделунг Н.* Довоенная сельскохозяйственная продукция // Плановое хозяйство. 1925. № 11. С. 312.

¹⁹ *Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М., 1920.

²⁰ *Wheatcroft S.G., Davies R.W.* The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994. P. 25.

²¹ *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начале XX в. С. 44.

²² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

²³ *Кузнецов И.А.* Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история: Ежегодник. 2011/2012. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 190–228.

²⁴ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.).

²⁵ *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX вв.? С. 91.

²⁶ Подробнее см.: *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв.

²⁷ *Островский А.В.* Зерновое производство в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 200.

Оппоненты «оптимистов» нашли изъяны в исследованиях Д.И. Иванцова и С.А. Клепикова, концептуальные выводы которых по поводу достоверности урожайной статистики ЦСК МВД «оптимисты» используют в своих оценках уровня развития сельского хозяйства России в дореволюционный период. В частности, установлена недостаточная репрезентативность исследований указанных авторов. Например, Иванцов свое исследование урожайности ржи провел всего по 18 губерниям, а Клепиков и того меньше — по 13 из 78 губерний, 21 области и двум округам Российской империи. Исходя из этого, по-справедливому заключению С.А. Нефедова, их данные не могут быть распространены на всю территорию страны, в отличие от урожайной статистики ЦСК МВД²⁸.

М.И. Роднов поставил под сомнение оценку М.А. Давыдовым статистики железнодорожных хлебных перевозок как наиболее достоверной в определении размеров урожая основных хлебов в России в конце XIX — начале XX вв. Он указал, что Давыдов в своих расчетах ограничился анализом сводных ежегодных данных железнодорожных перевозок хлеба, которые не позволяют точно установить откуда, куда и в каком количестве он перевозился, сколько его было из урожая конкретных губерний и не являлся ли он остатком (запасом) прежнего урожая. При подобном подходе могло случиться так, что в урожай текущего года конкретной губернии попадал хлеб из другой губернии или из запасов предшествующих лет. Отсюда и возможность для его завышенной оценки, по сравнению с официальными данными ЦСК МВД.

Чтобы разрешить данное противоречие, необходимо показать динамику хлебных перевозок по конкретным железным дорогам. Давыдов не сделал этого, что ставит под сомнение точность его расчетов и указывает на необходимость дальнейшего исследования материалов транспортной статистики хлеба по отдельным железным дорогам с акцентом на изучение ситуации в конкретных губерниях²⁹. В последнем случае необходимо более активно привлекать материалы региональной статистики, в первую очередь, земской, которую исследователи-«оптимисты» фактически игнорируют³⁰.

К числу других недостатков их исследовательских методик следует отнести, с одной стороны, предвзятость при выборе источников, а с другой — игнорирование огромного их массива, как правило, привлеченного «пессимистами», но не вписывающегося в предложенную ими («оптимистами») концепцию. Особенно ярко эти недостатки представлены в трудах Давыдова. Игнорируя многочисленные факты о голоде и нужде широких масс сельского населения, зафиксированные в том числе в документах официального делопроизводства, он отдает предпочтение тем источникам, в которых рисуется иная картина и которые возлагают ответственность за проблемы сельского хозяйства исключительно на селян, объясняя их крестьянской ленью, пьянством, негативным влиянием общины. По сути это — воспроизводство официальной точки зрения царского правительства. Для Давыдова она убедительнее, чем свидетельства

²⁸ Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. С. 11–17.

²⁹ См., напр.: Роднов М.И. В поисках золотого ключика // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 228–235.

³⁰ Там же.

огромной массы других источников, ставящих ее под сомнение, и в этом заключается суть его научной концепции. Не случайно, в качестве основополагающего документа на тему голода, крестьянской лени и пьянства, а также источника, иллюстрирующего успехи продовольственной политики самодержавия, Давыдов привлекает труды министра земледелия и государственных имуществ при Александре III и Николае II А.С. Ермолова, в которых указанные сюжеты интерпретируются в «правительственном духе». Об этом можно судить хотя бы по названию одного из разделов главного труда министра — «Преувеличенность слухов о голодании населения»³¹.

Методологические и источниковедческие проблемы исследователей «оптимистического направления» диктуют необходимость критического подхода к содержащимся в них оценкам при анализе ключевых аспектов истории сельского хозяйства России и аграрной политики самодержавия в рассматриваемый период. В то же время, нельзя не признать, что в них представлен значительный массив достоверной информации о питании сельского населения, государственной системе продовольственной помощи, развитии кооперации, снабжении крестьянских и помещичьих хозяйств сельскохозяйственными орудиями и техникой, хлебной торговле и др.

С другой стороны, необходим критический подход по ряду важных аспектов рассматриваемой проблемы и к трудам историков-«пессимистов», которые не всегда убедительны в своих оценках. Примером тому является продолжающаяся в историографии дискуссия о голоде 1891–1892 гг. и «голодном экспорте» как знаковых явлениях в аграрной экономике и повседневной жизни сельского населения дореволюционной России. Советские историки и их современные последователи развивают тезис о «голодном экспорте» как об осознанной политике самодержавия, которое «организовало голод», продолжая экспорт хлеба в неурожайные годы. При этом неурожай и голодные годы характеризуются ими как наиболее яркое проявление аграрного кризиса дореволюционной России, который в конечном итоге завершился революционными потрясениями³².

Более взвешенную позицию в данном вопросе занимает одна из самых авторитетных исследователей экономики России второй половине XIX — начала XX вв. Т.М. Китанина. В понятие «голодный экспорт» она вкладывает другое содержание: более высокие темпы продажи за рубеж русского хлеба в указанный период по сравнению с темпами роста валовых сборов основных зерновых культур. Сложившуюся ситуацию она обосновывает сравнением душевых норм обеспечения хлебом сельского населения США и России в условиях массового вывоза этими странами хлеба за границу. В США душевые нормы были в не-

³¹ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Т. 1. СПб., 1909. С. 418–417.

³² См.: Егизарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 58–60, 83–93; Арзуманян А.А. Аграрный кризис 80–90-х годов XIX в. в России // Экономические проблемы общественного развития. М., 1968. С. 19–186; Соколов Н.П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 3, 19; Нефедов С.А. О связях демографических показателей и потребления в России конца XIX — начала XX в. // Российская история. 2009. № 2. С. 155–162; Белянин Д.Н. Агркультурный кризис в России на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, 2014. С. 49; и др.

сколько раз выше, чем в России, при почти равной конкуренции двух стран на мировом зерновом рынке³³. Но сельские жители США в рассматриваемый период не знали голода, а в России, вызвавшей хлеб в огромных объемах, неурожай и голодные годы были постоянным явлением (в 1892, 1897–1898, 1901, 1905, 1906–1908, 1911 гг.)³⁴. Недоедание современники признавали характерной чертой дореволюционной русской деревни³⁵. На наш взгляд, оценка российского хлебного экспорта в конце XIX — начале XX вв. как «голодного» в интерпретации Китаниной убедительна и может быть принята, но с оговоркой, что в данном случае автор не поддерживает приведенную выше версию о буквальной «организации голода» царским правительством с помощью экспорта хлеба. Феномен голода должен рассматриваться в более широком контексте, как проявление разноплановых факторов: влияния природных причин, низкого уровня сельскохозяйственного производства и т.д. Такая позиция не означает отрицания ответственности самодержавия за регулярно поражавшие Россию голодовки, но мера этой ответственности должна быть научно обоснована с учетом имеющихся знаний о существовавшей в стране в дореволюционный период системе продовольственного снабжения населения в неурожайные годы и предпринятых властью мерах по борьбе с голодом и кризисными явлениями в сельском хозяйстве.

На эту тему заслуживают внимания работы Давыдова, который привел убедительные факты активных действий царского правительства по оказанию помощи крестьянству в годы неурожая. Они опровергают устоявшуюся в советской историографии и в ряде современных работ «пессимистов» оценку этих действий как крайне неэффективных или направленных лишь на сохранение «порядка и спокойствия», а не на оказание помощи голодающим³⁶. Давыдов установил, что за 1891–1900 гг. из средств казначейства и общеимперского продовольственного капитала на поддержку населения в годы неурожая (суды продовольственные и семенные, на прокорм скота и т.п.) было отпущено 230 млн руб. Из них население вернуло государству лишь около 19 млн руб., а остальные долги были аннулированы³⁷. Однако вывод Давыдова о существовании «продовольственной системы, гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы», слишком категоричен и нуждается в уточнении, хотя

³³ См.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 6, 74–77, 121–124; *Ее же*. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 103–110, 173–192.

³⁴ Подробнее см.: Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 530–535.

³⁵ См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998. С. 3.

³⁶ См., напр.: Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 119–120; Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929). М., 2012. С. 399; Чудов С.И. Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестник алтайской науки. 2014. № 2–3. С. 300–303; Фоломеев С.Н. Власть и общество в условиях кризиса: социальные последствия голода 1891–1892 годов в Самарской губернии // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 76; и др.

³⁷ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. С. 121.

бы потому, что в голодные годы в эпицентрах голода «нормальное питание» было невозможно в принципе³⁸.

Позицию М.А. Давыдова в оценке действий царского правительства в условиях «царя—голода» 1891—1892 гг. поддержал В.Н. Круглов, назвавший выводы советских историков о бездействии властей во время этого бедствия «откровенно фальсификаторскими». Он отметил высокую эффективность мер правительства и земств по преодолению голода (организация общественных работ, предоставление пособий хлебом и деньгами, смягчение государственных повинностей и т.д.)³⁹. Но высокую оценку Кругловым деятельности земств по организации помощи голодающим разделяют не все современные исследователи, которые указывают на многочисленные недостатки в их борьбе с последствиями голодовки⁴⁰. По нашему мнению, следует продолжить изучение данного аспекта проблемы с акцентом на конкретные регионы.

То, что позиция советских историков-аграрников и современных «пессимистов» по вопросу «голодного экспорта» нуждается в корректировке, показано в публикациях, посвященных международной помощи России во время «царя голода» 1891—1892 гг. Т.М. Китанина и В.В. Носков отметили, что 1891—1892 гг. стали временем первой в отечественной истории масштабной гуманитарной (продовольственной) помощи со стороны США⁴¹. Об этом же говорится в работах В.И. Журавлевой и Д.М. Нечипорука, в которых охарактеризована деятельность американских благотворительных обществ, собравших значительные средства в пользу голодающего населения России⁴².

Данный факт контрастирует с позицией советского правительства во время голода 1932—1933 гг., не признавшего его и отказавшегося от международной помощи⁴³. Это еще один аргумент против однозначно негативной оценки деятельности самодержавия в период неурожая и голодных лет в стране. Его привел Давыдов, справедливо указавший на принципиальное отличие голодных лет в царской России от голодных трагедий в России советской⁴⁴. Но такое заключение не должно служить основанием для сомнений относительного самого факта голода и тяжелого продовольственного положения значительной массы крестьянства в период, предшествовавший Великой российской революции.

³⁸ Давыдов М.А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX — начале XX в. С. 276.

³⁹ Круглов В.Н. Царь голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества Т. 11(159): Правда истории. М., 2011. С. 90.

⁴⁰ См., напр.: Рогожина А.С. Формирование системы продовольственного обеспечения в русской деревне в 30–90-е годы XIX века (по материалам Орловской и Тамбовской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013; и др.

⁴¹ Носков В.В., Китанина Т.М. Америка и русский голод 1891–92 гг. // Russian Food Market. New York; Moscow; St. Petersburg. 1995. № 1. P. 54–57.

⁴² Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы 1881–1914. М., 2012. С. 209–258; Нечипорук Д.М. «Что американцы могут сделать для России?». Агитация Американского общества друзей русской свободы и журнал «Free Russia» (1891–1894 гг.) // Исторический ежегодник. 2008: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 137–150.

⁴³ Подробнее см.: Голод в СССР: В 3 т. Т. 3. Лето 1933–1934. М., 2013. С. 469–562.

⁴⁴ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. С. 15.

При анализе состояния сельского хозяйства России в конце XIX — начале XX вв. в отечественной историографии используется такое понятие, как «аграрный кризис». Речь идет о кризисных явлениях, действительно имевших место в аграрной экономике страны и российской деревне. С этим согласны и «пессимисты», и «оптимисты». Но они совершенно по-разному трактуют причины кризисных явлений и их глубину, а также результаты аграрной политики самодержавия, направленной на их преодоление. В результате, по точному наблюдению Н.Л. Рогалиной, в историографии сформировались две концепции аграрного кризиса. Первая — натурально-хозяйственная, или «теория малоземелья», рассматривающая главной причиной кризиса малоземелье как результат недостаточного наделения землей крестьян при освобождении от крепостной зависимости, кабальных условий аренды помещичьих земель и т.д. Вторая — народнохозяйственная, или «производственная», в рамках которой кризис рассматривается как агрокультурный, как кризис натурального хозяйства⁴⁵. Первую поддерживают «пессимисты», вторую — «оптимисты».

Среди исследователей, занимающихся данной проблемой, существует взгляд на этот кризис как на сугубо экономическое явление, связанное с мировым перепроизводством сельскохозяйственной продукции, имевшим вполне конкретные временные рамки. Кризис начался в странах Западной Европы и ряде американских штатов в 1870-е гг. и обрушил цены на хлеб на мировой рынок. В конце 1870-х гг. он дошел до России и также привел к значительному падению хлебных цен на протяжении 1881—1895 гг.⁴⁶ Затяжной характер аграрного кризиса в России был обусловлен трудностями перехода аграрной экономики на рыночные («капиталистические») отношения. В то же время, по точной оценке Китаниной, этот кризис явился стимулом и катализатором «общих институциональных преобразований, способных оздоровить рыночные отношения и затрагивающих интересы как помещичьего, так и крестьянского хозяйства»⁴⁷. Мы разделяем эту точку зрения. Она правомерна и потому, что сведения о динамике сельскохозяйственного производства в предшествующие Первой мировой войне десятилетия не подтверждают тезис о непрекращавшемся и нараставшем кризисе аграрной экономики России, особенно в период столыпинской аграрной реформы.

На наш взгляд, успехи российских и зарубежных исследователей в изучении сельского хозяйства России в конце XIX — начале XX вв. несомненны. Но фактически все поднятые ими проблемы нуждаются в дальнейшем осмыслении. Незакончен и вряд ли закончится вообще спор между «пессимистами» и

⁴⁵ Рогалина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 14. С. 53–60.

⁴⁶ См., напр.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. С. 38, 39.

⁴⁷ Китанина Т.М. «Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883–1887 гг.)» — важный источник по аграрной истории России последней трети XIX века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: В 2-х кн. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 238–239.

«оптимистами». Необходимо сместить акценты в этом споре в сторону более основательного изучения источников, характеризующих самые важные аспекты проблемы прежде всего на региональном уровне (в каждой губернии, уезде, волости и селении): Россия — огромная страна с разными климатическими и экономическими зонами, многоукладной экономикой.

Важность регионального подхода в изучении развития сельского хозяйства России в конце XIX — начале XX вв. для оценок его общего уровня и объяснения причин существовавших тогда в российской деревне кризисных явлений можно проиллюстрировать на примере железнодорожного строительства. Во второй половине XIX в. проведение железных дорог в основных сельскохозяйственных районах страны создавало условия для их более активного вовлечения в хлебную торговлю. Но результаты этого процесса были разными в различных регионах. Например, проведение Самаро-Златоустовской железной дороги способствовало возникновению в прилегающих к ней волостях Уфимской губернии сотен новых поселений, пшеничных полей, мельниц, крупных торговых центров. Но в нечерноземных губерниях, где также шло железнодорожное строительство, результат был иным: приход железной дороги подрывал местное сельскохозяйственное производство, поскольку создавал условия для ввоза с востока и юга дешевого и качественного зерна.

Примером успешного регионального подхода к изучению проблемы являются работы М.И. Роднова, посвященные сельскому хозяйству Уфимской губернии в дореволюционный период⁴⁸. В какой-то мере он повторил исследовательский путь А.М. Анфимова, комплексно изучив на огромном массиве достоверных источников аграрную экономику пореформенной России, но только на региональном уровне. Это позволило ему аргументированно выступить с критикой одного из лидеров «оптимистов» Давыдова, вызвав ответную реакцию с его стороны. Состоявшаяся между ними дискуссия — одно из важных событий в историографии проблемы⁴⁹.

Исходя из анализа историографии проблемы и изученных документов и материалов автор настоящей статьи предпринимает попытку показать динамику сельскохозяйственного производства в России в конце XIX — начале XX вв., определить его особенности и общий уровень развития к началу Первой мировой войны. В статье предпринимается попытка оценить аграрную политику самодержавия в указанный период с точки зрения ее эффективности. Авторские заключения и выводы не претендуют на бесспорность и категоричность. В статье затронуты лишь наиболее важные, по мнению автора, аспекты проблемы.

⁴⁸ См.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; *Его же*. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв. Уфа, 2012; *Его же*. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013; *Его же*. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017; и др.

⁴⁹ См.: Давыдов М.А. Осторожнее со статистикой. С. 129–138; Роднов М.И. В поисках золотого ключика. С. 228–235.

Динамика сельскохозяйственного производства

На рубеже XIX–XX вв. Россия оставалась аграрной страной, в экономике которой сельское хозяйство продолжало играть ведущую роль, несмотря на набиравшую темп индустриализацию. К началу XX века достигли предела роста пригодные для земледелия земли. Согласно земельной переписи 1905 г., их площадь составляла порядка 440 млн дес. Значительная часть этих земель была занята лесами, тундрой, болотами, горами и была малопригодна для сельскохозяйственного использования. Почти $\frac{2}{3}$ таких земель находилось в северных губерниях — Архангельской, Олонецкой, Вологодской. Из общей площади пригодных для земледелия земель 138,7 млн дес. приходилось на наделно-общинное крестьянское владение, 101,6 млн находились в частной собственности. Остальные 154,7 млн дес. принадлежали кабинету, уделам, казне и другим государственным учреждениям. О структуре пригодных для сельского хозяйства земель и их размещении дает представление Таблица 1.

Таблица 1.

Учтенная площадь земель под важнейшими сельскохозяйственными культурами, естественными сенокосами и лесными угодьями, находящихся в пользовании в 1913 г. (в тыс. дес.)

Регионы	Территория	В %% к общей территории	Площадь об-раб. земель	В %% к общей площади пашни	Луга и пастбища	В %% к общей площади лугов и пастбищ	Леса	В %% к общей площади лесов
Европейская Россия (51 губ.)	442 782,1	22,2	78 808,1	72,9	22 198,2	61,57	142 060,9	35,4
Польша	10 384,8	0,5	5 312,5	4,9	857,4	2,4	2 063,5	0,5
Кавказ	42 950,4	2,1	9 075,1	8,4	1 495,2	4,1	4 887,2	1,2
Сибирь	1 145 489,4	57,4	7 552,9	7,0	6 392,3	17,7	204 051,0	51,0
Средняя Азия	324 033,7	16,2	5 523,4	5,1	4 243,9	11,7	19 729,5	4,9
Финляндия	29 793,2	1,5	1 719,3	1,6	861,5	2,4	27 878,9	6,9
Итого	1 995 433,6*		10 7991,3		36 048,5		400 671,0	

* Включая неудобные земли в Европейской России на 1887 г. — 70 562,2 тыс. дес.

Источник: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 61.

Из приведенных в таблице данных следует, что накануне Первой мировой войны главным сельскохозяйственным регионом страны оставалась Европейская Россия, хотя и уступавшая по общей площади Сибири и не на много превосходившая территорию Средней Азии. Именно здесь были сосредоточены основные пахотные земли, луга и пастбища. Здесь же проживала основная масса сельского населения страны, задействованного в сельскохозяйственном произ-

водстве. К началу Первой мировой войны в почти 600 тыс. сельских поселениях Европейской России проживало более 100 млн чел. Численность сельского населения данного региона России за период с 1891 по 1915 гг. увеличилась на 51,6 %, или более чем вдвое. Основной прирост произошел в районах «позднего освоения» — Южном Степном и Юго-Западном, наиболее динамично развивавшихся, ставших объектами крестьянских переселений из других регионов страны⁵⁰. Данный факт подтверждается наибольшим приростом площади пашни в пореформенный период именно в указанных районах (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

Динамика площади пашни в Европейской России (1866–1912 гг.) (млн дес.)

Годы	Север	Запад	Центр	Юг	Всего
1866	17,3	19,6	37,5	14,4	88,8
1877	13,4	16,3	43,1	28,0	100,8
1881	14,4	16,7	44,1	31,5	106,7
1887	15,0	17,7	46,6	37,9	117,2
1901	14,1	19,1	47,9	39,2	120,3
1912	13,4	19,6	47,6	39,6	120,2

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 71.

На рубеже XIX–XX вв. для сельского хозяйства России были характерны различные типы развития. Их многообразие свидетельствовало о формировавшихся в это время отраслевой структуре и специализации аграрной экономики в результате развития рыночных отношений. Наиболее точная характеристика типов аграрного развития Европейской России дана в работах И.Д. Ковальченко⁵¹. Охарактеризуем их.

Первый тип, условно названный «нечерноземным», включал 19 губерний Нечерноземной полосы (от западных до приуральских включительно, кроме прибалтийских и столичных — Петербургской и Московской) и характеризовался низким уровнем земледелия (наименьшими посевами и сборами хлебов) и относительно высоким уровнем интенсификации скотоводства (наибольшим количеством продуктивного скота на десятину посевов). В этом районе были самые низкие цены на землю, наименьший размах имела аренда земли и фиксировалась самая невысокая арендная плата.

Второй тип («среднечерноземный») составляли 16 средне-южно-черноземных губерний, которые охватывали обширную территорию Черноземной зоны, простиравшуюся от Средней Волги до Бессарабии и Подолии. Сюда входила и принадлежащая к Нечерноземью Нижегородская губерния. Данный тип

⁵⁰ *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 53–54.

⁵¹ *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. С. 245, 249, 252.

аграрного развития отличался самыми низкими размерами наделов и наиболее высокими ценами на землю и арендной платой. В этом районе фиксировались самые высокие сборы хлебов и самые низкие цены на хлеб, наемный труд использовался с меньшей интенсивностью и размахом. При этом общий уровень и интенсивность продуктивного животноводства в районе были самыми низкими в Европейской России.

Третий тип («южностепной») включал шесть южных и юго-восточных степных губерний, охватывавших пространство от Бессарабии до Казахстана. В этой зоне «позднего освоения» были сосредоточены самые большие земельные наделы, наиболее широкое распространение получила аренда. Здесь же наименьшей была доля дворянского землевладения, шел процесс интенсивной распродажи частновладельческих земель. В плане сельскохозяйственного производства в данном районе были самые большие размеры посевов и сборы хлебов при самой низкой урожайности и высоком общем уровне продуктивного скотоводства (количество скота на душу населения). Район отличался широким применением наемного труда и самой высокой его оплатой, а также самой низкой долей безлошадных и однолошадных и высокой долей зажиточных дворов.

«Прибалтийский тип» аграрного развития был присущ Лифляндской, Курляндской, Ковенской и Эстляндской губерниям. В сфере земельных отношений их отличали от остальных территорий страны скромный размер надела, широкое распространение аренды, самая высокая доля дворянского землевладения, высокая урожайность и наибольшее количество продуктивного скота на десятину посевов. «Прибалтийский тип» характеризовался самым широким размахом и интенсивностью применения наемного труда, а также высокой долей зажиточного и относительно низкой — беднейшего крестьянства.

Петербургская и Московская губернии демонстрировали «столичный тип» аграрного развития, который в земельных отношениях характеризовался широкой продажей земли, высокими ценами на нее и самой низкой арендной платой за пашню. Кроме того, он отличался наиболее высокими ценами на хлеб, невысоким общим уровнем скотоводства (скота на душу населения и десятину посевов), сравнительно широким применением наемного труда и высокой его оплатой, наивысшей степенью пролетаризации деревни и наименьшей долей многолошадных дворов.

В конце XIX — начале XX вв. в результате открытия Транссиба новый тип аграрного развития стал утверждаться в Сибири, свободной от помещичьего землевладения и ориентированной на рынок. В это время Западная Сибирь превращалась в главный район маслоделия страны. Ежегодно в Европейскую Россию и за границу оттуда вывозилось по несколько миллионов пудов масла (в 1913 г. более 5 млн пудов)⁵². О значительных темпах развития сельского хозяйства Сибири в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, свидетельствует факт роста там численности сельского населения, которое за 1896–1913 гг. в Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерниях увеличилось почти вдвое — с 3 629,7 млн чел. до 6 915,0 млн⁵³.

⁵² Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951. С. 68.

⁵³ См.: Ежегодники России. 1904–1914. СПб., 1904–1914.

В рассматриваемый период в Российской империи появился регион рыночного хлопководства. Им стала Ферганская долина Туркестана благодаря проведению Закаспийской железной дороги и завоза в край американских сортов хлопчатника⁵⁴. В это же время внутри формировавшихся экономических зон возникали районы торгового скотоводства, льноводства, свеклосахарного производства, винокурения, картофельно-крахмального производства, маслосемянного производства, промышленного огородничества⁵⁵.

Утверждавшаяся в конце XIX — начале XX вв. отраслевая структура и формировавшаяся в этот период специализация аграрной экономики свидетельствовали о набирающей темпы рыночной модернизации сельского хозяйства страны. Но эти темпы были низкими, а связанные с модернизацией перемены в аграрной отрасли неоднозначными и противоречивыми. Например, в сельскохозяйственном производстве к началу XX в. по-прежнему преобладали экстенсивные методы, нарастало недовольство крестьян своим положением. В рассматриваемый период в России использовались три системы земледелия: переложно-залежная, трехпольная и многопольная (иначе: травопольная, или плодосменная), но преобладали самые отсталые — переложно-залежная и трехпольная⁵⁶.

К началу XX в. возможности развития сельского хозяйства страны по экстенсивному пути ограничивались исчерпанием резерва свободных земель. Аграрный сектор должен был пойти по пути интенсификации сельскохозяйственного производства, по которому уже шла Западная Европа. Россия в этом процессе значительно отставала, по мнению ряда исследователей, — «на целую историческую эпоху»⁵⁷. Решать проблему интенсификации следовало и потому, что в рассматриваемый период в стране нарастало недовольство крестьян своим положением, вылившееся в 1902 г. в аграрные беспорядки, а в 1905—1907 гг. в крестьянскую революцию. Такое заключение подтверждает анализ статистических данных динамики посевных площадей и валовых сборов основных зерновых хлебов (см. Таблицы 3—6).

Таблица 3.

Динамика посевных площадей зерновых культур в России по районам в 1881—1913 гг.

Районы	Площадь посевов (в тыс. дес.)			Рост площади посевов зерновых (в % к 1881 г.)	
	1881 г.	1901—1905 гг.	1913 г.	1901—1905 гг.	1913 г.
Степной район	410,7	1 015,1	2 491,8	247,2	606,7
Предкавказье	3 443,9	4 467,9	6 690,0	129,7	194,3
Западная Сибирь	3 273,7	3 262,5	5 869,6	99,7	179,3
Южный степной	9 939,0	15 378,7	17 343,6	154,7	174,5

⁵⁴ Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. С. 68—69.

⁵⁵ Там же. С. 72—75.

⁵⁶ Александров Н.М. Российские просторы и эволюция систем земледелия в пореформенной России // Мировое экономическое развитие и Россия, (XIX—XX вв.): Материалы Международной конф. М., 2009. С. 184—185.

⁵⁷ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 99.

Районы	Площадь посевов (в тыс. дес.)			Рост площади посевов зерновых (в % к 1881 г.)	
	1881 г.	1901–1905 гг.	1913 г.	1901–1905 гг.	1913 г.
Нижеволжский и заволжский	10 838,0	13 305,2	14 944,1	122,8	137,9
Северный	637,1	769,9	800,3	120,8	125,6
Южночерноземный	5 809,3	6 481,3	6 565,7	111,6	113,0
Прибалтийский	893,2	987,1	962,7	110,5	107,7
Западный	4 270,0	4 499,3	4 584,2	105,4	107,4
Средневолжский и заволжский	6 484,6	6 591,2	6 880,9	101,6	106,1
Северо-западный	1 438,4	1 389,1	1 323,0	96,6	92,0
Северочерноземный	10 435,6	10 003,8	9 797,2	95,9	93,9
Юго-западный	4 233,8	3 945,3	4 010,2	93,2	94,7
Промышленный	3 148,8	2 851,8	2 615,5	90,6	83,1

Источник: Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951. С. 84.

Из данных Таблицы 3 видно, что в предшествовавшие Первой мировой войне десятилетия центр производства зерновых культур сместился в район степного юга, заволжских степей, Предкавказья, Западной Сибири, где шла распашка земель. Наибольший рост площадей под зерновыми культурами отмечен в степном районе и Предкавказье, затем — в Западной Сибири, южном, нижеволжском и заволжском районах.

Основная масса посевных площадей была сосредоточена в губерниях Европейской России. За период с 1881 г и по 1913 г. они увеличились почти на 20 %. К началу Первой мировой войны их размеры достигли 78,2 млн дес. В рассматриваемый период увеличение площади посева имело место в 31 губернии, в 19 губерниях она сократилась. Сокращение произошло главным образом в северных губерниях, а увеличение — в южных. В западных площадь посева увеличилась на 4 %, в центральных — на 8 %, в южных — на 36 %. По отдельным южным районам «позднего освоения» рост посевных площадей выглядел следующим образом: Таврическая губерния — 11 %, Херсонская — 16 %, Екатеринославская — 32 %, Бессарабская — 33 %, Самарская — 39 %, Оренбургская — 54 %, Область Войска Донского — 56 %, Астраханская — 63 %. Накануне Первой мировой войны в этих губерниях было сконцентрировано 75 % всех посевов под хлебами. Но если в 1901–1905 гг. площадь посева в южных губерниях по сравнению с 1896–1900 гг. увеличилась на 18 %, то в 1906–1910 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием прирост составил уже 9 %, а в 1911–1915 гг. — всего 6 %. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах. Это указывало на факт исчерпания резерва свободных земель как в южных губерниях, так и в других регионах Европейской России к началу Первой мировой войны⁵⁸.

⁵⁸ Там же. С. 203.

В рассматриваемый период произошли изменения в структуре зерновых посевов, указывающие на коммерциализацию сельскохозяйственного производства (см. Таблицу 4).

Таблица 4.

Изменение структуры посевов в Европейской России (1881, 1911 гг.) (млн дес.)

	Посевная площадь				Разница	
	1881 год	%	1911 год	%	абс.	%
Рожь	23,5	37,0	24,1	31,0	0,6	2,6
Овес	12,7	20,0	14,2	18,4	1,5	11,8
Пшеница	10,4	16,4	19,4	24,9	9,0	86,5
Ячмень	4,6	7,2	8,5	10,9	3,9	84,8
Прочее	12,3	19,4	11,6	14,8	- 0,7	- 5,7
Всего	63,5	100,0	77,8	100,0	14,3	22,5

Источник: *Прегер Р.И.* Производство главнейших хлебов в России за двадцатипятилетие 1888–1912 гг. Пг., 1915.

Сведения таблицы показывают, что несмотря на сохранение к 1913 г. рожью позиции главной зерновой культуры (31% всех посевов хлебов), ее активно теснили ориентированные на экспорт и внутренний рынок пшеница и ячмень, посевы которых росли самыми большими темпами в южных губерниях и в 1913 г. заняли уже две трети всех посевных площадей хлебов⁵⁹. В начале XX в. волна пшеничной экспансии докатилась до Центрального сельскохозяйственного района, где посевы этой культуры в ряде губерний увеличились вдвое⁶⁰.

Динамика посевов под хлебами в Европейской России в предвоенный период отставала от роста населения, что вело к сокращению его обеспеченности посевами и служило еще одним подтверждением факта истощения возможностей экстенсивного развития сельского хозяйства в данных регионах, особенно в губерниях «позднего сельскохозяйственного освоения» (см. Таблицу 5).

Таблица 5.

Обеспеченность населения Европейской России посевами зерновых в 1896–1915 гг. (дес. посева на чел.)

Районы	Годы			
	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915
Север	0,39	0,37	0,32	0,28
Запад	0,49	0,46	0,42	0,39
Центр	0,74	0,71	0,65	0,61
Юг	1,04	1,12	1,10	1,04
Всего	0,66	0,66	0,62	0,58

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 206.

⁵⁹ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 182.

⁶⁰ Там же. С. 183–184.

Учитывая правомерность критики дореволюционной урожайной статистики, динамика валовых сборов основных хлебов (ржи, пшеницы, овса, ячменя) в рассматриваемый период охарактеризована на основе методики А.В. Островского, согласно которой урожайность показана не за каждый год, а в среднем за пятилетие (см. Таблицу 6). Средний показатель не предусматривает выяснения степени преуменьшения или преувеличения расчетов ежегодной урожайности ЦСК МВД. Но он дает возможность восстановить приближенные к реальности показатели этой урожайности, чтобы оценить их с точки зрения качественных изменений в динамике сельскохозяйственного производства в целом. При этом автор этих строк осознает необходимость продолжения исследовательской работы в направлении установления точных данных о размерах ежегодных дореволюционных урожаев зерновых хлебов в конкретных губерниях.

Таблица 6.

**Общий сбор зерновых культур в Европейской России
в 1896–1915 гг. по губерниям и пятилетиям (в тыс. пуд.)**

Губернии	Годы				Рост в %%
	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915	
Бессарабская	72 385	115 533	123 551	143 896	198,7
Донская	111 425	148 203	174 759	201 329	180,6
Херсонская	102 011	157 923	172 946	182 946	179,3
Харьковская	70 731	91 582	93 251	123 915	175,2
Екатеринославская	93 350	140 336	161 887	159 626	170,9
Таврическая	77 112	109 707	108 819	127 650	165,5
Астраханская	9 059	8 131	8 341	14 431	159,3
Самарская	107 604	123 008	130 424	170 339	158,3
Подольская	83 796	123 462	115 421	132 111	157,6
Оренбургская	48 963	67 432	69 775	76 017	155,2
Уфимская	63 866	86 016	96 038	97 312	152,3
Киевская	93 037	130 779	118 909	141 118	151,6
Полтавская	92 597	124 762	117 791	140 269	151,5
Воронежская	83513	101 033	92 717	122 118	146,2
Ковенская	34 550	40 528	44 544	48 914	141,5
Волынская	73 589	91 077	88 032	103 362	140,4
Курская	79 987	94 988	92 367	107 054	133,8
Могилевская	32 990	36 967	32 981	43 253	131,1
Минская	42 003	46 998	45 306	54 600	129,9
Гродненская	29 679	31 190	30 738	37 934	127,8

Губернии	Годы				Рост в %%
	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915	
Пермская	97 703	110 125	120 884	123 906	126,8
Черниговская	49 090	56 577	42 650	61 299	124,8
Псковская	24 395	21 309	23 748	28 677	117,5
Виленская	32 709	33 968	33 007	38 080	116,4
Орловская	56 361	64 130	61 601	64 850	115,0
Витебская	28 172	23 935	26 332	32 247	114,4
Тамбовская	110 380	122 081	119 789	125 646	113,8
Вологодская	25 780	28 073	26 704	29 063	112,7
Нижегородская	40 527	42 266	39 750	44 551	109,9
Смоленская	39 369	39 930	32 123	43 212	109,7
Тульская	50 451	54 591	51 903	55 354	109,7
Рязанская	54 470	54 585	57 732	59 659	109,5
Курляндская	22 164	25 062	24 684	24 145	108,9
Олонекская	5 504	5 353	5 816	5 978	108,6
Пензенская	57 859	57 111	61 636	62 518	108,0
Калужская	21 628	24 528	17 497	23 331	107,8
Казанская	73 637	78 476	74 182	79 260	107,6
Владимирская	30 243	31 620	27 044	31 987	105,7
Симбирская	57 513	60 491	58 833	60 711	105,5
Саратовская	101 003	95 866	98 156	104 540	103,5
Вятская	129 513	121 311	116 347	129 463	99,9
Новгородская	26 224	24 668	24 161	26 214	99,9
С.-Петербургская	12 950	11 456	12 213	12 913	99,7
Костромская	35 004	33 919	29 720	34 754	99,2
Московская	18 292	18 949	14 600	17 978	98,2
Архангельская	2 534	2 722	2 695	2 405	94,9
Тверская	37 644	33 397	28 524	34 453	91,5
Ярославская	25 089	23 166	18 662	20 221	80,6
Лифляндская	41 420	27 604	30 332	30 755	74,2
Всего	2 719 493	3 205 845	3 210 998	3 646 186	134,1

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 220.

На основе представленных в таблице данных о динамике валовых сборов хлебов можно констатировать прогресс в земледельческом хозяйстве России в конце XIX — начале XX вв., особенно в южно-черноземных губерниях, Степном районе и Предкавказье, где рост валовых сборов был наибольшим. В Европейской России особенно заметные темпы роста урожаев хлебов отмечены в 1906—1913 гг. Несмотря на недороды 1908 и 1911 гг., они достигли рекордных 3 млрд пуд. (или, согласно расчетам ряда исследователей, 5 млрд пуд.)⁶¹. Еще более быстрыми темпами росли сборы технических культур — хлопка, льна, сахарной свеклы и др.

Высоки были темпы роста урожайности на вновь осваиваемых землях Сибири и Средней Азии в годы столыпинской реформы. В это время в Сибири валовые сборы основных зерновых культур, по сравнению с 1901—1905 гг., выросли на 66 %, в то время как в Европейской России за этот же период — на 11 %. Главную роль в этом сыграла распашка новых земель столыпинскими переселенцами⁶². Азиатская Россия давала 9 % всех валовых сборов хлебов в стране.

Констатируя рост валовых сборов хлебов, следует отметить, что в это время рост урожайности, хотя и в небольшой степени, отставал от роста населения страны. По расчетам В.М. Обухова, с 1883 по 1914 гг. урожайность выросла на 52,5 %, а численность населения — на 59,1 %⁶³.

В конце XIX — начале XX вв. среди хозяйствующих субъектов наибольшая урожайность была отмечена в помещичьих хозяйствах. Она постоянно росла в последние предвоенные десятилетия, достигнув к началу Первой мировой войны 70 пудов с десятины ржи и 57 пудов — пшеницы (в 1900 г. 63 и 51 пуд., соответственно). В крестьянских хозяйствах урожайность была ниже, но и в них наблюдался небольшой прогресс. Накануне Первой мировой войны с десятины в крестьянских хозяйствах собиралось 59 пудов ржи и 50 пудов пшеницы по сравнению с соответственно 53 и 45 пудами в 1900 г.⁶⁴ Данный факт свидетельствует о том, что у помещика имелась возможность в неурожайные годы извлекать дополнительный доход от реализации зерна, придержав его нужное время. Для большинства крестьянских хозяйств этот способ обогащения был закрыт.

В целом прогресс в земледельческой отрасли России в рассматриваемый период был весьма скромным, если сравнивать его результаты с показателями урожайности в европейских странах, США и Канаде. В 1896—1914 гг. с десятины посева зерновых в среднем собирали: в Англии — 123,4 пуд., Голландии — 113,7 пуд., Дании — 110,6 пуд., Канаде — 87,1 пуд, США — 83,2 пуд., Венгрии — 83,1 пуд., Германии — 77,8 пуд., Австрии — 69,3 пуд., Италии — 57,5 пуд. В последнем предвоенном 1913 году урожай пшеницы с десятины посева составил в Бельгии 168 пуд., в Германии — 157, в Австрии — 89, а в России 55 пудов⁶⁵. Таким образом, урожаи зерновых культур в России, несмотря на их рост в преформенный период, оставались низкими. По этому показателю Россия далеко уступала европейским странам.

⁶¹ *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 221.

⁶² *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983. С. 240.

⁶³ *Обухов В.М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. // *Влияние неурожая на народное хозяйство России.* Ч. 1. М., 1927. С. 14—15.

⁶⁴ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. С. 32.

⁶⁵ Там же. С. 31.

Такой же неоднозначной ситуация была во второй основной отрасли сельскохозяйственного производства — животноводстве. С одной стороны, налицо был рост его валовых показателей, с другой, — темпы этого роста оставались низкими, уступая животноводству западноевропейских стран, США и Канады (см. Таблицы 7–11).

Таблица 7.

**Изменение численности скота в Европейской России
в 1894–1913 гг. (тыс. гол.)**

Виды скота	1894–1895	1896–1898	1899–1901	1902–1904	1905–1907	1908–1910	1911–1913
Лошади	16 860,7	18 889,8	19 842,0	20 542,2	20 576,0	21 382,6	22 240,4
Крупный рогатый скот (КРС)	24 296,9	30 135,4	31 502,7	31 966,1	30 461,7	30 497,7	31 338,0
Овцы и козы	38 683,0	47 128,1	45 076,4	48 289,3	43 828,8	41 091,4	41 909,7
Свиньи	9 010,3	12 719,0	11 848,8	11 693,7	11 634,7	11 589,4	12 916,5
Итого:	88 850,9	108 872,3	108 269,9	112 491,3	106 501,2	104 561,1	108 404,6
Население (тыс. чел.)	91 860	94 215	98 379	103 423	108 803	11 4590	119 800
Скот в переводе на КРС*	48 029,3	57 977,7	59 801,9	62 235,2	59 298,8	59 852,5	62 074,9
Скот в переводе на КРС на 100 чел.	52,3	61,5	60,8	59,2	54,5	52,2	51,8

* К расчетной штуке КРС приравнены 1 лошадь, 1 корова, 3 свиньи, 10 овец и коз (А.М. Анфимов).
Источник: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 91.

Из таблицы видно, что за 1894–1913 гг. в Европейской России поголовье всех видов скота увеличилось в 1,2 раза. При этом обеспеченность скотом на 100 чел. в пересчете на крупный рогатый скот возрастала лишь в отдельные годы, но незначительно, а к началу Первой мировой войны несколько снизилась. Иная ситуация сложилась в Сибири, где крестьяне оказались более чем вдвое обеспеченнее крупным рогатым скотом, чем в Европейской России⁶⁶. Причем рост поголовья всех видов скота (на 67,2 %) произошел в регионе в 1905–1914 гг., т.е. в период проведения столыпинской аграрной реформы⁶⁷.

Как уже отмечалось, в это время Сибирь превращалась в центр российско-го маслоделия. Об успехах этой отрасли свидетельствовали огромные объемы экспорта масла (см. Таблицу 8).

⁶⁶ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. С. 241.

⁶⁷ Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 184.

Таблица 8.

Экспорт масла из России в 1901–1913 гг.

Вывезено масла	1901 г.	1902–1907 гг.	1907–1911 гг.	1912 г.	1913 г.
		в среднем за год			
Тыс. пудов	1 968	2 575	3 675	4 422	4 736
На сумму (тыс. руб.)	26 434	33 329	52 997	68 074	71 159

Источник: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 61.

Но успехи маслоделия не могли изменить общую негативную тенденцию — отставания животноводства от роста народонаселения страны и уровня развития животноводческой отрасли в европейских странах. В России оставался низким и продолжал снижаться один из главных показателей — обеспеченность скотом населения (см. Таблицу 9).

Таблица 9.

Количество голов скота на 100 душ населения по Европейской России

Продуктивный скот	Годы			
	1864	1876	1904	1913
Крупный рогатый скот	34,1	30,9	29,2	25,7
Овцы и козы	74,2	63,6	43,1	29,2
Свиньи	15,3	13,1	10,5	8,9
Итого в переводе на крупный рогатый скот	44,6	39,5	34,0	28,5

Источник: Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М., 1951. С. 116.

Данные таблицы фиксируют факт ухудшавшегося положения сельского населения Европейской России с обеспеченностью скотом в пореформенный период. Но подобная ситуация была характерна не для всех регионов. Например, в Прибалтике обеспеченность скотом на 100 сельских жителей в пореформенное время выросла на 38 %, в Средневолжском районе — на 17 %, в Нечерноземной полосе и в Центрально-земледельческом районе — на 7 и 8 процентов, соответственно. Однако при этом вся Черноземная полоса показала падение обеспеченности скотом на 4 %, что свидетельствовало о серьезном кризисе животноводства именно в этом районе⁶⁸.

Факт низкого уровня развития животноводства в России на рубеже XIX–XX вв. подтверждал рост числа безлошадных крестьянских хозяйств (см. Таблицу 10).

⁶⁸ Его же. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. С. 217.

**Распределение крестьянских дворов по числу лошадей
в 1888–1912 гг. (в млн)**

Группы крестьянских дворов по числу лошадей	Число крестьянских дворов				
	1888–1891 гг.	1896–1900 гг.	1912		1912 г.
			50 губерний Европейской России	78 губерний России	В %% к 1896–1900 гг.
Безлошадные	2,8	3,2	4,3	5,4	192,8
С лошадьми:					
1	2,9	3,4	4,3	5,1	175,8
2	2,2	2,4	2,9	3,4	154,5
3	1,1	1,1	1,9	1,3	118,1
4 и более	1,1	1,9	0,9	1,6	145,4
Всего:	10,1	11,1	13,4	16,8	166,3

Источник: Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914. М., 2017. С. 90.

За 1888–1912 гг. число безлошадных крестьянских дворов в России увеличилось почти в два раза при незначительном росте числа хозяйств с одной–двумя лошадьми. Данные Таблицы 9 показывают, что к началу Первой мировой войны 62 % крестьянских хозяйств работали на земле на чужой лошади либо на одной–двух своих. Подобная «оснащенность» тяглом, учитывая, что к концу XIX в. крестьянские хозяйства стали основными сельхозпроизводителями, оттеснив на второй план помещичьи хозяйства, свидетельствовала о низком уровне развития не только животноводства, но и всего аграрного сектора экономики.

Региональные особенности роста безлошадных хозяйств прослежены Анфиновым на материалах военно-конских переписей 1882, 1888–1891 и 1900–1905 гг. Согласно им, в начале XX в. безлошадными были от 50 до 60 % дворов в Киевской и Подольской губерниях; от 40 до 50 % — в Полтавской, Бессарабской и Нижегородской; от 30 до 40 % — во Владимирской, Волынской, Таврической, Рязанской, Харьковской, Ярославской, Херсонской, Астраханской, Московской; от 20 до 30 % — в Симбирской, Екатеринославской, Орловской, Черниговской, Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Гродненской, Тульской, Саратовской, Костромской, Курской, С.-Петербургской, Казанской, Олонецкой, Минской, Ковенской; от 15 до 20 % — в Вологодской, Тверской, Эстляндской, Новгородской, Псковской, Калужской, Пермской; от 10 до 15 % — в Вятской, Уфимской, Витебской, Самарской, Смоленской, Виленской, Лифляндской, Могилевской; менее 10 % в Оренбургской и Курляндской⁶⁹. Эти данные указывают на определенную закономерность — концентрацию безлошадных крестьянских хозяйств

⁶⁹ Там же. С. 152–153.

прежде всего в основных зернопроизводящих районах Европейской России, в большинстве «раннего освоения» и с засильем помещичьего землевладения.

Низкий уровень развития животноводческой отрасли России в рассматриваемый период подтверждает факт превышения импорта домашнего скота и животноводческой продукции над экспортом (см. Таблицу 11).

Таблица 11.

**Экспорт и импорт домашнего скота и продукции животноводства
из России в 1911–1913 гг.**

Годы	Домашнего скота		Сала		Шерсти	
	ввезено тыс. годов / на сумму в тыс. руб.	вывезено тыс. годов / на сумму в тыс. руб.	ввезено тыс. пудов / на сумму в тыс. руб.	вывезено тыс. пудов / на сумму в тыс. руб.	ввезено тыс. пудов / на сумму в тыс. руб.	вывезено тыс. пудов / на сумму в тыс. руб.
1911	36	2,5	2 912	28	2 033	853
	1966	168	14 174	212	42 692	7 969
1912	20	2,0	2 720	8	2 151	1 166
	1260	139	12 913	62	45 749	11 168
1913	12	7,7	2 497	23	2 414	1 050
	773	666	13 214	148	53 116	10 541

Источник: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 60.

О низком уровне развития российского животноводства в конце XIX — начале XX вв. можно судить по показателям обеспеченности скотом сельского населения в России в сравнении с другими странами. Крупного рогатого скота на 100 сельских жителей приходилось в тот период в России — 28,5 голов, в Венгрии — 28,9, Германии — 30, Австрии и Франции — 32,1, Дании — 88,8, Ирландии — 110,7. В конце XIX в. на 100 жителей Дании приходилось 45 коров, Канады — 38, Финляндии — 40, Швеции — 35, Норвегии — 34, России — 19,7. По свиньям эти показатели были еще хуже: в Дании — 90 голов, в Венгрии — 32,7, в Сербии — 29,7, в Ирландии — 27,5, в Германии — 25,5, в Австрии — 22,5, в Голландии — 22,4, в Бельгии — 18,9, в Румынии — 14,1, в Испании — 13,9, в Болгарии — 12,1, во Франции — 11,2, в России — 9,5. Не лучшей были и показатели по овцеводству: на 100 жителей в Болгарии приходилось 199 голов, Испании — 84; Ирландии — 82,3, Румынии — 72,8, Великобритании — 58,5, а в России — всего 44,9⁷⁰.

Единственный показатель, по которому Россия превосходила европейские страны (за исключением Дании), была обеспеченность сельского населения

⁷⁰ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. С. 216; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 439–440.

лошадьми. Последних в России на 100 жителей насчитывалось 19,7, в Румынии — 11,4, Ирландии — 11,2, Болгарии — 11, Венгрии — 9,6, Франции — 5,8, Германии — 4,9, Бельгии — 3,6, Великобритании — 2,9, Италии и Испании соответственно — 2,8, Сербии — 5,3⁷¹. Но этот показатель больше говорил не о прогрессе, а об отсталости сельского хозяйства России, по сравнению с европейскими странами, поскольку лошадь, а не механизированная сельскохозяйственная техника, оставалась в российской деревне главной тягловой силой.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о степени оснащенности сельского хозяйства России в конце XIX — начале XX вв. техникой. По мнению Давыдова, она была достаточно высокой и свидетельствовала об успехах в развитии аграрной экономики страны, особенно в период столыпинской реформы. Действительно, к началу Первой мировой войны в примерно 15 млн хозяйств насчитывалось около 2,7 млн сельскохозяйственных машин разного назначения — паровых молотилок, жаток-самосбросок, сенокосилок, жнеек, веялок. Ежегодное потребление сельхозтехники и использование усовершенствованного инвентаря (железных плугов, борон и т.д.) резко возросло и оценивалось в 131 млн руб., что в 26,2 раза превышало аналогичные показатели 1890 г. По железным дорогам перевозилось в среднем за год в 2,3 раза больше сельхозтехники, чем в 1894—1900 гг.⁷² Потребителями этих машин в большинстве выступали помещичьи экономии, а также зажиточные крестьянские хозяйства, в основном южных и юго-восточных губерний и Сибири. К началу Первой мировой войны парк российских сельскохозяйственных машин теоретически позволял механизировать посев зерновых примерно на треть, а уборку — почти на сто процентов.

Но за этими цифрами, на первый взгляд, свидетельствовавшими о значительном прогрессе сельского хозяйства дореволюционной России, скрывались серьезные проблемы: неравномерное распределение сельхозтехники по регионам и между отдельными хозяйствами на одной и той же территории, сохранение примитивных орудий труда (сохи) в огромной массе крестьянских хозяйств. В 1910 г. 489 тыс. жаток приходилось на 13,5 млн крестьянских и 115 тыс. — на 664 тыс. частновладельческих хозяйств. Следовательно, жатки имели 17,5 % частновладельческих и лишь 3,5 % крестьянских хозяйств⁷³. Накануне Первой мировой войны почти 50 % стоимости приобретенных сельскохозяйственных машин приходилось на южные губернии, 27 — на центральные, 16,5 — на западные и 6,5 — на северные⁷⁴. 53 % всей машинной техники концентрировалось в девяти южных губерниях: 24 % молотилок, 49 % веялок, 64 % сеялок и 83 % жаток. В результате на 26 губерний «раннего освоения» (губерний Центрального земледельческого района) приходилось менее 20 % всех сельскохозяйственных машин: 38 % молотилок, 17 % веялок, 12 % сеялок, 5 % жаток⁷⁵.

⁷¹ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 439.

⁷² Подробнее см.: Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте—Столыпина. С. 332—333, 511—519, 1058—1060; Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906—1914. М., 2017. С. 369—377.

⁷³ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 187.

⁷⁴ Там же. С. 128—129.

⁷⁵ Там же. С. 119.

Южные губернии превосходили северные по степени механизации посева более чем в 10 раз. Сибирь в 1906–1913 гг. поглощала до 15-ти и более процентов перевозимых по железным дорогам сельхозмашин⁷⁶.

Но это — усредненные, «валовые» показатели механизации сельскохозяйственного производства. На практике ситуация была иной. Островский, проанализировав обеспеченность сельхозпроизводителей сеялками в 1910 г., 60 % которых приходилось на южные губернии, а также социальную и территориальную неравномерность их распределения, заключил, что коэффициент механизации посева не был так высок, как об этом свидетельствуют валовые показатели. С учетом региональных особенностей, он должен быть понижен с 33 до 28 %. В результате максимально возможная степень механизации посева не могла превышать 25 %⁷⁷.

Еще более противоречива картина с использованием орудий обработки земли — плуга, сохи, косули, бороны. Давыдов приводит данные о том, что к началу Первой мировой войны из 14 млн орудий для вспашки железные плуги составляли 33,7 %⁷⁸ — доказательство того, что из страны «деревянной сохи и косули» Россия превращалась в страну «железного плуга и бороны».

Широкое распространение усовершенствованных орудий обработки земли в начале XX в. отрицать невозможно. Но если рассмотреть их распределение по регионам, окажется, что в Европейской России наиболее обеспеченными железными орудиями для подъема почвы оказались губернии «южной половины страны», вслед за ними — западные, включая польские. Например, в Южно-Черноземном районе 84,9 % пахотных орудий были железными. Но совершенно противоположной была ситуация в северных и центральных губерниях, где соответственно 92,3 и 73,7 % составляли деревянные косули и плуги. 5,3 % обрабатывающих орудий не превышала доля железных плугов в Средневолжском районе. В губерниях Черноземной полосы земледельческого центра (районах «старого освоения») по-прежнему господствовала соха, на долю которой приходилось 82,4 % всех почвообрабатывающих орудий⁷⁹.

Таким образом, учитывая вышеизложенные факты, не стоит преувеличивать достигнутый в предвоенные годы уровень механизации сельского хозяйства России, а также успехи в земледелии и животноводческой отрасли. Определенный прогресс состоял в валовых показателях сельхозпроизводства, развитии племенного животноводства в отдельных хозяйствах и районах, распространении сельскохозяйственной техники и агрономических знаний, интенсивных методов ведения хозяйства, увеличении доли технических культур и т.д. Позитивные сдвиги в развитии сельского хозяйства России в начале XX в. признавали современники. Например, С.Н. Прокопович отмечал, что при общем росте национального дохода в 1900–1913 гг. на 79,4 %, прирост в

⁷⁶ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. С. 511.

⁷⁷ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 188.

⁷⁸ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. С. 323–324.

⁷⁹ Там же. С. 512; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. С. 162–163.

сельском хозяйстве составил 88,5 %, а в промышленности — 83 %⁸⁰. По его же подсчетам, рост производства в сельском хозяйстве за тот же период составил 33,8 %⁸¹.

Прогресс в развитии сельскохозяйственного производства России в рассматриваемый период имел существенные региональные особенности. Успешнее развивались районы «нового освоения» без или незначительным помещичьим землевладением и свободными землями. За счет экстенсивных факторов — увеличения посевных площадей и успехов в производственной деятельности, они обеспечили развитие сельского хозяйства страны. В традиционных помещичьих губерниях России, где была сосредоточена основная масса сельского населения, ситуация была иной. Там успехи сельскохозяйственного производства были скромнее, меньше урожаи, обеспеченность скотом и сельхозорудиями. Неудивительно, что именно в этих губерниях нарастало крестьянское недовольство, и они стали эпицентрами крестьянских выступлений.

Коммерциализация земледелия. Экспорт хлеба. Голод

Главным вектором развития земледельческой отрасли сельского хозяйства России в пореформенный период была коммерциализация, ее вовлечение в рыночные «капиталистические» отношения. Показателями этого процесса являлись рост товарности зернового производства и экспорт хлеба. Если к концу 1861 г. товарная масса хлебов (отчуждаемая на продажу из общего валового сбора) составляла 18 %, то в начале XX в., по расчетам Н.Д. Кондратьева, она возросла до 30–33 % (см. Таблицу 12). В исследовательской литературе фигурируют и более высокие показатели товарности — 38, 43, 45 %⁸².

Таблица 12.

Товарность зернового производства Российской империи (1901–1913 гг.) (по расчету Н.Д. Кондратьева) (млн пуд.)

Годы	Сбор	Перевозки	Товарность
1901–1905	3 924,0	1 237,8	31,6
1906–1910	4 096,6	1 393,3	34,0
1909–1913	4 718,7	1 570,8	33,3

Источник: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.

⁸⁰ Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода по 50 губерниям Европейской России в 1900–1913 гг. М., 1918. С. 67.

⁸¹ Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1916. С. 69.

⁸² См.: *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции. Т. 1. 1908. С. 408–409; *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 287.

В предвоенные годы, по данным В.С. Немчинова, поступление на рынок основной массы товарного хлеба обеспечивали крестьянские хозяйства. Именно они стали главными хлебопроизводителями (см. Таблицу 13).

Таблица 13.

Участие в товарном зерновом рынке различных категорий сельского населения в 1909–1913 гг. (в %%)

	Валовой сбор	Товарный хлеб
Помещики	12,0	5,6
Кулаки	38,0	13,0
Средняки и беднота	50,0	7,4
Итого:	100,0	26,0

Источник: *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 198.

Исследователями установлено участие в зерновом рынке как губерний товарного зернового производства, так и потребляющих. Причем, если в одних губерниях товарность зернового производства оказывалась ниже среднего уровня, в других, имевших хлебные излишки, она поднималась выше 50-ти процентного уровня⁸³.

Рост товарности в производстве хлебов определялся потребностями экспорта, который в пореформенной России выступил своего рода локомотивом и катализатором развития земледельческой отрасли и всего сельского хозяйства. Его масштабы были впечатляющими в сравнении с дореформенным периодом. Если в 1821–1825 гг. во внешнеторговом обороте страны хлеб составлял 8 % всего экспорта, то в 1870-е гг. он превысил 50 % и в дальнейшем оставался на отметке 40–48 %, с отдельными колебаниями в ту или иную сторону (см. Таблицу 14).

Таблица 14.

Роль хлеба в российском экспорте (1876–1913 гг.) (млн руб.)

Годы	Весь экспорт	Экспорт хлеба	В %
1876–1880	534,7	291,1	54,4
1881–1885	578,5	308,6	53,3
1886–1890	665,7	342,6	51,5
1891–1895	628,0	306,3	48,8
1896–1900	698,9	322,8	46,2
1901–1905	941,4	464,9	49,4
1906–1910	1 204,6	556,5	46,2
1911–1913	1 543,4	628,6	40,7

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 273.

⁸³ *Челинцев А.Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. С. 12, 111.

Впечатляющими были физические объемы хлебного экспорта и средства, вырученные от его реализации на мировом рынке. В работах исследователей и статистических сборниках встречаются незначительные разночтения в цифрах на этот счет, но они не носят принципиального характера. Мы используем те, что, по нашему мнению, наиболее точны (см. Таблицу 15).

Таблица 15.

Вывоз важнейших хлебов из России в 1886–1913 гг. (в млн пуд.)

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Прочее	Всего	Стоимость (млн руб.)
1886	91,5	65,9	34,8	42,2	44,1	278,5	233,3
1887	135,2	78,2	61,2	59,1	59,2	392,9	322,7
1888	214,7	107,3	88,1	80,0	58,1	548,2	442,5
1889	190,5	84,3	70,1	65,8	55,9	466,6	376,3
1890	182,1	76,9	51,8	60,7	47,0	418,5	339,7
1891	176,4	68,0	46,0	46,0	55,1	391,5	354,3
1892	81,6	12,1	20,5	44,0	38,3	196,5	164,2
1893	156,2	32,2	56,8	111,2	47,6	404,0	296,0
1894	204,7	81,0	94,4	153,1	106,3	639,5	381,4
1895	237,2	91,3	66,7	108,3	71,2	574,7	335,9
1896	219,6	79,3	67,5	81,6	58,9	506,9	322,5
1897	213,3	73,5	43,6	89,4	69,2	489,0	353,9
1898	177,5	66,9	25,3	106,3	82,9	458,9	370,9
1899	107,1	60,7	28,5	74,5	75,0	345,8	260,4
1900	116,9	93,2	80,0	53,7	76,4	420,2	306,4
1901	138,5	82,7	80,3	77,6	86,9	466,0	345,0
1902	186,0	98,2	63,3	104,1	127,6	579,2	433,0
1903	254,8	82,2	59,5	145,5	108,4	650,4	480,2
1904	280,8	60,0	53,9	151,7	101,2	647,6	497,0
1905	293,7	59,7	127,1	138,0	77,3	695,8	569,1
1906	219,9	65,4	69,5	148,7	85,4	588,9	472,9
1907	141,3	45,2	26,1	132,6	121,9	467,1	431,2
1908	89,6	24,2	29,4	161,3	95,1	399,6	380,3
1909	314,3	35,5	74,6	219,2	117,1	760,7	750,1
1910	374,6	40,5	83,9	244,6	103,5	847,1	748,1
1911	240,5	53,9	85,1	262,6	182,0	824,1	739,5
1912	161,0	30,6	51,8	168,7	139,6	551,7	551,9
1913	203,3	39,5	36,6	239,7	131,8	650,9	594,5

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 366.

Показательны в плане иллюстрации тезиса о превращении хлебного экспорта в важнейшую статью дохода сельхозпроизводителей и государства следующие данные: в 1850–1860-е гг. экспорт хлеба из России составлял 67 млн пуд., в 1912–1913 гг. — 651 млн пуд.⁸⁴, т.е. больше почти в 10 раз; в 1861–1865 гг. тот же экспорт оценивался в 56,3 млн руб. (31 % от общей ценности вывоза), в 1906–1910 гг. его средняя ценность достигла 435,5 млн руб. (41,5 % от ценности всего экспорта)⁸⁵, т.е. вырученные средства увеличились в 7,7 раза. За предвоенное двадцатилетие (1894–1913 гг.) Россия выручила от продажи всех хлебных грузов огромные деньги — 10 361,7 млн руб., что составляло три годовых бюджета страны в 1913 г.⁸⁶

В натуральном выражении главным экспортным хлебом являлась пшеница. На ее долю приходилось более 30 % всего вывозимого из России хлеба. Второе место сначала занимала озимая рожь, но в 1890-е гг. она уступила место ячменю, который в последние предвоенные годы потеснил пшеницу, достигнув 33 % всего вывозимого Россией хлеба. В начале XX в. на эти две культуры приходилось почти две трети российского хлебного экспорта. К началу XX в. Россия прочно заняла ведущие позиции в мировом экспорте пшеницы (см. Таблицы 16, 17).

Таблица 16.

Вывоз из России важнейших зерновых культур (1886–1915 гг.) (млн пуд.)

Годы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Прочее	Всего
1886–1890	162,8	82,5	61,2	61,6	52,9	421,0
1891–1895	171,2	56,9	56,9	92,5	63,7	441,2
1896–1900	166,9	74,7	49,0	81,1	72,5	444,2
1901–1905	230,8	76,6	76,8	123,4	100,2	607,8
1906–1910	227,9	42,3	56,7	181,3	104,5	612,7
1911–1913	201,6	41,3	57,8	223,7	150,6	675,0

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 273.

Таблица 17.

Участие России в мировом экспорте пшеницы в 1906–1910 гг. (в %)

Страны	Мировое производство	Мировой экспорт
Россия	16,5	21,9
США	19,8	18,4
Аргентина	4,6	15,7
Канада	3,8	8,4
Австралия	2,1	5,8
Индия	8,9	4,7
Прочие страны	44,3	25,1

Источник: *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л., 1978. С. 160–161.

⁸⁴ *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 37.

⁸⁵ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. С. 40.

⁸⁶ *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. С. 110.

Если оперировать только валовыми показателями хлебного экспорта из России в конце XIX — начале XX вв., сложится благостная картина впечатляющих успехов ее сельскохозяйственного производства. Действительно, в это время Россия превратилась в одного из главного экспортера хлеба на мировом рынке, встав почти вровень с США и Канадой, а порой и превосходя их в объемах экспортируемой зерновой продукции.

Объемы экспортируемого хлеба затушевывают факт «аграрного кризиса», вокруг которого в историографии идет дискуссия. Он как бы исчезает, да и «царь-голод» почти не заметен. 1891—1892 гг. отмечаются небольшим снижением хлебного экспорта по сравнению с предыдущими годами (в 1891 г. — на 6,5 % и в 1892 г. — на 50 %) (см. Таблицу 14). Но если сравнить вывезенные в 1891—1892 гг. из царской России 588 млн пуд. с вывезенными в 1932—1933 гг. из СССР порядка 200 млн пуд., то эти почти 600 млн пуд. выглядят «зловеще»⁸⁷. В.П. Данилов рассуждал на эту тему: если бы 18 млн ц зерна не были бы вывезены из страны в 1932 г., по нормам благополучных лет, от голодной смерти удалось бы спасти 6,9 млн чел.⁸⁸ Но этого не произошло: миллионы людей погибли от голода. В 1891—1892 гг. вывезли намного больше хлеба, чем в 1932 г., и никто в неурожайных губерниях в эти годы от голода не умер и «голодного экспорта» не было? Могут ли факты оказания царским правительством помощи голодающим, а также роста благосостояния 10-ти или чуть больше процентов крестьянского населения быть аргументом для отрицания «голодного экспорта» и голода в дореволюционной России? Ответы на эти вопросы важны в контексте обсуждения в историографии главной проблемы — определения качественного состояния аграрного сектора экономики и эффективности проводимой аграрной политики самодержавия в предвоенные десятилетия. Поэтому кратко остановимся на проблеме голода 1891—1892 гг., связанном с ним хлебном экспорте, уровне жизни сельского населения.

Зная, что, по оценкам признанных в научном сообществе исследователей, в 1891—1892 гг. в России голодало от 25 до 30 млн чел., а излишняя смертность составила от 350 до 1 млн чел., и в это же время вывозилась за границу душевая норма потребления хлеба свыше 30 млн чел., можно ли не видеть связи между этими фактами?⁸⁹

Между тем, связь между душевыми нормами потребления хлеба и хлебным экспортом была очевидна для многих современников, занимавшихся голодом и хлебной торговлей в дореволюционной России. П.М. Лохтин, сопоставляя данные о потреблении хлеба на душу населения в России с аналогичными

⁸⁷ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1924—25 г. М., 1926. С. 22; *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 201—202; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. XV.

⁸⁸ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. М., 2001. С. 33—34.

⁸⁹ См.: *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. С. 116; *Зайцев В.* Влияние колебания урожаев на естественное движение населения // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 7, 32, 54; *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1: От реформы к революции. М., 1966. С. 44—62; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913): статистические очерки. М., 1956. С. 155—156, 158—160; *Robbins R.G.* Famine in Russia. 1891—1892. N.Y., 1975; *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 83—84, 90—91.

данными западноевропейских государств и США, установил, что по этому показателю Россия занимала одно из последних мест среди ведущих сельскохозяйственных стран, что свидетельствовало о низкой потребительной норме ее сельского населения. В частности, к началу XX в. чистый остаток хлеба на душу населения составлял в США 66,9 пуд., в Дании — 50 пуд., Канаде — 47 пуд., Аргентине — 33,8 пуд., Франции — 30,2 пуд., Германии — 24, 2 пуд., а в России — 22,4 пуд.⁹⁰ Почти одинаковый чистый остаток хлеба на душу населения в России и Германии говорит как будто об аналогичной ситуации в двух странах. Но это было не так. В то время как Германия импортировала хлеб и, таким образом, повышала уровень потребления, Россия, наоборот, его экспортировала и тем самым понижала его.

Исследователь международной торговли М.П. Федоров отметил, что Соединенные Штаты вывозили 8 % всего хлебного сбора, а Россия — 11,6 %. При этом уровень душевого потребления в США был почти втрое выше, чем в России. Федоров вполне обоснованно указал, что Россия напрягала «свою вывозную способность значительно больше Америки»⁹¹. О том, что вывоз хлеба из России достиг размеров, «не соответствующих ни увеличению площади посевов, ни усилению производительности земли», констатировалось в материалах комиссии В.К. Плеве, созданной в начале 1880-х гг. для выяснения причин падения хлебных цен⁹².

Приведенные факты, на наш взгляд, дают основание заключить, что в рассматриваемый период хлебный экспорт России не мог не понижать потребительскую норму сельского населения, особенно в период частых неурожаев. Учитывая региональные особенности неурожайных районов (отдаленность, бюрократизм или нерасторопность местной власти в организации помощи жертвам недорода и т.д.), можно не сомневаться в том, что для многих крестьян вывезенный за границу хлеб мог бы стать серьезным подспорьем в тяжелую годину и не допустить голода в их семьях и селениях.

Связь экспорта и продовольственного положения сельского населения весьма убедительно, на наш взгляд, обосновал А.В. Островский. Взяв за основу 18-пудовую норму среднегодового снабжения хлебом, он реконструировал продовольственный баланс Европейской России за период с 1896 по 1913 гг., т.е. уже после «царя—голода», когда зерновой экспорт ежегодно стабильно исчислялся сотнями миллионов пудов (см. Таблицу 14). По его расчетам, среднегодовой чистый сбор продовольственного зерна в указанный период достигал 2 055 млн пуд. Среднегодовая потребность в его потреблении по принятой душевой норме в 18 пуд. составляла 1939 млн пуд. Следовательно, остаток (избыток) равнялся 116 млн пуд, или 6 %. Но среднегодовой экспорт был равен 393 млн пуд. Это означало, что 277 млн пуд., или 70 % вывозимого зерна (две трети от остатка), составлял хлеб, необходимый для продовольственного обеспечения⁹³.

⁹⁰ Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами: Итоги к XX веку. СПб., 1901.

⁹¹ Подробнее см.: Федоров М.П. Обзор международной хлебной торговли: Докл. чл. Комис. М.П. Федорова. СПб., 1889.

⁹² Доклад председателя высочайше учрежденной в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883—1888 гг. СПб., 1892. С. 34.

⁹³ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 276.

О том, что экспорт зерна из России в конце XIX — начале XX вв. понижал уровень продовольственного обеспечения населения, свидетельствует рассчитанный тем же Островским хлебофуражный баланс Европейской России на 1861–1913 гг. (Таблица 18). Отметим, что недостатком аргументации Давыдова в пользу «голодного экспорта» является отсутствие в его работах подобных расчетов (хлебофуражных балансов).

Таблица 18.

**Динамика обеспеченности населения Европейской России
продовольственными хлебами (1896–1913 гг.)**

Годы	Чистый сбор продовольственных хлебов (в млн пуд.)	Численность населения (в млн чел.)	Чистый сбор на 1 чел. (в пуд.)	Обеспеченность на душу населения к продовольственной норме — 18 пуд. (100%)
1896	1 750	91,9	19,0	+106%
1897	1 397	93,4	15,0	– 83%
1898	1746	95,2	18,3	+102%
1899	1884	96,6	19,5	+108%
1900	1878	98,4	19,1	+106%
1901	1673	100,2	16,7	–93%
1902	2321	101,6	22,8	+127%
1903	2204	103,4	21,3	+118%
1904	2447	105,7	23,2	+129%
1905	1875	107,6	17,4	–97%
1906	1579	109,3	14,4	–80%
1907	1858	111,3	16,7	–93%
1908	1931	113,8	17,0	–94%
1909	2584	116,5	22,2	+123%
1910	2491	118,7	21,0	+117%
1911	1838	120,6	15,2	–84%
1912	2586	122,6	21,1	+117%
1913	2930	124,6	23,5	+131%

Источник: *Островский А.В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 249.

Даже если признать определенную заниженность использованных Островским данных урожайности ЦСК МВД, приведенные в таблице цифры одно-

значно указывают на снижение душевой нормы хлеба в неурожайные годы (1901, 1905, 1906, 1911), а точнее, — на недоедание и голод значительного количества крестьянских семей. При этом следует помнить, что экспорт зерна в неурожайные годы оставался стабильно высоким (см. Таблицу 14).

Связь хлебного экспорта с продовольственным обеспечением сельского населения хорошо видна в региональном разрезе. Как установил Островский, в 1896–1900 гг. продовольственные излишки имела 21 губерния района «позднего освоения» (Бессарабская, Воронежская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Херсонская и др.). В 29 губерниях «раннего освоения» (Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Гродненская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Минская, Могилевская, Московская и др.) существовал продовольственный дефицит⁹⁴. В неурожайные годы, в условиях продолжавшегося экспорта хлеба, снижение уровня потребления хлеба имело место во всех регионах. Но наибольшим оно было в потребляющих губерниях, а в тех, откуда вывозился хлеб. В 1902 и 1905–1906 гг. крестьянские волнения в первую очередь затронули именно эти губернии.

Основываясь на расчетах хлебофуражного баланса, Островский обоснованно заключил, что вывоз российского хлеба за рубеж представлял собой именно «голодный экспорт», а известная фраза министра финансов И.А. Вышнеградского: «Недоедим, но вывезем», точно отражала реальность⁹⁵. Мы разделяем позицию Островского. При этом отметим, что голодные годы конца XIX — начала XX вв. и голод советских времен были несопоставимы по масштабам страданий и количеству жертв. Дореволюционный голод был слабее по разным причинам: из-за более эффективной государственной помощи, деятельности общины как системы «коллективной безопасности» во время голода, а также российской общественности и зарубежных благотворительных организаций.

Точка зрения М.А. Давыдова об отсутствии в дореволюционной России «голодного экспорта» вызывает сомнение, если оценить ее и в контексте современной дискуссии о «геноциде голодомором» Украины сталинским руководством в 1932–1933 гг. Главный аргумент сторонников «геноцидной» точки зрения — большее число жертв голода, фактов людоедства и массовых захоронений погибших на Украине, чем в России (например, в Поволжье). В ответ их оппоненты указывают, что «соревноваться» по числу умерших от голода, людоедов и т.п. — аморально, поскольку это пляска на костях. Даже если признать, что в России от голода действительно погибло меньше людей, чем на Украине, это не означает отрицания факта самого голода. Или нужно установить некий «минимум» жертв, после которого можно говорить о «геноциде», «голодном экспорте» и т.д.⁹⁶ Сколько должно было умереть от голода 1891–1892 гг. крестьян на фоне огромного хлебного экспорта в предыдущие годы и во время самого голода, чтобы Давыдов и его единомышленники признали этот экспорт «голод-

⁹⁴ Там же. С. 251.

⁹⁵ Там же. С. 276–277.

⁹⁶ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд. доп. и перераб. М., 2018. С. 6–77.

ным»? Разве 300 или 500 тыс. человек, умерших в 1891—1892 гг. от недоедания и болезней в голодающих губерниях, мало? Именно столько сельских жителей пали жертвами «сталинского» голода 1932—1933 гг. в Поволжье, Центральном черноземном районе и на Южном Урале. Они погибли, потому что выращенный их руками хлеб был вывезен за границу. Конечно, «царские» и советские методы изъятия хлеба различались, но результат был один.

Доказательством существования в пореформенной деревне продовольственных затруднений является хорошо известный современникам факт использования крестьянами в пищу менее сытного, чем пшеничный и ржаной, «ячменного хлеба», а также «голодного хлеба» из суррогатов — отрубей, лебеды, жмыха, березки, костра и т.д. В некоторых губерниях суррогаты достигали 30—50 % потребляемого хлеба⁹⁷. На фоне недостаточно развитой системы здравоохранения это приводило к высокой смертности детей, эпидемиям, факты которых широко известны в историографии и не нуждаются в дополнительных доказательствах⁹⁸.

Низкий уровень жизни большинства российских крестьян в конце XIX — начале XX вв., несмотря на позитивные сдвиги в сельскохозяйственном производстве, зафиксирован в источниках, достоверность которых не может вызывать сомнений. На это указывали царские чиновники, правительственные комиссии, управляющие помещичьими имениями. Саратовский губернатор А.П. Энгельгардт, характеризуя состояние центральных земледельческих губерний, констатировал факт «частых неурожаев», которые пагубно сказывались на состоянии сельского хозяйства и положении крестьян⁹⁹. Учрежденная 16 ноября 1901 г. Комиссия для выяснения благосостояния крестьян центральных губерний («Комиссия центра») установила следующую динамику потребления зерна на душу сельского населения в пореформенный период: 1860-е гг. — 23,7 пуд., 1870-е гг. — 22,2 пуд., 1880-е гг. — 20,5 пуд., 1890-е гг. — 20,8 пуд.¹⁰⁰ Таким образом, уменьшение этих норм налицо. Об «отчаянном голоде», «толпах мужиков», требующих хлеба, повесившемся «с голода» крестьянине сообщал управляющий помещичьим имением в Тамбовской губернии весной 1902 г.¹⁰¹

В аналитической записке директора Департамента полиции А.А. Лопухина о крестьянских волнениях 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях, представленной Николаю II в декабре 1904 г., говорилось: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно уже не знавшие мясной пищи, мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанным на безвыходности положения и на том, что им по-

⁹⁷ Маресс Л.Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 67.

⁹⁸ Подробнее см.: Привалова Т.В. Быт российской деревни: (Медико-санитарное состояние деревни Европейской России): 60-е гг. XIX — 20-е гг. XX в. М., 2000.

⁹⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38. Симбирская губерния. СПб., 1903. С. 303.

¹⁰⁰ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб., 1903. С. 156—177.

¹⁰¹ Птушкин Г.М. Крестьянское движение в Тамбовской губ. накануне революции 1905 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. 50. Вып. исторический. Воронеж, 1957. С. 27—28.

мощи ждать не от кого»¹⁰². О том же шла речь в письме обер-прокурора Сената Г.Г. Коваленского управляющему Министерством юстиции С.С. Манухину относительно судебного процесса над участниками крестьянского движения в Валковском уезде Харьковской губернии¹⁰³. В отчете Департамента полиции за сентябрь 1911 г., подготовленном для министра внутренних дел, говорилось об ухудшении положения сельского населения в связи с недородом¹⁰⁴.

Своеобразной энциклопедией тяжелого продовольственного положения крестьян в начале XX в. являются крестьянские наказания в Государственную думу, собранные и опубликованные Л.Т. Сенчаковой¹⁰⁵. Вдумчивый исследователь, прочитав их, не усомнится в правомерности крестьянской оценки их реального «благосостояния», фактах недоедания и голода в российской деревне в рассматриваемый период.

Конечно, не все крестьяне голодали или жили впроголодь. Порядка 10 процентов или чуть больше не голодали, так как успешно вели свое хозяйство в условиях рыночной экономики. Гораздо лучше в плане продовольственного снабжения была ситуация в Сибири, на Юге России, где осваивались новые земли. Но все же для большинства крестьянских семей, сосредоточенных в историческом ядре российской государственности — Черноземном центре Европейской России — вопрос о хлебе насущным стоял очень остро. В конечном итоге именно они определяли судьбы всего крестьянства и сельского хозяйства страны.

Завершая разговор о голоде и уровне жизни крестьянства в конце XIX — начале XX вв., процитируем выдающегося историка-аграрника В.П. Данилова: «мы знаем, что в нашу деревню мясо и белый хлеб пришли в 20-х гг.»¹⁰⁶.

Крестьяне и помещики Черноземного центра: как зарождалась крестьянская революция

Исследователи Гражданской войны отметили важную закономерность: белые армии, успешно начав наступление на Москву, терпели поражение, едва подступали к границам традиционных помещичьих губерний. В момент приближения белых армий к их селениям или в период их временной оккупации настроения крестьян менялись в пользу советской власти — страх реставрации помещичьего землевладения оказывался сильнее ненависти к большевистским порядкам¹⁰⁷. Крестьяне именно Центрального земледельческого района составили ядро Красной Армии, которая разбила войска белых, 80 % которых составляло казачество вместе с уроженцами окраин, наиболее успешных в эконо-

¹⁰² Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М., 1998. С. 109.

¹⁰³ Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сборник документов. Харьков, 1961. С. 194.

¹⁰⁴ Крестьянское движение в России. Июнь 1907 — июль 1914. М., 1966. С. 270.

¹⁰⁵ См.: Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Ч. 1–2. М., 1994.

¹⁰⁶ Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 512.

¹⁰⁷ См.: Кондрашин В.В. Крестьянство в годы Гражданской войны: учебное пособие для магистратур вузов. Москва; Берлин, 2019. С. 418–446.

мическом отношении. Незадолго до этого те же крестьяне при поддержке своих собратьев в солдатских шинелях смели власть Временного правительства на местах и уничтожили достижения столыпинской аграрной реформы, поделив помещичью и частновладельческую землю поровну, по трудовой норме. По силам ли это было лентяям и пьяницам, развращенным общинными порядками, как считают историки-«оптимисты»? Или мы имеем дело не с Великой российской революцией, а с русским бунтом, «бесмысленным и беспощадным»?

Исследователь аграрной истории Франции Ойген Вебер отметил, что приезжая в город и общаясь с представителями власти, крестьяне утрировали свою «дикость» и «неотесанность», чтобы таким образом отбиться от назойливых чиновников, налоговых инспекторов, дравших с них три шкуры¹⁰⁸. Бюрократы же, оправдывая трудности сбора податей и стремясь снять с себя ответственность за недостатки во вверенной им области управления, либо «велись» на мужицкую хитрость (см. рассказ А.П. Чехова «Злоумышленник»), либо акцентировали внимание начальства на разного рода пороках деревенской жизни. Удивительно, что некоторые современные исследователи аграрной истории России слепо верят официальным байкам о «крестьянской лени», напрочь отбрасывая иные свидетельства, если те плохо вписываются в создаваемую ими «оптимистическую» картину. Особенно цинично выглядят указания на масштабы пьянства крестьян как свидетельство их материального благополучия. Массовое пьянство в русской деревне началось после введения Витте винной монополии. Заманивая мужиков в казенные кабаки дешевой водкой, царское правительство фактически грабило деревню для получения средств на нужды индустриализации. Большинство крестьян пило «горькую» от беспросветной нужды и безысходности.

Но могли ли крестьяне не пить и таким образом направлять значительные средства на развитие своих хозяйств? И в чем заключалась причина «крестьянской лени», были ли крестьяне действительно «ленивы»? Для ответа на эти вопросы охарактеризуем взаимоотношения крестьян и помещиков Центрального земледельческого района России.

Важнейшим фактором, повлиявшим на характер этих взаимоотношений в конце XIX — начале XX вв., стал мировой аграрный кризис и его последствия. Поскольку его обстоятельства подробно освещены в историографии, ограничимся констатацией главного — в период кризиса хлебные цены упали вдвое. Перелом в движении хлебных цен произошел в 1896–1897 гг., когда наметилось их медленное, но неуклонное повышение, которое продолжалось вплоть до Первой мировой войны¹⁰⁹. Данное обстоятельство предопределило позицию помещиков в главном для крестьян вопросе — о земле, поскольку именно монопольное землевладение позволяло помещикам получать высокие доходы за счет экспорта хлеба и принуждения к работе на себя крестьян. В период высоких цен на хлеб, которые стимулировали их коммерческий интерес, они вывозили за границу как можно больше хлеба, не задумываясь о последствиях. В годы аграрного кризиса, когда хлебные цены упали, они компенсировали это падение увеличением объемом вывоза хлеба. Коммерциализация по-

¹⁰⁸ См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. С. 514.

¹⁰⁹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). С. 34–38.

мещицких хозяйств после завершения аграрного кризиса в условиях роста хлебных цен обернулась для крестьян последовательным повышением арендных платежей за землю, снижением оплаты за выполняемые в поместьях работы и т.д. В этом же ряду находилась ежегодно растущая стоимость помещицких земель, поскольку земля становилась главным средством получения прибыли в условиях повышенного спроса на зерно, необходимого для удовлетворения потребностей внешнего и внутреннего рынков. Основными покупателями помещицкой земли были крестьяне: «кулаки» и сельские общества, одинаково в ней нуждавшиеся. Они были вынуждены покупать, арендовать ее и работать на невыгодных для себя условиях вследствие недостатка земли для нормального ведения хозяйства. Малоземелье в Черноземном районе России — это не выдумка «пессимистов», а непреложный факт.

В историографии дано убедительное объяснение причин малоземелья и обострившихся на этой основе противоречий между крестьянами и помещиками в исконных земледельческих губерниях России. Они были связаны с последствиями Великой реформы 1861 г., отрезавшей у крестьян в пользу помещика луга, леса и пастбища, наложившей на них огромный выкуп за полученную землю, который ограничил их возможности в модернизации хозяйств. В результате реформы и последующей политики самодержавия окрепла община как фискальный орган и передельный механизм, порождавший чересполосицу и сдерживавший хозяйственную инициативу крестьян. В этой связи хотелось бы найти хоть один пример в современной историографии, ставящий под сомнение оценки производственного состояния крестьянского и помещицкого хозяйств Центрального земледельческого района России в пореформенный период, сделанные Анфимовым, Корелиным и другими «пессимистами». Их работы сохраняют свою научную значимость еще долгое время.

Согласно мнению указанных исследователей и современников событий, которое разделяем и мы, малоземелье в Черноземном центре России явилось результатом аграрного перенаселения — сокращения надельной крестьянской земли, вызванного резким ростом сельского населения во второй половине XIX в. Говоря словами П.Г. Рыдзюнского, «наличие аграрного перенаселения в пореформенной России — факт несомненный»¹¹⁰.

Обратимся к цифрам. В 1881–1912 гг. количество надельной и купчей земли на одну квадратную версту в Европейской России уменьшилось с 9,6 дес. на одно крестьянское хозяйство до 7,6 дес. при росте населения с 72 млн чел. до 87 млн¹¹¹. По данным «Комиссии центра», учрежденной Николаем II 16 ноября 1901 г. для выяснения благосостояния крестьян центральных губерний, за 1861–1900 гг. крестьянские наделы уменьшились с 4,8 до 2,6 дес. (а в ряде губерний — и до 1,2–1,7 дес.) на душу мужского пола. При этом выяснилось, что половина трудоспособного населения деревни (порядка 23 млн чел.) перешла в категорию «лишних людей»¹¹². По подсчетам Анфимова, в 1901 г. из 45 млн наличных работников только 15 млн могли эффективно и с полной нагрузкой работать, да и то лишь в страду. 6,6 млн (иначе — 7 млн, по данным М.С. Симо-

¹¹⁰ Рыдзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983. С. 18.

¹¹¹ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 23.

¹¹² Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство. С. 330; Хромов П.А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960.

новой)¹¹³, или 14,8 % являлись отходниками, находившими заработок в местной неземледельческой промышленности. Остальные крестьяне (51,5 %) были не нужны деревне, причем большинство проживало в Черноземном центре.

То, что именно малоземелье стало причиной крестьянских бунтов в начале XX в., отмечали и высокопоставленные царские чиновники. Характерен доклад, который в марте 1903 г. представил полтавский губернатор князь Н.П. Урусов созданному в январе 1902 г. С.Ю. Витте Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Докладчик констатировал вопиющую крестьянскую нужду в земле: при средней земельной обеспеченности в 6,1 дес. на двор 17 % крестьянских дворов оставались безземельными, 35 % (129 320 домохозяев, 674 055 душ обоего пола) имели менее 3 дес. на двор. В этой группе средняя величина земельного надела не превышала 1,5 дес. на двор¹¹⁴.

Возникает вопрос: сколько нужно было земли, чтобы крестьяне смогли стать фермерами и не бунтовали из-за малоземелья? Было ли это возможно в конце XIX — начале XX вв. в принципе? На этот вопрос, на наш взгляд, аргументированно ответил И.Н. Слепнев. Он проанализировал обеспеченность землей крестьян Центрально-Черноземного района и установил, что она была ниже нормы, минимально необходимой для удовлетворения первоочередных нужд обычной крестьянской семьи (10 дес. на двор). Между тем, среднестатистический трудоспособный крестьянин мог обработать до 14,5 дес. на душу. Следовательно, при соответствующем составе семьи, а также при условии привлечения наемной рабочей силы фермерское хозяйство должно было иметь несколько десятков десятин. И такие хозяйства существовали — например, в Самарской губернии, но в масштабах Европейской России это была капля в море. Слепнев сделал вывод об отсутствии у большинства крестьян Центрально-Черноземного района перспектив стать фермерами. Гипотетически такая возможность у них была лишь в 1880—1890-е гг., когда аграрное перенаселение еще не достигло критических отметок и на реформирование аграрной экономики страны имелись те самые 20 лет покоя, о которых мечтал П.А. Столыпин. Но самодержавие упустило этот шанс¹¹⁵.

В 1907 г. известный русский экономист В.П. Воронцов, комментируя проблему крестьянского малоземелья, пророчески заключил: «Общество, где $\frac{1}{5}$ населения не имеют работы и средств к жизни, обречено к разрушению»¹¹⁶. Чуть позже, в 1914 г., не менее авторитетный экономист-аграрник и статистик Н.П. Огановский, также обратившийся к этой теме, подытожил: «Малоземелье росло, ширилось, росло оскудение, накапливалось всеобщее недовольство, и когда правительство, спохватившись, стало расширять эти выходы — было уже поздно»¹¹⁷.

В сложившейся ситуации крестьянство Центрального земледельческого района и других регионов страны не сидело сложа руки. До поры не бунтуя, оно искало

¹¹³ *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 115.

¹¹⁴ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. благосостояния сельского населения. С. 156—165.

¹¹⁵ *Слепнев И.Н.* Сколько земли фермеру нужно? (К вопросу о предпосылках столыпинской аграрной реформы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 11—14.

¹¹⁶ *Воронцов В.* Судьбы капиталистической России. СПб., 1907. С. 186.

¹¹⁷ *Огановский Н.* Закономерности аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. М., 1914. С. 19—20.

пути выхода из сложившейся ситуации, покупало и арендовало помещичью, частновладельческую и государственную землю. Наибольшие проблемы с обеспеченностью земель испытывали бывшие помещичьи крестьяне. Положение бывших государственных и удельных было чуть лучше (см. Таблицу 19). В привилегированном положении среди всех категорий сельского населения находилось казачество, в среднем имевшее 52,7 дес. на двор¹¹⁸. Казачьи наделы почти в восемь раз превосходили наделы бывших помещичьих крестьян, в 5,5 раза — бывших удельных и в 4,2 раза — бывших государственных крестьян. Думается, именно поэтому большинство казачества поддерживало самодержавие, а в дальнейшем, ущемленное аграрными преобразованиями советской власти, сражалось на стороне белых. Бывшие же помещичьи крестьяне, страдавшие от малоземелья, воевали в рядах красных.

Таблица 19.

Крестьянское наделное землевладение в 1877 и 1905 гг. (в тыс. дес.)

Показатели	Помещичьи крестьяне		Государственные крестьяне		Удельные крестьяне		Итого	
	Годы							
	1877	1905	1877	1905	1877	1905	1877	1905
Число общин	91,5	110,3	36,7	49,8	5,5	6,0	133,7	166,1
Число дворов	3 813,4	5 734,1	3 781,9	5 303,0	346,7	434,1	7 942,1	11 471,2
Площадь землевладений	33 755,8	38 415,5	57 130,1	66 272,6	4 333,3	4 144,9	95 219,2	108 833,0
В среднем на 1 двор дес.	8,9	6,7	15,1	12,5	12,5	9,5	12,0	9,5

Источник: *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 66.

Несмотря на малоземелье, крестьянское хозяйство во второй половине XIX в. превратилось в основного производителя товарного хлеба, оттеснив помещичье на вторые роли. Если в 1850-е гг. на долю крестьян приходилось 47 % товарного хлеба, а на долю помещиков — 53 %, то к 1880-м гг. это соотношение стало противоположным: помещики — 46 %, крестьяне — 54 %. Накануне Первой мировой войны, по оценкам специалистов, крестьяне давали на рынок от 67 до 79 % хлеба, а помещики — лишь от 21 до 33 %¹¹⁹.

Для большинства крестьянских хозяйств товаризация была вынужденной. Деревенская беднота и многие середняцкие хозяйства продавали хлеб по дешевке, дабы уплатить налоги и рассчитаться с кредиторами, а весной покупали его по более высокой цене, чтобы прокормиться до нового урожая¹²⁰. Тя-

¹¹⁸ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. С. 67.

¹¹⁹ См.: *Ковальченко И.Д.* О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 483; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 99; *Нифонтов С.А.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 238, 303. *Огановский Н.П.* Закономерности аграрной эволюции. Т. 2. Саратов, 1911. С. 467–468.

¹²⁰ *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции. Т. 1. С. 389–398.

желым бременем на крестьянских хозяйствах лежали выкупные платежи. Вынужденная «коммерциализация» усиливала их социальную дифференциацию. Все большую роль в производстве товарного хлеба играли кулацкие хозяйства, товарность которых в канун Первой мировой войны достигала 34 %. В то же время общая товарность всех крестьянских хозяйств (12 %) уступала товарности помещичьих имений (47 %), перестроенных на рыночных («капиталистических») началах.

В конце XIX — начале XX в. в руках помещиков Европейской России было сосредоточено около 53 млн дес. лучших земель сельскохозяйственного назначения, или 13,4 % всех земель. Наибольшим помещичье землевладение было в Прибалтийском районе (45,7 % всех земель), Литовском районе (34,7 %), Средневожском районе (24,1 %), на Левобережной Украине (20,5 %) и в Центрально-Черноземном районе (20,6 %) ¹²¹. В годы Первой русской революции именно эти районы станут эпицентрами крестьянского движения.

К началу XX в. помещичье землевладение значительно уменьшилось. За пореформенное сорокалетие дворяне потеряли более 40 % площадей своих имений, а с 1905 г. по 1914 г. утратили еще не менее 10 %, особенно в годы Первой русской революции, когда крестьянское движение «простимулировало» продажи помещичьих земель из-за страха их владельцев перед «красным петухом» (сожжением) и крестьянскими погромами ¹²².

Но уменьшение дворянского землевладения в пореформенный период, как метко подметил Анфимов, было своего рода «волшебным пирогом», от которого чем больше откусывалось, тем он больше становился: по площади помещичьи земли уменьшались, но рыночная цена оставшихся постоянно росла. Благодаря этому при продаже земли крестьянам и сельским общинами помещики извлекали максимальную прибыль. К началу Первой мировой войны стоимость десятины земли в Европейской России выросла в 11 раз — с 21 руб. в 1870-е гг. до 232 руб. в 1914 г. Рост цен на землю намного превосходил темпы роста урожаев и хлебных цен. Особенно высоким он был в период столыпинской аграрной реформы, когда цена десятины земли подскочила с 144 руб. в 1905 г. до 200,2 в 1911 г. и 232 руб. в 1914 г. ¹²³

Насколько сильна для крестьян Черноземного центра была покупка на рынке помещичьей или иной земли, учитывая, что к 1900 г. их совокупные недоимки по налогам достигали полутора годовых окладов? Современник событий, экономист Б.Д. Бруцкус, оценивал материальные возможности крестьян Черноземья несколько по-иному, чем нынешние историки-«оптимисты». «При полном отсутствии сбережений, — фиксировал он, — каждый неурожай вызывает голод и необходимость для спасения населения в продовольственной помощи со стороны правительства» ¹²⁴. По подсчетам А.Л. Вайнштейна, накануне Первой мировой войны крестьяне 50 губерний Европейской России уплачи-

¹²¹ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок, XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 251.

¹²² Подробнее см.: Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. С. 37–38.

¹²³ Там же. С. 41, 162. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 14; Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 343.

¹²⁴ Бруцкус Б. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 212.

вали различных податей на 1,1 млрд руб.¹²⁵ Если учесть, что в это время общая площадь сельскохозяйственных угодий составляла около 142 млн дес., на одну десятину приходилось 7,7 руб. (почти стоимость коровы)¹²⁶. К 1906 г. внесенные крестьянами выкупные платежи достигли 1570 млн руб., что почти вдвое превышало изначальную сумму выкупа (867 млн руб.) и втрое — рыночную оценку земли перед отменой крепостного права. В 1901—1912 гг. крестьянские выплаты по кредитам и долгам помещикам и банкам выросли с 58 до 65 %¹²⁷.

Анфимов вскрыл «хитрую механику» извлечения максимальной прибыли помещиками от продажи земли через банки в годы столыпинской аграрной реформы. Для стимулирования покупки крестьянами земли царским правительством была введена пониженная доплата за купленную десятину, которая в дальнейшем еще больше снижалась: с 28 руб. в 1904 г. до 6 руб. в 1907 г. Но как только крестьяне бросились покупать землю, помещики подняли цену за десятину земли с максимально разрешенного правительством уровня в 110 руб. до 132 руб., заработав, таким образом, по 28 руб. на каждой десятине. В 1907 г. цена для «льготников» поднялась уже до 138 руб., а вся переплаченная сверх рыночной цены сумма за 1906 и 1907 гг. составила 25 млн руб. В общей сложности крестьяне переплатили 34 млн руб., из которых 25 млн легли на плечи малоземельных покупателей¹²⁸.

Еще более эффективным методом выжимания из крестьян всех соков и лишения их возможности преодолеть малоземелье и бедность стала земельная аренда. Владея лучшими и наиболее удобно расположенными земельными участками, помещики просто не давали нормально развиваться окружавшим их поместьям крестьянским хозяйствам. К началу XX в. из 33 млн дес. наделной земли бывших помещичьих крестьян от помещичьих наделов были отграничены лишь 5 млн дес. Помещики владели $\frac{2}{5}$ всех сенокосов и почти треть выгонов. Это позволяло им диктовать крестьянам условия доступа к своим угодьям, без которых те не могли вести хозяйство.

По данным крупного русского экономиста А.И. Чупрова, к началу XX в. крестьяне «Центра» ежегодно арендовали несколько десятков миллионов десятин — 19 % всей частновладельческой земли и 17,4 % крестьянской наделной¹²⁹. Общая стоимость этой аренды достигала 315 млн руб. и превышала сумму всех крестьянских налогов за год. При этом господствовала краткосрочная аренда — на один посев (до 75% всех арендных сделок)¹³⁰, а цены на арендованную землю постоянно росли. Если в конце XIX в., по данным «Комиссии центра», средняя арендная плата не превышала 6,5 руб., то накануне Первой мировой войны она достигла 12,8 руб., т.е. выросла практически вдвое¹³¹.

¹²⁵ Вайштейн А.Л. Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М., 1924. С. 47—48.

¹²⁶ Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. С. 342.

¹²⁷ Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900—1940 годах. С. 120—121.

¹²⁸ Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. С. 41.

¹²⁹ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. С. 119—120.

¹³⁰ Там же. С. 121.

¹³¹ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения. С. 134—135; Стоимость производства главнейших хлебов. Вып. 1. С. 375, 391, 415, 431.

О характере взаимоотношений крестьян и помещиков Черноземного центра в рассматриваемый период, а также методах ведения хозяйства большинством помещиков можно судить по характеру аренды помещичьей земли. Широко распространенная краткосрочная аренда, по точной оценке Анфимова, являлась ничем иным, как завуалированной отработочной системой, которая по форме (по учету) была денежной, а, по сути, оставалась отработочной. Пользуясь крестьянским малоземельем и благоприятной рыночной конъюнктурой, помещики отказывали крестьянам в выгодной им долгосрочной аренде и навязывали аренду на один посев по завышенным ценам, которые в натуральном выражении в среднем по стране составляли от 30 до 40 % выращенного урожая, а в Черноземном центре достигали 52 %¹³².

При этом, принуждая крестьян к краткосрочной аренде, землевладельцы одновременно понижали расценки работ, выполняемых арендаторами в погашение арендной платы. В результате возникли «ножницы цен», выгодные одному помещику. Крестьянам же они наносили очевидный урон и снова убеждали их в самой беззастенчивой эксплуатации их труда помещиками. Подобная практика получила наибольшее распространение в крупных помещичьих имениях. В 1905 г. большинство из них будет сожжено крестьянами, в том числе арендаторами.

Разумеется, имелись многочисленные примеры умелого хозяйствования помещиков, превращения их латифундий в образцовые многопрофильные или специализированные хозяйства, поскольку на их развитие направлялась прибыль от экспорта хлеба и хозяйственной деятельности. Но большинство землевладельцев вели себя по-иному. Они сдавали землю в краткосрочную аренду, продавали на рынке хлеб, а на вырученные деньги покупали дорогие потребительские товары или прожигали жизнь в заграничных путешествиях. На факт использования помещиками вырученных от продажи хлеба огромных средств не на производственные нужды, а на личные цели обратил внимание П. Грегори. Он отметил, что в 1913 г. выручка от экспорта хлеба равнялась 654 млн руб. Из них личные расходы землевладельцев и хлеботорговцев-«путешественников» составили, как минимум, 324 млн руб., тогда как на ввоз машин и промышленного оборудования было истрачено всего 110 млн руб.¹³³ Очевидно, что подобное «хозяйствование» землевладельцев не шло на пользу стране и вызывало озлобление работавших на них и проживавших с ним по соседству крестьян. Вероятно, в этом также заключалась одна из причин мужицкого «варварства» при погромах дворянских гнезд в 1905 и 1917 гг.

Заслуживает внимания подмеченная экономистом А.А. Кауфманом направленность российского хлебного экспорта на удовлетворение интересов помещиков в ущерб общегосударственным. Он писал: «Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских — на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы не принадлежала России, население страны не получало продо-

¹³² Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. С. 17–19.

¹³³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. С. 219; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 212, 214.

вольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса»¹³⁴.

Таким образом, можно заключить, что аграрное перенаселение и ограниченные возможности преодоления малоземелья предопределяли в Центральном земледельческом (Черноземном) районе Европейской России наибольшую конфронтацию по вопросу о земле между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и властью, с другой. У огромной массы крестьян не имелось ни земли, ни достаточных средств, чтобы улучшить свое положение, так как почти все заработанное ими шло в карман землевладельца и в казну. От трети до половины крестьянских хозяйств губерний черноземной зоны и Центрального земледельческого района не имели лошадей. В условиях аграрного перенаселения сотни тысяч молодых и здоровых мужчин и женщин трудоспособного возраста оказались не нужны и вынуждены были искать работу за пределами деревни. Именно поэтому в дальнейшем этот регион стал эпицентром крестьянской революции.

Примеров деревенского пьянства и крестьянкой лени немало. Но объяснение этих пороков существованием общины неправомерно хотя бы потому, что не крестьяне, а царская власть делала все, чтобы спаивать деревню и сохранить общину как удобный инструмент для взимания налогов и контроля над крестьянством. И лишь ставший очевидным для нее на рубеже XIX—XX вв. кризис крестьянского хозяйства в Центральном земледельческом районе, тормозивший рыночную модернизацию страны, а затем и массовое крестьянское движение начала XX в. заставили самодержавие пересмотреть аграрную политику и изменить ее вектор.

Аграрная политика самодержавия: хотели как лучше...

Аграрная политика самодержавия в конце XIX — начале XX вв. заслуживает развернутого анализа. В настоящей статье мы попытаемся затронуть лишь некоторые наиболее важные, по нашему мнению, ее аспекты в поисках ответа на вопрос о своевременности и эффективности этой политики с точки зрения рыночной модернизации страны и предотвращения революции. Среди многочисленных работ об аграрной политике самодержавия в конце XIX — начале XX вв. сохраняют, на наш взгляд, актуальность исследования Т.М. Китаниной, М.С. Симоновой, В.Л. Степанова¹³⁵, а о феномене П.А. Столыпина и столыпинской аграрной реформы — А.М. Анфимова, П.Н. Зырянова, П.С. Кабытова, П.А. Пожигайло, В.В. Шелохаева¹³⁶.

¹³⁴ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 51.

¹³⁵ См.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика; Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции; Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998.

¹³⁶ См.: Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство; Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992; Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи М., 2007; Пожигайло П.А., Шелохаев В.В. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М., 2011.

Характер аграрной политики самодержавия в пореформенный период был предопределен последствиями кризиса кредитно-банковской системы России как результата Крымской войны 1853–1856 гг., потребовавшего изыскания средств на его преодоление (в том числе с помощью крестьянской реформы 1861 г.), а также задачами индустриализации страны за счет внутренних ресурсов, главным из которых были крестьянские платежи и экспорт хлеба¹³⁷. В данном варианте аграрная политика проводилась до начала мирового аграрного кризиса и возникновения на его основе в конце XIX в. острых кризисных явлений в сельском хозяйстве, условно названных «оскудением центра».

Необходимость изменения аграрного курса осознавалась Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным как условие общей рыночной модернизации России, использования возможностей аграрной экономики в закреплении этого курса. В этом же ряду и в неразрывной связи с рыночной модернизацией страны стояла задача «умиротворения» деревни, превращения крестьянства в надежную опору власти.

С этой целью создавалась инфраструктура (строились железные дороги, элеваторы, заводы сельхозтехники и т.п.), проводилась политика протекционизма хлебного экспорта и сельхозпроизводителей, разрабатывались меры по борьбе с голодом. Особенно активно аграрный сектор России поддерживался в начале XX в. и в период столыпинской реформы с помощью прямого его финансирования, государственной системы кредитования и создания условий для развития кооперации. Государственное кредитование, кооперативное движение, перестройка земельных отношений в российской деревне на рыночных началах, создание необходимой инфраструктуры для сельскохозяйственного производства, защита интересов российского хлебного экспорта в международных организациях — таковы были основные направления и рычаги новой аграрной политики самодержавия, элементы которой создавались еще во второй половине XIX в., но как целостное явление сформировались накануне и в период осуществления столыпинской аграрной реформы.

Можно составить своего рода хронику наиболее важных шагов царского правительства в направлении модернизации сельского хозяйства страны и разрешения в интересах самодержавия крестьянского вопроса в конце XIX — начале XX вв. Каждый из этих шагов — отдельная и большая тема для специального исследования:

- 1882 г. — создание Крестьянского поземельного банка;
- 15 мая 1883 г. — Манифест Александра III об отмене подушной подати;
- 1888 г. — создание по инициативе министра внутренних дел гр. Д.А. Толстого комиссии В.К. Плеве для выяснения причин падения цен на сельскохозяйственные продукты;
- 11 июня 1888 г. и 29 января 1889 г. — законы о предоставлении железным дорогам права строить зернохранилища и выдавать ссуды под находящийся в них хлеб за счет Государственного банка, частных банков и эксплуатационных капиталов железных дорог;

¹³⁷ См.: *Петров Ю.А.* Государство и экономический рост в поздней имперской России // Уральский исторический вестник. 2020. № 1(66). С. 18–26; и др.

- 18 февраля 1893 г. — создание по распоряжению Александра III Особой комиссии для усовершенствования системы продовольственного обеспечения сельского населения;
- 1894 г. — создание Министерства земледелия и государственных имуществ для более эффективного управления аграрной отраслью;
- 13 мая 1897 г. — утверждение Министром внутренних дел «Нормального устава потребительских обществ», создавшего условия для развития потребительской кооперации;
- 28 февраля 1898 г. — утверждение нового устава сельскохозяйственных обществ для стимулирования кооперативного движения в сельской местности;
- 23 июня 1899 г. — закон о ликвидации круговой поруки по уплате выкупных платежей, государственного поземельного налога и земских сборов для 18 млн крестьян;
- 16 ноября 1901 г. — учреждение Комиссии по выяснению изменения благосостояния крестьян центральных губерний («Комиссии центра»);
- 12 июня 1902 г. — утверждение Николаем II «Временных правил по обеспечению продовольствием сельских обывателей», предусматривавших систему мер государственной помощи населению в случае неурожая и голода;
- 26 февраля 1903 г. — указ Николая II об отмене телесных наказаний крестьян по приговору волостных судов, круговой поруки по уплате всех платежей, облегчавший выход из общины домохозяевам, внесшим выкупные платежи;
- 22 января 1902 г. — 30 марта 1905 г. — работа Особого совещания С.Ю. Витте о нуждах сельскохозяйственной промышленности, разработавшего механизм столыпинской аграрной реформы;
- 1 июля 1902 г. — ввод в действие «Положения об артелях трудовых», в соответствии с которым крестьяне получили право создавать производственные артели и колхозы;
- 7 июня 1904 г. — издание нового «Положения о мелком кредите», значительно расширявшего возможности кредитной кооперации;
- 3 ноября 1905 г. — указ Николая II об отмене выкупных платежей;
- 12, 27 августа, 1 сентября 1906 г. — указы о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам участков казенной, удельной и кабинетской земли в Европейской России и Сибири;
- 9 ноября 1906 г. — май 1915 г. — проведение столыпинской аграрной реформы.

Список правительственных мер, направленных на создание благоприятных условий для развития сельского хозяйства, может быть продолжен, но и перечисленное, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о благих намерениях правительства. Власть предрежащие действительно «хотели, как лучше», и искренне считали, что их намерения соответствуют чаяниям подавляющей массы трудового крестьянства.

В немалой степени они оказались правы — ряд важных мероприятий царской власти был активно поддержан крестьянами. Главным стало развитие ко-

операции. Ни одна страна не знала таких темпов кооперативного движения, как Россия. Количественно она стала второй в мире кооперативной державой после Германии. Накануне Первой мировой войны в России действовало около 20 тыс. кредитных кооперативов, 3 916 сельскохозяйственных товариществ и 11 400 потребительских кооперативов¹³⁸. Участие крестьян в кооперативном движении — самое яркое, на наш взгляд, опровержение мифа о «крестьянской лени». Как только государство создало условия для развития кооперации и крестьяне увидели в ней свою выгоду, они активно включились в этот процесс. В данном аспекте можно согласиться с мнением авторитетного исследователя кооперации, профессора Нью-Йоркского университета Янни Коцониса о том, что крестьян «делали отстающими», но сами они таковыми не были¹³⁹.

Значительную поддержку в крестьянской среде получили мероприятия царского правительства по пропаганде агротехнических знаний, созданию сельскохозяйственных обществ, пунктов проката сельскохозяйственной техники и т.д. Имеющиеся на этот счет сведения ставят под сомнение навязываемую историками-«оптимистами» оценку крестьянской общины как главного тормоза агротехнического прогресса в дореволюционной России. На материалах Тамбовской губернии историк-аграрник С.А. Есиков опроверг такой взгляд, убедительно показав, что на развитие рыночных отношений в интересующее нас время община отреагировала попытками модернизации: смягчением вредных последствий чересполосицы, переходом на «широкие полосы», внедрением травосеяния и многопольных севооборотов, применением усовершенствованных орудий и машин, разнообразных агротехнических мероприятий. Порой сельские общества пытались заняться предпринимательством.

Первые опыты агропомощи показали, что приверженность крестьян общинным традициям была различной. Если крестьянин видел плужный взмет позднего пара в сухой почве, то вскоре и сам работал плугом. Но если ему рекомендовали протравливать семена химикатами или использовать корову для нетяжелых полевых работ, он игнорировал такие советы. Чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он оказывался к нововведениям¹⁴⁰. Живучесть общины в пореформенный период, особенно в годы столыпинской аграрной реформы, объяснялась не косностью и отсталостью крестьянства, а его нежеланием рыночных перемен в навязываемой властью принудительной форме. В этой ситуации для крестьян была важна защитная функция общины. Будучи не в состоянии предотвратить и устранить экономическое неравенство своих членов, община защищала их в социальном и экономическом плане, особенно в неурожайные годы. Поэтому чем сильнее власть

¹³⁸ *Мацузато К.* Столыпинская аграрная реформа и формирование инфраструктуры тотальной войны в российской деревне // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Междунар. научно-практич. конф.: Москва, 28–30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 220.

¹³⁹ См.: *Коцонис Я.* Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М., 2006.

¹⁴⁰ См.: *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 100–101; *Его же.* Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России. IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 236–237.

давила на общину, тем крепче крестьяне (в том числе «кулаки») держались за нее — из всех функций общины больше всего они ценили социальную защищенность. Именно этим обстоятельством объясняется прочность общинных устоев в российской деревне. Во всяком случае не стоит списывать на общину все проблемы дореволюционной деревни.

Благотворное влияние на развитие крестьянского хозяйства в предвоенное десятилетие оказала отмена выкупных платежей. Это позволило крестьянству сэкономить огромную сумму в 80 млн руб., направив эти средства на покупку земли, сельхозтехники, внесение паевых взносов в кооперативы и т.д.

Несомненны достижения самодержавия в создании инфраструктуры сельскохозяйственного производства. К 1913 г. протяженность железных дорог в России почти достигла 60 тыс. км, увеличившись втрое в сравнении с 1891 г. Это позволило соединить основные сельскохозяйственные районы страны воедино и значительно простимулировать их развитие. Особенно благотворно это повлияло на сибирский регион, который, благодаря Транссибу, превратился в центр российского маслodelия. К 1898 г. в зоне основных железных дорог было построено 77 элеваторов и 222 зернохранилища, что в значительной степени облегчило хлебный экспорт¹⁴¹. Созданная в дореволюционный период сельскохозяйственная инфраструктура успешно функционировала и в советские годы.

Еще одним достижением самодержавия стала финансовая поддержка крестьян в покупке земли. Через Крестьянский банк они приобрели 9,8 млн дес., получив в ссуду 929 млн руб. В том же ряду — значительные ассигнования казны на оказание агрономической помощи и распространение сельскохозяйственного образования на селе. Расходы на эти цели выросли с 5,7 млн руб. до более 29 млн руб. в 1913 г. Заслуживает высокой оценки деятельность царского правительства по защите интересов отечественных экспортеров зерна в международных организациях¹⁴². Итогом стал общий рост сельскохозяйственного производства в России.

Таким образом, успехи официальной аграрной политики налицо. Учитывая, что за подавлением крестьянского движения начала XX в. последовала также проводимая «сверху» столыпинская аграрная реформа, может возникнуть соблазн вывода, что самодержавию удалось-таки умиротворить деревню и направить сельское хозяйство страны по пути рыночной модернизации. Почему же затем грянула революция?

Заключение

Завершая, вернемся к одной из самых дискуссионных тем в историографии — о результатах столыпинской аграрной реформы как квинтэссенции усилий самодержавия в аграрно-крестьянском вопросе в конце XIX — начале XX вв. Реформа оказалась успешной и была завершена в губерниях, в которых не было (либо почти не было) крупного помещичьего землевладения, а также в регионах Ев-

¹⁴¹ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С. 61.

¹⁴² Подробнее см.: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. С. 160–170.

ропейский России, которые не являлись центрами товарного производства зерна. Современные исследователи справедливо опровергают постулат советских историков-аграрников о всеобъемлющем провале столыпинской аграрной реформы и лишь о «попутных ветрах» (в первую очередь, в виде роста цен на зерно) как главном факторе успехов сельского хозяйства России в период ее проведения. Особенно убедительно выглядят аргументы видного кубанского специалиста В.Н. Ратушняка. В рецензии на работу А.М. Анфимова, в которой тот стремился представить отрицательное отношение крестьян к столыпинским аграрным преобразованиям, Ратушняк не согласился с подобной оценкой реформы и доказал ее благотворное воздействие на развитие сельского хозяйства Ставропольской губернии¹⁴³. Не менее убедительны заключения Д.В. Ковалева и его единомышленников об успехах столыпинской реформы в Московской губернии, Сибири и в других областях¹⁴⁴. Но эпицентрами крестьянской революции 1917 г., как и 1905–1907 гг., оказались не эти «успешные» регионы, а губернии Черноземного центра. В 1917 г. в них под корень были уничтожены столыпинские хутора и отруба, разгромлены помещичьи усадьбы. Почему?

На наш взгляд, ответ очевиден. В этом регионе традиционного помещичьего землевладения аграрная политика самодержавия оказалась не столь успешной, да и достижения сельского хозяйства были скромнее. Это подтверждают современные исследователи столыпинской реформы в губерниях Черноземного центра, работы которых историки-«оптимисты» предпочитают не замечать¹⁴⁵. Правительству удалось подавить недовольство здешних крестьян в 1905–1907 гг., а затем вынудить значительную их часть выйти из общины или письменно заявить об этом. Но как только в 1917 г. давление власти ослабло, крестьяне немедленно вернулись к своей заветной мечте — «черному переделу». При этом к «столыпинским» крестьянам они не испытывали жалости — за годы войны те еще больше окрепли в хозяйственном отношении, в то время как их менее успешные односельчане, напротив, беднели и нередко подвергались эксплуатации с их стороны (особенно солдатки и их дети-подростки). Вернувшиеся с войны фронтовики воздали им должное, составив костяк крестьянских комитетов, а впоследствии комбедов.

Таким образом, в губерниях традиционного помещичьего землевладения самодержавию не удалось создать прочную опору своей власти и утвердить рыночное («капиталистическое») сельскохозяйственное производство. По сравнению с более развитыми в экономическом отношении Югом России и Сибирью, сторонников столыпинской реформы там оказалось мало. В регионах «нового освоения» ситуация была иной — там сложился слой экономически успешных крестьян и казаков, поддержавших столыпинскую реформу и аграр-

¹⁴³ См.: *Ратушняк В.Н.* А.М. Анфимов. П.А. Столыпин и российское крестьянство // Отечественная история. 2003. № 4. С. 187–190.

¹⁴⁴ См.: *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона (по материалам Московской губернии). М., 2004; *Тюкавкин В.Г.* Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001; и др.

¹⁴⁵ См., напр.: *Батыршин Р.Ф.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; *Прилуцкая О.А.* Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг. (По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; и др.

ную политику самодержавия в целом, поскольку она способствовала развитию их хозяйств. Но таких «сильных» и «успешных» оказалось недостаточно, чтобы остановить крестьянскую революцию в России, тем более, что и в их регионах имелись свои «слабые» и недовольные: в казачьих областях — иногородние и обделенные землей крестьяне, в Сибири — новопоселенцы, в Казахстане — коренное население, согнанное со своих земель столыпинскими переселенцами и т.д.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что анализ состояния сельского хозяйства России и экономики в целом, а также результатов аграрной политики самодержавия в рассматриваемый период обязательно должен учитывать региональные особенности. Без этого понять причины Великой российской революции не удастся, как и того, почему Первая мировая война похоронила надежды на победу в аграрной экономике и народном хозяйстве страны самодержавного варианта модернизации. Слишком большой и разной была Россия, чтобы судить о состоянии ее экономики по обобщающим показателям.

Таким образом, результаты развития сельского хозяйства России и аграрной политики царизма в конце XIX — начале XX вв. оказались противоречивыми: успехи сочетались с серьезными кризисными явлениями в районах преобладания крупного помещичьего землевладения (Черноземном центре и др.). Ведущим направлением в развитии аграрной экономики была рыночная модернизация отрасли. Именно по этому пути шла сельская Россия накануне Первой мировой войны, но темпы и результаты движения в данном направлении оказались разными в разных регионах.

Библиография

- Wheatcroft S.G., Davies R.W.* The Crooked Mirror of Soviet Economic Statistics // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, 1994.
- Robbins R.G.* Famine in Russia. 1891–1892. N.Y., 1975. 259 p.
- Аделунг Н.* Довоенная сельскохозяйственная продукция // Плановое хозяйство. 1925. № 11. С. 309–340.
- Александров Н.М.* Российские просторы и эволюция систем земледелия в пореформенной России // Мировое экономическое развитие и Россия (XIX — XX вв.): Материалы Междунар. конф. М., 2009.
- Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука, 1980. 241 с.
- Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.
- Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 300 с.
- Арзуманян А.А.* Аграрный кризис 80–90-х годов XIX в. в России // Экономические проблемы общественного развития. М.: Наука, 1968. 626 с.
- Батыршин Р.Ф.* Реализация столыпинской аграрной реформы в Казанской губернии (1906–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008. 23 с.
- Белянин Д.Н.* Агркультурный кризис в России на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, 2014. С. 49–63.
- Беспалов С.В.* Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX в. Современная историография. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам, 2014. 118 с.
- Бруцкис Б.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг.: Право, 1922. 234 с.
- Вайштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время. М.: Кн. кл. «Экономист» Н. К. Ф., 1924. 157 с.

- Вайнштейн А.* Эволюция урожайности зерновых культур до войны и перспективы ее развития в будущем // Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 81–100.
- Виноградова Н.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. С. 29–84; Кн. XXIII; 1926. Кн. XXIV. С. 51–104.
- Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск: [б. и.], 1972. 376 с.
- Воронцов В.* Судьбы капиталистической России. СПб. : скл. изд. в кн. скл. тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 220 с.
- Голод в СССР: В 3 т. Т. 3. Лето 1933–1934. М.: Институт научно информации по общественным наукам, 2014. 960 с.
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв.: (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М.: РГГУ, 2003 (Тип. изд-ва МГУ), 2003. 565 с.
- Давыдов М.А.* К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 243–283.
- Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. М.: Алетей : Историческая книга, 2010. 828 с.
- Давыдов М.А.* Об уровне потребления в России в конце XIX — начале XX в. // О причинах русской революции. М., 2010. С. 225–278.
- Давыдов М.А.* Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 129–138.
- Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2016. 1080 с.
- Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. 831 с.
- Доклад председателя Высочайше учрежденной в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1888 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1892. 140 с.
- Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М. : [Изд-во Акад. наук СССР], 1963. 599 с.
- Егизарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: [Изд-во Акад. наук СССР], 1959. 192 с.
- Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: Б/и, 1998. 108 с.
- Есиков С.А.* Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России. IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 232–240.
- Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН : Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2010. 244 с.
- Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. 1140, [1] с.
- Зайцев В.* Влияние колебания урожая на естественное движение населения // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927.
- Зырянов П.Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высш. шк., 1992. 157 с.
- Иванцов Д.Н.* К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг.: тип. В.Ф. Киришаума, 1915. 178 с.
- Кабитов П.С.* П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи М.: РОССПЭН, 2007. 192 с.
- Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860–1914 гг.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 216 с.
- Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России: Земельные отношения и земельная политика. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. Т. 1. 168 с.; Т. 2. 166, [1] с.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Очерки правительственной политики. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 287 с.
- Китанина Т.М.* «Высочайше учрежденная в 1888 г. Комиссия по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883–1887 гг.)» — важный источник по аграрной

- истории России последней трети XIX века // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: Историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: в 2-х кн. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 238–246.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.
- Клепиков С.А.* Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. М.: [б. и.], 1920. 52 с.
- Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона (по материалам Московской губернии). М.: МПГУ, 2004. 305 с.
- Ковальченко И.Д.* О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1964. С. 469–486.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.
- Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начало XX в. М.: РОССПЭН, 2004. 503 с.
- Кондрашин В.В.* Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2008.
- Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд. доп. и перераб. М.: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2018. 566 с.
- Кондрашин В.В.* Крестьянство в годы Гражданской войны: учебное пособие для магистратур вузов. Москва; Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2019. 474 с.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 486 с.
- Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1988. 262 с.
- Коцюнис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 315 с.
- Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сборник документов. Харьков: Кн. изд-во, 1961. 324 с.
- Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.: Сб. документов. М.: Наука, 1998. 367 с.
- Крестьянское движение в России. Июнь 1907 — июль 1914. М.: Соцэкгиз, 1966. 677 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. 399 с.
- Круглов В.И.* Царь голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. Т. 11(159): Правда истории. М., 2011. С. 87–106.
- Кузнецов И.А.* Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история России. Ежегодник. 2011/2012. М.: ИРИ РАН, 2012. С. 190–228.
- Куренных А.А.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929). М.: АИРО-XXI, 2012. 404 с.
- Лохтин П.* Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1901. 369 с.
- Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Л.: тип. Ред. период. изд. Мин. фин., 1925. 232 с.
- Маресс Л.Н.* Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб. Тип. В. Киршбаума, 1897. С. 1–72, таб. С. 73–96.
- Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. 1. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1903.
- Маузолато К.* Столыпинская аграрная реформа и формирование инфраструктуры тотальной войны в российской деревне // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Междунар. научно-практич. конф.: Москва, 28–30 сентября 2011 г. М., 2012.
- Миронов Б.Н.* Социальная история периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Изд. 3-е испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.

- Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX — начале XX вв.? // Уральский исторический вестник. 2008. № 3.
- Народное хозяйство РСФСР в 1924—1925 г. М.: Фин. изд-во, 1926. 136 с.
- Нефедов С.А.* О связи демографических показателей и потребления в России конце XIX — начале XX в. // Российская история. 2009. № 2.
- Нефедов С.А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900—1940 годах. М.: Изд. дом Дело, 2017. 432 с.
- Нечипорук Д.М.* «Что американцы могут сделать для России?». Агитация Американского общества друзей русской свободы и журнал «Free Russia» (1891—1894 гг.) // Исторический ежегодник. 2008: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008.
- Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1974. 318 с.
- Носков В.В., Китанина Т.М.* Америка и русский голод 1891—92 гг. // Russian Food Market. New York; Moscow; St. Petersburg. 1995. № 1.
- Обухов В.М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М., 1927.
- Огановский Н.П.* Закономерности аграрной эволюции. Т. 2. Очерки по истории земельных отношений и землевладения в России. Саратов: Сотрудничество, 1911. 632 с.
- Огановский Н.* Закономерности аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. Саратов, 1914.
- Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. 86 с.
- Островский А.В.* Зерновое производство в конце XIX — начале XX в. СПб.: ООО «Полтораки», 2013. 414 с.
- Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1: От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 490 с.
- Петров Ю.А.* Государство и экономический рост в позднеимперской России // Уральский исторический вестник. 2020. № 1(66).
- Пожигаило П.А., Шелохаев В.В.* Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2011. 237 с.
- Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. 49 с.
- Привалова Т.В.* Быт российской деревни: (Медико-санитарное состояние деревни Европейской России): 60-е гг. XIX — 20-е гг. XX в. М.: ИРИ РАН, 2000. 199 с.
- Прилуцкая О.А.* Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906—1917 гг. (По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 24 с.
- Птушкин Г.М.* Крестьянское движение в Тамбовской губ. накануне революции 1905 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. 50. Вып. исторический. Воронеж, 1957.
- Ратушняк В.Н.* А.М. Анфимов. П.А. Столыпин и российское крестьянство // Отечественная история. 2003. № 4.
- Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913): статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Роголина Н.Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7.
- Рогожина А.С.* Формирование системы продовольственного обеспечения в российской деревне в 30—90-е годы XIX века (по материалам Орловской и Тамбовской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 24 с.
- Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900—1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2002. 312 с.
- Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа: ДизайнПресс, 2012. 224 с.
- Роднов М.И.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа ДизайнПресс, 2013. 204 с.
- Роднов М.И.* В поисках золотого ключика // Историческая экспертиза. 2017. № 2.
- Роднов М.И.* Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа: Б.и., 2017. 204 с.
- Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: «БЛИЦ», 1995. 414 с.
- Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906—1914. М.: «Кучково поле», 2017. 668 с.

- Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). М.: Наука, 1983. 269 с.
- Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. Ч. 1–2. М.: ИРИ РАН, 1994.
- Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. 252 с.
- Слепнев И.Н.* Сколько земли фермеру нужно? (К вопросу о предпосылках столыпинской аграрной реформы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2.
- Соколов Н.П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.
- Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: РОССПЭН, 2015. 742 с.
- Степанов В.Л. Н.Х.* Бунге: Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 397 с.
- Струмилин С.Г.* К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. № 4–5.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2001. 1006 с.
- Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38. Симбирская губерния. СПб.: Б.и., 1903.
- Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 302 с.
- Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136 с.
- Федоров М.П.* Обзор международной хлебной торговли: Докл. чл. Комис. М.П. Федорова. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1889. 361 с.
- Фоломеев С.Н.* Власть и общество в условиях кризиса: социальные последствия голода 1891–1892 годов в Самарской губернии // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2.
- Фортуатов А.Ф.* Урожайи ржи в Европейской России. М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1893. 254 с.
- Хромов П.А.* Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 240 с.
- Челинцев А.Н.* Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков: Агрономия, 1919. 178 с.
- Чудов С.И.* Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестник алтайской науки. 2014. № 2–3.

Аграрная политика в России 1990-х гг.

Аннотация. В статье исследуется основное направление государственной политики на селе 1990-х гг. — рыночная аграрная реформа. Отмечается, что ее первая концепция предусматривала постепенную реализацию преобразований, сроком не менее 10 лет. Однако под нажимом западных экспертов пришлось внести существенные изменения в ход преобразований, которые стали проводиться радикально и в форсированные сроки. Показано, что среди основных методов рыночных преобразований преобладала либерализация цен, разгосударствление и приватизация земли, раздача земельных паев аграриям, перевод предприятий на рыночные формы работы и пр. Автор приходит к выводу, что в основном эти преобразования на селе проводились чисто формально, поэтому своей истинной цели не достигали. Отмечается, что государство напрасно рассчитывало на фермерский уклад, которым, по его мнению, должно было заниматься большинство крестьян. Эти надежды провалились. Реальная доля фермеров в сельском населении и аграрном производстве оказалась мизерной, а более половины продукции аграрного сектора производили подсобные хозяйства потерявших работу сельян. Таким образом, аграрная реформа не выполнила стоявших перед ней задач и, наоборот, фактически разорила сельское хозяйство: резко сократились посевные площади, более чем наполовину упало производство, примерно на треть снизился уровень механизации труда. Все это — свидетельство полного провала аграрной политики государства в 1990-е гг.

Ключевые слова: аграрная и земельная реформа, многоукладная экономика села, реорганизация сельскохозяйственных предприятий, приватизация и раздача земельных долей, частные подворья сельских жителей, фермерские хозяйства, эффективность и механизация аграрного производства.

Накануне рыночных реформ система сельскохозяйственного производства в РСФСР включала в себя свыше 25 тыс. крупных коллективных предприятий, в том числе 12,5 тыс. колхозов (без рыболовецких) с 4 млн работников и 12,9 тыс. государственных советских хозяйств (совхозов), в которых на постоянной основе работало еще 5,6 млн человек. Этими коллективными сельхозпредприятиями в 1990 г. было произведено около $\frac{3}{4}$ общего объема аграрной продукции, доля негосударственного сектора, т.е. личных подсобных хозяйств (ЛПХ), составляла примерно $\frac{1}{4}$ ¹. При этом ощущался острый дефицит продовольствия, что свидетельствовало о недостаточной экономической эффективности колхозно-совхозной системы. Хотя из государственного бюджета на развитие сельского хозяйства выделялись вполне адекватные средства, оно продолжало их поглощать, не давая ощутимого прироста продукции.

Объясняя причины такой ситуации в аграрной сфере, XXVIII-й съезд КПСС (июль 1990 г.) главной причиной продовольственной проблемы в СССР признал ошибки и просчеты в аграрной политике. В итоге в советском обществе сельскохозяйственное производство стало восприниматься как второразрядная

* Вербицкая О.М. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН. Verb-olga@yandex.ru.

¹ Российский статистический ежегодник, 2000. М., 2000. С. 362.

отрасль экономики, находящаяся на периферии общегосударственных интересов². Одновременно власть в лице КПСС постоянно перекладывала ответственность за свои просчеты на местные органы управления или непосредственно на колхозы и совхозы. Все это, рано или поздно, должно было привести к краху.

В начале 1990-х гг. основной вектор аграрной политики поменялся в сторону радикального реформирования. И хотя о выработке платформы аграрной реформы в 1990-х гг. говорить не приходится, усилиями отечественных ученых были сформулированы основы ее концепции, отражавшей рыночную трансформацию сельской России. В конце 1980-х гг. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев поставил перед экономистами-аграрниками задачу дать научное обоснование земельной и аграрной реформы с целью формирования эффективного в экономическом, социальном и экологическом смыслах сельского хозяйства³. Внимание ученых было сосредоточено на поиске путей такой трансформации, на том, как сделать ее наименее болезненной для экономики и населения. Решением этих задач занималась группа ведущих представителей аграрной науки под руководством академика АН СССР А.А. Никонова, в которую позднее влились молодые ученые из созданного летом 1990 г. Аграрного института (В.А. Петриков и др.). Тогда, по их собственному признанию, в части выработки основ рыночного перехода они сильно отставали от западных коллег и о реальных отношениях собственности в отечественном сельском хозяйстве знали немного⁴.

К чести ученых-аграрников, им удалось сформулировать основные направления и задачи переходного периода к рынку в сельском хозяйстве. В первую очередь речь шла о: (1) поэтапной реорганизации колхозов и совхозов как важнейших институтов административно-командной системы; (2) разгосударствлении собственности на землю; приватизации колхозно-совхозных земель и других средств производства как непременном условии формирования частного землепользования; (3) институциональных реформах, включая создание нового сельского уклада — фермерских хозяйств; (4) усилении социальной и экономической активности селян как главной предпосылке возрождения крестьянства — хозяина земли⁵. Таким образом, аграрная реформа первоначально задумывалась в виде совокупности радикальных рыночных преобразований в земельной, экономической и социальной сферах жизни деревни.

К концу перестройки в советском обществе сложилось понимание абсолютной неизбежности рыночных реформ, особенно в сельском хозяйстве. Однако концепция аграрных преобразований не была должным образом популяризирована — кроме газет, адресованных непосредственно сельскому жителю⁶, в других СМИ не появлялось каких-либо цифровых выкладок или иных матери-

² Материалы XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.). М., 1990. С. 192.

³ Никоновские чтения-2000. Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000. С. 4–5.

⁴ Петриков А.В. Актуальные проблемы аграрного развития России и современных аграрно-экономических исследований // Никоновские чтения-1999. Аграрная экономическая наука на рубеже веков: методология, традиции, перспективы развития. М., 1999. С. 6.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Газеты «Сельская жизнь», «Крестьянские ведомости», «Российская газета» за начало 1990-х гг.

алов в обоснование предстоящих преобразований. С крестьянами не была проведена предварительная разъяснительная работа относительно целей и задач аграрной реформы и ее перспектив.

Учитывая, что аграрная сфера долгое время оставалась самым слабым звеном советской экономики, было принято решение начинать радикальные преобразования в стране именно с сельского хозяйства. Тем более, что к началу 1990-х гг. в стране сложилось тяжелейшее положение с продовольственным обеспечением населения, которому не хватало самых необходимых продуктов. Не удивительно, что сельскому хозяйству предстояло стать пионером рыночных преобразований. Граждане устали от продовольственных проблем и прекрасно понимали, что всему виной — неэффективная работа колхозов и совхозов. Было ясно и то, что для осуществления рыночных реформ на селе потребуется особый переходный период.

Важнейшие положения будущей аграрной реформы были закреплены в принятых осенью 1990 г. законах РСФСР и СССР («О земельной реформе», «О собственности», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»), а также в решениях Верховного Совета и съездов народных депутатов⁷. В них говорилось о необходимости введения частной собственности на землю, демонтаже или реорганизации колхозов и совхозов, разгосударствлении и приватизации земли. Законодательная база, столь необходимая для осуществления рыночного реформирования аграрного строя, создавалась с опорой на теоретические разработки ученых. Теперь, в отличие от законов, принятых в горбачевскую эпоху, полностью исключалась сама возможность сосуществования социализма и рынка. Тем самым была подведена черта под нереалистическими надеждами «перестроечного» руководства СССР на «регулируемый тип» социалистической экономики. Особое значение имел курс на постепенное и поэтапное вступление России в рынок — в течение 5–10, а то и 20 лет. По мнению специалистов, лишь в такой продолжительный срок было возможно наименее болезненно осуществить демонтаж советской колхозно-совхозной системы и сформировать рыночные институты⁸.

Западные партнеры России стремились всячески радикализовать будущую реформу. Всемирный банк, например, предлагал на время ее проведения «допустить массивную деиндустриализацию» России, очевидно, не без желания превратить ее в страну-поставщика на мировой рынок сырьевых и энергоресурсов. Вообще крупнейшие международные финансовые институты (МВФ, Всемирный банк) проявляли повышенный интерес не столько к реформам, сколько к российским энергетике и сельскому хозяйству⁹.

Вслед за распадом СССР в декабре 1991 г. в Российской Федерации произошла смена власти, было создано правительство с Е.Т. Гайдаром в статусе его

⁷ Аграрное законодательство Российской Федерации. Сб. нормативных и правовых актов и документов. М., 1999. С. 15–35.

⁸ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 548; Государственный архив Российской Федерации. (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 5. Д. 626. Л. 63.

⁹ Широкалова Г.С. Аграрная реформа в Нижегородской области: причины, цели, механизмы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. С. 255.

и.о. председателя. Кроме него в кабинет вошли Г. Бурбулис, А. Чубайс и другие «рыночники». В своей политике они исходили из идеи быстрых рыночных преобразований. Переоценивая и абсолютизируя роль рынка, они видели в нем своего рода панацею для быстрого преодоления продовольственного и товарного дефицита¹⁰. Им импонировали рекомендации американских партнеров, которые настаивали на срочности и безотлагательности реформ, на «экстренной» приватизации государственных предприятий с последующим обновлением их структуры. Западные аналитики сходились в том, что реформирование российской экономики должно непременно включать суровые экономические и социальные ограничения, вплоть до «шоковой терапии». Они убеждали российских реформаторов, что соблюдение их рекомендаций и осуществление непопулярных мер станет залогом успешного переформатирования советской плановой экономики¹¹. Внимательно наблюдая за «перестройкой» и понимая, что ускоренная демократизация рано или поздно приведет советскую систему к краху, они предрекали включение сельского хозяйства бывших соцстран в сферу Европейского Союза.

В бумагах Верховного Совета РСФСР и Государственной думы РФ, хранящихся в ГА РФ, пишушей эти строки удалось обнаружить тексты на немецком и английском языках с изложением «оптимального», по мнению их авторов, варианта прохождения советской экономикой «транзитного этапа». Особенно показательна записка министра продовольствия, сельского и лесного хозяйства федеральной земли Бранденбург, ранее входившей в состав ГДР, где реформы проводились уже с 1990 г. В основу перемен в ее аграрном секторе было положено возрождение частной собственности на средства производства и замена централизованного планирования рыночными механизмами. Это привело к большому сокращению числа сельскохозяйственных кооперативов, на месте которых образовались коммерческие предприятия и крестьянские семейные хозяйства с небольшими земельными участками. Общее число работников в сельском хозяйстве земли Бранденбург сократилось почти на 30 %, появились и безработные¹².

Наблюдая за настроениями в высших эшелонах власти, российские ученые понимали, что там вызревает подход к реформам по принципу: «делай, как у немцев или американцев», при полном игнорировании «объективных возможностей и закономерностей, свойственных российской цивилизации»¹³. В итоге правительство новой России, находясь под сильным впечатлением от рекомендаций западных политиков, особенно в социальной сфере, и одновременно сознавая опасность отказа в кредитах на закупку импортного продовольствия, действительно решило действовать методом «скачка» и «шоковой терапии», как и предлагали западные советчики.

Положение в России, только что подавившей августовский путч 1991 г., осложнялось все более разраставшимся продовольственным кризисом. Настали

¹⁰ Петриков А.В. Аграрная реформа и направления экономических исследований в России // Никоновские чтения-2000. С. 4–5.

¹¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 626. Л. 1–9, 10–34 и др.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 1795. Л. 32–33.

¹³ Реформирование в России: Мифы и реальность (1989–1994 гг.). М., 1994. С. 1, 10–56.

тяжелые времена — происходил стремительный развал экономики страны, накалялась продовольственная проблема. Все ждали начала работы V-го съезда народных депутатов и особенно выступления на нем Б.Н. Ельцина, рассчитывая, что им будут даны ответы на вопросы, связанные с будущими реформами¹⁴.

Поздней осенью 1991 г. ситуация в стране в высшей степени не благоприятствовала началу масштабных рыночных преобразований. По мнению тогдашних аналитиков, реально «замаячила перспектива голода», сложилась тяжелая зависимость от импортного продовольствия, на закупку которого уходили быстро таявшие золото-валютные запасы. России были нужны кредиты — прежде всего, на закупку продовольствия и других необходимых товаров за границей. Только импорт мог спасти страну от надвигавшегося голода, тем более, что правительство РФ, ежедневно получая сводки из регионов, было прекрасно осведомлено, что продуктов питания в них оставалось на 2–3 дня. Продовольствие, которое поступало поездами в Москву, Санкт-Петербург и другие крупные города, немедленно шло в продажу, а зерно — прямо «с колес» на хлебозаводы. Критическая ситуация с продовольствием сложилась на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири¹⁵.

Население испытывало огромную усталость от экономического кризиса и нараставшего хаоса в стране. Отчасти поэтому общественные настроения все больше склонялись в пользу быстрых и решительных мер, независимо от их последствий. Большое разочарование вызвал прогноз академика Л.И. Абалкина, утверждавшего, что для полного и успешного перехода к рыночной экономике России потребуется не менее 15 лет¹⁶. К слову, это был тот же срок, который в свое время называли ученые из группы академика А.А. Никонова. В новых условиях властные структуры не без основания опасались осуществлять реформы не спеша, поэтапно переводя экономику на рыночные рельсы. Похоже, что они боялись экономической катастрофы, которая вместе с такими реформами могла бы смести и самих реформаторов. Времени для «дозированных» реформ под контролем государства уже не оставалось¹⁷. Обстановка вынуждала немедленно начать реформы и провести их в ускоренном порядке. Правда, надеяться при этом можно было на только-только нарождавшиеся, еще очень слабые рыночные институты и стимулы, что было крайне рискованно.

В конце октября 1991 г. Ельцин выступил на V-м съезде народных депутатов с программой рыночных реформ, текст которой был написан Гайдаром. Президент сообщил, что «уже выработаны конкретные меры по осуществлению пакета реформ», предупредив, что в условиях острейшего кризиса провести их безболезненно не удастся. Наиболее трудным будет первый этап — экономическая стабилизация, а «самая болезненная мера — разовое размораживание цену», т.е. их либерализация, без которой «все разговоры о реформах, рынке — пустая болтовня». Названные Ельциным основные направления рыночных реформ в России практически полностью совпадали с требованиями МВФ по

¹⁴ *Островский А.* 1993. Расстрел «Белого дома». М., 2008. С. 10

¹⁵ Эпоха Ельцина: очерки политической истории. Изд. 2-е. М., 2011. С. 191; ГА РФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 348. Л. 2.

¹⁶ *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ. 1991–1999 гг. М., 2011. С. 27.

¹⁷ Эпоха Ельцина: очерки политической истории... С. 192.

либерализации цен с переходом в ближайшее время на мировые цены, конвертации рубля, введения «шоковой терапии» и др. При этом Ельцин умолчал о самых тяжелых для населения мерах в социальной сфере — резком сокращении субсидий, ограничении роста зарплат и пенсий и др.¹⁸ В его речи доминировала мысль о необходимости поскорее избавить страну от коммунистического прошлого. Бросалось в глаза, что смена аграрного строя совершенно не увязывалась с механизмом, который сможет обеспечить гораздо более высокие, чем у колхозов и совхозов, темпы развития сельскохозяйственного производства. А ведь это, по сути, был главный вопрос всех рыночных преобразований, ради которого они и намечались! Изложенный президентом план выглядел слишком упрощенно и схематично¹⁹.

Аграрная реформа в России проводилась в соответствии с проектом главных российских либералов-«рыночников» Гайдара и Чубайса, который практически во всем совпадал с рекомендациями западных экспертов — от отечественной концепции рыночных реформ, разработанной собственными специалистами, руководство страны на тот момент уже полностью отказалось. Спасать людей от голода надо было немедленно, а без западных кредитов это становилось невозможно. Именно это заставило российское руководство пойти навстречу рекомендациям зарубежных кредиторов, в то время как отечественный сценарий реформ с его взвешенным и обоснованным подходом был признан не адекватным сложившейся в стране кризисной ситуации.

Рыночная аграрная реформа началась в декабре 1991 г., сразу после обнародования указа президента «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 г. Комплекс намеченных в нем мер исходил из иной, гораздо более жесткой, чем ранее, программы ускоренного создания рыночных отношений в аграрной сфере. Ее содержание принципиально отличалось от прежних наработок: речь шла уже не об аграрных преобразованиях, а о земельной реформе, которая расценивалась как начальный этап более общего процесса преобразований в сельском хозяйстве. Главным моментом президентского указа стала формула рыночной реконструкции аграрного сектора — через ликвидацию монополии государства на землю, т.е. разгосударствление, приватизацию и на этой основе — формирование многоукладной аграрной экономики. Иными словами, идеология земельной реформы сводилась к максимально быстрому переходу от колхозно-совхозной системы к крестьянским хозяйствам и созданию свободного рыночного земледелия²⁰. Необходимость коренного преобразования главных институтов административно-командной системы обосновывалась тем, что в аграрном секторе еще не был полностью изжит «механизм торможения». Перераспределение земельного фонда страны в частные руки открывало дорогу формированию нового типа сельскохозяйственных производителей — фермерских хозяйств.

¹⁸ Электронный ресурс: www.ru-90.ru. Главная/история новой России. Выступление Б. Ельцина перед V-м съездом народных депутатов РФ [Дата обращения: 20.01.2019 г.]; Широкалова Г.С. Аграрная реформа в России и развитие АПК в странах Запада. Н. Новгород, 1995. С. 11.

¹⁹ Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам. М., 2016. С. 89.

²⁰ Васильев Ю.А. Куда движется Россия. Условия жизни сельского социума: что привьется на российской почве? М., 1993. С. 141.

Недоумение вызвал тот факт, что на столь серьезные преобразования, как реорганизацию колхозов и совхозов, перевод их на другую форму собственности, включая приватизацию, раздачу земельных паев и другие, более мелкие, мероприятия указ отводил всего два месяца — до 1 марта 1992 г. Правда, уже через два дня после обнародования этого указа на места поступило постановление правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», в котором сроки продлевались на 10 месяцев — до 1 января 1993 г.²¹

Выполнение упомянутого указа президента и других постановлений в сфере аграрного реформирования в масштабах Российской Федерации предусматривало колоссальный объем работ. Рыночному преобразованию предстояло подвергнуть более 25 тыс. колхозов и совхозов, что затрагивало коренные интересы 10 млн человек, в них работавших²². К общему руководству и координации работ на местах привлекались местные исполнительные комитеты, входившие в Комиссии по приватизации земель и реорганизации колхозов и совхозов, наряду с которыми работали новые сельские администрации. Предстоящая раздача паев осложнялась необходимостью обязательного учета индивидуального трудового вклада каждого работника — не только из числа действующих, но и пенсионеров. Основным ее принципом являлось обеспечение справедливого в социальном отношении и экономически обоснованного перераспределения земель, создание равных условий для развития всем формам хозяйствования. И если в СССР вся земля принадлежала единому собственнику — государству, которое, в соответствии с Конституцией, закрепляло их за коллективными хозяйствами, то процесс бесплатной раздачи земельных паев работникам означал передачу земли от государства в собственность сельским гражданам, непосредственно их обрабатывавшим — работникам сельхозпредприятий, будущим фермерам и владельцам ЛПХ. На практике аграрные преобразования свелись к массовому переводу колхозов и совхозов на другие формы собственности — их преобразованию в паевые хозяйства: акционерные общества (АО), товарищества, производственные кооперативы и пр. Возникали проблемы организационного порядка, когда коллективные хозяйства не соглашались переходить на новый организационно-хозяйственный статус. Подобные эксцессы, естественно, задерживали процесс реформирования сельхозпредприятий, включая их перерегистрацию. По данным Министерства сельского хозяйства, в начале 1993 г., когда истекал срок завершения земельной реформы, в целом по стране оставалось 4,5 тыс. колхозов и совхозов (более 20% их прежнего числа), работники которых не желали переходить на рыночный статус. Это создавало своего рода прецедент, не предусмотренный указом президента, но коллизию удалось урегулировать: по решению правительства, те колхозы, чьи трудовые коллективы настаивали на сохранении прежнего статуса, не расформировывались, а считались уже прошедшими перерегистрацию. Но и на такие хозяйства распространялось обязательное условие — обеспечить каждому работнику право выхода с землей и имущественным паем для создания самостоятельного хозяйства²³.

²¹ Аграрное законодательство Российской Федерации... С. 290–292.

²² Российский статистический ежегодник, 2000. М., 2000. С. 362.

²³ Крестьянские ведомости. 1992. № 45 (ноябрь); Российская газета. 1992. 5 марта.

Демонтаж колхозно-совхозной системы по такой схеме вылился в дробление, измельчание коллективных хозяйств, когда на базе одного крупного сельхозпроизводителя создавался десяток мелких, в основном фермерских хозяйств. Главный посыл такой меры сводился к предположению, что в условиях рынка фермерские хозяйства будут наиболее эффективными. Вместо ожидавшейся «обвальной» реорганизации и ликвидации коллективных хозяйств на практике все прошло относительно спокойно: были просто составлены акты о перерегистрации хозяйств в АО (акционерные хозяйства) или ТОО (товарищества с ограниченной ответственностью)²⁴. Местная аграрная номенклатура проводила эти преобразования, не имея спущенных «сверху» инструкций и руководствуясь собственными представлениями. Инструкции все же пришли, но с большим опозданием — спустя девять месяцев, когда основное дело уже было сделано. Так, «Положение о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий» было утверждено правительством лишь 4 сентября 1992 г. В нем содержались подробные, но, повторим, сильно запоздавшие наставления о порядке реорганизации колхозов и совхозов, раздачи крестьянам земельных паев и т.д.²⁵

Сама по себе приватизация проходила медленно и не всегда последовательно, часто возникала путаница, было допущено много ошибок, особенно в вопросах получения и оформления крестьянами прав собственности на землю и имущество коллективных хозяйств. Свыше года (с ноября 1992 по декабрь 1993 гг.) ушло только на регистрацию новых форм землевладения и землепользования, а также учет количества и качества земель для рыночного оборота. Но за это время представителями сельской администрации и местных государственных органов был решен целый ряд важных экономических и социальных вопросов, прежде всего, связанных с раздачей крестьянам земельных и имущественных долей, чтобы они могли ими свободно распорядиться в соответствии с личным выбором. Огромное внимание уделялось и созданию нового предпринимательского уклада в аграрном секторе — фермерским хозяйствам, которым государство отводило особую роль в реформировании всего сельского хозяйства. Еще одним вариантом распоряжения полученной при приватизации землей могло быть расширение частного подсобного хозяйства, которое имелось практически в каждой сельской семье. Был и третий вариант, который касался рыночной эволюции крупных коллективных хозяйств — крестьяне, не планировавшие создания своих фермерских хозяйств, могла сдать им свои земельные паи²⁶.

В газетах первой половины 1990-х гг. можно найти немало сообщений о том, как в реальной жизни проходил выбор рыночной формы преобразуемыми хозяйствами. Наиболее распространенным вариантом становилось полное разделение колхоза или совхоза на несколько малых коллективов или отдельных крестьянских (фермерских) хозяйств. Такие производственные коллективы часто объединялись в союзы или ассоциации по оказанию определенных производ-

²⁴ Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. Учебное пособие. М., 2010. С. 196; Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 142.

²⁵ Аграрное законодательство Российской Федерации. С. 334–337.

²⁶ См.: Постановление Совета народных депутатов РСФСР от 3-го декабря 1990 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 1. Ст. 5.

ственных услуг — по материально-техническому обеспечению, реализации или переработке сельскохозяйственной продукции. Часто использовалась и организационно-хозяйственная форма, позволявшая колхозу или совхозу преобразоваться в производственный кооператив с совместной (кооперативной) неделимой собственностью, принадлежавшей всем его членам. Нередко выбор сводился к созданию разного типа акционерных обществ на базе реформируемых хозяйств. Практика показывала, что коллективные хозяйства советского типа в целом довольно легко поддавались реорганизации в акционерные общества, в них имелись все условия для реализации обязательного трудового участия дольщиков. Однако в начале преобразований сельхозпредприятий вопрос о степени эффективности различных рыночных форм, выбираемых для конкретного хозяйства, был еще не изучен. Исследователи отмечали, что организация хозяйств нового типа, включая фермерские, по существу происходила не вместе с развитием коллективного предприятия, а вместо него — колхоз или совхоз при этом почти всегда ликвидировался или преобразовывался, а на его землях возникало несколько разных хозяйств. К началу 1993 г., т.е. в течение одного года, по всей стране реорганизацию и перерегистрацию прошло почти 20 тыс. колхозов и совхозов, или 77 % их общего числа. На их землях образовалось свыше 300 АО открытого типа, 8,6 тыс. ТОО и смешанных товариществ, а также 1,7 тыс. сельскохозяйственных кооперативов. Еще 347 колхозов и совхозов были переданы предприятиям и организациям в качестве подсобных хозяйств²⁷.

Благодаря рыночным преобразованиям, всего по России земельные паи на правах собственности получили порядка 12 млн бывших колхозников и рабочих совхозов. Это дало им возможность самостоятельно и в соответствии с личными предпочтениями выбрать способ распоряжения полученной землей: 1) для создания фермерского хозяйства (или другого частного предприятия на земле); 2) расширить за этот счет личное подсобное хозяйство; 3) передать полученную землю в качестве вступительного взноса в кооператив, акционерное общество и т.п. предприятие, создавшееся на месте прежнего коллективного хозяйства²⁸. На практике далеко не каждая сельская семья из-за технической слабости своего подворья или по другим причинам могла самостоятельно обрабатывать дополнительно полученную землю. Жизнь показала, что за счет полученных земельных паев большинство селян предпочло расширить общую площадь своего ЛПХ, которое с 1998 г. официально стало их собственностью.

Результаты специального панельного исследования, проведенного в 1999 г. Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, показали, что большинство российских аграриев в новых социально-экономических условиях еще не было психологически готово сделать выбор, адекватный требованиям рыночной экономики. Иными словами, проводя приватизацию земель и колхозно-совхозного имущества, государство предоставило крестьянам земельные доли в надежде на их рыночный выбор, т.е. организацию фер-

²⁷ Сельская жизнь. 1993. 4 марта; *Зырянов А.Ф.* Фермерство: история, противоречия, актуальные проблемы становления. Краснодар, 1994. С. 82–83.

²⁸ Никоновские чтения-2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М., 2002. С. 289; *Рогалина Н.Л.* Указ. соч. С. 196.

мерских хозяйств. В действительности под «собственным делом» опрошенные сельские респонденты понимали не только К(Ф)Х, на что решилось лишь 2,4 %, но и любую иную торгово-посредническую деятельность в сфере сбора и реализации сельскохозяйственной продукции (7,6 %), а также в ином бизнесе (1,7 %). Главное, что показал социологический опрос — возможностью открыть самостоятельное дело («агробизнес») в виде фермерского хозяйства или посреднической деятельности в сельскохозяйственной сфере воспользовалось всего 10 % аграриев. Словом, несмотря на состоявшиеся институциональные преобразования, испытать себя в предпринимательской деятельности рискнул лишь каждый десятый сельский житель. Это подтверждало, что одной приватизации и проведенных преобразований в АПК недостаточно. В целом проведенная на селе приватизация не оправдала надежд, так как не способствовала повышению эффективности производства. Не получила от сельской приватизации ожидавшегося пополнения и казна²⁹.

Чтобы не допустить разбазаривания и расхищения земель сельскохозяйственного назначения спекулянтами и лицами, не имевшими отношения к их производственному использованию, 2-й (внеочередной) Съезд народных депутатов (1990) принял решение о введении в России 10-летнего моратория на ее продажу. Право частной собственности на землю вводилось в ограниченном порядке, лишь на земельные участки, предназначавшиеся для сельскохозяйственного производства (земли фермеров, владельцев ЛПХ, дачников и др.). Впоследствии это право распространилось и на крестьян, получивших земельные пай в собственность, которые тоже нельзя было отчуждать, продавать, дарить в течение 10 лет. Полученный земельный пай мог быть продан на правах собственности только в двух случаях: при выходе граждан на пенсию или при получении земли по наследству. Продажа земли допускалась исключительно внутри данного хозяйства — один работник имел право продать ее другому. Иные варианты исключались. Прочим российским гражданам и юридическим лицам частная собственность на землю не предоставлялась. Наряду с этим, в конце 1991 г. в РФ, как и во многих других государствах, были введены обязательные платежи за землю (земельный налог, арендная плата, цена земли в случае ее купли-продажи)³⁰.

Следует подчеркнуть, что общим недостатком проведения земельной реформы явился формализм: реорганизация бывших коллективных хозяйств в акционерные общества, ассоциации крестьянских хозяйств и др. прошла как формальный передел земельных и имущественных фондов, преимущественно в коллективно-долевую форму собственности. Большая часть требований земельной реформы тоже фактически была выполнено лишь формально, не приводя их в соответствие с рынком. В спешке реформирования допускалось множество нарушений юридического характера, зачастую передел земельного и имущественного фонда происходил лишь на бумаге. По имеющимся данным, формальная реорганизация коснулась почти 80 % СХП по стране, ничего не

²⁹ Лылова О.В. Основные стратегии предпринимательства, реализуемые сельским населением в период реформ // Никоновские чтения-2002. С. 289–290.

³⁰ Аграрное законодательство Российской Федерации. С. 203–205.

меня по существу³¹ — в некоторых переоформленных организациях их новый устав не был обсужден, а если и обсуждался, то с серьезными процедурными нарушениями. В итоге многие реорганизованные и перерегистрированные сельхозпредприятия лишь поменяли печать и вывеску. В общем, преобразование колхозов в акционерные общества формально произошло, но порядки в них оставались прежними. Зато, как писали газеты, районным властям удавалось одним махом «убить сразу двух зайцев»: отрапортовать о полном охвате реформированием селян, которые продолжали работать в своих хозяйствах по-старому³².

Без формализма не обошлась и передачи земли: если фермерам, худо-бедно, она была нарезана «в натуре», то значительная часть других собственников даже не знала, где именно находятся участки, выделенные им в паи. Они были вынуждены довольствоваться «виртуальными» участками — не землей, а выданной на нее бумагой. Но и ее дольки зачастую ожидали годами, да и получили лишь 70 % собственников земельных паев³³.

Суровая российская действительность вносила свои коррективы в реалии рыночного обновления. Многие колхозы и совхозы, сопротивляясь радикальной реорганизации по намеченному реформаторами сценарию, долго и медленно умирали. Имели место и другие примеры — крестьяне и даже местные власти не торопились крушить прежние хозяйства, а лишь теснили их настолько, чтобы вместить и нарождавшиеся рыночные структуры. Нередко эти системы мирно соседствовали. Например, вполне благополучные совхоз им. Кирова, колхоз «Заветы Ильича» и другие хозяйства Лотошинского района Подмосковья продолжали развивать производство, но в духе времени развернули торгово-закупочную деятельность, причем не только своими товарами, но и продукцией соседних хозяйств. Многие другие рентабельные колхозы и совхозы организовано и осознанно «шли в рынок». Одновременно сельский социум нередко сотрясали раздоры по причине набиравшего силу социального и имущественного неравенства. Как бы там ни было, до изобилия в аграрном секторе было еще далеко³⁴.

После реорганизации количество убыточных хозяйств кратно возросло. Если в 1990 г., до начала аграрной реформы, их было менее 10 %, то уже к 1995 г. среди крупных и средних СХП разных форм их стало 55 %, а к 1997 г. — 78 %³⁵. Иными словами, уже первый этап аграрной реформы ознаменовался ощутимым экономическим спадом, главной причиной которого стал курс на крутой демонтаж советского АПК. Огромный ущерб сельскому хозяйству наносила либерализация ценообразования, заменившая государственное. Возник резкий диспаритет в ценах на продукцию отдельных отраслей экономики. Так, вследствие невероятного повышения стоимости промышленных изделий (в том

³¹ Аграрная экономика и политика: история и современность. М., 1996. С. 122.

³² Крестьянские ведомости. 1992. № 41 (октябрь).

³³ См.: *Кирчик О.* Дискуссия по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 92; Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам. М., 2016. С. 89.

³⁴ *Зырянов А.Ф.* Указ. соч. С. 77–78.

³⁵ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 29.

числе машин, сельхозтехники, горюче-смазочных материалов, минеральных удобрений), жизненно необходимых сельскому хозяйству, сложилось их многократное ценовое превосходство над продукцией села, цены на которую росли намного медленнее. Подобная ценовая политика незамедлительно привела к еще большему снижению использования техники на полях.

Крайне негативным итогом аграрной реформы становилось и одновременное сокращение численности работников в сельхозпредприятиях, вызванное издержками рыночных преобразований, прежде всего, — падением производства, безработицей и бедностью на селе. Политика ценового диспаритета быстро превратила отечественное сельское хозяйство в убыточную отрасль, что, безусловно, разоряло село. Естественным следствием сокращения объема сельскохозяйственного производства становилось и нараставшее падение доли внутреннего валового продукта, производимого в данном секторе российской экономики: с 16,4 % в 1990 г. до 6,3 % в 1994-м³⁶. На фоне галопирующей инфляции общее положение в стране ухудшалось, стремительно росли цены на продукты питания, а реальные доходы населения падали. Жители села оказались в особо тяжелом положении — их труд при новой политике ценообразования оказался обесценен. На протяжении 1990-х гг. оплата труда в сельском хозяйстве не превышала половины таковой в других отраслях³⁷.

Что касается крупных и средних сельскохозяйственных предприятий, то их земельные угодья за время реформ в основном перешли в собственность их коллективов. Но одновременно происходило разгосударствление земли, ранее бывшей в пользовании колхозов и совхозов. В 1995 г. общая площадь всех сельскохозяйственных угодий по РФ составляла около 210 млн га, из которых 10,4 млн перешло крестьянским (фермерским) хозяйствам. За это же время практически вдвое (с 2,9 млн до 5,3 млн га) увеличилась площадь частных подворий. В среднем по России каждая сельская семья получила примерно по два земельных пая (по числу работников). Дальнейшее распоряжение полученной землей выглядело так: сравнительно небольшая часть сельских жителей вложила их в создание будущего фермерского хозяйства, значительно больше предпочло за счет полученных паев расширить уже имевшиеся земли под своими огородами и садами, которые составляли основу их подсобных хозяйств³⁸.

Таким образом, рыночное преобразование коллективных хозяйств сопровождалось в основном дроблением крупного производства, вследствие чего уже через три года после начала реформ сложилась совершенно иная экономическая ситуация. Ее главной чертой стало резкое и многократное увеличение общего числа хозяйствующих субъектов, основные производственные показатели которых (численность работников, уровень материально-технической оснащенности хозяйств, в первую очередь, земельных и материально-технических ресурсов и др.) существенно уменьшились за время реформ. Действительно, к 1995 г. вместо 25 тыс. колхозов и совхозов, имевшихся в РФ на 1990 г., возникло

³⁶ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 1998. С. 17; ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 1.

³⁷ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М., 1998. С. 123; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Официальное издание. Стат. сб. М., 2002. С. 109.

³⁸ Аграрное законодательство Российской Федерации. С. 243; ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 1.

26 874 крупных и средних СХП разных организационно-правовых форм, включая 5,5 тыс. колхозов и 2,1 тыс. совхозов, а также 2,4 тыс. производственных сельскохозяйственных кооперативов. И это не считая 270 тыс. зарегистрированных фермерских хозяйств и 13–14 млн (!) полунатуральных крестьянских хозяйств потребительского типа³⁹.

Все более очевидным следствием проведенного реформирования становилась деградация сельского хозяйства, суть которой выражалась в повсеместной замене ранее доминировавших крупных сельхозпредприятий, располагавших значительной машинно-технической базой, преимущественно мелкими товаропроизводителями семейного типа. Иными словами, происходила замена коллективных СХП нарождавшимися немногочисленными крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, а также проявлявшими невероятную активность полунатуральными частными крестьянскими подворьями, которые быстро «прорастали» из их подсобных хозяйств. Кроме того, переход к рынку и сопутствовавший отказ от директивно-распределительного подхода к аграрной политике, сопровождался существенным снижением доли финансирования АПК из федерального и местного источников. С 1992 по 1995 г. на аграрное развитие России из госбюджета было направлено почти в восемь раз меньше средств (с 17,4 % до 2,4 %). С учетом инфляции эта сумма в общем объеме инвестиций в экономику составляла лишь 12 % вместо 31 % еще в 1991 г.⁴⁰

В итоге в сельском хозяйстве России быстрого перехода к рынку не получилось, и, судя по всему, запасного варианта на случай неудачного развития событий у реформаторов не было. Это стало платой за то, что рыночные преобразования в аграрной сфере проводились бессистемно, без учета научных рекомендаций, с самого начала отвергнутых в пользу западного варианта реформ. Руководство страны оказалось вынуждено импровизировать, действовать ситуативно, методом проб и ошибок. Отказ от рекомендованного принципа последовательности и поэтапности при реализации аграрной реформы, равно как и навязанное Западом форсирование событий, во многом привели лишь к формальному проведению рыночных преобразований.

Еще одним итогом реформ стал упадок производительных сил и всего аграрного производства, включая сокращение земельных площадей, реально используемых в сельском хозяйстве. За 10 лет, с 1990 по 2000 г., общая площадь таких земель в целом по РФ уменьшилась более чем на 16 млн га, причем из них 12 млн га оказались в запустении в 1995–1999 г. Весьма тревожным симптомом было то, что особенно быстро (сразу на $\frac{1}{4}$) из сельскохозяйственного оборота выпали посевные площади, базовые для всей отрасли — с 117,7 млн до 88,3 млн га⁴¹.

Ускоренное сокращение обрабатываемых земель также объяснялось последствиями радикального изменения экономической ситуации в сельском хозяйстве, при которой мелкие хозяйствующие субъекты, пришедшие на смену большинству крупных хозяйств, располагая недостаточным парком машин и

³⁹ Подсчитано по: МСХ РФ. Агропромышленный комплекс России. Стат. сб. М., 2001. С. 13; Российский статистический ежегодник, 1994. Стат. сб. М., 1994. С. 346; Сельское хозяйство в России. Стат. Сб. М., 1998. С. 85.

⁴⁰ Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 1995. С. 8.

⁴¹ Сельское хозяйство в России. 2000. Стат. сб. М., 2000. С. 52, 53.

техники, были не в состоянии обрабатывать все доставшиеся им земли. Снижалось использование машин и механизмов, ежегодно сокращался общий уровень технической обеспеченности сельскохозяйственных предприятий: в 1990 г. на 1000 га пашни в среднем по России приходилось 10,6 тракторов, а в 1997 г. — уже только 8,7. Такой недостаток способствовал значительному возрастанию производственной нагрузки на технику: с 95 га пашни до 115 га в расчете на один трактор⁴². Одновременно общим правилом становилось сокращение рабочей силы в коллективных СХП. По официальным данным, в 1991 г. в сельском хозяйстве России работало 9,7 млн, а в 1999 г. — лишь 8,5 млн человек, или на 1,2 млн меньше⁴³. Следовательно, земельная реформа не смогла обеспечить даже минимальный прогресс в развитии производительных сил аграрного сектора России, а, напротив, способствовала их деградации.

Несмотря на произошедшие в самом начале аграрной реформы существенные корректировки ее изначальной концепции, некоторые из ее прежних ориентиров какое-то время сохранялись. Так, проект предусматривал масштабные перемены институционального характера в АПК, прежде всего, — создание слоя фермерских хозяйств, а также определенную трансформацию ЛПХ как самой многочисленной категории сельхозпроизводителей. Первоначальная концепция аграрной реформы предполагала, что на переходном этапе частные подворья превратятся в хозяйства рыночного типа, и это сделать удалось. Благодаря получению земельных долей их средние размеры укрупнились в два и более раз. На руку им сыграла и безработица в СХП.

Рыночные преобразования 1990-х гг. открыли новый этап в эволюции сельского социума. Наиболее ощутимо это прослеживалось в подсобных хозяйствах, имевшихся практически при каждом сельском домохозяйстве. В них выращивались овощи, разводился домашний скот и птица. На полученных от приватизации землях, расположенных за пределами села, высаживали картофель, зерновые или другие культуры. Общий размер землевладения в частном пользовании за 1990-е гг. вырос с 3,9 млн до 11 млн га, или в 2,8 раза. Средняя землеобеспеченность частных подворий (бывших ЛПХ) по России колебалась от 36 соток в 1995–1997 гг. до 40 соток в 1998–1999 гг. и более. По данным всероссийского мониторинга социально-трудовой сферы села, в 1999 г. свыше трети опрошенных работников коллективных СХП имели более 80 соток, 37 из которых составляли приусадебный участок, а остальные находились «за пределами жилой застройки»⁴⁴.

На всем протяжении рыночных реформ в России насчитывалось от 13,5 млн до 16,3 млн личных подсобных хозяйств, и это придавало своеобразие всему сельскому образу жизни. Частные подворья всегда играли огромную роль в жизни российской деревни, но в 1990-е гг., когда для многих жителей настали трудные времена и из преобразованных на рыночный лад СХП было уволено свыше миллиона работников, именно частные семейные хозяйства стали спасительной

⁴² Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 1998. С. 39, 41

⁴³ ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 1.

⁴⁴ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 86; *Бондаренко Л.В.* Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003. С. 163.

нишей, принявшей людей, которые лишились рабочих мест. Поскольку сельская сфера занятости всегда отличалась ограниченностью — лишь колхозами и совхозами, то именно в них и работало большинство лиц трудоспособного возраста. Социальная сфера села была развита слабо, а в 1990-е гг. общее сокращение бюджетного финансирования коснулось и ее учреждений, очень быстро привело их к упадку, закрытию или невыплате зарплат работникам и т.д.

Приход сотен тысяч дополнительных работников придал сфере подсобных хозяйств мощный импульс к развитию. Производительные силы подсобных хозяйств: огромное дополнительное число людей, обладавших серьезным производственным опытом, одновременно со значительно увеличенными площадями земли (средства производства), совместно создали прочный экономический фундамент для повышения эффективности работы и трансформации ЛПХ в крупный самостоятельный уклад села. С этого времени для многих селян, включая молодые семьи с детьми, безработных и пенсионеров, центр трудовой активности переместился на приусадебные хозяйства. Село отступило на подворья, на которых с новой силой закипела жизнь; сами подсобные хозяйства быстро окрепли и выдвинулись на передний план сельской жизни⁴⁵.

Общее число занятых в ЛПХ быстро росло. К 2001 г. в них уже насчитывалось вдвое больше работников (4,4 млн человек), чем в 1990 г., а с учетом иных категорий, включая нетрудоспособных, и тех, кто имел и другое занятие, приносившее доход, это число доходило до 14–16,6 млн человек⁴⁶. Но огромным минусом, существенно тормозившим развитие экономики данного сектора, оставалось практически полное отсутствие в нем средств механизации и общая примитивность используемого сельхозинвентаря (лопата, вилы, грабли и пр.). Как и сто лет назад, здесь господствовал ручной труд. И все же дополнительное включение многочисленных работников активного возраста в работу на частных подворьях способствовало быстрому увеличению общей доли, занимаемой ЛПХ, в валовом производстве сельскохозяйственной продукции. Если в 1991 г. она составляла 28 %, в 1996 г. — 49,1 %, то в 1998 г. — уже более половины (59,2 %). На протяжении 1995–2002 гг. они ежегодно производили 90–93 % общего объема картофеля 73–81,5% овощей, от 48,6 до 59,4 % скота и птицы (в убойном весе), почти половину молока и т.д.⁴⁷ Таким образом, частные подворья производили не только подавляющую часть аграрного вала, но и основной объем целого ряда важнейших продуктов. Серьезной была их роль и в формировании общесемейных доходов селян. Согласно имеющимся подсчетам, совокупный вклад продукции ЛПХ (в стоимостном выражении), например, в 1997–2001 гг., достигал 30–40 % общего объема располагаемых материальных ресурсов средней российской сельской семьи⁴⁸.

⁴⁵ См., напр.: Глазьев С., Кара-Мурза С., Батчиков С. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2002 гг. М., 2004. С. 269.

⁴⁶ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003. С. 165.

⁴⁷ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 33; Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. Стат. сб. М., 2003. С. 15.

⁴⁸ О положении семей в Российской Федерации. М., 2005. С. 172; Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М.; СПб., 2017. С. 327–328.

Несмотря на феноменальные экономические успехи данного сектора аграрной экономики, а также тот факт, что его представляло 13–15 млн хозяйств, сельские жители еще долго не имели закона, который регулировал бы правовые основы ведения ЛПХ, статус и права его владельцев. Закон «О личном подсобном хозяйстве» Государственная дума приняла лишь в декабре 1998 г. Личное подсобное хозяйство закон признавал одной из равноправных форм ведения аграрного производства наряду с коллективными сельхозпредприятиями и фермерскими хозяйствами. В нем подчеркивалась принципиальное отличие ЛПХ от фермерских хозяйств: подсобные хозяйства должны были иметь подчеркнuto непредпринимательский характер и удовлетворять нужды своего владельца⁴⁹.

Огромный массив рабочей силы, сконцентрированной в хозяйствах личных подворий, подтверждал, что за 1990-е гг. Россия из страны крупного механизированного сельскохозяйственного производства, какой она была во времена СССР, фактически вновь превратилась в страну мелких земельных собственников. Около полутора десятка миллионов жителей села в своих частных подворьях фактически без применения техники производили более половины валового сельскохозяйственного продукта в стране. Вместе с тем, использование такого внушительного контингента рабочей силы исключительно для продовольственного самообеспечения крестьянских семей, было явно нерационально.

Таким образом, в 1990-е гг. в аграрной экономике России появились и функционировали три самостоятельных сегмента. Наряду с крупными сельскохозяйственными предприятиями, преобразованными еще на первом этапе реформы, действовал сектор ЛПХ, также переживавший серьезную трансформацию. Максимальное внимание властей было приковано к формированию принципиально нового предпринимательского уклада — крестьянских (фермерских) хозяйств. Именно с этим типом хозяйств были связаны наиболее смелые и далеко идущие планы российских либералов-реформаторов.

Изменившийся подход к аграрной реформе в России придавал особую значимость институциональным преобразованиям — созданию новых производственных структур, призванных заменить колхозы и совхозы. Переход от плановой социалистической системы сельского хозяйства к рынку требовал появления новых и эффективных субъектов хозяйствования на основе частной собственности на землю. Установка на создание в России нового слоя сельских предпринимателей, фермеров, стала важнейшей частью проекта аграрной реформы 1990-х гг. Осенью 1990 г. был принят закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», определивший его экономические, социальные и правовые основы. Крестьянское фермерское хозяйство считалось самостоятельным хозяйствующим субъектом и одной из форм свободного предпринимательства на земле. Юридически К(Ф)Х предстояло стать хозяйством, осуществляющим «производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции». Следовательно, фермерское хозяйство возрождалось прежде всего как семейное производство, но в отличие от личных подсобных хозяйств, оно являлось товарным, ориентированным на рынок, что и оправдывало использование в нем наемной рабочей силы. С целью привлечения аграриев к занятию фермер-

⁴⁹ О личном подсобном хозяйстве. Федеральный закон // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.

ством закон освобождал молодые фермерские хозяйства на пять лет от обязательных поставок сельскохозяйственной продукции⁵⁰.

До 1994 г. государство предоставляло фермерам кредиты на льготных условиях, налоговые и иные субсидии, которые не выдавались другим типам хозяйств. Получалось, что действовавшие в сельском хозяйстве экономические уклады практически с самого начала были поставлены в неравные условия: сельхозпредприятия в лице еще сохранявшихся колхозов и совхозов обрекались на постепенное отмирание, личные подсобные хозяйства выживали, как могли, зато фермеры получили от государства приоритет и всяческое содействие.

В стране нашлось немало людей, которые отважились стать фермерами и не побоялись создать единоличное хозяйство даже в условиях кризиса и экономической нестабильности. Фермерство — особый вид бизнеса, который в огромной степени зависит от личных качеств людей, решивших открыть свое дело. Для успеха этого дела как минимум требовался опыт работы в сельском хозяйстве, хорошее знание производственных процессов — от пахоты и сева до уборки урожая. Особую роль на будущих российских фермеров возлагала и власть в надежде, что те смогут окончательно избавить страну от продовольственных затруднений. О том, «фермер накормит всю Россию», трубили средства массовой информации.

В итоге в деревню хлынули горожане, имевшие о крестьянском труде весьма смутное представление. Со временем выяснилось, что многих из них привлекала возможность получить не столько землю, сколько прилагавшийся к ней солидный стартовый капитал. Социальный состав зарождавшегося фермерства был чрезвычайно пестрым, примерно на четверть оно состояло из уволенных в запас военнослужащих, а также выходцев из стран ближнего зарубежья. Сами сельские жители неохотно шли в «свободные землепашцы» и не спешили покидать коллективные хозяйства. Социологические опросы показывали, что значительное их большинство отдавало предпочтение не предпринимательству или фермерству, а постепенному переходу к рыночной экономике, регулируемой государством⁵¹. Селяне осознавали, что в создавшихся условиях индивидуальное товарное хозяйство с большой долей вероятности обречено на провал, так как в нем не хватало техники, механизмов, транспорта. Многие всерьез опасались со временем быть объявленными «кулаками»⁵².

Демографические характеристики сельских семей также плохо соответствовали фермерству: велика была доля людей преклонных лет, причем численность молодежи и лиц активного трудоспособного возраста (до 50 лет) сокращалась. Это отражалось и на количественной динамике фермерского движения. В первые годы количество фермерских хозяйств выросло более, чем в десять раз и к 1991 г. составило 49 тыс. Своеобразным пиком их численности стал 1992 г., когда действовало уже почти 134 тыс. хозяйств. Но с 1994 г. все больше фермеров, будучи не в состоянии преодолеть возникавшие трудности, прекращали свою

⁵⁰ Аграрное законодательство Российской Федерации. С. 15–16.

⁵¹ Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 76.

⁵² См.: Логанова И.В. К вопросу о сложности взаимоотношений власти и фермеров в первой половине 1990-х гг. (На материалах областей Центрального Черноземья) // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI в. Коломна, 2013. С. 729.

деятельность⁵³. Всего за этот год образовалось лишь 9 тыс. новых КФХ, а в 1995 г., когда в стране насчитывалось 250 тыс. фермеров, их прирост прекратился⁵⁴. Участились их банкротства: если в 1991 г. на 100 организованных фермерских хозяйств приходилось всего два таких случая, в 1992 г. — 5, в 1993 г. — 16, то в 1994 г. обанкротилось 23 % фермеров, главным образом в связи с прекращением помощи от государства. Особенно много фермерских банкротств произошло в Сибири (1153 хозяйств за 1996–2000 гг.), в Новгородской, Псковской, Ульяновской, Пензенской областях, на Урале, в Республике Мордовия и т.д. На рубеже XX–XXI вв. число К(Ф)Х уже заметно снизилось. На фоне почти в 13,5 млн домохозяйств в 2002 г. фермеров насчитывалось всего 261,7 тыс. Иными словами, фермерскими были лишь 2 % сельских домохозяйств⁵⁵.

Менялся и социальный состав российского фермерства. К 1995 г. он стал более однородным, владельцами почти 85 % фермерских хозяйств являлись сельские жители, имевшие опыт работы на частных подворьях и в колхозах⁵⁶. Однако миллионного масштаба, о котором мечтали реформаторы, фермерство в России так и не достигло.

Со временем государственная аграрная политика становилась все более непоследовательной даже в отношении своего фаворита — фермерского уклада. В 1996 г. в соответствии с новым Гражданским кодексом РФ, фермеры лишились прав юридического лица, предоставленных им в 1990 г. Это право сохранялось лишь за хозяйствами, зарегистрированными до 1995 г. Право на привлечение рабочей силы в свои хозяйства со стороны, данное им в 1990 г., еще сохранялось, несмотря на появление в Гражданском кодексе оговорки, что К(Ф)Х ведется преимущественно трудом его членов⁵⁷. По существу, наступление на льготы фермеров, будущих «кормильцев России», началось уже в 1992 г., когда для них, вопреки закону, были установлены нормы обязательных государственных поставок — 25 % выращенной ими продукции. В связи с этим председатель Госдумы РФ И.П. Рыбкин в 1994 г. говорил: «Многие политики еще недавно возлагали большие надежды на фермерство. Дескать, благодаря этому решим самую болезненную проблему — продовольственную! В России было создано 280 тыс. КФХ, роздано 10 млн га земли, но отдача от фермеров сегодня лишь 1 %... И винить некого! Со стороны государства этому делу не было никакой системной и целенаправленной поддержки»⁵⁸.

Действительно, позиция государства в годы рыночных реформ на селе оказалась на удивление непоследовательной. Уже в самом начале оно довольно легко отступило от первого, тщательно выверенного варианта аграрной реформы, составленного отечественными специалистами. Затем, взяв курс на фор-

⁵³ Бондаренко Л.В. Развитие социальных процессов на селе. М., 1995. С. 67, 68.

⁵⁴ Российский статистический ежегодник. М., 1997. С. 383; Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 1995. С. 53; Бондаренко Л.В. Развитие социальных процессов... С. 69; ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 214. Л. 38.

⁵⁵ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. 2000. С. 90, 94; подсчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. М., 2005. С. 230; Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России. Стат. сб. М., 2000. С. 14.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 214. Л. 38.

⁵⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. М., 1996. С. 421.

⁵⁸ Российские вести. 1994. 28 июня.

сированный переход к рынку, оно еще и в значительной мере устранилось от финансирования сельского хозяйства. Особенно жесткой критики заслуживает позиция государства в отношении фермеров — сначала им щедро раздавались обещания, кредиты и всевозможные льготы, но уже с 1994 г. государство практически полностью прекратило их поддержку. Иными словами, создается впечатление, что по мере того, как реформы все больше заходили в тупик, государство теряло к ним интерес и прекращало финансирование, самоустраняясь от регулирования экономических процессов на селе.

Успешному развитию фермерства мешало многое, в том числе недостаток техники и машин, а также отсутствие на селе необходимой материально-технической инфраструктуры, проблемы с получением льготных кредитов и пр. Фермеры, как и другие сельскохозяйственные производители, из-за резкого подорожания техники не могли ее приобретать даже в минимальном количестве. Диспаритет цен привел к тому, что сельское хозяйство превратилось в самый слабый и незащищенный сектор экономики, постоянно терпевший колоссальные убытки. Вздорожание промышленных товаров и сырья доходило до абсурда. Чтобы купить литр солянки, крестьянину приходилось продавать три литра молока. Из-за ценовой политики государства село несло огромные потери — одно лишь удорожание горючего обходилось ему примерно в 20 млрд руб.⁵⁹

Неизбежным следствием ошибок в аграрной политике становилось ухудшение общей технической оснащенности и уровня механизации производственных процессов. За 1990–2000 гг. количество тракторов на селе уменьшилось почти наполовину, зерноуборочных комбайнов — в два раза (с 407,8 тыс. до 210,1 тыс.), почти втрое — картофелеуборочных комбайнов (с 32,3 тыс. до 11,4 тыс.). В итоге, даже с учетом резкого сокращения обрабатываемых площадей, средняя нагрузка на каждый оставшийся в аграрном секторе трактор выросла почти наполовину — с 95 га до 130 га⁶⁰. Техническое обеспечение производства снижалось по всем укладам сельскохозяйственной экономики — все больше тракторов, комбайнов и других машин выходило из строя, а новой техники ввиду ее дороговизны в хозяйства поступало в 10–12 раз меньше, чем выбывало по причине физического износа. В 1999 г., например, тракторы имелись только в 76 % фермерских хозяйств, комбайны — в 28 %, грузовые автомобили — в 36 %⁶¹. В итоге получилось, что своей налоговой политикой государство фактически поддерживало не аграрное производство, а монополию предприятий сельхозмашиностроения, допуская многократное подорожание техники. В таких условиях даже для минимального оснащения среднего фермерского хозяйства требовалось 7–10 млн руб., а таких денег у населения не было⁶².

Не удивительно, что в аграрном производстве падал уровень механизации, возвращались устаревшие технологии. В конце 1990-х гг. Институт аграрной со-

⁵⁹ Лужков Ю.М. Сельский капитализм в России: столкновение с будущим. Аграрный вопрос правительству М., 2005. С. 79.

⁶⁰ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 41, 43; Серогодский Н.А. Экономические и социальные проблемы села в условиях аграрной реформы (1990–2000 годы). Ростов-на-Дону, 2003. С. 72.

⁶¹ Региональные агросистемы: экономика и социология. Ежегодник Института аграрных проблем. Саратов, 1999. С. 39; Никоновские чтения-2000... С. 134.

⁶² ГА РФ. Ф. А-10080. Оп. 1. Д. 228. Л. 17.

циологии провел обследование, показавшее, что условия труда в сельскохозяйственном производстве за годы реформ существенно ухудшились. Резко снизилась доля работ, выполняемых механизированным способом: в среднем по всему сельскому хозяйству — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$. Если в крупных сельхозпредприятиях доля механизации в 1999 г. по сравнению с 1991 г. упала на 25%, то в фермерских хозяйствах — минимум на треть. В личных подсобных хозяйствах объем работ, выполняемых механизированным способом, за это же время снизился сразу в 8–9 раз! Общему снижению уровня механизации неизменно сопутствовало нараставшее применение ручного и конно-ручного труда. Общий объем работ, выполняемых вручную, в среднем по сельскому хозяйству РФ за 1990-е гг. поднялся в 3–3,5 раза, причем, в основном — в частных подворьях, где в 1999 г. вручную выполнялось уже 60–70 % работ, или вдвое больше, чем в 1991 г. Особенно доля работ, выполняемых с помощью конной тяги, выросла в фермерских хозяйствах, где в начале 1990-х гг. таким способом их выполнялось 10–12 % — больше, чем даже в личных подсобных хозяйствах. Таким образом, недоступность дорогой техники и машин заставляла крестьян возвращаться к старым технологиям.

Точную оценку изменений, происходивших в характере аграрного труда в эти годы, дал социолог В.И. Староверов: «Статистика и наши собственные данные позволяют утверждать, что в 1990-е гг. социокультурное пространство деревни вступило в стадию системной деградации... Суть этого тревожного для России процесса характеризуется, в том числе, и тенденцией децивилизации на селе материальных оснований культуры производства и условий труда. Она характеризуется, прежде всего, деиндустриализацией аграрного производства по причине резкого спада поставок сельскохозяйственных машин и технических средств. Средняя обеспеченность ими в соответствии с технологическими нормативами упала с 90–100 % до 35–60 %»⁶³. Ту же картину давала и официальная статистика, согласно которой производительность труда в сельском хозяйстве РФ с 1990 по 1999 гг. снизилась на 30 %⁶⁴.

Таким образом, аграрная реформа 1990-х гг. вовсе не сопровождалась техническим прогрессом в сельском хозяйстве — наоборот, труд людей, работавших на земле, на протяжении переходного периода стал еще тяжелее, господство физического труда лишь усилилось по причине утраты даже тех средств механизации, которые имелись до реформы. Так, в 1985 г. механизация в среднем по растениеводческой отрасли охватывала до 70 % видов работ; животноводство также достигло определенных успехов, хотя и в меньшей степени⁶⁵. Но такой уровень механизации сельского хозяйства казался либеральным реформаторам недостаточным, они поставили задачу его существенного повышения. На деле за годы радикальной аграрной реформы в ходе разорения и уничтожения бывших коллективных хозяйств был расхищен их машинно-тракторный парк, поскольку наспех проведенная раздача работникам техники в виде долей, по

⁶³ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 66–67.

⁶⁴ Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 2000. С. 67, 73.

⁶⁵ Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 1995. С. 41; АПК: экономика и управление. 1989. № 10. С. 3.

сути, проходила как примитивное растаскивание общественной техники. Простым же аграриям, кстати, тоже ставшим равноправными дольщиками новых сельхозпредприятий, равно как и большинству рядовых фермеров, пришлось довольствоваться тем, что осталось — землей худшего качества и сильно устаревшей или поломанной техникой⁶⁶.

Следует принять во внимание и объективные факторы: на протяжении 1990-х гг. все уклады аграрного сектора РФ действовали в единой системе сельскохозяйственного производства, следовательно, их развитие проходило примерно в равных условиях (с поправкой на особое отношение к фермерским хозяйствам). В любом случае каждый из трех этих хозяйственных укладов в XXI-й век входил со своими конкретными экономическими результатами. Вопреки ожиданиям, на подъеме оказались частные крестьянские подворья (бывшие подсобные), которые с середины 1990-х гг. по своим производственным результатам прочно удерживали первое место. Таким образом, весьма многочисленная группа селян не только сумела выработать стратегию «выживания», но и успешно адаптироваться к условиям нарождавшейся рыночной экономики. В результате в 1999 г. именно сектор бывших ЛПХ произвел свыше половины (59,2 %) общего объема сельскохозяйственной продукции в стране, в то время как удельный вес обновленных сельхозпредприятий составлял 38,7 %, а доля фермерских хозяйств — лишь жалкие 1,8–2 %⁶⁷.

Иными словами, самые крупные и впечатляющие экономические результаты работы в новых рыночных условиях на всем протяжении переходного периода были достигнуты не фермерами, а владельцами бывших подсобных хозяйств. Из года в год они лидировали в производстве сельскохозяйственной продукции, и, несмотря на применение самых примитивных орудий труда, стабильно демонстрировали подлинный экономический прорыв. Безусловно, основной причиной столь серьезного успеха ЛПХ послужило их «преимущество в силе» по сравнению с другими укладами. Фактически в ЛПХ работало более половины всего трудоспособного населения деревни, включая тех, кто не имел других занятий; им оказывали посильную помощь еще и вспомогательные категории (подростки, пожилые). Совместный труд в итоге ускорил трансформацию частных подворий в направлении формирования уклада, или, по рыночной терминологии, «частных крестьянских хозяйств».

Несмотря на засилье в них архаики, а также почти полное отсутствие средств механизации, способных облегчить физический труд, им удалось получить впечатляющий экономический результат. Парадокс в том, что их достижения многократно превзошли не только итоги работы фермерских хозяйств, но и крупных сельхозпредприятий, вместе взятых⁶⁸. Ситуация с обеспеченностью рабочей силой в фермерских хозяйствах по сравнению с частными подворьями была совершенно иной: к концу 1990-х гг. общее число К(Ф)Х составило всего 261,7 тыс. На фоне 13 474,8 тыс. сельских домохозяйств фермеры выглядели ма-

⁶⁶ Реформирование в России: мифы и реальность (1989–1994 гг.). С. 189, 267; *Зырянов А.Ф.* Указ. соч. С. 77–78.

⁶⁷ См.: *Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000.* С. 33.

⁶⁸ *Сельское хозяйство России. Стат. сб. М., 1998.* С. 50; *Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000.* С. 33.

лочисленной группкой. Выборочное обследование Госкомстата РФ, проведенное в 2001 г., показало, что общее количество работников фермерских хозяйств вместе с членами семей составляло 442,9 тыс. человек. Если к этому прибавить еще примерно 50 % тех, кто работал в них по найму, получится, что всего в фермерском секторе было занято не более 700 тыс. человек⁶⁹. В любом случае хозяйственные результаты деятельности фермеров в 1990 — начале 2000-х гг., как уже отмечалось, оказались весьма скромными — 1,8–2 % от общего валового продукта сельского хозяйства⁷⁰. Это — убедительное свидетельство краха расчетов реформаторов «накормить всю Россию» руками фермеров.

Оценивая государственную аграрную политику в 1990-е гг., нельзя не подчеркнуть ее многочисленные недостатки и, прежде всего, существенные коррективы, которые под давлением Запада были в нее внесены в условиях продовольственного кризиса конца 1991 г. Западные эксперты не постеснялись тогда прибегнуть к прямому шантажу: в случае непринятия их «советов», направленных на ужесточение реформы в России, отказать ей в предоставлении валютных кредитов для закупки продовольствия. Президент Ельцин и и.о. премьера Гайдар пошли на эти условия. Программу создания рыночных отношений в аграрном секторе, первоначально рассчитанную минимум на 10–15 лет, Россия попыталась выполнить в невероятно сжатые сроки. Сама же реформа, претерпев радикальную правку, лишилась своей целостности и теперь проводилась бессистемно, методом проб и ошибок. Ее закономерным итогом стали не экономические достижения, а многочисленные потери и издержки, приведшие к небывалому для мирного периода падению объемов сельскохозяйственного производства. Вместо создания высокопродуктивного и современного сельского хозяйства рыночного типа Россия получила практически разрушенную аграрную экономику.

Основным показателем фиаско аграрной реформы явилось стремительное ежегодное снижение валового объема сельскохозяйственного производства. К 1999 г. этот показатель едва достиг 58,3 % от уровня дореформенного 1990 г. Валовые сборы зерна приобрели отрицательную динамику и к 1999 г. снизились практически вполтину (с 104,3 млн т в среднем за 1986–1990 гг. до 65,1 млн т в 1996–2000 гг.) притом, что средняя урожайность зерновых мало изменилась (16,5 центнеров с га в 1986–1990 гг. против 15,0 ц/га в 1996–1999 гг.). Главной причиной падения зернового производства явилось существенное, на 16,5 млн га, сокращение посевных площадей — с 63 068 тыс. до 46 555 тыс. га. Все это — свидетельство деградации сельскохозяйственного сектора экономики. Всего за 10 лет по всем основным показателям отрасль была отброшена назад примерно на 35–40 лет⁷¹.

Не лучше обстояли дела и в животноводстве. поголовье крупного рогатого скота с 1990 по 1999 г. уменьшилось в 2,1 раза: с 58,8 млн до 28,0 млн, в том числе коров — с 20,8 до 13,1 млн. При этом из-за бескормичности особый урон понесло поголовье крупных и средних СХП. Напротив, скот частных подворий удалось

⁶⁹ См.: Вербицкая О.М. Указ. соч. С. 265.

⁷⁰ См.: Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 33.

⁷¹ Сельское хозяйство России, аргументы и факты конца XX-го столетия. (Экономические проблемы технического обеспечения производства продукции растениеводства в условиях рыночных отношений). М., 2002. С. 22, 53, 57.

сохранить и даже приумножить, благодаря чему удалось хотя бы частично компенсировать урон общественного стада. Но общее производство скота и птицы (в убойном весе) все равно снизилось в два с лишним раза. В общем, за годы реформ поголовье скота уменьшилось больше, чем за период коллективизации и Великой Отечественной войны⁷².

Важнейшим показателем развития сельскохозяйственной отрасли является уровень производительности труда, который за годы аграрной реформы снизился на 30 %. Только за первые три года рыночных преобразований (1992–1994) сельское хозяйство практически полностью потеряло весь прирост валовой продукции, достигнутый за предыдущее 20-летие (с 1971 по 1990 гг.)⁷³. Официальная статистика не приводит прямых данных об объемах валовой продукции сельского хозяйства в 1990-е гг., отсылая исследователей к косвенным данным. Но, основываясь на ежегодной динамике индекса физического объема аграрной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств (в сопоставимых ценах), можно получить представление об этих изменениях.

Если за 100 % принять совокупный объем аграрной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств в 1990 г., увидим, что уже в 1992 г. данный индекс упал до 86,5 %, в 1993 г. — до 82,7 %, в 1995 г. — 66,9 %, в 1996 г. — 63,5 %, в 1998 г. — 56 %, в 1999 г. — до 58,3 %. Следовательно, лишь в 1999 г., после семи лет непрерывного падения, наметилась слабая тенденция к приросту объемов сельскохозяйственного производства, что условно можно считать едва ли не прогрессом после глубокого падения в 1998 г. Тем не менее, невозможно отрицать, что на всем протяжении рыночных реформ 1990-х гг. сельское хозяйство ежегодно снижало объемы производства с одновременным нарастанием его экономической депрессии⁷⁴.

Что касается модернизации социальной сферы села и повышения уровня жизни населения деревни, то, очевидно, что в условиях провала сельской экономики, у государства до них просто не дошли руки. В результате сельские зарплаты в 1990-е гг. стали нищенскими. Доля бедного населения с доходами ниже установленного прожиточного минимума в 1994–2001 гг. в целом по России составляла от 20 до 30 % — заметно больше, чем накануне реформ⁷⁵.

Иными словами, аграрная реформа 1990-х гг., задуманная с целью значительного повышения эффективности сельскохозяйственного производства, закончилась крахом. В результате к началу 2000-х гг. сельское хозяйство России по основным показателям фактически оказалось на уровне 30–40-летней давности. Следовательно, аграрная политика государства 1990-х гг. может быть оценена как в высшей степени неудачная. Главными причинами такого исхода стало, во-первых, то, что реформы проводились в отрыве от ранее выработанной концепции, что придало им спонтанный и не сбалансированный характер. Не меньший вред осуществлению радикальной аграрной реформы нанесла позиция самого государства. Уже в самом начале оно отказалось от их последо-

⁷² Ушацев И. Основные направления аграрной политики Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 2005. № 6. С. 6.

⁷³ Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 67, 73, 75.

⁷⁴ Там же. С. 34–35.

⁷⁵ Сельская бедность: причины и пути преодоления // Никоновские чтения-2004. М., 2004. С. 114.

вательной и постепенной реализации, согласившись на замену прежних установок рекомендациями западных экспертов, которые отнюдь не бескорыстно настаивали на форсировании аграрных преобразований. Слишком поспешные и излишне крутые методы ликвидации колхозов и совхозов нанесли большой урон всей аграрной экономике. На месте крупного советского сельскохозяйственного производства появились преимущественно мелкие хозяйства семейного типа. В итоге аграрные реформы привели лишь к смене неэффективных государственных колхозов и совхозов еще менее производительным частным сектором (фермерским, ЛПХ и сельхозпредприятиями). В самый сложный момент реформы государство вообще предпочло самоустраниться от регулирования экономических процессов в сельском хозяйстве, по существу прекратило его финансировать, а после 1994 г. бросило на произвол судьбы даже своих фаворитов — фермеров. Подобная политика еще больше усугубляла катастрофические последствия рыночных преобразований 1990-х гг. в аграрном секторе экономики.

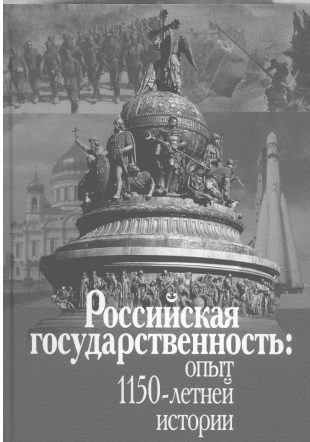
Библиография

- Аграрная экономика и политика: история и современность. М.: Энциклопедия российских деревень, 1996. 238 с.
- Аграрная экономическая наука на рубеже веков: методология, традиции, перспективы развития // Никоновские чтения-1999. М.: Энциклопедия российских деревень, 1999. 325 с.
- Аграрное законодательство Российской Федерации. Сб. нормат. и правовых актов и док. М.: Юристъ, 1999. 699 с.
- Агропромышленный комплекс России. Гос. ком. РФ по статистике. М., 2001. 214 с.
- Бондаренко Л.В.* Развитие социальных процессов на селе. М.: ВНИИЭСХ, 1995. 234 с.
- Бондаренко Л.В.* Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М.: ВНИИЭСХ, 2003. 320 с.
- Васильев Ю.А.* Куда движется Россия. Условия жизни сельского социума: что привьется на российской почве? М.: Молодая гвардия, 1993. 199 с.
- Глазьев С., Кара-Мурза С., Батчиков С.* Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2002 гг. М.: Эксмо, 2004. 375 с.
- Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. М.: «Спарк», 1995. 303 с.
- Зырянов А.Ф.* Фермерство: история, противоречия, актуальные проблемы становления. Краснодар: Сов. Кубань, 1994. 288 с.
- Кирчик О.* Дискуссия по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 81—90.
- Кознова И.Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. 205 с.
- Лозунова И.В.* К вопросу о сложности взаимоотношений власти и фермеров в первой половине 1990-х гг. (На материалах областей Центрального Черноземья) // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI в. Коломна: ГПИ, 2013. 300 с.
- Лужков Ю.М.* Сельский капитализм в России: столкновение с будущим. Аграрный вопрос правительству М.: Моск. учебники, 2005. 124 с.
- Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х—90-е гг. XX-го столетия) / под ред. Е. Строева. М.: Колос, 2001. 620 с.
- Лылова О.В.* Основные стратегии предпринимательства, реализуемые сельским населением в период реформ // Никоновские чтения-2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М., 2002. 560 с.
- Материалы XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.). М.: Политиздат, 1990. 206 с.
- Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995. 574 с.

- Никоновские чтения-2000. Рыночная трансформация сельского хозяйства: 10-летний опыт и перспективы. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. 398 с.
- Никоновские чтения-2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М.: Энциклопедия российских деревень, 2002. 560 с.
- О личном подсобном хозяйстве. Федеральный закон // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2881.
- О положении семей в Российской Федерации. Гос. НИИ семьи. М.: ПИК ВИНТИ, 2005. 206 с.
- Петриков А.В.* Актуальные проблемы аграрного развития России и современных аграрно-экономических исследований // Никоновские чтения-1999. № 4. М., 1999. С. 3–6.
- Петриков А.В.* Аграрная реформа и направления экономических исследований в России // Никоновские чтения-2000. № 5. М., 2000. С. 3–10.
- Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России: Десятилетие либеральных реформ. 1991–1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011. 312 с.
- Постановление Совета народных депутатов РСФСР от 3-го декабря 1990 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 1. Ст. 5.
- Региональные агросистемы: экономика и социология. Ежегодник Института аграрных проблем. Саратов: ИАГП РАН, 1999. 234 с.
- Реформирование в России: мифы и реальность (1989–1994 гг.). М.: Academia, 1994. 384 с.
- Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 286 с.
- Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. Учебное пособие. М., 2010. 256 с.
- Российский статистический ежегодник, 1994. Стат. сб. М., 1994. 346 с.
- Российский статистический ежегодник, 1997. Стат. сб. М., 1997. 276 с.
- Российский статистический ежегодник, 2000. Стат. сб. М., 2000. 590 с.
- Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. М., 2005. 494 с.
- Сельская бедность: причины и пути преодоления // Никоновские чтения-2004. М., 2004.
- Сельское хозяйство России, аргументы и факты конца XX-го столетия (Экономические проблемы технического обеспечения производства продукции растениеводства в условиях рыночных отношений). М., 2002. 162 с.
- Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 1998. 448 с.
- Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. 414 с.
- Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России. Стат. сб. М., 2000. 125 с.
- Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. Стат. сб. М., 2003. 169 с.
- Серогодский Н.А.* Экономические и социальные проблемы села в условиях аграрной реформы (1990–2000 годы): Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 110 с.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М., 1998. 300 с.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Стат. сб. М., 2002. 321 с.
- Староверов В.И.* Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12.
- Ушаев И.* Основные направления аграрной политики Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 2005. № 6.
- Широкалова Г.С.* Аграрная реформа в России и развитие АПК в странах Запада. Н. Новгород: Нижегород. СХА, 1995. 99 с.
- Широкалова Г.С.* Аграрная реформа в Нижегородской области: причины, цели, механизмы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. М., 1997. 381 с.
- Эпоха Ельцина: очерки политической истории. Изд. 2-е. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 815 с.

Историография

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

В. С. ИКОННИКОВА.

профессора Университета св. Владимира.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Телерадиоиздательского комплекса им. Вадимира К. Задорожника
Волынская-Волынская ул., № 29-31.
1992.

Основные тенденции в исследовании проблематики «фронтира» в западной историографии

Аннотация. Статья посвящена анализу западных исследований по «фронтиру», содержания этого термина и его эволюции, утверждению восприятия экономического фронтира как отдельного направления историко-экономической науки, комплексному выявлению основных научных тенденций в изучении проблематики. В работе отмечается актуальность фронтальной тематики, прослеживается тесная связь исследований фронтира с государственной политикой, с современным политическим дискурсом в США, представленным проектом 1619. Проведенное автором комплексное исследование зарубежной литературы позволило дать краткую характеристику каждому из базовых подходов, сложившихся в современных исследованиях проблематики «фронтира», дало возможность провести их классификацию.

Ключевые слова: фронтир, граница, история колонизации, Фредерик Тернер, западная историография, проект 1619.

В настоящий момент понятие «фронтир» все более утверждается в отечественных гуманитарных науках (истории, экономике, географии и др.). Свидетельством этому служат выходящие в последние годы многочисленные публикации, рассматривающие тематику фронтира применительно к различным российским регионам: Сибири, Дальнему Востоку, Камчатке. В отечественной науке возникает потребность в историографическом осмыслении и уточнении этого понятия. Данная статья посвящена рассмотрению возникновения в зарубежной научной литературе термина «фронтир», анализу его содержания и эволюции. Автор настоящей статьи не имел намерения представить полный историографический обзор проблематики фронтира. Простое перечисление сочинений на эту тему, вышедших только за последние десятилетия, заняло бы несколько томов. Мы предполагаем проследить эволюцию этого понятия, выделить его главные составляющие и обобщить результаты основных работ по интересующей нас теме. С этой целью мы постараемся проанализировать ранее неизученные в отечественной историографии работы выдающихся представителей западной исторической науки, внесших значительный вклад в разработку понятия «фронтир».

Истоки современных научных представлений о фронтире лежат в идеях основателя позитивизма Огюста Конта, еще в «Курсе позитивной философии» (1830–1842)¹ признавшего ключевое влияние географической среды на развитие общества и государства. Наследие Конта предопределило появление работ

* Косторниченко Владимир Николаевич – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), kostornichenko@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-00340а.

¹ *Конт О.* Курс положительной философии: в 6 томах. Т. 6. СПб., 1900.

ученых немецкой географической школы Карла Риттера и Фридриха Ратцеля. Риттер соотнес исторический прогресс страны с ее физико-географической структурой², а Ф. Ратцель вывел законы пространственного роста государства из стремления «растущих народов» к завоеванию новых территорий. В основе подобных взглядов лежали мальтузианские и социал-дарвинистские принципы, исходя из которых делалась попытка связать природные и социальные элементы. В сочинении «Политическая география» 1897 года издания Ратцель выдвинул тезис об «органической» взаимосвязи между понятиями *volk* (народ), *boden* (территория) и *staat* (государство). Соединенные в единое целое, эти части превращали государство в «растущий живой организм» с динамичными и мобильными границами и неизбежным стремлением к расширению своего «жизненного пространства» (*lebensraum*)³.

Более или менее законченный вид теория фронта пробрела в 1893 г., когда профессор Висконсинского университета Фредерик Тернер сделал доклад на собрании Американской исторической ассоциации в Чикаго в рамках Всемирной выставки. В основу своего исследования он положил данные переписи США 1891 года, в которых четко прослеживалась западная граница «белых» поселений. Комментаторы переписи тогда объявили американское движение в западном направлении «закрытым», поскольку переселенцы продвинулись вглубь континента так далеко, что сухопутная пограничная линия практически исчезла. Таким образом, американская статистика зафиксировала завершение экспансии американского государства на Запад. Западная пограничная «линия фронта» отделяла обжитую часть страны от малонаселенной зоны, где на одной квадратной миле проживало менее двух человек.

Опираясь на это факт, Тернер построил целую концепцию американской истории. Прошлое страны он представил в виде истории освоения западных земель, объявив фронтир зоной освоения новых территорий, областью (полосой) взаимодействия разных культур в процессе колонизации. По его мнению, сам по себе фронтир разрушал обычаи, привычки и представления о формах социальной организации переселенцев из Европы: «Дикая природа подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем — по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, мыслительным привычкам... Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает его в охотничью рубашку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом... Короче говоря, вся обстановка фронта оказывает на первых порах невероятно сильное воздействие на колониста»⁴.

В глазах Тернера фронтир являлся своего рода плавильным котлом, превращавшим иммигрантов с различными этническими и культурными корнями в американцев: «В горниле фронта все иммигранты американизировались, становились свободными и сплавлялись в смешанную расу»⁵. По его мнению, самым важным было социальное и политическое воздействие фронта. При

² Ritter K. Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie, und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde. Reimer, Berlin, 1852. S. 2–62.

³ Ratzel F. Politische Geographie. R. Oldenbourg, München und Leipzig, 1897. S. 15, 24–27 и др.

⁴ Тернер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А.И. Петренко. М., 2009. С. 15.

⁵ Там же. С. 29.

столкновении с дикой природой социальные различия теряли свое значение, всем приходилось справляться с одними и теми же опасностями, решать схожие бытовые задачи. Возникшее равенство стало результатом преобразующего влияния фронтира. Переселенцы взяли за основу своей общины эгалитарные и демократические принципы, отказавшись от знакомых им европейских моделей социальной организации: «Американскую демократию ... не привезли в Вирджинию на борту судна “Сьюэн Констант” или в Плимут на “Мейфлауэре”. Она вышла из американского леса и набиралась новых сил каждый раз, когда соприкасалась с новым фронтиром»⁶.

Идеи Тернера получили широкий общественный резонанс и оказали значительное влияние на изучение истории США. Тезисы ученого попали на страницы большинства учебников по американской истории, в мире появилось огромное количество как его сторонников, так и критиков. В исторической науке сформировалось направление исследований, так или иначе связанных с тематикой «фронтира», был опубликован целый ряд научных работ, посвященных проблематике «государственных границ».

Говоря об истории появления термина «фронтир», обратим внимание на то, что этимологически он связан с понятием «граница», предшествует и в известной степени проистекает из него. Однако чтобы увидеть эту связь, необходимо разграничить содержание понятий «фронтир» (*frontier*) и «граница» (*border*).

Одним из первых, кто обратил на это внимание, стал видный английский государственный деятель Джордж Натаниэл Керзон. В лекции, прочитанной в 1907 г. в Оксфордском университете, он представил наиболее полный для своего времени анализ сущности и типологии границ. Лорд Керзон указал, что хотя пограничная политика имеет первоочередное значение для любого государства и является предметом четырех из каждых пяти международных договоров, заключенных в начале XX века, «нет ни одной работы или трактата на каком-либо языке, который бы комплексно исследовал тему границ»⁷. И далее: «В сборниках по международному праву границам иногда посвящается несколько страниц ... Но за этими исключениями — практическая пустота ... этот предмет почти полностью игнорируется. Его формулы скрыты в тайниках дипломатических канцелярий; его документы заключены в обширных и запретных собраниях договоров; знания о нем... являются достоянием нескольких молчаливых людей, которых можно найти в клубах Лондона, Парижа или Берлина»⁸.

Стремясь разобраться в сути этого понятия, Керзон обратился к прошлому, ко времени возникновения государств. Первые границы в Европе, по его мнению, явились результатом последовательных волн человеческой миграции из Азии⁹. В этих условиях ключевую роль играли естественные границы — горные хребты, пустыни, моря. Крупные древние государства Востока возникали, как правило, на равнинах или в речных долинах, где не имелось естественных

---

⁶ Там же. С. 250.

⁷ *Curzon G.N.* (Lord Curzon of Kedleston). *Frontiers. The Romanes Lecture* by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston delivered in the Sheldonian theatre. Oxford, November 2, 1907. Oxford: Clarendon Press, 1908. P. 4.

⁸ *Ibid.* P. 5.

⁹ *Ibid.* P. 12.

препятствий, которые могли бы помешать успешному завоеванию больших территорий. Границы этих государств были крайне неустойчивы и постоянно менялись.

В свою очередь древнегреческие города-государства развивались в холмистых регионах в непосредственной близости друг от друга, отличаясь сравнительно небольшими размерами. Особенностью полисных городов-государств было то, что из-за нехватки плодородной земли и других ресурсов они были вынуждены создавать колонии на дальнем морском побережье. Объединение этих государств в случае внешней угрозы в единое пространство Эллады определялось общей культурной идентичностью, ограниченной скорее культурно-языковой, чем политической границей¹⁰.

Также в своей лекции Керзон уделит внимание различиям естественных и искусственных границ. Для изучения последних он обратился к опыту Древнего Рима. Гибель Рема, одного из основателей римской цивилизации, придала сакральный характер границам новой общности. Возникновение в более поздний период институтов Римской империи превратило само по себе представление о границах в императив ее существования. Рассматривая строительство римлянами искусственных укреплений в Британии, Керзон утверждал, что они возведены не только для защиты жителей империи от потенциальных врагов за ее пределами, но и для их ограждения от пагубного культурного влияния варваров¹¹. Таким образом, внешние границы Римской империи воспринимались как рубеж между цивилизацией и варварством. Керзон заключал, что хотя эти искусственные барьеры не были неприступными, в течение долгого времени они успешно выполняли свое основное предназначение¹².

Задача Керзона не состояла в вычленении и сравнении древневосточной, древнегреческой и древнеримской моделей формирования защитных рубежей. Тем не менее, приводя вышеуказанные исторические примеры, он фактически прокладывал путь к противопоставлению *политической границы*, устанавливавшейся царско-храмовой администрацией восточных государств в интересах контроля за миграцией, *условной культурно-языковой границе* древнегреческих полисов и древнеримской империи, воспринимавшейся большинством современных ему исследователей в качестве фронта.

Обращаясь к феодальной эпохе, английский политик анализировал феномен средневековой «марки» — промежуточной нейтральной зоны, намеренно созданной между двумя державами для предотвращения непреднамеренных столкновений между ними. Она представляла собой произвольно обозначенную территорию с особым правовым режимом, руководимую специально назначенными управляющими (маркизами и маркграфами). Примерами марки, по мнению Керзона, являлись средневековые границы Англии с Уэльсом и Шотландией, а также Священной Римской Империи со славянами и турками.

Завершая исторический экскурс в изучение понятия границы, Керзон пришел к выводу, что границы большинства государств Европы имели полити-

¹⁰ Ibid. P. 14.

¹¹ Ibid. P. 8.

¹² Ibid. P. 24.

ческий характер и были обусловлены предшествующими историческими событиями. Подводя итог рассмотрению темы о естественных и искусственных границах, он заявлял: «человеческая практика [по отношению к установлению границ] состояла в игнорировании или переопределении природы»¹³. Вместе с тем Керзон отмечал, что географические условия, такие, например, как пригодность возвышенных, бесплодных или малонаселенных районов для проведения лимитрофного разделения, также оказывали определенное (но не решающее) влияние на демаркацию границ.

Точку зрения Керзона по этому вопросу в значительной степени разделял представитель школы «Анналов» Люсьен Февр¹⁴, создавший самостоятельную концепцию фронтира, получившую в исторической литературе название «граница как пространство». Он отмечал, что «даже в конце XVII века», т.е. вплоть до окончания Средних веков, «не было четких демаркационных линий административных и государственных образований». Мы можем прочесть от начала до конца великие договоры, заключенные Людовиком XIV, но мы никогда не найдем в них слова «*frontiere*» ... В те времена не было аннексированных государством территорий. Это были феодалы, которые были отделены от одной короны и присоединены к другой, иногда полностью (т.е. со всем, что принадлежало им), иногда частично»¹⁵. Только во время Французской революции, заявлял Февр, появилась «непрерывная демаркационная линия, линейная граница, которую можно точно определить. Все то, что она представляет собой, — это проекция на землю внешних очертаний государства, полностью осознающего себя, делающего ее предметом чести, посвящающего ей всю свою мощь естественной однородной территории и запрещающего любой иностранной державе ... нарушение своих границ»¹⁶. Развивая эту концепцию, он продолжал: «на самом деле мы не должны изучать границу как таковую. Мы должны изучать и анализировать ее применительно к государству. При определенном типе государства мы получаем соответствующий тип границы, тот тип границы, который совпадает с ее военными и политическими потребностями»¹⁷.

Февр фактически подтвердил тезис Керзона об искусственной природе государственных границ, заявив, что «государство никогда не бывает естественным, но всегда создается человеком»¹⁸. Он опровергал распространенное мнение, будто естественными границами Франции являлись Атлантика, Рейн, Альпы и Пиренеи, указывая, что это были границы древней Галлии и, следовательно, не естественные, а исторические границы¹⁹.

Таким образом, Дж. Керзон и Л. Февр уточнили понятие фронтира, придали ему универсальный характер, распространив за пределы американской исто-

---

¹³ Ibid. P. 36–37.

¹⁴ Основные его эссе по проблемам фронтира вышли во второй половине 1920-х годов и собраны в англоязычном сборнике: *Febvre L. A new kind of history from the writings of Lucien Febvre* / ed. by P. Burke. London: Routledge & Kegan Paul, 1973.

¹⁵ Ibid. P. 214.

¹⁶ Ibid. P. 212.

¹⁷ Ibid. P. 213.

¹⁸ Ibid. P. 214.

¹⁹ Ibid. P. 215.

рии. Также они указали на необходимость изучения «пограничной» проблематики в тесной связи с государственной, социально-политической и культурной природой этого явления.

Примерно в те же годы историк из Техаса Уолтер Прескотт Уэбб продолжил разрабатывать идеи Тернера применительно к американскому региону Великих равнин²⁰. По его мнению, фронтир — это место, где социальная эволюция начинается заново. Вслед за Тернером он отмечал, что в столкновении с природой европейское (или азиатское) культурное наследие «стиралось» и формировалась собственная модель социальной организации, именуемая «американской демократией». Особенностью работ Уэбба, одного из самых популярных американских историков 1930-х гг., было использование эволюционно-экологического подхода. Описывая процесс освоения территорий, он указывал, что из-за обилия свободных земель эволюционная реконструкция общества повторялась всякий раз, когда в процессе заселения устанавливались новые границы. В качестве главных составляющих американского фронта он называл индивидуализм, инновации, демократию и беззаконие. При этом фокус сочинений Уэбба был нацелен на экологию региона, он обращал внимание на хрупкость окружающей среды американского Запада, на опасность индустриализации этого региона.

Окончательный шаг в «пограничных» исследованиях, позволивший отделить «фронтир» от смежного понятия «граница», сделал австралийский ученый Кит Хэнкок в работе, построенной на анализе социально-экономической сущности фронта²¹. Первая глава его работы была посвящена теоретическим аспектам фронта Британского содружества в межвоенные 1918–1939 гг. В ней Хэнкок стремился представить возникновение Британской империи после победы в наполеоновских войнах в 1815 г. через концепцию движущейся экономической границы, обычно опережающей политическую, берущую на себя управление связанными территориями. Экономическая граница сама по себе понималась им как движущая сила торговой границы, которая к 1914 г. охватила весь мир, потянув за собой границу добычи полезных ископаемых, границу плантаций, границу инвестиций и границу миграции или расселения. Другими словами, под экономическим фронтиром австралийский исследователь понимал все многообразие хозяйственных границ: торговых, инвестиционных, плантационных и т.п. Разделяя понятия экономического фронта и политической границы, Хэнкок подчеркивал, что политическая граница, как правило, запаздывала, и необходимость в ее появлении возникала тогда, когда необходимо было обеспечить безопасность экономического фронта. В числе прочего в качестве примера он приводил исторические события, связанные с Капской колонией в Южной Африке. Когда возникла угроза британской межконтинентальной торговле со стороны французов и когда появились сведения об открытии в этом регионе алмазов и золота, то в стремлении обезопасить доходы правительство

²⁰ *Webb W.P.* The Great Plains: A Study in Institutions and Environment. University of Nebraska Press. Lincoln and London, 1931.

²¹ *Hancock K.W.* Survey of British commonwealth affairs // Problems of economic policy 1918–1939. Part L. London: Oxford University Press, 1940.

Великобритании отняло эти владения у голландцев. Аналогичным образом развивались события, связанные с Калифорнийской лихорадкой 1849 г. в США. Когда границы добычи золота достигли Тихоокеанского побережья, правительство США «одним длинным прыжком» установило политический контроль над этой территорией. В Австралии драйверами политической экспансии стала переселенческая, а в Вест-Индии — плантационная границы²². На этих примерах Хэнкок показывал, что политическому захвату предшествовало расширение торговых, инвестиционных, плантационных и других экономических границ. Все эти границы взаимодействовали, накладывались одна на другую и до известной степени конкурировали друг с другом. Разделение общего экономического фронта на отдельные хозяйственные компоненты явилось существенным вкладом Хэнкока в разработку интересующей нас теории.

В 1949 г. в свет вышла работа американцев Рэя Биллингтона и Мартина Риджа «Западная экспансия: история американского фронта». Фронт там определялся как «географический регион ... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников»²³. Авторы ставили целью не только провести реконструкцию концепции Тернера, но и значительно расширить и модернизировать ее с учетом достижений современной им историографии. На примере истории США Биллингтон и Ридж разработали своего рода классификацию фронта, используя социально-экономический подход Хэнкока. В ее основу они положили деление экономического фронта на отраслевые компоненты, в разные периоды доминировавшие в хозяйстве США: торговый, добывающий, скотоводческий, фермерский, транспортный и др. Благодаря книге Р. Биллингтона и М. Риджа, в 1950-е гг. термин «фронт» стал частью общественной жизни США, олицетворяя собой социал-реформистскую политику ее Демократической партии. Достаточно сказать, что популярная внутриполитическая программа президента-демократа Джона Кеннеди получила название *New Frontier* — «новые рубежи».

Впрочем, на идейное наследие Ф. Тернера претендовали и республиканцы. Консерваторы причисляли к основополагающим американским традициям такие ценности фронта, как индивидуализм, свободную рыночную экономику, стремление к инновациям. Особенно часто к метафорическому значению этого термина обращался президент-республиканец Рональд Рейган. В 1982 он выступил одним из инициаторов инновационной программы «Высокая граница: новая национальная стратегия» («*High Frontier: A New National Strategy*»)²⁴, в которой зоной будущего освоения было объявлено космическое пространство. В период правления Рейгана теория фронта вышла на пик популярности, однако в последующие годы ее критика стала преобладать.

Впервые критические отзывы в адрес тернеровской концепции прозвучали в академической среде после Первой мировой войны. Такие авторы, как Ван

---

²² Ibid. P. 4.

²³ Billington R.A., Ridge M. Western Expansion: A History of the American Frontier. NY., 1949. P. 25.

²⁴ URL: <https://highfrontier.org/about/> (Дата обращения: 16.12. 2020 г.).

Вик Брукс и Льюис Мамфорд, используя культурологический подход, пришли к выводу, что фронтир оказал разрушительное влияние на восприятие в США прогрессивных европейских идей и заразил американцев нездоровым материализмом и антисоциальными тенденциями²⁵. Другие американские критики, рассматривая фронтир как основной миф культуры Соединенных Штатов, отмечали его насильственный характер. По их мнению, для большинства белых переселенцев наличие на землях фронта индейского населения было своего рода препятствием, преграждавшим путь цивилизации на Запад. В своих исследованиях классической американской литературы Дэвид Лоуренс охарактеризовал суть белых первопроходцев следующим образом: «Истинная американская душа — жесткая, замкнутая, стоическая и убийственная. Она еще никогда не таяла»²⁶. В данном случае подразумевалась цельность уже сформированной природы человека, неспособной к восприятию другой культуры (испанской, индейской, африканской).

Одним из самых известных критиков теории фронта стал Ричард Слоткин, написавший в 1973 году работу «Возрождение через насилие: мифология американского фронта, 1600—1860»²⁷. В ней он показал, что сутью фронта явился культ насилия. Он проследил процесс генезиса мифа о нем, его отражение в разнообразных по типу материалах. Весьма показательна источниковая база Слоткина. В основном это автобиографии, дамские романы, художественные произведения об американских первопроходцах и т.п. В своей следующей работе Слоткин проанализировал язык насилия, появившийся в ходе пограничных вооруженных конфликтов с американскими индейцами в XIX в., и показал, что тот продолжал доминировать в современном ему общественном дискурсе, в частности, по отношению к войне во Вьетнаме²⁸. В последней книге трилогии «Стрелок Нации. Миф о фронтире в Америке двадцатого века»²⁹ он проследил, как миф о фронтире сохранялся в сценариях вестернов на протяжении всего XX века.

Определенную роль в развитии концепции фронта сыграли гендерные исследования³⁰ — еще Ф. Тернер писал о вкладе женщин в освоение «дикого Запада». В данном случае использование концепции фронта позволило ответить на вопрос, каким образом противостояние природной среде на Западе США повлияло на взгляды и культурные привычки женщин-переселенцев.

К концу 1980-х гг. критика концепции Ф. Тернера стала повсеместным явлением в зарубежной историографии. В эти годы сложилось целое направление

²⁵ *Brooks Van Wyck*. On Creating a Usable Past. *The Dial* 64 (April): 337–341. 1918; *Mumford L.* The Golden Day. A Study in American Experience and Culture. NY., 1926.

²⁶ *Lawrence D.H.* Studies in Classic American Literature. NY., 1923. P. 72–73.

²⁷ *Slotkin R.* Regeneration through Violence. *The Mythology of the American Frontier, 1600–1860*. Middletown (Conn.), 1973.

²⁸ *Slotkin R.* The Fatal Environment. *The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890*. NY., 1985.

²⁹ *Slotkin R.* Gunfighter Nation. *The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America*. NY., 1992.

³⁰ *Hurtado A.L.* Settler Women and Frontier Women. *The Unsettling Past of Western Women's History*. *Frontiers // A Journal of Women Studies*. 2001. No 22. P. 1–5; *Jeffrey J.R.* Frontier Women. *The Trans-Mississippi West 1840–1880*. NY., 1979; *Myres S.L.* Westering Women and the Frontier Experience 1800–1915. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982; *Riley G.* Frontier Women // *American Frontier and Western Issues. A Historiographical Review* / Roger L. Nichols, ed. Westport, 1986. P. 179–198.

«новых историков Запада», которые отрицали значение теории Тернера исходя из того, что тот не учитывал региональную специфику. Например, Патриция Нельсон Лимерик указала, что к моменту прихода первопроходцев американский Запад не являлся «свободной землей, представляя из себя региональную культуру, сформированную коренными американцами и испанскими поселенцами»³¹. Тем самым Лимерик отметила полиэтничность региона, подчеркивая вклад в его развитие небелых этнических. Сьюзен Армитидж пошла еще дальше, заявив: «Тернер, как мы все знаем, этноцентричен, является сексистом и расистом, упрощен в схеме пограничных стадий и ограничен в трактовке пост-фронтирного Запада»³².

Показательно, что широко обсуждавшийся в начале 1990-х гг. американский учебник по всеобщей истории³³ уже не содержал упоминаний о «фронтире», в нем отсутствовали цитаты Ф. Тернера и ссылки на его труды. Исключение этого понятия автор учебника объяснил тем, что оно несло в себе слишком много англо-американских этноцентрических предрассудков. Вместе с тем, в большинстве американских школ по-прежнему сохранилось традиционное преподавание истории США, включавшее представление об американской демократии как производной от Западного фронта.

Пересмотр концепции фронта продолжается и в наши дни. В августе 2019 г. известная американская журналистка Николь Ханна-Джонс приступила к реализации «проекта 1619», опубликовав материалы, призванные положить начало кардинальному пересмотру традиционных представлений относительно прошлого США³⁴. Проект, приуроченный к 400-летию прибытия первых африканских рабов в британскую Виргинию (отсюда его название), включает в себя исторические эссе, художественные произведения, фоторепортаж и даже поэзию. Первоначально задуманный как специальный выпуск приложения газеты «Нью-Йорк Таймс» от 20 августа 2019 года, вскоре он превратился в долговременный проект с постоянным газетным разделом и проведением разного рода акций в американских художественных галереях и СМИ.

Среди первых участников проекта в основном были представители Принстонского университета — историк Кевин Крус, социолог Мэтью Десмонд, юрист Брайан Стивенсон. Основным лейтмотивом их публикаций стали призывы пересмотреть традиционную трактовку характера Американской революции 1776 г., интерпретацию причин и итогов Гражданской войны 1861–1865, освещение основных концептов истории США, включая теорию «фронтира». Указывая на необходимость пересмотреть его роль в формировании американской демократии, они отмечали: «Когда были открыты новые земли на старом юго-западе, белые поработители на востоке поняли, что рис и табак перестали

---

³¹ *Limerick P.N.* The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. NY; L., 1987.

³² *Worster D., Armitage S., Malone M., Weber D., Limerick P.* The Legacy of Conquest, by Patricia Nelson Limerick. A Panel of Appraisal // *Western Historical Quarterly*. 1989. No 20. No 3. P. 303–322.

³³ *White R.* (1991): "It's Your Misfortune and None of My Own". A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press. Oklahoma City, 1991.

³⁴ *Project, The 1619 (August 14, 2019).* "The 1619 Project". *The New York Times*. Retrieved September 7, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (Дата обращения: 16.11.2020 г.)

быть их самым прибыльным экспортом. Сложная межгосударственная работорговля стала самостоятельной отраслью. Эта добывающая система вместе с порабощением, перемещавшимся на Запад вместе с человеческой собственностью, привела к переселению примерно одного миллиона порабощенных чернокожих людей в новый регион. Укоренившаяся практика покупки, продажи, владения, аренды и закладывания людей распространилась на американский Запад вместе с белым поселенческо-колониальным населением, которое теперь занимало бывшие земли коренных народов»³⁵.

Публикация материалов «проекта 1619» вызвала раскол в американском обществе. В его поддержку в основном выступило журналистское сообщество. Даниэла Боумэн писала: «этот проект, прежде всего, попытка установить истину. Чтобы, наконец, в этом 400-м году рассказать правду о том, кто мы как народ и кто мы как нация. Пора перестать прятаться от наших грехов и встретиться с ними лицом к лицу. И тогда, столкнувшись с ними, мы можем их исправить»³⁶. Весьма положительную оценку проект получил и на страницах журнала «Fortune»: «Проект 1619 года служит драматическим и необходимым исправлением фундаментальной лжи истории американского происхождения. Она начинается с эссе Николь Ханна-Джонс, движущей силы проекта и одного из самых выдающихся писателей, которых произвела на свет эта страна»³⁷. В 2020 г. за работу над «проектом 1619» Ханна-Джонс была отмечена престижной Пулитцеровской премией.

Противниками проекта выступила группа видных историков. В конце 2019 — начале 2020 гг. журналы «Time», «Atlantic», «Politico» опубликовали письма Шона Виленц, Гордона Вуда, Джеймса Оукса и других историков с критикой проекта. Виленц, высказывая общее мнение, заявил: «никакие усилия по просвещению общественности с целью продвижения социальной справедливости не могут позволить себе обходиться без уважения к основным фактам»³⁸. В итоге в феврале 2020 года под эгидой издания «Washington Examiner» был создан конкурирующий «проект 1776 года». Его инициаторами стали афроамериканские ученые, сторонники традиционной версии истории США, включая укоренившиеся в американском обществе представления о позитивном значении фронта на западных землях³⁹.

Со временем «проект 1619» фактически стал частью политической борьбы в США. Его поддержала Камала Харрис, кандидат в вице-президенты от Демократической партии, которая заявила в своем твиттере: «Проект 1619 — это

³⁵ Ibid. P. 22.

³⁶ Bowman D. (August 15, 2019). "The 1619 Project and the stories we tell about slavery". Archived from the original on August 16, 2019. Retrieved August 17, 2019.

The 1619 Project and the stories we tell about slavery. URL: <https://www.cjr.org/analysis/the-1619-project-nytimes.php> (Дата обращения: 16.11.2020 г.).

³⁷ McGirt E. (August 14, 2019). "The New York Times Launches the 1619 Project: race ahead". Archived from the original on August 17, 2019. Retrieved August 17, 2019. URL: <https://fortune.com/2019/08/14/the-new-york-times-launches-the-1619-project-raceahead>. (Дата обращения: 16.11.2020 г.).

³⁸ Wilentz S. (January 22, 2020). "A Matter of Facts". The Atlantic. Retrieved August 1, 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/1619-project-new-york-times-wilentz/605152/> (Дата обращения: 10.11.2020 г.).

³⁹ URL: <https://www.washingtonexaminer.com/1776> (Дата обращения: 16.11.2020 г.).

мощная и необходимая оценка нашей истории. Мы не можем понять и решить сегодняшние проблемы, не сказав правду о том, как мы сюда попали»⁴⁰. Президент Трамп, в свою очередь, отозвался о нем скептически: «Я читаю об этом, внимаю всему тому, что там происходит. Сейчас они хотят изменить все, что связано с открытием Америки в 1492 году. Вы знаете, я вырос, вы выросли, мы все выросли с этими знаниями... Сейчас они хотят реализовать проект 1619. Откуда это все берется? Что это из себя представляет? Не имею представления»⁴¹.

Полемика вокруг принципиальных тем американской истории, включая фронтир, затрагивает практически все аспекты американского общества и культуры. Это дебаты вокруг сущности, специфики, прошлого и будущего американского опыта.

Подводя итог, вычленим основные тематические и теоретические подходы, сложившиеся к настоящему времени в западной фронтирологии. Первый из них — *географический*, в наибольшей степени связанный с постулатами Ф. Тернера. Согласно ему, прошлое США представляет собой историю приспособления общества к специфическим условиям окружающей среды. В противостоянии с дикой природой культурное наследие поселенцев стиралось. Затем был запущен конструктивный эволюционный процесс, в ходе которого создавалась новая модель социальной интеграции. Из-за наличия свободных земель в XVIII–XIX вв. эволюционная реконструкция общества повторялась многократно. Таким образом, в США под воздействием фактора окружающей среды возникла особая форма демократии, не имеющая прецедентов в Старом Свете.

В известной степени в таком подходе проявляются элементы социал-дарвинистской идеологии, получившей распространение в США со второй половины XIX в. Кроме того, особенностью современных представителей географического подхода является пристальное внимание экологическим аспектам — проблемам формирования экосистем. Дональд Уорстер, Уильям Кронон и их последователи в использовании модифицированного географического подхода выступили адептами «экологической истории». В своих исследованиях, посвященных засушливому юго-западному региону США, Уорстер, например, описывает освоение фронтира как адаптацию общества к тамошним природным условиям с сопутствующим появлением социальных моделей, иерархии и властные элиты⁴². «Какую бы местность историк окружающей среды ни выбрал для исследования, — пишет он, — он должен решить извечную проблему, как человечество может прокормить себя, не разрушая первичный источник жизни. Сегодня, как и всегда, эта проблема является фундаментальным вызовом в экологии человека и для ее решения потребуется хорошо знать землю — знать ее историю и знать ее пределы»⁴³.

---

⁴⁰ Brian Ch. (August 19, 2019). “Why conservatives are bothered by the New York Times’ project on slavery”. Vox. Archived from the original on August 20, 2019. Retrieved May 16, 2020.

⁴¹ Foran C. “GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 1619 Project”. CNN. Retrieved September 21, 2020.

⁴² Worster D. The American West in the Age of Vulnerability // Western Historical Quarterly. 2014. Vol. 45. No 1. P. 5–16.

⁴³ Worster D. Transformations of the Earth: Toward an Agroecological Perspective in History // The Journal of American History. 1990. Vol. 76. No 4. P. 1106.

Другой сторонник географического подхода, Уильям Кронон, анализирует фронтир с точки зрения влияния на него эволюции представлений о собственности, которых придерживались коренные американцы (индейцы) и английские колонисты. Английские представления о собственности делали землю объектом, на который переселенец имел полные права. Индейские же предполагали реализацию так называемых узуфруктных прав — пользования землей с правом присвоения только доходов от нее, но отнюдь не владения ею. Другим новаторским аспектом работы Кронона явилось переосмысление роли коренных американцев в изменении окружающей экосистемы⁴⁴.

Вторым направлением исследования фронта является изучение его *политической составляющей*. Этот подход, тесно связанный с политологией, получил распространение в период становления американского прогрессивизма в начале XX века. Многие политики, интеллектуалы и историки этой эпохи восприняли идеалы прогрессивизма, базируясь на постулатах Тернера об особом характере американской демократии. Они исходили из тезиса о необходимости социальных реформ и демократического образования как гарантии существования эгалитарной демократии в США. В 1930-е гг., во времена «нового курса», президент Франклин Д. Рузвельт применял термин «фронтир» как метафору социальных реформ. Политика «нового фронта», провозглашенная в 1960 г. президентом Кеннеди, также воспринималась в обществе как главный символ реформистской внутренней политики, проводимой Демократической партией США.

Тематику фронта для легитимации своих политических убеждений часто использовали и республиканцы. Консервативные политики и историки рассматривали фронтир как верность традициям пионерского движения XIX века, оценивали его как политику «явного предназначения» (*Manifest Destiny*) в отношении западных земель США, т.е. в качестве знака особой сакральной миссии американского народа по распространению демократии на новые территории. Интересно, что и в сегодня термину «фронтир» в американском политическом лексиконе придается символический смысл. В современной политологии получили распространение идеи освоения «космического фронта»⁴⁵, в информационной сфере широко применяется термин «электронный фронтир»⁴⁶, а в художественной литературе утвердился жанр «космических вестернов»⁴⁷.

Суть третьего фронтирологического подхода заключена в его *экономической интерпретации*, которая представлена в трудах Ильи Муртазашвили, Роберта Финдлэя, профессора Стольгомского университета Матса Лундаля и других ученых. В книге И. Муртазашвили «Политическая экономия американской

⁴⁴ Cronon W. *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. 20th anniversary edition, Hill & Wang, 2003. P. 168–170.

⁴⁵ Johnson-Freese J., Handberg R. *Space, the Dormant Frontier: Changing the Paradigm for the 21st Century* / Joan Johnson-Freese, Roger Handberg: Praeger Publishers, 1997.

⁴⁶ Sterling B. *The Hacker Crackdown, law and disorder on the electronic frontier*. Bookpubber, 2014.

⁴⁷ Abbott C. *Frontiers Past and Future: Science Fiction and the American West*. University Press of Kansas, 2006; Алиев P. «Фронтирные архетипы в американском комиксе» // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 126–133; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnye-arhetipy-v-amerikanskom-komikse-na-primere-supermena-i-strazhey-galaktiki> (Дата обращения: 24.10.2020 г.)

границы» предпринята попытка объяснить происхождение и изменение институтов собственности на американской границе в XIX веке. Используя междисциплинарный подход, автор стремится показать, как неформальные объединения захватывавших земли переселенцев фактически заменили государство в качестве источника института частной собственности в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, лесозаготовках и скотоводстве⁴⁸.

В сборнике «Экономика фронтiera», вышедшем в 2017 году под редакцией Р. Финдлэя и М. Лундаля, предметом рассмотрения стала идея экономически оптимальной пограничной территории⁴⁹. Материалы, помещенные в сборнике, выдержаны в духе «теорий общего равновесия и торговли» шведского экономиста и историка экономики Эли Хекшера. В попытке сочетать теорию и историю экономики, составители строят модели экономического фронтiera применительно к различным историческим ситуациям-«кейсам», начиная со времен Юстиниана середины VI века и кончая «эпохой бандитизма» в Бразилии 1920-х и 1930-х гг.

К «экономическому» направлению в изучении фронтiera примыкает группа «новых западных историков», исследователей Среднего Запада. Этот регион они изучают как зону фронтiera, «подвергающуюся завоеванию и никогда полностью не избегающую его последствий»⁵⁰. Их экономико-регионалистский подход отвергает англоцентристскую точку зрения на освоение западных территорий США, оспаривает его принятую периодизацию, предполагает первоочередное изучение их индейской, французской, испанской экономической колонизации.

Сторонников четвертого, *культурологического*, подхода условно можно подразделить на две подгруппы. Одна (ранняя) трактует фронтiera как идеал аграрного развития, в ходе которого на осваиваемых землях утвердились «добродетели независимого и свободолюбивого фермера-первопроходца»⁵¹. Вторая, более многочисленная группа исследователей, делает акцент на репрессивном характере фронтiera, концентрирует внимание на социальных, гендерных, расовых и культурных противоречиях, возникавших в ходе покорения «новых территорий» представителями западной цивилизации. Для исследований культурологического профиля характерно обращение к изучению американской идентичности и формирования национального характера. Тематически и жанрово работы культурологического профиля весьма разнообразны, они включают гендерные сочинения, труды по этнической и расовой проблематике.

Большое количество и разнообразие сочинений, посвященных фронтiera, свидетельствует о том, что фронтiera превратилась в неотъемлемую часть западной общественной мысли. Главная причина ее популярности состоит в том, что, будучи многоаспектной и по сути междисциплинарной, теория фронтiera открывает широкие возможности для изучения малоисследованных тем в истории внутренней колонизации.

---

⁴⁸ Murtazashvili I. The political economy of the American frontier. Pittsburgh University Press, 2013. P. 1–34.

⁴⁹ Findlay R., Lundahl M. The Economics of the Frontier. Conquest and Settlement. Macmillan Publishers, 2017. P. 10–25.

⁵⁰ Limerick P.N. Op.cit. P. 26.

⁵¹ Smith H.N. Virgin Land. The American West as Symbol and Myth. Cambridge: Harvard University Press, 1950. P. 224.

Библиография

- Abbott, Carl.* *Frontiers Past and Future: Science Fiction and the American West.* University Press of Kansas, 2006.
- Bowman Danielle.* “The 1619 Project and the stories we tell about slavery”. Archived from the original on August 16, 2019. Retrieved August 17, 2019.
- Brooks, Van Wyck.* On Creating a Usable Past. *The Dial* 64 (April): 337–341. 1918.
- Charles, J. Brian* (August 19, 2019). “Why conservatives are bothered by the New York Times’ project on slavery”. *Vox.* Archived from the original on August 20, 2019. Retrieved May 16, 2020.
- Cronon, William.* *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England.* 20th anniversary edition, Hill & Wang, 2003.
- Curzon, George N.* (Lord Curzon of Kedleston). *Frontiers. The Romanes Lecture by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston delivered in the Sheldonian theatre, Oxford November 2, 1907.* Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1908.
- Febvre, Lucien.* A new kind of history from the writings of Lucien Febvre / ed. by Burke, P. London: Routledge & Kegan Paul, 1973.
- Findlay Ronald, Lundahl Mats.* *The Economics of the Frontier. Conquest and Settlement.* Macmillan Publishers Ltd, 2017.
- Foran, Clare.* “GOP Sen. Tom Cotton pitches bill to prohibit use of federal funds to teach 1619 Project”. CNN. Retrieved September 21, 2020.
- Hancock W.K.* *Survey of British commonwealth affairs, volume // Problems of economic policy 1918–1939. Part L.* London: Oxford University Press, 1940.
- Hannah-Jones, Nikole.* Project, The 1619 (August 14, 2019). “The 1619 Project”. *The New York Times.* Retrieved September 7, 2020.
- Hurtado, Albert L.* Settler Women and Frontier Women. *The Unsettling Past of Western Women’s History.* *Frontiers. A Journal of Women Studies* 22: 1–5. 2001.
- Jeffrey, Julie Roy.* *Frontier Women. The Trans-Mississippi West 1840–1880.* New York: Hill and Wang, 1979.
- Johnson-Freese J., Handberg R.* *Space, the Dormant Frontier: Changing the Paradigm for the 21st Century / Joan Johnson-Freese, Roger Handberg: Praeger Publishers, 1997.*
- Lawrence D.H.* *Studies in Classic American Literature.* Reprint of the 1923 ed. New York: Doubleday, 1923.
- Limerick, Patricia Nelson.* *The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West.* New York; London: W.W. Norton, 1987.
- McGirt, Ellen* (August 14, 2019). “The New York Times Launches the 1619 Project: race ahead”. Archived from the original on August 17, 2019. Retrieved August 17, 2019. URL: <https://fortune.com/2019/08/14/the-new-york-times-launches-the-1619-project-raceahead/> (Дата обращения: 16.11.2020 г.).
- Mumford, Lewis.* *The Golden Day. A Study in American Experience and Culture.* New York: Horace Liveright, 1926.
- Murtazashvili, Iliia.* *The political economy of the American frontier.* Pittsburgh University Press, 2013.
- Myres, Sandra L.* *Westering Women and the Frontier Experience 1800–1915.* Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982.
- Ratzel F.* *Politische Geographie.* R. Oldenbourg, München und Leipzig, 1897.
- Ray Allen Billington, Martin Ridge.* *Western Expansion: A History of the American Frontier.* UNM Press, 1949.
- Riley, Glenda* (1986): *Frontier Women.* In Roger L. Nichols, ed. *American Frontier and Western Issues. A Historiographical Review.* Westport: Greenwood (Contributions in American History 118).
- Ritter, Karl.* *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie, und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde.* Reimer, Berlin, 1852.
- Slotkin, Richard.* *Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America.* New York: Atheneum, 1992.
- Slotkin, Richard.* *Regeneration through Violence. The Mythology of the American Frontier, 1600–1860.* Middletown (Conn.): Wesleyan. University Press, 1973.
- Slotkin, Richard.* *The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890.* New York: Atheneum, 1985.

- Smith, Henry Nash.* Virgin Land. The American West as Symbol and Myth. Cambridge: Harvard University Press, 1950.
- Sterling B.* The Hacker Crackdown, law and disorder on the electronic frontier. Bookpubber, 2014.
- The 1619 Project and the stories we tell about slavery. URL: <https://www.cjr.org/analysis/the-1619-project-nytimes.php> (Дата обращения: 16.11.2020 г.).
- Webb, Walter Prescott.* The Great Plains: A Study in Institutions and Environment University of Nebraska Press. Lincoln and London, 1931.
- White, Richard* (1991): "It's Your Misfortune and None of My Own". A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press. Oklahoma City, 1991.
- Wilentz, Sean* (January 22, 2020). "A Matter of Facts". The Atlantic. Retrieved August 1, 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/1619-project-new-york-times-wilentz/605152/> (Дата обращения: 10.11.2020 г.).
- Worster, Donald, Susan Armitage, Michael P. Malone, David J. Weber and Patricia Nelson Limerick.* The Legacy of Conquest, by Patricia Nelson Limerick. A Panel of Appraisal. Western Historical Quarterly. 1989. No 20(3).
- Worster, Donald.* The American West in the Age of Vulnerability // Western Historical Quarterly. 2014. Vol. 45. No 1.
- Worster, Donald.* Transformations of the Earth: Toward an Agroecological Perspective in History // The Journal of American History. 1990. Vol. 76. No 4.
- Алиев Р.* «Фронтирные архетипы в американском комиксе» // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontirnye-arhetipy-v-amerikanskom-komikse-na-primere-supermena-i-strazhey-galaktiki> (Дата обращения: 24.10.2020 г.).
- Конн О.* Курс положительной философии: в 6 томах. Т. 1. СПб.: Книжный магазин Т-ва «Посредник», 1900. 302 с.

Аграрная экономика России второй половины XIX — начала XX вв.: источники, исследования, итоги изучения

Аннотация. В статье рассматривается вклад советских историков-аграрников в изучение истории поздней Российской империи. Анализируя источниковую базу и методологическую основу исследований А.М. Анфимова, Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова и др., автор предлагает считать завершенной многолетнюю дискуссию об уровне аграрного капитализма в России и предлагает изучать развитие сельского хозяйства России во второй половине XIX — начале XX в. в контексте концепции аграрного переворота.

Ключевые слова: Российская империя, аграрная история, аграрный капитализм, аграрный переворот, модернизация сельского хозяйства.

Аграрный сектор исторически был и остается фундаментом любой экономики, независимо от статистических показателей его доли в валовом внутреннем продукте страны или реальном секторе. Без продовольствия человечество существовать не может. К тому же оно «вышло» из деревни, по историческим меркам, не так уж и давно. А это значит, что многие наши представления о жизни, существовании человека и человечества на подсознательном и ментальном уровнях своими корнями уходят в ту самую аграрную эпоху, несмотря на значительное продвижение индустриального начала (в самых разных его проявлениях).

Научный и общественный интерес к истории сельской России, к процессам трансформации деревни в условиях капиталистической модернизации XIX — начала XX вв. и последующего социалистического переустройства постоянен. Диапазон суждений и выводов о них очень широк и зачастую политизирован.

Цель данной статьи — рассмотреть источниковую базу классических советских исследований по аграрной истории второй половины XIX — начала XX вв., обобщить семантические и методические приемы анализа сельской жизни в советской историографии, возможно, наметить новые вектора расширения исследовательского поля в аграрной тематике. Исследования по аграрной истории советских историков А.М. Анфимова, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова, а также экономистов 1920 — начала 1930-х гг. (Н.Д. Кондратьев, ученые школы А.В. Чаянова) мы рассматриваем как историографический источник, соглашаясь с мнением об отсутствии четкой или резкой грани между источником и исследованием¹.

* Тагирова Наиля Фаридовна — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного экономического университета, tag-naiya@yandex.ru.

¹ Русина Ю.А. Методология источниковедения. М., 2020. С. 105.

Посвятив несколько десятилетий изучению аграрного строя России начала XX в., в какой-то момент пишущая эти строки осознала невозможность дальше разрабатывать эту тематику. Неожиданно выход подсказала ведущий специалист по истории рабочего класса Ирина Михайловна Пушкарева в ходе нашей краткой беседы в Институте российской истории РАН. «Вы пишете на аграрную тему, — сказала она, — и у Вас есть свое понимание». На мое замечание, что больше не занимаюсь этой темой, она ответила: «Я это заметила. Дискуссионным вопросам в аграрной теме нет конца. Водоразделом является 1917 год. Напишите про источники. Возможно, расхождения во взглядах — из-за разных источников». Так, благодаря Ирине Михайловне, который на тот момент исполнился 91 год, мне пришла идея написать об источниках по аграрной истории Российской империи начала XX в.

Аграрная историография XXI в.

Современная отечественная аграрная историография весьма разнообразна. Не претендуя на полноту обзора, выделим ведущие сюжетные линии, в которые вплетена история российской деревни: модернизация экономики, государственная политика и ее результаты, экономика чрезвычайного времени (мировая и гражданская войны), социальные, психологические и ментальные аспекты (психология солдат, крестьян), хозяйственные процессы (микроуровень, мезоуровень). Большинство направлений исследований, развиваемых современной историографией, родилось, благодаря научным дискуссиям, истоки которых уходят в советское прошлое. Одна из них — дискуссия об особенностях аграрного развития капиталистической России и объективных предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. (начало 1960-х гг.). Другая активно велась на страницах академического журнала «Отечественная история» («Российская история», «История СССР») в начале 1990-х гг. и также была посвящена особенностям аграрного развития России—СССР. В отличие от 1960-х гг. главное внимание здесь уделялось социальным, психологическим и ментальным ракурсам. Думается, что именно эти научно-теоретические дискуссии определили и систему координат аграрных исследований, и направления научного мышления и поиска.

Теоретической основой современных социально-экономических исследований чаще всего выступает теория модернизации². С этих позиций анализируются сюжеты, связанные с развитием капитализма, рыночных отношений и социальных конфликтов в деревне во второй половине XIX — первой трети XX в., а также предшествующие им в период протомодернизации (Н.А. Проскурякова, В.М. Арсентьев). В этом ключе рассматривается дворянское хозяйство (Р.В. Федосеев), фискальные аспекты крестьянской жизни (О.И. Марискин, Е.А. Кравцова). Рыночная проблематика деревенской жизни на региональном уровне активно изучается представителями различных научных школ

² Региональное измерение аграрной модернизации в России. Материалы VIII Всероссийской (XVI региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Средне-го Поволжья (г. Саранск. 16–17 сентября 2020 г.). Саранск, 2020.

(М.И. Роднов, В.М. Рынков³, В.Н. Никулин). Исследуются хлебная торговля (Т.М. Китанина⁴) и институты мирового аграрного рынка (Н.М. Нарыкова)⁵.

Расширение тематики и проблематики историко-аграрных исследований «отвлекло» внимание от дискуссионного вопроса, который остается прежним: каковы итоги развития капитализма, или результаты модернизации? На него отвечают «оптимистически» (Б.Н. Миронов, М.А. Давыдов), либо «пессимистически» (А.В. Островский и С.А. Нефедов). «Поле битвы» выступают данные о демографии, антропологические сведения, а также статистика урожая. Как бы то ни было, исследователи, как и более полувека назад, констатируют: «очевидно, что ключевой вопрос об общем состоянии России на рубеже XIX–XX нуждается в дальнейшем анализе»⁶. Несмотря на обновление терминологического аппарата⁷, ясный ответ на главный вопрос по-прежнему не дан.

Другие направления исследований аграрной проблематики связаны с целостным изучением государственной аграрной политики: степени и активности модернизации, особенностей и специфики личностных, институциональных интересов, влиявших на принятие решений в сфере сельского хозяйства. Заметно расширение хронологических рамок модернизационного процесса: исследователи выделяют этап протомодернизации, видя в деревне ее проявления в начале XIX-го или даже в XVIII в.

Расширились хронологические рамки проблематики аграрной модернизации. Т.М. Китанина, рассматривая политику Павла I (1796–1801), обозначила сложный процесс «созревания» правительственного курса в сфере аграрных отношений. Несмотря на личное «противостояние» самодержцев, у Екатерины II и Павла I прослеживалась определенная преемственность в вопросах сближения правового статуса разных сословий⁸. В этом смысле идейная атмосфера оставалась неизменной еще полвека. Государственная деятельность главных реформаторов императорской России начала XX в. рассматривается не столько в контексте теории модернизации, сколько сквозь призму их жизненного пути, личного опыта в том числе⁹.

Социальные конфликты и размах крестьянского движения особенно привлекают внимание исследователей в связи со стремлением к новому осмыслению

³ Рынков В.М. Хлебный рынок Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирская деревня. Вып. 4. Зерновая проблема в XX в. Сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Ильных. Новосибирск, 2017. С. 3–36.

⁴ Китанина Т.М. Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

⁵ Нарыкова Н.М. Международные инструменты защиты аграрных интересов России накануне Первой мировой войны // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 24 / отв. ред. В.Н. Никулин. Калининград, 2018. С. 157–164.

⁶ Карпачев М.Д. Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории. Калининград, 2018.

⁷ В данном случае мы имеем в виду борьбу с капитализмом или остатками крепостничества, социально-экономические противоречия капитализма и тому подобные термины, которые уступили место «прорастанию», «трансформации».

⁸ Китанина Т.М. К вопросу об аграрном законодательстве Павла I в 1796–1801 годах // Северо-Запад в аграрной истории России. С. 63–82.

⁹ Кабытов П.С., Баранова Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара, 2013; Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.

Первой мировой войны, революций и гражданской войны, столетние юбилеи которых пришлось на первую четверть XXI в. Нарастание социальных противоречий традиционно объясняется эксплуатацией, чрезвычайными обстоятельствами, а также трансформацией традиционного сельского социума и ростом социально-психологической напряженности. Историки, работающие в этой области, анализируют изменения в крестьянском менталитете (О.А. Сухова), в психологии и поведения крестьян и помещиков (Е.П. Барина, О.А. Поршнева, В.В. Кондрашин). Обобщен общероссийский и местный опыт самоорганизации — деятельность крестьянских кооперативов, сельскохозяйственных обществ и объединений (А.П. Корелин, О.Ю. Редькина, О.А. Безгина).

Преобладают аграрные исследования на региональном уровне. Аграрные научные школы действуют и развиваются в Центральной России, на Северо-Западе, в Сибири, Среднем Поволжье, Урале и других регионах страны. С 1958 г. активно работает Симпозиум по аграрной истории стран Восточной Европы. Региональность как тип аграрного развития России начала XX в. общепризнанна. На материале крупных регионов историки-аграрники изучают хозяйственные процессы и конкретные жизненные истории (М.И. Роднов, Е.П. Барина, Р.В. Федосеев). Исследователи вовлекают в научный оборот первичные материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 гг., первые советские обследования 1919-го и последующих лет. Сюжеты, рассмотренные на региональном уровне, часто выходят на обобщения общероссийского масштаба.

Крестьяноведение институционализировалось как самостоятельная ветвь аграрной истории и издает одноименный журнал. Т. Шанин, стоявший у его истоков, его ученики и последователи активно используют методы общей и экономической социологии, антропологии для изучения сельского мира на уровне семьи, сельского поселения, небольшого района и т.д. Здесь преобладает цивилизационный контекст. Работающие в этом направлении исследователи предлагают использовать термин «крестьяноведение» как отражение сохраняющихся (или сохранявшихся) сущностных параметров аграрно-крестьянской цивилизации¹⁰. Методологическая основа их исследований восходит к организационно-производственной школе А.В. Чаянова. Крестьяноведы активно изучают ее наследие и методики, применяют ее подходы в изучении деревни первых лет советской власти, периода коллективизации, а также современной сельской жизни.

Историки дворянства чаще исследуют его как сословие, анализируя менталитет, генеалогию родов, социально-политическую активность, в том числе реализуемую через корпоративные организации. В хозяйственной области чаще описывают бытовую и усадебную культуру, реже — производственную сторону жизни дворянства в разных частях Российской империи (Г.А. Третьякова, Е.П. Барина, М.В. Нащокина, В.С. Ржеуцкая и др.). Современная историография активно оперирует цифровыми и статистическими данными, значитель-

¹⁰ *Бабашкин В.В.* Современные проблемы крестьяноведения // Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре. Самара, 2020. С. 14.

ная часть которых была введена в оборот еще советскими историками. Сегодня на основании цифровых подходов, позволяющих объединить дореволюционные и послереволюционные обследования, есть возможность получить картину в масштабах всей страны, которая меняла пространственные очертания, преодолеть разночтения, различия методик исчисления (М. Харрисон и А. Маркевич). Подобный подход применяли и исследователи первых лет советской власти, отмечавшие определенную относительность таких вычислений и важность выявления общих тенденций. Но сам по себе междисциплинарный подход к анализу деревенской жизни фактически стал необходимым. В исследованиях по аграрной проблематике прочное место заняли методы статистики, социальной психологии (О.А. Поршнева, О.А. Сухова), антропологии и демографии, интеллектуальной истории¹¹.

Другая характерная черта современной историографии — объединение двух, прежде не соединяемых периодов — до 1917 г. и после. Год революции, 1917, перестал быть рубежом, разделявшим историю деревни. Такую объединяющую возможность создала концепция модернизации, которая применима равно для капиталистической и социалистической стадий истории нашей страны.

Новым сюжетом в аграрной историографии можно считать изучение опыта и практик агрономии и сельскохозяйственного образования в Российской империи (С.А. Козлов, Я. Коцонис). В контексте нашего повествования отметим работу И.А. Кузнецова, изучившего становление в России высшего аграрного образования. Он выделил два концептуальных похода в сельскохозяйственном образовании: профессиональную подготовку управленцев частных имений и деятелей государственного управления. Через описание биографий ученых Кузнецов прослеживает развитие аграрной экономической мысли — «сельскохозяйственной экономики» как самостоятельного и самобытного направления в аграрно-экономической науке. Он подметил, что аграрная мысль эволюционировала от частного (прикладного, организационно-производственного) к общему (социально-экономическому, управленческому), объясняя это тем, что прикладное агрономическое образование было мало востребовано из-за неблагоприятной для аграрного сектора рыночной конъюнктуры¹². При этом фокус системы аграрного образования сместился от анализа хозяйственных задач в плоскость решения аграрного вопроса, где приоритет отдавался не хозяйственной, а социальной или социально-экономической стороне. В рамках этого подхода в конце XIX в. народническая идея некапиталистического развития деревни получила развитие в части широкой социальной поддержки «бедных и слабых»¹³.

Тем самым можно констатировать формирование новой научной парадигмы, которая запускала иную «большую волну» мышления о преобразовании

¹¹ Д.В. Тимофеев предложил применять понятийный аппарат интеллектуальной истории к изучению экономических интересов различных сословий аграрной России. См.: Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019. Екатеринбург, 2019. С. 104–108.

¹² Кузнецов И.А. Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России, XIX — начало XX века. М., 2018.

¹³ Там же.

сельского хозяйства. В рамках такого подхода на первое место вставала социальная справедливость и лишь затем экономическая эффективность¹⁴. Эсеро-большевистская идея социалистической революции и преобразования деревни выстраивалась теперь вокруг преобразования крестьянского хозяйства. Представляется, что работа И.А. Кузнецова явилась своеобразным «пазлом», соединившим через историю аграрно-экономической мысли хозяйственную и политическую историю российской деревни.

Таким образом, можно заключить, что современная аграрная историография является наследницей идей, сформулированных в ходе дискуссий начала 1960-х и 1990-х гг. Первенствующее место в ней и в последующие десятилетия отводилось оценке уровня социально-экономического развития, глубине социальных противоречий в деревне. Развитие новых идей также шло преимущественно в социальном, демографическом, психологическом, антропологическом направлениях. При этом современная аграрная историография расширила проблематику и хронологические границы исследований. Сохраняется неопределенность в ответах на застарелые спорные вопросы советской историографии, которые в конечном счете сводятся к оценке результатов или итогов капиталистического развития деревни. Сам процесс капиталистической модернизации сельского хозяйства никем не оспаривается и не подвергается сомнениям¹⁵.

Представляется, что это обусловлено «уходом в тень» хозяйственной тематики, связанной с анализом материально-технических, экономико-отраслевых, технологических, организационных, управленческих, институциональных проявлений сельской жизни в поздней Российской империи (по макрорегионам, районам). Современная аграрная историография развивает те же идеи и наработки предшествующих поколений историков, работавших в жестких рамках марксистской идеологии и находившихся в плену марксистских «идеологем» и представлений (Берлов, Миронов), при этом еще и критикуя их.

Еще одна характерная черта современной историографии связана с разрастанием «облака смыслов» используемых терминов (яркий пример — «персонализированное крестьяноведение»). Термин «предприниматели» заменил понятие «буржуазия», «эксплуататорские классы». Практически исчезли термины, связанные с характеристикой состояния сельского хозяйства: «уровень развития», «уклад». При этом в работах, посвященных экономике, промышленному развитию в целом, технологические уклады зачастую рассматриваются как стадии/этапы индустриального прогресса. Заглохли дискуссии о *степени* развития (*уровне* капитализма), «преобладании остатков крепостничества», первой и второй социальных войнах, товарном, мелкотоварном и кустарном производствах (или стадиях развития), экономическом антагонизме (или здесь применим другой термин?) между помещиками и крестьянами, эксплуататорами и эксплуатируемыми.

¹⁴ Там же. С. 369

¹⁵ Исключением, пожалуй, является статья П.И. Савельева (2004), который отметил необходимость обсуждения некапиталистических альтернатив, имевших (или не имевших) место в позднимперский период.

В современной аграрной историографии рыночные отношения сужены, по преимуществу, до товарных рынков и их организации. Многие сюжеты, на которые обращала внимание советская аграрная историография, отодвинулись на второй план. Возникает ощущение, что вместе с утратой ее резких (однозначных) оценок, в понимании сельской жизни поздней империи уходит что-то ценное, глубинное, важное. В какой-то степени критический настрой по отношению к советской историографии оправдан. Но нельзя допустить, чтобы были девальвированы ее значительные наработки тем более, что многие современные исследователи опираются именно на данные и подсчеты предшествующих поколений историков.

Источники советской историографии

Общеизвестно, что достоверность выводов исторического исследования определяется полнотой и разнообразием используемых источников. Лучшие работы советского периода по аграрной тематике в этом отношении могут служить образцом тщательного изучения исторических источников и даже сами выступать в качестве таковых.

Современное источниковедение выделяет основные элементы «источниковедческого канона». Среди них — выяснение условий и обстоятельств создания документа, установление его авторства, анализ текста, истории его публикаций, интерпретация и только потом анализ содержания¹⁶. Ю.А. Русина справедливо фиксирует сложную, иногда неуловимую грань между источником и историографическим источником.

В контексте нашей работы мы предлагаем и считаем правомерным рассматривать в качестве источника не только классические документы периода Российской империи (нормативно-правовые, статистические, земские и т.д.), но и ряд фундаментальных работ советских историков-аграрников (А.М. Анфимова, Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова, А.Л. Сидорова), а также исследователей 1920—1930-х гг. (Н.Д. Кондратьева, школы А.В. Чаянова). Все они опирались на обширную и разноплановую источниковую базу, предлагали серьезный анализ привлекаемых документов, обосновывали применимость используемых исследовательских методов, публиковали большую часть статистических показателей, что дает читателю возможность повторного их использования. Обратимся к анализу этих работ в той хронологической последовательности, в какой они выходили в свет.

Повторим: в середине 1960-х—1970-х гг. в изучении аграрной истории Российской империи произошел серьезный прорыв. Дискуссия об особенностях аграрного развития России в условиях капитализма послужила своеобразным мотиватором для изучения различных сюжетов этой темы и вовлечения в научный оборот различных исторических источников. Прорыв создало поколение советских историков преимущественно крестьянского происхождения. Это поколение реально знало и понимало деревенскую жизнь, при этом получило

¹⁶ Русина Ю.А. Указ соч. С. 201.

университетское образование и прошло испытание Великой Отечественной. Это было поколение, для которого марксистская теория была не просто идеологией.

Будучи убежденными сторонниками материалистического и формационного подходов, они усомнились в глубине и степени развития аграрного капитализма, показав в своих работах многообразие способов хозяйствования помещиков и крестьян, наличие многоукладности и разных «остатков крепостничества». Важно отметить, что в те годы это был смелый шаг и, как сейчас представляется, максимально возможный в рамках господствовавшей парадигмы. Использовать иные термины и научные категории, кроме употребляемых в марксизме, было немыслимо. Отсюда и нелепо звучащее сегодня «преобладание остатков» крепостничества.

Вопреки, а теперь видится, что, скорее, благодаря жестким ограничениям, аграрная история развивалась, создавая новые направления исследования — истории урожаев, хлебных цен, организации хозяйства помещиков и крестьян, его материального обеспечения, истории аренды, земельного рынка, истории сельскохозяйственного кредита. Чем дальше и глубже в своем анализе уходили аграрные историки, тем более многообразным и несводимым к одному простому выводу о предпосылках социалистической революции представал перед ними сельский мир поздней Российской империи. Работы А.М. Анфимова, Н.М. Дружинина, И.Д. Ковальченко, А.С. Нифонтова, Л.В. Милова (и не изданные работы К.Н. Тарновского), которые появились в 1960-е — начале 1970-х гг., задавали очень высокую планку аграрным исследованиям.

На этом фоне, в такой интеллектуальной среде формировалось следующее поколение историков, которое восприняло «плоды раздумий и сомнений» своих учителей. П.С. Кабытов отмечает, что для молодых историков второй половины XX в. работы А.М. Анфимова имели «ключевое значение в становлении их как историков-профессионалов»¹⁷. Будущих ученых-аграрников привлекали идеи о живучести остатков крепостничества (самостоятельное ответвление стержневой, официальной идеи), их дискуссионность, научная смелость, например — рассматривать идеи В.И. Ленина «в развитии и корректировать их с учетом позднейших высказываний». По сути, исследования по аграрной тематике той поры создавали новую историографическую ситуацию, а их авторы являлись «нарушителями спокойствия». Следующее поколение историков получало мощный импульс для изучения спорных вопросов на местном уровне — губерний, районов, областей. Не случайно, что именно на рубеже 1970–1980-х гг. зародились многие ныне здравствующие региональные аграрные научные школы — в Поволжье, на Южном Урале, в Сибири, на Северном Кавказе, Северо-Западе России.

Рассмотрим работы А.М. Анфимова (1916–1995), для которых характерно глубокое источниковедческое наполнение¹⁸, целостный подход к описанию хозяй-

¹⁷ Аграрная история. XX века: историография и источники / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014. С. 16.

¹⁸ Корелин А.П., Слепнев И.Н. Памяти Андрея Матвеевича Анфимова // Россия сельская. XIX–XX века. М., 2004. С. 12–24; Аграрная история XX века: Историография и источники. Монография / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014; Анфимов А.М. // Экономическая история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Том 1. М., 2008. С. 98.

ственной жизни российской деревни. Он ввел в оборот много новых исторических документов, статистических массивов, данных центральных ведомств Российской империи, отраслевой статистики, земских источников. Обращение к источникам не революционной, а противоположной, «враждебной» по отношению к революции, стороны стало поворотным пунктом в советской историографии, прежде опиравшейся исключительно на документы революционного лагеря.

В 1961 г. Анфимов опубликовал исследование о земельной аренде. Эта сложнейшая тематика менее всего изучается и сегодня. Он рассматривал надельную и внеадельную аренду общинной земли, помещиков, в том числе пахотных угодий, сенокосов, лугов, лесов.

В фундаментальной работе, посвященной крупному помещичьему хозяйству (1969), он использовал документы государственного Дворянского земельного банка, которые раскрывали хозяйственную сторону жизни помещиков-рантье и помещиков-предпринимателей. Публикации, первичные документы государственных и коммерческих кредитных учреждений, статистика долгосрочного кредита, банковская статистика в целом стали его источниками в изучении способов хозяйствования крупных помещиков и частных владельцев. Статистика долгосрочного кредита, оценочные описи и поверочные описания помещичьих имений, заложенных в Дворянский земельный банк, материалы Крестьянского поземельного банка также были привлечены исследователем для выявления роли помещичьего хозяйства в аграрной экономике, способов взаимодействия дворян-помещиков с кредитными учреждениями и выявления степени вовлеченности господствующего класса в финансовую систему страны.

Самостоятельное направление исследований Андрея Матвеевича составил анализ ежегодной статистики мобилизации (движения) частного землевладения Европейской России. Он вновь расширял источниковедческое поле, публикуя документов о динамике землевладения в России (СПб., 1906–1914). Серийная документальная публикация этих данных позволили выйти на вопросы изучения земельного рынка, земельных цен, других аспектов купли-продажи частновладельческой земли.

В работах, посвященных хозяйству и экономическому положению крестьянства Европейской России (1980, 1984), круг его источников составили земские описания, военно-конские переписи, статистика урожаев, документы налоговых ведомств, юридические и судебные материалы по крестьянскому движению 1902–1904 гг. Такое комплексное изучение и сочетание разных по происхождению исторических источников для анализа, казалось бы, «узкой темы», далеко не всегда имеет место в исторической науке.

Отдельно отметим работы Анфимова, посвященные крестьянству. Монография «Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904» (1980), о которой молодые ученые чаще упоминают в связи с публичным отказом автора от своих ранее высказанных взглядов (о «преобладании остатков крепостничества»), является непревзойденным исследованием «сложнейших вопросов аграрной эволюции»¹⁹. Используя сугубо марксистскую терминологию, Анфимов дал образец скрупулезного анализа источников последующим поколениям

¹⁹ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1980. С. 173.

историков. Отметим наиболее значимые, с нашей точки зрения, аспекты этого анализа.

Во-первых, это вопрос о посевах и системах земледелия. Современные историки оперируют данными преимущественно о посевах, сборах и урожайности четырех основных зерновых культур: яровой пшеницы, озимой ржи, овса и ячменя. Сведения о распространении и выращивании других культур привлекаются значительно реже. Анфимов в динамике анализировал соотношение посевов зерновых, технических культур, трав. Проследивая изменения в посевах льна (лен-долгунец и лен-кудряш), он отмечал «грустную судьбу» этой культуры, перемены в соотношении посевов льна, гречихи, полбы, чечевицы, горчицы, конопли, кудели, традиционных технических культур рассматривал как глубокую специализацию не только по районам, но в пределах одной губернии, даже уезда. Анфимов показал, что полеводство определяло возможности и животноводства, а «маневрирование культурами» являлось нормальной реакцией товаропроизводителя на внешние обстоятельства²⁰.

«Термин “система хозяйства”, — писал он, — значительно уже понятия “система земледелия”. Последнее есть результат смены общественно-экономической формаций, и он всегда запаздывает по сравнению со сменой внешних экономических условий»²¹. Это означает, что переплетение систем земледелия есть обычное явление, подтверждающее развитие. Анфимов ссылаясь на работы известного в начале XX в. ученого-агронома Д.Н. Прянишникова, который выделил четыре системы земледелия: залежную (в двух видах: перелог и подсека), трехпольную, плодосменную и промышленную. В основе такой классификации лежала интенсивность использования земли и способ восстановления ее плодородия. Крестьянин учитывал содержание азота в почве, на что и была нацелена смена системы земледелия (для этого применялось чередование культур в пашне) и внесение удобрений (преимущественно навоза). Первые шаги по использованию искусственных минеральных удобрений Анфимов характеризовал как переход на промышленную систему земледелия²².

Он обозначил коренную перестройку традиционного российского земледелия, когда менялся сельскохозяйственный профиль целых районов, вытеснялись из севооборота многовековые зерновые культуры, из-за конкуренции задавленными или изгнанными оказывались целые отрасли (например, овцеводство на Юге России). Глубокое знание тонкостей сельскохозяйственного производства отличает все работы Анфимова.

Во-вторых, это система землепользования. Ее ученый рассматривал как совокупность аренды разных видов и собственной запашки. Он отмечал, что накануне 1905 г. крестьяне Европейской России арендовали примерно 37 млн дес. земли (или 24 %), подробно описывая подсчеты. Это значит, что арендные отношения сильно влияли на хозяйственные отношения

Еще одной важной особенностью жизни российской деревни, отмеченной А.М. Анфимовым, стала «управка душ» — ситуация, когда работодатель был бед-

²⁰ Там же. С. 208.

²¹ Там же. С. 173.

²² Там же. С. 174–175.

нее своего наемного работника. Это явление было широко распространено — безлошадный крестьянин сплошь и рядом нанимал крестьянина с лошадей для обработки своего надела. Можно ли такого работодателя считать предпринимателем? — задавался вопросом автор²³. Как тут не согласиться с его выводом: «Жизнь российской деревни была чрезвычайно сложна и изучение ее представляет значительные трудности. Даже в пределах одной губернии и только по одному аспекту экономических отношений... положение было различно в разных уездах»²⁴.

В 1984 г. вышла в свет монография А.М. Анфимова, посвященная экономическому положению и классовый борьбе крестьян Европейской России в 1881—1904 гг.²⁵ В ней он рассмотрел вопросы, выходящие за пределы сельскохозяйственного производства, но тесно с ним связанные — крестьянские промыслы, неземледельческие заработки, бюджет, повинности. Указывая на глубокое проникновение в экономику товарно-денежных отношений и господство капиталистического начала в аграрном строе, автор задавался вопросом о степени прогрессивности втягивания крестьян в рынок. Ведь если мотиватором выступало лишь их стремление выплатить повинности, значит, эти подати и являлись первопричиной. Налоги и сборы — важный фактор в развитии страны, но в условиях капитализма тяжесть платежей вела к принудительной товаризации крестьянского хозяйства²⁶. В такие товарно-денежные отношения были втянуты все группы крестьян.

Анфимов подробно рассматривает содержание понятия «промышленник». К ним официальная статистика относил тех селян, кто работал по найму в хозяйствах помещиков и крестьян, в неземледельческом отходе на промышленных предприятиях, в строительстве, на лесных разработках, в судоходстве. Анфимов подсчитал, что в европейской части страны в начале XX в. 13,9 млн крестьян были заняты промыслами вне своего хозяйства — 8,3 млн промышленяли в своей деревне или уезде, 5,6 млн отправлялись за их пределы. По его данным, промыслы не занимали все «лишние рабочие руки деревни, и жалобы на отсутствие заработков были обычными в промышленной зоне. Сезонность многих промыслов создавала скрытое перенаселение»²⁷. Налоги были непосильны для крестьян.

Важный момент, который отмечает ученый, — опережающий рост цен на землю по сравнению с ростом ее доходности. Если в 1886—1895 гг. этот разрыв только наметился (36 %), то в 1896—1905 гг. опережение земельных цен составило уже 51,9 %, а в Нечерноземной полосе — почти в шесть раз. Интересны данные о соотношении продажных цен на землю и арендных, а также неуклонное падение отношения арендной платы к цене земли, хотя и арендная плата неуклонно росла²⁸. В марксистской терминологии Анфимов фактически констатирует стремление к владению, но не доходному использованию земли, что

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Там же. С. 173.

²⁵ *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Там же. С. 224.

²⁸ Там же. С. 225.

было свидетельством первоначальной стадии развития земельного рынка. При таком положении рост цен на землю со стороны помещиков подрывал возможность рационального ведения хозяйства крестьянами.

А.М. Анфимов подробно исследует крестьянские семейные бюджеты, показывая глубокое экономическое расслоение деревни. К концу XIX в. он выделил типы с качественно различными экономическими признаками, отметив тенденцию к их нивелированию.

В 1998 г. в издательстве «Наука» вышел подготовленный Анфимовым сборник документов «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.» с предисловием его ученика и последователя В.П. Данилова. В сборнике представлен широкий круг материалов Земского отдела, департаментов полиции и общих дел Министерства внутренних дел, жандармских губернских управлений, органов прокурорского надзора, а также прошения крестьян из фонда Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, переписка местных и центральных государственных учреждений²⁹. Публикуемые документы показывают, что корень аграрного вопроса лежал в земле, а перспективы ее рационального использования были связаны исключительно с крестьянством. Тем самым, отмечает Данилов, имел место перелом в общественном сознании крестьянства: от борьбы за спорные земли и за отрезки оно перешло к принципиально новому этапу — борьбе за всю помещичью землю. В 1902 г. на политическую арену выступило новое поколение крестьян эпохи революции.

Работы Анфимова фиксируют глубочайший цивилизационный сдвиг в сельском хозяйстве страны, в который оказались вовлечены все факторы аграрного производства — земля, труд, капитал, предпринимательская активность. Этот сдвиг произошел в 1882–1904 гг., на протяжении жизни одного поколения деревни. Ученый отмечал и такую сторону этого сдвига, как изменения в интенсификации сельскохозяйственного производства.

В 1970-е гг. в рамках изучения аграрной проблематики в российской исторической науке народилось новое направление. И.Д. Ковальченко (1923–1995) вместе с соратниками и учениками обратился к анализу материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Изучение обширного массива цифровых показателей разных сторон хозяйственной жизни села Европейской России потребовало применения специальной методики, которая позволила бы связать разрозненные данные и объяснить или приблизиться к пониманию того, насколько глубоко и в каких областях наиболее сильно проявлялись рыночные (капиталистические) отношения. Математические подсчеты показали, что они были ведущими в сфере производства и продажи сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна.

Дискуссии по аграрной истории стали частью полемики по ключевому вопросу о предпосылках революции 1917 г. В отечественной науке создавалось новое направление — количественные методы в исторических исследованиях, или клиометрика. Теоретическое и методическое обоснование статистических методов было дано в работах, посвященных всероссийскому аграрному рынку, социально-экономическому строю помещичьего и крестьянского хозяйств.

²⁹ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. / отв. ред. А.М. Анфимов. М., 1998. С. 16.

Оба подхода — традиционный и математико-статистический — находили своих сторонников и последователей. А.С. Нифонтов на основе традиционных методов проанализировал статистику урожаев второй половины XIX в. По материалам Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел он описал и процесс сбора данных об урожайности, и изменения в методике подсчетов (саамах, четвертях, пудах), произвел унификацию данных, собранных по разным методикам, что дало возможность сопоставить урожайность на всем протяжении интересующего его периода. Благодаря ему, историки стали широко использовать сведения ЦСК МВД об урожайности основных зерновых культур. Нифонтов обратил внимание на сезонные колебания зерновых цен на местных рынках, показал их причину — вынужденную продажу хлеба крестьянами осенью и покупку весной. Такую ситуацию исследователь объяснял необходимостью выплачивать налоги именно осенью, после сбора урожая. Тем самым устанавливалась сложная взаимосвязь экономики крестьянского хозяйствования с реалиями зернового рынка и государственной налоговой политикой.

Усилиями А.М. Анфимова и Н.М. Дружинина (1886–1986) источниковую базу аграрных исследований обогатили и материалы «Комиссии центра» (термин Анфимова) — двух междуведомственных комиссий под председательством П.А. Валуева. Первая, 1872 г., изучала состояние сельского хозяйства, вторая, 1874 г. — вопросы использования наемного труда. Дружинин в работах, посвященных русской деревне пореформенной поры — «Помещичье хозяйство после реформы 1861 года» (1972), «Русская деревня на переломе. 1861–1881 гг.» (1978) — привлек 958 отчетов первой комиссии, дав им подробную характеристику.

Как видим, работы советских историков-аграрников были основаны на широчайшей источниковой базе. Исследователи использовали исторические источники, независимо от их политической и ведомственной принадлежности, тем самым показав новым поколениям историков необозримые исследовательские перспективы. Их труды по сей день остаются классикой источниковедческого анализа. В условиях безраздельного господства материалистического понимания истории и формационного подхода они поставили вопрос о сложности, неоднозначности, многовариантности и многослойности сельской жизни второй половины XIX — начала XX вв., проследили процесс трансформации деревни от традиционного к капиталистическому способу хозяйствования, изучали социальные противоречия, возникавшие на экономической и производственной почве. Своими работами они придали импульс появлению и развитию региональных аграрных научных школ.

Знакомство советских аграрников 1950–1970-х гг. с идеями экономистов 1920-х–1930-х гг. (Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова и его школы) состоялось лишь в конце их творческой деятельности, когда в условиях перестройки и гласности стала возможной публикация работ репрессированных ученых. В последние годы жизни А.М. Анфимов работал в редколлегии научно-академической серии «Экономическое наследие». Знакомство с трудами «репрессированного поколения» аграрников показывает, что они исповедовали те же исследовательские принципы, что и ученые последующей генерации. Их преимущество как исследователей, обернувшееся жизненной трагедией, состояло в том, что они имели возможность

воочию наблюдать процесс революционных преобразований в деревне. В книге «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», написанной в 1922 г. и изданной в России в 1991 г., Н.Д. Кондратьев (1892–1938) поставил под вопрос способность государства эффективно регулировать сельское хозяйство. Современный исследователь И.А. Кузнецов рассматривая эволюцию взглядов ученого в аграрной сфере от народническо-социалистических, эсеровских, к либерально-экономическим. Именно это и стало, по его мнению, причиной неоднократных арестов Кондратьева, а затем и его трагической гибели.

Перелом во взглядах Кондратьева произошел в 1919–1921 гг., что и отразила его упомянутая монография, написанная на основании эмпирического материала³⁰. Работа носит сугубо экономический характер, она опирается на широкий круг самых разных источников — от общегосударственных, отраслевых, до земских локальных документов, которые было возможно привлечь. Среди них — довоенная статистика, материалы ряда Особых совещаний, биржевых обществ, издания Земгора, Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу (1916), документы военно-промышленных комитетов, Совета съездов представителей биржевой торговли сельского хозяйства и других возникавших и исчезающих в пучине революции организаций. В этом отношении работа Кондратьева уникальна. Его анализ законодательной базы времен Октябрьской революции в вопросах распределения заготовок стал связующей нитью досоветского, революционного и советского периодов.

Кондратьев рассчитывает объемы рынка, посевные площади с разбивкой по основным культурам, урожаи и урожайность, в том числе в хозяйствах крупных землевладельцев и крестьян, анализирует ежегодную динамику посевов, урожаев хлебов за 1901–1913 гг. и средние данные по пятилетиям, определяет долю товарных и продовольственных культур. Его интересует «строение русского рынка хлебов»: объемы, сборы и поставок хлебов на рынки, их логистика на внутренние и зарубежные рынки, кредитная и хлебозалоговая политика Госбанка, цены на зерно и факторы, влиявшие на их уровень. Он первым отметил, что цепочка хлеботорговли была многоступенчатой.

Н.Д. Кондратьев выделяет районы избытка (предложения) и недостатка (потребления) хлеба, вычисляет его товарность как процентное отношение поступившего на рынок зерна к производству. Ученый первым обобщил огромный статистический материал предвоенного пятилетия, воссоздав общий вид и строение всероссийского товарного рынка хлебов накануне Первой мировой войны. Его макроэкономический анализ рисовал картину сложнейшего механизма зернового рынка. Ученый проследил второй этап цивилизационного сдвига (первый проходил в 1882–1902 гг.), неэффективность рыночного и государственного регулирования сельского хозяйства в чрезвычайных условиях.

В основе его расчетов лежат данные ЦСК МВД, статистика урожаев, публикации Министерства земледелия по отдельным культурам, материалы транспорт-

³⁰ В годы революции и Гражданской войны Н.Д. Кондратьев работал во Временном правительстве, Продовольственной комиссии и Продовольственном комитете, возглавлял Конъюнктурную комиссию, а затем Конъюнктурный институт, с 1923 г. подведомственный Наркомату финансов, в Наркомате земледелия.

ной статистики. Одновременно он изучает крестьянское и частновладельческое хозяйства, пишет об «относительно низкой товарности крестьянского зерна»³¹, а, значит, и неизбежной ограниченности поставок хлеба горожанам и армии. Используя ту же методику, он описывает ситуацию военного времени. Однако здесь главным предметом изучения становится государственное регулирование и «анатомия» трансформации хлебного рынка в распределительный механизм. Поступление хлеба на рынок он изучает по материалам московского Общества им. А.И. Чупрова³², нарастание регулирующих государственных мер — на основании публикаций Особых совещаний по продовольственному делу и его комиссий.

А.В. Чаянов (1888—1937) изучал организацию крестьянского хозяйства на микроуровне, анализируя бюджеты крестьянских семей, определял возможности и трудовой потенциал крестьянского домохозяйства³³. По наблюдению Кузнецова, школа Чаянова выступила симбиозом социальной организации, но не частновладельческих, а крестьянских хозяйств, основу которого заложили идеи его учителя А.Ф. Фортунатова.

Представляя различные экономические школы³⁴, Кондратьев и Чаянов работали в рамках преобладавшей научной парадигмы: возможностей государственного (или рыночного) регулирования сельского хозяйства (Кондратьев) и опоры на крестьянское хозяйство (Чаянов). По существу, это была все та же линия на решение аграрного вопроса революционным путем. Иной подход к выстраиванию сельских перспектив предложила аграрная комиссия Государственной комиссии по электрификации России. Это была парадигма, опиравшаяся на производственно-технологические изменения, невозможные (или малореализуемые) в условиях мелкого крестьянского хозяйства. В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов говорилось: «политическая страховка РСФСР теснейшим образом связана с интенсификацией земледелия и в центре, и на севере... Технически высший тип интенсивного хозяйства неизбежно связан с моментом его электрификации»³⁵.

В 1960—1970-е гг. в советской исторической науке активно обсуждались особенности аграрного развития России, мелкотоварный уклад, проблемы источниковедения. В 1970—1980-е гг. историки разрабатывали методику создания баз статистических данных и применение математических методов для их анализа. Дискуссии об аграрном строе, мелкотоварном укладе в деревне отличал

³¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов. С. 88—111.

³² Труды комиссии по изучению современной дороговизны. / Об-во им. А.И. Чупрова. Вып. 1. М., 1915.

³³ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избр. труды / под ред. Л.И. Абалкина и др. М., 1989.

³⁴ Н.Д. Кондратьев — выпускник экономического отделения юридического факультета Петербургского университета, который также окончили Л.Н. Литошенко, Л.Б. Кафенгауз, З.С. Каценеленбаум, Н.П. Макаров, С.Н. Первущин, А.А. Рыбников. А.В. Чаянов — выпускник сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. «Тип московского ученого иной, чем петроградского, — писал Кондратьев в ноябре 1918 г. — Я ближе понимаю последний. Московский ученый слишком близко стоит к практике и слишком практически мыслит. Но он, несомненно, самобытнее и лучше отражает русскую науку»: Цит. по: *Фигуровская Н.К., Симонов В.В.* Н.Д. Кондратьев и российская экономическая наука чрезвычайного времени // *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов. С. 13.

³⁵ Доклад VIII съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955. С. 98.

высокий теоретический уровень, стремление определить темпы, пути, вариативность аграрного развития, другие важнейшие, но «крамольные» для того времени проблемы. Сегодня тогдашние терминологические споры в рамках марксистской постановки вопроса о борьбе с различными проявлениями капиталистической эксплуатации видятся схоластическими. Хотя следует отметить, что изучение различных аспектов этой борьбы на конкретно-историческом материале позволяло делать фундаментальные, значимые и сегодня выводы о взаимоотношениях в рамках дихотомии «помещик-крестьянин», «крестьянин и помещицье государство», «крестьянин-бедняк и кулак», «крестьянин-общинник и крестьянин-фермер». И эти результаты не должны быть утрачены.

От аграрного вопроса к аграрному перевороту

Два поколения исследователей-аграрников вне связи друг с другом воссоздали многомерные процессы трансформации российской деревни. Эта трансформация затрагивала все стороны хозяйственной, организационной, социальной, институциональной, духовной жизни каждого жителя и домохозяина деревни, независимо от его социальной и классовой принадлежности. Общие экономические условия второй половины XIX — начала XX столетия, миграционные процессы, связанные с ростом городского населения, мировая хозяйственная конъюнктура (включая мировой аграрный кризис 1870-х гг. и повышательная фаза экономического цикла 1890-х гг.), — все эти явления словно «обволакивали» деревню. А вкупе с местными условиями (нарастание крестьянского малоземелья в центральной России, хозяйственное освоение присоединенных территорий Средней Азии, переселенческое движение в Заволжье, Южный Урал и Сибирь, политика преобразования кочевого хозяйства в земледельческое для башкир, калмыков и многие другие процессы) превратили трансформацию аграрного производства и сельской жизни, по сути, в цивилизационный сдвиг. Именно этот вывод, невозможный для формулировки в советской марксистской терминологии, подспудно вырастал из всего огромного исторического материала, вовлеченного в научный оборот советскими историками и экономистами 1920-х гг.

Максимально возможный вывод об общем уровне развития капитализма в деревне на момент 1917 г. мог фиксировать нескольких уровней анализа — преимущественно материально-технический и социально-экономический. Последний получил наибольшее развитие. При этом были исследованы экономическая, организационная, институциональная, государственно-правовая, социальная, социально-политическая и другие грани сельской жизни. На единый, «общий уровень капитализма» по всем этим параметрам российское сельское хозяйство и деревня в целом «не тянули», но сдвиг, безусловно, начался. Рассмотренные нами работы своим фактическим материалом показали эту многогранность явления и невозможность однозначного ответа. Но в лучших работах диалектическое проявление единства и борьбы противоположностей в деревне было выявлено. В силу обстоятельств и господствовавшего материалистического мышления исследовательское внимание было сконцентрировано на вопросах борьбы, конфликтов и столкновений в российской деревне.

Представляется, что многолетнюю дискуссию об уровне развития капитализма в российском сельском хозяйстве пора считать оконченной. Огромное число исследований, посвященных этой тематике, уже самим своим существованием показали невозможность однозначного ответа и бесперспективность подобных споров.

Как же тогда описать, оценить и воссоздать целостный мир, в котором переплетены ритмичные процессы земли, природы и хозяйствования человека в эту эпоху трансформационного сдвига? Осмелимся предложить иной ракурс анализа, в основе которого лежит изучение хода аграрного переворота (по аналогии с промышленным). Аграрный переворот рассматривается как ядро, ключевой элемент коренного переустройства аграрного общества, как стадия становления современной индустриальной цивилизации.

В зарубежной и отечественной историографии аграрный переворот рассматривается, как правило, на примере Англии XVI–XVIII вв. К. Маркс описывал его как процесс «огораживания», суть которого — в первоначальном накоплении капитала и превращении в товар не только продуктов аграрного производства, но и земли, и рабочей силы. Рыночные отношения и рыночные институты складывались в Англии задолго до начала промышленного переворота, начало которого пришлось на завершающие десятилетия XVIII в. В Соединенных Штатах Америки промышленный переворот совершался одновременно с аграрными преобразованиями, уничтожившими рабство и утвердившими фермерский тип хозяйствования (1862).

В российской истории также совпали во времени два глубинных процесса — промышленный переворот (1840–1880-е гг.) и аграрный переворот. Аграрный переворот совершался в разных институциональных форматах — капиталистической (промышленно-индустриальной) модернизации (1861–1917 гг.) и социалистической индустриализации (1920–1930-е гг.). В этом промежутке времени многообразие форм собственности на землю и труд перешло, по сути, к единой государственной собственности на землю и трудовые отношения в колхозах.

В российской историографии применительно к периоду промышленного переворота, то есть ко второй половине XIX в., термин «аграрный переворот» фактически не применяется. Исследователи чаще используют термин «аграрный кризис», понимая под ним мировой аграрный кризис 1870-х гг. и его влияние на сельское хозяйство, в полной мере ощутившее первые результаты реформы 1861 г. Другой, активно используемый термин, — «аграрный вопрос». Он рассматривается как «комплекс идей, представлений, концепций и программ, связанный с поисками ответов на вопросы отмены крепостного права, огромный демографический перевес деревни над городом, полярность социально-экономической структуры в деревне, социокультурная отчужденность крестьянства от остальных сословий и власти, экономическая и финансовая несбалансированность аграрного и промышленного развития, господство экстенсивных способов ведения сельского хозяйства, колонизация окраинных территорий Российской империи»³⁶. По сути, это определение включает все составные элементы аграрного переворота: изменения в сельскохозяйственном производстве, экономических отношениях, демографии, социальных и духовно-культурных сферах. Но при этом термин «аграрный вопрос» приобрел

³⁶ Долбилов М.Д. Аграрный опрос // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 2008. С. 35–40.

явную политическую окраску. М.Д. Долбиллов отмечает появление и распространение этого термина в конце 1870 — начале 1880-х г. в либеральной прессе и программных документах революционных народников. На тот момент он имел «подчеркнуто европейское звучание» и указывал на неадекватность правительственной политики задачам аграрного развития страны³⁷. Вся последующая история аграрного развития виделась исключительно в координатах политической борьбы, антагонизма помещиков и крестьян. Организационно-технические, экономические, технологические, агрономические и другие сюжеты исподволь изучались в контексте политического решения аграрного вопроса. Вероятно, такой подход уже устарел.

Возвращение аграрного вопроса в плоскость аграрного переворота, с нашей точки зрения, дает определенные преимущества и позволяет решить несколько задач. Начнем с определения временных рамок аграрного переворота, который, по нашему убеждению, произошел в 1861–1959 г. Эти годы стали временем громадного технологического скачка всей нашей страны. В 1861 г. в России было отменено крепостное право, а спустя сто лет, в 1961 г. Ю.А. Гагарин первым в мире совершил полет в космос. Огромные изменения произошли и в аграрном секторе. Всесоюзная перепись населения 1959 г. впервые зафиксировала преобладание в СССР городского населения над сельским. С хозяйственной и экономической точек зрения, земля как основной ресурс изменяла формы владения, пользования и распоряжения ею. Но на протяжении рассматриваемого периода способы обработки земли стали индустриальными (промышленная система земледелия, о которой писал А.М. Анфимов, использование минеральных удобрений, машинные способы ведения земледелия и животноводства). Трудовые отношения и трудовая этика также подверглись серьезной трансформации. От поэтапного освобождения крепостного труда (помещичьих, государственных, удельных крестьян в 1860-е гг.), через создание хуторских и фермерских хозяйств в 1910-е гг., кооперативов и возрождение общины, трудовые отношения стали приобретать единообразный характер в рамках коллективных хозяйств (колхозов). За это столетие трудовая этика также претерпела существенные изменения³⁸.

Изменилась научная парадигма и практика управления в сельском хозяйстве. С начала 1920-х гг. перспективы развития деревни власть связывала с интенсификацией крестьянского хозяйства и внедрением новых технологий, основанных на электрификации. Электрификация сельского хозяйства обозначила и новую возможность для укрупнения (объединения) крестьянских хозяйств и внедрения плановых управленческих начал.

Таким образом, на протяжении столетия, в 1861–1959 г.г., экономический, технологический и производственный потенциал сельского хозяйства качественно преобразился. Предложенный подход к анализу изменений в аграрном секторе России дает возможность, с нашей точки зрения, дополнить, либо высветить иные ракурсы в изучении аграрной истории второй половины XIX — начала XX вв. И тем самым способствовать дальнейшему развитию идей и выводов, сделанных выдающимися отечественными историками-аграрниками и экономистами XX в.

³⁷ Там же. С. 35.

³⁸ Иванова О.Н., Тагирова Н.Ф., Лукин И.А., Трубецкая О.В. Фундаментальная трансформация аграрного сектора России (1906–1932 гг.) // 18th International Scientific Conference PEDTP 2019. «Problems of Enterprise Development: Theory and Practice» https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10007/10525/article_10007_10525_pdf_100.pdf

Библиография

- Аграрная история XX века: историография и источники / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара: «Самарский университет», 2014. 468 с.
- Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука, 1980. 240 с.
- Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в XX веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 208 с.
- Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М.: Наука, 1980. 241 с.
- Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука, 1984. 232 с.
- Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX век), М.: Наука, 1969. 394 с.
- Бабашкин В.В.* Современные проблемы крестьяноведения // Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию университетского исторического образования в г. Самаре. Самара, 12 декабря 2019 г. / под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, Е.П. Бариновой, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой, Ю.Н. Смирнова, А.А. Бельцера. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 14–24.
- Белянова Е.В., Комлев С.Л.* Проблемы экономической динамики в творчестве Н.Д. Кондратьева // *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / под ред. Л.И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. 526 с.
- Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сб. статей к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. 475 с.
- Грузинов А.С.* Экономический коллапс в 1917 г.: последствие длительной войны или результат революции? // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2018.
- Давыдов М.А.* О стереотипах традиционной историографии // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург: «Альфа Принт», 2019. С. 59–65.
- Иванова О.Н., Тагирова Н.Ф., Лунин И.А., Трубецкая О.В.* Фундаментальная трансформация аграрного сектора России (1906–1932 гг.) // 18th International Scientific Conference PEDTP 2019. «Problems of Enterprise Development: Theory and Practice» // https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10007/10525/article_10007_10525_pdf_100.pdf.
- Китанина Т.М.* К вопросу об аграрном законодательстве Павла I в 1796–1801 годах // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 24 / отв. ред. В.Н. Никулин. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. С. 63–82.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля в России в конце XIX — начале XX века. Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. 608 с.
- Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / под ред. Л.И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. 526 с.
- Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
- Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. Сб. документов / отв. ред. А.М. Анфимов. М.: Наука, 1998. 368 с.
- Кузнецов И.А.* Аграрный вопрос и аграрная политика Н.Д. Кондратьева // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2018. 448 с.
- Кузнецов И.А.* Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX — начало XX века. М.: «Дело», 2018. 390 с.
- Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 110 с.
- Макашева Н.А.* Биографический очерк // *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / под ред. Л.И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. С. 6–20.
- Нарыкова Н.М.* Международные инструменты защиты аграрных интересов России накануне Первой мировой войны // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 24 / отв. ред. В.Н. Никулин. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. С. 157–164.

- Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: Наука, 2009. 192 с.
- Региональное измерение аграрной модернизации в России. Материалы VIII Всероссийской (XVI региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск. 16–17 сентября 2020 г.). Саранск, 2020. 664 с.
- Русина Ю.А.* Методология источниковедения. М.: «Юрайт», 2020. 203 с.
- Рынков В.М.* Хлебный рынок Сибири в конце XIX — начале XX в. // Сибирская деревня. Вып. 4. Зерновая проблема в XX в. Сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск: Сибиринт, 2017. С. 140–152.
- Тимофеев Д.М.* «Между общим и частным благом»? Методология изучения экономических стратегий поведения «свободных состояний» в России в XIX в. // Исторические вызовы и экономическое развитие России: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург: «Альфа Принт», 2019. С. 104–107.
- Фигуровская Н.К., Симонов В.В.* Н.Д. Кондратьев и российская экономическая наука чрезвычайного времени // *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 3–84.
- Христофоров И.А.* Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е — начало 1890-х гг.). Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2015. 51 с.
- Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избр. труды / под ред. Л.И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. 492 с.

Summary

Natalia D. Borshchik

Customs authorities of the Crimean peninsula at the end of the 18-first half of the 19th century: activities, personnel, trade

Summary. Studying various aspects of the activities of Russian customs is one of the important tasks facing modern society and the state: the search for new economic levers logically leads to the restoration of the functions of customs authorities as a regulator of foreign economic relations, stabilization of the financial system, etc. The events of the “Russian Spring” in 2014 returned the Crimean peninsula to the Russian Federation. Complex integration processes, the problems of adapting to the modern Russian realities not only of power structures of all levels, but also of Crimean society as a whole, force us to turn to the historical experience of state-building, the interaction of political and social institutions of society, so it is appropriate to draw a certain historical parallel between the events of more than two hundred years ago and the present time. Crimea, which for several centuries played a key role in the country’s domestic and foreign trade in the Azov-Black Sea region, needs to revive its position in modern Russian reality.

The main purpose of this article is to study the customs authorities that existed in Crimea at the end of the 18th — middle of the 19th centuries, including an analysis of the personnel, material, technical and financial support, the main areas of activity in general and their contribution to the socio-economic development of the region.

Direct sources were documents stored in the Russian State Historical Archive (RGIA) and the State Archive of the Republic of Crimea (GARK). The documents of the local history departments and departments of the rare book of the largest Crimean libraries — the scientific library named after A.H. Steven “Tavrika”, the scientific library named after I. Franco, the scientific library of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol.

Keywords: Russian Empire, 19–20 centuries, Crimean peninsula, Customs authorities, Customs policy

Zhang Guangxiang

Transportation of basic goods on Volga and Russian economic development in the period of modern history (1850–1913)

Summary. Economic development of a country in general and growth of its cargo transportation in particular closely relate to improvement of transport infrastructure. In late Imperial Russia a lion share of inner cargo transportation was exercised on Volga-river. Up to railway construction boom water and horse-drawn transports met the needs of national economy. The development of water transport on Volga and its basin led to growth of the commodity market of the European part of the country, evolution of the shipbuilding industry and rapid development of city life, municipal economy as well as of agriculture and agricultural industry.

Keywords: Russia, Volga, Water transport, Basic goods, Transportation

Alexander A. Bessolitsyn

Management of electrotechnical companies in Russia during the modernization of economy at the edge of 19–20 centuries

Summary. The article is devoted to a poorly explored problem related to the activity of the management of joint-stock companies in Russia at the edge of 19–20 centuries. The author focused on the analysis of the activity of management personnel of joint-stock companies, since this form of private capital consolidation becomes the major one during the transformation for economic modernization, at that, the main attention is drawn to electrotechnical enterprises. This branch of industry, being innovative for Russia, developed most rapidly in the given conditions.

Unlike other works, where this problem was explored mostly on macro level, in this article the author considers the activity of the whole electrotechnical sector mentioned in the digest: “Joint-stock companies in Russia according to the official data of the Ministry of Trade and Industry and Ministry of Finance”, which contains the information on the joint-stock companies of this sector working in Russia. This source helped the author to reveal the quantitative and to a certain extent qualitative composition of the top-management of electrotechnical enterprises, show the condition of the main capital, amount of profit and dividends paid to the shareholders and partners annually, as well as conduct an analysis of the results of their activity in comparison with other joint-stock companies.

It is shown in the article that top-management, especially those part of its, which had relevant education (engineers-electrics, engineers-technologists, etc.), apart from performing their direct duties, took part in the activity of professional social organizations, which were widely developed at the beginning of the 20 century, including the work of all-Russia electrotechnical congresses. The negative moment in the development of the branch of industry was the practice of combining the activity of people being at a high position in the state hierarchy with participating in establishment and management of various industrial companies, which was widely used in this sector.

Keywords: Electrotechnical industry. S.Yu. Vitte, Joint-stock companies, Top-management, Dividend, Main capital, Practice of combining activities, All-Russia electrotechnical congresses, Engineers-electrics

Elena V. Godovova

Economic everyday life of the Cossacks (second half of the 19th — the beginning of the 20th century)

Summary. This article, devoted to the study of the economic everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th and early 20th centuries, is written on the basis of archival (RGIA, RGVA, GAOO, GARO) and published sources: ethnographic descriptions, periodicals, and sources of personal origin.

The object of the research is the Russian Cossacks, because regardless of the geographical location of the Cossack troops and the features of their formations (“from below” spontaneously or “from above” by the government), there is a similarity in the everyday life of Cossacks.

Characterizing the economic everyday life of Cossacks, the author of the article concludes that the closed Cossack community as a system and the traditionalism characteristic of Cossacks objectively did not correspond to rapidly developing capitalist relations, giving rise to problems of an economic nature. Agronomic innovations were introduced with great difficulty, mainly through the efforts of the military government. The severity of military service and the low level of agronomic culture of the Cossacks led to economic decline and social stratification of Cossack communities. The resources available to the Cossacks were gradually depleted, the costs required for military service and daily life increased. The situation of the Far Eastern Cossacks was especially disastrous.

Keywords: Cossacks, Cossacks, Everyday life, Economic everyday life, Cossack economy

Dmitriy V. Didenko

Dynamics and institutional sources of human capital accumulation in Russia's regions (19th — early 20th centuries)

Summary. This study is focused on processes of human capital formation in the regions of the European part of the Russian Empire at the stages of accumulation of a critical mass of resources, direct preparation and launching of ‘modern economic growth’. The study is based on annual governors’ reports.

The quantitative evidence presented supports the argument that the processes of human capital formation spread unevenly, although with comparable pace. In the zemstvo provinces they were on more active track. Based on these data we constructed our dynamic model of institutional structure of the sources of human capital formation. Since the late 1860s to the 1900s the first place in this respect belonged to the zemstvos. But in the early 1910s the central government took it over as regards education financing. At the same time in the field of health care its activities appeared to be significantly lower and could lead to shrinking of its share of financing in certain periods.

Keywords: Annual governors’ reports, Long time series, Modernizat Industrialization, Institutions, Public finance, Education, Health care

Evgeniy Yu. Roukosouev,

Georgiy N. Shoumkin

Industrialization processes in the gold-platinum industry of the Urals in the late 19 — early 20 centuries

(based on statistics from the Mining Scientific Committee)

Summary. The article discusses the processes of technical and technological development of the gold-platinum industry of the Urals at the turn of the 19–20 centuries. Three types of gold mined in the Urals are examined: gangue, alluvial and chemical. For each of these types of gold, changes in the methods of extraction and extraction of gold from gold-bearing rocks are shown. It is concluded that in the technological processes of precious metals mining in the Urals there was a process of industrialization of the industry.

Keywords: Gold mining industry of the Urals, Industrialization, Scientific and technological revolution

Galina N. Ulianova

Textile entrepreneurs Zimins and their family firms: cotton textile manufacture and trade. 1810–1918

Summary. This article focuses on the issue of family firms in nineteenth-century Russia, exploring the history of textile entrepreneurs Zimins over the course of four generations. Their four factories were located in the village of Zuevo and its neighbourhood in Bogorodsk district of Moscow province. Employing the microhistorical method and drawing on various archival and published sources as industry and trade statistics inventories, merchants' registers (since 1838 to 1912), industrial and trade exhibitions surveys, diaries and memoirs, this article analyses a business activity of Zimins merchant family. The essay chronologically covered a long period within the Russia industrialization from the beginning of the nineteenth century until 1918, when the factories were nationalized.

Keywords: Entrepreneurship, Merchants, Industry, Trade, Textile factories, Imperial Russia, Moscow, Bogorodsk, Old Believers.

Yaroslav A. Vasilyev

Evolution of regional credit institutions (on the example of Novgorod province of the 19th — early 20th centuries)

Summary. The article covers the activities of credit institutions of the Novgorod province (early 19 — early 20 centuries): branches of State, Peasant land and United banks, city public banks and pawnshops, mutual credit societies, savings and loan partnerships, etc. The study of their activities is carried out in the context of the main processes of economic policy in this period. In this regard, the pre-reform estates of credit institutions (the order of public charity, the peasants' Bank of A.A. Arakcheev, volost and possession banks) are considered as a separate group, which is a typical example of institutions that functioned in a feudal-serf economy. Highlights the goals and objectives of their activities, a place in the domestic system of credit institutions, conditions of work, immediate results and impact on the economic life of the province, relations with the authorities. Special attention is paid to the composition of clients and staff of the studied institutions, first of all, their management.

Keywords: State Bank, Peasant Land Bank, United Bank, Municipal public banks, Pawn shops, Mutual loan associations, Savings and loan associations, Credit societies

Mikhail A. Feldman

Due to the mismanagement of the business, the principles of self-financing were completely undermined (a new look at the events of the First all-Union conference of workers of socialist industry, January 30 — February 4, 1931)

Summary. The article deals with the discussion at the First all-Union conference of workers of socialist industry on January 30 — February 4, 1931, as a particular moment of the collision of two main components of the vectors of Soviet history: the implementation of the industrial project and the utopian way of forced “socialist construction”. The leadership of the USSR, having discovered and realized the scale of the crisis in the economy, was forced to turn to the opinion of the Director’s corps on ways to correct the situation. Analysis of the speeches of the conference participants allows us to draw the following conclusions: the conference did not lead to an increase in the authority of Stalin: his name was not in the debate at all, and this was a hidden signal to the country’s leadership. The speeches of business leaders, and, to a much lesser extent, the carefully edited resolutions of the conference, were aimed at correcting economic policy, but not at blindly supporting it. The conference was one of the first events of the course, «mini-reforms», which is developing gradually, as a chain of individual inconsistent and contradictory decisions.

Keywords: Party, Conference, Socialism, Economy, Self-financing, Agriculture, Industrialization, Industrial party, Report, Discussion

Yuriy V. Yevdoshenko

Foreign economic projects of the Stalin era: Xinjiang oil and the Soviet Union, 1935–1955

Summary. The article is devoted to the history of the Soviet-Xinjiang project for prospecting, production and processing of oil in the territory of modern Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC in 1935–1955. The author tries to consider it in the context of Soviet geopolitical and economic interests, trying to deduce the topic from the «imperial discourse». He writes about the motives, contradictions and results of the project and, based on a wide range of sources, sheds light on the little-studied aspects of the USSR’s foreign economic activity in Northwest China: the first projects of mining concessions, the gradual transformation of the USSR’s trade activities into systemic socio-economic and technical assistance to Xinjiang, part of which was the «oil project», the economic significance of the oil produced there for the USSR and Xinjiang, the evolution of the oil enterprise from the Xinjiang «government» oil field to the Soviet-Chinese joint-stock company «Sovkitneft». The role of Stalin in this project, the interdepartmental contradictions of the Soviet people’s commissariats involved in it are described separately.

Keywords: USSR, China, Xinjiang, Stalin, Shen Shitsai, Foreign economic activity, “Oil imperialism”, Concessions, Joint ventures, Geological exploration, Oil production, Bureaucracy, People’s commissariats, Conflict of interests, Tushangzi (Dushangzi) Oil company, Joint-stock company “Sovkitneft”

Mikhail Yu. Moukhin

Mobilization preparation of the USSR railways in 1927–1935

Summary. 1927–1935 became period of the formation of a system of mobilization preparation of the Soviet economy for functioning in war conditions. This article is devoted to the analysis of mobilization training of the Soviet railways in the most important areas: providing military transport and transportation in the interests of the economy as a whole during the war; preparation for the repair of railway infrastructure facilities destroyed during the fighting; the formation of ambulance trains, and food items; as well as preparation for repelling enemy air raids and the accumulation of mobilization reserves. The work is based on materials from the State Archive of the Russian Federation, first introduced into scientific circulation.

Keywords: Mobilization training, Industrialization, The history of Stalinism, Planned economy, The history of railways, Railway transport

Mikhail A. Simonov

Development of heavy industry in the USSR according to the General Economic Plan for 1951–1970

Summary. This article is dedicated to the analysis of plans for the development of heavy industry in the General economic plan of the USSR for 1951–1970. It was prepared by Gosplan in 1947–1949 and was designed to build communism in the USSR during 20 years. The theoretical model on which the master plan was based was a two-sector model of economic growth proposed in the second half of the 1920s by economist A.G. Feldman. It assumed priority investment of funds in heavy industry, focused on the production of means of production, in order to move in the long term to the accelerated development of light industry, aimed at the production of consumer goods. In the post-war period, the difficulty in applying this model caused by the double challenge. On the one hand, global competition with the United States in the beginning of the Cold War required the investment of a large amount of resources in the military-industrial complex, which reduced the opportunity for investment in civilian sectors of the economy. On the other hand, in the second half of the 1940s, the limits of further extensive development of the Soviet economy were clearly defined. The prepared General economic plan of the USSR for 1951–1970 outlined only some measures for the intensification of heavy industry. However, these proposals were not accepted for implementation in the second half of the 1940s. It was only after the death of I.V. Stalin that the new leadership of the country tried to push away these proposals while pursuing a reformist course. The work is written using the materials of the Russian State Archive of Economy and Russian State Archive of Socio-Political History.

Keywords: Late stalinism, Heavy industry, General economic plan, Model of A.G. Feldman

Roman G. Kirsanov

Privatization in Russia in the 1990s: difficulties and contradictions in the formation of the institution of private property

Summary. The article is devoted to the analysis of privatization processes in the Russian Federation in the 1990s. Privatization as a vivid example of the transformation of the property institution in Russia during this period, as in other post-socialist countries, was not just the creation of a private business sector in the economy, but was also one of the most significant areas of institutional transformation in the Russian transition society. Despite this, the article notes that the privatization carried out in the country was not the result of deep scientific research, it was not accompanied by public control or control by the media. Bifurcation points and, consequently, alternative models for implementing the policy of denationalization of property were not properly analyzed. As a result, the course of privatization significantly deviated from the goals initially stated by the government and the President, which led to a certain decline in the economy, loss of confidence in the ongoing course of reforms and increased social tension. At the same time, the author emphasizes the important role of privatization in restoring the institution of private property in Russia.

Keywords: Privatization, Denationalization of property, Privatization checks, Vouchers, Joint-stock companies, Investment funds

Viktor V. Kondrashin

Agriculture of Russia and the agrarian policy of the autocracy in the late 19 — early 20 centuries

Summary. The article describes the features of the development of agriculture in Russia and the agrarian policy of the autocracy in the late 19th — early 20th centuries (before the start of the First World War), as well as a discussion on this topic in Russian and foreign historiography. It is concluded that this topic, despite the undoubted success in its study, needs further research, especially at the regional level. Based on the analysis of various sources, it was concluded that in the period under review, the main content of the development of the country's agriculture was its market modernization (capitalization). The entire agrarian policy of the autocracy was directed at its implementation. The results of this modernization turned out to be contradictory: successes were combined with serious crisis phenomena in areas dominated by large landowners.

Keywords: Russia, Agriculture, Agrarian policy, Autocracy, Agrarian crisis, Harvest statistics, “Hungry exports”

Olga M. Verbitskaya

Agricultural policy in Russia in the 1990s.

Summary. The article examines the main direction of state policy in rural areas in the 1990s — market agrarian reform. It is noted that its first concept provided for the gradual implementation of transformations, for a period of at least 10 years. However, under the pressure of Western experts, it was necessary to make significant changes in the course of the reforms, which were already carried out very radically and in a forced time frame. It is shown that among the main methods of market transformations, price liberalization, denationalization and privatization of land, distribution of land shares to farmers, transfer of enterprises to market forms of work, etc. The Author concludes that these transformations were mainly carried out in rural areas purely formally, so they did not achieve their true goal. It is clear that the state was wrong to rely on the farming system, which, in its opinion, should have been engaged in by the majority of farmers. In reality, these hopes have failed. The real share of farmers in the rural population and agricultural production turned out to be minuscule; and more than half of all agricultural sector products were produced by subsidiary farms, which were significantly replenished by the villagers who lost their jobs. In conclusion, the article concludes that the agrarian reform did not fulfill its tasks, but, on the contrary, actually ruined agriculture: the country's acreage has sharply decreased, production has fallen by more than half, and the level of labor mechanization in the industry has decreased by about 1/3. All this convinced of the complete failure of the state's agricultural policy in the 1990s.

Keywords: Agrarian and land reform, Multi-structured rural economy; Reorganization of agricultural enterprises, Privatization and distribution of land shares, Private farmsteads of rural residents, Farms, Efficiency and mechanization of agricultural production

Vladimir N. Kostornichenko

Main Trends of the “Frontier” Studies in the Western Historiography

Summary. The article provides a review of the Western academic literature on the issue of “frontier”, examines a scope of this term and its evolution, the adoption of the perception of the economic frontier as a separate area of historical-economic science, and identifies major scientific trends in the study of this issue. The work points out at the relevance of frontier's topic, traces a close connection between the study of a frontier and a state policy and with contemporary political discourse presented by The Project 1619. The comprehensive study of the Western literature carried out by the author made it possible to give a brief description of each of the basic approaches that have developed in the modern studies of the problem of the «frontier», and to classify them.

Keywords: Frontier, Border, History of colonization, Frederick Turner, Western historiography, Project 1619

Nailja F. Tagirova

Historiographic sources on the agrarian history of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries

Summary. The article examines the contribution of Soviet agrarian historians to the study of plots in the history of the late Russian Empire. The author shows a wide and varied source base, the methodological basis of research by A.M. Anfimov, N.M. Druzhinin, I.D. Kovalchenko, A.S. Nifontov. The author proposes to consider the long-term discussion of the level of agrarian capitalism in Russia completed and proposes to analyze the development of agriculture in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries. in the context of the concept of the agrarian coup.

Keywords: Russian Empire, Agrarian history, Agrarian capitalism, Agrarian revolution, Agricultural modernization

Содержание

Предисловие	3
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
<i>Борщик Н.Д.</i> Таможенные органы Крымского полуострова в конце XVIII – первой половине XIX века: деятельность, кадры, товарооборот	9
<i>Чжан Гуансян.</i> Перевозка основных товаров по Волге и экономическое развитие России в период новой истории (1850–1913 гг.)	21
<i>Бессолицын А.А.</i> Менеджмент электротехнических компаний в России в условиях модернизации экономики на рубеже XIX–XX вв.	58
<i>Годовова Е.Е.</i> Экономическая повседневность казаков (вторая половина XIX – начало XX вв.)	82
<i>Диденко Д.В.</i> Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. – начало XX в.)	107
<i>Рукосуев Е.Ю., Шумкин Г.Н.</i> Процессы индустриализации в золотоплатиновой промышленности Урала в конце XIX – начале XX века (по материалам статистических обзоров Горного ученого комитета)	150
<i>Ульянова Г.Н.</i> Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы	170
ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И БАНКОВСКОГО ДЕЛА	
<i>Васильев Я.А.</i> Эволюция региональных кредитных учреждений (на примере Новгородской губернии XIX – начала XX в.)	207
ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ	
<i>Фельдман М.А.</i> «Благодаря бесхозяйственному ведению дела принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными» (Новый взгляд на события Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января – 4 февраля 1931 г.)	251
<i>Евдошенко Ю.В.</i> Внешнеэкономические проекты сталинской поры: нефть Синьцзяна и Советский Союз (1935–1955 гг.)	264
<i>Мухин М.Ю.</i> Мобилизационная подготовка железных дорог СССР в 1927–1935 гг.	319
<i>Симонов М.А.</i> Развитие тяжелой промышленности в СССР по генеральному хозяйственному плану на 1951–1970 гг.	363
<i>Кирсанов Р.Г.</i> Приватизация в России в 1990-е гг.: сложности и противоречия формирования института частной собственности	380
АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Кондрашин В.В.</i> Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX – начале XX вв.	409
<i>Вербицкая О.М.</i> Аграрная политика в России 1990-х гг.	462
ИСТОРИОГРАФИЯ	
<i>Косторниченко В.Н.</i> Основные тенденции в исследовании проблематики «фронтира» в западной историографии	489
<i>Тагирова Н.Ф.</i> Аграрная экономика России второй половины XIX – начала XX вв.: источники, исследования, итоги изучения	504
Summary	524
Содержание	530
Contents	531

Contents

Editorial notes	3
ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE	
<i>Natalia D. Borshchik</i> . Customs authorities of the Crimean peninsula at the end of the 18 – first half of the 19th century: activities, personnel, trade	9
<i>Zhang Guangxiang</i> . Transportation of basic goods on Volga and Russian economic development in the period of modern history (1850–1913)	21
<i>Alexander A. Bessolitsyn</i> . Management of eletrotechnical companies in Russia during the modernization of economy at the edge of 19–20 centuries	58
<i>Elena V. Godovova</i> . Economic everyday life of the Cossacks (second half of the 19 – the beginning of the 20 century)	82
<i>Dmitriy V. Didenko</i> . Dynamics and institutional sources of human capital accumulation in Russia's regions (19th – early 20th centuries)	107
<i>Evgeniy Yu. Roukosouev, Georgiy N. Shoumkin</i> . Industrialization processes in the gold-platinum industry of the Urals in the late 19 – early 20 centuries (based on statistics from the Mining Scientific Committee)	150
<i>Galina N. Ulianova</i> . Textile entrepreneurs Zimins and their family firms: cotton textile manufacture and trade. 1810–1918	170
THE HISTORY OF FINANCE AND BANKING	
<i>Yaroslav A. Vasilyev</i> . Evolution of regional credit institutions (on the example of Novgorod province of the 19th – early 20th centuries)	207
THE HISTORY OF THE SOVIET AND POST-SOVIET ECONOMY	
<i>Mikhail A. Feldman</i> . Due to the mismanagement of the business, the principles of self-financing were completely undermined (a new look at the events of the First all-Union conference of workers of socialist industry January 30 – February 4, 1931)	251
<i>Yuriy V. Yevdoshenko</i> . Foreign economic projects of the Stalin era: Xinjiang oil and the Soviet Union, 1935–1955	264
<i>Mikhail Yu. Moukhin</i> . Mobilization preparation of the USSR railways in 1927–1935	319
<i>Mikhail A. Simonov</i> . Development of heavy industry in the USSR according to the General Economic Plan for 1951–1970	363
<i>Roman G. Kirsanov</i> . Privatization in Russia in the 1990s: difficulties and contradictions in the formation of the institution of private property	380
THE AGRICULTURAL HISTORY	
<i>Viktor V. Kondrashin</i> . Agriculture of Russia and the agrarian policy of the autocracy in the late 19 – early 20 centuries	409
<i>Olga M. Verbitskaya</i> . Agricultural policy in Russia in the 1990s	462
HISTORIOGRAPHY	
<i>Vladimir N. Kostornichenko</i> . Main Trends of the «Frontier» Studies in the Western Historiography	489
<i>Nailja F. Tagirova</i> . Historiographic sources on the agrarian history of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries	504
Summary	524
Содержание	530
Contents	531

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2020

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: М.И. Бьлхова
Макет и оформление: Я.В. Быстрова

Подписано к печати 15.04.2021 г.
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,25. Уч.-изд. л. 34,9.
Тираж 500 экз. Первый завод 300
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 3; 953000 — книги, брошюры
